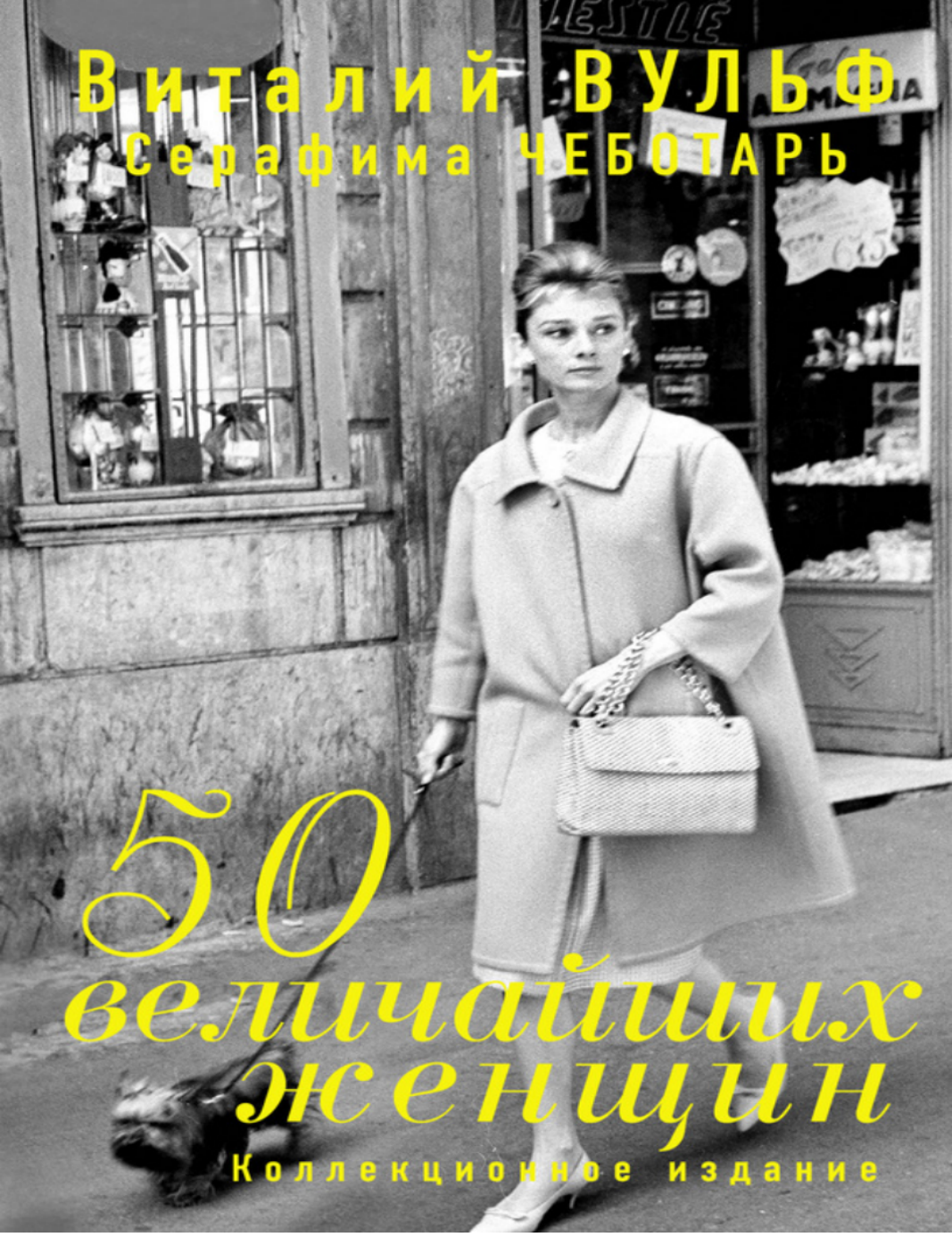


Виталий ВУЛЬФ

Серафима ЧЕБОТАРЬ

50 величайших женщин

Коллекционное издание

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самое полное иллюстрированное издание культовой книги знаменитого телеведущего. Дань светлой памяти величайших женщин XX века, слава которых с годами не меркнет, а становится все ярче. Портретная галерея незабываемых звезд экрана и подиума, театра и балета, литературы и политики.

Фаина Раневская и Любовь Орлова, Коко Шанель и Грейс Келли, Одри Хепберн и Мэрилин Монро, Анна Павлова и Галина Уланова, Марина Цветаева и Анна Ахматова, Гала Дали и Фрида Кало, Эдит Пиаф и Мария Каллас, Грета Гарбо и Марлен Дитрих, Вирджиния Вульф и Франсуаза Саган, Жаклин Кеннеди и принцесса Диана.

Ими восхищались художники. Их воспевали поэты. Они царили в кино и блистали на сцене, творили искусство и вершили историю. Эти несравненные женщины определили лицо своей эпохи. Они – гордость и слава XX столетия, которое не зря величают Женским Веком!

- Виталий Вульф, Серафима Чеботарь
  - Женское лицо России
    - От автора
    - Театр
      - Ольга Книппер-Чехова
      - Лидия Коренева
      - Алла Назимова
      - Ангелина Степанова
      - Мария Бабанова
      - Фаина Раневская
    - Кино
      - Вера Холодная
      - Любовь Орлова
      - Марина Ладынина
      - Ольга Чехова
      - Валентина Серова
      - Людмила Целиковская
      - Алла Ларионова
    - Балет
      - Матильда Кшесинская
      - Анна Павлова
      - Ида Рубинштейн
      - Галина Уланова
    - Музы и жены

- Наталия Гончарова
- Любовь Менделеева-Блок
- Ирина Юсупова
- Ольга Глебова-Судейкина
- Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг
- Зинаида Райх
- Елена Дьяконова – Гала

- Литература
  - Зинаида Гиппиус
  - Анна Ахматова
  - Марина Цветаева
  - Эльза Триоле
- Политика
  - Императрица Мария Федоровна
  - Инесса Арманд
  - Александра Коллонтай
  - Лариса Рейснер
  - Екатерина Фурцева
  - Раиса Горбачева

- Женское лицо Запада
  - От автора
  - Мария Склодовская-Кюри
  - Коко Шанель
  - Вирджиния Вулф
  - Грета Гарбо
  - Уоллис Симпсон
  - Марлен Дитрих
  - Фрида Кало
  - Эдит Пиаф
  - Мэрилин Монро
  - Мария Каллас
  - Грейс Келли
  - Одри Хепберн
  - Жаклин Кеннеди-Онассис
  - Франсуаза Саган
  - Принцесса Диана

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь 50 величайших женщин. Коллекционное издание

Женское лицо России

От автора

Эта книга – не собрание случайных очерков, а сборник жизнеописаний, имеющий сквозной сюжет. Здесь собраны портреты знаменитых актрис, кинозвезд, балерин, женщин-литераторов и женщин-политиков XX века, оставшихся в отечественной культуре и истории навечно.

Они блистали в разные эпохи, но их судьбы, их лица, их талант не только памятны до сих пор, но и поныне востребованы и поразительно современны, что есть признак сдвига Времен. Как говорится, времена меняются, мы меняемся, но с годами это становится смыслом.

Эта книга о тех, кто определил собой ЖЕНСКОЕ ЛИЦО РОССИИ.

Первая часть– о великих актрисах, которые отдали свою жизнь сцене и своим творчеством навсегда изменили людей вокруг себя, – таких, как Ольга Книппер-Чехова и Лидия Михайловна Коренева, служившие еще в дореволюционном Художественном театре; Ангелина Степанова, пришедшая во МХАТ в начале двадцатых годов; Алла Назимова, игравшая в Художественном театре в год его открытия, а затем, оказавшись в США, ставшая знаменитейшей американской актрисой; гениальные Мария Бабанова и Фаина Раневская, некоторое время работавшие в одной труппе Московского театра драмы (ныне именуемого Театром имени Маяковского), – но Бабанова, начинавшая еще у Мейерхольда, играла на сцене этого театра всю жизнь, даже когда он назывался Театром Революции, а Раневская имела страсть переходить из труппы в труппу, пока в 1963 году не осела в Театре имени Моссовета, где и проработала 21 год.

Атмосфера жизни в двадцатом веке менялась очень часто, определялись широкие культурные движения в сторону освоения модернизма – в сторону Прокофьева, Мейерхольда, Стравинского, – но в театральной жизни преобладали идеи Станиславского и Немировича-Данченко, которые первыми угадали роль подтекста – не только на сцене, но и в жизни людей нового века. «Подтекст есть то, что поддерживает связи между людьми. Текст может разрушить эти связи, подтекст может их восстановить, – писал критик Вадим Гаевский. – Из такого понимания подтекста возникли знаменитые паузы Художественного театра».

Под влиянием идей Станиславского актрисы, о которых рассказано в этой книге, четко представляли себе внутренний мир человека и играли его с редкой глубиной и тонкостью. Они

были людьми мечты и реального дела. Умели не вспоминать прежних обид и подчинять себя сцене. Это приносило им огромный успех, признание и особое положение. Они искали правды и понимали все линии романтизма, символизма, импрессионизма только как средство найти в роли и донести до зрителя дух истины и высокие человеческие мысли. Они и сами достигли небывалых высот, и в этом был источник их личных драм, соединений и разрывов… В их биографиях сплелись творческие удачи и семейные неурядицы, нападки прессы и любовь зрителей, мужское внимание и коварство самого главного врага каждой женщины – Времени, достойно бороться с которым надо уметь.

Вторая часть книги посвящена «звездам» экрана. Любовь Орлова, Марина Ладынина, Валентина Серова, Людмила Целиковская, Алла Ларионова, «королева» немого кино Вера Холодная и Ольга Чехова, родная племянница О.Л. Книппер-Чеховой, оказавшаяся в начале двадцатых годов прошлого века в Германии и ставшая любимой актрисой фюрера… Каждая из них имела свою судьбу, свой домашний рок, слагавшийся из случайностей и закономерностей, все они стали частью черно-белой кинематографической сказки, персонажами заэкранного мифа – хотя далеко не все к этому стремились, порой это случалось как бы само собой, вследствие перипетий их экранной и жизненной драмы. Сенсации сопровождали их всю жизнь; серьезное, смешное и пошлое смешивалось воедино, и популярность порой отнимала их у искусства…

Сегодня, когда успех фильмов полностью зависит от кассы, а «звезды» зачастую являются продуктом публичности как таковой, будучи непомерно «раздуты» рекламой, но ничего не имея за душой, – на этом тусклом фоне «звезды экрана» двадцатого века снова загорелись, как неоновые огни реклам, и заставили вновь говорить о себе. Пример тому – телевизионный фильм о Валентине Серовой «Звезда эпохи», снятый через тридцать лет после ее смерти и обязанный популярностью только магии имени и судьбы этой незабываемой актрисы.

Конечно, сегодня уже никто не стоит за билетами ночи напролет, спектакли не возводятся, как прежде, подобно зданиям, на прочном фундаменте, всерьез и надолго, и никто из нынешних «звезд»-однодневок не способен навсегда удержать интерес зрителя, как это было в двадцатом веке. Но театр по-прежнему любим, и ажиотажный спрос существует, как существуют и наглые перекупщики, иномарки и толпы у театральных подъездов. Казалось бы, ничего не изменилось – кроме одного. Великие «Три сестры», поставленные Немировичем-Данченко еще

в 1940 году, как ни странно, звали к будущему. Сегодняшние «модные режиссеры» в будущее не зовут – они лишь «выражают себя», не имея никакого творческого фундамента, оттого так много вокруг театральной дребедени с голыми попками, псевдоэротическими сценками и той псевдосексуальностью, которая привлекает – вернее, отвлекает – неискушенного зрителя, но не способна подарить тех женских образов и тех женщин, что потрясали и завораживали мир совсем недавно.

Нынешний зритель пресыщен театральным китчем и кинофантазиями, выполненными на высочайшем техническом уровне, но совершенно пустыми и бездушными; зритель устал от плоских комиксов, криминальных «саг» и дутых сенсаций, от ухищрений пластической хирургии, превратившей нынешнюю поп-культуру в галерею искусственных масок, – поэтому ЖИВЫЕ ЛИЦА двадцатого века сегодня вновь привлекают внимание публики, вызывая необычайный интерес… А их судьбы – счастливые и не очень, известные и забытые – служат образцами, по которым строят свои жизни, по которым учатся избегать ошибок и падений…

Третья часть книги посвящена «звездам» балета – гениальной Анне Павловой и Матильде Кшесинской, Иде Рубинштейн и Галине Улановой. Балеты всегда поэмы молчания. Мир возвышенной красоты всегда был и остается явлением высокой культуры. Но сегодня балет тоже изменился, что естественно. Достаточно посмотреть балет «Болт» на музыку Шостаковича в Большом театре, поставленный Алексеем Ратманским, чтобы понять, что хореограф тяготеет к тому «модерну», который можно увидеть в любом закоулке Европы. А ведь прежде Мариинка и Большой, знаменитые «Дягилевские сезоны» дарили красоту и таинственные гармонии. Артистические возможности Анны Павловой и Матильды Кшесинской, казалось, не имели предела. Они стали легендами на века. Ида Рубинштейн была героиней «Дягилевских сезонов» – ее Клеопатра и Саломея в постановке Фокина в свое время потрясали зрителей. Галина Уланова была самой загадочной балериной, которую мне посчастливилось увидеть. В ней пленяли волнующая отдаленность и поэтический мир. После ее танца хотелось жить…

… о музах и женах, великих спутницах великих людей: Наталья Николаевна Пушкина, Любовь Дмитриевна Блок, Ольга Глебова-Судейкина, знаменитая актриса 20 —30-х годов Зинаида Райх, которую любили Сергей Есенин и Всеволод Мейерхольд, Елена Дьяконова, известная всему миру как Гала, жена Сальвадора Дали, княжна Ирина Юсупова и величайшая авантюристка, умнейшая Мария Игнатьевна Закревская, бывшая

последней спутницей Горького, который посвятил ей роман «Жизнь Клима Самгина». Все эти имена остались в русской культуре. Прозаические подробности их жизни захватывают не меньше, чем творения их великих мужей. Лирика существовала внутри домашнего обихода.

Атмосфера жизни меняется на глазах, определились новые культурные движения, кончилась эпоха трагических противостояний, как грибы после дождя появились новые имена актеров, режиссеров, рок-певцов, художников, но с подмостков жизни не уходят те знаменитые женщины, которым посвящена эта книга. Они оказались несменяемым реквизитом документальной литературы. Прошло много лет, как они исчезли с лица земли, но при всей изменчивости настроений публики она гораздо меньше обольщается новыми именами, чем портретами тех, о ком написаны очерки, вошедшие в этот том.

Вслед за музами идет раздел о женщинах-литераторах – Анне Ахматовой, Зинаиде Гиппиус, Эльзе Триоле, гениальной Марине Цветаевой. Как писал когда-то муж Цветаевой, трагически погибший Сергей Эфрон: «Отдаваться с головой своему урагану стало для нее необходимостью, воздухом ее жизни. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая – все обращается в пламя».

Имя ее сегодня воспламеняет души и сердца миллионов людей. Она прожила страшную жизнь. Достаточно прочесть ее записку незадолго до самоубийства: «Я не хочу умереть. Я хочу не быть. Вздорю. Пока я нужна, но, Господи, как я мала, как я ничего не могу! Доживать-дожевывать. Горькую полынь.

Сколько строк миновавших! Ничего не записываю. С этим кончено».

Она ушла, как и жила. Французский писатель Анри Труайя (русского происхождения) закончил биографию Цветаевой словами: «Марина, с ее пугливой гордыней, не могла бы сама выбрать для себя лучшего финала, чем этот анонимный уход в никуда». Она ушла из жизни в 49 лет. Не появилось ни одной заметки в газетах, над гробом не было сказано ни одного прощального слова. Шла война. Кровь заливала русскую землю, и никому не было дела до самоубийцы, гениального поэта, гениального прозаика, расставшейся с жизнью в далекой Елабуге. На могиле не поставили даже креста, где были бы имя и даты жизни. Место захоронения неизвестно. А имя Цветаевой сегодня будоражит умы. Она стала принадлежностью жизни современного поколения и спустя полвека после гибели оказалась на подмостках публичности, как и великая Анна Ахматова.

Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, писала удивительно точно: «Они были сестрами в поэзии, но отнюдь не близнецами; абсолютная гармоничность, духовная пластичность Ахматовой, столь пленившие вначале Цветаеву, впоследствии стали казаться ей качествами, ограничивавшими ахматовское творчество». «Она – совершенство, и в этом, увы, ее предел», – сказала об Ахматовой Цветаева.

На самом деле все было иначе. Мудрая Анна Ахматова сумела проявить свой великий дар при разных режимах, у Цветаевой были почитатели среди людей противоположных вкусов: тех, кто восхищался ею, что бы она ни писала, и тех, кто упрекал ее в недостатке ясности.

Сегодня они обе – классики русской поэзии, и очень трудно было приравнять к ним Зинаиду Гиппиус и тем более Эльзу Триоле. Но каждая из них имеет свою судьбу, свой домашний рок, слагающийся из случайностей и закономерностей, что и превратило их в миф для всех.

Последняя часть книги рассказывает о женщинах, причастных к политической судьбе своей страны. Это императрица Мария Федоровна, возлюбленная Ленина Инесса Арманд, первая в истории женщина-посол и женщина-министр Александра Коллонтай, Лариса Рейснер, чье имя звонко гремело в двадцатые годы прошлого века, незабываемый министр культуры советских времен Екатерина Алексеевна Фурцева и первая леди СССР Раиса Максимовна Горбачева…

* * *

Эта книга – о незабываемых именах, о тех, кто был божественно непоследователен и возвышенно несправедлив, потому их драматические отношения с окружением складывались загадочно и неожиданно. Большинство этих женщин терзались своей ответственностью перед жизнью. Каждая из них знала любовь и страдания, и с годами маска озабоченности ложилась на их лица. Обеспокоенный дух объединял их всех. Сегодня, на переломе столетий, эти имена вызывают громадный интерес. Очень многие – потерявшие ориентиры, сбитые с толку, обиженные – не находят вокруг идеалов и идолов. Дефицит великих имен повернул нынешнее поколение к прошлому. Уж очень стали надоедать экстравагантные мюзиклы, лакированная эстетика и нескрытая эротика. Мир все равно заворожен тайнами и загадками человеческих судеб, оттого все чемпионы кассы и мастера приключенческого бурлеска отходят в сторону. Все тоскуют о личностях, редких индивидуальностях и манкой женской красоте, помноженной на романтизм. Именно о таких женщинах – великих женщинах XX века – и рассказывает наша

книга.

Виталий Вулъф

Театр

Ольга Книппер-Чехова

«ДОРОГОЙ ХРАМ!»

Имя Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой неразрывно связано с двумя важнейшими явлениями русской культуры: Московским Художественным театром и Антоном Павловичем Чеховым. Художественному театру она отдала почти всю свою долгую жизнь, с момента основания театра и практически до самой смерти. С Чеховым были связаны только шесть лет, но она называла их «самым светлым временем» своей жизни. Это были последние годы Чехова, умершего у нее на руках.

Она прожила очень долгую, насыщенную жизнь, девяносто один год. Родилась Ольга Леонардовна в 1868 году в Вятской

губернии, где ее отец, инженер-технолог, по происхождению эльзасский немец, был тогда управляющим заводом. Ее мать, Анна Ивановна Зальц, была очень одаренной музыкантшей, отличной пианисткой, с прекрасным голосом. Но ее муж не позволил ей пойти ни на сцену, ни в консерваторию. Тогда она посвятила себя семье – сыновьям Константину и Владимиру и дочери Ольге. В 1870 году Книпперы переехали в Москву, и здесь Ольга Леонардовна прожила всю свою жизнь.

Она всегда хотела стать актрисой. Когда дети были маленькими, они ежегодно устраивали спектакли для семьи и знакомых. Сами шили костюмы, рисовали декорации… Но теперь, когда дочь подросла и всерьез захотела связать свою судьбу со сценой, отец категорически запретил ей даже думать об этом. Он хотел, чтобы Ольга стала художницей (даже показывал ее рисунки известному художнику Владимиру Маковскому, с семьей которого Книпперы были знакомы) или переводчицей – она с ранней юности занималась языками, много переводила. Ольга в совершенстве знала английский, французский, немецкий языки…

Ситуация изменилась после внезапной смерти отца. Материальные условия семьи резко ухудшились, надо было зарабатывать на жизнь. Поселившись в целях экономии вместе с братьями матери Карлом и Александром (один был врач, другой – военный), они стали зарабатывать уроками. Мать давала уроки пения (впоследствии она стала профессором пения при школе Филармонического училища); Владимир, тогда студент, репетиторствовал, а сама Ольга давала уроки музыки. Старший, Константин, служил в то время инженером на Кавказе.

Но в Ольге всегда жила мечта о сцене. После смерти отца два лета подряд семья Книппер проводила в Полотняном Заводе – имении Гончаровых, из этого рода происходила жена А. С. Пушкина Наталья Николаевна. Собравшаяся в Полотняном Заводе молодежь, вдохновленная тенью великого поэта, упросила владельцев имения отдать в их распоряжение здание бывшего трактира – бытовала легенда, что там бывал Пушкин. В этом доме устроили импровизированный театр – играли Островского, водевили, устраивали концерты из вокальных номеров… Все это убедило Ольгу в правильности выбранного ею пути, и, вернувшись в Москву, она потихоньку от матери подготовилась к поступлению в драматическую школу при Малом театре. Она поступила туда, прозанималась там месяц – и была отчислена как не сдавшая «проверочный» экзамен. Как выяснилось впоследствии, из числа четырех учениц школы Ольга Книппер была единственной, кто поступил без протекции, – и теперь ее место потребовалось для другой, имевшей сильного покровителя.

Для Ольги Леонардовны это был сильный удар. Она плакала несколько дней. И ее мать, которая раньше была против того, чтобы Ольга шла на сцену, видя отчаяние дочери, через своих знакомых устроила ее поступление в драматическую школу при Филармонии, куда вообще-то прием был уже месяц как прекращен. Поступила Ольга в класс к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко – это определило всю ее дальнейшую судьбу.

Немирович-Данченко сразу оценил талант будущей актрисы, много занимался с ней. Ходили разговоры, что он, известный знаток и ценитель женской красоты, был увлечен ею. Ее же интересовала только сцена, а после занятий она бегала по урокам, чтобы иметь возможность платить за учебу.

В конце 1897 года по Москве стали ходить неясные слухи о скором создании какого-то нового, необычного театра. Его будущий создатель, Константин Сергеевич Станиславский, пришел в Филармонию смотреть репетиции пьесы Карла Гольдони «Трактирщица» – и труппа знала, что их отсматривают для нового театра. Книппер играла в этой постановке Мирандолину – с блеском, темпераментом, с энергией молодости… Через некоторое время Немирович-Данченко объявил Ольге Книппер, а также Маргарите Георгиевне Савицкой и Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду, что они зачислены в труппу будущего театра.

Официально Художественный театр родился 14 (26) июня 1898 года в подмосковном Пушкине, когда члены Общества искусства и литературы, возглавляемого К.С. Станиславским, соединились с выпускниками школы Филармонии во главе со своим руководителем В.И. Немировичем-Данченко. В Пушкине проходили первые репетиции – знакомые Станиславского предоставили в распоряжение новорожденной труппы здание летнего театра, где была только сцена и один ряд стульев. Книппер репетировала в пьесе А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» роль царицы Ирины. Позже начали постановку пьесы А.П. Чехова «Чайка».

Чехов к тому времени был поистине кумиром российской интеллигенции. Как автор рассказов он был известен всей России.

Студенты ходили, не выпуская из рук томики Чехова. Но его талант как драматурга был тогда под большим сомнением. Постановка в Москве его первой пьесы «Иванов» закончилась скандалом, потом с огромным шумом провалилась премьера «Чайки» в Александрийском театре в Петербурге.

В Александринке пьесу ставили «в бенефис», как тогда говорили, известной комической актрисы Елизаветы Ивановны Левкеевой, и публика ожидала, что пьеса будет смешной. Чехова, пытавшегося во время репетиций объяснять актерам смысл пьесы, никто не хотел слушать. Скандал разгорелся с первых сцен спектакля и продолжался до самого конца. Чехов скрылся из зала – и его до утра не могли найти.

Когда стало известно, что Станиславский собирается ставить «Чайку», сестра А.П. Чехова Мария Павловна приехала в Пушкин, чтобы узнать, что за люди собираются играть эту пьесу. Мария

Павловна, всю свою жизнь отдавшая брату, очень боялась, что новая постановка принесет Антону Павловичу новые страдания.

И Чехов сам приходит на репетицию «Чайки». Ольга Леонардовна навсегда запомнила этот день – 9 сентября 1898 года, день, когда она впервые встретилась с Антоном Павловичем. Узнав накануне от Немировича-Данченко, что Чехов будет на репетиции, она буквально летит по Воздвиженке – там находился Охотничий клуб, где шли репетиции, пока не было готово здание театра, – зная, что сейчас она увидит писателя, которого любила вся Россия. Чехов посмотрел, поговорил с актерами… И ушел разочарованный, в недоумении – Станиславский не понял пьесу, актеры не слушали объяснений автора, они явно еще не сыгрались друг с другом. Только благодаря Немировичу-Данченко, который очень любил и хорошо понимал драматургию Чехова, а также энтузиазму актеров спектакль состоялся.

Заметил Чехов Ольгу Книппер на премьере первого спектакля Художественного театра – пьесы «Царь Федор Иоаннович», где она играла царицу Ирину. Он был очарован ее лицом, ее голосом, величием, с которым она играла эту роль, и всем об этом сообщал.

На другой день Чехов уехал в Ялту.

В игре Книппер в первую очередь отмечали ее непреодолимое сценическое обаяние и искренность. Она не играла, а жила на сцене – именно так учил своих актеров Станиславский. Образованная, интеллигентная, скромная, с тонким чувством юмора, с интересной внешностью, она всегда была в центре внимания. И тем не менее она, как и все актрисы Художественного театра, не была похожа на актрис того времени. Когда труппа Художественного театра была на гастролях в Санкт-Петербурге, актеров чуть было не пропустили встречающие на вокзале – настолько они отличались от общепринятых тогда норм. Актрисы Художественного театра одевались всегда подчеркнуто строго, элегантно, но скромно – закрытые платья, простые длинные юбки, строгие «английские» костюмы, никаких последних парижских туалетов, ярких красок, блеска и вычурности. У Ольги Леонардовны были вкус, абсолютное чувство композиции, внутреннее благородство и интеллигентность поведения. Вадим Васильевич Шверубович, сын ее лучшего друга, актера Художественного театра Василия Ивановича Качалова, вспоминает, как в феврале 1920 года Книппер в составе качаловской труппы едет в теплушке из Новороссийска: ветер, жуткий холод, все жмутся друг к другу, мрачные и подавленные… А в центре вагона сидит абсолютно прямо, на чемодане Ольга Леонардовна, рядом, на другом

чемодане, расстелена белоснежная салфетка, а на ней – свеча в фарфоровом подсвечнике и книга в сафьяновом переплете. Вокруг грязь, стрельба, ругань, а она сидит, словно в номере роскошного отеля, кутается в белоснежный оренбургский платок и читает…

Премьера «Чайки» в Художественном театре состоялась 17 декабря 1898 года. Первые два акта прошли в абсолютной тишине – публика находилась в глубоком недоумении. Все было непривычно – и пьеса, и исполнение, и оформление сцены. Но когда закончился третий акт, зрительный зал взорвался сумасшедшим восторгом. И пьеса, и талант Чехова-драматурга были реабилитированы.

Книппер играла Аркадину – стареющую актрису, не желающую замечать приближение старости. А ей было всего тридцать! То, как она сыграла это старение – не старость, а именно старение! – это было незабываемо. Премьеру она играла с сильнейшим бронхитом, с температурой 39, и после бурной премьеры слегла совсем.

А Чехов в Ялте, получив поздравительные телеграммы, а затем – известие об отмене спектакля, решил, что болезнь Книппер – лишь предлог, чтоб не волновать его известием о новом провале…

Весной 1899-го Чехов приезжает в Москву и идет на представление «Чайки». Актеры долго не играли – во время Великого поста спектаклей не было, помещение чужое, декорации тоже… Чехов был в ужасе. Станиславский еле смог его успокоить. По прошествии некоторого времени Чехов не только принял постановку «Чайки», но и согласился на то, чтобы его новая пьеса – «Дядя Ваня» – тоже ставилась в Художественном театре.

Как-то после спектакля за кулисы к Ольге Леонардовне пришел ее друг, актер того же театра Александр Леонидович Вишневский, и привел с собой сестру Чехова, Марию Павловну. Она пригласила Книппер в Мелихово, где тогда жила семья Чеховых, и Ольга Леонардовна провела там три дня. Потом сам Антон Павлович нанес ей визит – он, который крайне редко наносил визиты. Потом они вместе ходили на выставку Левитана – друга Антона Павловича и почти жениха его сестры Марии Павловны (она отказалась выйти за него замуж, потому что не хотела покидать брата, – хотя они очень любили друг друга). Летом, когда Книппер уехала отдыхать на Кавказ, у них завязывается переписка.

Переписываться они продолжали до самой смерти Чехова.

К тому времени у Чехова уже открылся туберкулез, он был вынужден подолгу жить в Ялте и не мог проводить много времени

в Москве. А Ольга Леонардовна постоянно находилась там – она не могла покинуть Художественный театр. Их роман и их семейная жизнь в основном протекали в письмах.

В июле 1899 года она приехала к нему в Ялту, откуда в августе они вместе уехали в Москву. Оттуда он скоро вернулся в Ялту, и они снова стали переписываться…

В конце марта 1900 года труппа театра была в Крыму на гастролях, и они снова смогли провести вместе несколько дней. Потом была случайная встреча в поезде Тифлис – Москва: Ольга Леонардовна с матерью ехали в Боржом, а Антон Павлович с друзьями – Горьким, Васнецовым и доктором Алексиным – в

Батум. В июле – снова поездка в Ялту, потом опять письма…

Осенью Чехов приехал в Москву, чтобы представить труппе свою новую пьесу «Три сестры». Актеры пьесу не приняли. Раздавались реплики: «Это не пьеса, это только схема…», «Этого нельзя играть!», «Нет ролей, только схемы какие-то». Чехов в растерянности сидел за столом. Спас положение Немирович-Данченко, он встал и громко сказал: «Спасибо, Антон Павлович, мы будем это играть».

Книппер играла Машу. Ее партнером был Станиславский – он играл Вершинина. Константин Сергеевич вообще очень любил играть вместе с Книппер. Перед сценой прощания Маши и Вершинина Ольга Леонардовна долго сидела в гримерной – и, идя к сцене, молилась, чтобы никто не встретился ей по дороге, не расплескал той любви и тоски, которую она несла в себе. Зрители плакали вместе с ней, не понимая, что она не играет, а живет, чувствуя в себе любовь к человеку, с которым, как Маша с Вершининым, не могла никак соединиться…

Ольга Леонардовна долго думала, может ли она, имеет ли она право связать свою жизнь с Чеховым. Она, актриса, не представляющая свою жизнь вне сцены, – и он, великий писатель, вынужденный из-за своей болезни жить вдалеке от любимой им Москвы, вдалеке от нее. Но в конце концов все-таки решилась.

В середине мая 1901 года Антон Павлович приехал в Москву, и 25 мая они обвенчались. Его семья только из газет узнала о свадьбе. Даже его брат Иван Павлович, с которым Чехов встречался всего за час до венчания, узнал обо всем лишь после того, как все свершилось. Долгое время Чеховы даже не знали, кто была невеста. Знали обо всем лишь Мария Павловна,

Станиславский и Немирович-Данченко.

Сразу после свадьбы молодые поехали под Уфу в Андреевский санаторий, где пробыли полтора месяца, оттуда уехали в Ялту. 20 августа Ольга Леонардовна вернулась в Москву.

Ее часто обвиняли в том, что она пренебрегала Чеховым, бросила его одного в Ялте, не была той женой, которая была нужна великому писателю. По мнению толпы, которая любит судить обо всех по себе, она не годилась в жены великому писателю – ни блеска, ни особенной красоты, ни самопожертвования в угоду его славе… А она тогда постоянно мучилась этим, разрываясь между желанием быть с любимым мужем и желанием играть. Она понимала – и Чехов неоднократно писал ей об этом, – что просто жена, домохозяйка, оторванная от «живого дела», не нужна ему. Он полюбил именно ее, и именно такой, любящей театр, и не мог принять жертвы, которую она принесла бы, оставив дело своей жизни. Еще до женитьбы, 27 сентября 1900 года, он писал ей: «…я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, что есть что я тебя люблю – и больше ничего. Если теперь мы не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

Даже живя в постоянной разлуке, они чувствовали себя настоящей семьей. Они очень хотели детей. Но первая беременность Книппер, в 1901 году, закончилась выкидышем… В 1902 году она снова беременна, бережется, волнуется, старается родить наконец Антону Павловичу «полунемца», как он шутливо просил ее в письме… Но происходит трагедия. Во время спектакля рабочие не вовремя открыли люк, и она упала с высоты нескольких метров. После долгой болезни и перенесенной операции она не могла больше иметь детей. Ольга Леонардовна снова пытается уйти из театра – и директора, и сам Антон Павлович были решительно против. Так и продолжалась их жизнь – урывками, с учащенной перепиской в период разлуки. Только зиму 1903/04 года Чехов смог с разрешения врачей провести в Москве – и так радовался этой возможности пожить в любимом городе, рядом с женой, участвовать самому в постановке своей очередной пьесы – «Вишневый сад»…

Премьера ее состоялась 17 января 1904 года, в день рождения Антона Павловича. В связи с этим ожидался наплыв публики, повышенный интерес журналистов. Чехов очень волновался, его еле уговорили приехать в театр. Премьера была успешна, но все чувствовали, что что-то не так, какие-то предчувствия витали в воздухе.

Ольга Леонардовна играла в этой пьесе Раневскую – и эту роль она будет играть почти до самого конца своей сценической жизни. Это была не только самая любимая, но и самая родная ей роль. В ней она прощалась со своей молодостью, с жизнью, которая прошла мимо, с безвозвратно ушедшей в прошлое любовью… Она могла давно уже не соответствовать тому возрасту, который дал Чехов Раневской, но душа ее, душа чеховской актрисы, продолжала жить в ней, вырываясь наружу в каждом слове этой великой роли.

После премьеры Чехов снова уезжает в Ялту, откуда вернется в конце апреля. И тут же – обострение болезни. Врачи посоветовали ему уехать в Шварцвальд, в городок Баденвейлер, курорт для легочных больных. В июне Антон Павлович и Ольга Леонардовна через Берлин едут в Баденвейлер. В ночь с 1 на 2 июля ему вдруг стало хуже. Он сам попросил позвать врача, чего никогда раньше не делал. Когда пришел доктор, Чехов сел на постели и внезапно сказал ему: «Ich sterbe» – «я умираю». Сам врач, Чехов прекрасно понимал свое состояние. Доктор пытался его успокоить, велел подать шампанского. Чехов взял бокал, улыбнулся Ольге Леонардовне и сказал: «Давно я не пил шампанского». Выпил все до дна, лег на бок – и только она успела перебежать и нагнуться к нему, – он уже не дышал.

Ольга Книппер-Чехова на даче, лето 1911 г.

Благодаря министру-резиденту России при Баденском дворе Владимиру Эйхлеру тело Чехова удалось без особых задержек перевезти в Москву. Для перевозки Ольге Леонардовне предоставили вагон-холодильник, в котором обычно перевозили свежих устриц. Тогдашняя литературная критика не преминула придать этому факту символическое значение: мол, Чехов, всю жизнь боровшийся с пошлостью, после смерти сам стал ее жертвой… Во всем винили Ольгу Леонардовну.

А она долго потом не могла прийти в себя. Продолжала писать Антону Павловичу – уже мертвому – письма, в которых рассказывала о том, как она пытается жить без него, как всюду видится ей его образ, как преследуют ее воспоминания…

Похоронили Антона Павловича Чехова на Новодевичьем кладбище в Москве, рядом с его отцом. На похороны собрались тысячные толпы; приехавшие из Крыма братья Чехова еле смогли пробиться к гробу. Когда катафалк въехал на кладбище, опасались, что толпа сметет ворота и что в давке обязательно кого-нибудь задавят. На его могиле стоит памятник работы Федора Шехтеля – того самого, кто создал для Художественного театра образ чайки, до сих пор являющийся символом МХАТа.

В 1946 году Ольга Леонардовна напишет своей племяннице Аде Константиновне в Берлин: «Ты пишешь о наших отношениях с Антоном Павловичем. Да, эти шесть лет, что я его знала, были мучительны, полны надрыва из-за сложившейся так жизни. И все же эти годы были полны такого интереса, такого значения, такой насыщенности, что казались красотой жизни. Ведь я не девочкой шла за него, это не был для меня мужчина, – я была поражена им как необыкновенным человеком, всей его личностью, его внутренним миром – ох, трудно писать все это… Эти мучительные шесть лет остались для меня светом и правдой и красотой жизни…»

После смерти Чехова театр остался ее единственной настоящей любовью. Она сыграла свои лучшие роли – Сарру в «Иванове» (эта пьеса Чехова, единственная, которую не ставили в Художественном театре при жизни автора, была выпущена практически сразу после его смерти), Анну Андреевну в «Ревизоре» Гоголя, Наталью Петровну в тургеневском «Месяце в деревне», Гертруду в «Гамлете» Шекспира, свою знаменитую Настю в горьковском «На дне», фру Гиле в пьесе К. Гамсуна «У жизни в лапах»… Она заразила своей любовью к сцене, к искусству и своих близких: ее племянник Лев Константинович Книппер стал известным композитором (его знают, например, по песне «Полюшко-поле», которая является частью его Пятой симфонии). Брат Владимир под псевдонимом Нардов стал выступать на сцене Большого театра – сначала как певец, затем и режиссер. Племянник Антона Павловича Михаил Александрович по ее протекции поступил в Художественный театр – Михаил Чехов, гениальный русский артист, в 1928 году он уехал на Запад, а в сороковые годы в США основал собственную школу драматического искусства. Сегодня многие западные звезды учатся «по Михаилу Чехову». Еще в молодости он влюбился в племянницу Ольги Леонардовны Ольгу Константиновну, девушку

редкостной красоты, учившуюся тогда у художника Константина Юона рисованию и лепке, – и они в 1914 году тайно обвенчались. Невесте было 17, жениху 23. Через год у них родилась дочь, тоже Ольга. Через несколько лет они развелись, и Ольга Константиновна уехала в Германию. Там она стала популярнейшей кинозвездой – ее называют любимой актрисой Гитлера. Есть данные, что она была агентом русской разведки и должна была принимать участие в покушении на Гитлера. Перед войной она вышла замуж за бельгийского миллионера, потом оставила его – ей было с ним скучно. Когда же в середине пятидесятых годов она ушла из кино, то основала свое дело – производство «Косметики Ольги Чеховой».

Ольга Леонардовна очень долго носила фамилию Книппер. Вторая часть фамилии появилась достаточно случайно. После революции группа артистов Художественного театра во главе с Василием Ивановичем Качаловым уехала из голодной, разоренной Москвы в гастрольное турне на юг. С ними была и Книппер. Застряли в Грузии, вместе с белыми докатились до

Харькова, потом из Батума на пароходе уехали за границу. Выступали в Болгарии, в Югославии… В Загребе дела у труппы пошли плохо. Кто-то посоветовал Качалову указать на афише: выступает Книппер-Чехова. Имя Чехова должно было привлечь публику на спектакли. Так и осталось.

Ольга Леонардовна никогда не демонстрировала, что она – вдова Чехова. Она не считала, что это является ее заслугой, и не хотела привлекать к себе лишнее внимание. Она обладала огромным тактом, вкусом, была благородной, изысканной, по-женски привлекательной. В ней была бездна обаяния, она умела создавать вокруг себя особую атмосферу – изысканности, искренности и спокойствия. Даже в самые тяжелые годы – революции, разрухи, войны – в ее доме всегда был идеальный порядок и уют. В театре ее за глаза называли «наша Герцогиня». Она общалась с Блоком, Рахманиновым, который был увлечен ею, была знакома со всеми значительными людьми своего времени. Когда Ольга Леонардовна была уже очень немолода, она сошлась с красивым молодым человеком, литератором Николаем Дмитриевичем Волковым, автором первой двухтомной биографии

Мейерхольда и инсценировки романа Толстого «Анна Каренина» на сцене МХАТа, легендарной премьеры 1937 года. Он был моложе ее на тридцать лет. Они вместе часто жили в Гурзуфе на той самой маленькой даче, которую когда-то завещал ей Чехов. А дочь мхатовского актера А.Л. Вишневского, Наталия Александровна, на похоронах Ольги Леонардовны призналась в частном разговоре, что когда-то у Книппер, еще до встречи с Чеховым, был роман с ее отцом. И все же Чехов был главной любовью ее жизни. Как-то, уже в старости, на вопрос, почему она не вышла замуж после смерти Чехова, Ольга Леонардовна ответила: «Я никого не могла представить себе на месте Антона».

Она удивляла всех своим умением одеваться, была поразительно элегантна. Обычно шила для нее знаменитая Надежда Ламанова – она обшивала самых известных и элегантных женщин России, создавала костюмы для спектаклей Художественного театра. Во время двухлетних мхатовских гастролей в США в начале двадцатых годов Книппер-Чехова очень много играла, переводила для Станиславского, который не знал английского языка, и на концертных выступлениях читала по-английски чеховскую «Шуточку». Критики писали в газетах, что вдова великого Чехова по праву может называться самой элегантной леди нашего времени.

С 1938 года Ольга Леонардовна переселяется в новую квартиру в доме по улице Немировича-Данченко (теперь это Гленищевский переулок) вместе со своим близким другом Софьей

Ивановной Баклановой. Вместе с ней она прожила свои последние годы.

В конце своей жизни Ольга Леонардовна жила довольно одиноко. Умерли все те, с кем она начинала свою службу в Художественном театре. Ее обожаемые племянницы уехали за границу. Она больше не могла играть, постепенно слепла. До последних дней она продолжала дружить с Марией Павловной Чеховой, ездила к ней в Ялту, где та организовала музей Чехова. Мучимая бессонницей, она часами молча сидела на диване в чеховской гостиной и вспоминала свои роли – чаще всего роли в чеховских пьесах: Раневскую, Сарру, Машу… Особенно Машу. В 1940 году Немирович-Данченко пригласил ее на премьеру новой постановки «Трех сестер». Машу теперь играла Алла Константиновна Тарасова, играла замечательно – спектакль остается классикой советского театра. В антракте Мария Иосифовна Кнебель, актриса театра, увидела, что Ольга Леонардовна стоит, прислонившись лбом к стене, и плачет. «Все прошло, все прошло…» – сказала она.

Последний раз на сцену родного театра Ольга Леонардовна вышла 22 октября 1958 года, когда отмечали ее 90-летний юбилей. Она сидела в ложе – величественная, все еще по-настоящему красивая женщина, и по ней совершенно не было понятно, что она уже давно тяжело больна, что она практически не видит, что она уже очень стара и несчастлива… Ее приветствовали сценой из чеховских «Трех сестер». И когда на сцене появилась Маша – она должна была сказать фразу: «У лукоморья дуб зеленый…» – Ольга Леонардовна, сидя в ложе, сама произнесла эту реплику. Зал оцепенел – и взорвался

нескончаемой овацией.

Незадолго до этого режиссер Гордон Крэг, который до революции ставил в Художественном театре «Гамлета», писал ей: «Дорогая madame Книппер, дорогой Храм… Часто вспоминаю Вас, Театр Чайки, Станиславского и других. Какую чудесную жизнь Вы сумели создать из своей жизни. Да благословит Вас бог».

Умерла она в 1959 году, на 91-м году жизни. Ее похоронили на Новодевичьем кладбище, рядом с Антоном Павловичем. Вокруг – могилы тех, с кем рядом она была всю жизнь и кто ушел раньше ее – первые актеры Художественного театра, Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, с которым она очень дружила… Они снова собрались вместе – теперь уже навсегда.

Лидия Коренева

«БЕСЕНОК» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Бывает, что звезды, однажды загоревшись на небосклоне, долго не гаснут. Бывает, что звезды падают, оставляя за собой длинный светящийся след в памяти человеческой. Случается и так, что, ярко вспыхнув, звезды гаснут – практически бесследно. Все бывает.

Имя Лидии Михайловны Кореневой сейчас мало что скажет человеку, не являющемуся крупным специалистом в истории театра. А когда-то это было одно из самых громких имен на русской сцене, и принадлежало оно одной из самых ярких, скандальных, красивых и талантливых актрис МХАТа. О начале своей жизни Лидия Михайловна не любила рассказывать. И забыли ее раньше, чем эта жизнь закончилась…

Родилась Лидия Михайловна Коренева 31 июля 1885 года в городе Тамбове. Происходила она из семьи потомственных дворян, растерявших, однако, почти все свое состояние. Тем не менее Лида была хорошо образована, знала несколько языков, а

главное, благодаря своему происхождению она обладала изысканностью манер, врожденной элегантностью, внутренним благородством и чувствительностью.

Провинциальная жизнь «дворянской дочки», полная скуки и однообразия, тяготила Лиду, с детства имевшую живой характер. Когда ей было всего 16 лет, она, поссорившись с родителями, сбежала из Тамбова в Москву.

Благодаря своей неординарной внешности – Коренева обладала редкостной красоты лицом и идеальной фигурой, – а также врожденному вкусу она быстро нашла себе место в магазине «Мюр и Мерилиз» – крупнейшем московском универсальном магазине той поры (теперь это знаменитый ЦУМ). Она служила продавщицей в отделе французского женского белья. Хотя позже Лидия Михайловна очень не любила вспоминать об этом периоде своей жизни, она тем не менее признавала, что эта работа дала ей очень многое: постоянно находясь среди самых последних новинок французской моды, самых изысканных товаров и самых взыскательных покупателей, она отточила свое умение одеваться, общаться с людьми, имела возможность наблюдать множество человеческих типов, что потом пригодилось ей на сцене.

Знакомых у молодой красавицы продавщицы была масса, в частности, много было студентов находящегося рядом Московского университета. Когда открылся Художественный театр, образованная московская молодежь буквально «заболела» им. Художественный театр был безоговорочно признан «своим». Там играли самые интеллигентные актеры, ставились самые передовые пьесы, использовались новаторские приемы постановки. Неудивительно, что Лида Коренева вместе со своими друзьями стала ходить на спектакли Художественного театра – и полюбила его. Она пропадала в театре, писала письма актерам, вступила в переписку с Ольгой Книппер – одной из известнейших актрис театра. Она познакомилась с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, который, заметив ее несомненную красоту и способности к сцене, принял ее в театральную школу при Художественном театре. Ей было 19 лет.

Всего в 1904 году в школу были приняты шесть человек. Вместе с Кореневой учились Любовь Косминская и знаменитая в будущем Алиса Коонен. С учащимися занимались кроме Немировича-Данченко многие ведущие актеры Художественного театра – Ольга Книппер, Василий Качалов, Иван Москвин, сам Константин Сергеевич Станиславский…

В то время первым красавцем среди актеров Художественного театра заслуженно считался Василий Иванович Качалов –

высокий стройный блондин с очень красивым породистым лицом. Он играл главные роли в спектаклях театра – Чацкого в «Горе от ума», Анатэму в одноименной пьесе Леонида Андреева, Тузенбаха в «Трех сестрах» Чехова, Пера Баста в пьесе Кнута Гамсуна «У жизни в лапах», шекспировского Гамлета… В него была влюблена половина московских курсисток. Не избежали этой участи и ученицы школы Художественного театра – Лидия Коренева, Алиса Коонен и Любовь Косминская. В день рождения Качалова они однажды анонимно прислали ему женское трико. Василий

Иванович сразу понял, от кого подарок: три «ко» – Коренева, Косминская и Коонен – таким необычным способом признавались ему в своих чувствах…

Лидия Коренева в роли Петры в спектакле «Доктор Штокман», 1924 г.

Качалов был женат на известной актрисе Нине Николаевне Литовцевой – он прожил с ней всю жизнь. Осенью 1907 года, когда она играла по контракту в Риге, у нее воспалилось ухо. В

результате неудачной операции началось заражение крови, последовал еще ряд операций, тоже неудачных, и в итоге в Москву ее привезли совершенным инвалидом. Чудом оправившись, она тем не менее до конца жизни осталась хромой. Со сценой было покончено навсегда. Только через много лет Литовцева нашла в себе силы вернуться к работе – она стала режиссером в родном Художественном театре, а в конце 30-х годов вышла на сцену в крохотной роли Картасовой в «Анне Карениной». Позднее, в 1947-м, замечательно играла Войницкую в «Дяде Ване»; лучше ее эту роль не играл никто.

Чувство Кореневой к Качалову было не просто первой любовью, но единственной страстью всей ее жизни. Когда она поняла, что ей не суждено быть вместе с ним, она дала в монастыре обет безбрачия – верность этому обету она сохранила до самой своей смерти, оставшись девственницей на всю жизнь.

Любовь и семью, добровольно отринутые, заменил ей Художественный театр.

Еще во время ее учебы в Школе на Кореневу обратил внимание Станиславский и стал занимать ее в спектаклях театра. Она играла Марию Антоновну в «Ревизоре» Гоголя – ее партнершей была Ольга Книппер в роли Анны Андреевны, – Ксению в «Борисе Годунове»… Постепенно к ней приходила известность, появлялись поклонники.

Ее первым настоящим триумфом была роль Верочки в постановке «Месяца в деревне» Тургенева. На эту роль Станиславским были утверждены две актрисы: Коренева и Алиса Коонен. Но Коонен эта роль не нравилась – она считала, что Коренева справится с нею лучше. Она прямо заявила об этом Станиславскому, но тот все равно продолжал с ней репетировать. Тогда Коонен стала практически саботировать, под разными предлогами уклоняясь от участия в спектакле. В конце концов Станиславский махнул на нее рукой, и роль осталась в полном распоряжении Лидии Михайловны.

Это был период сближения Художественного театра с объединением художников «Мир искусства». Лев Бакст, Мстислав Добужинский, Александр Бенуа, Борис Кустодиев сотрудничали с театром, принимая участие в создании декораций, костюмов, элементов сценического оформления, афиш. Началось все с

совместного ужина приехавшего в Москву Добужинского и основателей Художественного театра – Станиславского, Немировича-Данченко, Качалова, Книппер, Москвина и других – в ресторане «Эрмитаж». Тогда Станиславский просил Добужинского передать его коллегам по «Миру искусства», что театр хотел бы сотрудничать с ними, и сообщить, кто из них и что именно хотел бы ставить в Художественном театре. Самому Добужинскому было предложено участвовать в постановке «Месяца в деревне».

Добужинский с энтузиазмом берется за декорации к пьесе. Из Петербурга, где он жил, присылает эскизы костюмов, варианты декораций. Труппа была в восхищении, Немирович-Данченко писал жене, что декорации Добужинского бесподобны. Казалось, что они не созданы на холсте, а сотканы из воздуха, солнечного света и легкой грусти.

Репетиции пьесы шли очень тяжело, с огорчениями, неудачами. Всего было 114 репетиций. За это время Добужинский подружился с актерами. Особенно сблизился он с Лидией Кореневой. Она пленила его воображение своей природной элегантностью, изысканностью и таинственной капризностью манер, редкостной, ни на что не похожей красотой. Он влюбился в нее.

В театре говорили, что он потерял голову. Он постоянно рисовал ее портреты – всего он создал их около сотни. Каждое утро во время репетиций посылал ей роскошные букеты цветов – они стояли у нее в гримуборной и благоухали на весь театр. Забрасывал ее признаниями в своих чувствах. Но она хранила верность данному ею обету и своей любви к Василию Ивановичу Качалову.

Премьера спектакля состоялась 9 декабря 1909 года. Успех был громадный. Станиславский играл Ракитина, Наталью Петровну – Ольга Книппер, Верочку – Коренева. Великая Мария Николаевна Ермолова после премьеры отзывалась о спектакле с восторгом: «Дивная, идеальная постановка!»

Кореневу хвалили больше всех из исполнителей. Она стала по-настоящему знаменитой. Почитателей у нее, красивой женщины и талантливой актрисы, было несметное количество. Добужинский не пропускал ни одного ее спектакля, продолжал писать ее портреты; ее рисовал Сомов; Бакст был покорен ею; Александр Блок восхищался ее красотой и талантом.

В 1910 году Немирович-Данченко поставил в Художественном театре «Братьев Карамазовых» Достоевского. Спектакль игрался в два вечера. Коренева играла Lise Хохлакову, Качалов – Ивана Карамазова. Ольга Леонардовна Книппер писала после спектакля жене Станиславского Марии Петровне Лилиной

(Станиславский в то время тяжело болел тифом и находился в Кисловодске): «Из женщин первым номером Коренева – очаровательная, нежная, хрупкая статуэтка. Вывозят ее в кресле, вся в белом, точно облако лежит белое платье старинного шитья. На тоненькой шейке прелестная рыжеватая, вся в завитках головка с черной бархоткой, и все это на фоне синего кресла: вытянутые атрофированные ноги в белых мягких башмачках, это внешность. Образ дает преинтересный – больная, с повышенной нервностью, уже с надрывом в душе, богатая избалованная девочка, чувствующая всю красоту и глубину Алешиной души, жаждущая какой-то большой жизни, больших чувств, но вся надорванная, истеричная, бесенок».

Когда Станиславский решил включить в репертуар театра одноактные пьесы Тургенева «Провинциалка», «Где тонко, там и рвется», «Нахлебник», – он вновь пригласил Добужинского. Тот с восторгом согласился – он снова сможет работать вместе с обожаемой им Лидией. Премьера тургеневского спектакля состоялась 5 марта 1912 года. Режиссером был Немирович-Данченко, Коренева играла Ольгу Петровну в «Нахлебнике». Она пленяла необыкновенной естественностью, мягкостью и молодостью. В ней была загадочность и удивительная красота. И, как впоследствии писал Добужинский, «исключительный драматический талант».

Роли Кореневой в этих спектаклях – это особые страницы в истории русского театра. Зрители ощущали в ней наивную безжалостность юности, прелесть и тайну. Она много играла – Зинку в «Мизерере» Юшкевича, Сольвейг в «Пер-Гюнте», Лизу в «Горе от ума», Аню в «Вишневом саде»… После «Братьев

Карамазовых» и роли Лизы в «Николае Ставрогине» (инсценировке романа Достоевского «Бесы») к ней пришла уже поистине громадная слава. Достоевский был особенно близок ее артистическому дарованию. Она играет во всех постановках Достоевского в Художественном театре – в роли полубезумной Татьяны Ивановны в «Селе Степанчикове» она была гениальна. Она была идеальной актрисой для воплощения женских образов Достоевского. Снимается Коренева и в кино. Открытки с ее фотографиями продаются в киосках, ее портреты работы Бакста, Добужинского и Сомова выставляются в галереях, а репродукции их печатаются во всех крупнейших журналах.

В период с 1904 по 1920 год она была в расцвете своей популярности и своего таланта. Ее отличали чувство стиля и редкий артистизм. В те годы Лидия Михайловна Коренева, красавица с изысканным, твердым, мечтательным лицом, с ярким драматическим талантом и немалым комедийным дарованием, вела практически весь репертуар Художественного театра.

Она составила себе славу самой элегантной женщины не только в своем родном театре, но и во всей Москве. Коренева была любимой клиенткой знаменитой Надежды Петровны Ламановой благодаря своему потрясающему вкусу, смелости в одежде, тонкому чувству моды и идеальной фигуре. Про Ламанову говорили, что ее платья были не то что модны, а находились впереди европейской моды. Именно Ламановой Художественный театр обязан своими костюмами ко множеству самых красивых постановок: с 1901 года Ламанова сотрудничает с театром, а с 1932-го становится штатным консультантом по костюмам. По тому, что носила Коренева, все модницы Москвы шили себе туалеты. Ольга Глебова-Судейкина писала своей подруге в Петроград: «У нас тут новая мода. Будешь на выставке – посмотри, как одета Коренева. Теперь все стараются одеваться именно так». Необыкновенная элегантность отличала ее до самых последних дней.

Лидия Коренева в конце 1930-х гг.

После революции все стало меняться в ее жизни. В 1918 году была признана неудавшейся и отменена постановка пьесы Блока «Роза и крест». В сезон 1920/21 года ее ввели вместо Ольги Книппер-Чеховой на роль Елены Андреевны в чеховском «Дяде Ване» – играть после Книппер было очень нелегко. Эта роль не была ее удачей. Начинался новый период в жизни актрисы. Уходила молодость, а расставаться с молодыми ролями она не хотела. За всю свою долгую жизнь Коренева так и не сыграла ни

одной возрастной роли. От одиночества, стародевичества и растерянности у нее стал портиться характер, и без того довольно тяжелый. Теперь ее уже называли «самой капризной актрисой Художественного театра». Находиться с нею рядом становилось все тяжелее.

Единственными близкими ей людьми оставались Станиславский и его жена, Мария Петровна Лилина. В 30-е годы в доме Станиславского Коренева была своим человеком. Она была по-настоящему предана им. Во время войны, когда вся труппа театра уехала в эвакуацию, она единственная осталась в Москве ухаживать за больной Лилиной – у нее была саркома, ей сначала ампутировали ногу, потом руку. Коренева оставалась с ней до самой ее смерти летом 1943 года.

Близость к семье Станиславского не способствовала сближению Кореневой с Немировичем-Данченко. Он открыто говорил о том, что не доверяет ей. Активно не любил ее и Михаил Булгаков, когда в середине 30-х годов работал в Художественном театре над постановкой своих пьес – сначала «Дней Турбиных», а затем «Мольера». В «Мольере» Коренева репетировала и играла Мадлен. Булгаков был ею очень недоволен. Коренева была недовольна им. Она не выносила Михаила Афанасьевича. Когда он писал свой знаменитый «Театральный роман», то жестоко отомстил ей – Булгаков вывел Кореневу в образе Людмилы Сильвестровны Пряхиной, неуравновешенной и вздорной актрисы, которая так напугала своей фальшивой истерикой кота, что тот порвал занавеску.

Когда, уже в 60-е годы, «Театральный роман» был опубликован, Коренева в бешенстве позвонила вдове Булгакова, Елене Сергеевне, и наговорила ей грубостей: как она посмела публиковать этот пасквиль, написанный Булгаковым на людей, которые спасли его от ареста… Старики МХАТа верили, что это именно благодаря им Булгакову удалось избежать репрессий.

В декабре 1929 года Коренева сыграла Зинаиду в спектакле «Дядюшкин сон» по Достоевскому. Лидии Михайловне было уже за сорок, а она играла двадцатилетнюю молодую красавицу. Репетиции шли очень трудно – почти два года. Партнершей Кореневой снова была Книппер-Чехова – в роли Марьи Александровны. Хотя Станиславскому Коренева в этой роли резко не нравилась, она тем не менее играла Зинаиду десять лет, пока ее не заменили на действительно молодую красавицу Ангелину Степанову.

Время Кореневой постепенно уходило. Театру она становилась не нужна, ее побаивались, зная о ее дурном характере, а с годами он становился еще труднее. К тому же она была известна прямотой, честностью и бескомпромиссностью. Когда в конце 40-х годов из театра увольняли режиссеров Вершилова и Кнебель (в стране шла разнузданная кампания по борьбе с космополитизмом), на защиту кинулись только две старые актрисы – Книппер-Чехова и Коренева. Правила жизни, привитые в начале века, соблюдались ими неукоснительно.

Работы у Кореневой становилось все меньше и меньше. Она доигрывала Варю в «Вишневом саде», играла эпизодическую роль Дамы, приятной во всех отношениях, в «Мертвых душах» Гоголя, недолго играла Эльмиру в мольеровском «Тартюфе» – и все.

В тот период ее часто видели в Большом зале Консерватории. Статная, с прекрасно сохранившейся фигурой, совершенно седая, с породистым аристократическим лицом, все еще красивая,

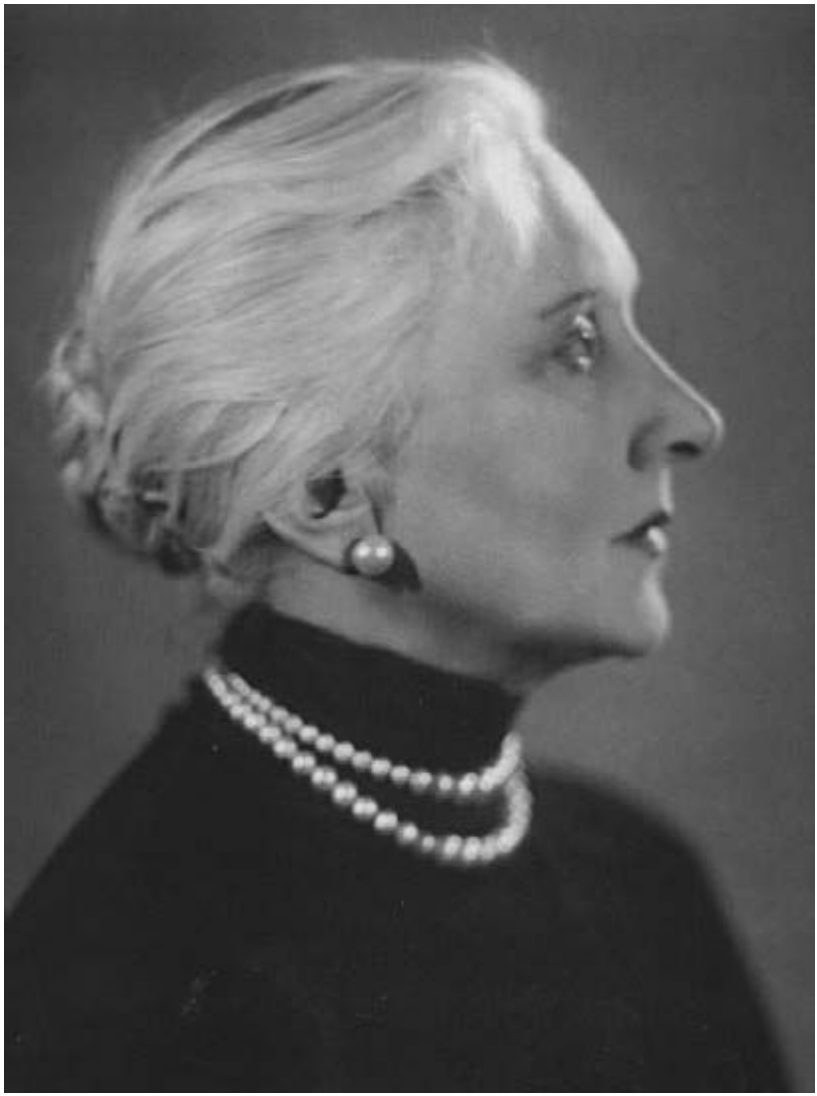
элегантная, она всегда выглядела так, словно на нее работали лучшие парижские дома мод, – она не знала, куда себя деть.

Последней ее работой была крошечная роль графини Вронской в «Анне Карениной», куда ее ввели в 1957 году.

Жила Лидия Михайловна очень замкнуто и одиноко в Староконюшенном переулке. Практически единственным, кто бывал в то время у Кореневой, был ее сосед по лестничной площадке, артист МХАТа Михаил Горюнов.

В 1955 году новый директор МХАТа Александр Васильевич Солодовников сделал попытку сократить труппу театра, выведя на пенсию несколько «стариков». Длинный перечень тех, кто показался дирекции театра ненужными, был представлен президиуму Художественного совета МХАТа. Президиум был в смущении: список включал, в частности, Книппер-Чехову и Кореневу. Алла Тарасова категорически возражала против вывода на пенсию Ольги Леонардовны. Солодовников убеждал собравшихся, что и Книппер, и Коренева останутся почетными членами труппы и будут пользоваться равными со всеми правами, но переубедить президиум ему не удалось.

В 1958 году Лидию Кореневу все-таки вывели на пенсию – ей было 73 года. Она была глубоко оскорблена тем, что ее отлучили от любимого театра, от того, что составляло единственный смысл ее жизни. Она поклялась, что больше не переступит порог МХАТа, – и сдержала слово. Она приехала во МХАТ только на похороны Аллы Тарасовой в апреле 1973 года, но стояла у входа и в здание так и не вошла. За свою долгую жизнь Лидия Михайловна научилась держать слово.



Как она жила оставшиеся ей 25 лет после ухода из театра, почти никто не знает. Одинокая, всеми забытая и покинутая, она жила тем, что продавала подаренные ей когда-то картины Добужинского, Бакста, Сомова, Бенуа…

В 1983 году в театре раздался телефонный звонок, и незнакомый голос сообщил, что умерла Коренева. Ей было 97 лет. Когда из театра пришли к ней домой, обнаружили разграбленную, опустошенную квартиру с голыми стенами. Куда исчезла ее коллекция живописи, ее драгоценности, другие вещи – неизвестно до сих пор.

Похороны организовал МХАТ. Проводить старую актрису пришли всего несколько человек – впрочем, это было летом,

труппа была в отпуске… Ее, последнюю представительницу старого Художественного театра, похоронили на Новодевичьем кладбище, в некрополе МХАТа.

Сегодня ее вспоминают только как прообраз Пряхиной из булгаковского «Театрального романа». И этот образ – во многом злой и несправедливый – преследует ее после смерти, подменяет ее, словно и не было в ее жизни знаменитых и непревзойденных героинь Тургенева и Достоевского, не было той славы, которая шумела вокруг ее имени, и капризно-пленительного холеного лица, которое осталось на портретах Мстислава Добужинского…

Алла Назимова

РУССКАЯ КОРОЛЕВА ГОЛЛИВУДА

Когда-то ее готовы были носить на руках. А она больше всего на свете боялась остаться одна. Зрители стоя приветствовали ее игру на сцене. А она после каждого выступления впадала в жесточайшую депрессию. Ее обожала Америка, а она никак не могла забыть, что приехала из России. Русская актриса – «звезда» американского кинематографа Алла Назимова-Левентон…

По сохранившемуся в семье преданию, первый Левентон приехал на Украину из Испании, где в XV веке начались преследования евреев. Дед Аллы был мельником. Его старший сын Лев выучился на хирурга в Киевском университете и помог

получить образование сестре и трем братьям. Младший, Яков, окончил химический факультет и имел большие планы на будущее: мечтал изобрести лекарственное мыло, убивающее все микробы, и пилюлю, которая позволяла бы обходиться без еды в течение всего дня. Однако тщеславному химику не везло: он смог устроиться на службу только помощником фармацевта в одной из многочисленных аптек города Бердичева. Жалованье было маленьким, жить приходилось в подвале; все деньги уходили у Якова на эксперименты и одежду.

Несмотря ни на что, Яков старался одеваться щеголем и вел себя как состоятельный человек. Возможно, именно это помогло ему покорить сердце пятнадцатилетней Сони Горовиц, дочери местного богача. Но в этом не было ничего удивительного: в то время многие молодые девушки из богатых семей (и образованные еврейские семьи не были исключением) считали невероятно романтичным влюбиться в бедняка. Удивительным было другое:

Лев Горовиц, отец Сони, дал согласие на этот брак. Возможно, его подкупило то, что Яков в отличие от абсолютного большинства бердичевских евреев не был религиозен: старик Горовиц и сам крайне неохотно посещал синагогу.

Как бы то ни было, Яков и Соня поженились. У них родился сын Владимир, потом дочь Нина. Но счастья в семье не оказалось: Яков, вымещая на жене свой комплекс неудачника, часто бил и ее, и детей, а уж ссоры между когда-то любящими супругами были делом постоянным.

Через несколько лет Левентоны переехали в Ялту: Якову из-за слабых легких – память о нищенском житье в подвале – врачи посоветовали сменить климат. В Ялте Яков открыл свою аптеку и все силы отдавал работе. Его усердие наконец начало приносить стабильный доход. Соня скучала в одиночестве, скандалила, демонстративно погуливала, несколько раз пыталась уехать к отцу. И все же именно в Ялте у Левентонов родилась младшая дочь, названная Мариам Аделаидой. Было это в 1879 году.

Сначала девочку звали Адель, но вскоре мать стала называть ее Аллой – по ее мнению, это имя было гораздо изысканнее. Так Аллой она и осталась на всю жизнь.

В конце 1870-х – начале 1880-х годов в России было принято несколько указов, ухудшающих положение евреев; кое-где начались первые еврейские погромы. Множество евреев покинуло пределы империи. Яков Левентон тоже предпочел не ждать погоды у Черного моря и перевез семью в Швейцарию: сначала в Монтре, затем в Цюрих. Алле тогда было всего три года.

Но и на новом месте жизнь не задалась. Яков и Соня

беспрестанно ссорились. Дело кончилось тем, что Яков выгнал жену из дому и она уехала в Одессу. Дети на много лет потеряли ее из виду. Но Яков продолжал буйствовать, только теперь его жертвами становились дети и особенно часто Алла, младшая и наименее любимая, – возможно, потому, что была больше остальных похожа на мать.

Вскоре Яков вернулся в Ялту, а детей оставил на попечение семьи своего знакомого, анархиста Грелиха, крестьянствовавшей под Цюрихом. Через год старшие дети уехали, а Алла оставалась у Грелихов до десяти лет. Здесь она пережила очередную психологическую травму: сын Грелиха Отто, умственно отсталый, развратил ничего не понимающую девочку. Возможно, именно это сыграет свою роль в том, что будущая жизнь Аллы окажется полна громких сексуальных скандалов…

В 1889 году Алла вернулась в Россию. К этому времени Яков начал процветать: он все-таки сварил дезинфицирующее мыло, которое приносило стабильный доход, благодаря чему он открыл еще одну аптеку и построил дом. Все это даже позволило Якову Левентону пробиться в высшие слои ялтинского общества: за свои заслуги он стал почетным гражданином города. Он снова женился – но новая жена не обращала внимания ни на детей, ни на то, с какой жестокостью порой обращается с ними их отец. Алле, как обычно, доставалось больше всех: Владимир был уже вполне взрослый, а Нина обожала отца, считая его невинной жертвой их взбалмошной матери.

Алла с детства была очень красива и художественно одарена. Она знала языки – благодаря жизни в Швейцарии Алла владела французским и немецким лучше, чем русским. Она великолепно шила, сама придумывая фасоны своих нарядов. Прекрасно декламировала, у нее была великолепная память. У Аллы был хороший голос, она замечательно пела. Еще в Швейцарии Алла начала брать уроки игры на скрипке и продолжала занятия и в Ялте; гением Алла не была, но талант у нее имелся. Ее даже стали приглашать выступать на концертах. Однако Яков был категорически против того, чтобы его фамилию Левентон трепали на концертных афишах: «Будешь называться Левентон, только когда станешь известной!» Алле пришлось взять себе псевдоним. Ее любимой книгой в то время был роман «Дети улицы»; фамилию героини этой книги Надежды Назимовой и взяла себе Алла.

Однако это не смогло полностью примирить отца с влечением дочери к сцене. Первый ее гонорар – коробку шоколадных конфет – он выбросил в окно. А после рождественского концерта, где Алла выступила с большим

успехом, Яков так избил ее, что сломал ей руку. Следы этого происшествия остались у Аллы навсегда: ей пришлось оставить занятия скрипкой, и всю последующую жизнь после выступлений ее мучили жестокие депрессии…

В пятнадцать лет Аллу отдали учиться в католический пансион в Одессе. Своевольная, дерзкая, вырвавшаяся на свободу из-под тяжелой отцовской руки, девушка грубила учителям и верховодила одноклассницами, которые прозвали Аллу Антихристом. Однажды в пансионе случился пожар, и воспитанниц расселили по квартирам. Алла попала в семью одной вдовы, чья дочь играла в любительском театре. Алла не только необыкновенно привязалась к своим хозяевам, но и по примеру своей новой подруги решила стать актрисой. Вернувшись домой, она немедленно сообщила об этом родным. На что сестра Нина сказала: «Значит, будешь такой же шлюхой, как мать!»

Свою мать Володя и Алла смогли найти только в 1896 году – но она уже снова была замужем, у нее были другие дети, и старшие ее совершенно не интересовали. Так при живых родителях Алла практически стала сиротой…

Почувствовав свою ненужность дома, Алла сочла себя свободной от всех обязательств перед семьей и уехала в Москву поступать в музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества под руководством В.И. Немировича-Данченко. Тот пришел в ужас от ее характерного южного выговора, но учиться все-таки взял. Начались занятия – дикция, фехтование, танцы, пение… Алла впервые за много лет была абсолютно счастлива. Но тут начались новые проблемы: умер Яков. Свое состояние он завещал троим старшим детям, но жених Нины, ростовщик, уговорил ее и Владимира сделать его распорядителем по завещанию. Деньги он тут же пустил в дело, и для наследников они оказались фактически потерянными. Алла осталась без средств.

Она переехала в дешевые меблированные комнаты, где отрабатывала плату за жилье уборкой. С голода она начала подворовывать еду у соседей, даже пыталась торговать собой. К счастью, красивую девушку взял на содержание богатый любовник, запойный пьяница, – он снял для Аллы приличное жилье и даже давал ей кое-какие деньги.

В 1897 году в ресторане «Славянский базар» произошла историческая встреча Станиславского и Немировича-Данченко, а на следующий год на деньги частных пожертвователей был основан Московский Общедоступный театр, вскоре переименованный в Художественный.

Из своих учеников в труппу нового театра Немирович взял только троих – Ивана Москвина, Всеволода Мейерхольда и Ольгу Книппер. Аллу Левентон приняли студенткой в школу при театре, и в спектаклях она выходила в толпе. Но Алла не отчаивалась, усердно посещая все репетиции, жадно впитывая в себя режиссерские уроки Станиславского.

У Аллы завязался новый роман – с Александром Саниным, актером МХТа и ассистентом Станиславского. Но продолжался он недолго – Алла, за два сезона устав от роли статистки, решила попробовать свои силы в провинции. Немирович дал ей рекомендацию в театр Бобруйска. В МХТе ее не удерживали, деньги на дорогу и костюмы она взяла у своего любовника. Только Санин послал ей вслед отчаянное письмо: «Нужен миллионер, чтобы содержать вас!»

В Бобруйске Алла пробыла недолго: маленький городок не отвечал ее амбициозным планам. Единственное, что она успела сделать, – это выйти здесь замуж. Обидевшись на Санина за его жесткое (хотя и справедливое) письмо, Алла вызвала из Москвы своего давнего знакомого Сергея Головина, нищего студента, без памяти в нее влюбленного. Прямо на вокзале он предложил ей обвенчаться, и она не раздумывая согласилась. Сразу после венчания Алла отправила жениха ночевать в отель – без нее.

Прослышав о готовящейся свадьбе, Санин примчался в Бобруйск, но опоздал. Следующим же поездом он вернулся в Москву, где впал в глубокую депрессию; он даже покушался на самоубийство. Позже он женился на Лике Мизиновой, которая когда-то была возлюбленной Чехова…

Алла Назимова в костюме собственного дизайна к спектаклю «Нора» Г. Ибсена

Брак Аллы с Головиным продлился недолго. Через несколько месяцев они расстались – правда, развод так и не оформили. Алла вернулась в Москву, но Станиславский сказал ей, что ролей для нее нет. Она не расстроилась, заявив ему, что тогда будет изучать режиссуру. Потом, окончательно поняв, что во МХТе ей места нет, она снова уехала, сначала в Кисловодск, затем – в Кострому.

В Костроме ее великолепно принимали – здесь она считалась

московской знаменитостью, игравшей с самим Станиславским. Тут произошла, пожалуй, самая важная в судьбе Аллы встреча: в Кострому на гастроли приехал знаменитый актер Павел Орленев. Из-за его пьянства столичные сцены для него были закрыты, но в провинции он был звездой первой величины. Между ними сразу начался бурный роман.

Орленев собрал собственную труппу, где ведущей актрисой стала Алла, снова взявшая себе псевдоним – Алла Александровна Назимова. Она играла главные роли в «Братьях Карамазовых» и «Преступлении и наказании» Достоевского и с особенным успехом – в «Гедде Габлер» Генрика Ибсена, чья драматургия поразила ее еще во время учебы у Немировича.

Талантливый актер и режиссер, Орленев научил Аллу всему, что знал; собственно говоря, именно он сделал из талантливой статистки актрису. Но жить с ним было крайне тяжело: когда он напивался, что случалось довольно часто, Орленев скандалил, бил Аллу, унижал… В труппе Алла выполняла всю работу: шила костюмы, заведовала бутафорией и музыкальным сопровождением.

В 1904 году труппа приехала в Ялту – играли «Привидения» Ибсена. На спектакле был сам Чехов. Пьесу он назвал «дрянной», но пригласил Орленева и Аллу на ужин. Орленев вел себя образцово, а Алла произвела на Чехова сильное впечатление. Он даже пообещал написать пьесу специально для них – о бродячих актерах. К сожалению, через три месяца он скончался…

Самой громкой постановкой труппы – кроме ибсеновских пьес, во многом скандальных, но далеких от политики, – стал спектакль по достаточно слабой, но зато «идейной» пьесе Чирикова «Народ-избранник»: о любви христианина-антисемита к еврейской девушке. Пьеса вскоре была запрещена, на труппу начали косо поглядывать. Орленеву посоветовали на время уехать за границу; осенью 1904 года труппа оказалась в Берлине, а отуда переехала в Лондон.

На представления «Народа-избранника» валом валили русские эмигранты. Сам анархист князь Кропоткин стоя рукоплескал игре Назимовой. Известный писатель и либерал Джером К. Джером, автор знаменитой книги «Трое в лодке, не считая собаки», был в восторге и от спектакля, и от Аллы. Он посоветовал труппе уехать на гастроли в Америку и дал Орленеву рекомендательное письмо к известному бродвейскому антрепренеру Чарльзу Фроману.

Сразу же по приезде в Нью-Йорк Орленев и Назимова отправились к Фроману. Не зная английского и не умея объясниться с кондуктором, они прошли пешком тридцать

кварталов – так начинался их путь к славе… Но Фроман был в отъезде, их принял его партнер Эл Хайман. Орленев попросил дать ему зал на одно представление «Народа-избранника», и Хайман рискнул. В Нью-Йорке было много эмигрантов из России, и русская труппа с таким спектаклем могла снискать успех.

На представлении зал был полупустым, но зато пришли два видных театральных критика, которые в своих рецензиях превознесли игру Назимовой. Это позволило труппе найти помещение для показа «Царя Федора Иоанновича» А.К. Толстого и «Преступления и наказания». Но русская классика собрала зрителей еще меньше. Орленев снова запил.

Положение спасла Эмма Голдман – известная русская эмигрантка, анархистка, борец за права женщин, рабочих и сексуальных меньшинств. Она возглавляла коммуну на Хантер-Айленде, куда поселила актеров, а сама взялась за сбор средств в пользу труппы среди влиятельных американских либералов и еврейских бизнесменов.

Внезапно Назимова уехала в Россию. Как позже писала она сама, ей предложили там выгодный контракт. Орленев, однако, в своих мемуарах утверждает, что это он послал ее в Россию набрать новых актеров в их труппу. Как бы то ни было, вскоре Назимова, до глубины души потрясенная событиями в Москве – шел 1905 год! – с несколькими новыми актерами вернулась в США. Больше она никогда в Россию не приезжала.

Пока ее не было, Эмма стала любовницей Орленева. Ей удалось снять для него здание театра на Бауэри. Назимова поселилась отдельно, но вскоре Орленев вернулся к ней…

В новом театре стали играть Ибсена, Чехова и Горького. Публика шла на спектакли крайне неохотно, денег еле-еле хватало на жалованье актерам. И снова выручила Эмма: по ее приглашению театр посетили ведущие нью-йоркские критики… И Назимова проснулась знаменитой.

На критиков произвел неизгладимое впечатление стиль игры, который Назимова приобрела в МХТе; о системе Станиславского в Америке только слышали. Назимову объявили «королевой трагедии», сравнивали с Элеонорой Дузе и Сарой Бернар. В учрежденном Фроманом фонде в помощь труппе участвовали такие столпы американского общества, как Дж. П. Морган, Э. Карнеги, сестра Теодора Рузвельта. Труппа с огромным успехом съездила на гастроли в Чикаго и Бостон, звезда Назимовой все ярче разгоралась над Соединенными Штатами.

А Орленев уходил в тень. Он все больше пил, пропивал выручку от сборов, даже отсидел два дня в тюрьме. И Орленев решил вернуться в Россию.

Накануне его отъезда Назимова встретилась с крупнейшим театральным продюсером Нью-Йорка Ли Шубертом, который подписал с нею контракт на пять лет: 100 долларов в неделю плюс 20 процентов от сбора. Это была неслыханная, невероятная удача – средняя зарплата жителя Нью-Йорка была меньше 20 долларов в неделю. Когда Орленев и его труппа уехали, Назимова осталась в Америке одна.

Ей было 27 лет. Ей было безумно страшно, у нее даже случилась истерика – она каталась по полу и выла от отчаяния… Но когда осенью Орленев с труппой решил снова приехать в США, Назимова послала ему телеграмму: «Прошу тебя, оставь мне этот единственный уголок в мире, а у тебя и без Америки много места!» Орленев повиновался. И Алла взялась за покорение Америки.

Выучив за 4 месяца английский язык, Алла начала работу над своим первым англоязычным спектаклем – «Гедда Габлер» Ибсена. Пьесу выбрала сама Назимова. На репетициях она поражала других актеров своей техникой; пришлось ей посвятить всю труппу в тонкости системы Станиславского, что было для американского театра откровением. Алла фактически стала режиссером спектакля.

Премьера состоялась осенью 1906 года. Это был фурор. На спектакле был один юноша из актерской семьи – его звали Юджин О'Нил, в будущем великий американский драматург. Он ходил смотреть на игру Назимовой десять раз; восхищение ею он сохранил на всю жизнь.

Следующей ролью была Нора в «Кукольном доме» того же Ибсена. Слава Назимовой стремительно росла. Пресса восхваляла ее «поразительную виртуозность», публика готова была носить ее на руках. Ее даже пригласили в Белый дом, где русская актриса познакомилась с президентом США Теодором Рузвельтом. Ее заработки настолько возросли, что Алла смогла купить себе поместье под Нью-Йорком, которое назвала «Хуторок»: по-английски писалось «Who-Torok». Она перевезла из России сестру Нину с детьми: муж Нины, тот самый ростовщик, проиграл в карты все наследство их отца и скончался, оставив вдове кучу долгов.

В 1912 году тридцатитрехлетняя Назимова объявляет о своей свадьбе с партнером по сцене Чарльзом Брайантом, на два года моложе ее. Он был красивый, статный мужчина, хотя и не слишком талантливый актер; Назимову он обожал и всячески о ней заботился. На самом деле брака не было: ведь Назимова не была разведена с Головиным. Пресса, раскопавшая историю ее брака с «графом де Головин» – почему-то Сергея сочли графским

сыном, – и не подозревала о том, что развода не было. Однако и с Брайантом брак не удался: жизнь с правильным, заботливым и всегда выдержанным мужем оказалась неимоверно скучной. Однако Чарльз вел все дела Аллы; к тому же положение замужней дамы как нельзя лучше устраивало Аллу, больше всего на свете боявшуюся одиночества…

Летом 1914 года Алла сыграла в одном из своих самых громких спектаклей – антивоенной мелодраме «Невесты войны», о женщине, отказавшейся рожать ребенка на пушечное мясо. Постановка пользовалась неимоверным успехом. Именно в этой роли Алла впервые попробовала себя на экране: в 1916 году продюсер Льюис Селзник (кстати, отец будущего создателя «Унесенных ветром» Дэвида Селзника) уговорил ее сняться в экранизации «Невест войны». Гонорар Аллы составил 30 тысяч долларов – огромную сумму; кинокомпания заработала в десять раз больше.

После успеха фильма студия «Метро» заключила с Назимовой контракт с фантастическим гонораром 13 тысяч долларов в неделю. Это был самый крупный заработок в тогдашнем американском кино: сама Мэри Пикфорд, королева экрана, получала на «Парамаунте» только 10 тысяч. Для «Метро» Назимова снялась в одиннадцати картинах, в основном в костюмных мелодрамах, где Назимовой удалось создать яркие, сложные образы. Особенно известны ее фильмы «Красный фонарь», где Назимова сыграла сразу две роли: китаянку, вернувшуюся из Европы накануне «восстания боксеров», и ее сводную сестру – чистокровную англичанку, и «Повороты судьбы», где Алла снова сыграла две роли – матери и дочери. Популярность Назимовой-киноактрисы сейчас трудно себе вообразить: теперь не умеют так любить, так безрассудно обожать… Потом она напишет, что зря угробила на кино семь лет жизни.

Поначалу Алла совмещала работу в кино с театром. За роли в пьесах Ибсена Назимова была названа «Театральным журналом» «Актрисой 1918 года». Но скоро от театра пришлось отказаться: когда студия «Метро» переехала в Лос-Анджелес, Алла тоже оказалась там. Она купила дом номер 8080 на Сансет-бульваре, который назвала «Сад Аллы»: по-английски звучало очень похоже на «Сад Аллаха». На полутора гектарах действительно раскинулось подобие райского сада: апельсиновые деревья, пальмы, большой бассейн, по форме напоминающий Черное море. Подводная подсветка этого бассейна – первая в мире! – производила фурор среди гостей. «Сад Аллы» стал элитным салоном, куда с удовольствием захаживали знаменитости: Чарли

Чаплин, Шаляпин, американские кинозвезды. О вечеринках на вилле ходили легенды: говорят, на одну из них все дамы пришли одетыми только в драгоценности; в конце вечера все приглашенные голышом прыгали в огромный бассейн… Впрочем, крайняя экстравагантность поведения считалась тогда нормой среди голливудских кинобогов.

Но Алла выделялась даже среди безудержно разгульной голливудской богемы – недаром ее называли «королевой киношлюх». Будучи гораздо старше многих «звездочек», она не только продолжала покорять мужчин своей красотой с экрана, но и жила в атмосфере постоянных сексуальных скандалов. Ее всегда окружали молодые красавцы, а в 1916 году Назимова познакомилась с известной феминисткой и лесбиянкой Мерседес де Акоста, которая ввела ее в круг американской гомосексуальной богемы. Лесбийские связи Назимовой, короткие, но бурные, быстро становились известны публике. В Голливуд она приехала со своей очередной пассией – Брайант даже был вынужден поселиться в отдельном доме на территории поместья. Особняк Аллы стал своеобразной Меккой для актеров нетрадиционной ориентации – это неофициальное сообщество называли «Клуб 8080». Говорили, что Алла соблазнила Милдред Харрис, первую жену самого Чарли Чаплина. Позже Назимова сошлась с художницей-декаденткой Уинифрид Шонесси, которой ее последний сожитель, русский танцовщик Федор Козлов, придумал модный псевдоним – Наташа Рамбова. Вместе с Наташей Алла собиралась ставить фильм «Афродита» по пьесе Пьера Луи. «Метро» запретила эту постановку, заявив, что в сценарии слишком много эротики и насилия. Вместо этого Назимовой предложили сыграть главную роль в экранизации «Дамы с камелиями» Александра Дюма-сына. Партнером по фильму стал начинающий актер Рудольфо Валентино. Итальянский эмигрант, подрабатывающий платными танцами и эпизодическими ролями в кино, неоднократно пытался пробиться в салон Назимовой, но Алла не желала пускать на порог этого «итальянского жиголо». Однако после фантастического успеха фильма «Четыре всадника Апокалипсиса» – его первой крупной роли – с Валентино стали считаться. Его томные глаза, тонкие красивые руки, а главное, тот невероятный сексуальный заряд, который исходил от Валентино и в жизни, и на экране, быстро сделали из молодого эмигранта ярчайшую звезду. Весь тот ореол, который сложился вокруг образа мачо, «латинского любовника», – единоличная заслуга Рудольфо Валентино.

Поговаривали, что роль в «Даме с камелиями» Валентино получил, только когда показал Назимовой, на что он способен в

постели. И это так понравилось Алле, что во время съемок она не отпускала его от себя ни на шаг – их эмоции на экране вовсе не были только актерской игрой.

«Даму с камелиями» публика и критика приняли прохладно – трактовка Назимовой своей роли оказалась слишком смелой для тогдашней Америки. Но Валентино заметили, и в том же году он снялся в своем самом известном фильме «Шейх», поднявшем его популярность на недостижимую высоту.

Рудольфо Валентино

Однако циркулировавшие по Америке слухи о его гомосексуальных наклонностях могли помешать успеху у публики, особенно среди обожавших его женщин. И актера решили срочно женить. За дело взялась Назимова, которая – то ли в благодарность за роль, то ли в память о бурно проведенных ночах – решила позаботиться о Валентино. Сначала он женился

на подруге Аллы Джин Экер, однако брак был крайне недолговечен: Джин сбежала от Валентино чуть ли не на следующий день после свадьбы. Спустя два года Валентино в Мексике женился на Наташе Рамбовой. На церемонии присутствовали многие кинозвезды, за невестой несли букет из двух тысяч белых орхидей. Однако вскоре выяснилось, что Валентино еще не развелся с Экер; после спешного развода Валентино и Наташе пришлось венчаться вторично. Однако и этот брак оказался непрочным… А в 1926 году, на вершине своей славы, Валентино скончался.

А популярность Назимовой стала падать. Если в 1920 году она была на 4-м месте по популярности, то год спустя оказалась уже на двадцатом. Казалось, Назимова устала: ее игра стала натужной, манерной, возраст становился все заметнее. В результате студия «Метро» не стала возобновлять ее контракт.

В банке у Назимовой лежало 300 тысяч долларов. На эти деньги она решила сама снимать фильмы: в 1921 году «Нору» Ибсена, через два года – «Саломею» Уайльда. Художницей этих фильмов была Наташа. Ее изысканные декорации к «Саломее», выдержанные в стиле иллюстраций Обри Бердслея, до сих пор поражают зрителя. Но обе картины провалились. Зато сейчас их считают классикой американского кино.

В 1923 году в США на гастроли приезжал МХАТ. Назимова пришла на прием; встреча с бывшими соратниками прошла очень тепло. Станиславский потом написал в письме: «Назимова постарела, но очень мила». Он не пришел на ее спектакль, но прислал цветы с запиской: «Вам, Алла Назимова, которая была рядом с нами в дни нашего творческого детства». А администратор театра Бертенсон заметил: «Нас поразил ее успех в Америке. У нас она была очень незначительной актрисой».

После встречи со мхатовцами Назимова окончательно поняла, что назад в Россию ей дороги нет. Она подала документы на американское гражданство, хотя очень боялась, что выплывут два факта: отсутствие развода с Головиным и «неофициальное замужество» с Брайантом; ведь брак с ним Назимова, формально замужняя, не заключала. Получалось, что в стране она находилась незаконно, и ее могли выслать без права вернуться. Ее московская родственница разыскала Головина, и в 1923 году Алла получила официальный документ о разводе. Брайант тем временем потребовал раздела имущества; Алла отдала ему квартиру в Нью-Йорке и половину заработков за три года. У нее началась глубокая депрессия, работа не ладилась, денег было все меньше. В письме она писала: «Какой глупой, какой негармоничной оказалась моя жизнь… Когда я приехала в

Америку, мне так повезло, что я даже испугалась. И вот теперь удача отвернулась». Алла поехала в Париж, где справила свой 46-й день рождения, а по возвращении объявила о разводе с Брайантом.

Но когда Брайант в 1925 году женился, стало известно, что это его первый брак. Алла была близка к самоубийству, но, к счастью, пресса оказалась на ее стороне. Через три года она благополучно получила американское гражданство.

Но Назимовой снова не повезло. Некая Джин Адаме предложила превратить «Сад Аллы» в отель, суля большие прибыли; однако вскоре она исчезла, оставив огромные долги. После расплаты с кредиторами Алла осталась практически без гроша. Аллу поддерживала лишь старая приятельница, бывшая суфражистка Эдит Лакетт. Когда у Эдит родилась дочь Нэнси, она попросила Аллу стать крестной матерью. В свое время Нэнси выйдет замуж за актера Рональда Рейгана – будущего президента США.

И Алла снова решается изменить свою жизнь. Она уезжает в Англию, где пресса после ее спектаклей захлебывается восторгом: «Мэри Пикфорд талантлива, но Назимова – гениальна!» После заокеанского успеха Ева Ле Галлиен, актриса, с которой у Назимовой был роман десять лет назад, пригласила ее в свой театр – она руководила Civic Repertory Theatre в Гринич-Виллидж, и ей нужна была актриса с именем. Денег обещала мало, зато предложила главную роль в «Вишневом саде» – пять лет назад Ольга Книппер-Чехова в этой роли покорила Нью-Йорк. Алла оказалась достойной соперницей: ее исполнению роли Раневской театральный Нью-Йорк рукоплескал стоя.

Здесь Civic Repertory Theatre, работала 19-летняя Глеска Маршалл, которая без памяти влюбилась в Аллу. Они сошлись и до самой смерти Назимовой были неразлучны.

Весной 1929 года Алла поссорилась с Евой; ее и Глеску уволили. На следующий год Guild Theatre предложил ей сыграть Наталью Петровну в «Месяце в деревне» Тургенева. Назимова играла так, что режиссер этого спектакля, Рубен Мамульян, эмигрировавший в 1920 году из России ученик Вахтангова, ставший известным режиссером (например, он снял в 1940 году фильм «Знак Зорро»), написал ей: «Если бы лучшие актрисы Америки увидели вас на репетициях, они бы бросили театр и ушли торговать чулками». После премьеры о Назимовой снова заговорили как о величайшей американской театральной актрисе. Ее возвращение было поистину триумфальным.

Потом была роль Кристины в пьесе Юджина О'Нила «Траур идет Электре», специально написанной для Назимовой. Ее

добавления в текст были столь удачны, что они вошли в окончательный текст. После премьеры в 1931 году известнейший немецкий драматург Герхарт Гауптман подарил Алле свое фото с надписью «Русской Дузе»… В 1935 году она сыграла в «Привидениях» Ибсена на театральном фестивале в Энн-Арборе, основанном в ее честь в 1929 году. После премьеры ее вызывали 28 раз, а критика назвала Назимову «величайшей исполнительницей нашего века». Среди публики был будущий знаменитый драматург Теннесси Уильяме, который написал потом: «Это было одно из тех незабываемых впечатлений, которые заставили меня писать для театра. После игры Назимовой хотелось для театра существовать».

В 1941 году у Назимовой обнаружили рак груди, но после операции болезнь больше не вернулась. Она продала «Хуторок» и скромно жила в отеле, разместившемся на месте «Сада Аллы». Ее все еще приглашали в Голливуд, правда, теперь в основном на эпизоды – для стареющих актрис голливудские сценаристы не пишут больших ролей… После 65 лет она начала страдать головокружениями. 30 июня 1945 года ей стало плохо, ее отвезли в больницу, где поставили диагноз – коронарный тромбоз. 13 июля 1945 года Алла Назимова скончалась.

Уже через несколько лет ее слава стала тускнеть и забываться, ее имя потерялось среди десятков других бывших легенд. Америка умеет быстро забывать… Но прошли годы, и о ней снова вспомнили. О Назимовой выходят книги, снимаются фильмы, ее фотографии и платья коллекционируют. Легенда о великой русской актрисе – голливудской звезде – снова жива.

Ангелина Степанова

«ТАКИХ НЕ БЫВАЕТ…»

Никто не может знать, какая судьба его ждет. С какими людьми суждено будет встретиться и с кем расстаться. Какие его ждут беды и возможно ли будет их избежать. В чем будет его счастье и когда оно встретится на его пути. И как долго будет длиться жизнь…

Ангелина Степанова родилась 23 ноября 1905 года в Николаевске-на-Амуре. Ее отец, Иосиф Петрович, был страховым агентом. Он вырос на Дальнем Востоке, в семье капитана рыболовного судна, и объездил почти весь мир. Высокий, худой, с небольшой бородкой, всегда подтянутый, элегантный, он вносил в семью спокойствие и размеренность. Работал он с утра до поздней ночи, дома бывал крайне редко, никогда не вмешивался в жизнь своих детей, хотя был очень чувствителен к их настроениям. Его внутренняя сила, ум, независимость, усидчивость и молчаливая серьезность передались и Лине.

Ее мать, Мария Владимировна, была дочерью директора знаменитой некогда московской фабрики Ролле. Дом был интеллигентный и зажиточный. Мария Владимировна два года практиковала в качестве зубного врача, а выйдя замуж, уехала с Иосифом Петровичем во Владивосток. Она постоянно тосковала по дому, все рвалась обратно в Москву, что не мешало ей очень дружно жить с мужем. Мария Владимировна целиком отдала себя семье – любимому мужу и детям, которых в семье Степановых было трое. Ангелина была самой старшей. Она росла болезненным хилым ребенком, ее старались не напрягать занятиями, но тем не менее она много читала, училась музыке и французскому языку. Знала наизусть множество стихов и обожала декламировать их перед родными.

Лине было три года, когда Степановы переехали в Москву – сбылась мечта Марии Владимировны. Здесь супруги заделались заядлыми театралами и иногда брали с собой на спектакли Лину.

Она буквально заболела балетом. Ходила по квартире на

пальчиках и пыталась делать балетные па. Но потом снова вернулась к стихам.

В семь лет Лину отдали в гимназию Ржевской. Она училась средне, особенно тяжело было с математикой. Но на гимназических вечерах Лина Степанова прекрасно читала стихи, в спектаклях она играла главные роли, а на уроках танца, которые вел бывший танцор Большого театра Чудинов, была лучшей ученицей.

В 1918 году женскую гимназию Ржевской соединили с мужской семинарией. Занятия разладились – революция переменила не только ход истории, но и все течение обычной жизни. Гимназию – теперь уже школу – Степанова кое-как закончила в 1921 году.

Лина решила поступать в Третью студию МХТа. Ее приняли – потом ей передали, что руководитель студии Евгений Вахтангов, который лично присутствовал на третьем туре, сказал о ней: «Сразу видно – упрямая девчонка. Мы не возьмем – она еще куда-нибудь пойдет».

Время было тяжелейшее. Все выдавалось по карточкам, да и те было невозможно отоварить. В городе голод, холод, грабежи, разруха. Но студийцы словно не замечали ничего вокруг. Студия только что по личному распоряжению Луначарского получила особняк Берга на Арбате – там, где сейчас находится Театр им. Вахтангова. В доме сохранилась прекрасная обстановка, великолепная мебель, даже картинная галерея. После перестройки появилась небольшая сцена и зал на четыреста мест. А в нетронутых гостиных проходила вся жизнь студийцев – репетиции, занятия, разговоры… Многие здесь же и ночевали – часто засиживались допоздна, а ходить по ночным улицам было крайне небезопасно.

Еды не хватало. От постоянного недоедания Лина, которой не было еще и шестнадцати лет, постоянно была на грани голодного обморока. Однажды Вахтангов заметил ее, спящую на роскошном диване и укрытую стареньким пальто. Разбудил и спросил: «Есть хочешь?» У нее не было сил ответить. Вахтангов молча протянул ей кусок хлеба и ушел.

Он был уже тяжело болен – во время репетиций сидел, бледный до прозрачности, в кресле, обмотав голову полотенцем, с огромным трудом преодолевая страшную боль и усталость. И под его руководством рождался на сцене новый, веселый и счастливый мир…

Первый выход Степановой на сцену состоялся в знаменитом спектакле Вахтангова «Принцесса Турандот». Как это часто бывает, совершенно неожиданно. Однажды Лину попросили

заменить заболевшую исполнительницу. Роль была крохотная, без слов – только танец. Но для нее это был праздник. В тот вечер в зале был Федор Шаляпин, и после спектакля он долго пел для актеров, собравшихся в гостиной. Позже Степанова получила в этой пьесе большую роль Адельмы, соперницы Турандот.

Ангелина Степанова – Ирина в «Трех сестрах» А. П. Чехова

На втором курсе началась работа над учебным спектаклем по повести Диккенса «Битва жизни». Режиссером был Николай Михайлович Горчаков. Зрители увидели эту работу в 1924 году. Постановка вызвала бурные споры в печати. Критики, стоящие на левых позициях, чьим кумиром был Мейерхольд, критиковали «Битву жизни» за «дореволюционный формализм», отказ от достижений последних лет, отсутствие связи с действительностью. Но у публики спектакль имел большой успех, его посмотрела вся театральная Москва. Видел его и Владимир Иванович Немирович-Данченко. Он рассказал о «Битве» Станиславскому, который только что вернулся в Москву после двухлетней гастрольной поездки Художественного театра по Западной Европе и США. Станиславского спектакль тоже заинтересовал – он предложил доработать его, чтобы включить затем в репертуар Малой сцены Художественного театра.

В то время МХТ находился в очень тяжелом положении. За два года зарубежных гастролей театр выпал из активной жизни страны. Вернувшись в СССР, надо было строить новый репертуар, искать новые идеи, омолаживать труппу – ведь большинству актеров театра было не меньше пятидесяти лет. Студии Художественного театра были полны жизни, а сам МХТ находился на грани смерти. Немирович-Данченко предложил слить в одну труппу «стариков» МХТа, созданную им Комическую оперу и 2-ю студию, а также привлечь нескольких человек из 3-й, вахтанговской. Так и вышло. 1-я студия, не желавшая терять независимость, образовала МХТ 2-й – его закрыли 28 февраля 1936 года. Вторая студия вошла в состав Художественного театра; из третьей были взяты несколько человек – в их числе Ангелина Степанова и Николай Горчаков, чей педагогический и режиссерский талант высоко оценил Немирович-Данченко. Остатки вахтанговской и четвертая студия сохранили независимость.

Степанова в роли Софьи в спектакле «Горе от ума», 1925 г.

Но это не помогло. МХТ подвергался беспощадной критике со стороны «левых» журналов. Ему доставалось и за отсутствие в репертуаре современных пьес, и за устаревшую (по сравнению с Мейерхольдом) режиссуру и манеру игры, и за «отрыв от

трудящихся масс». Даже за то, что здание театра расположено в центре города, вдалеке от рабочих кварталов. С подобными высказываниями решительно спорила традиционная театральная критика, но защитить Художественный театр от нападок ничто не могло. А зрители тем не менее продолжали приходить на спектакли…

Сам Станиславский стал готовить Лину для ввода на роль княжны Мстиславской в спектакле «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого. Когда-то именно этим спектаклем открыл свой первый сезон Художественный театр. А теперь происходило обновление репертуара: в старые спектакли вводились новые исполнители. В первом своем сезоне во МХТе 1924/25 года Степанова сыграла, кроме «Царя Федора», в пьесах «Синяя птица» Метерлинка и в обновленной для Художественного театра «Битве жизни», а также Софью в «Горе от ума» Грибоедова.

Еще в студии у нее обнаружились задатки характерной актрисы. Роли Мстиславской, а затем и Софьи обнаружили в таланте Степановой лирическое начало – тоненькая, изысканно красивая Ангелина, с огромными глазами на нежном лице, уже в первом спектакле привлекла к себе внимание. С самого начала работы Степановой в Художественном театре стала видна несомненная одаренность, драматическая одухотворенность и внутренняя сила актрисы. Она была веселой, подвижной, немного угловатой, полной неукротимого оптимизма. Хотя в первые годы – да и потом часто – ей доставались только небольшие роли, она отдавалась им целиком, верная завету Станиславского: нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. А быть маленькой актрисой Лина не хотела ни в коем случае. Если было нужно театру, она забывала обо всем, если впереди была репетиция, все остальное отбрасывалось в сторону. У нее был уравновешенный, твердый характер, она любила – и стремилась – работать и ради любимого дела могла пройти мимо как горьких обид, так и мимо влюбленных глаз. Ее уважали за яркую индивидуальность и самостоятельность, за преданность делу и своим друзьям.

Она воспитывала свой талант в недрах старого МХТа, среди тех, кто стоял у истоков этого театра. Качалов, Лилина, Книппер-Чехова, боготворимые Линой Станиславский и Немирович-Данченко… Константин Сергеевич называл ее своей любимицей, часто репетировал с нею у себя дома, поил чаем. Каким-то образом он узнал о том, что Степанова живет впроголодь (тогдашний ее рацион состоял из чая и нескольких сухарей). Он подвел Лину за руку к буфетчику театра, знаменитому Прокофьеву, и сказал: «Вот тебе наша актриса, смотри, какая она худенькая и бледненькая, подкорми ее». С тех пор каждый раз

Прокофьев вместе с чаем давал Лине сверток, в котором оказывались то яблоко, то пирожок, то конфеты… Как потом выяснилось, «подкормка» была за счет Станиславского.

Кстати, несмотря на то что денег было очень мало, Лина умудрялась одеваться у лучшей портнихи Москвы, знаменитейшей Надежды Ламановой. С нею Лину познакомила Лидия Коренева, замечательная актриса Художественного театра и постоянная клиентка Ламановой. По негласным правилам, принятым в то время в МХТе, все актеры этого театра должны были и вне сцены «держать марку». Актеров Художественного театра можно было легко узнать на улице по сдержанному, неизменно элегантному внешнему виду.

Летом 1925 года МХТ поехал на трехмесячные гастроли по Кавказу и югу России. Все это время Степанова находилась под опекой Николая Горчакова. Ее тонкое, изысканное лицо буквально завораживало его, ее сдержанность покоряла его все больше и больше. По возвращении с гастролей Ангелина Степанова стала женой Николая Горчакова.

Дом в Кривоарбатском переулке, где поселились Горчаков и Степанова, был известен театральной Москве. Их соседями по коммунальной квартире были Николай Волков и его жена, известная актриса Бэлла Казароза. Волков писал инсценировки и либретто для театров (в частности, именно ему принадлежит инсценировка «Анны Карениной», прославленного спектакля Художественного театра). Через много лет, когда Бэллы уже не было в живых – после долгой болезни она покончила с собой в одном из немецких санаториев в 1929 году, – у него были очень близкие отношения с Ольгой Леонардовной Книппер-Че-ховой. У Волковых часто бывали Мейерхольд и Зинаида Райх, Исаак Бабель, Юрий Олеша, влюбленный в Лину Борис Пильняк и многие другие. Именно у Волковых в 1928 году Степанова познакомилась с писателем и драматургом Николаем Эрдманом.

Обаятельный, красивый, талантливый Николай Эрдман в то время находился на вершине славы. Его пьеса «Мандат», поставленная Мейерхольдом, стала ярким событием театральной и литературной жизни страны. «Мандат» ставили и в других городах, он шел даже в театрах Германии и Японии. В то время Эрдман писал новую комедию «Самоубийца», сценарии кинофильмов и эстрадных спектаклей. Им увлекались Станиславский и Мейерхольд, его друзьями были Бабель, Булгаков и Маяковский.

Роман Степановой и Эрдмана начался сразу и продолжался целых семь лет. Но знали об этом только самые близкие люди – Степанова никогда не посвящала других людей в свою личную

жизнь. Она была замужем, а он женат. Они писали друг другу письма, в которых могли сказать друг другу то, что не решались сказать лично… Она понимала, что от жены он не уйдет, и поэтому сама не уходила от Горчакова, хотя с каждым днем отдалялась от него все больше и больше.

А летом 1933 года Николай Эрдман, один из авторов сценария к фильму «Веселые ребята», был арестован в Гаграх, где проходили съемки. Его приговорили к трехлетней ссылке в город Енисейск Красноярского края.

Степанова очень тяжело пережила случившееся, но рук не опустила. Она развелась с Николаем Горчаковым, поскольку не могла больше его обманывать, и к тому же боялась ему повредить – если жена оказалась связана с политическим ссыльным, могли обвинить и мужа. Николай продолжал любить ее всю оставшуюся жизнь – много лет спустя его вторая жена жаловалась подругам, что ночью муж иногда называет ее Линой… Горчаков поддерживал Степанову и в это тяжелое время, когда она делала все возможное и невозможное, чтобы спасти любимого человека. Она добилась у всемогущего Авеля Енукидзе свидания с Эрдманом и разрешения на поездку к нему в Сибирь. Енукидзе спросил ее, что заставляет ее так поступить. Она ответила: «Любовь». И даже угроза ссылки ее самой не остановила Лину – летом 1934 года она навестила Николая в Енисейске, что в те времена было равносильно подвигу. Вернувшись в Москву, она не переставала хлопотать о его судьбе. Уступив домогательствам нужного человека, она добилась перевода Николая из заштатного Енисейска в Томск, где, как ей казалось, ему будет лучше. А у нее родился сын Саша – о его отце она старалась никогда не говорить.

Они продолжали писать друг другу. Но однажды она узнала, что жена Эрдмана собирается к нему в Томск. Поняв, что это будет продолжаться бесконечно, она нашла в себе мужество не ответить на очередное письмо. Николай еще долго продолжал писать ей, но она упорно молчала. Решение было принято.

В следующий раз они увиделись только через двадцать два года.

Спасение Лина нашла в работе. За последние годы ею было сыграно множество ролей – Софья в восстановленном «Горе от ума» Грибоедова, Генриетта в «Сестрах Жерар» Деннери и Кормона, Аня в «Вишневом саде», Мариэтт в «Воскресении» по Льву Толстому, журналистка Мэри в «Рекламе» Мэри Уоткинс – в оригинале пьеса называлась «Чикаго»; на ее основе был написан известный мюзикл, который шел и в Москве. Она с блеском исполнила роли Шурки в пьесе Максима Горького «Егор Булычов

и другие» и Лиды в «Платоне Кречете» Александра Корнейчука. Наконец, именно в это время Степанова репетировала роль, которая выдвинет ее в ведущие актрисы Художественного театра, – Бетси в «Анне Карениной».

Премьера этого спектакля, явившегося своеобразной границей между старым и новым МХАТом, состоялась в апреле 1937 года. Он имел феерический успех. В главных ролях были Алла Тарасова и Николай Хмелев. Критика дружно хвалила спектакль, который стал событием года на театральной сцене. Попасть на него было невозможно. Имя Ангелины Степановой, которая только-только вернулась на сцену после родов, снова громко зазвучало в театральном мире. Ее Бетси Тверская превзошла все прошлые успехи актрисы. Необыкновенно элегантная, тоненькая, изящная, обворожительно холодная красавица Бетси покоряла любого. А ведь поначалу на эту роль планировалась Вера Соколова. И только за два месяца до премьеры по решению Немировича-Данченко роль отдали Степановой.

Летом 1937 года Степанова вместе с театром впервые выезжала за границу – на гастроли в Париж. В первый же день, выйдя на улицу – на ней было платье в ярких цветах, последний крик московской моды, которое ей достали по огромному блату, – Лина чуть не сгорела со стыда. В Париже носили совсем другое. Она бросилась на поиски по окрестным магазинам. Зайдя в один из бутиков по соседству с отелем, она нашла то, что хотела, – строгие платья простого, элегантного кроя. Не думая о последствиях, она потратила все имеющиеся у нее деньги.

В роли Бетси Тверской в спектакле «Анна Каренина», 1937 г.

«Анна Каренина» очаровала французскую критику, исполнение Степановой роли Бетси было отмечено как несомненная удача. Но не этим запомнились Лине ее первые заграничные гастроли. В Париже она познакомилась с писателем Александром Фадеевым, с которым ей было суждено прожить вместе почти двадцать лет.

Она гуляла по парижским улочкам вместе со своей подругой, актрисой Еленой Елиной, когда им на пути встретился Александр

Фадеев. Он пригласил Лину поужинать с ним, и хотя поначалу он не произвел на нее особого впечатления, она согласилась: потратив все деньги на одежду, ей просто было нечего есть. Уже через несколько дней Степанову спрашивали, почему Фадеев постоянно сидит в вестибюле отеля «Роваро», где жили актеры МХАТа. Лина краснела, не зная, что сказать…

Степанова и Фадеев поженились в новогоднюю ночь 1938 года, в Художественном театре.

Они жили очень дружно. Мешало только то, что редко удавалось подолгу быть вместе: она все время в театре, у нее частые продолжительные гастроли, а он постоянно в делах, разъездах – Фадеев занимал видные посты в Союзе писателей. Когда удавалось, ждал ее, обживая новую квартиру, обустраивая дачу в Переделкино. Хозяйством занималась Мария Владимировна, мать Лины. Денег было мало, но Лина и Саша чувствовали себя счастливыми. А нехватку личного общения им заменяли письма…

Весной 1941 года Степанова тяжело заболела и в первый раз не смогла поехать с театром на гастроли. Она переехала с семьей на дачу – наконец-то она смогла пожить так, как ей мечталось, вместе с любимым мужем, матерью и сыном. Но счастье было недолгим – началась война.

Художественный театр был эвакуирован – часть труппы через Нальчик в Тбилиси, остальные – в Саратов. Степанова из-за болезни с театром выехать не смогла и эвакуировалась с семьей в Чистополь, небольшой городок на Каме, где разместились семьи Союза писателей. Туда очень долго, очень медленно ехали поездом. На одной из станций, выйдя за кипятком, Лина заметила странную женщину, с потерянным лицом, в старом, но парижском платье. Степанова узнала ее: это была Марина Цветаева. Но познакомиться так и не удалось: ехали в разных вагонах, да и не до того было. Цветаева не смогла остаться в Чистополе и оказалась дальше, в Елабуге. Через месяц она покончила с собой.

В Чистополе Степанова не сидела без дела – сразу же организовала художественную бригаду из актеров местной труппы, писательских жен и отдельных артистов, случайно оказавшихся в городе. Степанова выделялась среди окружающих скромностью, естественностью, неизменной доброжелательностью и простотой в общении. В бригаде она занималась и режиссурой, и организационными делами, и играла

вместе с местными актерами. Успех у ее бригады был огромный. Но Лина все равно чувствовала себя в городе оторванной от настоящей жизни. Узнав, что в Саратове Художественный театр продолжает активно выступать, она в августе 1942 года уезжает из Чистополя.

Сначала она приехала в Свердловск, куда летом переместился МХАТ. Но уже осенью театр вернулся в Москву. Там, среди военной разрухи, холода, постоянных налетов, театр продолжал работать. Каждый вечер зал был переполнен.

В 1943 году поставили «Последние дни» Михаила Булгакова о предсмертных днях Пушкина. Степанова играла Натали Гончарову. Фактически это оказался и последний спектакль Немировича-Данченко: 25 апреля 1943 года его не стало.

После его смерти для Художественного театра началась

трудная полоса. Лишившись не только талантливейшего режиссера, но и вдохновителя и организатора всего, что происходило в театре, МХ АТ словно потерял половину жизненной силы. Но театр продолжал работу. Директором был назначен Иван Москвин, художественным руководителем – Николай Хмелев. Степанова много играла – «Воскресенье» и «Три сестры», «Платона Кречета» и «Анну Каренину». А 14 августа 1944 года у нее родился второй сын – Миша.

Сразу после родов она вышла на репетиции пьесы Оскара Уайльда «Идеальный муж», где у нее была роль Гертруды. Этот спектакль был одной из несомненных удач МХАТа.

В послевоенные годы умерли все, кто держал Художественный театр на прежних высотах, – Хмелев, Москвин, Василий Сахновский… Ритм жизни Степановой сильно изменился. Она по-прежнему много играла, но ситуация в театре перестала ее удовлетворять. Театр хирел на глазах. Уже не было переполненных залов, как еще несколько лет назад, критика холодно принимала любые новые спектакли. Да и тех было немного… В личной жизни все тоже было не очень гладко. Александр Фадеев постоянно изменял ей, а по мере продвижения по служебной лестнице – он был генеральным секретарем Союза писателей, депутатом Верховного Совета и много что еще – все больше и больше уходил в себя, стал много пить, и жить с ним рядом становилось все тяжелее. Он болел – печень, сердце… Постоянно болели и дети, особенно Миша. Но Степанова не подавала виду. Она давно приучила себя к мысли, что ее личные дела – это прежде всего театр и лишь потом все остальное, хотя и муж, и дети значили в ее жизни многое. Александр Александрович часто говорил ей: «Все, что не главное, мимо, мимо», – и она твердо усвоила его совет.

Ангелина Степанова в роли Натальи Гончаровой в спектакле «Последние дни», 1943 г.

В их квартире у нее была своя половина, с отдельным входом, и никому не разрешалось входить туда, кроме определенных часов – после спектакля. Степанова была настоящей главой семьи. Никакая занятость Фадеева, никакие его проблемы не могли

помешать ему исполнять просьбы – скорее, приказы – Ангелины Иосифовны. Он беспрекословно выполнял все ее пожелания, так

же как она – все пожелания их детей. В средствах семья не была ограничена – «Молодую гвардию» печатали колоссальными тиражами. То, как одевалась Степанова, поражало всю Москву – такого вкуса, умения носить вещи и потрясающей фигуры не было ни у кого. Степанова оставалась элегантной всегда, какие бы бури ни случались в ее жизни.

В мае 1956 года МХАТ гастролировал в Югославии. 14 мая в Загреб, где тогда был театр, пришла весть, которую никто не решался сообщить Ангелине Иосифовне. После спектакля ее посадили в машину и отвезли в Будапешт – прямых рейсов на Москву тогда не было. Ей сказали, что Фадеев тяжело заболел.

В Будапешт приехали утром, около четырех. В посольстве никто не спал – ждали Степанову. Ее встретили, отвезли в отель передохнуть. Она несколько часов лежала и мучительно пыталась понять, что же произошло… Правду она узнала в аэропорту в Киеве, где была промежуточная стоянка. Все ринулись покупать газеты. У Ангелины Иосифовны не было денег – только остатки югославских динаров. Она одолжила у стюардессы мелочь и в «Правде» на третьей странице увидела портрет Александра Фадеева в траурной рамке…

С самолета она сошла с газетой в руках. Встречающие молчали.

Александр Фадеев застрелился 13 мая на их даче в Переделкино. Он оставил предсмертное письмо, которое Степановой не показали. Что там было написано, она узнала вместе со всеми, в начале 90-х годов, когда письмо было опубликовано.

После похорон Степанова вернулась на гастроли в Белград. Через два дня она уже была в театре, удивив всех своей волей и выдержкой. Самолет из Будапешта приземлился за два часа до спектакля. Степанова с измученным, землистым лицом молча прошла к себе в гримуборную и так же молча, не слушая соболезнований, вышла на сцену. Играли «Плоды просвещения».

На следующий день в «Трех сестрах» Степанова играла Ирину. Первую свою фразу: «Зачем вспоминать?» – она произнесла с обычной легкостью, но зал вздрогнул. После спектакля она долго сидела, запершись в гримуборной. Она понимала, что спасение у нее теперь только одно – МХАТ. И никто не узнает, чего стоит ей ее спокойная замкнутость…

Она начала работу над новой ролью – Елизаветы в пьесе Шиллера «Мария Стюарт», где ее партнершей была Алла Тарасова. До этого во МХАТе никогда не ставили Шиллера. Успех

был необыкновенный. Все сходились на том, что роль Елизаветы была одной из лучших у Степановой, она была создана в расцвете духовных и творческих сил актрисы, обозначив собой вершину ее искусства. Успех этого спектакля утвердил право Степановой на масштабные роли и вывел ее на позиции одной из ведущих актрис театральной России.

После Елизаветы она с блеском сыграла Шарлотту в «Вишневом саде», а потом – перерыв, который длился почти десять лет.

Степанова в роли Калерии в спектакле «Дачники», 1953 г.

МХАТ находился в состоянии затяжного кризиса. Отсутствие сильного руководства, раздоры в труппе, потеря веры в свои силы привели к тому, что театр, казалось, доживал свои последние дни. С мая 1955 года не было главного режиссера, прошли массовые выводы на пенсию старых актеров – тех самых «стариков», кто еще нес в себе дух старого Художественного театра времен Станиславского и Немировича-Данченко. Вынуждены были уйти актрисы редкостной красоты и огромного таланта – Раиса Молчанова, Мария Дурасова, Фаина Шевченко, Лидия Коренева; умерла, не успев узнать, что ее вывели на пенсию, Ольга Книппер-Чехова. Было предложение отправить на пенсию и Анатолия Кторова. К счастью, Кторов остался в труппе, и Степанова начала с ним репетировать пьесу Джерома Килти «Милый лжец».

Этот дуэт станет художественной кульминацией их искусства. Кторов в роли Бернарда Шоу и Степанова в роли известной английской актрисы Патрик Кэмпбелл имели такой успех, который, пожалуй, даже превосходил успех их знаменитых героев. И это при том, что в то же самое время эту же пьесу (хотя и в другом переводе) в Театре имени Моссовета играли Ростислав Плятт и сама Любовь Орлова.

В «Милом лжеце» Степанова и Кторов словно обрели второе дыхание. Раскрепостив какие-то совсем неожиданные силы своих дарований, оба явили вдохновенный взлет таланта. Степанова удивила современным умением мыслить на сцене, особой, свойственной только ей наполненностью внутренней жизни.

Роль знаменитой английской актрисы была ей близка – Патрик Кэмпбелл стойко переносила все жизненные трудности, в ней пленяли жизненная сила и выносливость. Спектакль снят на пленку, его до сих пор показывают по телевидению.

Среди ролей Степановой последних лет надо также упомянуть госпожу Пернель в «Тартюфе» Мольера, Любовницу в пьесе Эдварда Олби «Все кончено», Лику в «Московском хоре» Людмилы Петрушевской и, конечно же, Принцессу Космонополис в специально для нее поставленной пьесе Теннесси Уильямса «Сладкоголосая птица юности». Были и роли – к сожалению, небольшие – в кино, записи на радио. Но постепенно Степанова стала уставать. Спектакли старели, зрители перестали на них ходить. Ангелина Иосифовна много болела. И в 1988 году она решила уйти из театра. «В театре мне стало неинтересно», – сказала она, подавая заявление об уходе. Ее никто особо не удерживал, и МХАТ остался без своей самой выдающейся

актрисы, единственной, кто остался в живых из больших актеров старого Художественного театра, последней из живущих, кто играл со Станиславским.

Теперь она целиком отдалась семье. В ее доме сохранялся неизменный тихий, интеллигентный дух, свойственный старым русским актрисам. Она сохранила свое внутреннее благородство и элегантность, никогда не позволяла себе ходить по дому неодетой, в халате и тапочках. Только изящные туфли, прекрасно сшитые костюмы, неизменно превосходная прическа…

В середине 90-х годов умер Шура, старший сын, которого она обожала. Пьющий, безалаберный, непутевый, любимец женщин, много раз женатый, когда-то необыкновенно красивый, добрый человек, последние годы он жил за городом с женой Надей, внучкой Сталина, и множеством собак. Миша, младший, умолил мать не приходить на похороны, зная, как это может подействовать на нее. Ангелина Иосифовна очень тяжело пережила смерть сына. Она начала курить и часами молча сидела за столом, лицо стало серым, землистым, очень усталым. Ведь в ее жизни больше не было театра, в котором она могла залечить любые раны…

Но родной театр все же не стал ей чужим. В 1995 году во МХАТе отметили ее девяностолетие – скромно и очень красиво. А когда в 1998 году отмечали столетие Художественного театра, она специально ездила к Зайцеву, выбирать платье. Степанова сразила зайцевских манекенщиц – она сохранила потрясающую фигуру, с удивительной тщательностью и вкусом выбирала платье, ее движения были удивительно изящны… А ей было уже 93 года!

Последние годы она редко выходила из дома, общалась только с несколькими близкими людьми, к телефону подходила только в определенные часы. 13 мая ни с кем не общалась – это был день смерти Александра Фадеева, которого она помнила до последних дней. Раз в две недели приезжала в театр – сделать прическу, узнать, что происходит в ее родных стенах…

Умерла Ангелина Иосифовна 17 мая 2000 года – во сне. Ее похоронили на Новодевичьем кладбище, в одной могиле с мужем, Александром Фадеевым.

Он говорил про нее: «Таких, как Лина, не бывает».

Мария Бабанова

ХРУСТАЛЬНАЯ ЛЕГЕНДА

Ее гениальную игру помнят несколько поколений театралов.

Ее хрустальный, вечно молодой голос до сих пор живет в душах тех, кто имел счастье его слышать. Она стала легендой еще при жизни – и легенда надолго переживет ее.

…Впервые я увидел Марию Ивановну Бабанову на сцене еще студентом первого курса. Мы с приятелем гуляли по улице Герцена и вдруг увидели афишу спектакля «Таня» по пьесе Арбузова. Мне почему-то показалось, что это пьеса про Зою Космодемьянскую – героиню Великой Отечественной войны; Таней она назвалась немцам, когда ее схватили, и именно Таней ее называла вся страна, пока не выяснилось ее настоящее имя. Мы

купили билеты с рук – в кассе не было ни одного билета – и вошли в зал. Когда началась пьеса, на сцену вышла хрупкая женщина, на вид ей было около пятидесяти лет, и я все никак не мог понять, при чем тут Зоя Космодемьянская и почему эта немолодая актриса играет молодую девушку. Но уже через несколько минут, когда Мария Бабанова – а это была она – заговорила, я забыл про все, очарованный магией ее игры и волшебством ее необыкновенного голоса.

Как это ни странно, ее семья не была связана с искусством; она даже не была особо интеллигентной. Мать, Екатерина Васильевна Прусакова, была из замоскворецких купцов. По большой любви она вышла замуж за Ивана Ивановича Бабанова, сына крестьянина из села Иваново и дочери главы цыганского табора, осевшего в селе. Цыганская кровь дала ему красивую, благородную внешность, любовь к спорту (извечного цыганского коня

Иван Иванович заменил на велосипед, которым владел столь же виртуозно) – и неимоверную скупость. Даже деньги, подаренные к празднику его дочери, он отбирал и складывал в копилку. В свое время семья Прусаковых согласилась на их брак только при условии, что он бросит завод, где работал токарем, и будет работать в одном из семейных магазинов. Бабанову не хотелось, но он все же согласился.

Их единственная дочь Мария родилась 11 ноября 1900 года. Она никогда не чувствовала себя своей в этой насквозь купеческой семье, где стремления девочки «к прекрасному» казались блажью и вышучивались. Как потом напишет драматург Виктор Розов, «она родилась в своей семье, как звездный мальчик в семье дровосека». Муся унаследовала от отца не только утонченность черт лица, но и подвижность, любовь к спорту, но даже отец не поддерживал в ней эту жажду свободного, неограниченного движения: от Муси требовалось сидеть тихо и вышивать. А она это ненавидела…

Неудивительно, что она с радостью ходила в школу, точнее, в училище Московского общества распространения коммерческого образования, где уровень предоставляемых знаний был заметно выше гимназического стандарта. Муся часто выступала на утренниках с чтением стихов. Репетировала даже роль в школьной постановке, но заболела от волнения перед самой премьерой. Эта повышенная чувствительность еще не раз даст о себе знать в будущем.

Увлекалась Муся и спортом: играла в пинг-понг, волейбол, футбол… Эту любовь она тоже сохранила на всю жизнь.

Муся окончила училище в 1915 году. Сначала она поступила

на естественное отделение Коммерческого института, потом перевелась на Высшие женские курсы. Было такое время, когда жизнь была гораздо интереснее любой учебы. Революция многое изменила в их жизни. Все имущество было конфисковано – даже та копилка, куда складывались «до поры» Мусины подаренные деньги; бабушку, бывшую главу семьи, от переживаний разбил паралич – она умерла только через 12 лет; Иван Иванович вернулся на завод – быть рабочим стало жизненно необходимо. Муся упивалась наступившей свободой. Она поступила сначала в дошкольный отдел Наробраза, затем в школьный отдел, незаметно вышла замуж за своего друга детства – семья не знала об этом целый год. Замужество мало что изменило в ее жизни, но тем не менее помогло круто изменить ее судьбу. Это была гостеприимная, открытая, интеллигентная еврейская семья, где много говорили об искусстве, о театре, о политике. Однажды

в дом приехала знаменитая актриса Елена Маврикиевна Грановская, отдаленная родственница этой семьи. Услышав из соседней комнаты хрустальный голос Муси, она сказала: «С таким голосом надо на сцену!»

И Муся пошла на сцену.

В 1919 году она поступила в театральную студию ХПСРО – Художественно-просветительного союза рабочих организаций; во главе студии стоял Федор Федорович Комиссаржевский – брат великой Веры Комиссаржевской, один из самых образованных и энергичных театральных деятелей того времени. Занятия шли в здании театра «бывшего Зон» на Триумфальной площади; целью обучения было воспитание «универсального актера», поэтому студийцы занимались и словом, и пением, и движением. Балетным отделением руководил известнейший танцовщик Михаил Мордкин, в студии занимались многие будущие знаменитости: великолепная певица Валерия Барсова, известный танцор Большого театра Асаф Мессерер, знаменитые артисты Игорь Ильинский и Михаил Жаров… Бабанова и Ильинский вместе сыграли в спектакле «Свадьба Фигаро» по Бомарше: она играла Фаншетту, он – ее дядю, садовника Антонио. Игра ее, как вспоминают, уже тогда была безупречна.

Вскоре Комиссаржевский уехал в Англию на театральную выставку и не вернулся. Студийцы разбежались кто куда, кое-кто остался в здании студии. Ждали чего-то… И дождались. Из освобожденного Новороссийска в Москву вернулся Всеволод Эмильевич Мейерхольд, известнейший театральный режиссер. Уже тогда его имя было окутано легендами: в день его премьеры лермонтовского «Маскарада» – пьесы, по всеобщему убеждению, проклятой – пала царская Россия: император Николай II отрекся

от престола. Мейерхольд сразу же возглавил театральный отдел Наркомпроса (ТЕО), «Театральный Октябрь» и Театр РСФСР Первый, который получил здание «б. Зон» – вместе со всеми, кто там обретался. Поначалу Бабанова была в массовках: только один раз ей доверили произнести реплику; но все смеялись, хотя слова была трагические, и реплику отняли. Так и продолжалось: днем Наркомпрос, вечером массовка. Вскоре она ушла из Наркомпроса, чтобы последовать за Мейерхольдом. Дома, как обычно, она ничего никому не сказала.

К 1922 году Мейерхольд постепенно растерял все свои должности: он ушел из ТЕО, Театр РСФСР Первый был закрыт, а к «Октябрю» он охладел. И он перешел в Государственные высшие режиссерские мастерские – ГВЫРМ. Бабанова пытается поступить туда – и поначалу ее не хотят принимать: на том основании, что ее… нечему учить. Но ее все-таки приняли. И сразу же дали главную роль Стеллы в студийном спектакле «Великодушный рогоносец» по пьесе Фернана Кроммелинка. Ее партнером был Игорь Ильинский.

Время диктовало свои правила: спектаклю не должны требоваться здание, сложный реквизит, масштабные декорации; ничего нельзя было достать. Поэтому спектакль игрался на специальном станке, сделанном из подручных материалов: площадки, скаты, три колеса, покрашенные театральным гримом и сажей, вращающиеся двери. Актеры были одеты в «прозодежду» – одинаковые синие рабочие комбинезоны. Вся постановка обошлась в 200 рублей.

Главной идеей театра Мейерхольда была биомеханика; он сделал из актеров механических кукол, а из спектакля – акробатический этюд. Движение доминировало над переживанием, успешно заменяя смысл. Сейчас это трудно себе вообразить; тогда это было революцией. Первое представление «Великолепного рогоносца», состоявшееся 25 апреля 1922 года, совершило переворот в представлении публики о театре. На следующее утро Бабанова проснулась знаменитой.

А накануне вечером она, заплаканная, шла после премьеры домой, желая броситься под трамвай, но трамваи тогда в Москве ходили очень редко…

Единственным, что выбивалось из общей механистичности постановки, была Стелла – она была живой, полной нежности, наивности и почти детской легкости. Ее душа пробивалась к зрителю сквозь точно выверенный рисунок движения труппы. Мейерхольд счел это недостатком, но потом понял, что это было главной удачей его спектакля, потому что Стелла одухотворяла мертвую машину «Рогоносца». Постановка имела феерический,

скандальный, грандиозный успех.

Для Бабановой началась новая жизнь: репетиции, спектакли, гастроли… Тихо распался ее брак: мужа командировали в Семипалатинск, а она осталась с театром. Театр был ее главной страстью, а ее божеством был Мейерхольд, в котором воплотились для нее все мечты о театре. Когда он в 1922 году принял на себя руководство Театром Революции, Бабанова перешла в труппу этого театра. Вместе с ней в труппе были Дмитрий Орлов, многолетний партнер Бабановой, и Николай Охлопков, ее партнер по «Рогоносцу» (он играл Волопаса) – будущий глава этого театра. Театр отвоевал себе здание бывшей Оперетты Потопчиной близ Никитских ворот. Именно на этой сцене Бабановой суждено будет провести большую часть своей долгой театральной жизни.

Первой постановкой нового театра была пьеса Островского «Доходное место». Бабановой была поручена роль глуповатой и наивной Поленьки Кукушкиной. В этой роли Бабановой пригодилось ее замоскворецкое прошлое – говор, поведение, мысли Поленьки были безупречно подлинны. После премьеры 15 мая 1923 года «Доходное место» стало на долгие годы самым популярным спектаклем театра. Мастерство, талант Бабановой были сразу же оценены и критикой, и зрителями. Ее приветствовали как новую актрису – носительницу новой техники и новых идей. Имя Бабановой засияло над театральной Москвой.

В августе 1923 года Мейерхольд с женой Зинаидой Райх уехали отдыхать за границу, и Театр Революции начал репетировать мелодраму Алексея Файко «Озеро Люль». Режиссером был Абрам Роом – будущий известнейший кинорежиссер. Бабановой досталась небольшая роль шантанной певички и содержанки Жоржетты Бьенэмэ. Несмотря на маленький размер роли, ходили на спектакль в основном ради Бабановой – ее игра вывела Жоржетту в центр спектакля; на всех афишах рисовали только Бабанову. На «Озеро Люль» зрители валили валом… А над Бабановой нависла угроза «сужения амплуа» – ей стали одну за другой поручать роли развращенных женщин. И она с блеском их играла. Секрет был в том, что Бабанова как никто другой умела передать не только и не столько внешний блеск подобных героинь, но и их внутренний мир – опустошенность, нравственную и духовную неразбуженность, даже детскость. Ее куртизанки и шансонетки были, по сути дела, девочками, которых жизнь слишком рано заставила быть женщинами. Зрители это чувствовали и любили их так же сильно, как саму Бабанову.

В своем следующем спектакле-обозрении «Д.Е.» («Даешь

Европу!») Мейерхольд задействовал Бабанову в нескольких подобного рода танцевально-вокальных эпизодах: в «Чонге», танце апашей и танцевальном номере «Лесбос» – в нем Бабанова впервые встретится с Зинаидой Райх, своей будущей партнершей и соперницей; Мейерхольд понемногу начал занимать свою обожаемую жену в своих спектаклях. Звездой спектакля был молодой Эраст Гарин – впоследствии знаменитый актер; он сыграл в этом спектакле сразу семь ролей. И, конечно, Бабанова – публика ждала каждого ее появления на сцене.

Такой успех ее мучил: ей казалось, что если хлопают ее «разложившимся» героиням, это общественно вредно. А зрители понимали совсем другое: если общество не способно достойно обращаться с такой чудесной, нереальной женщиной, которую играла – и которой была – Бабанова, это общество не имеет права на существование…

Так же спокойно, как развелась, Бабанова снова вышла замуж за своего партнера по «Д.Е.» Давида Яковлевича Липмана, очень доброго и милого человека. Он был ей рыцарски предан, обожал ее, а она это позволяла. Они были на «вы». Он сознательно взял на себя роль «мужа знаменитости» – лишь бы быть рядом с нею, помогать ей жить, идти вместе с нею в театр и домой…

Следующие роли Бабановой – соблазнительница Рита Керн в «Воздушном пироге» Бориса Ромашова, сыгранная в Театре Революции, миллионерская дочка в фильме «Сердца и доллары» Николая Петрова – были такого же плана. Сниматься она больше не хотела – боялась, что свет юпитеров сожжет ей глаза.

Такой же была и роль Теа в «Учителе Бубусе» Файко. Драматург, очарованный Бабановой, написал эту пьесу специально для нее: ей предназначалась главная роль Стефки. Но роль понравилась Райх – и Бабановой досталась эпизодическая

роль Теа, одной из развратных сестер Баазе…

Но успех Бабановой затмевал Райх. И началось постепенное выживание «ненужной примы» из театра Мейерхольда – ТИМа. В один прекрасный день обнаружилось, что «Бубус» внезапно перенесли: на тот день, когда в Театре Революции идет «Воздушный пирог». Бабанова в истерике бегала из одного театра в другой, пока «Пирог» не согласились заменить. В конце концов она ушла из Театра Революции. Она решила остаться с Мейерхольдом, предпочтя играть эпизоды, но зато быть рядом с обожаемым Мастером.

Она участвует в спектакле «Рычи, Китай!» по пьесе Сергея Третьякова; ставил спектакль В. Федоров. Сначала ей опять дали такую же роль – глупой туристки Корделии. Но она впервые взбунтовалась и получила роль Боя – китайского мальчика на теплоходе. Роль крошечная, всего три эпизода… Но Бабанова смогла сделать из нее стержень, на котором держался весь спектакль. Во многом благодаря Мейерхольду – накануне премьеры он зашел на репетицию и за сорок минут сделал всю роль заново.

Премьера состоялась 23 января 1926 года. Роль Боя считается одной из вершин театрального искусства.

Бабанова была невероятно популярна – и это в то время, когда на московских сценах блистали Алиса Коонен, Софья Гиацинтова, Цецилия Мансурова, Вера Пашенная… Но в Бабановой новое, нарождающееся поколение видело свой идеал: маленькая, хрупкая девушка с хрустальным голосом воплотила в себе все ожидания времени. Это была тайна, волшебство, легенда…

И в это время Мейерхольд начинает репетировать один из своих лучших спектаклей – «Ревизора» Гоголя. Центром его должна была стать Зинаида Райх – Анна Андреевна; Бабановой досталась роль Марьи Антоновны. Хлестакова играл Гарин. Бабанова играла девочку-подростка, которой властная, ревнивая мать, «гвардейская тигресса», не дает повзрослеть. Вне пьесы все было точно так же: ревнивая Райх тоже не давала Бабановой развернуться. По ее настоянию были убраны выигрышные для Бабановой сцены. Романс, который удивительно пела своим чистым голосом Марья Антоновна, был сначала сокращен – от первоначальных четырех куплетов за несколько репетиций остался всего один, да и тот Бабанова была вынуждена петь в глубине сцены. Стоило Андрею Белому прийти на репетицию и похвалить Бабанову, как ее роль снова сократили… Бабанова терпела: для нее превыше всего – всех обид, унижений, синяков от щипков Райх – была возможность быть рядом с Мейерхольдом.

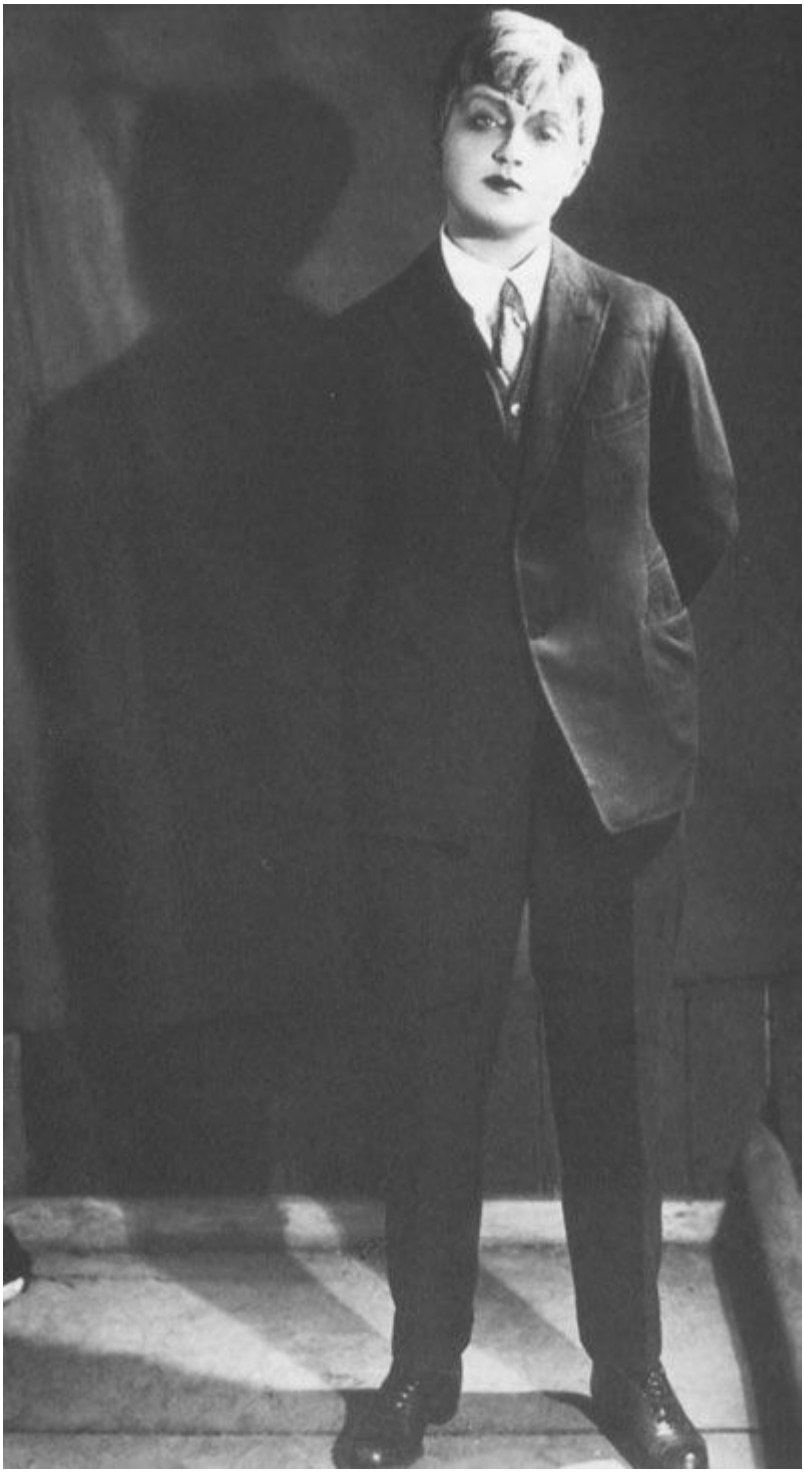
А он винил ее во всем. Например, на премьере у Гарина от волнения сел голос, и он попросил оркестр играть потише; разъяренный Мейерхольд за кулисами обвинял дирижера в том, что тот сорвал спектакль, потому что его подкупила Бабанова. Она написала Мейерхольду и Райх письмо, где униженно оправдывалась за несуществующие грехи… Но финал был неизбежен.

В 1927 году ТИМ поехал на гастроли в Тбилиси. Это был триумф. В местной газете появилась статья, восхваляющая театр и между прочим требующая дать Бабановой больше ролей. На следующий день Мейерхольд публично объявил Бабанову «вне ансамбля». На представление «Д.Е.» темпераментные грузины начали с утра свозить корзины чайных роз для Бабановой. Мейерхольд счел это подготовленной демонстрацией и в гневе уехал из города. В Ростове-на-Дону история снова повторилась… Наконец, в Харькове, после последнего представления «Ревизора», Бабановой передали записку от Мейерхольда: «Товарищ Бабанова, в дальнейшем не считаю возможным работать с Вами. Вс. Мейерхольд».

Если противник не сдается – его уничтожают.

Бабанова мешала Зинаиде Райх царить на сцене Мейерхольда. Она мешала самому Мейерхольду, который не смог полностью подчинить себе ее талант. А она поклонялась ему, как Богу – богу театра, который был смыслом всей ее жизни…

Итог этой истории Бабанова подвела в 1972 году. Театральный музей имени Бахрушина отмечал 50-летие постановки «Великодушного рогоносца». Пришли все, кроме Бабановой. Она прислала фотографию, на которой было написано: «Время сгладило горечь жестоких несправедливостей, пережитых мною в его театре. Осталась бесконечная благодарность судьбе за встречу с гениальным Мастером».



Мария Бабанова в роли мальчика Гоги в спектакле «Человек с портфелем»

1 сентября 1927 года Бабанова вновь поступила в труппу Театра Революции. Она была на гребне славы; ее образ – тоненькая, спортивная девушка, одновременно лиричная и задорная, с золотой челкой и небольшим темным бантом под белым отложным воротничком, – будет тысячами гулять по московским улицам. Светлые волосы и челки многих советских актрис – начиная с Марины Ладыниной – будут данью ее, бабановскому, стилю, они разнесут облик Бабановой по стране. Ее любили, перед ней преклонялись и, как это ни странно, перед ней робели. Она, хрупкая, легкая, по-девичьи светлая, внушала своим талантом, своей воздушной красотой робость и благоговение…

Для Бабановой тут же возобновили «Озеро Люль» и «Доходное место», для нее Файко написал новую пьесу «Человек с портфелем». Он видел ее в роли Зины – образцовой комсомолки. Но и режиссер Алексей Денисович Дикий, перешедший в театр из МХАТа Второго, и сама Бабанова предпочли роль мальчика Гоги, вернувшегося из Парижа в Россию. Ее маленький рост, волшебный высокий голос и внутренняя чистота делали Бабанову идеальной исполнительницей подобных ролей. В этой роли Бабанова достигла вершин амплуа травести. Ее исполнение доказало, что Бабанова вполне способна играть и без Мейерхольда; и не просто играть, но играть гениально.

Следующей ее удачей будет роль Анки в «производственной» пьесе Николая Погодина «Поэма о топоре» в постановке Алексея Попова, тоже выходца из МХАТа. Для исполнения этой роли Ба банову вызвали из Ленинграда, где она снималась в кино. Пьеса о буднях Златоустовского завода и выплавке нержавеющей стали сейчас смотрится наивной и во многом смешной; тогда это был неимоверный успех. Поначалу Бабановой была уготована все та же привычная роль «разложенки» – американки Анн, а Анку должна была играть замечательная актриса Юдифь Самойловна Глизер. Но Глизер и Бабанова не поладили, Глизер поссорилась с Поповым, а роль Анн решено было вообще убрать. И «фабричную девчонку» сыграла Бабанова. А вслед за ней – Колокольчикову, крохотный эпизод в пьесе Погодина «Мой друг», одну из четырех инженерских жен в одной-единственной сцене… Но как она сыграла! Ей было неимоверно трудно – привыкшая у Мейерхольда к режиссерскому диктату, к строгому повиновению заданному им рисунку, она оказалась у режиссеров, предоставлявших ей самой решать, как именно выражать то или иное чувство. И она находила – ту единственную интонацию, неповторимый, оттачивающийся с годами жест, заставляющий публику падать к ее ногам…

А в ее личной жизни наступил очередной поворот. За кулисами Театра рабочей молодежи – ТРАМа – она познакомилась с его руководителем Федором Федоровичем Кнорре. И влюбилась. Кнорре, младше ее на три года, был, кажется, единственным мужчиной за всю ее жизнь, которого она действительно любила.

Федор Кнорре начинал как цирковой эквилибрист. Потом он увлекся театром – был актером, режиссером, затем стал драматургом, писал детские сказки. Он был, пожалуй, единственным из поклонников Марии Бабановой, кто никогда не видел ее на сцене. И потом их творческая судьба шла параллельно: в отличие от многих своих коллег Федор Кнорре не писал пьес для своей жены. Писали для нее другие. А они друг для друга жили.

Кнорре тогда жил на Чистых прудах, в бывшей комнате кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Встречаться было негде, и Кнорре и Бабанова часами гуляли по московским бульварам… Вскоре они поженились.

В 1933 году Марии Ивановне Бабановой было присвоено звание заслуженной артистки республики – в связи с 10-летием Театра Революции. Она получила отдельную квартиру в Петровском переулке. В квартире она создала удивительную красоту – старинная ампирная мебель, фарфор, – во всем был виден безупречный вкус. В быту Бабанова была довольно тяжелым человеком – требовательная к себе, она была столь же беспощадна к другим. Этим же объяснялись многочисленные легенды о том, как Бабанова спорит с режиссерами.

В 1935 году, вернувшись из гастрольной поездки по Белоруссии и Украине, театр начинает постановку «Ромео и Джульетты» Шекспира. Бабановой досталась роль Джульетты, а кормилицу играла Нина Мамиконовна Тер-Осипян – многолетний друг и партнер Бабановой. Пока шли репетиции, Бабанову пригласил в себе Станиславский – и предложил перейти во МХАТ. Но Бабанова отказалась. Свой, привычный театр был ей дороже – тем более что сам Станиславский уже много лет не работал. И, может быть, она была права: во МХАТе ей было уготовано несколько чужих ролей «в очередь», а в Театре Революции она была «звездой». Но спектакль не задавался: репетиции шли тяжело, прямо перед премьерой Попов ушел из театра, и спектакль заканчивали как могли. Бабановская Джульетта не понравилась ни публике, ни критике. Бабанова играла нежную девочку, погибающую от первой, еще незрелой любви, а от нее требовали быть взрослой и сильной женщиной, героически противостоящей обществу. Если бы спектакль вышел в 60-х, он

стал бы сенсацией; но он, к сожалению, сильно опередил свое время.

Однажды на «Ромео и Джульетту» пришел Мейерхольд. У Бабановой от волнения отнялись ноги; начало спектакля задержали на полчаса, она с трудом доиграла до конца…

26 мая 1937 года состоялась премьера «Собаки на сене» Лопе де Вега с Бабановой в роли Дианы – изначально неудачный спектакль был за неделю до премьеры переделан новым главным режиссером театра Николаем Васильевичем Петровым. «Собака на сене» стал настоящим бенефисом Бабановой, тем спектаклем, в котором она смогла показать свой талант во всей его полноте. А 18 марта 1939 года было первое представление новой пьесы Алексея Арбузова «Таня».

Эта наивная пьеса про женщину, которая ради любви забыла свою собственную жизнь, а потом потеряла и любовь, имела неимоверный, фантастический успех. Спектакль прошел больше тысячи раз – абсолютный рекорд. На него ходили снова и снова, чтобы вновь прикоснуться к той тайне, которую творила на сцене Бабанова – Таня. Все женщины хотели иметь такую же, как у нее, пушистую вязаную белую шапочку, все шили себе такой же костюм, как у нее, – белая блузка с бантом и синяя юбка в белый горох…

А незадолго перед тем, 7 января 1938 года, был закрыт Театр Мейерхольда. Его самого вскоре арестовали, и он, как узнали потом, погиб. Его жену, Зинаиду Райх, через некоторое время нашли в собственной квартире убитой, с выколотыми глазами… Время менялось.

В декабре 1940 года Бабанова сыграла Ларису в «Бесприданнице». Это был провал – первый несомненный провал в ее театральной биографии. Так считала она и многие критики тех лет. Но у спектакля и особенно у нее было немало почитателей ее Ларисы. Только с течением времени стало очевидно, что это был еще один спектакль, опередивший свое время…

А потом началась война. Театр эвакуировали в Ташкент – там же оказались Ахматова, Раневская… В Ташкенте чудом смогли восстановить «Ромео и Джульетту» и «Таню» – декорации потерялись где-то по дороге. И была премьера: театр поставил пьесу Александра Гладкова «Давным-давно» (или «Питомцы славы»; известный фильм по этой пьесе называется «Гусарская баллада»). Патриотическая пьеса о войне 1812 года имела оглушительный успех; особенно выделяли Бабанову – Шуру Азарову и Осипа Абдулова – Кутузова. Спектакль делали буквально «из ничего»: Александр Тышлер, художник театра, для

платья Азаровой лично рисовал масляной краской розы на дешевой ткани; из той же ткани был сделан задник и половина других костюмов. Публика брала штурмом Дом офицеров, где играл Театр Революции, чтобы посмотреть на Бабанову – Шуру, на Бабанову – Таню, на ту жизнь, которая была «тогда»…

А личная жизнь разладилась. У Кнорре случился небольшой роман с актрисой Ниной Емельянцевой, она снималась в фильме Кошеверовой «Аринка». Ничего серьезного, но когда об этом узнала Бабанова, она молча, без каких-нибудь объяснений, прервала их семейную жизнь. Они все еще жили в одной квартире, даже когда вернулись в Москву, только не разговаривали. Через несколько лет он получил отдельное жилье и съехал – больше они никогда не встречались. Но он звонил ей каждый день, и они подолгу беседовали. Если почему-то звонок задерживался, она ходила нервная, злая… Бабанова так и не научилась ни прощать, ни забывать…

В начале октября 1944 года Театр Революции вернулся из эвакуации. Вскоре он был переименован в Московский театр драмы; через десять лет театру было присвоено имя В. В. Маяковского. Новым главным режиссером театра был назначен Николай Павлович Охлопков – бывший соратник Бабановой по студии Мейерхольда. Бабанова была одной из тех, кто настаивал на его кандидатуре. Он тоже помнил ее – ту, юную, легкую… И стал давать ей соответствующие роли: Офелию в «Гамлете», Любку Шевцову в «Молодой гвардии»… Специально для Бабановой – Любки была написана знаменитая песня «Одинокая бродит гармонь». Но на генеральной репетиции Фадеев заметил, что Бабанова гораздо старше Любки; ей тут же все это донесли. От волнения у нее пропал голос, а Охлопков решил, что Бабанова специально молчит, не желая играть; она действительно всеми силами противилась назначению на эту роль, понимая, что она ей не по возрасту… И Офелию не хотела играть – в пятьдесят пять. Умоляла, плакала… У нее воспалился тройничный нерв, она еле ходила – Охлопков снова считал это притворством; она считала, что он хочет уничтожить ее как актрису, обрекая на неудачи, а он говорил ей: «Ты только сделай мне эту роль, сделай». Но играла. А потом на спектакль пришел Вячеслав Молотов и заметил, что Офелия слишком стара. Бабанову тут же сняли с роли. Она написала заявление об уходе; Охлопков его не принял…

Бабанова – Таня, 1948 г.

После войны Охлопков возобновил для нее «Ромео и Джульетту», поставил новый вариант «Тани». У нее были и новые удачные роли: изысканная, надломленная Мари в пьесе Виктора Гусева «Сыновья трех рек» (последняя из ее великих ролей); Элизабет в «Круге» Сомерсета Моэма (Охлопков хотел, чтобы она

сыграла леди Китти, но она категорически отказалась, будучи против перехода на возрастные роли); невероятная по силе, виртуозно сыгранная купчиха Софья Зыкова в «Зыковых» Горького – здесь Бабановой снова пригодились воспоминания детства… Но «Зыковых» играли редко, и спектакль быстро сошел со сцены. Бабановой было тяжело: она с трудом справлялась с возрастом, тяжело меняла амплуа. Самой природой, давшей ей вечно молодой голос, девичью фигуру, юную душу, она не была предназначена для возрастных ролей. После «Зыковых» она почувствовала в себе эту способность, но ни Охлопков, ни театр не поддержали ее. Она нашла выход, записываясь на радио. Сказки, прочитанные ее неземным голосом, можно услышать до сих пор…

Мария Бабанова в спектакле «Старомодная комедия», 1973 г.

Она отлучалась в Ленинград, два сезона играла там Мэгги в пьесе Джеймса Барри «То, что знает каждая женщина». В 60-е годы сыграла бывшую актрису Александру Ильину в новой пьесе Арбузова «Нас где-то ждут», несколько ранее Раневскую в «Вишневом саде» Чехова и Кей в японской пьесе Каору Моримото «Украденная жизнь» – весь возрастной диапазон за одну пьесу. В другое время этот спектакль стал бы событием; но тогда театр все

дальше и дальше уходил в сторону, противоположную тонкому, лиричному бабановскому искусству. С годами Бабанова все реже выходила на сцену, все меньше появлялась на людях. Время щадило ее, но и оно не могло пройти мимо. Она неудачно попробовала себя в преподавании, в режиссуре… Когда вместо умершего Охлопкова в театр пришел Андрей Александрович Гончаров, все осталось по-прежнему – маленькие роли, напрасные поиски подходящей пьесы, ожидание… Она сыграла Москалеву в «Дядюшкином сне» по Достоевскому, сыграла невероятно, необыкновенно… Но спектакль шел редко, она много болела, и от роли пришлось отказаться. Практически из Театра Маяковского она ушла.

Но это был не конец. Последней ее удачей была роль Жены в пьесе Эдварда Олби «Все кончено». Спектакль ставился во МХАТе – специально для Бабановой; ее партнерами были Ангелина Степанова и Марк Прудкин. Последнее сотворенное ими чудо театра, которое, к счастью, сохранилось, – спектакль был записан для телевидения, его можно увидеть. Все остальное пропало, исчезло без следа и хранится только в памяти людей, а людская память, к сожалению, не вечна…

Мария Ивановна Бабанова умерла в 1983 году. После ее смерти Фаина Георгиевна Раневская написала на листке бумаге: «Скончалась Бабанова – величайшая актриса нашего времени. Все время с тоской думаю о ней…»

Фаина Раневская

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА С ХРУПКИМ СЕРДЦЕМ

Десять лет назад редакционный совет английской энциклопедии «Who is Who» назвал Фаину Георгиевну Раневскую в числе десяти самых выдающихся актрис XX века. Между тем у нее почти не было ни одной главной роли в кино, которое ее прославило, а в театре она играла гораздо меньше, чем ей хотелось бы. Когда Раневская была моложе, режиссеры звали ее сниматься на роли без слов – и даже вообще без роли, – надеясь, что она придумает себе роль, которая украсит их фильм. А потом перестали звать даже на эпизоды, понимая, что ее игра затмит всех остальных. Она говорила: «У меня хватило ума глупо прожить жизнь…»

Настоящая фамилия Фаины Георгиевны – Фельдман. Она родилась в Таганроге 27 (по старому стилю 15) августа 1896 года. Она всю жизнь гордилась тем, что в этом же городе родился Антон Чехов и провел последние дни император Александр I. Отца Фаины звали Гирши Хаймович Фельдман (все будущие попытки актрисы произвести приличное для недолюбливающей евреев власти отчество привели к разночтениям: она то Григорьевна, то Георгиевна; впрочем, самой Раневской больше нравился второй вариант). Он был очень богатым человеком: владел фабрикой сухих красок, недвижимостью – домами, складами, даже пароходом «Святой Николай» – тем самым, на

котором в 1902 году Лев Толстой возвращался из Крыма. Он был старостой синагоги, основал приют для пожилых евреев. Человек очень строгий, принципиальный и немного суховатый – маленькая Фая его боялась. Зато очень любила мать, Милку Рафаиловну (в девичестве Валову) – женщину страстную, нервную, немного экзальтированную, обожающую искусство. На памяти Фаины она плакала – точнее, рыдала – только два раза в жизни: когда не стало Льва Толстого и когда умер Антон Чехов. Актерский темперамент Фаина, несомненно, унаследовала от матери. С раннего детства ей нравилось изображать людей – дворника, прохожих, нищих на улицах…

Любимицей семьи была старшая дочь Белла – красавица и умница. Постоянно сравниваемая с сестрой, Фаина чувствовала себя неуверенно, и это чувство неуверенности в себе осталось у нее на всю жизнь. Неуклюжая, нескладная, к тому же немного заикающаяся, Фаина искала способ выразить себя, найти свое место в жизни. И такое место вскоре нашлось: театр.

Огромное впечатление на Фаину произвели первые киноленты, спектакли гастролировавших в Таганроге провинциальных театров, выступления Скрябина. В 1910 году, на отдыхе в Евпатории, Фаина познакомилась с гостившей там Алисой Коонен, в то время актрисой МХТа. Весной 1911 года в Таганрог приехала на гастроли труппа театра Ростова-на-Дону, где блистала Павла Леонтьевна Вульф – известнейшая в то время провинциальная актриса. Ее называли «провинциальной Комиссаржевской» – Павла Вульф была ее ученицей, играла похожий репертуар. Игра Павлы Вульф настолько покорила Фаину, что она по окончании гимназии решила пойти на сцену. Отец был решительно против – и Фаина порвала с семьей. В 1915 году она уезжает в Москву.

Здесь она последовательно поступала во все театральные школы – и нигде не была принята: мало того, что внешность у Фаины была «неартистическая», так еще на прослушиваниях она от волнения начинала заикаться. Наконец удалось пристроиться в частную школу, но оттуда она вскоре вынуждена была уйти – нечем было платить. Денег практически не было. От отчаяния она пошла к старому другу отца. Тот сказал: «Дать дочери Фельдмана мало – я не могу, а много – у меня уже нет…»

Наконец отец, поддавшись уговорам жены, прислал ей перевод. Получив деньги, Фаина вышла на улицу – и ветер вырвал их у нее из рук. Фаина вздохнула: «Как жаль – улетели…»

Кто-то из знакомых, узнав об этой истории, сказал: «Это же Раневская, «Вишневый сад»! Только она так могла!» И Фаина стала Раневской.

Непрактичность всю жизнь была основной из главных черт Фаины Георгиевны. Деньги у нее никогда не водились – ее либо обкрадывали собственные домоправительницы, либо брали в долг без отдачи, а все, что оставалось, она тратила на подарки друзьям.

В Москве Фаина познакомилась со знаменитой балериной Екатериной Васильевной Гельцер. Она иногда пускала к себе кого-нибудь, подобранного из толпы у Большого театра. Подходила, спрашивала: «Кто тут самый замерзший?» Однажды такой оказалась Фаина. Они с Гельцер, несмотря на разницу в возрасте, очень подружились. Гельцер ввела Фаину в круг своих друзей, водила на спектакли Московского Художественного театра, познакомила с Мариной Цветаевой, Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским. Она же устроила Фаину на сцену – на выходные роли в летний Малаховский театр, антрепренером которого была ее близкая приятельница. Театр был очень неплохим: там во время летних каникул играли лучшие актеры, ставились классические пьесы. По окончании сезона Фаина через театральную биржу с немалым трудом устроилась за 35 рублей в месяц «со своим гардеробом» на роли героини-кокетт (то есть соперницы главной героини) в Керчь.

В Керчи состоялся официальный дебют Фаины – она играла мальчика-гимназиста в пьесе «Под солнцем юга». В театр никто не ходил, и антреприза прогорела. Распродав вещи, Фаина переехала в Феодосию. Тамошний антрепренер сбежал от актеров, ничего не заплатив. Из Феодосии пришлось перебраться в Кисловодск, а оттуда – в Ростов-на-Дону.

Наступил 1917 год. Весной стало известно, что вся семья Фельдман на своем пароходе «Святой Николай» эмигрировала в Турцию.

В Ростов Фаина приехала с единственной целью – обратиться за помощью к жившей там Павле Вульф. Раневская явилась к ней в номер, от смущения села на журнальный столик вместо стула. Вульф предложила ей выучить роль из какой-нибудь пьесы и, увидев результат, сказала: «Мне думается, вы способная, я буду заниматься вами».

Уроки у Вульф стали, по сути дела, единственной театральной школой Раневской. Несмотря на разницу в возрасте – шестнадцать лет, – их отношения переросли в дружбу, связывавшую двух актрис всю жизнь. Вульф заменила Раневской семью, являясь ее наставником, другом, единственным критиком – строгим и авторитетным. Вместе они прожили почти 45 лет.

Дочь Павлы Ирина очень ревновала мать к Фаине. Чтобы доказать, что она тоже на что-то способна, Ирина со временем

сама пошла на сцену. Она уехала в Москву, где с успехом играла в разных театрах, потом стала режиссером – даже ставила спектакли, в которых играла Фаина Георгиевна.

Когда в Ростове начались бои, решили уехать в Крым. Раневскую взяли с собой. Она потом говорила: «Павла Леонтьевна спасла меня от улицы».

В Крыму тогда было страшно: постоянные бои, голод, эпидемии. Спас семью Вульф Максимилиан Волошин, регулярно приносивший им еду: хлеб и мелкую хамсу, которую жарили на касторовом масле. Раневская много играет – пьесы Чехова, Островского, Гоголя, Горького. Играть было тяжело, и Фаина много раз решала уйти со сцены, но Павле Леонтьевне удавалось ее успокоить, уговорить остаться. В конце 1924 года, когда война закончилась, Вульф и Раневская переехали в Москву – там, в школе-студии МХТ, уже училась дочь Павлы Леонтьевны Ирина.

Павла Вульф и Раневская поступили в передвижной театр московского отдела народного образования – МОНО, на следующий год, когда МОНО закрылся, – в Бакинский рабочий театр, где проработали три года, потом играли в Гомеле, Смоленске, Архангельске, Сталинграде, опять Баку. А в 1931 году Павлу Вульф пригласили на педагогическую работу в Театр рабочей молодежи – ТРАМ. И Вульф с Раневской снова оказываются в Москве.

Здесь Раневскую пригласил в свой Камерный театр известный режиссер Таиров – с его женой и первой актрисой его театра Алисой Коонен Фаина была знакома уже давно. Уже первая ее роль – Зинка в «Патетической сонате» – имела шумный успех у публики.

Желая покорить и кинематограф, Раневская собрала свои фотографии и отослала их на «Мосфильм». Ей вернули их со словами: «Это никому не нужно». Актриса обиделась на кино. Но когда однажды к ней подошел молодой человек и сказал, что хотел бы снять ее в кино, она бросилась ему на шею. Это был Михаил Ромм, который тогда приступал к съемкам своего первого фильма «Пышка» по Ги де Мопассану.

Фаина играла роль госпожи Луазо. Съемки проходили по ночам – актеры были из разных театров, днем их собрать было невозможно, – в холодном павильоне. Раневской сшили платье из остатков ткани, которой обили экипаж, – оно было очень тяжелым и совершенно неудобным. Когда съемки наконец закончились, Фаина вместе со своей подругой и партнершей по фильму Ниной Сухоцкой поклялись на Воробьевых горах, как Герцен и Огарев, что никогда больше не будут сниматься в кино.

Тем не менее уже через два года Раневская согласилась

сняться в фильме режиссера Игоря Савченко «Дума про казака Голоту». Роли для нее не было, но режиссеру так хотелось снять Раневскую в своем фильме, что он предложил ей заменить имеющегося в сценарии скупого попа на попадью. «Если вам не жаль оскопить человека, я согласна», – ответила Раневская.

На пробах ее одели, загримировали и попросили войти в декорации и что-нибудь изобразить. Раневская подошла к клетке с птицами, сунула палец в клетку и засмеялась: «Рыбки мои золотые!» Потом наклонилась к поросятам… Съемочная группа лежала от хохота. Эта кинопроба – редчайший случай – вошла в фильм.

В 1935 году Фаина перешла из Камерного в Центральный театр Красной Армии. Здесь она получила заглавную роль в спектакле по пьесе Горького «Васса Железнова». За исполнение роли Вассы Раневская получила звание заслуженной артистки РСФСР. А в 1939-м она ушла из театра, чтобы сниматься в кино.

В том же году она снялась в фильмах «Человек в футляре» и «Ошибка инженера Кочина», а также в фильме, ставшем ее триумфом и сильно испортившем ей жизнь, – в «Подкидыше». Знаменитую фразу «Муля, не нервируй меня!» она придумала сама – и возненавидела ее. Всю оставшуюся жизнь «Муля» преследовал ее: так кричали толпы бежавших за ней мальчишек на улицах, так говорили, знакомясь с ней, элегантные дамы. Даже Брежнев, вручая ей в 1976 году – в связи с 80-летием – орден Ленина, вместо приветствия сказал: «А вот идет наш «Муля, не нервируй меня!». Раневская ответила: «Леонид Ильич, так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы!» Генсек смутился: «Простите, но я вас очень люблю…»

В фильме «Мечта» Раневская сыграла Розу Скороход – небогатую, несчастную в своей любви к негодяю-сыну содержательницу пансиона. Это была лучшая роль Раневской в кино, единственная ее главная роль в кинематографе, редкое сочетание высокого комизма и глубочайшей трагедии. В то время Раневская была очень худой, хрупкой, но свою героиню она представляла массивной. Раневская специально придумала Розе тяжелую походку, обматывала ноги бинтами, чтобы они казались толстыми и опухшими. Но, к сожалению, судьба у фильма не сложилась. Премьера «Мечты» состоялась 6 июля 1941 года – Москву уже обстреливали. Во время войны фильм был неактуальным, а потом о нем забыли… Когда «Мечту» увидел президент США Рузвельт, он сказал: «На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На время войны семья Вульф и Раневская были эвакуированы

в Ташкент. Здесь Фаина Георгиевна познакомилась и подружилась с Анной Ахматовой, которую едва живой привезли из осажденного Ленинграда. Дружба эта продолжалась всю жизнь. Раневская боготворила Ахматову, называла ее «Рабби» или «Раббинька» – в знак уважения к ее мудрости.

Ахматова утешала ее: «У каждого из нас есть свой Муля». – «А какой Муля у вас?» – спросила Раневская. «Сжала руки под темной вуалью…» – немедленно ответила Анна Андреевна.

Раневская долгое время записывала за Ахматовой ее высказывания по разным поводам. Однажды Анна Андреевна попросила прочесть записи. «Знаете, я растапливала печку и по ошибке вместе с другими бумагами сожгла все, что записала», – ответила Раневская. «Мадам, вам 11 лет и никогда не будет 12», – сказала Ахматова и долго смеялась.

Их дружба продолжалась и после эвакуации – до самой смерти Анны Андреевны в 1966 году. Фаине Георгиевне предлагали написать воспоминания об Ахматовой, но она отказалась: «Мне не поручали сделать это!» С трудом ее уговорили написать воспоминания о себе – она за три года написала почти целую книгу, но потом сожгла. Писательница Маргарита Алигер уговорила ее восстановить написанное, но целой книги уже не получилось…

После Ташкента за Раневской закрепилось прозвище «фуфа» – так ее называл внук Павлы Леонтьевны.

В Москву Вульф и Раневская вернулись в 1943 году. Раневская поступила в Театр драмы (им. Маяковского). Уже на следующий год Раневская снялась в фильме «Свадьба» по Чехову, а в 1947 году – в «Золушке» по Шварцу. Евгений Львович, всегда очень следящий за точностью своего текста, тем не менее позволил Раневской ввести некоторые реплики «от себя»: например, знаменитая фраза «Я бегаю, хлопочу, добываю и добиваюсь, очаровываю…» была придумана Раневской прямо на съемках. В том же году Раневская снимается в «Весне» с Любовью Орловой, с которой тоже была дружна. Когда-то именно Раневская уговорила Любу Орлову сниматься в кино. Ее не отпускали на съемки из театра, и Орлова уже собиралась отказаться от фильма, но Раневская запретила, сказав: «Вот увидишь, кинематограф станет твоей судьбой!» Орлова всю жизнь называла Раневскую «мой Фей».

Фаина Раневская в фильме «Золушка», 1947 г.

До перехода в Театр имени Моссовета – она играет Бабушку в «Молодой гвардии» Фадеева, Берди в пьесе «Лисички» Лилиан Хеллман, в 1949 и 1951 годах стала лауреатом Сталинской премии. В 1954 году на сцене Театра Моссовета она сыграла в пьесе Горького «Сомов и другие». Сталину нравилась игра Раневской: «Вот Жаров в разном гриме, разных ролях – и везде одинаков; а Раневская без грима, но везде разная». В это же время Раневская создала свой драматический шедевр – инсценировку

рассказа Чехова «Драма», где она играла вместе с замечательным актером Осипом Абдуловым, а после его смерти – с Борисом Тениным. Этот концертный номер имел ошеломляющий успех. Раневская фантастически играет провинциальную тетку с претензией на интеллигентность, с необычайным воодушевлением читающую несчастному писателю свой ужасающий «шедевр». Но новых ролей ей не давали, и постепенно испортились отношения с администрацией театра – вплоть до сердечного приступа у Раневской. В 1955 году она переходит в Театр им. Пушкина. Она проработала там восемь лет и столкнулась с теми же проблемами – нет ролей, нет понимания. Ирина Вульф, в то время уже режиссер Театра им. Моссовета, уговорила ее вернуться в этот театр – и Раневская работала там до самого конца.

В начале 50-х годов Раневская переехала из комнаты в коммуналке в Старопименовском переулке в двухкомнатную квартиру в высотке на Котельнической набережной. К сожалению, квартира оказалась далеко не такой удобной, как представлялось: прямо под окнами выход из кинотеатра и служебный подъезд булочной, где разгружали машины с хлебом. «Я живу над хлебом и зрелищем», – говорила Раневская.

В 1957 году Раневская поехала в Румынию навестить семью – мать, брата, племянника. Она не видела родных сорок лет. К сожалению, сестра Белла уже несколько лет жила в Париже, и ей не дали визу, хотя Раневская пыталась это устроить. Потом Белла вышла замуж и уехала в Турцию, но вскоре овдовела. Почувствовав себя совсем одинокой, Белла вспомнила о своей сестре, кинозвезде и лауреате многих премий. Она решила, что сестра наверняка богата и сможет содержать ее. Белла написала Фаине, что хочет переехать к ней. Фаина Георгиевна начала хлопотать – хлопоты растянулись на несколько лет.

Раневская в спектакле «Дядюшкин сон», 1950 г.

А в 1961 году умерла Павла Леонтьевна Вульф – после ее смерти Раневская почувствовала себя совсем одинокой.

Раневская – чуть ли не единственная великая актриса, у которой никогда не было романов, семьи, детей. Она как-то сказала: «Все, кто меня любили, не нравились мне. А кого я любила – не любили меня. Кто бы знал мое одиночество! Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной…» И

добавила: «Моя внешность испортила мне личную жизнь». Ее семьей были ее друзья, ее роли.

Тогдашний министр культуры СССР Екатерина Фурцева в конце концов добилась для Раневской не только разрешения на приезд ее сестры, но и на совместное их проживание на Котельнической. Раневская пошла к Фурцевой благодарить: «Спасибо, Екатерина Алексеевна, вы – мой добрый гений!» Фурцева ответила: «Ну что вы, какой же я гений, я простой советский работник».

Сестры стали жить в соседних комнатах. Но вскоре Изабелла Георгиевна тяжело заболела и в 1963 году умерла. Фаина Георгиевна снова осталась одна… Она пережила всех, кого любила, – Павлу Вульф, Ахматову, умершую в 1962 году Екатерину Гельцер, ушедших в 1975 году Любовь Орлову и Дмитрия Шостаковича..

Фаина Раневская в спектакле «Модная лавка», 1950 г.

В 1960 году Раневская снялась в фильме «Осторожно, бабушка!» в роли бабушки и на следующий год получила звание Народной артистки СССР, а в 1965-м – в фильме «Легкая жизнь». В театре она начала играть одну из своих звездных ролей –

«Странную миссис Сэвидж» в пьесе Джона Патрика, в 1972 году она передаст эту роль Любови Орловой. Раневскую знала вся страна: когда она шла по улице, все милиционеры отдавали ей честь, а прохожие спрашивали, где она сейчас снимается… Ей нечего было сказать. Раневской предлагали сценарии, в основном эпизодические роли, но Раневская была очень требовательна и в плохих фильмах сниматься отказывалась. «Сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность», – говорила она. А о своих неудачных ролях сказала: «Деньги давно съедены, а позор остался». С возрастом ее было все труднее уговорить сыграть то, что ей не нравилось, и не так, как она сама хотела.

Демонстрируя в профессии исключительную требовательность, деловитость и педантизм, в бытовых вопросах она была на редкость беспечна. Получив однажды гонорар за фильм, она пришла в театр и за кулисами стала предлагать всем деньги. Пачку быстро расхватали – самой Фаине Георгиевне не осталось ничего. «И ведь раздала совсем не тем, кому хотела», – сокрушалась она. Все ее домработницы беспощадно ее обворовывали и обманывали. Говорили, что любой человек мог подсесть к ней в транспорте, попросить денег – и тут же их получить. Она никогда не вспоминала о своих займах. «Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства!» – говорила она. Жила очень скромно, годами спала на раскладушке, потом – на узенькой тахте. Купленную как-то роскошную двуспальную кровать тут же подарила своей домработнице Лизе на свадьбу. Делать подарки она любила больше всего на свете. Как-то она написала: «Поняла, в чем мое несчастье: скорее поэт, доморощенный философ, бытовая дура – не лажу с бытом! Деньги мешают, и когда их нет, и когда они есть… Вещи покупаю, чтобы их дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я».

В спектакле «Рассказ о Турции», 1953 г.

Недолюбливая свою внешность, Раневская мало заботилась о своем внешнем виде – не было ни желания, ни средств. Одевалась во что попало, хотя чувствовался врожденный вкус. Очень любила шейные платки и шарфы, шляпы. У нее были очень красивые, ухоженные руки с тщательно отполированными ногтями. Она тщательно следила за прической и всегда, даже на сцене, пользовалась хорошими французскими духами – пожалуй, это была единственная роскошь, в которой она себе не отказывала.

Характер у нее был требовательный, взрывной, капризный, нервный. Остро ощущая свое одиночество, Раневская пыталась

скрыть его плотной завесой юмора, который со временем перешел в язвительность и цинизм. Ее ядовитые фразы до сих пор повторяют – они превратились в фольклор.

В 1969 году состоялась премьера спектакля «Дальше – тишина» по пьесе Вины Дельмар. Партнером Раневской был Ростислав Плятт – они играли супружескую пару. Плятт и раньше работал с Раневской – в «Мечте», «Слоне и веревочке», «Весне», театральных спектаклях. Роль в «Тишине» была в какой-то степени реваншем Раневской за многие годы простоя, она отдавала своей Люси Купер все силы, и хотя пьеса была слабовата, спектакль пользовался феноменальным успехом. Попасть на него было невозможно – те, кто мог, приходили смотреть на игру двух великих стариков по нескольку раз, распространяя легенды о той фантастической игре, которую они увидели. Каждый спектакль был другим: Раневская физически не могла произнести одну и ту же реплику одинаково, все время что-то придумывала, меняла. Но возраст, постоянные болезни и Раневской, и Плятта не давали играть спектакль так часто, как хотелось бы им и зрителям…

Раневская в спектакле «Странная миссис Сэвидж», 1950 г.

В 1973 году Раневская, по настоянию своей подруги Нины Станиславовны Сухоцкой, переехала из дома на Котельнической в Южинский переулок – по сути дела, первое в ее жизни нормальное жилье, без вида на соседнюю стену, как в коммуналке в Старопименовском переулке, без матерящихся грузчиков под окном, как на Котельнической… Почти сразу же в ее жизни появился пес Мальчик – его, подобранного на улице, Фаина Георгиевна полюбила больше, чем кого бы то ни было еще. Даже отказалась ложиться в больницу, потому что Мальчику не с кем остаться. Больницы она вообще не любила, о ЦКБ, в которой

приходилось лежать чаще всего, говорила: «Кремлевка – это кошмар со всеми удобствами». Ей хотелось только одного – играть, а не было ролей, не было сил…

Последняя премьера состоялась в 1980 году – это была пьеса Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Раневская давно хотела сыграть Островского и попросила одного из своих знакомых подобрать ей пьесу. Ей предложили «Правду», рассчитывая, что ей понравится центральная роль старухи Барабошевой. Однако Раневская выбрала роль няньки Фелицаты. Раневской уже с трудом удавалось выучить текст, ей было тяжело играть, но ее Фелицата, стоившая Фаине Георгиевне огромного нервного напряжения, стала из эпизодической роли центральной; игра Раневской перекрывала всех.

Талант Раневской, как это ни странно, часто мешал ей. Известен, например, такой случай. В 1964 году режиссер Александр Файнциммер снимал на Мосфильме фильм «Спящий лев». Раневская, которая давно не играла, позвонила режиссеру и предложила себя на роль директора магазина. Вся киностудия сбежалась смотреть, как будет пробоваться Раневская. Она долго гримировалась, потом за 20 минут сыграла перед камерой полсотни разных эпизодов – еле успевали менять пленку. Файнциммер посмотрел пробы и впал в панику: если снять Раневскую в этом эпизоде, все остальное провалится: она играла настолько сильно, что остальные рядом с ней просто терялись… Он позвонил Раневской и все объяснил. Она выслушала его и сказала: «Значит, я так и умру, ничего не сыграв…»

Раневская в спектакле «Дальше – тишина», 1969 г.

Последний раз Раневская вышла на сцену 24 октября 1982 года – в спектакле «Дальше – тишина». Она ушла из театра тихо, без банкетов или скандалов: просто написала заявление и ушла. Как она сказала, «надоело симулировать здоровье». Она устала ждать новых ролей: «Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?» За 50 лет в московских театрах она сыграла только 17 ролей. Когда ей прислали пьесу Джона Маррелла «Смех лангусты» о последних днях жизни Сары Бернар, Раневская сначала загорелась, а потом

сказала: «Я не буду играть. Я видела Сару Бернар на сцене… Я не смею ее играть».

Весной 1984 года у Фаины Георгиевны опять был инфаркт, потом – пневмония… 20 июля ее не стало.

Ее похоронили на Донском кладбище, рядом с сестрой. Гениальную актрису, которая, по ее собственным словам, не сыграла и четверти тех ролей, которые должна была сыграть. Одну из немногих, чья память надолго пережила их самих…

Кино

Вера Холодная

КОРОЛЕВА ЭКРАНА

Такой больше не было. Она была первая русская звезда, и она же – единственная настоящая звезда русского кино. Ее называли Королевой экрана. Она снималась всего три года, из ее более чем пятидесяти фильмов сохранились только пять. Ее помнят до сих пор, потому что больше таких не было. Не было – чтобы и умна, и красива, и чиста, и талантлива, и счастлива, и всеми любима… Если такие и рождаются, о них помнят еще долго. Как о ней. О Вере Холодной.

Вера Левченко родилась 5 августа 1893 года в Полтаве. Ее отец, Василий Андреевич, окончил отделение словесности в Московском университете и приехал в Полтаву учительствовать. Мать – Екатерина Сергеевна Слепцова – выпускница Александре-Мариинского института благородных девиц. Они очень любили друг друга. Жили скромно, но очень счастливо. Ни отец, ни мать не отличались особой красотой, но их дочка с детства привлекала внимание своей внешностью – темные кудри, огромные грустные глаза, нежный овал лица…

Когда Вере было два года, умер ее дедушка, живший в Москве, и овдовевшая бабушка, Екатерина Владимировна, попросила дочь и зятя перебраться к ней. Там, при поддержке родственников, благосостояние семьи наладилось. В доме стали принимать гостей, устраивать вечера, на которых по моде тех лет играли в шарады и «живые картины»: несколько участников разыгрывали сценки, а зрители должны были угадывать – слово, или литературное произведение, или сюжет известного романса… Верочка очень любила участвовать в «живых картинах». Она, как и отец, отлично пела. Рано научилась читать и старательно искала в прочитанном темы для «живых картин», которые в отсутствие гостей разыгрывала со своими куклами.

Ей было два с половиной года, когда 28 декабря 1895 года в Париже состоялась премьера первого фильма братьев Люмьер «Прибытие поезда». Начался век кино. Но семья Левченко не обратила на это никакого внимания…

В 1896 году родилась вторая дочь Левченко – Надежда. Особо близки сестры не были, хотя и питали друг к другу большую нежность.

В десять лет Верочку отдали в известную гимназию Перепелкиной. С классом Вера впервые побывала в Большом театре и с тех пор буквально заболела балетом. Верочка вымолила у родителей разрешение поступить в балетное училище Большого театра. Родители согласились, надеясь, что Веру не возьмут: она была хоть и грациозной, но довольно полной девочкой. Даже учитывая то, что в те времена балерины не были такими худыми и жилистыми, как сейчас, а в женской красоте ценились округлые формы и приятная полнота. Но Веру приняли. Во многом из-за ее красоты: быть хорошенькой для балерины было не менее важно, чем быть грациозной. Через год родители забрали ее из училища: на этом настояла бабушка, по-старомосковски считавшая, что девице из хорошей семьи не место в театре – актрисы считались безнравственными и не заслуживавшими уважения. Родители Веры, материально зависимые от Екатерины Владимировны, не посмели ослушаться.

Верочке пришлось вернуться в гимназию Перепелкиной. А потом и вовсе позабыть о сцене: в 1905 году, когда Екатерина Сергеевна была беременна третьей дочерью, Соней, Василий Андреевич Левченко простудился и умер от крупозного воспаления легких.

Екатерина Сергеевна с трудом пережила эту потерю. Она так постарела, что ее принимали за бабушку Сони. Но она не позволила своему горю омрачить детство своих дочерей – в укладе их дома почти ничего не изменилось. Все так же приходили гости, все так же продолжались «живые картины» и походы в театры…

В сентябре 1908 года на гастроли в Москву приехала из Петербурга Вера Комиссаржевская – великая русская актриса. Вера Левченко увидела ее в знаменитой роли – Франчески в трагедии Габриэле Д'Аннунцио «Франческа да Римини». Эту трагедию специально для Комиссаржевской перевели Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов. Верочка Левченко буквально заболела игрой своей великой тезки – несколько дней ходила сама не своя, невпопад отвечала, грезила наяву… В ней пробудилась страсть к театру. Вера Левченко стала играть все заглавные роли в гимназических постановках. Но мечта о большой сцене, казалось, навсегда останется только мечтой…

Верочка окончила гимназию в 1910 году. На выпускном балу она познакомилась с Владимиром Холодным – высоким, плечистым, круглолицым, добродушным студентом-юристом. Они полюбили друг друга с первого взгляда.

Вскоре они – при дружном неодобрении обоих семейств – поженились. Тогда не одобряли скоропалительные браки. Но этот брак оказался на редкость счастливым: они до самой смерти любили друг друга. Свадьба была очень скромной, приглашены были только самые близкие.

Владимир Григорьевич, как и Вера, родился в счастливой и любящей семье. Его дед, проживший 125 лет, был женат только единожды. У него было два сына – Григорий и Владимир, оба были счастливы в браке и имели один – девять, другой – восемь детей.

Вера Холодная с мужем Владимиром

Владимир Холодный был заядлым автомобилистом – по тем временам весьма оригинальное увлечение. Он был одним из первых российских автогонщиков и издавал первую в России спортивную газету «Ауто». Сумел он заинтересовать гонками и Веру, и они вместе неоднократно попадали в аварии, буквально чудом оставаясь в живых.

Однако со временем Вера перестала участвовать в гонках: в 1912 году у супругов Холодных родилась дочь Евгения. Роды прошли тяжело, Вера потом долго болела, и врачи запретили ей рожать – по крайней мере на несколько лет. Но ни Вера, ни Владимир не могли себе представить семью только с одним ребенком. И когда Жене исполнился год, они удочерили еще одну девочку – Нонну.

После появления дочерей Вера сменила увлечение автогонками на более спокойные: стала бывать в артистическом клубе «Алатр» (первоначально – кружок поклонников оперного

певца Леонида Собинова), в доме Перцова в Саймоновском проезде, где в те времена был популярнейший салон – его называли «русским Монмартром». И еще Вера увлеклась кинематографом.

В то время кино – синематограф – не считалось серьезным искусством. Серьезно – это театр, а кино – только пустое развлечение. Но невероятно популярное! В кино ходили все. Сначала – просто смотреть на движущиеся по экрану фигуры. Потом появились сюжетные картины – мелодрамы, исторические, комедии положений… Перед началом фильма продавалось «либретто» – краткое содержание фильма, чтобы можно было понять, что же происходит на экране. Во время сеансов в зале играл тапер. В дешевых кинотеатрах, где «либретто» не продавалось, он же или киномеханик сами рассказывали содержание фильма. Тапером, например, подрабатывала в юности будущая кинозвезда Любовь Орлова. Первые фильмы привозились из-за границы, потом появились отечественные кинофабрики. Первым русским фильмом была «Понизовая вольница» Василия Гончарова (1908 год) – своеобразная экранизация известной песни «Из-за острова на стрежень…» про Стеньку Разина и утопленную им персидскую княжну. Таких фильмов «по мотивам» популярных песен было множество – в таких снималась и Вера Холодная. Потом стали экранизировать русскую классику: так называемая «Русская золотая серия», куда вошли «Гроза», «Бесприданница», «Обрыв», «Преступление и наказание», «Каширская старина»… Конечно, это были лишь короткие киноиллюстрации к известным книгам, но какой у них был успех!

В первых русских кинофильмах снимались известнейшие драматические актеры: Екатерина Рощина-Инсарова, Лидия Коренева, Павел Оленев… Даже сам Шаляпин. Репертуар того времени зиждился главным образом на любовных сюжетах, в основном «из великосветской жизни». Загадочные женщины, коварные обольстители, бурные страсти, дуэли и самоубийства. Все это делалось по простейшему рецепту: брали авантюрный роман (иностранный или русский), меняли имена, убирали подробности – и все.

В 1910 году на экран вышли фильмы с Астой Нильсен, которая по праву считается первой в мире серьезной кинематографической актрисой. В первую очередь она выделялась своей манерой игры: она не заламывала руки, не закатывала глаза, не гримасничала… По тем временам она почти не играла, оставаясь на экране предельно естественной. Именно это производило оглушающее впечатление.

Вера Холодная боготворила Асту Нильсен, ходила на все ее

фильмы. Возможно, именно желание походить на своего кумира привело Веру летом 1914 года на кинофабрику «В.Г. Талдыкин и Ко». Сыграло свою роль и то, что семья Левченко переживала тогда не лучшие времена, а съемками хорошенькая Вера могла что-нибудь заработать.

Увы, дальше проб тогда дело не пошло. Помешала Первая мировая война.

Владимира Холодного призвали на фронт. С его уходом в жизни Веры образовалась пустота. Тревога за мужа и забота о дочерях не могли ее заполнить. Обычная женщина, возможно, стала бы искать любовных связей, но Вера отправилась в мастерскую «Тимана и Рейнгарда», где снималась «Русская золотая серия». В это время режиссер Владимир Гардин снимал там «Анну Каренину». Он снял Веру Холодную в двух эпизодах, но в большой роли отказал, не обнаружив у красивой дебютантки никакого таланта.

Однако на просмотре материала на юную красавицу обратил внимание совладелец мастерской Тиман. Он дал ей рекомендательное письмо к Евгению Францевичу Бауэру (Анчарову), режиссеру-художнику конкурирующей фирмы «Ханжонков и Ко».

Тот в это время собирался снимать «Песнь торжествующей любви» по повести И.С. Тургенева – мистическую любовную драму. И на главную роль ему требовалась женщина необыкновенной красоты, причем опыт и умение играть его не интересовали. Когда к нему привели Веру Холодную, он был потрясен.

Он тут же взял ее на роль, как только убедился в ее киногеничности. Ее партнерами были известнейшие киноактеры Витольд Полонский и Осип Рунич.

Критики сходятся в том, что Вере Холодной необыкновенно повезло с режиссером. Только Бауэр мог сделать из Веры Холодной «звезду». Будучи профессиональным декоратором, он в первую очередь создавал на экране идеально красивую картину, где актер был лишь дополнением к декорациям. На первый план у Бауэра выходила внешность и киногеничность актера, а его исполнительский талант не имел никакого значения. Выдающийся оператор, художник, влюбленный в кинематограф режиссер, он смог не только максимально раскрыть красоту Веры Холодной, но и научить молодую и неопытную еще актрису использовать свою внешность как средство передачи своих эмоций.

«Песнь торжествующей любви» имела оглушительный, исключительный успех. А Бауэр был так восхищен красотой и

естественностью Веры, что сразу же по окончании первого фильма, не дожидаясь начала его проката, стал снимать ее во втором. То была типичная «салонная мелодрама» «Пламя неба» – о преступной любви молодой женщины, выданной замуж за пожилого вдовца, и его сына. В конце любовники погибают от удара молнии.

«Пламя неба», хоть и было снято после «Песни торжествующей любви», на экраны вышло первым. Именно этот фильм принес Вере Холодной известность у публики. Всего на фирме Ханжонкова Вера снималась год, и за этот год она сыграла в тринадцати фильмах. Преимущественно это были все те же «салонные мелодрамы» – красивая женщина среди красивых вещей, красивых мужчин и красивых страстей, иногда в конце – красивая смерть. Было несколько исторических постановок и экранизаций классики, но все же истинную славу Вере Холодной принесли именно роли в мелодрамах.

Следующей картиной были «Дети века» – драма с претензией на социальную проблематику. Этот фильм сохранился – самый ранний из пяти сохранившихся.

После трех удачных фильмов Вера Холодная становится популярной актрисой. Ее портреты печатаются в журналах – она позирует на них в роскошных нарядах.

В те времена в моде были платья с узкими, стеснявшими движение юбками и пышными лифами. Любые излишества в отделке – избыточные кружева, оборки, вышивки, цветочки, бантики – считались проявлением дурного вкуса. Наряд должен быть элегантен и строг. Модны были приглушенные холодные цвета, матовость жемчуга, сдержанность аксессуаров. И при этом наряд ни в коем случае не должен быть скучным или обычным: требовалась некая изюминка, оригинальность – цветок на бедре, оригинальная брошь на плече, асимметричный вырез, интересная драпировка… Для того чтобы выглядеть роскошно, недостаточно было только денег – нужен был вкус.

И на этом фоне скромная жена московского юриста становится законодательницей мод. Оказалось, что она обладает утонченным и оригинальным вкусом. Вера Холодная сама придумывает себе модели платьев, подбирает ткани и отделку, сама украшает шляпки… Открытки с ее изображениями в различных нарядах выпускаются огромными тиражами, служа женщинам по всей стране своеобразным заменителем модных журналов. Были серии открыток – Вера Холодная в мехах, в цыганских нарядах, в мужской одежде, в открытых вечерних платьях, в разнообразных шляпках… Ее фантазия проявлялась даже в выборе духов: она прямо на коже смешивала два аромата,

«Роз Жанмино» и «Кеши» Аткинсона – и получался только ей присущий нежный горьковатосладкий запах…

Ее красота с первого взгляда поражала всех – и мужчин, и женщин. Она была не просто красива, в ней было огромное обаяние, которое кинокамера только усиливала. Она была потрясающе киногенична, а на фотографиях получалась еще лучше. Особенно привлекали внимание ее огромные, с поволокой, серые глаза. Эти глаза буквально завораживали зрителей…

В августе 1915 года пришло извещение о том, что поручик Владимир Холодный тяжело ранен в бою под Варшавой и находится при смерти. Вера немедленно бросает работу, семью, детей – и едет к мужу в госпиталь. Она заботилась о нем, поражая своей самоотверженностью профессиональных сестер милосердия, и практически вытащила его с того света. В Москву супруги вернулись вместе – Владимира отправили в отпуск «по ранению». За храбрость его наградили Георгиевским крестом и шпагой с золотым эфесом.

А Вера была вынуждена срочно выехать с киногруппой в Сочи на натурные съемки. Ей даже не дали отдохнуть – из-за ее отсутствия вся группа простаивала… Потом – безостановочная работа в Москве…

Пока жена снималась, Владимир оставался дома один. В середине октября, даже не оправившись после ранения, он попросился обратно на фронт.

Вера с огромным трудом смирилась с отъездом мужа. Она с головой ушла в работу – и снималась постоянно. Трагическая мелодрама «Миражи» режиссера Петра Ивановича Чар дынина, имевшая оглушительный успех (фильм сохранился), «фантастическая драма» «В мире должна царить красота» Бауэра, мелодрама «Огненный дьявол», снова мелодрама «Жизнь за жизнь»…

Именно после этого фильма – одного из самых популярных и удачных в карьере Холодной – Веру стали называть «королевой экрана». На авторство этого титула претендовал Александр Вертинский. Он впервые появился в доме Холодных осенью 1915 года – привез Вере письмо от Владимира – и после этого стал ходить каждый день: просто приходил, садился на стул и часами молча сидел и смотрел на Веру… Он посвятил ей множество своих песен. В 1916 году было объявлено о постановке фирмой Ханжонкова фильма «Пьеро» – с Вертинским и Холодной в главных ролях. По каким-то причинам фильм не был завершен.

Вместе с Холодной в фильме «Жизнь за жизнь» снялась очень популярная тогда актриса МХАТа, известная красавица Лидия

Коренева. Казалось бы, Коренева с ее опытом, школой затмит Веру Холодную, но этого не произошло. Критика отмечала, что хоть игра Кореневой волновала и трогала, но запоминалась лишь Вера Холодная. Фильм «Жизнь за жизнь» был первым в истории отечественного кино, для просмотра которого была объявлена предварительная запись. Во многих кинотеатрах фильм демонстрировался по два месяца беспрерывно – и сборы не падали. Уже через несколько дней после премьеры фильма в афишах имя Веры Холодной передвинули со второго места на первое, ранее занимаемое Кореневой.

Ателье Ханжонкова стало снимать Холодную все чаще. Новый фильм с ее участием выходил примерно каждые три недели. Ею восхищалась публика, о ней ходили сплетни и анекдоты (в основном о том, к каким ухищрениям вынуждены прибегать режиссеры, чтобы снимать эту «бесталанную, но миловидную натурщицу»). А она продолжала и продолжала сниматься…

К 1916 году кинопроизводство в России достигло своего пика. Из-за войны зарубежные фильмы недоступны, зато между российскими кинофабриками конкуренция все растет. Снимать фильмы становится все выгоднее. Все больше предпринимателей приходят в кинобизнес со стороны.

Одним из таких был Дмитрий Иванович Харитонов. В 1916 году он открыл на Лесной улице в Москве собственное киноателье. Поначалу на него смотрели как на потенциального банкрота: у него не было ни режиссеров, ни операторов, ни – что самое важное – «звезд», на которых пойдет публика. Но Харитонов все это нашел: он попросту перекупил у других фабрик тех, кто был ему нужен, предложив им такие большие гонорары, что никто не смог ему отказать. Уже через несколько месяцев на Лесной собралась вся киноэлита во главе с Холодной.

Впрочем, она держалась дольше всех. Но к Харитонову ушли все ее партнеры по фильмам, операторы и режиссеры, с которыми

она работала… К тому же деньги были для нее важны: муж все еще на фронте, у нее на руках дочери и сестры, а жалованье у Ханжонкова вовсе не такое большое, как можно было подумать. Кроме того, Харитонов обещал больше свободы творчества, а его ателье было расположено всего в пяти минутах ходьбы от ее дома. И она решилась.

Главным режиссером у Харитонова стал Владимир Чардынин, бывший у Ханжонкова лишь вторым, после Бауэра, здесь он наконец смог реализовать себя полностью. В отличие от Бауэра для него главным были игра актера и сам актер. Он много времени тратил на репетиции, на общение с актерами, на поиск наиболее подходящего ракурса… Особенно внимателен он был к Вере Холодной, в которую, как и многие, был тайно влюблен. Для нее он создал репертуар – только из подходящих для нее ролей, не перенапрягал ее съемками… За полгода работы Вера Холодная снялась лишь в трех фильмах: «Столичный яд» по роману С. Фонвизина «Сплетня», «Пытка молчания» по пьесе Анри Бернштейна «Вор» и «Ради счастья» по одноименному роману С. Пшибишевского. У Ханжонкова за это время сняли бы восемь!

В начале 1917 года выходит на экраны один из лучших фильмов Веры Холодной – «У камина» по мотивам популярного романса. Трагический фильм о разбитой богатым любовником семье заканчивается смертью главной героини в исполнении Веры Холодной. Успех этого фильма превзошел успех всех снятых до тех пор отечественных фильмов. Фильм был снят с проката только в 1924 году – по решению Главрепеткома.

В те времена фильмы запрещали, снимали с проката и смывали сотни и сотни дореволюционных фильмов. Некоторые фильмы перемонтировали. Специальный творческий коллектив во главе с талантливейшим монтажером Эсфирью Шуб менял надписи и переставлял местами эпизоды так, чтобы в итоге в фильме появилась революционная идеология. Из фильмов с Верой Холодной сохранилось только пять лент, и теперь даже нельзя точно установить, в скольких именно фильмах она снималась, – по разным данным, от пятидесяти до восьмидесяти с лишним.

После необыкновенного успеха фильма «У камина» Харитонов, убедившийся в собственной удачливости, ужесточил порядки на студии. Уменьшилось время на съемки каждой картины, ввели штрафы за опоздание на работу… Однажды зимой Вера Холодная и Владимир Максимов, ее партнер, опаздывали на съемку. Они все время подгоняли извозчика – и в итоге сани зацепились за трамвайные рельсы, перевернулись на полном ходу, и напуганные лошади протащили их еще целый квартал –

вместе с придавленными к земле артистами. Оба довольно сильно расшиблись, а Вера Холодная еще и простудилась. Но съемки не остановились – на следующий день Вера играла с температурой, а Максимов – с тщательно загримированными синяками вполлица.

А Евгений Францевич Бауэр, режиссер, создавший Веру Холодную, ради которого она могла бы вернуться к Ханжонкову, умер 9 июля 1917 года от пневмонии. Оплакивать его Вере Холодной было некогда – за 1917 год она снялась в двенадцати фильмах. Опять – по три недели на фильм.

Через полгода сняли продолжение «У камина» – «Позабудь про камин, в нем погасли огни…». Вера Холодная сыграла циркачку – и была неотразима в цирковом наряде с короткой юбкой до колен и обтягивающем трико. Публика ломилась на сеансы, буквально разнося кинотеатры. Было объявлено о съемках и третьего фильма – «Камин потух», но почему-то фильм так и не был снят.

Потом были фильмы по роману Эмиля Золя «Человек-зверь» – история сумасшествия и ревности из жизни французских железнодорожников (пожалуй, наименее успешный фильм Холодной того периода) – и мелодрамы «Любовь графини» и «В золотой клетке».

Уже произошли две революции, а репертуар кинотеатров не менялся. Продолжали снимать кино «из жизни высшего света» – с высокими страстями, пышными костюмами и роскошными интерьерами, – хотя и богатых уже прогнали, и пышных костюмов никто не носил, и интерьеры разграбили… Возможно, это происходило по инерции, а возможно, кинематограф играл роль своего рода наркотика, позволяющего отвлечься от ужасной реальности… И руки у новой власти пока не дошли до национализации частных кинофабрик, хотя определенные шаги в этом направлении уже были сделаны. В конце января 1918 года был создан Киноподотдел Внешкольного отдела Государственной комиссии по просвещению, но пока никакой четкой политики он не вел.

В то же время киноателье Харитонова приступило к созданию самого знаменитого фильма Веры Холодной – «Молчи, грусть, молчи…», снова по мотивам популярного романса. Фильм сразу же был задуман в двух частях – вторая часть называлась «Сказка любви дорогой», по другой строке того же романса, и вышла на экраны через две недели после первой. Сохранилась только первая часть.

Фильм снимался в ознаменование десятилетия творческой деятельности П.И. Чардынина. Готовились к нему дольше

обычного, больше репетировали. Отличный сценарий вкупе со звездным составом исполнителей (снимались Вера Холодная, Владимир Максимов, Осип Рунич, Витольд Полонский, Константин

Хохлов – все звезды кинематографа тех лет!) гарантировал ему успех у зрителей. Вера Холодная снова играет циркачку – ее, счастливую в браке, совращает богатый коммерсант. Потом он передает ее своему другу, а она уходит к другому, который уговаривает ее совершить ради него кражу векселя. Во время кражи того убивают, и героиня Веры Холодной оказывается в объятиях очередного любовника. Во второй части она находит свою любовь, но умирает.

Наверное, не было фильма, имевшего такой оглушительный успех. И не было, наверное, фильма, который бы так критиковали – особенно после революции. Его называли апогеем пошлости и мещанства, примером безыдейности буржуазного искусства. А фильм все равно продолжали смотреть…

В середине 1918 года Московский кинокомитет порекомендовал хозяевам ателье в целях воспитания вкуса публики больше экранизировать классику. Следуя этому указанию, в ателье Харитонова сняли «Живой труп» по пьесе Толстого. Вера Холодная играла роль цыганки Маши. Теперь этот фильм называют одной из лучших экранизаций классики в русском немом кино. Благодаря этой роли Веру Холодную стали считать серьезной актрисой – Станиславский даже пригласил ее к себе в Художественный театр. Он предложил ей роль Катерины в «Грозе» Островского. Вера была счастлива, но, подумав, отказалась. Она не смогла отказаться от кино.

К середине 1918 года она стала не просто популярной актрисой, а настоящим явлением в русском кино. Ее жизнь стала объектом пристального интереса журналистов и публики. Харитонов решил снять фильм о самой Вере Холодной – «Тернистой славы путь». Но фильм шел с трудом: ничего особо примечательного в биографии Веры Холодной не было, а сочинять что-нибудь она решительно запрещала. Сценарий даже согласовывали с Владимиром Холодным. Зрители фильмом были разочарованы: они ждали сенсаций, откровений, раскрытия тайн… Никто не хотел верить, что Вера Холодная действительно такая: верная жена, любящая мать, счастливая женщина. Ее хотели видеть иной – роскошной, загадочно-порочной, но доступной. Как в песнях Вертинского – ведь все знали, какие песни посвящены ей, а значит, написаны о ней. И лиловый негр в притонах Сан-Франциско был, конечно, гораздо интереснее скромного юриста и героя войны Владимира Холодного… Тем не

менее фильм тоже пользовался успехом!

Ее фильмы были популярны в Европе и Америке, в Турции и Японии – ведь для немого кино не важен язык. Ее приглашали сниматься в Голливуд и Берлин. Она отказывалась. Не хотела уезжать из родной страны. Хотела остаться в России.

И осталась.

С партнером Осипом Руничем в драме «Последнее танго», 1918 г.

Продолжала сниматься у Харитонова – в фильмах «Мещанская трагедия» и «Княжна Тараканова». Заканчивать этот фильм в июне поехали на натуру в Одессу. Оттуда Вера Холодная уже не вернулась.

Одесса тогда была оккупирована немцами, а вообще власть в городе менялась постоянно. Но съемки шли полным ходом: кроме «Княжны Таракановой», были отсняты еще несколько картин. Одесситы толпами ходили за Верой Холодной, торчали под ее окнами… Она приехала в Одессу вместе с матерью, сестрой Соней и старшей дочерью Женей. Позже к ним приехала и третья сестра – Надя. Владимир Холодный и Нонна остались в Москве.

В середине зимы Женя заболела скарлатиной, и семья переехала из гостиницы на частную квартиру. Потом Вера вернулась в гостиницу – так было дешевле. Но в ее роскошном номере температура была минус девять градусов.

Восьмого февраля 1919 года Вера Холодная выступала на концерте в пользу фонда профессионального союза театральных художников города Одессы. В театре было холодно, зрители сидели в шубах, а актеры выходили в открытых платьях… Еще до начала концерта ее начал бить озноб. После концерта она слегла. Врач поставил диагноз – «испанка», особая форма гриппа. В 1918 году в Европе от этой болезни умерли, по разным данным, от трех до шести миллионов человек. У Веры Холодной она осложнилась воспалением легких. Ее лечили лучшие врачи Одессы. Она проболела восемь дней. Последние четыре дня и четыре ночи под окнами стояла огромная толпа. К Вере никого не пускали.

16 (3) февраля 1919 года она умерла.

Собор, где отпевали Веру, был переполнен. Чудом никого не задавили насмерть. За гробом шли тысячные толпы. Похороны снимали на пленку – последний фильм Веры Холодной… Уже в марте ленту показывали во всех кинотеатрах. Фильм сохранился.

Тело набальзамировали для отправки в Москву, но дороги были закрыты – и Веру Холодную похоронили в Одессе. От бальзамирующего состава кожа потемнела, пришлось наложить толстый слой грима. Весь город прощался с нею, и многие заметили, как изменилось лицо любимой актрисы. Пошли слухи, что она была отравлена.

Вокруг ее смерти вообще было множество слухов. Через полгода после ее смерти кавказские газеты сообщили, что ее похитили и ограбили, а обезглавленный труп нашли брошенным в степи. Говорили, что ее убили, когда она пыталась сбежать из Одессы в Европу…

Владимир Холодный пережил жену только на два месяца –

умер от тифа и от тоски. Через месяц во время эпидемии брюшного тифа умерла мать Веры.

Бабушка Веры, Екатерина Владимировна, привезла в Одессу из Москвы осиротевшую Нонну. Надя взяла опекунство над Нонной, Женей и сестрой Соней. Позже она вышла замуж за болгарина и в 1923 году уехала на его родину. Когда тот умер, она и тоже овдовевшая к тому времени Евгения поселились в Стамбуле. После смерти тетки Евгения уехала в США. Нонна осталась жить в Стамбуле. Соня Левченко осталась в Одессе. Она взяла себе фамилию Холодная, стала балериной Одесского оперного театра, где танцевала с 1920 по 1937 год. Всю жизнь боролась за память сестры.

В 1931 году Первое христианское кладбище, на котором похоронили Веру Холодную, превратили в парк, и склеп актрисы был разрушен. Ее сестра, тогда уже известная балерина, просила разрешения перевезти гроб с телом сестры на другое кладбище, где была похоронена их мать. Ей сказали, что тело будет перевезено в Москву. Но так и не довезли…

Ее могилы не существует.

Но осталась память о ней. Песни Вертинского. Пять ее фильмов и пленка с записью ее похорон. Слухи и домыслы. Легенда о ее смерти. Легенда о ней самой.

Любовь Орлова

ЗВЕЗДА НОМЕР ОДИН

В двадцатом веке в советском кинематографе было немало замечательных актрис, немало звезд – Янина Жеймо, Марина Ладынина, Тамара Макарова, Зоя Федорова… Их очень любили и в 20-е, и в 40-е, и в 50-е годы. Но никто никогда не имел такого успеха, такой славы, такой популярности и такой народной любви, как Любовь Петровна Орлова. Она была звездой № 1. И с этим не спорил никто. Сама Марина Алексеевна Ладынина, уже на склоне лет, говорила: «Да, Орлова по праву занимала первое место».

Критик Сергей Николаевич написал о ней удивительные слова: «Ее улыбка сияла во тьме бесконечного 1937 года; ее голос отогревал сердца, вселял надежду; ее каблуки выстукивали мелодию несбыточного счастья».

Орлова снималась не очень много, ее фильмы можно пересчитать по пальцам. Практически всего пять лент: «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна». И еще только несколько небольших ролей в фильмах «Встреча на Эльбе», «Ошибка инженера Кочина», «Русский сувенир».

И все же Орлова – это звезда номер один советского кино.

Она умела все. Она умела петь, танцевать, она умела играть драматические сцены. Все ее актерские качества в отдельности, может быть, и не составляли каких-нибудь великих достоинств. Она мило пела – но были певицы, которые пели гораздо лучше. Она очень приятно двигалась, приятно танцевала – но было очень много людей, которые танцевали гораздо лучше, чем она. Она очень интересно играла все драматические куски в своих фильмах, она была экстравагантна, не боялась эксцентрики, но все эти слагаемые, когда они соединялись в одно целое, давали невероятный феномен, и этого уже не имел никто. Вот звезды последующих лет – Алла Ларионова, Татьяна Самойлова, Людмила Гурченко. Каждая из них имела очень много достоинств, но кто-то хорошо пел – но не был очень красив; кто-то замечательно двигался – но не обладал музыкальностью; кто-то прелестно танцевал – но не имел большого драматического таланта. И ни у кого не было такой солнечной красоты – красоты, которая покоряла людей.

Звезда – это есть соединение доступности и недосягаемости одновременно. Орлова казалась доступной каждому человеку, и вместе с тем она была абсолютно недосягаема для зрителей. Она очень редко выступала в печати, она никогда не демонстрировала себя на так называемых «тусовках» тех лет… Она никогда не была в Доме кино. И Союз кинематографистов существовал совершенно отдельно от нее. У нее была своя, отдельная, очень замкнутая жизнь, в которую она никого не допускала. Она всегда была с улыбкой на устах: какой бы фильм люди ни смотрели, они выходили из зала в замечательном настроении, потому что в ее лице, в ее повадке, в ее манере, в очень благородной лепке ее лица была какая-то неизъяснимая женская прелесть и красота. А ее характер, то, какая она была на самом деле, знали очень немногие. Когда-то Немирович-Данченко сказал, что каждый человек проживает пять или шесть жизней. А Любовь Орлова прожила гораздо больше…

Когда именно родилась Любовь Орлова, очень долго никто не знал. Только в 1972 году, когда она умолила Фурцеву не отмечать ее семидесятилетний юбилей, во всех газетах появились статьи о Любови Орловой – и тогда поняли, что это какая-то дата. Родилась она в 1902 году, а в кинематограф пришла достаточно поздно – ей было 32 года. Она не любила вспоминать своего прошлого. Никогда. О ней есть очень много легенд: одна из самых стойких – что она была дворянского происхождения. На самом деле ее отец, Петр Федорович Орлов, был акцизным чиновником, а мать, Евгения Николаевна Сухотина, была очень дальней родственницей Михаила Александровича Сухотина, мужа

одной из дочерей Льва Толстого, Татьяны Львовны. Отец был внешне очень вальяжный и вполне мог сойти за аристократа, очень любил карты и проигрывал все, что у него было. Жил он в Ярославле. Когда денег у матери не стало, она уехала вместе с двумя дочерьми, Любовью и Нонной, к своей сестре в Воскресенск. Сама Любовь Петровна родилась в усадьбе своей матери. Она была младшей из двух дочерей. Мать ее была не очень красивой, суховатой, невысокой, с напряженным выражением глаз, с нервным сухим лицом. Она всю жизнь прожила вместе с Любовью Петровной. У нее был настолько трудный характер, что иногда Орлова и Александров переезжали от нее в гостиницу, говоря ей, что уезжают в командировку. Благодаря родству Любови Орловой с Сухотиным, мужем Татьяны Львовны Толстой, однажды, еще девочкой, Люба видела Льва Толстого. Лев Толстой подарил ей книжку «Кавказский пленник», на которой сделал надпись: «Любочке от Льва Толстого». Эту книжку она очень берегла, всегда держала под стеклом в своем роскошном доме.

Когда произошла революция, ей было 14 лет. Она училась в гимназии недалеко от Никитских ворот, и музыку там преподавали композиторы Гедике и Гольденвейзер. У нее был очень хороший слух, а точных наук она безумно боялась – физики, математики… Но музыкальное образование она не завершила. Потому что произошла революция, и консерваторию пришлось отложить, а плата за частное обучение была не по карману. И они уехали всей семьей в город Воскресенск, где жила сестра матери. Там они прожили все тяжелые годы Гражданской войны. Любовь Петровна должна была возить в Москву в пригородных поездах бидоны с молоком – у тетки была корова, она давала молоко, и семья продавала молоко и этим жила. Орлова с этими бидонами ездила в Москву, таскала их по домам, у нее были только одни варежки, она была очень бедна. Тогда она навсегда испортила себе руки – у нее воспалились суставы. Руки у нее всю жизнь были очень некрасивые, часто опухали. И если посмотреть ее фильмы – она почти нигде не показывает свои руки. Эта была единственная некрасивая сторона во всем ее женском облике. Но другого выхода у нее тогда не было.

Она была удивительным человеком. Не любила ничего дилетантского. Она была трудоголиком. И хотя так и не окончила консерваторию – поступила туда, но не окончила, – она отлично играла на фортепиано, и в начале 20-х годов у нее была единственная возможность зарабатывать деньги, кроме как мотаться с бидонами, – она поступила на работу в кинотеатр тапером. Она сидела около экрана и играла. Грязный

прокуренный кинотеатр, матросня, матерщина, семечки… А что делать – это была ее работа. Никогда впоследствии она не вспоминала об этом. Это унижало ее, выводило из равновесия. В тот период у нее были даже периоды какого-то безразличия – к учебе, к искусству, к ее собственной судьбе. Ей казалось, что слух становится хуже, что темперамент утрачивает чувство меры. Она ощущала себя человеком, у которого нет никаких надежд. Спасло ее от этого замужество.

Ее первый муж, Андрей Гаспарович Берзин, был старше ее на 10 лет, по профессии агроном. Член партии, служил в Наркомате земледелия и занимал там высокую должность – заместитель наркома. Женившись, он перевез всю семью Орловых в свою квартиру в двухэтажном доме в Хохловском переулке. Отдельная двухкомнатная квартира по тем временам считалась большой редкостью. Одна из комнат, где жили молодожены, была очень велика – там стоял рояль, и там Любовь Петровна очень много играла. В тот период у нее были две подруги, сестры Наталья Глан и Галина Шаховская. Наталья, известная киноактриса, была женой талантливого, знаменитого кинорежиссера Бориса Барнета. Ее фотографии в то время висели по всей Москве. Орлова просила, чтобы Наталья ввела ее в мир кино, а Глан отказывалась – она считала, что у Орловой нет никаких данных. Любовь Петровна, уже будучи женой Берзина, поступила в частную хореографическую школу – студию Франчески Беаты. Орлова училась там четыре года. Еще в 1924 году эта студия влилась в Театральный техникум им. Луначарского – то, что сегодня является Российской академией театрального искусства, то есть ГИТИС. И еще она занималась в студии пластического танца Веры Майя. Там занималось довольно много впоследствии известных людей – Бурмейстер, который потом был известным балетмейстером в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко, эстрадные актеры Редель и Хрусталев… Там она познакомилась с молодым Александром Цфасманом, который потом стал ее концертмейстером, а затем – известным композитором.

Началом своей творческой биографии Орлова считала 1926 год – в этом году она поступила в Музыкальный театр Станиславского и Немировича-Данченко. Ее приняли туда хористкой, а потом зачислили в кордебалет. Это все жутко не нравилось Берзину. Он хотел, чтоб у него был дом, была которая бы готовила ему обеды и делала все то, что и должна делать женщина. Кстати, когда она была женой Александрова, она все это делала. Она замечательно готовила, была удивительной хозяйкой. Ее дом славился феноменальной чистотой,

феноменальным порядком. Она очень любила печь, любила варить.

Имея двух домработниц, она всегда следила за тем, что они делают. Но тогда театр был для нее важнее. И этот театр сыграл в ее жизни большую роль, потому что там она познакомилась с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко.

Примой Музыкального театра была знаменитая Ольга Бакланова – женщина совершенно сказочной красоты. Немирович-Данченко был в нее влюблен, и, собственно, для нее он и создал эту музыкальную студию, и для нее он открыл этот театр – в мае 1920 года опереттой Лекока «Дочь Анго». И когда он увидел Орлову – а он очень любил женщин, и всегда обращал на них внимание, и очень ценил их красоту, – он подозвал ее и предложил ей роль Герсильи в оперетте «Дочь Анго». Вся роль заключалась в словах: «Да, гражданка! Нет, гражданка! Слушаюсь, гражданка». Крохотный эпизод. А второй знаменитой постановкой студии была «Перикола» – знаменитая оперетта Оффенбаха. Все это ставилось для Баклановой. Но Бакланова в 1926 году навсегда уехала за границу. Впоследствии стала знаменитой актрисой в Голливуде, умерла в Швейцарии. А после ее отъезда все ее роли перешли к очень талантливой актрисе Надежде Кемарской. Орлова была никто – хористка и артистка кордебалета. Но очень умная, тактичная, мало говорившая, умевшая слушать. И однажды Немирович-Данченко решил, что надо дать ей попробовать спеть Периколу. Ей повезло. Когда Орлова была в театре, ею много занималась Ксения Ивановна Котлубай – судя по всему, очень талантливая женщина. Это была правая рука Вахтангова, режиссер и педагог, занималась дикцией. Она делала с Орловой роль Периколы и давала ей танцевать. И Орлова выступала в роли Периколы на утренних спектаклях. В 1927 году ей поручили роль Серполетты в оперетте Планкетта «Корневильские колокола». У нее постепенно набирался репертуар.

Сейчас очень трудно сказать, любила ли Орлова своего первого мужа. Никаких документов не осталось. По слухам, это не было страстью. Он был очень умным человеком, и его без конца арестовывали. То ли он был троцкист, то ли еще что, но явно не был сторонником сталинского режима. Его арестовывали, а потом через три-четыре дня привозили домой на извозчике. Наконец, в 1930 году его арестовали, и он уже не вернулся. Стало известно, что он может пройти по делу экономистов Кондратьева и Чаянова. Потом Сталин решил отменить процесс, Берзина приговорили к трем годам ссылки и отправили отбывать срок в город Семипалатинск. Орлова осталась одна.

Несколько лет спустя, когда Орлова уже была звездой, на кремлевском приеме Сталин подошел к ней и предложил выполнить любое ее желание. Она попросила сообщить ей о судьбе Берзина. Сталин в недоумении отошел, но о просьбе не забыл. Вскоре Орлову пригласили на Лубянку и сообщили, что ее бывший муж находится в лагере в Казахстане. «Если хотите, мы можем воссоединить вас», – любезно предложили ей. Орлова постаралась поскорее уйти…

В ее жизни появился другой человек – некий «спец» из Австрии, который ее очень любил. Его поразило то, что в те годы в Советской России он встретил элегантную женщину. Орлова замечательно шила – доставала какими-то путями модные журналы и по ним делала себе туалеты. Потом ее обшивала очень знаменитая портниха Варвара Данилина, которая в Москве одевала только трех человек: кинозвезду Любовь Орлову, великую актрису Марию Бабанову и Ольгу Лепешинскую, приму-балерину Большого театра. Орлова всегда выглядела элегантно, хотя подчас ей это стоило изрядного напряжения сил. Но она умела это делать. Ее отличали трезвость взгляда, терпение, творческий заряд – она могла работать до изнеможения – и поразительный такт. Она никогда не срывалась. В театрах, где всегда обычно происходят скандалы, истерики, нервные срывы, с нею этого не

случалось.

Однажды она все-таки попала на киностудию – сыграла эпизодическую роль в фильме «Любовь Алены», но эта лента не сохранилась. Это было время, когда возникали первые советские комедии, когда уже играли Вера Марецкая, Анна Стен… Об Орловой тогда никто не знал. В основном она работала вместе с Цфасманом – пела в концертах. Пела она Мусоргского, Даргомыжского, романсы… Потом у нее появился другой концертмейстер – Лев Миронов, который работал с ней всю оставшуюся жизнь. Голос ее всегда отличался музыкальностью и напевностью, а речь была поразительно ритмична. Но не голос создавал успех Любови Петровне в те годы. От природы ей была свойственна удивительная непринужденность и красота движений, природная пластика. Сестра Натальи Глан, Галина Шаховская, впоследствии стала известным балетмейстером – она ставила, например, танцы в фильме «Весна». Она говорила, что Орлова была на эстраде поразительно органична – ее органика совпадала с органикой жанра. Она очень любила эстраду. Орлова много ездила с концертами, а в театре настоящий успех у нее был только в «Периколе». Но поскольку время было новое, всем было трудно, она в 1932 году, когда был голод в стране и все актеры искали себе какую-нибудь дополнительную работу, пела в маленьких концертах перед началом киносеанса. Такой прообраз киножурналов. Она пела в кинотеатре «Аре» – там, где сейчас находится Театр им. Станиславского. И когда она пела там свои миниатюры, к ней за кулисы пришел администратор, а рядом с ним был какой-то молодой человек – удивительной красоты, очень элегантный, в роскошном заграничном костюме, ослепительно улыбавшийся. Он наклонил голову и представился: «Александров!»

Режиссер Григорий Александров искал кого-то на роль в фильме «Веселые ребята». Ему кто-то посоветовал (кто говорит, что Раневская, кто-то – что Юткевич – слухов много), но пришел он специально посмотреть на Орлову, которую до этого видел в «Периколе». Она не вызывала у него никаких эмоций, никаких чувств – просто хорошо поет, хорошо двигается, хорошо танцует. А она влюбилась в него сразу. И потом очень часто говорила: «Я увидела золотоволосого бога». Он был действительно необыкновенно красив. Он был человек очень остроумный, музыкальный, играл на гитаре, талантливый, знал языки, рисовал. Когда она познакомилась ним, она еще не знала, что он был самым близким другом гениального советского режиссера Сергея Эйзенштейна. Эта дружба длилась десять лет. Благодаря Эйзенштейну Александров в те годы выезжал за границу – он был

в Америке, Мексике, Голливуде, Париже, Женеве, Берлине… Александров общался с Диснеем, с Чарли Чаплином, обожал Дугласа Фэрбенкса и Мэри Пикфорд. У него была блондинка, очень приятная женщина, актриса Музыкального театра, и маленький сын, которого он назвал Вася, а потом переименовал в Дугласа – в честь Дугласа Фэрбенкса. Так его потом и называли. Александров был на два года моложе Любови Орловой. В Москву он приехал в 1921 году вместе со своим ближайшим другом тех лет Иваном Пырьевым, впоследствии одним из самых известных кинорежиссеров. Потом они стали врагами, не общались – а тогда очень дружили. Они вместе писали и ставили агитки, оба подвизались в Пролеткульте. В 1923 году Пырьев ушел к Мейерхольду, а к Александрову Мейерхольд был равнодушен – и не взял его. В театре Пролеткульта была независимая Передвижная группа во главе с Эйзенштейном. Там был поставлен сенсационный спектакль по пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Туда и поступил Александров. Эйзенштейн влюбился в него, он его просто обожал. Тот был очень красив, с дивной фигурой, всегда элегантен – а это было время, когда Эйзенштейн находился на пике своей славы. Именно тогда, в середине 20-х годов, он поставил фильмы «Октябрь», «Стачка», «Старое и новое» и свой гениальный фильм – самый гениальный фильм XX века, по мнению теоретиков, – «Броненосец «Потемкин». Десять лет Александров был рядом с ним. Он был участником всех его работ. А потом что-то между ними произошло – еще за границей, – и отношения стали портиться. Потом они вообще не общались.

Отношения у них были очень сложные. В то время было много слухов об Эйзенштейне и Александрове, даже о том, что они находились в любовных отношениях. Судя по всему, этого никогда не было на самом деле. Хотя сексуальная мотивация отношений со стороны Эйзенштейна была. Он был по своей природе особым человеком – некрасив, низкорослый, и у него была болезнь, паховая грыжа, – возможно, это сыграло роль в зарождении у него комплекса сексуальной неполноценности. Этот комплекс беспокоил его с ранней юности – он его никогда не скрывал – и сохранился до конца жизни.

Отношения их до сих пор предмет домыслов и сплетен, хотя никаких фактов не сохранилось. Привязанность, конечно, была. Сам Александров ко всем этим слухам относился очень спокойно. Уже на склоне лет он говорил: «Может быть, он был мною увлечен… Я никогда им не увлекался». У него была жена, был ребенок, были романы, и по-настоящему его всегда интересовало только одно – карьера. Эйзенштейн с Александровым

расходились еще и в теории: для Александрова форма была неважна, а для Эйзенштейна была очень важна именно форма – форма, которая могла быть идеологией. Все это приводило к тому, что они по-разному смотрели на то, что происходит в кино. Александров с самого начала, особенно после своей американской поездки, решил использовать на практике достижения американского мюзикла и совершенно этого не стеснялся. Когда вышли его первые фильмы – «Веселые ребята», «Цирк», – все об этом говорили. Было очевидно, что он посмотрел огромное количество музыкальных картин в Америке. Видел он и «Певец джаза», и «Мелодии Бродвея», был увлечен Нормой Ширер – была такая голливудская звезда, снялась в фильме «Hollywood Review», видел даже Джанет Макдональд и Мориса Шевалье в фильме Эрнста Любича «Love Parade» студии «Парамаунт».

Орлова чем-то ему напоминала звезд зарубежного экрана, и он решил лепить ее по принципу «американизма» – изящная, улыбчивая, очень женственная, белокурая, сияющая. Звезды западного кино всегда стояли у него перед глазами. Орлова обладала удивительным свойством – даже в тех фильмах, где она как бы подражала западным образцам, она никогда не казалась зрителю чужой. Она была совершенной, в ней была легкость и непринужденность. Когда Александров ее увидел, он сразу пригласил ее сниматься.

Александров задумал снять музыкальную комедию и решил взять за основу программу Леонида Утесова «Музыкальный магазин», авторами которой были Николай Эрдман и Владимир Масс. Это был 1933 год. Съемки шли в очень приятной атмосфере – море, хороший отель. Орлова приехала в Гагры, где снимались «Веселые ребята», вместе со своим немцем-«спецом». Там был Александров со своей женой и маленьким Дугласом. Эйзенштейну очень не понравилось то, что Александров снимает именно мюзикл. Эйзенштейн вообще во всех александровских фильмах увидел лишь слепок американских мюзиклов – забавных, пустоватых, развлекательных. И свою неприязнь к этому он перенес на Орлову – он очень не любил ее, и это можно понять. Она платила ему полной взаимностью.

Так сложилась жизнь, что много лет спустя, во время войны, они вместе оказались в эвакуации в Алма-Ате, жили в одном доме, через стенку. Но даже тогда они практически не общались.

Когда начался этот роман, а он начался на съемочной площадке, жена Александрова ушла от него. Она сразу вышла замуж за знаменитого актера Бориса Тенина. Немец понял, что он никому не нужен, сел в поезд и уехал. В этот момент в Германии Гитлер пришел к власти, и он уехал в Австрию. Судьба его

неизвестна.

Роман между Александровым и Орловой тем временем полыхал открыто. Это была очень красивая пара. Эйзенштейн же выглядел скорее как отец Александрова. И когда тот увлекся Орловой, влюбился, женился на ней, Эйзенштейн искренне считал, что Александров его предал.

Есть интересная версия, что, когда Эйзенштейн снимал фильм «Иван Грозный», он соединил облик Александрова с обликом артиста Михаила Названова в роли Курбского. И тема Александрова – тема предательства – присутствовала в съемках этого фильма. Даже посторонние люди узнавали в Курбском Александрова.

Фильм «Веселые ребята» не должен был выйти. Его признали «хулиганским и контрреволюционным». К тому же оба автора сценария – Николай Эрдман и Владимир Масс – были арестованы прямо на съемках. Кстати, когда вышли «Веселые ребята», их фамилии из титров были удалены – вместо них автором сценария Александров указал себя. Уже стоял вопрос о том, чтобы фильм вообще закрыть и не пускать в прокат. Но у Александрова был защитник – Борис Шумяцкий, начальник Управления кинематографии тех лет. И он предложил Горькому посмотреть этот фильм в его особняке на Никитской. Горькому фильм очень понравился, и он решил показать его Сталину. Еще до фильма, на даче Горького, Александров в присутствии Сталина пел под гитару мексиканские песни, и Сталину Александров очень приглянулся. Сталин потребовал показать ему картину. Шумяцкий очень волновался. Но Сталину фильм безумно понравился, он очень много смеялся и сказал, что «отдохнул так, словно в отпуске побывал», что получил огромное удовольствие и больше всего ему понравилась Любовь Орлова. Естественно, фильм сразу же вышел на экраны страны, имел феерический успех. Утесова как-то даже никто и не заметил – Орлова его затмила. Это было очень обидно, потому что в этот момент как раз давали звания заслуженного деятеля искусств РСФСР – первые звания. Их получили кинорежиссеры Протазанов, Кулешов, Эйзенштейн – и Любовь Орлова, не Александров! А Леонид Утесов получил только фотоаппарат. У него были очень напряженные отношения с Александровым. Ему было очень обидно – он замечательно сыграл в этом фильме, но его никто не заметил. И он высказал все Александрову. Александров был человек не самый порядочный. В 1959 году, когда фильм вышел вторично, Александров решил заменить Утесова. Конечно, он не мог заменить его в кадре, но песни за него пел мхатовский артист Трошин со своим металлическим голосом. Все были возмущены:

как так – Утесов жив, и при нем выходят «Веселые ребята», а поет там другой человек? Но Александров всегда абсолютно равнодушно относился к тому, что о нем говорят, а Любовь Петровна, как обычно в таких случаях, ничего не замечала и ничего не говорила. И только потом восстановили первую, первоначальную ленту, и сегодня «Веселые ребята» идут в том виде, как они и должны были идти, – с Леонидом Утесовым в главной роли.

После фильма «Веселые ребята» Орлова буквально прогремела. Но сам фильм встретили очень отрицательно. Многие критики осуждали эту картину. В печати с «разносами» выступили Эсфирь Шуб, близкий друг Эйзенштейна, тогда еще молодой кинорежиссер Юрий Райзман, резко и безжалостно разложил эту ленту Виктор Шкловский. Фильм упрекали во многом справедливо, потому что это был слепок со второсортных американских мюзиклов. Григорий Александров, классик советского кинематографа, создатель знаменитых, прославленных музыкальных лент, на самом деле действительно прививал на советскую почву американское кино. И Орлова, по существу, была слеплена им по принципу американских звезд. Но тогда здесь не видели западных лент и ничего не знали. Скажем, в «Веселых ребятах» у нее был ее знаменитый цилиндр – и только в конце 60-х годов стало ясно, что это тот самый цилиндр, в каком выступала Марлен Дитрих в знаменитом «Голубом ангеле». Когда в фильме «Цирк» Орлова снимает свой черный парик и остается блондинкой – есть такой кадр, где у нее половина головы черная, а на второй половине ее платиновые волосы, – это тоже кадр из фильма Марлен Дитрих. Ее номер «Тиги-тиги-ду, я из пушки в небо уйду», где она танцует на этой пушке, – это тоже цитата из одного из фильмов с Марлен Дитрих. Даже имя ее героини в этом фильме напоминает об этой актрисе: Марлен Дитрих – Марион Диксон. Но дело в том, что советский зритель не знал, кто такая Марлен Дитрих, и не видел ее фильмов. Был «железный занавес», никто никуда не ездил и никто ничего не видел. Очень узкий круг людей, в том числе людей искусства, видели западные фильмы, когда их для избранных показывали в Управлении кинематографии в Гнездниковском переулке. Но страна этого не знала. Страна любила Орлову.

Когда Александров и Орлова вернулись после съемок «Веселых ребят» в Москву, они уже были вместе, ее уже знала вся страна. Почти сразу же Александров задумал снимать следующий фильм – «Цирк». И когда критики говорили, что это не наше кино, что это слепок американских мюзиклов, это не имело никакого значения – Сталин смеялся, за ним смеялись весь ЦК и

Совнарком, и вместе с ними смеялась вся страна. Фильм был сделан для веселых зрителей, которые хотят приходить в кино и отдыхать, а уж американского он толка или еще какого – это никого не интересовало.

Мало кто знает, что сценарий для фильма «Цирк» писали Валентин Катаев, Ильф и Петров. Когда Ильф и Петров, вернувшись из-за границы, посмотрели эту ленту, она им ужасно не понравилась, и они сняли свое имя с титров. То же сделал и Катаев. И снова фильм вышел с указанием: «Сценарий Григория Александрова». За это – и не только – он не пользовался уважением в своей среде. Но Александрова все это крайне мало волновало. Он был горд тем, что песни из его фильмов распевает

вся страна, и вся атака на фильм не имела никакого значения.

Фильм вышел в 1936 году и имел фантастический успех. Премьера «Цирка» проходила в только что отстроенном Зеленом театре в Парке культуры им. Горького – гигантский зал на 20 тысяч мест. И уже на второй день туда пришлось вызывать эскорты конной милиции – люди шли тысячами, чтобы посмотреть «Цирк». И вскоре в стране не было места, где бы его не знали. Песни из него поют до сих пор. И Орлова была в этом фильме на первом месте – она отодвинула всех.

Любовь Орлова была уже повсеместно признана звездой № 1. Не было в СССР актрисы, которая бы пользовалась такой страстной любовью. Например, в конце 30-х годов Орлова выступала в Ленинградской филармонии – она исполняла песни из своих кинофильмов. И тогда же в Ленинграде был на гастролях МХ АТ. И вот едет машина – тогда машин было мало – и отвозит после спектакля в гостиницу «Европейская» прославленных артистов Художественного театра – Москвина, Тарханова и великую Аллу Тарасову. А проехать в гостиницу они не могут, потому что там стоит тысячная толпа. Они спрашивают: «Что случилось?» И милиционер им говорит: «Вам надо выйти из машины, дальше вы не проедете. Здесь люди ждут, когда выйдет Любовь Орлова». Москвин помолчал и сказал: «Синема!»

Но это уже было после того, как началась Слава. На одном из приемов, посвященных фильму «Цирк», Сталин сказал Александрову: «Смотрите, не обижайте ее! Обидите – мы вас расстреляем!» Это была такая шутка. Любовь Орлова стояла рядом и улыбалась.

Любовь Орлова была из тех людей, которые действительно

были звездами. С ней люди связывали свои идеалы. Она была идеалом людей. Когда сегодня оглядываешься на прошлое – Зоя Федорова, Тамара Макарова, Марина Ладынина, Янина Жеймо, – они были замечательными актрисами, но ни одна из них не была на первом месте. Только Орлова. В Орловой была необыкновенная радость жизни. Когда она играла Марион Диксон в фильме «Цирк», она одновременно была иностранкой и советской, чужой и родной. Ее непринужденность, легкость, ее обаяние затмили всех в этом фильме, а там снимались Комиссаров, Масальский, главную роль играл Сергей Столяров, но кумиром стала Любовь Орлова, заграничная дива, которая в финале шла на демонстрации и своим ликующим голосом пела: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек…» Сегодня думаешь – какой другой страны? Ведь никто никуда не ездил, никто ничего не видел, в это время в стране шли аресты, половина страны сидела в лагерях, и все в этом фильме – вранье и пропаганда. А люди даже в лагерях смотрели этот фильм и могли смотреть его бессчетное количество раз. Потому что женственность Орловой, ее обаяние затмевало и в этом фильме все.

Женственность была ее содержанием – и ее маской. Она была пленительна, в ней было сокрушительное очарование. Орлова всегда имела потрясающий успех. Это было обожание – страстное, бережное. На всех гастролях ей предоставляли лучшие условия, а публика просто ходила за ней по пятам. Сохранилось письмо Бабеля Александрову о гастролях Орловой в Одессе: «Если вы хотите знать, что делает ваша жена, могу сообщить во всех подробностях. У «Лондонской» – толпа, а на деревьях напротив ее окон сидят мальчишки и обо всем докладывают: «Вошла… Взяла полотенце… Переодевается». Это был феноменальный триумф. Зажигательная игривость, чувственность, рекламная, какая-то порочная красота…

Она не завидовала никому из западных звезд. Она была к ним совершенно равнодушна. Неприязнь у нее вызывала только Марлен Дитрих. Видимо, потому, что у Дитрих, при всем их природном и искусственно созданном сходстве, была какая-то недоступная Орловой форма женского мироощущения, какое-то дерзкое свободомыслие. Она немка, эмигрировала в Америку, жила в Париже – она открыто презирала Гитлера и Геринга и во всеуслышание об этом говорила. А Орлова не могла не знать, что происходило в стране, она на себе испытала, что такое быть женой врага народа, но она молчала. А Марлен Дитрих не хотела молчать. И она – ослепительная, свободная, меняющая любовников женщина, владевшая европейскими языками (а

Орлова лишь чуть-чуть говорила по-французски) – своей дерзкой свободой раздражала Орлову. Они встречались в Америке – и вроде бы даже фотографировались вместе. Но она никогда не становилась рядом с Марлен Дитрих. На даче Орловой во Внукове висела фотография – она в Голливуде. Фотография была искалечена: с нее было вырезано одно женское лицо. Вероятно, что это была именно Дитрих.

После «Цирка» было дано указание одобрять все фильмы Александрова. Карьера, можно считать, была уже сделана. А карьера была для них обоих важнее всего. Все, что угодно, они могли принести в жертву ради карьеры – возможные увлечения, чувства, желания… У них не было детей. Однажды Александрова, уже после смерти Орловой, спросили, почему у них не было детей, и он тихо ответил: «Сначала она не хотела, а потом не могла», и больше к этому не возвращался. Дети – это был слишком большой риск для ее внешности, ее карьеры. К Дугласу она относилась довольно ровно, в его воспитание не вмешивалась – и это устраивало Александрова, который сам сыном не занимался. Они всю жизнь называли друг друга на «вы», он звал ее Чарли, а она его – Спенсер в честь обожаемого обоими Чарльза Спенсера Чаплина. Орлова прекрасно понимала уровень работ Александрова, понимала его характер – страсть к первенству, к плетению небылиц, его постоянное желание быть рядом с властями, стремление творить что-то небывалое, его желание ошеломлять, заходить за край, склонность к эксцентрике и патетике. Она его любила. И при необходимости вмешаться говорила лишь: «Гриша!..» – и улыбалась. Она никогда не вмешивалась в конфликты Александрова – она всегда была в стороне. Она любила согласие.

Их третий фильм был «Волга-Волга», где с ней в роли Бы валова снимался Ильинский – серьезный конкурент Орловой. Это был 1937 год, они находились в огромном фаворе. Александров был уже заслуженным деятелем искусств, а Орлова была артистка-орденоносец: это писали в титрах, тогда не так много было орденов и орденоносцев. Она тогда впервые была в Кремле – в Свердловском зале Калинин вручил ей орден Трудового Красного Знамени. Когда построили первый дом МХАТа в Голенищевском переулке, они получили там квартиру. А в 37-м году они построили дачу во Внукове – и переехали туда, а потом практически все время жили на даче. Рядом жили Дунаевский, Лебедев-Кумач…

Орлова всегда отстранялась от всякого пессимизма. Роль письмоносца Стрелки – «талантливой, жизнерадостной, каких много в нашей стране», как писала Орлова в одной из своих

статей, – ей очень подходила. Верила ли она сама в свои слова или не верила – сказать трудно. Во всяком случае, очевидно одно – и в этом фильме она была очень женственна и мила. Сила фильмов Александрова, конечно, была именно в Орловой – она заполняла пространство, оживляла самые ходульные и пропагандистские сюжеты.

Потом она снималась в фильме «Светлый путь» – истории советской Золушки. Когда-то Виктор Ардов повел Александрова посмотреть свою комедийную пьесу про ткачиху-стахановку. И Александров сделал из этого «Светлый путь» – это был, пожалуй, единственный фильм, который не понравился Сталину. Он сказал Александрову: «Вы уж слишком вылизываете советскую реальность. Вы перед ней стелетесь. Раньше вы развлекали, а теперь вы угождаете». Александров ответил лишь: «Хорошо, Иосиф Виссарионович, я учту».

Но то, что фильм не понравился Сталину, никак не повлияло на Орлову и Александрова. Когда в марте 1941 года вручались первые Сталинские премии, то они оба получили премии первой степени.

Война Любовь Петровну в Юрмале, где она отдыхала.

Была невероятная паника. Там было очень много кинематографистов, и все хотели уехать, и никто не знал как – билеты на поезд достать было невозможно. Орлова сама пришла к начальнику вокзала – и получила у него сорок билетов. Когда она вышла оттуда, к ней, узнав прославленную кинозвезду, кинулась женщина с ребенком – она не могла уехать. Орлова вернулась на вокзал – и получила еще два билета. Ей не могли отказать. Она жила в абсолютно привилегированном мире.

Орлова очень рано начала ездить за рубеж. Первый раз выехала в годы войны, в Тегеран, где выступала в шахском дворце, в присутствии шаха. Она приехала туда из Баку – около 12 часов на машине. У нее не было никаких сил, но она быстро переоделась и начала концерт. Будучи очень умным человеком, Орлова не стала давать настоящего концерта, а просто села за рояль и стала музицировать, что было гораздо легче. Всем очень понравилось, шах был восхищен. В Иране как раз шел фильм «Светлый путь». И тот самый фильм, который не понравился Сталину, очень понравился в шахском дворце.

Орлова построила во Внукове очень красивый дом – рассказывают, что это был один из самых элегантных домов в Советском Союзе. В доме все было сделано ее руками… У нее был великолепный вкус и достаточно денег, чтобы сделать все так, как ей хотелось. Она очень много ездила – Канны, Венеция, Париж, Берлин, Рим, Женева… В Париж она впервые приехала в

1946 году – и с этого момента начинается ее увлечение французской модой. У нее была огромная коллекция туалетов. Раневская, ее хорошая подруга, говорила, что моль не может съесть туалеты, висящие в шкафах у Любочки, просто потому, что моли негде там поместиться. Орлова всегда была роскошно одета. У нее всегда были деньги, она была любимицей Сталина – он мог смотреть «Волгу-Волгу» или «Цирк» бессчетное количество раз. В 1947 году Орлова поехала на кинофестиваль в Венецию и получила разрешение на обратном пути снова заехать в Париж. А здесь у нее уже были знакомые – Луи Арагон, Эльза Триоле, Пикассо, Жерар Филип… В те годы, когда никто не ездил вообще, они с Александровым получали разрешения на выезд. Но больше всего на свете она любила работать. В те годы она очень много гастролировала с концертами и великолепно зарабатывала. Ей надо было содержать два дома, а еще сестру и мать. После концерта в Ленинграде она едет в Минск, Брест и Вильнюс. Оттуда – в Ялту и по всем городам Южного берега Крыма. Потом Харьков и Днепропетровск. Потом Кисловодск, в Кисловодске холодно, в Ростове жара – ее ничто не смущает. Потом Сухуми, Батуми, Тбилиси… Концерты идут бесконечной чередой. И все время ездит с Мироновым – своим аккомпаниатором. Она была истинной звездой. Если люди видели ее в вагоне, поезд останавливали – отовсюду сбегались люди и не давали паровозу проехать. Ее появление было появлением небожителя. Все подражали ей – даже есть термин «синдром Орловой», когда во что бы то ни стало женщины пытались стать похожими на нее. Она не старела, она сохраняла отличную фигуру. Следила, чтобы талия была не больше сорока трех сантиметров. Говорят, что для этого она была готова на все – пластические операции, дорогущие заграничные средства, кремы, ежедневные массажи и долгие упражнения у станка – до самых последних дней…

В своей московской квартире она появлялась редко – в основном она жила на даче во Внукове. Она построила дачу и для своей сестры, Нонны Петровны, – она жила рядом. И практически ни у кого, кроме Александрова, в кино не снималась. Хотя все же снималась. В фильме «Ошибка инженера Кочина» режиссера Александра Мачерета она играла вместе с Раневской, несколько раз она работала у Григория Рошаля – после фильма «Петербургские ночи» она снялась у него в «Мусоргском», «Деле Артамоновых» и других. Но это не играло большой роли – главными были ее пять лент у Александрова.

Пятым знаменитым фильмом была «Весна». Он вышел в 1947 году. Это самая выдающаяся работа Орловой. Фильм сам по себе достаточно средний, но Орлова играет блестяще. Она играет две

роли, двух людей, совершенно не похожих друг на друга: ученую Никитину и артистку оперетты Шатрову. Снимался фильм в Чехословакии. Она поехала туда вместе с Фаиной Георгиевной Раневской, с которой дружила всю жизнь.

Собственно говоря, 47-й год был концом ее кинокарьеры. «Весна» имела феноменальный успех. Это был 47-й год, очень тяжелое время, а она пела: «Звенят ручьи, слепят лучи, и тает лед, и сердце тает…» А после этого у нее был только один настоящий фильм – «Встреча на Эльбе», где она играла шпионку Джоан Шервуд. Роль была небольшая, но сыграла она ее блистательно. В том эпизоде, когда было уже ясно, что ее разоблачили – шпионов у нас всегда разоблачали, – она надевала военный мундир и в мундире поднималась по трапу самолета. В этот момент у нее была походка военного человека…

Кстати, во время войны ей присвоили звание полковника, чтобы она могла свободно ездить по фронтам.

Но время менялось. «Встреча на Эльбе» была практически финальной точкой в ее кинокарьере – оставались концерты, и начиналась ее театральная жизнь. А в театре она славы не получила. Поэтому жизнь начинала меняться, становилась совсем другой.

Это была последняя часть ее жизни. Она сохраняла внешнюю форму, но Александров был уже беспомощен. К тому же умер Сталин. Это было уже не их время. Может быть, Александров этого не понимал, но Орлова, умнейшая женщина, это чувствовала. Александров больше не снимал, а она знала, что ее слава связана главным образом с кино, а вовсе не с театром, в который она устроилась. Она играла в Театре им. Моссовета. Первый раз ее пригласили туда в конце 40-х, и она сыграла в очень ходульной, пропагандистской пьесе Константина Симонова

«Русский вопрос» роль Джесси. Тогда «Русский вопрос» играли пять московских театров – это был уникальный случай. Слабая пьеса, откровенно антиамериканская, написанная по заданию – Симонов всегда обслуживал сталинский режим. Там была роль американки Джесси, которая любила героя, Гарри Смита, и когда он терял все, что у него было, оставался нищим, на улице, Джесси уходила от него. Была одна сцена, финальная, в которой актрисы могли проявить себя. Во МХАТе Джесси играла Ангелина Степанова, в Малом – знаменитая в свое время Дарья Зеркалова, в Театре Вахтангова играла актриса Багрина, потом она была арестована, сидела в тюрьме, в Театре Ленинского комсомола играла муза и жена Симонова – знаменитейшая Валентина Серова, а в Театре Моссовета – Любовь Орлова. Это была ее первая роль в театре. Симонову она очень не нравилась – естественно, ему нравилась только Валентина Серова. Потом она сыграла через несколько лет в очередь с Серовой в слабой пьесе Горького «Сомов и другие» роль Лидии и была принята в труппу

Театра им. Моссовета, где и прослужила до конца своих дней. Можно сказать без преувеличения, что за двадцать лет своей работы в Театре им. Моссовета она сыграла четыре роли – и все. Она играла Патрик Кемпбелл в «Милом лжеце» – партнером ее был Ростислав Плятт. Она была очень хороша, изящна, хотя лет ей было сильно за шестьдесят, у нее были замечательные ноги, она была обворожительна на сцене, но все прекрасно понимали, что ее нельзя сравнивать со Степановой, которая играла вместе с Кторовым на сцене Московского Художественного театра. Недолго она играла в пьесе Ибсена «Нора» – Юрий Александрович Завадский, который был художественным руководителем Театра им. Моссовета, быстро заменил ее на молоденькую Ню Саввину. Орлова не пришла на премьеру, но прислала огромный букет цветов с запиской: «Норе от Норы». И последняя роль ее была в пьесе «Странная миссис Сэвидж», где она играла после Фаины Георгиевны Раневской, гениальной русской актрисы. Конечно, все ее театральные роли, особенно миссис Сэвидж, были сыграны в высшей степени приятно. Она была обаятельна, мила, но все понимали, что это не великие создания и что она не великая актриса театра. А в кино она была звездой.

Когда она выходила в «Милом лжеце» и говорила: «Мне тридцать девять и никогда не будет ни одним днем больше», – зал всегда устраивал овацию. Но художественного авторитета, какой имели знаменитые театральные актрисы, она не имела. Она хотела сниматься. И в 1960 году Александров снял для нее «Русский сувенир» – спустя 12 лет после «Весны». Это был чудовищный провал, откровенная агония. После «Русского

сувенира» у Орловой был еще один неудачный фильм – «Скворец и лира», который положили на полку по просьбе самой Орловой: во время предварительного просмотра у нее испортилось настроение, и она решила, что этого никто не должен видеть. Почему решили нарушить волю актрисы – непонятно, но фильм все-таки показали спустя 20 лет после ее смерти, в 1996 году.

«Русский сувенир» нещадно критиковали в прессе. Орлову ругали меньше всех – ее щадили. Фильм был ужасный – ходульный, беспомощный, глупый. Она очень молодилась. В «Скворце и лире», который был сделан в конце 60-х годов, ее снимали со всяческими ухищрениями – через сетку, в перчатках, под гримом… Но возраст все равно был виден, и она это чувствовала.

Было очевидно, что ее век в прошлом и впереди оставалась лишь спокойная старость. А она очень любила работу – совершенно не выносила безделья. В театре же у нее был очень скудный творческий паек. Жизнь кончалась. Она отнеслась к этому очень болезненно.

Орлова и Александров в каминной комнате на своей даче, 1963 г.

Никто из звезд той поры: ни Ада Войцек, ни Тамара Макарова, ни Марина Ладынина – никогда не достигал таких высот в кино, как Орлова. Но ее время кончилось.

Она заболела – у нее был рак. Умерла она в больнице 26 января 1975 года. На похоронах были тысячные толпы – уходил век, уходил миф, уходила легенда. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

А Александров остался один.

Никто не думал, что весь мир Орловой исчезнет в течение десяти лет. Александров тоже стал болеть – у него была болезнь Альцгеймера. Он написал ужасающую книгу – он был человек неверный и неумный. Через год после Любови Петровны умер Дуглас. Жена Дугласа Галина Васильевна со своим сыном переехали на дачу к Александрову, и она вышла за Александрова замуж – видно, боялась, что все их имущество уйдет. Он уже не понимал, на ком он женился. Потом он умер, а через полгода умерла и Галина Васильевна. И хозяином всего стал Гриша – внук. Он учился на режиссерском факультете ВГИКа, но был бездарь и лодырь. Он продал квартиру, выбросил на помойку все архивы – многое уничтожила и Галина Васильевна, которая не переносила Орлову за то, что та была холодна к ней и мало принимала ее у себя. Потом Гриша уехал за границу, открыл в Испании ресторан «Гриша», прогорел, уехал в Париж, где его следы затерялись, потом, кажется, вернулся в Москву. И от Орловой не осталось практически ничего: ее дом, вся та красота, которую она создала на даче своими руками, – все кануло в Вечность. А имя ее осталось жить, и ленты ее остались жить – даже не ленты, а именно она. Когда мы сегодня видим ее фильмы – мы видим красоту таланта, блеск чистой, красивой, благородной легенды, которую создавала умная, талантливая женщина – нелегким путем взявшая первое место на Олимпе, никогда не уступавшая его никому и оставшаяся непревзойденной Любовью Орловой, звездой № 1 советского кино.

Марина Ладынина

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

В сталинские времена в начале улицы Горького висели два огромных, во весь дом, портрета. На одной стороне улицы – сам Иосиф Виссарионович. А на другой – Марина Ладынина. Одна из ярчайших, любимейших актрис, она была олицетворением эпохи.

Трудно поверить, но эта изящная, изысканная, с благородными манерами женщина имела самое пролетарское происхождение. Марина Алексеевна родилась в глухой сибирской деревушке Назарово Енисейской губернии 11 (24) июня 1908 года – почти век назад. Родители были простые крестьяне: у отца, Алексея Дмитриевича, было три класса сельской школы, а мать, Мария Наумовна, и вовсе неграмотная. В семье четверо детей, где Марина – Маша, Маруся – была старшей. Все заботы по дому были на ней: и за младшими присмотреть, и постирать, и еду на всех приготовить. Работала и по найму: доила летом у

зажиточной соседки коров. А зимой ходила в школу в соседнее село – в родной деревне школы не было. С детства у Маши было два увлечения: книги и сцена. Читала запоем, а потом с увлечением, в лицах, пересказывала прочитанное друзьям. Со второго класса она считалась лучшим рассказчиком школы и поэтому выступала в школьных спектаклях в качестве суфлера. Увлекшись пьесой, Маша проигрывала в своей будке все роли спектакля и иногда так заигрывалась, что ее голос заглушал актеров. За это ей постоянно попадало: «Ладынина, выгоним – больно слышно тебя!» С тех пор ее стали дразнить артисткой. Постепенно ей стали поручать и настоящие роли. А еще Маша прекрасно пела, плясала, играла на балалайке в оркестре народных инструментов… В талант дочери поверила даже мать, властная и строгая, убежденная в том, что работа на сцене – дело совершенно никчемное.

Марина оканчивала школу – класс с педагогическим уклоном – в городе Ачинске. Там был драматический театр. Кроме постоянной труппы, на его сцене часто выступали гастролеры, и Машу часто приглашали на подмену заболевших или неприехавших артистов. Нередко после спектакля режиссеры звали ее уехать с труппой. Но хотя Марина уже тогда больше всего на свете хотела быть актрисой, она отказывалась. Она твердо знала, что сначала надо учиться… И зарабатывать деньги для своей семьи.

После школы – в пятнадцать с половиной лет – Марина стала сельской учительницей в родном селе. Но любовь к сцене только усиливалась: Маша постоянно играет в любительских спектаклях, участвует в концертах. Вскоре она переехала в Смоленскую губернию, на родину отца, – чтобы быть ближе к культуре. Как-то раз в село, где она работала, приехал в отпуск Сергей Фадеев, артист театра Мейерхольда. Они познакомились. Разглядев в молоденькой сельской учительнице талант актрисы, Фадеев дал ей адрес ГИТИСа, а главное – подарил книгу К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Будущее было определено. И в 1929 году Марина Ладынина на третьей полке плацкартного вагона отправилась покорять Москву.

Она пришла в ГИТИС и была принята после первого экзамена. В ведомости экзаменационная комиссия – а туда входили такие известнейшие актеры, как Михаил Тарханов, Иван Москвин, Леонид Леонидов, Серафима Бирман и другие, – сделала пометку: «особо одаренная».

В 1931 году, во время учебы в ГИТИСе, Ладынина в первый раз оказалась на съемочной площадке. Знаменитый в то время режиссер Юрий Желябужский пригласил ее на эпизодическую

роль слепой цветочницы в свой фильм «В город входить нельзя» (или «Просперити»). Съемки продолжались всего один день. К своему неописуемому удивлению и радости, в день премьеры Марина обнаружила у входа в кинотеатр огромный рекламный щит со своим изображением.

Несколько дней Марина простаивала у щита в надежде, что прохожие ее узнают. Но никто не узнавал. Марина не очень огорчилась: связывать свою жизнь с кино она не собиралась, а в том, что она станет известнейшей театральной актрисой, у нее не было никаких сомнений.

После Желябужского ее приглашали сниматься и другие режиссеры, например, Юлий Райзман, про которого говорили, что после съемок у него любая актриса становится знаменитой. Но с кинопроб у него Марина ушла, не дождавшись окончания: опаздывала в театр на репетицию. После этого случая Райзман всем говорил: «У этой белобрысой плохой характер».

Впрочем, больше никто мнения Райзмана не разделял. У Марины была масса друзей, которые любили ее за веселый характер, неукротимую энергию и доброту. С однокурсником Иваном Любезновым дружба переросла в брак – правда, недолгий. Тем не менее Любезнов на долгое время остался другом и партнером Ладыниной по фильмам.

Еще на втором курсе Ладынину заметили во МХАТе – она проходила там стажировку. Был подписан контракт, согласно которому Марина Ладынина по окончании ГИТИСа поступает в труппу этого прославленного театра. Об этом можно было только мечтать: то были годы расцвета МХАТа, и Марина оказалась на одной сцене с такими прославленными актерами: Василий Иванович Качалов, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Иван Михайлович Москвин, Анатолий Петрович Кторов, Клавдия Николаевна Еланская и другие, в театре еще работали К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Одной из первых ролей Ладыниной была монашка Таисия в пьесе Максима Горького «Егор Булычов и другие», Егора Булычова играл великий мхатовский артист Леонид Леонидов. Молодую актрису заметили. Ее хвалил Горький, Станиславский отметил ее несомненный лирико-драматический талант. В одном из писем он писал, что видит в Ладыниной будущее МХАТа. Параллельно с театральными ролями Ладынина снова занята в кино: в 1934 году она снялась в фильме «Вражьи тропы» режиссеров И. Правова и О. Преображенской, где ее партнерами были Иван Любезнов, Эмма Цесарская и Борис Тенин, а в 1935-м – у режиссера Билинского в картине «Застава у Чертова брода». Правда, фильм на экраны не вышел.

Но театр оставался главным для Марины. Каждый раз для съемок ей приходилось отпрашиваться у Немировича-Данченко. Тот разрешение давал, но каждый раз говорил: «Ну что ж, сняться надо иногда, денег заработать. Но никогда не забывайте, что вы наша, никогда не бросайте театр». Марина и так не собиралась уходить. Но судьба распорядилась иначе.

14 апреля 1936 года Марина вышла из Дома кино вместе с подругой Лалой, женой актера Ивана Коваля-Самборского – с ним Марина снималась в «Заставе у Чертова брода». К ним подошел высокий мужчина, знакомый Лалы, которого звали Иван. Лала пригласила его и Марину в гости. На автобусной остановке Иван замешкался, и двери автобуса закрылись перед ним. «Видно, не судьба», – сказал он. Автобус проехал несколько метров, остановился, и двери снова открылись. Иван вбежал в автобус со словами: «Это судьба!»

Это был уже довольно известный в то время режиссер Иван Пырьев.

Весь вечер Иван не сводил с Марины глаз, а потом пошел ее провожать. И на крыльце общежития, где жила Марина, он сказал, что любит ее и хочет, чтобы она стала его женой.

Марина потом выспрашивала у Ковалей: что за бабник такой, что в первый же вечер делает девушке предложение?

А Иван Пырьев тогда уже был женат на известнейшей киноактрисе 20-х годов, красавице Аде Войцик. У них был сын Эрик, которого Иван обожал.

Незадолго до этого Пырьев снял Аду в своем фильме «Партийный билет». Но фильм не понравился партийным властям, и Пырьева отстранили от режиссерской работы и уволили с «Мосфильма». Возможно, это сказалось на супружеской жизни режиссера и его музы. Но их брак распался не сразу: Иван то уходил к Марине, то снова возвращался. В результате их сын Андрей носит фамилию матери. Правда, потом Пырьев предлагал записать Андрея на свою фамилию, но Марина отказалась.

Рожала она его втайне – сначала до последнего скрывала от Пырьева свою беременность, потом из-за постоянных размолвок не обсуждала… В общем, из роддома ее забирал Любезнов. Звал снова поселиться у него, но Марина уже давно все для себя решила: или Пырьев, или никто.

Ада тяжело переживала развод – даже пыталась покончить с собой. В один прекрасный момент она заявила Марине: «В один прекрасный день он отбросит вас, как меня…» Марина не поверила.

В то время она осталась почти без работы. В Москве закрылись несколько крупных театров, и лучшие их актеры

перешли во МХАТ. Ролей не было, не было денег. Чтобы продержаться, Марина стирала для знакомых, ставила с домработницами крупных чиновников домашние спектакли к праздникам… Ей показалось, что она сможет опереться на Пырьева. Он увлек Марину не красотой, не возможностью сниматься в главных ролях, а тем, как сильно он любил ее.

А Пырьев в тот момент собирается снимать новый фильм – «Богатая невеста». В главной роли он видит только Марину – свою новую музу. В Москве ему работать не дают. Тогда Пырьев уезжает в Киев – и зовет Марину с собой. И Ладынина согласилась и бросила театр.

«Богатая невеста» снималась летом 1937 года. В нем были заняты и московские, и местные актеры. В самый разгар съемок руководители «Украинфильма» усмотрели в материале «националистический уклон» – будто бы приезжие «москали» издеваются над украинским языком. Фильм был обруган в двух центральных украинских газетах. После этого с Пырьевым перестали сотрудничать местные службы, несколько местных актеров ушли из группы. Каким-то чудом Пырьев все же смог закончить картину и уехал в Москву. Но и там картину запретили – без объяснения причин.

Вмешался случай. Весной 1938 года в Кинокомитете сменилось руководство. Новый глава посмотрел «Богатую невесту» и, придя от картины в полный восторг, послал ее в Кремль. Сталину фильм очень понравился, и его немедленно пустили в прокат.

Успех фильма был огромный. С ролью озорной колхозницы Маринки Лукаш к Ладыниной приходит всенародная слава. Ее жизненная сила, красота и талант завоевали сердца зрителей. Ладынина сумела вписаться в глянцевую идиллию фильма, при этом не потеряв своей индивидуальности. Образ, который она создала на экране, – отстраненный и неодолимо привлекательный, сказочный и искренний, – не заслонял, однако, личность самой Ладыниной. Зритель всегда помнил, что видит перед собой не колхозницу Маринку, а актрису Марину Ладынину, – и тем не менее верил каждому ее слову, каждому жесту. На этом Пырьев строил свое жизнеутверждающее кино, полное радостной силы, веселья и песен.

Над сценарием «Богатой невесты» вместе с Евгением Помещиковым работал молодой киевский писатель Аркадий Добровольский. Вскоре он был арестован и сослан. Ладынина, успевшая подружиться с ним, не оставила его в беде, хотя это было крайне опасно для нее самой. Она тайно отправляла ему посылки, благодаря которым он смог выжить. После

освобождения – через 25 лет – он пришел к ней, встал у порога на колени и сказал: «Я поклялся, что первый человек, к которому приду на свободе, будете вы. Ваше имя светило мне все эти годы».

Марина Ладынина в ресторане «Метрополь» с Михаилом Роммом, Иваном Пырьевым и Николаем Черкасовым

За «Богатую невесту» Пырьева и Ладынину наградили орденами Ленина. Окрыленный этим успехом, Пырьев тут же снимает Ладынину в фильме «Трактористы». На съемках Ладынина сама водила трактор, без дублеров носилась по степи на мотоцикле. Но сквозь образ лихой бригадирши Марьяны Бажан видна была застенчивая женственность, задорная и мягкая. Нежность и грация Ладыниной смягчали пропагандистский настрой фильма. За этот фильм Ладынина и Пырьев были удостоены Государственной премии СССР – первой из пяти полученных ими за время совместной работы.

Пырьев был действительно человеком очень талантливым и фантастически работоспособным. Спал всего по 3–4 часа в сутки, часто засыпая на плече Марины, которая терпеливо сидела, не шелохнувшись. Но он требовал такого же отношения к работе и от актеров: его не интересовали их болезни, их проблемы, их мнение… Актеры были для него винтиками, он не видел в них людей. Например, проведя с Ладыниной целый съемочный день, он мог сказать ей, когда они вместе садились в машину: «Ну, здравствуй, мы же сегодня еще не виделись». На съемках «Трактористов» Марина упала в обморок от переутомления. Когда

она пришла в себя, к ней подошел Пырьев: «Ну как ты, Машенька?» Она устало ответила: «Какая разница? Ты ведь все равно съемку не отменил».

Ладынина на I Международном Каннском кинофестивале, 1946 г.

Пырьев отличался несдержанностью, даже грубостью. Мог в приступе ярости гоняться за пожарным, помешавшим съемке в павильоне, выбросить плохой сценарий в окно на глазах у автора, перевернуть шахматную доску, если становился очевиден проигрыш… А накричать на актера – это было для него нормой.

Фаина Раневская, снимавшаяся у Пырьева в картине «Любимая девушка», как-то заметила: «Я и так пью много лекарств, а теперь мне нужно еще одно – «антипырьин»». Поначалу Ладыниной доставалось наравне со всеми. Пырьев перестал повышать на нее голос после одного случая во время съемок «Трактористов». У нее никак не получалась одна сцена. Пырьев все больше заводился – и Ладыниной показалось, что сейчас он запустит в нее яблоком. Она молча встала – и в гробовой тишине вышла из павильона. Через несколько минут Пырьев спокойным голосом обратился к своему ассистенту: «Пожалуйста, попросите Марину Алексеевну вернуться. Скажите, я ее приглашаю».

Едва «Трактористы» вышли на экран, звездная пара приступила к съемкам нового фильма «Любимая девушка». На этот раз Ладынина играла не колхозницу, а рабочую московского завода. Фильм не принес того успеха, на который рассчитывал Пырьев, и он решает снова вернуться к жанру музыкальной комедии из сельской жизни – начинает съемки фильма «Свинарка и пастух» с участием Ладыниной, а также Николая Крючкова и Владимира Зельдина.

Съемки начались в феврале 1941 года. Когда началась война, никто не думал, что картину удастся закончить. Сам Пырьев пытался уйти добровольцем на фронт. Но его вернули прямо со сборного пункта с указанием закончить фильм как можно скорее.

Картина была закончена в октябре 1941 года. Критики встретили фильм скептически, назвав его лубком, деревенским балаганом и дешевым зрелищем. Зрители же приняли картину с восторгом. Он стал для фронтовиков знаменем, талисманом, а роль Глаши Новиковой – вершиной славы Ладыниной.

В 1942 году Ладынина снялась у Пырьева в фильме «Секретарь райкома» и в картине «Антоша Рыбкин» режиссера Константина Юдина, а в 1943-м – в замечательной лирической картине «В шесть часов вечера после войны». Первоначальное название было «Девушка из Москвы», но Пырьев решил изменить его на более оптимистическое. В 44-м году, когда фильм вышел на экраны, уже никто не сомневался в нашей победе.

Следующий фильм «Сказание о земле Сибирской» Пырьев снимает в Чехословакии, где были прекрасные павильоны. Торжественная премьера состоялась осенью 1947 года в Доме кино. Были все сливки тогдашней кинематографии. Пырьев ожидал привычного успеха, но фильм был принят достаточно

прохладно. Сергей Эйзенштейн в фойе открыто заявил: «Русский лубок в чехословацком исполнении». Этого Пырьев коллеге не простил.

Публика отнеслась к «Сказанию» гораздо теплее, но Пырьева это не успокоило. Он решил, что хватит с него комедий, – ему хотелось снимать классику: «Мертвые души», «Войну и мир», Достоевского… Но планам реализоваться не дали: Пырьеву пришлось вернуться к комедиям.

Сценаристом новой комедии стал драматург Николай Погодин – ранее известный по историко-революционным драмам. Он написал сценарий «Веселая ярмарка», в процессе работы ставший фильмом «Кубанские казаки». Ладыниной впервые досталась характерная роль – председателя колхоза Галины Пересветовой, женщины решительной, деловитой и в то же время отзывчивой, душевной и лиричной. Смена амплуа проходила довольно трудно: Ладынина даже хотела уйти из картины, боялась, что не справится. Только с помощью партнеров по площадке ей удалось сыграть эту роль. Когда фильм вышел на экраны, это был феноменальный успех. Такого веселого, красочного фильма послевоенная страна не ожидала. Песни из него поют до сих пор. Ладынину завалили письмами – в них Галину Пересветову звали замуж, а авторы некоторых просились на работу в ее колхоз…

Ладынина на прогулке с сыном Андреем, 1948 г.

После этого фильма пара Пырьев – Ладынина получила свою

пятую Государственную премию. Всего на семью их было одиннадцать. Никита Богословский шутил: в одной постели – одиннадцать лауреатов; кто это? Этот результат оказался недосягаем для всех остальных киносемей: и Орловой с Александровым, и Герасимову с Макаровой, и Ромму с Кузьминой было до них далеко.

Пырьев нашел тип фильма, который был идеологически безупречным и к тому же очень нравился массовому зрителю: народные фильмы – о народе и для народа. Он снимал лирические музыкальные сказки о борьбе добра со злом, стремлении к счастью, с неизменным счастливым концом. Социальные реалии были фоном для лирических сцен, комических интермедий и прекрасных песен, которые пела вся страна. И в центре всего – светловолосая, голубоглазая, энергичная и обаятельная красавица Марина Ладынина.

Ладынина снялась уже в восьми фильмах Пырьева. Практически никто из режиссеров не осмеливался предложить ей сняться у него – она была актрисой Пырьева. В 1950 году Игорь Савченко все же решился пригласить ее на небольшую роль графини Потоцкой в своей картине «Тарас Шевченко». Но эту роль из картины вырезали – графиню в исполнении Ладыниной сочли слишком доброй. Говорят также, что вырезали Ладынину по звонку Пырьева.

Ладынина на обложке журнала «Film», 1950 г.

Пырьев и Ладынина прожили вместе больше 15 лет. Марина Алексеевна была единственным человеком, к мнению которого прислушивался Пырьев. Их отношения никогда не были безоблачными – у Ивана Александровича был очень непростой характер, и в послевоенные годы он все больше и больше стал стремиться к власти, становился завистлив, чего Марина Алексеевна не одобряла, – но у них никогда не заходила речь о разводе. Пырьев очень любил ее – до последних дней их брака

заканчивал любой телефонный разговор с ней словами «Я тебя люблю», плакал, когда Марина надолго уезжала из дома. Она была для Пырьева женой, ближайшим другом, советчиком, музой и любимой актрисой. В 1953 году, когда Пырьев задумал снимать Ладынину в новой картине «Испытание верности», вышел приказ председателя Госкино о том, что режиссерам запрещается снимать своих жен. Пырьев собрал все фотопробы претенденток на главную роль и отнес в Госкино: «Что, они выглядят лучше Ладыниной?» И Ладынину утвердили.

Фильм вышел в 1954 году. И оказался последним, где снималась Марина Ладынина. По иронии судьбы, в фильме она играла женщину, от которой уходит муж, – и подобное с ней случилось в жизни. Пырьев увлекся молодой актрисой Людмилой Марченко – ей было всего 19 лет, она только что снялась у Льва Кулиджанова в фильме «Отчий дом». Пырьев влюбился в нее со свойственной ему безоглядной страстью, без проб взял ее на роль Настеньки в фильм «Белые ночи» по Достоевскому, буквально преследовал ее, хотя Людмила отвергала все его ухаживания. Вызванный на проработку в ЦК КПСС, Пырьев открыто заявил, что хочет на ней жениться.

Ладынина не выдержала. Она попыталась было поговорить с мужем, но тот лишь заявил ей: «Ты, кажется, не прочь со мной развестись? Хорошо, я с тобой разведусь, но так, что тебе и во сне не приснится… Больше тебя никто и никогда снимать не будет!»

Разводов, подобных тому, что случился в семье Пырьева и Ладыниной, было немало. Но никогда он не оказывался столь роковым для одного из участников. Пырьев, пользуясь своим авторитетом и властью – в то время он был директором «Мосфильма», – запретил кому бы то ни было снимать свою бывшую жену. После «Испытания верности» Ладынина больше не снялась ни в одном фильме.

У Пырьева с Марченко так ничего и не получилось. Она несколько раз выходила замуж, и один из мужей в приступе ревности к Пырьеву – тот усиленно распускал слухи об их связи, пытаясь хоть так привязать Людмилу к себе, – сильно избил ее, изуродовав ей лицо. Пырьев и после этого сделал ей предложение, но снова получил отказ. А вскоре он женился на

приехавшей с Украины молоденькой Лионелле Скирде – она сыграла в его фильмах «Свет далекой звезды» и «Братья Карамазовы». Умер он в 1968 году.

Ладынина больше никогда не встречалась с Пырьевым – пришла лишь на его похороны, выговорив себе и двум сыновьям режиссера право проститься с ним без свидетелей, до начала гражданской панихиды. А после развода Ладынину спас только интерес к жизни. Ей было необходимо общаться со зрителем, ощущать радость творчества. Марина Алексеевна пыталась вернуться на сцену, с которой ушла когда-то ради любимого человека. Но поначалу она не смогла никуда устроиться – как оказалось, ее слишком известное имя никому в театре не нужно: режиссеры боялись, что она заслонит их собственных «звезд». Наконец ее приняли в московский Театр-студию киноактера. Играла в «Варварах» Горького, «Русских людях» Константина Симонова. Параллельно начала осваивать эстрадное искусство. На эстраде Марина Алексеевна наконец смогла соединить то, что ей нравилось всю жизнь и никак не могло проявиться раньше: хорошую музыку и высокую поэзию. В концертных программах Ладынина читала стихи Блока, Цветаевой, Ахматовой, Есенина, Нарбута, Ходасевича, Бернса, Верлена, Бодлера… Брала уроки вокала у прекрасного педагога Доры Белявской – кстати, в то же время у нее занималась начинающая Тамара Синявская. Поначалу концертные выступления давались Марине Алексеевне очень тяжело. Когда-то в конце 40-х годов она много ездила по стране, приглашая для участия в своих концертах великолепных чтецов Антона Шварца (он был очень популярным в 40-е годы и в начале 50-х) или Эммануила Каминку, но прошло с тех пор много лет, и надо было начинать заново концертную жизнь. Постепенно она освоилась, и период концертных выступлений стал для нее одним из самых счастливых. Она ни от кого не зависела: была сама себе и режиссером, и сценаристом. Поездки по стране с концертными программами собирали массу зрителей – Ладынину помнили и любили, как помнят и любят до сих пор. У нее не было недостатка в поклонниках – она по-прежнему была на редкость красивой женщиной, а ее легкий, веселый, искрометный характер привлекал к ней множество людей. Ей делали предложения, но замуж Марина Алексеевна больше не вышла – ей вполне хватало любимой работы и любимых друзей. Она дружила с Фаиной Раневской и Михаилом Светловым, Юрием Олешей и Лидией Руслановой, Исааком Дунаевским и Лидией Сухаревской, Марком Бернесом и Петром Глебовым. За несколько дней до своей смерти Глебов сказал ей: «Ты украшаешь жизнь – живи подольше. Ты светишь нам своей жизнерадостностью, своим умом, своим

красивым голосом – и свети нам всем подольше…»

Ладынина на отдыхе на Рижском взморье, 1951 г.

Еще одним увлечением Ладыниной стал туризм. Первый раз за границей она была в 1946 году на Каннском фестивале. Тогда Франция ошеломила ее. С тех пор она объездила множество стран – сначала в составе киноделегаций, затем одна.

К сожалению, возраст брал свое. С годами ездить, выступать, появляться на людях стало все тяжелее. В начале 90-х годов ее уволили из Театра киноактера – с замечательной формулировкой

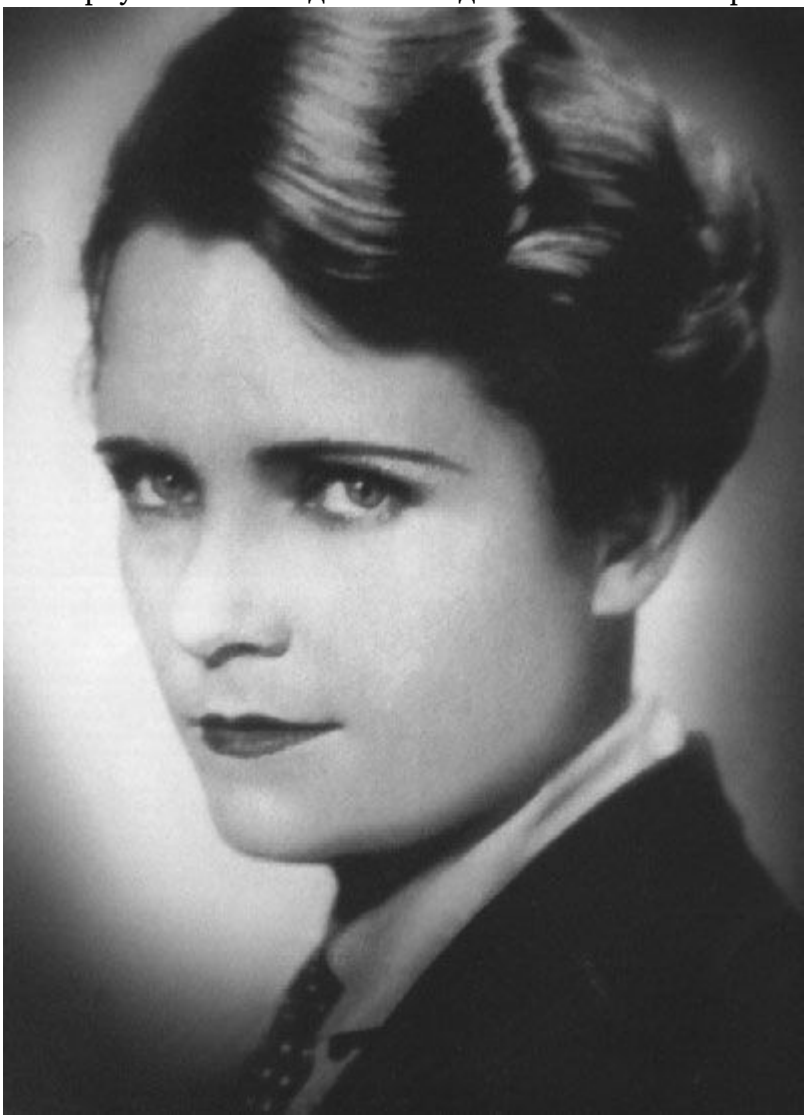
«За прогул без уважительной причины». Она осталась одна, почти не выходила из дому, практически не давала интервью. Хотя именно в последние годы о ней снова вспомнили кинематографические власти: она получила несколько призов за вклад в киноискусство. Зрители же Ладынину не забывали никогда. Ее фильмы до сих пор регулярно показывают по телевидению, и каждый раз их смотрят с огромным удовольствием. Ее героини и сейчас привлекают своей искренностью, красотой, неодолимым обаянием женственности.

Сын Ладыниной и Пырьева Андрей пошел по стопам отца – стал кинорежиссером. Его приняли во ВГИК – родители узнали о поступлении сына лишь после зачисления. Сначала он снимал классику, затем перешел к детективному жанру. Один из самых известных его фильмов – «Версия полковника Зорина». Его сына зовут Иван – в честь Пырьева.

Марина Ладынина умерла 10 марта 2003 года, не дожив совсем немного до своего девяностопятилетия. Ее похоронили на Новодевичьем кладбище – последнюю звезду Советского Союза, символом которого она была всегда.

КОРОЛЕВА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Некоторым людям многое дается от рождения: талант, привлекательная внешность, состояние, родственники, занимающие определенное положение в обществе. Но лишь некоторые из таких счастливчиков смогут реализовать все, что в них заложено, не только не потеряв со временем ничего, но развив и приумножив. След таких людей остается в Истории.



Девочка Оля, в апреле 1897 года родившаяся в семье

инженера-транспортника Константина Леонардовича Книппера, была щедро осыпана дарами судьбы. Она унаследовала красоту и обаяние матери, Луизы (Елены) Юльевны, в девичестве Рид. От отца ей достались сила воли, целеустремленность и практическая жилка. Ей очень повезло с родственниками: семья была богата талантами, тесно связана с искусством. Сестра ее отца, Ольга Леонардовна Книппер, одна из первых актрис Художественного театра, была женой Антона Павловича Чехова. Через нее у семьи были тесные и обширные связи с лучшими представителями российской интеллигенции, видными актерами, писателями, критиками. Брат Владимир Леонардович пел в Большом театре под псевдонимом Нардов. Константин Леонардович дослужился до очень крупных постов в Министерстве путей сообщения.

У него было трое детей: старшая Ада, Ольга и младший Лев. Книппери, переехавшие после рождения Льва в Царское Село, принадлежали к высшим кругам: одна из бабушек была фрейлиной императрицы и подругой ее сестры, и дети иногда играли вместе с великими княжнами. В семье говорили на трех языках – русском, английском и французском, много читали. Одевались и мать, и дочери в Париже, заказывая для всех троих платья одного фасона. Врожденный вкус, свойственный всем членам семьи Книппер, был особенно развит у Оли – стройной, грациозной девочки с поразительно красивым, нежным и одновременно властным лицом, чрезвычайно обаятельной и с немалым запасом самоиронии и скептицизма. Помимо семейных талантов и редкостной красоты, у нее был незаурядный ум, самолюбие и огромная энергия. Она считала, что рождена для сцены, – в конце концов, она племянница и тезка своей знаменитой тети, самой Ольги Книппер-Чеховой! Родители не одобряли стремления дочери – по их мнению, таланта актрисы у нее было немного, а бездари незачем позорить известную фамилию. Тем не менее летом 1914 года родители Оли согласились, чтобы их дочь отправилась из Петрограда в Москву, к любимой «тете Оле». Возможно, они надеялись, что та сумеет отговорить племянницу от карьеры актрисы. А сама Оля, может быть, надеялась, что благословение тети откроет перед ней двери Художественного театра…

В Москве Оля на правах вольнослушательницы стала посещать занятия в Первой студии Художественного театра, а параллельно училась у художника Константина Юона рисованию и лепке. В нее практически сразу влюбились бывавшие в доме у Ольги Леонардовны племянники Антона Павловича, двоюродные братья Чеховы: Владимир, сын Ивана Павловича, и Михаил, сын Александра Павловича. Михаил тоже был актером, играл в

Первой студии Художественного театра. Как утверждала сама Ольга Константиновна, она с детства была неравнодушна к Михаилу и глубоко страдала оттого, что он не обращает на нее внимания. «Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженощных грезах, какое это было бы счастье – всегда-всегда быть с ним вместе…» – пишет она в своих мемуарах.

Михаил тоже был сражен ею: редкостная красавица, окруженная поклонниками, не могла оставить равнодушным его, известного ловеласа. Вечером, после одного из спектаклей, он поцеловал ее – да так, что она, неопытная девушка, решила, что у нее от этого поцелуя непременно должен появиться ребенок. «Теперь ты обязан на мне жениться!» – заявила она. Тот отвечает: «А что же я еще могу пожелать?»

И они венчаются. Скоропалительно, тайно, дав взятку священнику одной из подмосковных церквей. Невесте было 17 лет, жениху – 23. После венчания, приехав на квартиру к Михаилу, молодые позвонили Ольге Леонардовне сообщить о случившемся и предупредить, что Оля не придет домой ночевать. Та немедленно приехала и потребовала, с истерикой и обмороком, чтобы Оля тут же вернулась домой. Положение Ольги Леонардовны действительно было неловким: взяла племянницу под опеку – и не уследила! Оля все-таки вернулась в ту ночь к тете. На следующий день в Москву приехала ее мать, вызванная телеграммой. Олю увозят в Петроград, где Елена Юльевна, мобилизовав все свои дипломатические способности, сообщила обо всем отцу… Через два месяца родители все же позволили Оле вернуться к мужу – но без денег, приданого, семейных драгоценностей… Согласились с браком дочери они только через год. С точки зрения Книпперов, это был явный мезальянс. Оля, дочь очень крупного чиновника, выскочила замуж за мелкого актеришку! Матери Михаила (отец его уже умер) Оля тоже не понравилась: буквально помешанная на своем гениальном (в чем она не сомневалась) сыне, мать гордилась «мужскими» успехами Миши, всячески одобряла его многочисленных – и недолговечных – подруг, но неожиданную невестку она невзлюбила с первого взгляда.

Между тем Михаил Чехов становится одним из ведущих актеров Художественного театра. А ведь поначалу Станиславский не хотел брать его в труппу, согласившись прослушать его только по личной просьбе Ольги Леонардовны и из уважения к памяти Антона Павловича. Кратко побеседовав с Михаилом, Станиславский принял его в Художественный театр. Через много лет на вопрос, что осталось у него в памяти от первой встречи с

Михаилом, Станиславский ответит: «Мне стало его жалко». А Мария Иосифовна Кнебель, актриса и режиссер МХАТа, писала: «Что-то в его глазах было доброе и беспомощное». Тем не менее после той встречи Станиславский сказал Немировичу-Данченко: «Миша Чехов – гений». Это было в 1912 году.

Известен Михаил Чехов стал уже после своей первой крупной роли царя Федора в спектакле «Царь Федор Иоаннович», но прославился он исполнением ролей «стариков»: Кобуса в «Гибели «Надежды»» Гейерманса, Калеба в «Сверчке на печи» Диккенса, Фрибэ в «Празднике жизни» Гауптмана, Епиходова в «Вишневом саде». Впереди была самая громкая его роль – Хлестаков в гоголевском «Ревизоре». Когда Художественный театр был в 1915 году на гастролях в Петрограде, он уже был знаменитостью, о силе его таланта взахлеб говорили все критики.

К сожалению, как это часто бывает, слава ухудшила характер Михаила, и юная жена не смогла этому помешать. После спектаклей Миша приводил в дом своих поклонниц, а его мать лишь потакала этому. К тому же он начал пить. Ситуация усугублялась тем, что страстно влюбленный в Олю Владимир не оставлял ее в покое даже после свадьбы. По просьбе Михаила Чехова Владимир был в сентябре 1917 года принят в сотрудники Художественного театра, а в декабре застрелился, похитив «браунинг» из стола Михаила.

Судя по всему, Владимир страдал психическим расстройством. Хотя, по мнению Ольги Константиновны, Михаил тоже не был вполне психически здоров. Например, однажды он увидел проходящих мимо театра солдат и так испугался, что сбежал домой после первого акта спектакля – как был, в гриме и костюме, – и зрителям пришлось возвращать деньги за билет, так как спектакль не смогли доиграть.

Михаил невероятно гордился тем, что такая красивая и обольстительная женщина, как Ольга Константиновна, из всего сонма окружавших ее поклонников выбрала именно его. Он действительно любил ее, но для сохранения их брака не делал ничего – скорее даже наоборот. Его нескрываемые измены, скандалы и пьянство не прекратились даже с рождением у них в 1916 году дочери, названной Ольгой. Михаил говорил, что она – «четвертая Ольга Чехова, но первая – настоящая!» (имелось в виду, что три другие Ольги Чеховы – Ольга Леонардовна, Ольга Константиновна и Ольга Германовна, Михаила Павловича, – носили эту фамилию по мужу). Он очень любил дочь, но практически ею не занимался. Вскоре все стали называть ее Ада (только Михаил всю жизнь называл ее Ольгой). Когда ребенок был еще маленький, Ольга Константиновна, забрав дочь, уходит

от Михаила Чехова. В своих воспоминаниях он описывает это так: «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: «Какой ты некрасивый, ну, прощай. Скоро забудешь», – и, поцеловав меня дружески, ушла». Их брак продержался всего четыре года.

Ольга Чехова со своей дочкой Олей (Адой)

Уход жены был воспринят Михаилом столь остро, что стали опасаться за его рассудок. Он был склонен все преувеличивать и драматизировать. Развод он пережил очень тяжело.

Практически сразу после развода Михаил женился снова.

Годы жизни с Михаилом Чеховым дали Ольге очень много – не только актерские навыки и опыт, но и тесные связи с актерами Художественного театра и близкими к театру художниками и писателями. Ольга дружила с сыном Качалова Вадимом Шверубовичем, к ней с огромным интересом относились известнейшие мхатовские актеры, она была близко знакома с Горьким, Вахтанговым и Добужинским. В нее был влюблен администратор Художественного театра Сергей Бертенсон, да и не только он. Ольга впитала в себя атмосферу Художественного

театра, его творческий настрой и вдохновение. Кроме того, Ольга Константиновна на всю жизнь оставила громкую фамилию своего первого мужа, хотя о браке с ним предпочитала лишний раз не вспоминать.

Ольга Константиновна тоже скоро вышла замуж – за Фридриха Яроши, бывшего австровенгерского военного: красивого, обаятельного авантюриста, выдававшего себя за писателя. С ним она в январе 1921 года уехала в Германию. От жизни в России ей ничего хорошего ждать не приходилось: голод, нищета, Гражданская война… Родители Ольги бежали от войны в Сибирь, забрав с собой ее дочь. Сама Ольга Константиновна с

передвижным театром «Сороконожка» колесила по провинции, где еще можно было хоть как-то прокормиться. И только благодаря хорошим отношениям ее тетки и наркома Луначарского ей в конце концов удалось получить разрешение на выезд за границу: официально «для поправки здоровья и продолжения театрального образования».

В Берлине она расстается с Яроши и пытается устроить свою актерскую карьеру. Практически не зная языка, она ради денег играла в маленьких театриках, потом начала сниматься в кино. Ее изысканно красивое, бесстрастное, непроницаемое лицо очень хорошо смотрелось на киноэкране. Роли были соответствующие, практически все одного плана: красивые иностранки, аристократки и авантюристки. Первым фильмом, в котором Ольга Чехова обратила на себя внимание, был «Замок Фогельод». В 1923 году она снялась в экранизации «Норы» Ибсена, имевшей серьезный успех, и с тех пор ежегодно снималась в шести-семи картинах. Громкую славу ей принесла картина «Мулен-Руж», особенно тот эпизод, где полуобнаженная Чехова танцевала с удавом.

Ольга Чехова брала не столько талантом или опытом, сколько внешностью и врожденным обаянием. Школы она почти не имела – если не называть школой ее занятия с Михаилом Чеховым и эпизодические посещения студии Художественного театра. Тем не менее даже столь кратковременное влияние системы Станиславского принесло результаты: Чехова выделялась среди немецких актрис того времени естественностью, осмысленностью игры и тем, как серьезно и ответственно она относилась к работе. Она становится известна – не только как киноактриса, но и как исполнительница главных ролей в русских пьесах, переведенных на немецкий язык, которых много ставили тогда театры Берлина. Она постоянно переписывается с Ольгой Леонардовной, Станиславским, актерами МХТа, знакомыми по Петрограду и Москве. В Германии она довольно долго чувствовала себя чужой, говорила с сильным русским акцентом – чтобы избавиться от него, Ольга долго занималась с педагогом по сценической речи. С приходом эры звукового кино Ольга Чехова не только не перестала сниматься, но стала даже еще популярнее. Ее легкий, обворожительный акцент очень шел ее экранным героиням и добавлял шарма самой Чеховой. Ее, немку по национальности, «фольксдойче», сбежавшую из России на «историческую родину», очень ценили в Германии. Здесь она обрела работу, имя, деньги. Ольга выписала к себе мать и любимую сестру Аду с семьей. Съездила в Америку – ее приглашали на совместную работу Дуглас Фэрбенкс, Гарольд

Ллойд и Альфред Хичкок; но, быстро поняв, что у нее гораздо больше перспектив в Германии, вернулась обратно. Больше всего она гордилась тем, что ее талант признали Михаил Чехов и Немирович-Данченко – он написал ей, что видел ее фильмы и убедился в том, что она – большая актриса.

Они снова встретились в июле 1928 года, когда Михаил с женой приехал в Берлин. Михаил намеревался остаться в Германии насовсем – не зная языка, не имея практически никаких знакомств. А Ольга уже была здесь известной актрисой. Она решила помочь своему бывшему мужу, с которым, кажется, рассталась навсегда. Сначала Ольга заняла его в фильме, в котором была режиссером, потом устроила ему роль в театре.

Талант Михаила оценили и здесь, но настоящего, достойного его успеха он не получил. Из Германии Михаил уехал сначала в Латвию, затем в Великобританию, а после начала Второй мировой вместе со своей студией переехал в Соединенные Штаты. Там он много снимался, был даже номинирован на премию «Оскар». Михаил Чехов создал там свою актерскую школу – через нее прошли такие американские звезды, как Грегори Пек, Юл Бриннер и Мэрилин Монро. Отношения с Ольгой и особенно с дочерью он поддерживал до самого конца. Ей он оставил свое ранчо в Калифорнии. Своего сына Ольга Михайловна (Ада) назвала Михаилом – его воспитывала Ольга Константиновна. Он был еще мальчиком, когда в 1966 году его мать погибла в авиакатастрофе…

Чехова с партнером Конрадом Вейдтом в фильме «Ночь решения», 1936 г.

С приходом нацистов к власти Ольга Чехова становится звездой первой величины. Гитлер обожал фильмы с ее участием, благоволил ей самой. Ольга Чехова вращалась среди высшей нацистской знати. На всех правительственных приемах рядом с вождями нацизма всегда находятся звезды немецкого экрана –

Чехова, нередко исполняющая роль хозяйки, Пола Негри, Марика Рёкк, Цара Леандер… Чехова была дружна с Евой Браун и Магдой Геббельс, с Лени Рифеншталь и женой Геринга актрисой Эмми Зоннеман. Встречалась с Муссолини и королем Югославии.

Ее положение в воюющей Германии было уникальным. Когда вся страна обходилась пайками и «эрзацами», Чехова владела личным автомобилем, не имея проблем с дефицитнейшим бензином, на приемах угощала партийных бонз деликатесами и свободно ездила за границу. Невероятно изысканная, элегантная Ольга Чехова, признанная первой красавицей Европы, стала одним из символов Третьего рейха. Ее снимки постоянно появляются в журналах, ее портреты и статуэтки были почти в каждом немецком доме. Когда газеты опубликовали фотографию, на которой ей целует руку сам Гитлер, ее завалили письмами восторженные поклонницы: «Какое счастье узнать, что вы выходите замуж за Адольфа Гитлера!», «Наконец-то он встретил свою истинную любовь!», «Сделайте его счастливым – он заслуживает этого!» И хотя слухи об их романе не имели под собой никакой основы, популярность актрисы после этого случая взлетела до неимоверных высот.

Ольга Чехова с мужем Марселем Робинсом, 1936 г.

В 1936 году Ольга Константиновна в третий раз вышла замуж – на этот раз за бельгийского миллионера Марселя Ро бинса. Переехала в его роскошный дом в Брюсселе. Но даже ее семье было не вполне ясно, зачем ей понадобился этот брак: все свои расходы она по-прежнему оплачивала исключительно из своих денег, а мужем Марсель был тяжелым. Очень привлекательный внешне, хороший и порядочный человек, он был слишком сухим, расчетливым и черствым. В его доме было неуютно, и вскоре Ольга оставила мужа, вернувшись в Берлин и продолжив работу в кино. Ежегодно она снималась в семи-восьми картинах, почти везде – в главных ролях.

В 1937 году Книппер-Чеховой после триумфальных гастролей МХАТа в Париже разрешили повидаться в Берлине с родными. Она поселилась у Ольги Константиновны. Но после устроенного племянницей приема Ольга Леонардовна срочно уехала в Москву – раньше намеченного срока. Только самой близкой подруге, Софье Ивановне Баклановой, с которой вместе жила, Ольга Леонардовна рассказала, в чем дело: на приеме в квартире племянницы она встретилась с верхушкой Третьего рейха. Она была очень напугана. Переписка с Германией была практически прекращена.

Ольга Чехова в фильме «Господин Гран», 1933 г.

Влияние Ольги Чеховой во время войны было огромно. Например, считается, что только благодаря ей не были разрушены чеховская усадьба Мелихово и музей Чехова в Ялте, хотя и толстовская Ясная Поляна, и тургеневское Спасское-Лутовиново, и многие другие подобные места были уничтожены. Солдаты на передовой боготворили ее, каждый новый фильм с ее участием был событием. Она много гастролировала по воинским частям, постоянно выступала на радио, но категорически отказывалась петь патриотические, военные песни: ее репертуар составляли исключительно лирические.

Когда война была уже почти проиграна, контрразведка начала поиск шпионов в своих рядах. Попала под подозрение и Чехова. Гиммлер подписал ордер на ее арест – узнав об этом, она каким-то чудом уговорила его отложить арест до утра, чтобы она успела выпить свой утренний кофе. А утром эсэсовцы во главе с Гиммлером обнаружили ее пьющей кофе… с самим Гитлером, готорый недовольно заметил, что столь ранний визит Гиммлера – не самая лучшая шутка.

Казалось бы, конец Второй мировой войны должен был означать и конец карьеры Ольги Чеховой. Однако этого не

произошло. Напротив: советское командование, как военное, так и НКВД, всячески заботилось о ней, снабжало продуктами, охраняло. В апреле 1945 года Ольгу Чехову тайно вывезли в Москву для допроса. Родные ее совершенно случайно узнали о том, что Оля в Москве. Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой позвонили и попросили прийти за посылкой, которую ей прислала Ольга Чехова. Дома обнаружили, что посылка адресована О.К. Книппер-Чеховой и отправлена ее дочерью. В сопроводительном письме Ольга Михайловна писала, что когда мать срочно вылетала на гастроли в Москву, то забыла концертное платье, которое и было в посылке. Однако ни о каких гастролях Ольги Чеховой в Москве никто не знал… По просьбе Ольги Леонардовны Василий Качалов позвонил коменданту Берлина генералу Березину, с которым был знаком. Тот холодно посоветовал больше вопросов об Ольге Чеховой не задавать.

Тем же летом в Ялте Ольга Леонардовна, Мария Павловна Чехова (сестра писателя) и Софья Ивановна Бакланова уничтожили все письма и фотографии, полученные от Ольги Константиновны за годы войны. В мемуарной литературе встречаются упоминания о том, что Ольга Чехова была агентом советской разведки, поддерживала постоянные связи с НКВД и даже была задействована в планируемом покушении на Гитлера – именно она должна была обеспечить советским агентам встречу с фюрером. Об этом, в частности, говорят бывшая разведчица Зоя Рыбкина-Воскресенская, сын Берии Серго Гегечкори, Павел Судоплатов… В октябре 1945-го журнал «Пипл» написал об этом

статью – правда, по мнению журнала, Чехова шпионила ради своей родины – Польши (к которой на самом деле не имела никакого отношения). Сообщение в советских газетах о вручении ордена Ленина Ольге Книппер-Чеховой было воспринято как неопровержимое свидетельство связи Ольги Чеховой с советской разведкой – правда, никто не заметил, что орден был вручен в связи с 75-летием Ольге Леонардовне. Многие до сих пор убеждены в том, что Чехова была второй Матой Хари. Однако и официальное руководство НКВД, а затем и КГБ, и сама Ольга Константиновна в своих воспоминаниях отрицают какую бы то ни было связь Ольги Чеховой с советской разведкой.

Ольга Чехова в день своего семидесятилетия

Тем не менее о ее послевоенном быте заботится лично начальник контрразведки СМЕРШ Виктор Абакумов: по его

распоряжению ее снабжали продуктами, бензином, стройматериалами для ремонта дома. Помогли с переселением – загородный дом Чеховой находился в местечке Гросс-Глинике и попадал в американскую зону оккупации, а ей хотелось перебраться в советский сектор. Мать ее умерла еще летом 1945 года, не пережив того, что она так долго ждала, – победы СССР. Ольгу Константиновну переселили в восточную часть Берлина, Фридрихс-хаген. Оттуда она часто ездила на гастроли – вместе с дочерью, тоже актрисой кино. Но вскоре Чехова с семьей переехала в Западную Германию. В 1949 году, после почти пятилетнего перерыва, Ольга Константиновна снялась в фильме «Ночь в Сепаре», и уже в следующем году она выполнила свою прежнюю «норму» – семь фильмов. Ольга Чехова продолжала поражать всех своей неувядающей красотой. Ада Константиновна писала О.Л. Книппер-Чеховой в 1949 году: «Ее здесь называют женщиной, которая изобрела вечную молодость. Красива, молода, лет на 35, не больше, только очень тяжелый у нее характер стал…» Сестры были очень близки, но даже Ада могла лишь догадываться, какими трудными были военные годы для Ольги Чеховой.

Когда в 1955 году умер Михаил Чехов, Ольга Константиновна отправила в Москву телеграмму: «Москва. Камергерский переулок. МХАТ. Ольге Книппер-Чеховой. Миша умер вчера ночью в Калифорнии. Оля». До этого она не писала в Москву много лет…

Перед смертью он очень хотел видеть дочь. Все было устроено, Ольга Михайловна должна была прилететь к отцу вместе с мужем и детьми, но опоздала с прилетом на пять дней. После смерти отца она была в отчаянии – он был для нее всем…

Очень тяжело перенесла Ольга Константиновна известие о смерти в 1959 году «тети Оли». После этого потеряли смысл все ее мечты о поездке в Москву. В 1964 году она с дочерью все же решились приехать на родину – посетить могилы Антона Павловича и Ольги Леонардовны, повидать друзей юности. Но не получилось: кто-то из бывших знакомых испугался, кто-то стал отговаривать от поездки…

Ольга Чехова перестала сниматься в 1954 году – всего она за свою жизнь снялась в 145 фильмах. Еще какое-то время продолжала играть на сцене. Для нее были поставлены «Веер леди Уиндермир» Оскара Уайльда и «Виктория» Сомерсета Моэма. Последний раз Ольга Чехова вышла на сцену в 1962 году.

В 1965 году она основала фирму «Косметика Ольги Чеховой»: диплом специалиста по косметике она получила еще в 30-е годы, да и жизнь актрисы дает большой опыт обращения с

косметическими препаратами. Ольга, сохранившая свою изысканную красоту, была лучшей рекламой своей продукции. Она предлагала своим клиенткам не только косметические средства, но и правильный образ жизни, диеты и психотренинг. Чехова ориентировалась не на декоративную, а на «консервирующую» косметику: на ту, что помогала сохранить данную людям от природы красоту и молодость, замедлить время. А для этого, по ее мнению, следовало начинать «из-под кожи» – с очищения, оздоровления и укрепления всего организма. Дела пошли очень успешно. Этим всегда отличалась Ольга Константиновна – умением распоряжаться собственной судьбой и всегда, на любом поприще, добиваться успеха.

Ее жизнь состояла из постоянных войн – с соперницами, обстоятельствами, временем. Битву с возрастом она выиграла – Чехова до самой смерти выглядела гораздо моложе своих лет, поражала всех своей красотой и внутренней силой. Неутомимая, стройная, с постоянной улыбкой на лице, она подавала пример того, как можно устроить свою жизнь, сделать ее интересной, насыщенной – и удачной, невзирая ни на какие обстоятельства.

В последние годы Ольга Константиновна до болезненности боялась упоминаний о России, хотя в доме говорили только по-русски, соблюдали все православные праздники. Она долго и тяжело болела – у нее был рак головного мозга. Ольга Чехова умерла в возрасте 83 лет. На похороны собрались толпы народу – хоронили знаменитую кинозвезду, которую немцы не забыли за все прошедшие годы. У гроба стояли внуки: Вера, тоже известная киноактриса, и Миша, художник-график, племянница Марина и любимая сестра Ада Константиновна, не отходившая от нее во время болезни.

Хоронили женщину-легенду, женщину-загадку. Вокруг нее клубились неразгаданные тайны, и после ее смерти никто уже не мог постичь их. За несколько лет до своей смерти Ольга Чехова написала книгу мемуаров «Мои часы идут иначе», опубликованную в 1973 году. Но там больше вопросов, чем ответов – так много обойдено молчанием, неточно, а то и просто неправда. А с оставшихся фотографий смотрят на любопытствующих прекрасные, загадочные, непроницаемые глаза Ольги Чеховой – женщины, сумевшей сохранить все свои секреты…

Валентина Серова

ПОТЕРЯННАЯ СУДЬБА

Если бы в нашей стране занимались «производством» звезд, как это делали в старые времена в Голливуде, если бы не было «железного занавеса», – Валентину Серову знал бы весь мир, как западных знаменитостей. Красавица, талантливая актриса – и на театральной сцене, и в кино, – она была рождена покорять. У нее было одно очень существенное отличие от всех прославленных советских актрис – она была естественна. И на экране, и в жизни. В каждом своем поступке, в каждой роли.

Серова была дочерью Клавдии Михайловны Половиковой – талантливой актрисы, игравшей в Театре имени Маяковского. Раннее детство Вали Половиковой прошло в Харькове, в семье

бабушки, простой крестьянки. Девочке было шесть лет, когда ее привезли в Москву, – потом Валентина очень долго не могла избавиться от украинского выговора.

Настоящая дочь своей матери, она с детства была обречена играть. Репетировать она начала с восьми лет, а в девять впервые вышла на сцену – это было в Студии Малого театра на Сретенке в спектакле «Настанет время» Ромена Роллана. Героиню, вдову бурского генерала Дебору де Вит, играла Половикова, а ее сына Давида – маленькая Валя.

Театр был ее жизнью с самых ранних лет. Валентина Половикова не получила хорошего образования, в школе училась не бог весть как – она до конца жизни писала с ошибками, но была очень любознательна. Она хотела стать артисткой: в четырнадцать лет пришла в театральную школу, а после первого курса пошла работать в ТРАМ – Театр рабочей молодежи. Здесь она сыграла – с заметным успехом – Любовь Гордеевну в пьесе

«Бедность не порок» Островского. Художественным руководителем ТРАМа был Илья Судаков. Он очень ценил Валентину Половикову, она много играла. В эти годы она впервые вышла замуж – привела в дом матери своего партнера по спектаклю Валентина Полякова. Клавдия Михайловна была в ужасе от своего зятя, но все же приняла его, дала молодым комнату. Они жили шумно, к ним приходили друзья – такие же юные мальчики и девочки, одержимые театром. Брак длился очень недолго.

Впоследствии Поляков стал ее злейшим врагом. Он так и не смог простить Серовой, что она ушла от него. Когда в 1948 году он стал секретарем партийной организации Театра имени Ленинского комсомола, то начал вести против нее кампанию, уличая ее в алкоголизме. Тогда Серова только начала выпивать – уединялась после спектакля с подружками в гримуборной и пила с ними вино. Было очевидно, что ей нехорошо на душе. А Поляков из этого творил «дело». Серова его за это возненавидела.

А в молодости она не выносила питья, водки – ее это

раздражало, она этого не любила. Она любила петь, играть, она любила театр. Хотя в этот период она вела шумную, безалаберную жизнь.

И вот 3 мая 1938 года на вечеринке у Героя Советского Союза Анатолия Ляпидевского она познакомилась с Анатолием Серовым. Комбриг Серов, известный летчик, герой испанской войны, – он был очень знаменит. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Серов провожал ее на Ленинградском вокзале в Москве – и утром прилетал в Ленинград, чтобы встретить ее на Московском вокзале. Валентина Половикова вышла замуж за Анатолия Серова – и на всю жизнь сохранила его фамилию. Ей был двадцать один год. А вокруг ее имени уже начинала клубиться легенда – тогда она познала, что такое молва. Серов привел ее в Кремль – она бывала на приемах, познакомилась со Сталиным, которого она боготворила, как и большинство. Сталин покровительствовал Серову и его жене. Они получили роскошную пятикомнатную квартиру в Лубянском проезде – потом он был переименован в переулок Серова (он и сейчас носит имя летчика Серова). Они были очень счастливы – и старались не думать о том, что квартира эта принадлежала раньше маршалу Егорову, расстрелянному вместе с Блюхером и Тухачевским, и что все вещи в этой квартире остались от прежнего жильца… Серова была беременна, она ждала сына. Она очень боялась всякий раз, когда Анатолий уезжал на очередное задание. Она долго помнила тот день, когда он ушел на свое последнее задание – вместе со знаменитой летчицей Полиной Осипенко. В тот день у нее была премьера. Играли пьесу Максима Горького «Зыковы». Когда она приехала в театр гримироваться, она заметила, что за кулисами полно военных, что все как-то странно на нее смотрят… Иван Берсенев, художественный руководитель театра, зашел к ней в гримуборную и сказал: «Анатолию очень нехорошо…» Она спросила: «Он мертв?» Берсенев ответил: «Он погиб». Это было перед началом спектакля. Зал смотрел на нее с ужасом: по радио уже сообщили, что на испытаниях погибли Полина Осипенко и Анатолий Серов, а она, превозмогая отчаяние, вышла на сцену, чтобы не срывать премьеру. Был 1939 год.

Уже после его смерти Серова родила сына, которого назвала Анатолием.

Сталин потом часто приглашал ее в Кремль, где она сидела рядом со вдовой Валерия Чкалова, Ольгой Эразмовной. Вдовы героев были в большом почете. Сталин отыгрывал свой образ сердечного и внимательного к бедам людей вождя. Фотографии Валентины Серовой тогда постоянно печатались в газетах. Толпы простаивали на фильм «Девушка с характером», где она снялась в

главной роли.

Серова в кино – это «социальный типаж», в ее лице, повадке, облике было то, что мечтал увидеть зритель. Она создала новый социальный тип молодой, очаровательной, влекущей к себе задорной советской девушки. У Серовой было красивое, выразительное лицо, были юмор, естественность и, как бы теперь сказали, сексуальная притягательность.

Тогда на кинематографическом небосклоне царили Любовь Орлова и Марина Ладынина. Серова по праву встала рядом с ними. Но ее героини в отличие от героинь Орловой и Ладыниной могли быть не только мечтой – они приходили из реальной жизни. Что бы она ни играла, она привносила в свои роли волнующую и человеческую тему преодоления – помимо комедийности, на которую в те годы, как и всегда, впрочем, был повышенный спрос.

Обладала новая звезда и еще одним немаловажным свойством: она была талантливой театральной актрисой. В 1938 году ТРАМ, где начинала Серова, был преобразован в Театр имени Ленинского комсомола, им стал руководить Иван Николаевич Берсенев.

В 1939 году в Ленкоме Серафима Бирман поставила пьесу Горького «Зыковы», где сама Бирман сыграла Софью, Антипу – Борис Оленин, а роль Павлы замечательно исполнила Валентина Серова. Борис Оленин был увлечен Серовой, в театре говорили, что он потерял голову, но в жизнь Валентины Васильевны в это время входил другой человек. Как она потом вспоминала, ей ужасно мешало, что на каждом спектакле «Зыковых» в первом ряду сидел какой-то молодой человек с цветами и буквально прожигал ее взглядом. Он не пропускал ни одного спектакля с участием Серовой, толкался возле служебного входа, писал ей записки с просьбой о встрече. Это продолжалось довольно долго. Однажды, после долгих раздумий, она написала ему: «Позвоните мне. В. Серова».

Это был начинавший тогда входить в моду поэт Константин Симонов. Ему было 24 года.

Открывалась следующая страница ее биографии – начало любовного романа, который будет переживать вся страна. Зимой 1941 года на страницах «Правды» было опубликовано тут же ставшее знаменитым стихотворение «Жди меня» с посвящением – «В.С.». А в 1942 году вышел в свет сборник стихов Симонова «С тобой и без тебя» с посвящением – «Валентине Васильевне Серовой». Книжку нельзя было достать. Стихи переписывали от руки, учили наизусть, посылали на фронт, читали друг другу вслух. Ни один поэт в те годы не знал столь оглушительного

успеха, какой познал Симонов после публикации «С тобой и без тебя».

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил.

В годы войны театр был эвакуирован в Фергану. Там Серова почти ежедневно получала от Константина Симонова письма. Тепло относящаяся к ней Серафима Бирман – любимая ученица Станиславского, талантливый режиссер, снимавшаяся в то время у Эйзенштейна в фильме «Иван Грозный», – писала ей, что она должна быть внимательнее к Симонову, что такими людьми бросаться нельзя и надо перестать слушаться только себя. Но Серова всю жизнь была во власти собственных эмоций и поделать с этим ничего не могла.

Театр вернулся из эвакуации только в апреле 1943 года. В том же году Серова согласилась стать женой Симонова. Это была его страсть – сильная мужская страсть к женщине, которая поначалу не любила его и не была особенно к нему привязана.

Валентина Серова во время войны среди летчиц авиаполка Марины Расковой

Свадьба с Симоновым во многом изменила ее жизнь. Он был любимцем Сталина, на привилегированном положении, одним из руководителей Союза советских писателей. Очень талантливый, умный, мужественный человек – но искренне преклонявшийся перед режимом, внутри которого существовал. Она много с ним

ездила – была, например, в 1946 году в Париже, когда Симонов проводил там кампанию по возвращению на Родину эмигрантов. Кампания не очень честная: те, кто возвращался, очень часто попадали в лагеря. В Париже она встречалась с писателями – Иваном Буниным, Тэффи (Надеждой Лохвицкой), Борисом Зайцевым… Сохранились воспоминания о таком случае: на одном из обедов, где Симонов уговаривал всех вернуться, его отозвали к телефону, и тогда Серова тихо сказала: «Не слушайте его…» Она всегда говорила правду. Всегда. И это была ее огромная ошибка – она часто была вспыльчива, несдержанна, но всегда искренна и поразительно добра.

Хочется думать, что период жизни Серовой, когда она была вместе с Симоновым, был для нее самым счастливым. Творческие взлеты в сороковые годы были действительно прекрасны. Она снималась в кино. «Сердца четырех» – незамысловатая комедия о забавной любовной путанице, где с Серовой снимались Людмила Целиковская, Евгений Самойлов и Павел Шпрингфельд, до сих пор смотрится с большим удовольствием. Фильм «Жди меня» по кинематографическим стандартам вышел неудачным, но он с огромной художественной правдой выразил свое время, и зрители и тогда, и сейчас проявляют немалый интерес к этой картине. В 1946 году Серова снялась в фильме «Композитор Глинка» в роли жены Глинки. В роли Пушкина там снялся кумир 30-х и 40-х годов – Петр Алейников. Фильм был неудачным, но Серова получила за эту роль звание лауреата Сталинской премии.

Серова в фильме «Композитор Глинка», 1946 г.

И на театральной сцене Серова в те годы создает свои лучшие

образы. Симонов специально для нее пишет пьесы «Под каштанами Праги», «Так и будет», «Русский вопрос», который шел в пяти московских театрах, «Русские люди»… И в каждой пьесе Серова с блеском исполняет главные роли. Она была в моде – элегантная, зажигательная, Женщина в высоком смысле этого слова.

Она много выступает с концертами. Однажды в одном из госпиталей, где на излечении находился высший комсостав, ее попросили выступить в отдельной палате. Она пришла туда – и увидела бледное, исхудавшее, умное, красивое лицо, и на нем – огромные синие глаза, в которых было нетерпеливое и напряженное ожидание. Это был маршал Константин Рокоссовский. Они долго разговаривали, и когда Серова вернулась домой, она тут же заявила Симонову, что влюбилась. Насколько близки были Серова и Рокоссовский, никому не известно. Она никогда никому не говорила о своей любви. Только в 1968 году, услышав по радио о смерти Рокоссовского, она рассказала своей дочери, Марии Кирилловне, об их коротком романе. В детали она не вдавалась.

После войны в стране началась кампания по борьбе с космополитизмом – это была форма уничтожения интеллигенции с антисемитской подоплекой. Симонов принимал в этой кампании активное участие, выступал, когда вышло постановление о театральных критиках. А Серова этого не одобряла, она очень мучилась из-за этого, ей было стыдно приходить в театр. Критик Юзовский был ее другом, с Борщаговским она часто встречалась, Гурвича она почитала. А теперь ее муж громил их как «безродных космополитов»…

Помимо прочего, Симонов отправил нелюбимого им сына Серовой Анатолия в интернат куда-то за Урал. Это была страшная ошибка. Серова очень этим казнилась, не могла простить этого ни себе, ни мужу.

В 1949 году Серова ушла из Театра имени Ленинского комсомола, где она прослужила четырнадцать лет. От всех свалившихся на нее неприятностей она начала выпивать. Еще в 1948 году Симонов, очень страдающий из-за этого ее пристрастия, писал ей: «Что с тобой, что случилось? Почему все сердечные припадки, все дурноты всегда в мое отсутствие? Не связано ли это с образом жизни? У тебя, я знаю, есть чудовищная русская привычка пить именно с горя, с тоски, с хандры, с разлуки…» Разлука с сыном, разрыв с Рокоссовским – по слухам, маршала заставили прекратить всякие отношения со знаменитой актрисой, Сталин был предельно консервативен в вопросах семейных отношений, – кампания против космополитизма, которую вел Симонов, – все это приводило Серову в состояние отчаяния, она была беспомощна. Неожиданно для всех начала выпивать и остановить себя уже не могла.

Пройдет еще восемь совместных с Симоновым лет. У них родится дочь Маша, Серова сыграет немало ролей в Театре им. Моссовета, снимется в фильме «Бессмертный гарнизон» по сценарию Симонова. Фильм снимал Александр Столпер, обожавший Симонова и переживший всю его личную драму. Серову Александр Борисович возненавидел – он считал, что она мешает съемкам, приезжая на съемочную площадку в ненормальном состоянии; но, когда фильм был снят, признался, что Серова очень хороша. «Актриса она талантливая, тут ничего не скажешь», – признавался он. Симонов был счастлив. Он еще довольно долго будет радоваться ее успехам, ее любви к сцене, без которой она не могла жить. Но наступит день, когда он напишет ей: «Люди прожили вместе четырнадцать лет. Половину этого времени мы прожили часто трудно, но приемлемо для человеческой жизни. Потом ты стала пить… Я постарел за эти годы на много лет и устал, кажется, на всю жизнь вперед…»

Симонов еще пытался наладить жизнь. Он содействовал тому, что ее зачислили в Малый театр, который был ей чужд. Ее приняли там очень холодно – все в ней раздражало консервативных актеров Малого, самого нетерпимого из российских театров, – шубы, «Виллис» с шофером, Симонов, который постоянно ждал ее у выхода… Она сыграла в Малом театре единственную роль – Коринкиной в «Без вины виноватые». Серова не любила ни эту роль, ни этот спектакль. Однажды она пришла на спектакль «не в форме». Старые актрисы Малого театра были возмущены, они затеяли товарищеский суд над Серовой. Она сидела молча, бледная, глубоко несчастная, и покорно слушала все, что говорили в ее адрес. «Да, вы правы, вы правы», – шептала она. После собрания в фойе театра появился Симонов, поднял заплаканную Серову на руки, снес по лестнице, усадил в машину и увез. Больше она в театре не появлялась.

Завидовали ей все и всегда, даже мать – Клавдия Половикова.

Талантливая актриса, но очень недобрый человек, которая плохо относилась к дочери и ревновала к ее успеху.

Серова поступила в Театр им. Моссовета, где проработала девять лет. За все это время она получила лишь одну стоящую роль – Лидию в пьесе «Сомов и другие». Она играла в очередь с Любовью Орловой и своей игрой вызывала восхищение и публики, и критики, и коллег по театру.

А в доме у нее был разлад. В 1957 году они с Симоновым расстались. Он устал от ее нервных срывов, пристрастия к питью, от того, что в доме не было покоя. Еще до того, как они окончательно расстались, Симонов написал безжалостные строки (они были им опубликованы):

Я не могу тебе писать стихов —
Ни той, что ты была, ни той, что стала.
И, очевидно, этих горьких слов
Обоим нам давно уж не хватало…
Упреки поздно на ветер бросать,
Не бойся разговоров до рассвета.
Я просто разлюбил тебя. И это
Мне не дает стихов тебе писать.

Сначала Валентина Васильевна боролась – она боялась остаться одна. Она была очень ранимым и незащищенным человеком. Она уничтожила почти весь свой архив, многое сожгла, наивно думая, что это поможет ей выжить. А Симонов сразу женился вновь – на интеллектуалке Ларисе Алексеевне Гудзенко, вдове поэта Семена Гудзенко и дочери генерала Жадова. Симонов удочерил ее дочь Катю, потом у них родилась обожаемая Симоновым Саня. Имя Серовой изживалось из жизни Симонова. Он никогда не упоминал о ней, снял посвящение из сборника «С тобой и без тебя». И только стихотворение «Жди меня» по-прежнему выходило с пометкой: «В.С.» – и сноской: «Валентина Васильевна Серова – заслуженная артистка РСФСР». И все.

Она осталась одна. У нее забрали дочь – она воспитывалась у бабушки, Клавдия Половикова даже судилась с Серовой из-за нее. Маша рвалась к матери и по достижении совершеннолетия вернулась к ней. Это было довольно мучительно. Обожая мать, Мария Кирилловна не могла жить с нею рядом.

Серова рано постарела. Алкоголизм очень сильно сказался на ее внешности. Из-за пьянства ее уволили из Театра им.

Моссовета. Она ненадолго вернулась в Ленком, где играла какую-то чепуху. Ее уволили по сокращению штатов. Потом ненадолго был Ногинский театр и в конце – Театр киноактера. Она пила – страшно, отчаянно. Последние годы ее жизни ничем не напоминали о том, что когда-то эта всеми брошенная женщина принадлежала к элите. Она была не столько постаревшая, сколько сломленная и спившаяся. Все те люди, кто пил за ее здоровье в хлебосольном симоновском доме, теперь отвернулись от нее. Она узнала и безработицу, и нужду, и унижения. Числясь в Театре киноактера, каждое утро она звонила диспетчеру и спрашивала, есть ли для нее работа. И каждое утро получала ответ: «Нет, Валечка, для вас работы нет». Ее дочь вспоминала, что в те годы Серова была ожесточенной, совершенно потерянной, загнанной в угол. К ней приехал ее сын, Анатолий, – такой же алкоголик, как и мать. Он умер за полгода до нее. Похоронили его в Монино, под Москвой, где он жил с новой женой. Серова не была на похоронах – она была уже в бессознательном состоянии.

Она умерла в декабре 1975 года. Умерла одна, в пустой квартире, сутки пролежала на полу. Ей было 57 лет. Ни некрологов, ни статей в газетах не последовало – лишь коротенькое извещение в газете «Вечерняя Москва». Панихида была в Театре киноактера. Народу было немного, все стояли в пальто и ждали, когда начнется гражданская панихида. А она все не начиналась – кто-то должен был приехать, то ли из Союза кинематографистов, то ли из Госкино СССР… И вдруг за кулисами включили магнитофон, и зазвучал голос Серовой, исполняющей песню из кинофильма «Жди меня». Мгновенно началась панихида, люди выходили к гробу и говорили – с нежностью, болью, обидой, горечью…

В 1979 году, за месяц до смерти, Симонов призвал в больницу дочь с просьбой принести остатки серовского архива. Симонов перечитал свои письма к Серовой и сказал дочери: «Я думал, что все ушло. И вдруг все вернулось ко мне, я все пережил заново, словно это происходит сейчас…» Письма он сжег. Но Маша втайне от отца сняла копии с его писем к матери и сохранила их.

Очень многие люди, окружавшие Серову, отошли в небытие. Даже Симонов. А Серова остается в памяти – потому что второй такой у нас нет – романтической женщины, умеющей дарить людям счастье, и актрисы, не умевшей терять…

Людмила Целиковская

ШИПЫ И РОЗЫ

Ее жизнь представляла собою редкостный контраст: всенародная слава – и отсутствие официальных наград; легкомысленные лирические героини – и твердый, сильный характер. Целиковскую обожали все – и ни один ее фильм не был одобрен критикой. Про нее говорили: «Три миллиона мужчин не могут ошибаться», – а Сталин лично вычеркнул ее имя из списков выдвинутых на премию. Со стороны казалось, что ее путь был усыпан розами, – и не было заметно, что шипов на розах гораздо больше, чем лепестков…

Люся Целиковская родилась 8 сентября 1919 года в Астрахани (хотя есть сведения, что на самом деле это случилось в 1917-м и она «скостила» себе два года). Родителями ее были люди незаурядные, вся жизнь которых была связана с музыкой. Отец ее,

Василий Васильевич Целиковский, родившийся в 1900 году, происходил из семьи священнослужителей. С шести лет пел в сельской церкви, с десяти стал учиться играть на скрипке в Астраханском музыкальном училище, а с шестнадцати он уже был регентом церковного хора. Кстати, в том же хоре пела Мария Максакова – в будущем знаменитая оперная певица. С ее дочерью Людмилой Люся Целиковская будет дружить всю жизнь. С 1915 года Василий Целиковский выступал в Астраханском драмтеатре в качестве дирижера. Через несколько лет создал хор и оркестр при Каспийском флоте, а в 1923 году уехал учиться в Московскую консерваторию. Окончил ее он в 1930 году – к этому времени уже руководил симфоническим оркестром Центрального дома Красной Армии, откуда в 1934 году перешел в Большой театр заведующим музыкальной частью.

Потом он волею судеб оказался в Киргизии, где создал оркестр в Киргизском драматическом театре. Он женился вторично, у него родилась еще одна дочь. После войны он работал на Всесоюзном радио, а потом – начальником Отдела музыкальных учреждений Министерства культуры СССР. Умер он в 1958 году и до самой смерти не терял связи с Люсей.

Мать Люси Екатерина Лукинична тоже некоторое время училась в Московской консерватории, окончила вокальную студию при Большом театре. У нее был прекрасный голос, но она ушла со сцены, чтобы стать домохозяйкой. До самой своей смерти – в 1982 году – она прожила рядом с Люсей.

В 1925 году Люся с матерью переезжают в Москву, к отцу. Условия были ужасные, денег никогда не хватало. Люсю за бедность дразнили: «Пьет чай из чугунка!» Но Люся не унывала. У нее был очень легкий характер. Она мечтала о сцене – постоянно разыгрывала какие-то сценки, в школе принимала участие во всех концертах самодеятельности, сама организовывала спектакли. Переодевшись нищенкой, она, подволакивая ногу, просила милостыню на Тверской – пока ее не заметили знакомые родителей. Благодаря родителям Люся выучила ноты раньше, чем алфавит, научилась петь раньше, чем считать. Она семь лет проучилась на фортепианном отделении Детского музыкального техникума имени Гнесиных, постоянно ходила на репетиции к отцу – он даже доверял ей бить в литавры во время выступлений. Хотела учиться музыке и дальше, но для оперной певицы голос был слабоват, а для пианистки рука была слишком маленькой. И Люся окончательно решила пойти на театральную сцену.

В 1937 году Целиковская поступала в Щукинское училище при Вахтанговском театре. После чтения наизусть ее спросили: «С кем вы готовились к экзаменам?» Она ответила: «С мамой».

Комиссия расхохоталась, а Люся расплакалась. Она была уверена, что ее ни за что не возьмут. Но ее взяли. В числе тринадцати, отобранных из шестисот.

Педагоги специально посылали студентов посмотреть на первокурсницу Целиковскую – девушку с удивительными, лучистыми глазами. Она сразу привлекла к себе внимание своей обаятельной внешностью, яркой индивидуальностью и врожденной музыкальностью. На втором курсе она выскочила замуж за четверокурсника Юрия Алексеева-Месхиева, племянника известнейшей тогда актрисы Варвары Месхиевой. Вскоре они расстались, и Люся снова выходит замуж – за писателя и драматурга Бориса Войтехова.

Целиковская в фильме «Антон Иванович сердится», 1941 г.

Но главным для нее все же оставалась сцена. Ее талант заметили – еще студенткой она была зачислена в труппу Вахтанговского театра. Одновременно начался ее путь в кинематографе. Уже в 1938 году она сыграла свою первую роль – пионервожатую Валю в фильме «Молодые капитаны». Год спустя ей предложили роль Шуры Мурашовой в фильме «Сердца четырех» режиссера Константина Юдина. Руководство Щукинского было против участия студентов в съемках, но

положение спас Рубен Симонов, руководитель Театра имени Вахтангова. Он заявил ректору: «Целиковская должна сниматься в кино, у нее есть все данные. Кого же тогда снимать, как не ее?» – и Люсю отпустили на съемки.

В этом фильме Целиковская снималась вместе с Валентиной Серовой, Павлом Шпрингфельдом и Евгением Самойловым. Юдин не только доверил молоденькой, неопытной студентке главную роль, но даже разрешил ей самой петь – хотя первоначально планировалось, что за нее будет петь известная певица Дебора Пантофель-Нечецкая (она же пела за Целиковскую в фильме «Антон Иванович сердится»). Но Целиковская упросила режиссера разрешить ей попробовать спеть самой. Пришли в студию, Пантофель спела песню, Целиковская вышла к микрофону – и не смогла произнести ни звука. Врач, к которому Юдин тут же отвел Люсю, определил несмыкание связок на нервной почве. Запись удалось сделать лишь через несколько дней – и песня «Я большая, ну и что же…» вошла в картину именно в исполнении Целиковской. С тех пор ей везде (кроме уже упомянутого «Антона Ивановича») доверяли петь самой.

Целиковская – Симочка в комедии «Антон Иванович сердится», 1941 г.

Премьера состоялась в мае 1941 года в Доме кино. Зрителям фильм настолько понравился, что большинство зрителей после первого сеанса остались на второй. Чтобы Юдин смог из зала

выбраться на сцену, ему пришлось буквально продираться сквозь толпу. Фильм должен был выйти в прокат летом, но из-за войны его положили на полку. Власти сочли, что смех во время войны неуместен. Вышел фильм только весной 1945-го.

Война Люсю в Ленинграде, на съемках следующего фильма – «Антон Иванович сердится». У Целиковской была в нем главная роль – Симочки Вороновой, увлеченной опереттой дочери поклонника классической музыки. Кстати, первоначально эта роль предназначалась Любови Орловой. Фильм вышел на экраны в конце 1941 года. Пресса молчала: по мнению чиновников, хвалить надо только «идеологически полезные фильмы». А на фронте засматривали до дыр «Антона Ивановича» – фильм про веселую, беззаботную довоенную жизнь, о которой мечтали и ради которой сражались. Целиковская стала воплощением того простого человеческого счастья, которое отняла у людей война. Похожих на нее в кинематографе не было. Люди, которым не хватало в те тяжелые годы радости и теплоты, обожали ее, подражали ей, старались быть похожими на нее.

После «Антона Ивановича» за Целиковской утвердилось амплуа комедийно-лирической героини. Зритель привык к веселой, задорной девчонке – и не представлял, что она может быть другой.

Вместе с Вахтанговским театром Целиковская была эвакуирована в Омск. Но пробыла там недолго: режиссер Лев Трауберг вызвал ее в Алма-Ату на съемки фильма «Воздушный извозчик».

Сценарий фильма был написан специально под Целиковскую. Ее партнером был Михаил Жаров – известнейший к тому времени киноактер. Фильм закончили весной 1943 года. По предложению Жарова премьеру фильма устроили сразу на фронте – впервые в истории. Грандиозный успех картины стал неожиданностью для всех. Жаров и Целиковская объездили с этой картиной все самые горячие участки фронта: сначала кино, затем концерт. Солдаты поднимали тосты: «За Родину! За Сталина! За Целиковскую!»

В таких условиях крепли отношения Жарова и Целиковской. Их роман, начавшийся еще во время съемок фильма, во время поездок по фронтам развился и окреп – несмотря на то, что оба состояли в браке, и на разницу в возрасте (Жаров был старше Люси на двадцать лет). Когда Целиковская написала обо всем Войтехову, тот рассвирепел. Стал присылать телеграммы с угрозами – не только Люсе, но и всем алма-атинским знакомым, обратился в ЦК комсомола. Жена Жарова подняла против них всех местных кумушек – он даже оказался на полтора месяца в больнице. Но они все-таки поженились – и прожили вместе пять

счастливых лет.

Еще на съемках «Воздушного извозчика» Целиковскую заметил великий режиссер Сергей Эйзенштейн – и пригласил ее сниматься в свой новый фильм «Иван Грозный» на роль царицы Анастасии. Царя играл Николай Черкасов, Жаров играл Малюту Скуратова. Фильм снимался около двух лет. Эйзенштейн налепил Целиковской нос, чтобы скрыть курносость, заставил ее перечитать массу исторической литературы о том периоде. В группе Люсю звали «цариха» – как назвал ее Черкасов в первую минуту знакомства, так и повелось. На съемках Целиковской искалечили глаза: в накладных ресницах она не могла моргать, и мощнейшие софиты обожгли хрусталики.

Фильм получил Сталинскую премию. Говорят, Сталин лично вычеркнул из списков награжденных имя Целиковской: «Такими царицы не бывают!» Она и вправду не была похожа на тех «цариц», которые так нравились вождю: ее Анастасия была простой девчонкой, попавшей в золотую клетку, но не растерявшей своей непосредственности и обаяния юности, а Сталину нравились героини, с песнями строящие новый мир…

В начале 1945 года Целиковская снова работает с Юдиным на картине «Близнецы». Сценарий был откровенно плохой, и фильм состоялся только благодаря огромной работе Юдина, а Жаров в роли завмага Еропкина и Целиковская в роли Любы Карасевой буквально «вывезли» на себе фильм. Критика же картину обругала – и продолжает ругать до сих пор. А зрители до сих пор продолжают этот фильм смотреть.

Весной того же 1945 года – еще до Победы началась работа над фильмом «Беспокойное хозяйство». Сюжет о ложном аэродроме подсказал Жарову еще в 1943 году генерал Михаил Громов. На этот сюжет братья Тур написали сценарий, и Михаил Жаров, впервые выступив в качестве режиссера, приступил к съемкам. Сначала работу пришлось отложить: актер, назначенный на главную роль, сломал ногу, долго искали замену. Съемки начались уже глубокой осенью – а ведь дело в картине происходит летом. Люся мерзла наравне со всеми, поддерживала

всех, поднимала всем настроение. Когда фильм вышел, критика буквально обрушилась на него: и сценарий плохой, и персонажи оторваны от жизни… А уж идеологических ошибок в нем нашли великое множество. Но зрители фильм приняли «на ура», и слава Целиковской продолжала расти.

Эти пять фильмов сороковых годов, обруганных критикой, принесли Целиковской невероятную славу. Она стала образцом для подражания – все школьницы выщипывали себе брови «под Целиковскую» и, как она, взбивали себе волосы и повязывали себе банты, как у ее героинь. Женщины пытались копировать ее походку. Мужчины искали себе жен, похожих на нее, – улыбчивых, смешливых, с голубыми глазами и ямочками на щеках. Когда Целиковская и Жаров шли по улице, движение останавливалось – все смотрели на любимых артистов. Однажды в Ленинграде Целиковской навстречу попалась рота солдат – и ее несколько кварталов пронесли на руках под нескончаемые аплодисменты прохожих. После спектаклей ее спускали по пожарной лестнице – выйти через обычную дверь не давала толпа. Ей протягивали своих детей для благословения. Михаил Ульянов вспоминал, что видел в сибирской деревне, как портрет Целиковской висел вместо иконы. Она была воистину народной героиней – ведь никаких наград от официальных властей она не получила.

Параллельно с кино она продолжает работу в Театре им. Вахтангова. В 1943 году ее за съемки в «Воздушном извозчике» и «Иване Грозном» уволили из труппы, но уже в 1945-м правительственной телеграммой позвали обратно: настоял Рубен Симонов, высоко ценивший ее талант. На сцене она смогла проявить себя как драматическая актриса – сыграла Лауру в «Маленьких трагедиях», Аглаю в инсценировке «Идиота» Достоевского, Беатриче в шекспировской комедии «Много шума из ничего». В очередь с талантливейшей Галиной Пашковой играла мадемуазель Нитуш в одноименной оперетте, хотя Галину Пашкову переиграть было невозможно. Рубен Симонов, заботливо относившийся к молодой актрисе, постоянно давал ей новые роли. Благодаря ему же Целиковская встретила свою самую большую любовь – архитектора Каро Алабяна.

Каро Семенович Алабян был старше ее на двадцать два года. Известнейший архитектор, любимец властей, друг детства и побратим Анастаса Микояна, одного из виднейших сановников СССР, – Алабян спас ему жизнь во время войны. Алабян был очень красивый мужчина, человек удивительной души, бескорыстный, очень порядочный. У него был прекрасный голос, он был заядлым театралом, много лет дружил с Рубеном Симоновым. У него на

даче в 1948 году Алабян встретил Целиковскую. Уже во вторую встречу Каро Семенович взял руку Люси, рассмотрел линии на ладони и сказал: «А знаете, вы будете моей женой!»

Так и случилось. Брак с Жаровым уже умирал: они оба страстно хотели детей, и все никак не получалось… И Целиковская вышла замуж за Алабяна. Уже в 1949 году у них родился сын Александр, которого сама Целиковская называла «своим главным мужчиной».

В это время Алабян попал в немилость: в присутствии всесильного Берии высказал несогласие с идеей строительства высоток в Москве. Алабян до этого год был в Америке и прекрасно понимал, что в СССР нет нужных технологий, к тому же он был убежден, что нормальное жилье гораздо важнее подобной показухи. Алабяна тут же освободили от всех должностей, лишили жилья. Он пришел домой и встал перед Люсей на колени: «Прости меня. Если бы я знал, что так случится, я никогда бы не посмел жениться на тебе».

Целиковская в гримерной Театра им. Вахтангова

Целиковская вывезла семью на себе: они скитались по знакомым, жили только на ее зарплату в 120 рублей. Все друзья, которые раньше постоянно толклись в доме Алабяна и Целиковской, отвернулись от них. От ареста его спасли только заступничество Микояна и его совет на время уехать. Через два года, когда стало совсем тяжело, Целиковская и Алабян написали в правительство письмо: сколько еще можно наказывать? В 1953 году – уже после смерти Сталина – Алабян вернулся, получил квартиру и работу. Но едва начали обустраиваться в новой квартире, случилась новая беда: у Саши обнаружили

полиомиелит. Целиковская забросила театр, кино, когда она отказывалась от ролей, ей говорили: если откажешься, других уже не будет. А она все время посвятила борьбе за жизнь и здоровье сына. Год не отходила от него. Постоянные прогулки, уколы, массаж по пятнадцать раз в день… Позднее Людмила Васильевна признавалась, что, если бы знала, как будет тяжело, выбросилась бы с балкона. К счастью, у Саши оказалась редкая форма болезни, поддающаяся лечению. А в 1959 году Каро Алабян умер от рака легких.

Время, прожитое с Алабяном, было для Людмилы Васильевны и самым тяжелым, и самым счастливым. Позже она говорила: «Больше всех меня любил Жаров. А я больше всех любила Алабяна». Именно Алабян был отцом ее обожаемого сына. Ко времени жизни с Алабяном относится и крупнейшая удача Целиковской в кино: роль Ольги Дымовой в «Попрыгунье» Чехова.

Режиссер Самсон Самсонов задумал снимать этот фильм на основе одноименного спектакля Театра-студии киноактера. В нем играли Сергей Бондарчук, Владимир Дружников, Евгений Тетерин…Со стороны взяли только Целиковскую. Она, ранее игравшая только в одноплановых музыкальных комедиях, смогла создать сложный, неповторимый образ чеховской героини. На XVI Международном фестивале художественных фильмов в Венеции в 1955 году фильм «Попрыгунья» получил премию «Серебряный лев» и еще премию «Пазицетти», которую вручают итальянские критики лучшему зарубежному фильму. А в России у Целиковской спрашивали – как же она, раньше игравшая таких милых девушек, смогла сыграть такую ужасную женщину, развратную убийцу?

После смерти Алабяна Целиковской пришлось очень тяжело. В это время ее поддержал Юрий Петрович Любимов, ее партнер по театру. Он увлекся ею еще во время репетиций «Ромео и Джульетты», где Любимов и Целиковская играли главные роли. Премьера спектакля состоялась в 1957 году – кстати, с того времени Целиковская подружилась с гениальным русским поэтом Борисом Пастернаком, в чьем переводе шла пьеса. Пастернак обожал Целиковскую, при каждом ее появлении ликовал и устраивал бурные импровизации в стихах.

Уже в 1960 году Любимов переехал к Людмиле Васильевне. Он стал ее пятым мужем, она – его четвертой женой.

В 1963 году Юрий Любимов, преподававший в Щукинском училище, поставил со своими студентами спектакль «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Бертольта Брехта. Спектакль имел невообразимый успех – тем более неожиданный, что труппа была еще непрофессиональная. Любимов, режиссер в то время

малоизвестный, поразил всех необузданной фантазией и оригинальнейшей сценической техникой. Пресса дружно восторгалась спектаклем, все театралы Москвы считали своим долгом посетить его. Целиковская и Любимов решили, что студенческую труппу необходимо сохранить, превратив ее в коллектив профессионального театра. Тем более что как раз в это время расформировывали Московский театр драмы и комедии. Целиковская по старой дружбе уговорила посетить спектакль Анастаса Микояна. Тот рассказал о спектакле и его режиссере министру культуры Екатерине Фурцевой, та написала записку Суслову – и в феврале 1964 года Юрий Любимов был назначен главным режиссером Театра драмы и комедии на Таганской площади. На здешней сцене 23 апреля 1964 года представлением «Доброго человека из Сезуана» начал свою жизнь Театр на Таганке.

С Аркадием Райкиным в фильме «Мы с вами где-то встречались», 1957 г.

Людмила Целиковская во всем помогала мужу и новорожденному театру. Работы в кино не было совсем, в Вахтанговском театре она играла все меньше – и всю оставшуюся энергию она отдавала Театру на Таганке. Она участвовала во всех замыслах Любимова: советовала пьесы для постановки, делала инсценировки – как она их называла, болванки – понравившихся романов, написала текст для спектакля по Пушкину «Товарищ, верь!». Щедро делилась опытом с молодыми актерами,

советовала, наставляла. В их квартире был своеобразный штаб, где рождались и обсуждались идеи и замыслы Любимова. Там бывали Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский, Юрий Трифонов и Борис Можаев, Владимир Высоцкий и Марина Влади. Целиковская была редкостной хозяйкой – гостеприимной, хлебосольной, превосходной кулинаркой. С Любимовым, которого все боялись, перед которым все трепетали, она держала себя на равных, позволяя себе то, на что никто другой не осмелился бы и в мыслях. Однажды на каком-то обсуждении она так рассердилась на Любимова, что заявила ему во всеуслышание: «Юра, ты дурак!» Все затихли. Тогда она в задумчивости продолжила: «Нет, это громко сказано. Юра, ты гений».

Любимов немного побаивался ее, ее неординарного ума, независимости и прямоты суждений, силы ее личности. В шутку он звал ее Циолковской и Генералом (кстати, самого Любимова в его театре звали Полковником). А она, как могла, создавала Любимову надежный тыл, оберегая его от идеологических обвинений и нападок чиновников. Своим громким именем она прикрывала Любимова от возможных неприятностей. Если было надо, звонила всем, вплоть до Брежнева, требовала и даже угрожала. Однажды, когда Любимова в очередной раз вызвали на ковер, она, изнервничавшись, позвонила туда. Попросив передать трубку Любимову, она громко, на весь кабинет, сказала: «Юрий! Перестань унижаться! Пошли его к чертовой матери и немедленно домой! По дороге купи бутылку можайского молока».

Из-за того, что Целиковская была женой опального Любимова, у нее начались проблемы: не звали в кино, стали меньше давать ролей в театре. Не давали очередных званий, несмотря на неоднократные представления театра. Она никогда ни в чем не упрекнула Любимова.

По всеобщему мнению, это была удивительно дружная, талантливая, веселая семья, увлеченная общим делом. Театру на Таганке – их общему детищу – они посвящали все свое время и силы. Они прожили вместе двадцать лет – и расстались в одночасье.

В 1978 году Любимов на гастролях театра в Венгрии сошелся со своей переводчицей, венгеркой Каталиной Конц. Целиковская тогда поехать с театром не смогла, но о происшедшем ей немедленно доложили. Говорят, что Любимов погуливал и раньше, но Целиковская делала вид, что ничего не замечает. Она была твердо уверена, что он от нее никогда не уйдет. Но в этот раз она его не простила.

В итоге Любимов женился на Каталине – они вместе до сих

пор, – а Целиковская осталась одна.

С момента разрыва она ни разу не говорила о случившемся, даже не упоминала имени Любимова. Только однажды, уже перед смертью, сказала сыну: «Умирают даже камни. Чтобы жить с гением, нужно быть душечкой. Я же упрямая, со своим характером. Помню, однажды Любимов сказал: «Когда мы разойдемся, у тебя в доме будет праздник». Так и получилось. Праздник продолжается до сих пор».

Возможно, что Юрий Петрович просто устал от постоянного давления, пусть даже и с самыми лучшими намерениями, своей жены. Два настолько сильных характера редко уживаются вместе, а они прожили рядом двадцать лет…

Однажды он, проезжая мимо дома Целиковской, спросил: «Меня там сильно несут?» Ему ответили: «Тебя там и не вспоминают». Любимов надолго замолчал…

Целиковской было уже шестьдесят лет. Снова выходить замуж было уже поздно – хотя и в этом возрасте у Людмилы Васильевны были верные поклонники. Даже когда ей было семьдесят, она оставалась яркой, привлекательной женщиной, выглядевшей на двадцать лет моложе. Она посвятила себя семье – любимому сыну и появившемуся вскоре внуку, которого назвали в честь деда Каро. Она любила говорить: «Главное, что я сделала в жизни, – родила сына и построила для него и внуков дачу». И наконец-то ее пригласили в кино: в 1979 году режиссер Владимир Мотыль задумал снимать «Лес» Островского и выбрал Целиковскую на роль Гурмыжской. Снимали в усадьбе дочери Суворова. Узнав о том, что в усадьбу приедет сама Целиковская, две местные старушки с раннего утра стояли у дороги с огромными ведрами цветов, поджидая любимую актрису. Когда она приехала, они встали перед Целиковской на колени: «Люся, во время войны ты нас спасла. Нам нечего было есть, убивали наших друзей, но мы смотрели на тебя…»

Партнером Целиковской по фильму был совсем молодой тогда Станислав Садальский. Во время съемок он упал с большой высоты и сильно расшибся. Прибывшие врачи решили везти его в местную больницу. Примчавшаяся Целиковская наорала на врачей и добилась того, чтобы Садальского отвезли в Институт Склифосовского. Там она настояла, чтобы вызвали лучших врачей, которые обнаружили, что Садальский отбил себе почки и печень. Что было бы, если бы его оставили в деревне, не знает никто.

Целиковская сыграла свою роль на высочайшем уровне, словно вложив в ее исполнение все то, что не понадобилось за долгие годы простоя. Но фильм запретили: начальство посчитало,

что в картине слишком много перекличек с реальностью. Целиковская бросилась в бой – пошла по инстанциям требовать, чтобы фильм выпустили на экраны. Эта была ее лучшая роль, первая за многие годы, и было неимоверно тяжело смириться с тем, что фильм никто не увидит. Но все было тщетно – это поколение чиновников уже не испытывало никакого почтения ни к имени Целиковской, ни к ее годам и званиям. Даже пригрозили, что следующего звания она не получит. Фильм выпустили в прокат только в 1987 году.

После этого была только одна маленькая роль в телефильме «Невероятное пари, или Истинное происшествие, благополучно завершившееся» – инсценировка нескольких рассказов Чехова. Мотыль, расстроенный неудачей с «Лесом», пригласил почти всех актеров из этого фильма в «Невероятное пари». Целиковская снова играла вместе с Садальским. И к своей маленькой роли она готовилась столь же ответственно, как если бы она была главной.

Продолжала Целиковская играть и в родном театре. Но через несколько лет в Вахтанговском сменилось руководство, и ролей стало гораздо меньше. Доставались в основном эпизоды, которые Целиковская тем не менее с радостью играла. Но творческий потенциал требовал выхода. Тогда Целиковская сама нашла для себя спектакль и роль. Еще в 1980 году Михаил Воронцов принес в Вахтанговский театр инсценировку «Синей книги» Михаила Зощенко под названием «Коварство, деньги и любовь». В театре пьесу долго пытались репетировать, но так и не поставили. Тогда Воронцов решил сделать из пьесы коммерческий спектакль. И четверо актеров – он сам, Вячеслав Шалевич, Марианна Вертинская и Людмила Целиковская – десять лет ездили с этим спектаклем по Советскому Союзу и другим странам. Спектакль

сыграли больше тысячи раз. Повсюду Людмилу Васильевну встречали с восхищением: сама Целиковская! Однажды в Грузии, когда автобус с артистами застрял на дороге из-за обвала, в окно заглянул грузин-милиционер. Увидев Целиковскую, расплылся в улыбке: «Как, вы здесь! Почему вы нервничаете? Что вы хотите?» Та, издергавшись и переволновавшись на жаре, сказала: «Что хочу? Шампанского!» Через минуту в автобус прибыла ледяная бутылка шампанского. Все время, пока расчищали завал, молоденький милиционер смотрел на Целиковскую, не отрывая глаз, как на богиню.

После ухода из спектакля Целиковской ее роль стала играть Алла Ларионова.

В конце 1980-х годов Целиковская тяжело заболела. У нее обнаружили рак. Сначала ей ничего не говорили, но потом скрывать было уже бессмысленно. Неудачная операция, четыре месяца в постели – и 6 июля 1992 года Людмилы Целиковской не стало.

Похоронили ее на Новодевичьем кладбище. Юрий Любимов на похороны не пришел. А когда на могиле открывали памятник, на небе заметили радугу – широкую пеструю дугу, уходящую концами вверх. Как улыбка Целиковской. Улыбка, которая до сих пор светит всем сквозь толщу лет.

Алла Ларионова

СКАЗКА О РУССКОЙ КРАСАВИЦЕ

Ее жизнь многие сравнивают со сказкой. Она жила с радостью и умерла с улыбкой. Если и была в нашем кинематографе красота, которая могла спасти мир, то это была именно красота Аллы Ларионовой.

Ее родители познакомились еще в Гражданскую – вместе воевали у Котовского. После войны отец, Дмитрий Ларионов, пошел по партийно-хозяйственной линии: к моменту рождения дочери был директором райпищеторга. Мать, имевшая всего четыре класса образования, работала в детских садах. Они оба были заядлыми театралами – могли ночами напролет стоять за билетами в Художественный театр. В то время первой актрисой МХАТа была гениальная и ослепительная красавица Алла Константиновна Тарасова. И когда у Ларионовых 19 февраля 1931 года родилась дочь, ее назвали в честь любимой актрисы – Алла.

Алла Тарасова на всю жизнь стала для Аллы Ларионовой любимой актрисой, кумиром, идеалом красоты. Когда они однажды встретились на приеме в Кремле, Алла Константиновна назвала Ларионову «доченька» – это стало для Ларионовой и знаком признания, и творческим завещанием.

Аллочка с самого детства мечтала стать актрисой. И жизнь пошла навстречу ее желанию. Каждое лето детский сад, где мама Аллы работала завхозом, выезжал на дачу. Естественно, Аллочка ездила вместе с матерью. И однажды туда приехала съемочная группа в поисках детей для съемок. Пухленькая малышка с конопушками на вздернутом носике очень им приглянулась. Однако мама наотрез отказалась отпускать свою дочь – и, сделав несколько кадров Аллочки, группа уехала.

Но судьба не отступала от задуманного. Когда Алла училась в восьмом классе, к ней на улице подошла женщина и спросила: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» Алла, ни секунды не раздумывая, ответила: «Да». Симпатичную курносую и конопатую девушку поставили на учет в актерский отдел «Мосфильма» и стали приглашать сниматься в массовках. Например, молоденькую Аллу можно увидеть в толпе на вокзале в знаменитом фильме Юлия Райзмана «Поезд идет на восток».

Алла Ларионова с мамой

Съемки почему-то чаще всего были по ночам. Учебу Алла забросила и еле-еле окончила школу на тройки. К счастью, строгие родители, которые могли бы запретить дочери прогуливать уроки, были далеко. В огромной коммуналке на Спартаковской, где жила семья Ларионовых, перестали топить, там стоял жуткий холод – и Аллу взяла к себе тетка, сестра матери. Тетка же, гораздо ближе Алле по возрасту, была ей больше подругой, чем родственницей, и всячески поддерживала ее увлечение кино.

Когда летом 1948 года Алла окончила школу, она ни на секунду не сомневалась в своем будущем – она станет актрисой. Документы подала сначала в ГИТИС. Во главе экзаменационной комиссии был известный режиссер Андрей Александрович Гончаров. Когда Алла вошла – с толстой золотой косой, яркими синими глазами, вся светящаяся, – комиссия онемела, так она была хороша. А Алла, засмотревшись на Гончарова, очень красивого мужчину, забыла текст. Гончаров с ехидством спросил у остолбеневшей абитуриентки: «Девочка, тебе сколько лет?» Та смущенно сказала: «Семнадцать». – «В семнадцать лет надо память иметь получше…»

Будучи уверенной, что в ГИТИС ее не приняли, Алла подала документы и во ВГИК. Курс набирали Сергей Герасимов и Тамара Макарова. На Герасимова Алла Ларионова не произвела никакого впечатления – по его мнению, она была некрасивая, некиногеничная, и нос у нее слишком большой… Тамара Федоровна уговаривала его: «Да ты на ее глаза посмотри, на волосы…» Она умела уговаривать мужа. Уговорила и на этот раз.

Аллу Ларионову приняли и в ГИТИС, и во ВГИК. Поразмыслив, она выбрала ВГИК. С тех пор она не раз думала, что было бы, выбери она театр, но ни разу не пожалела.

На первом курсе Алла влюбилась в своего однокурсника Николая Рыбникова. Парень из Борисоглебска, сначала по воле отца учившийся на врача, но затем все же пришедший в кино, считался одним из самых талантливых студентов. И хотя он был на их курсе самым маленьким, бедным и некрасивым, его фонтанирующее обаяние и искрометное веселье покорили Аллу.

Коля Рыбников действительно был на редкость веселый парень, неистощимый на выдумки и розыгрыши. От его шуток стонало и общежитие в подмосковном Бабушкине, и товарищи по институту. Особенно удавалось Рыбникову подражать чужим голосам. Часто он, прячась в шкафу, изображал радио – и то пугал однокурсников объявлениями, то выспрашивал у знакомых девушек тайны их жизни. А они потом, придя на лекции, в страхе делились друг с другом подробностями бесед с «духом из радио». Однажды Рыбников «сообщил» о награждении одного из студентов Сталинской премией за роль Сталина. Тот на радостях

назанимал денег и закатил банкет на все общежитие. Но весной 1952 года Рыбников чуть не дошутился до беды. Его «радио» голосом Левитана сообщило о том, что с первого числа следующего месяца цена на табак и водку снижается в семь раз, а соль и спички будут выдаваться бесплатно каждому желающему. В те годы действительно каждую весну объявлялось о снижении цен на продукты – хотя, конечно, не в семь раз. Все с криками «Ура!» и «Да здравствует Сталин!» бросились в ближайший продмаг. Продавщица в ужасе закрыла магазин и пошла звонить начальству. Соответствующие органы быстро нашли виновника переполоха. Рыбникова тут же исключили из комсомола и чудом не выгнали из института. Заступился Герасимов, а следом за ним и другие преподаватели – Коля Рыбников играл главную роль в дипломном спектакле «Юность Петра», и обойтись без него было нельзя.

Через много лет эта история послужила основой для фильма Петра Тодоровского «Какая чудная игра». Только в фильме всех участников розыгрыша расстреляли.

В самом начале совместной учебы Коля Рыбников не обращал никакого внимания на Аллу. Они дружили, и Коля часто бывал у Аллы в гостях, но в то время он был влюблен в другую. Даже пытался повеситься в институтском общежитии, и его удалось спасти лишь по счастливой случайности. Алла страдала, плакала по ночам в подушку… Потом перегорела, остыла. Но теперь уже он влюбился в нее без памяти. Ларионова была к тому времени признана первой красавицей института, и к тому же ее пригласили сниматься.

Известный режиссер Александр Лукич Птушко в 1952 году начал снимать фильм-сказку «Садко» по мотивам новгородских былин. Долго искали девушку на роль красавицы Любавы. И снова вмешалась судьба: ассистентом у Птушко работал Георгий Натансон, хорошо знавший Аллу еще со времен ее школьных съемок в массовках. Он привел Ларионову на съемочную площадку. Увидев ее, Птушко восхищенно сказал: «Жора, ты – обыкновенный гений!» И Ларионову утвердили на роль.

Сергей Герасимов не одобрял участия своих студентов в киносъемках. Но Тамара Макарова помогла и тут: поддавшись ее уговорам, Герасимов отпустил Ларионову на съемки.

Роль Любавы была небольшая, но Аллу Ларионову тут же заметили. Потрясающе красивая и обаятельная девушка в одночасье стала знаменитой. Фильм до сих пор считается одним

из самых лучших в истории советского кино. Его тут же послали на кинофестиваль в Венецию – и вместе с фильмом поехала и юная Алла Ларионова.

Советский Союз уже давно не приглашали на зарубежные фестивали. И когда наконец пригласили, к составу делегации отнеслись со всей ответственностью. В нее вошли три первые красавицы тогдашнего кино – Наталья Медведева, Лилия Гриценко и Алла Ларионова.

Перед отъездом Наталья Медведева пришла в министерство и заявила, что девушкам необходимы выходные платья: если уж им выпала честь представлять свою страну за рубежом, они не смогут этого сделать в тех обносках, которые у них есть. И им срочно в кремлевском ателье сшили три белых платья – разных фасонов, но из одной материи. Правда, по возвращении платья пришлось вернуть.

Алла, впервые попавшая за границу, находилась в состоянии постоянного шока. Ее удивляло все – как на них смотрят, что носят, какие вокруг дома и лица, так не похожие на привычные советские… Из полуподвальной коммуналки Алла попала во дворец. Но самым сильным потрясением стала выходящая из номера гостиницы горничная – на ней были роскошные тонкие шелковые чулки, о которых советской кинозвезде можно было только мечтать…

Русские красавицы произвели в Венеции настоящий фурор. За ними постоянно ходили толпы любопытных. Газеты писали: «Русские привезли настоящее чудо красоты!» Но Алла не

потерялась на фоне остальных – ее молодость и ослепительное обаяние выделяли ее из любого окружения. А уж после того, как «Садко» получил главный приз, «Серебряного льва» («Золотого льва» в тот год не присуждали), Алла Ларионова стала настоящей звездой фестиваля. Про нее писали: «Алла неотразима – самая молодая, самая веселая, самая красивая. Ее появление на фестивале – уже успех! Солнце Венеции – в волосах у Аллы».

Ее, первую из советских актрис, стали наперебой приглашать голливудские продюсеры. Сам Чарли Чаплин, сраженный ее красотой, прислал ей приглашение сниматься в его новом фильме. Но представители Госкино отказали всем: мол, Ларионова у нас одна, у нее контракты на пятнадцать лет вперед, и у нее просто нет времени сниматься где-нибудь еще. А Алла, возвращаясь самолетом в Москву, прощалась со сказкой – по ее мнению, впереди ее ждали только серые будни. Но оказалось, что сказка продолжалась. Прямо у трапа самолета Алле сообщили, что она утверждена на главную роль в фильме Исидора Анненского «Анна на шее» по рассказу Чехова.

Партнером Ларионовой по фильму был Михаил Жаров – известнейший и опытнейший актер. Он был кумиром Аллы с детства. Однажды, еще учась в школе, она с подругами пошла на вечер актеров кино. Один из актеров, проходя мимо, толкнул ее. Алла обернулась и застыла в изумлении: сам Жаров! Михаил Иванович погладил ее по голове: «Я тебя не сильно ушиб, деточка?» Алла была счастлива. И теперь, когда они встретились на съемочной площадке, она напомнила Жарову о том случае. За время съемок они подружились – потом сплетники из их дружбы раздуют целую историю с любовным романом и жаркими страстями. А Ларионова говорила: ей только приятно, что кто-то такое сочинил.

Снимали фильм долго, трудно. Одну сцену с балом снимали чуть ли не месяц – по ночам, потому что артисты оперетты, изображающие массовку, не могли работать днем. Сцену, где Анна после бала нежится в огромной постели, снимали в гараже «Мосфильма». Дело было зимой. Машины оттуда, конечно, убрали, но так было даже хуже – холод в гараже стоял арктический. Пока осветители в тулупах ставили свет, Алла быстро разделась и юркнула под одеяло, чтобы успеть хоть немного согреться. И вдруг вдали показалась высокая тонкая фигура – Александр Вертинский, играющий в фильме князя. В тот день он не снимался, но специально пришел познакомиться с молодой актрисой. Он подошел к кровати и, поцеловав ей руку, сказал, характерно грассируя: «Бг…аво, бг…аво!»

Вертинский был тогда живой легендой. Вернувшийся

эмигрант, недавний лауреат Сталинской премии, человек старой закалки и другого склада ума, обладатель изысканных аристократических манер. Он сразу взял Аллу под свое покровительство – разговаривал, делился опытом, галантно ухаживал. Когда снимались эпизоды в Ленинграде, в его гостиничном номере собиралась почти вся съемочная группа – садились на ковер и слушали рассказы Вертинского.

Когда фильм «Анна на шее» вышел на экран, критика буквально растерзала его. Говорили, что манера, в которой он снят, ближе не к Чехову, а к Островскому, что в фильме нет свойственной оригиналу глубины и неоднозначности. Говорили, что картина воспевает пошлость и мещанство. Но публика валом валила на этот фильм: столь сильна была жажда простого человека окунуться хотя бы на время фильма в атмосферу радости и красоты, бесшабашной веселости и откровенного легкомыслия.

Слава Ларионовой взлетела до небес. Все ее роли были полны необычайной, магической женственности. У нее был волнующий голос, на экране она оставалась мягкой и естественной.

Алла Ларионова не только любила водить, но и прекрасно разбиралась в машинах

Ей поклонялись, ее обожали, ее преследовали. А она продолжала жить все в той же полуподвальной коммуналке, где ванна была прямо на кухне. У прорубленных для света окон постоянно толпились поклонники, самые отчаянные пытались залезть внутрь. Образ Анны – героини, перед которой не может устоять ни одно мужское сердце, – настолько слился с образом самой актрисы, что ее имя тут же обросло самыми невероятными

сплетнями. Игравшие с нею Жаров и Вертинский были тут же зачислены в ее любовники, список которых, по утверждению всезнающей молвы, исчислялся десятками, если не сотнями, знаменитейших фамилий. Реальность была гораздо проще: на съемках фильма «Садко» Ларионова влюбилась в своего партнера, актера Ивана Переверзева, и они стали жить вместе. Но сплетни не утихали – и вскоре разразилась настоящая катастрофа.

После ошеломляющего успеха Ларионовой в «Анне на шее» режиссер Ян Фрид пригласил ее сниматься в свой фильм «Двенадцатая ночь» по комедии Шекспира. Главные роли – близнецов Виолу и Себастьяна – должна была играть восходящая звезда, очаровательная Клара Лучко, а Ларионова сыграла роль прекрасной Оливии. Во время проб к фильму на киностудию пришел тогдашний министр культуры Александров. Увидев Ларионову, он застыл и простоял с открытым ртом несколько минут. В перерыве Аллу представили министру, а вечером в ее гостиничный номер постучали: молодой человек передал актрисе, что министр культуры приглашает ее на прощальный ужин – ночью он уезжает в Москву. Отказаться было невозможно. Ларионова спустилась в банкетный зал. Министр весь вечер не отходил от нее. Наутро весь «Ленфильм» говорил только о том, что Александров приезжал специально, чтобы пообщаться с Ларионовой. Все стали кланяться, заискивать… А вскоре в газете «Правда» появилась статья, в которой министра обвиняли во всех грехах – в частности, в его чрезмерном увлечении женским полом. В то время ругательная статья в центральной газете была равносильна судебному приговору. Разгорелся страшный скандал. Слухи ходили самые невообразимые: например, что Александров любил принимать ванны из шампанского в компании киноактрис и что Ларионова часто принимала участие в подобных оргиях. Александрова сняли с должности, исключили из партии, по организациям было разослано письмо о моральном разложении бывшего министра. Иван Пырьев, тогдашний директор «Мосфильма», издал распоряжение: Ларионову в кино не снимать.

Она была уже назначена на роль Василисы в фильме Александра Птушко «Илья Муромец» – и никак не могла выехать, потому что в Театре киноактера, где она числилась в штате, отказались подписать необходимые документы. Потом сорвалось еще несколько ролей. Ларионова попыталась выяснить причину опалы – и ей наговорили такое, что она несколько дней просидела дома в истерике, боясь от стыда выходить на улицу. Исидор Анненский подал ей идею – надо написать новому министру, Николаю Михайлову. Ларионова, с трудом найдя в себе силы, написала письмо и позвонила в приемную Михайлова.

Ее сначала попросили перезвонить через несколько дней, затем пригласили приехать. Новый министр, напуганный судьбой своего предшественника, держал вокруг себя только мужчин. И они встретили Ларионову с такими многозначительными ухмылками, что та разрыдалась прямо в министерской приемной. Оставила письмо и убежала.

Через несколько дней она нашла в газете статью о предстоящей поездке большой делегации советских кинематографистов во Францию, где среди фамилий была и ее. Так Ларионова поняла, что опала с нее снята.

Во Францию поехал цвет тогдашнего советского кино: Людмила Целиковская, Сергей Бондарчук, Элина Быстрицкая, Николай Черкасов… Ларионова снова была в центре внимания. Сам Жерар Филип ухаживал за русской красавицей на глазах у всех. На прощальном приеме он написал Алле на ресторанном меню стихи: «Со мной сидит блондинка в платье голубом, и я в нее влюблен…»

Талант Аллы Ларионовой признавали многие зарубежные кинозвезды первой величины. В Аргентине, куда Ларионова поехала вместе с «Садко», на прощальном банкете к ней подошла невысокая светловолосая женщина и поклонилась по-русски, в пояс. «Я подошла, чтобы выразить свой восторг вашей красотой. Вас нельзя не заметить, – сказала она. – Я Мэри Пикфорд». Ларионова вскочила со стула – еще бы, легендарная звезда американского кино! На прощание Пикфорд подарила Алле свою фотографию – ее Ларионова хранила до самой смерти.

А в Бразилии, когда Ларионова вместе с Сергеем Бондарчуком сидели в кинозале, к ним подошла очень необычно по тем временам одетая – в брюки – черноволосая женщина. Она спустилась с верхних рядов амфитеатра, перешагивая прямо через ряды. Это была сама Анна Маньяни, великая итальянская кинозвезда. Она подошла к Алле, чтобы выразить ей свое восхищение. Сидящего рядом Бондарчука итальянка приняла за жениха Ларионовой.

Казалось, что жизнь Аллы Ларионовой состояла из одних удач. Роли следовали одна за другой, и каждая была лучше предыдущей. У нее были толпы поклонников, ее талант признавали все. Но в личной жизни не все было так же гладко. Иван Переверзев, с которым она жила, был по характеру настоящий бабник, и Алла все время мучилась от ревности. Когда Алла в 1956 году забеременела, она надеялась, что хоть это привяжет к ней любимого мужчину. Они вместе снимались в Минске в фильме «Полесская легенда». В декабре Переверзев на несколько дней отлучился – и в его отсутствие из Москвы пришла

телеграмма, поздравляющая его с рождением ребенка. Оказывается, он был давно женат, на актрисе Театра сатиры Канаевой, и теперь у них родился сын. Ларионова была в шоке, в ужасе, в отчаянии… Спас ее Николай Рыбников.

Последние шесть лет Николай постоянно пытался добиться расположения обожаемой Аллы. Где бы она ни была – за границей или в глухой деревне, – непременно присылал ей короткие телеграммы: «Люблю. Целую. Пью твое здоровье. Коля». Каждый Новый год приезжал к ней, чтобы поздравить. Чтобы стать достойным ее, старался прославиться в кино. Первые несколько лет ему доставались только эпизоды, но в 1956 году ему повезло. Режиссеры Феликс Миронер и Марлен Хуциев искали на главную роль в своем фильме «Весна на Заречной улице» обаятельного актера с внешностью «простого парня». Сниматься надо было в Одессе и на Волге, режиссеры были неизвестные, денег платили мало. Ехать никто не хотел. А Рыбников согласился. И фильм имел невероятный, фантастический успех – по сути, это был первый культовый фильм в Советском Союзе. Рыбников тут же стал безумно популярным. Его тут же пригласили на следующую роль – режиссер Александр Зархи дал ему главную роль в фильме «Высота».

30 декабря 1956 года Николай Рыбников, отпросившись со съемок «Высоты», приехал к Алле Ларионовой. На следующий же день сделал ей предложение. И она его приняла.

Рыбников решил расписаться тут же, пока Алла не передумала. Первого января все ЗАГСы были закрыты. И второго числа Рыбников, Ларионова и почти вся съемочная группа поехали по Минску искать ЗАГС, где бы их расписали без предварительной подачи заявления. Кто-то подал идею: надо найти ЗАГС рядом с кинотеатром, где висели бы афиши «Весны на Заречной улице», – там не откажут. Чудом нашли. Известных актеров действительно узнали и расписали. В Минске это был брак № 1 – первый в 1957 году.

В паспорт Алле Ларионовой растаявшая от обаяния Рыбникова регистраторша поставила штамп: после замужества фамилия Рыбникова. Ларионова закричала, что ей испортили паспорт. Регистраторша удивилась: «Разве вы не хотите взять его фамилию?» Алла объяснила, что у нее фамилия тоже хорошая и не менее известная. Тогда запись о перемене фамилии зачеркнули – с почерканным паспортом Ларионова ходила много лет.

На премьере «Высоты» Ларионова сидела рядом с мужем. Когда герой Рыбникова, которого тоже звали Николай, сказал: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» – зал взорвался

аплодисментами.

Родившаяся вскоре дочь стала Аленой Рыбниковой.

Сразу после свадьбы Ларионова и Рыбников залезли в долги и купили огромную пятикомнатную квартиру возле метро «Аэропорт». Только они туда переехали, пришел посыльный от Вертинского с корзиной белой сирени – в феврале месяце! В сирени лежала записка, поздравляющая с рождением дочери.

Алла Ларионова и Николай Рыбников стали одной из самых известных, красивых и стабильных пар советского кино. Обязанности по дому были распределены сразу же: Алла занимается машиной, заменой лампочек, вбивает гвозди и делает ремонт. Рыбников взял на себя готовку и уборку. Особенно он любил делать пельмени. Каждую годовщину свадьбы отмечали с размахом. Всем гостям надевали фартук – и сажали под руководством Рыбникова лепить пельмени. В тот же день, 2 января, была годовщина и у их соседей по дому Сергея Бондарчука и Ирины Скобцевой. Часто отмечали вместе. С Бондарчуками Ларионова и Рыбников были близкими друзьями – даже крестили друг у друга детей. Николай Рыбников сыграл у Бондарчука в «Войне и мире» Дениса Давыдова.

Рыбников был натурой увлекающейся. Обожал шахматы – его друзьями были известнейшие шахматисты Борис Спасский, Михаил Таль, Ефим Геллер… После фильма «Хоккеисты» увлекся хоккеем. Чтобы сыграть в фильме «Девчата», за две недели похудел на двадцать килограммов – и получил роль, на которую уже был утвержден другой актер.

С Рыбниковым Алла чувствовала себя как за каменной стеной: она могла быть твердо уверена в том, что она – единственная женщина в его жизни. Его жизненное кредо было простым: «любимая женщина, любимый дом, любимая работа». Он очень ревновал Аллу – мог даже при случае подраться из-за нее. Ее дочь он любил как свою – и долго не соглашался завести второго ребенка: говорил, что один у них уже есть. Но Алла, которая очень хотела детей от Николая, настояла на своем – и в 1961 году у них родилась вторая дочь, Арина.

Их любовью восхищались, им завидовали. Они очень скучали, когда долго не виделись, спешили друг к другу, старались по возможности сниматься вместе. Вдвоем они снялись в восьми фильмах, самыми удачными из которых были «Ведьма» и «Седьмое небо». Хотя Ларионова любила повторять, что не понимает, как люди могут подолгу находиться вместе – мол, так можно и сковородкой по голове. А вот если постоянно в разъездах, как они, то и любовь не остынет.

В 70-е годы карьеры Рыбникова и Ларионовой пошли на спад:

в кино пришли новые, молодые актеры, в моде оказались совсем другие типажи. Роли, которые им предлагали в это время, были в основном небольшими, да и сами фильмы сейчас мало кто помнит. А Рыбников без работы не мог. Спасали разъездные концерты, встречи со зрителями. Те, кто ездил с ним, говорили, что выступать с Рыбниковым было очень тяжело: он затмевал всех. Когда он выходил на сцену, пел свою знаменитейшую песню «Не кочегары мы, не плотники…» – все цветы в зале доставались ему.

Но с годами и концертов становилось все меньше, и ездить на них было все тяжелее… Его проблемой было то, что он психологически не смог перестроиться на возрастные роли, на новые характеры. Последней заметной ролью Рыбникова в кино был Кондратий Петрович в фильме «Выйти замуж за капитана» в 1985 году. За эту роль Рыбников даже получил приз на кинофестивале. А потом были только маленькие эпизоды… Все свободное время Николай Николаевич стал проводить на даче, увлекся засолкой и консервированием овощей. Особенно удавались ему помидоры – их строго-настрого запрещалось открывать до ноябрьских праздников. Последний раз он закатал помидоры летом 1990 года. Их пришлось открыть раньше.

22 октября Николай Рыбников сходил в баню, пришел домой, лег спать – и не проснулся. Он умер во сне, улыбаясь. До своего 60-летия он не дожил полтора месяца.

Алла Дмитриевна очень тяжело пережила его смерть – без мужа она оказалась словно в пустоте. Она больше не могла жить в их прежнем доме и, разменяв квартиру, поселилась в небольшой двухкомнатной квартире в Банном переулке. Дочери давно жили отдельно. Ролей не было, приглашений не было, сил не было. Скоро кончились деньги. В один прекрасный момент осталось только обручальное кольцо, которое Алла Дмитриевна собралась заложить. И тут ее судьба снова вспомнила о ней: Ларионовой позвонил Вячеслав Шалевич, актер Театра имени Вахтангова. Несколько лет назад он вместе с Михаилом Воронцовым поставил спектакль «Коварство, деньги и любовь» по «Синей книге»

Михаила Зощенко, с которым объездил весь Союз и зарубежные страны. Еще в спектакле были заняты Людмила Целиковская и Марианна Вертинская. И когда Целиковская заболела, Шалевич предложил Ларионовой взять на себя ее роль.

Ларионова до этого никогда, если не считать студенческих спектаклей, не играла на сцене. Шалевич ее успокоил: «Это неважно. Выучите за десять дней текст – и поедем в Америку». Ларионова выучила текст за один день.

Участие в антрепризном спектакле вдохнуло в Ларионову новую жизнь. Она снова была нужна, ее снова полюбили зрители. За несколько лет она объездила множество стран. Потом стала играть еще и в театре Рубена Симонова, в спектакле «Брызги шампанского».

24 апреля 2000 года, отыграв спектакль, она вернулась домой, легла спать… На следующий день забеспокоился зять – Алла Дмитриевна не подходила к телефону. Вызванные спасатели, взломав дверь, нашли ее на кровати улыбающейся – мертвой уже несколько часов. Она умерла во сне, на Страстной неделе – говорят, такая смерть посылается праведникам.

Балет

Матильда Кшесинская

ИМПЕРАТОРСКАЯ БАЛЕРИНА

В 1969 году Екатерина Максимова и Владимир Васильев приехали к Матильде Кшесинской. Их встретила маленькая, высохшая, абсолютно седая женщина с поразительно молодыми, полными жизни глазами. Они стали рассказывать, как обстоят дела в России, сказали, что ее имя все еще помнят. Кшесинская помолчала и сказала: «И не забудут никогда».

Фигура Матильды Кшесинской настолько плотно окутана коконом легенд, сплетен и слухов, что уже практически невозможно разглядеть настоящего, живого человека… Полную непреодолимого очарования женщину. Страстную, увлекающуюся натуру. Первую русскую исполнительницу фуэте и балерину-ассолюта – балерину, которая могла сама распоряжаться своим репертуаром. Блестящую, виртуозную танцовщицу, вытеснившую с русской сцены иностранных гастролерш…

Матильда Феликсовна Кшесинская происходила из польской театральной семьи Кржезинских. Кшесинскими они были только на сцене – такая фамилия казалась более благозвучной. По семейному преданию, прадед Матильды Феликсовны Войцех был сыном и наследником графа Красинского, но потерял титул и состояние из-за происков своего дяди, зарившегося на наследство. Вынужденный бежать от нанятых дядей убийц во Францию, он был объявлен погибшим и по возвращении не смог восстановить свои права, поскольку не имел всех необходимых документов. Единственное, что осталось в семье в доказательство столь высокого происхождения, был перстень с гербом графов Красинских.

Сын Войцеха Ян был скрипачом-виртуозом. В юности он обладал прекрасным голосом и пел в Варшавской опере. Потеряв с возрастом голос, Ян перешел на драматическую сцену и стал известным актером. Умер он от угара в возрасте 106 лет.

Его младший сын Феликс с детства обучался балету. В 1851 году Николай I выписал его вместе с несколькими другими танцовщиками из Варшавы в Санкт-Петербург. Феликс Кшесинский был непревзойденным исполнителем мазурки – любимого танца Николая. В Петербурге Феликс Иванович женился на балерине Юлии Доминской, вдове балетного танцовщика Леде. От первого брака у нее было пять детей, во втором родились еще четверо: Станислав, Юлия, Иосиф-Михаил и младшая – Матильда-Мария.

Родилась Маля, как ее называли, 19 августа (1 сентября) 1872 года. Уже с самого раннего возраста она обнаруживала способности и любовь к балету, что неудивительно в семье, где почти все танцуют. В восемь лет ее отдали в Императорское Театральное училище – ранее его закончила ее мать, а теперь там учились ее брат Иосиф и сестра Юлия. Впоследствии оба они с успехом выступали на балетной сцене. Красавица Юлия была талантливой характерной танцовщицей, Иосиф выступал в лирических партиях.

По правилам училища, наиболее способные ученики жили на

полном пансионе, а менее способные жили дома и приходили в училище только на занятия. Все трое Кшесинских были приходящими – но не потому, что их таланта не хватало для зачисления на пансион, а по специальному распоряжению, в признание заслуг их отца.

Поначалу Маля занималась не особенно старательно – азы балетного искусства она давно изучила дома. Только в пятнадцать лет, когда она попала в класс к Христиану Петровичу Иогансону, Маля не только почувствовала вкус к учению, но стала заниматься с настоящей страстью. Кшесинская обнаружила незаурядный талант и огромный творческий потенциал. Весной 1890 года она закончила училище экстерном и как Кшесинская 2-я была зачислена в труппу Мариинского театра. Кшесинской 1-й была ее сестра Юлия, служившая в кордебалете Мариинки с 1883 года. Уже в первый свой сезон Кшесинская станцевала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере (тогда было принято делать в оперных представлениях танцевальные вставки). Роли были небольшие, но ответственные и позволяли Мале блеснуть своим талантом. Но одного таланта для получения такого количества партий было мало – сыграло свою роль одно немаловажное обстоятельство: в Матильду был влюблен наследник престола.

С Великим князем Николаем Александровичем – будущим императором Николаем II – Маля познакомилась на обеде после выпускного спектакля, состоявшегося 23 марта 1890 года. Практически сразу у них начался роман, протекавший при полном одобрении родителей Николая.

Кшесинская в концертном номере «Полька фолишон»

Дело в том, что мать Николая, императрица Мария Федоровна, была очень озабочена тем, что вялый и апатичный наследник практически не уделяет внимания женщинам, предпочитая карты и прогулки в одиночестве. По ее распоряжению к нему специально приглашали самых красивых учениц театрального училища. Наследник любезно принимал их, гулял с ними, играл в карты – и все. Поэтому, когда Николай

увлекся Матильдой, эта связь была не только одобрена императорской четой, но и всячески поощрялась. Например, подарки для Матильды Николай покупал на деньги из специально созданного для этого фонда.

Это было настоящее, глубокое чувство для них обоих. Влюбленные встречались при любой возможности – учитывая то, что Николай находился на военной службе и был связан множеством обязанностей при дворе, это было очень непросто. Он старался не пропускать ни одного спектакля, в котором танцевала Матильда, в антрактах заходил к ней в гримерную, а после спектакля, если была такая возможность, ехал к ней ужинать. Николай купил для нее дом на Английском проспекте – до этого он принадлежал композитору Римскому-Корсакову. Матильда жила там вместе с сестрой Юлией. Николай приезжал к Мале вместе со своими друзьями и однополчанами – сыновьями Великого князя Михаила Николаевича Георгием, Александром и Сергеем и бароном Зедделером, у которого был роман с Юлией.

Свой первый летний сезон Матильда танцевала в Красном Селе, где были расквартированы на учения гвардейские части, к одной из которых принадлежал наследник. Перед каждым спектаклем она стояла у окна своей гримерной и ждала, когда приедет Николай… Когда он был в зале, она танцевала с невероятным блеском.

Потом были редкие встречи в Петербурге – то их сани встретятся на улице, то они случайно столкнутся за кулисами Мариинки… Родители самой Мали долго не подозревали о ее отношениях с Николаем. Только когда он в 1891 году уехал в кругосветное путешествие, Матильда была вынуждена признаться – она так тяжело переносила разлуку с Николаем, что родители опасались за ее здоровье, не зная истинной причины подавленного состояния их дочери. Когда же Николай вернулся – быстрее, чем ожидалось, потому что в Японии на него было совершено покушение, – радости ее не было конца. Она ждала его в новом доме, и в первый же вечер на родине он пришел к ней, тайком улизнув из дворца…

Их роман закончился в 1894 году в связи с помолвкой наследника. Уже давно велись переговоры о его свадьбе со многими европейскими домами. Из всех представленных ему потенциальных невест Николаю больше всего понравилась принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса. Это была настоящая любовь с первого взгляда. Но поначалу родители Николая были категорически против этого союза – слишком незавидной казалась им невеста из захудалого немецкого дома, хоть и внучка самой королевы Виктории. Кроме того, сестра Алисы, принцесса

Елизавета, уже была замужем за российским Великим князем Сергеем Александровичем, и новые родственные отношения были нежелательны. Кшесинская всячески поддерживала Николая в стремлении соединить свою жизнь с той, к кому его влечет, – впоследствии императрица, которой Николай рассказал о своем романе с Матильдой, была ей очень признательна за поддержку. Но большинство европейских принцесс отказывались переходить в православие – а это было необходимым условием для свадьбы. И в конце концов тяжелобольной Александр дал свое согласие на этот брак. О помолвке Алисы Гессенской и Николая Александровича было объявлено 7 апреля 1894 года.

20 октября 1894 года в Ливадии умер император Александр III – ему было всего 49 лет. На следующий день Алиса приняла православие и стала Великой княжной Александрой Федоровной. Через неделю после похорон императора Николай и Александра обвенчались в Зимнем дворце – для этого специально был прерван траур, наложенный при дворе на год.

Матильда очень переживала расставание с Николаем. Не желая, чтобы кто-нибудь видел ее страдания, она заперлась дома и почти не выходила. Из-за траура спектаклей в Мариинке практически не было, и Кшесинская приняла приглашение антрепренера Рауля Гюнцбурга уехать на гастроли в Монте-Карло. Она выступала вместе с братом Иосифом, Ольгой Преображенской, Альфредом Бекефи и Георгием Кякштом. Гастроли прошли с большим успехом. В апреле Матильда с отцом выступали в Варшаве. Здесь прекрасно помнили Феликса Кшесинского, и на выступлениях семейного дуэта публика буквально неистовствовала.

Кшесинская в балете Р. Дриго «Талисман»

Но пора было возвращаться в Россию. Пока Кшесинская отсутствовала на сцене, там на место первой балерины, которое Матильда уже считала своим, стала претендовать приехавшая итальянка Пьерина Леньяни. Она практически сразу покорила петербургскую публику своей искрометной техникой. К тому же в связи с помолвкой и свадьбой Николая положение Кшесинской казалось далеко не таким прочным…

Тем не менее Матильда не осталась одна. Николай перед женитьбой поручил ее заботам своего друга и двоюродного брата, Великого князя Сергея Михайловича. Тот стал не только официальным «покровителем» Матильды на следующие несколько лет, но и ближайшим ее другом. Продолжали покровительствовать Кшесинской и старшие Великие князья, братья покойного императора, не меньше своего племянника очарованные этой маленькой балериной. Да и сам Николай продолжал следить за карьерой своей бывшей возлюбленной.

Коронационные торжества были назначены на май 1896 года. В программе значился парадный балет «Жемчужина» на сцене Большого театра. Для общих репетиций балетная труппа Мариинки должна была соединиться с труппой Большого театра. Балет ставил Петипа на музыку Риккардо Дриго, главные роли исполняли Леньяни и Павел Гердт. Выступление Кшесинской перед молодой императрицей сочли неуместным и никакой роли ей не дали. Оскорбленная Кшесинская бросилась к дяде императора, Великому князю Владимиру Александровичу, который всегда ей покровительствовал, и попросила его вступиться за нее. В результате дирекция получила личное распоряжение императора ввести Кшесинскую в балет. К этому времени все роли были уже распределены и срепетированы. Дриго пришлось сочинять дополнительную музыку, а Петипа поставить для Кшесинской па-де-де Желтой жемчужины (в балете уже были Белая, Черная и Розовая). Положение Кшесинской было восстановлено.

В ноябре 1895 года Кшесинская получила давно заслуженное звание балерины, которое присуждалось лишь лучшим танцовщицам труппы.

Но Кшесинская выдвинулась не только благодаря благосклонности царской фамилии. Она была действительно чрезвычайно талантливой танцовщицей, с огромным упорством работавшей над собой. Ее целью было стать первой балериной на российской сцене. Но тогда это представлялось практически невозможным: в русском балете безраздельно царили итальянские балерины.

Такое положение дел сложилось после 1882 года, когда была отменена монополия императорских театров. Возникшие повсюду частные театры, а вслед за ними и императорские стали приглашать иностранных гастролерш – особенно славившихся в то время виртуознейшей техникой итальянок. В Петербурге блистали Карлотта Брианца, Елена Корнальба, Антониетта Дель-Эра и особенно Вирджиния Цукки. Именно Цукки стала для Матильды примером для подражания и тем образцом, на который

она равнялась в своем танце. Соперничество с Пьериной Леньяни – балериной, впервые станцевавшей на русской сцене 32 фуэте, – стало целью Кшесинской. Длилось их противостояние восемь лет.

Первой большой ролью Кшесинской стала партия Мариетты-Драгониаццы, главная в балете «Калькабрино», затем была партия Авроры в «Спящей красавице». Критики хвалили дебютантку за смелый и техничный танец, но самой Кшесинской было ясно, что ее техника отстает от виртуозного совершенства Брианца и Леньяни. Тогда Матильда, не прекращая занятий с Иогансоном, начала брать уроки у итальянского танцовщика и педагога Энрико Чекетти. Это позволило ей не только приобрести совершенную технику, свойственную итальянкам, но и обогатить ее лиризмом, естественностью и мягкостью, характерными для русской классической школы. К этому добавились пантомимический талант, унаследованный от отца, и драматизм, позаимствованный у Вирджинии Цукки. В таком виде талант Кшесинской лучше всего соответствовал классическому балету конца XIX века и именно в нем смог развиться наиболее полно. У нее не было многих качеств, присущих ее современницам и соперницам по сцене: ни красоты Тамары Карсавиной и Веры Трефиловой, ни утонченности и легкости гениальной Анны Павловой. Кшесинская была небольшого роста, крепкая, темноволосая, с узкой, затянутой в корсет талией и мускулистыми, почти атлетическими ногами. Но она обладала неисчерпаемой энергией, пикантностью, затмевающим всех блеском, шиком, несомненной женственностью и непреодолимым обаянием. У нее были превосходные, очень красивые зубы, которые Матильда постоянно демонстрировала в сияющей улыбке. Несомненными козырями были и врожденный практицизм, сила воли, удачливость и фантастическая работоспособность.

Репертуар Кшесинской быстро расширялся. Она получила ранее принадлежавшие итальянкам роли: феи Драже в «Щелкунчике», ставшую одной из любимых партию Лизы в «Тщетной предосторожности», Терезу в «Привале кавалерии», заглавную роль в «Пахите». В каждой из этих ролей Матильда буквально блистала: она выходила на сцену, увешанная настоящими драгоценностями – бриллиантами, жемчугами,

сапфирами, подаренными ей очарованными Великими князьями и самим Николаем. Неизменно причесанная по последней моде, в специально сшитом роскошном костюме – при этом роль, в которой выступала Кшесинская, не имела никакого значения: даже нищенку Пахиту Матильда танцевала в ожерелье из крупного жемчуга и бриллиантовых серьгах.

Она объясняла это тем, что публика пришла посмотреть на красивый танец ведущей балерины, а вовсе не на нищие лохмотья, и не надо лишать зрителей удовольствия увидеть любимую танцовщицу в нарядном платье, которое ей к лицу. Кроме того, не носить подарки своих высоких покровителей значило проявить неуважение…

Говорят, что Матильда предпочитала старинные драгоценности и не особо уважала изделия фирмы придворного ювелира

Карла Фаберже. Тем не менее и тех, и других у нее было множество. Говорили, что чуть ли не половина лучших драгоценностей из магазина Фаберже оказывалась потом в шкатулке Матильды Кшесинской…

В октябре 1898 года специально для Кшесинской был возобновлен долго не шедший балет «Дочь фараона». Главная партия Аспиччии изобиловала эффектными танцами в пышном обрамлении многочисленных персонажей, а мимические сцены позволяли Кшесинской продемонстрировать во всем блеске унаследованное от отца мастерство драматической игры. Эта роль полностью соответствовала вкусам и способностям Кшесинской и стала одной из вершин в ее карьере. Вместе с ней выступал Феликс Кшесинский. Роль Нубийского царя и для него была одной из самых удачных.

Через несколько лет эскизы всех костюмов к этому балету были сделаны заново. К костюму Кшесинской полагалась диадема в египетском стиле. Она так понравилась Матильде, что специально для нее ювелиры Фаберже сделали точно такую же, но с настоящими камнями – шестью крупными сапфирами. Работу оплатил один из влюбленных в Малю Великих князей.

С самого окончания училища Кшесинская мечтала станцевать заглавную партию в балете «Эсмеральда». Но когда она обратилась к всесильному тогда главному балетмейстеру Мариусу Петипа с просьбой об этой партии, Петипа ей отказал, хотя Матильда обладала всем необходимым для этой роли: и техникой, и артистизмом, и пластичностью, и необходимой миловидностью. Петипа сослался на то, что Кшесинской не хватает личного опыта, необходимого для этой роли трагически влюбленной цыганки. По его мнению, чтобы танцевать

Эсмеральду, нужно испытать на себе не только любовь, но и любовные страдания – только тогда образ будет натуральным. Но, пережив разрыв с Николаем, Кшесинская была готова для роли Эсмеральды. Она станцевала Эсмеральду в 1899 году, и эта партия стала лучшей в ее репертуаре – никто ни до, ни после нее не танцевал этот балет с таким блеском и глубиной.

В 1900 году соревнование Кшесинской и Леньяни закончилось, когда обе балерины выступали в один вечер в двух коротких балетах Глазунова, поставленных Петипа. По правде говоря, условия были неравны: Леньяни получила роль Изабеллы в «Испытании Дамиса» и должна была танцевать в неудобном платье с длинной юбкой и в туфлях на каблуках, а у Кшесинской была роль Колоса в балете «Времена года», которую она исполняла в легкой короткой пачке золотистого цвета, которая ей очень шла. Критика наперебой толковала о том, как невыгодно смотрелась Леньяни на фоне легкого, свободного танца Кшесинской. Матильда торжествовала победу. Контракт с Леньяни не был возобновлен.

Во многом это событие было приписано интригам Кшесинской. Она считалась всесильной хозяйкой Мариинского театра. Еще бы – ее любовником был сам Великий князь Сергей Михайлович, президент Русского театрального общества, двоюродный брат и друг детства императора! Матильда сама выбирала, когда и в каких балетах будет танцевать, о чем ставила в известность директора. Возражения и пожелания не принимались. Любившая повеселиться, развлечься в свободное время, обожавшая приемы, балы и карточную игру, перед выступлениями Матильда преображалась: постоянные репетиции, никаких визитов и приемов, жесткий режим, диета… День спектакля она проводила в постели, практически без еды. Но когда она выходила на сцену – зал замирал от восторга.

Кшесинская категорически запрещала передавать свои балеты другим танцовщицам. Когда ее любимую партию Лизы в «Тщетной предосторожности» решили передать гастролерше Энрикетте Гримальди, она напрягла все свои связи, чтобы отменить это решение. И хотя «Тщетная предосторожность» значилась в контракте Гримальди, она так его и не станцевала.

Другой крупный скандал был связан с костюмом для балета

«Камарго». Леньяни танцевала русский танец в платье, сделанном по образцу костюма Екатерины Великой, хранящегося в Эрмитаже, – с широкой юбкой с фижмами, приподнимавшими юбку по бокам. Кшесинская сочла фижмы неудобными и заявила тогдашнему директору Императорских театров, князю Сергею Михайловичу Волконскому, что не будет надевать фижмы. Тот настаивал на неизменности костюма. Каким-то образом конфликт стал известен за пределами театра, и на премьере «Камарго» весь зал гадал, наденет ли Кшесинская фижмы. Она не надела. За это на нее был наложен штраф. Оскорбленная Кшесинская обратилась к Николаю. На следующий день штраф отменили, но Волконский подал в отставку. Как он говорил, он не может занимать этот пост, если император по просьбе своей фаворитки вмешивается в дела театра.

Следующим директором был назначен Владимир Теляковский. Он ни разу не решился спорить с Матильдой Феликсовной.

В 1900 году Кшесинская танцевала бенефис в честь десятилетия своего пребывания на сцене – в обход правил, согласно которым балеринам давали бенефисы только в честь двадцати лет и прощальный, перед выходом на пенсию. Обычно император вручал бенефициантам так называемый «царский подарок» – чаще всего золотые часы или медаль. Кшесинская через Сергея Михайловича попросила императора выбрать что-нибудь поизящнее, и Николай преподнес ей бриллиантовую брошь в виде змеи с крупным сапфиром от Фаберже. Как было сказано в сопроводительной записке, Николай выбирал подарок вместе с женой.

На обеде после бенефиса Кшесинская познакомилась с Великим князем Андреем Владимировичем, двоюродным братом Николая. Они влюбились друг в друга с первого взгляда – хотя Кшесинская была старше его на шесть лет. Андрей засмотрелся на Матильду и опрокинул ей на платье бокал вина. Платье было выписано из Парижа, но Маля не огорчилась: она увидела в этом счастливое предзнаменование.

Они часто встречались. Андрей приезжал к ней – на репетиции, домой, на дачу в Стрельне… Осенью они порознь – он из Крыма, она из Петербурга – приехали в Биарриц. Андрей был занят постоянными визитами, и Матильда страшно его ревновала.

По возвращении Матильду взял под свое покровительство отец Андрея, Великий князь Владимир Александрович. Ему очень нравилась Маля, и, как говорили, не только в качестве подруги его сына. Он часто устраивал ужины, на которые приглашал Матильду, Сергея Михайловича, Юлию и барона Зедделера, а на

Пасху подарил Кшесинской яйцо от Фаберже – ценнейший подарок. Такие яйца делались только по заказу царской семьи; всего было изготовлено лишь 54 штуки.

Осенью 1901 года Матильда и Андрей снова, как и в прошлом году, отправились в путешествие по Европе. Они порознь приехали в Венецию, проехали по Италии, заехали в Париж… На обратном пути Матильда поняла, что беременна.

Тем не менее она продолжала выступления – до тех пор, пока удавалось скрывать растущий живот. В 1902 году окончила училище Тамара Карсавина – и Кшесинская по просьбе Великого князя Владимира Александровича взяла ее под свое покровительство. Передав Карсавиной несколько своих партий, Кшесинская занималась с нею до самых последних дней своей беременности.

Кшесинская с фокстерьером Джиби и козочкой, которая выступала вместе с балериной в балете «Эсмеральда»

18 июня 1902 года на даче в Стрельне у Матильды родился сын Владимир. Роды были тяжелые, Матильду и ребенка еле спасли.

Но главная проблема была в том, что мать Андрея, Великая княгиня Мария Павловна, была решительно против каких-нибудь отношений сына с Кшесинской. Поскольку он был еще слишком молод, Андрей не имел возможности действовать самостоятельно

и не смог записать сына на свое имя. Едва оправившись после родов, Матильда бросилась к верному Сергею Михайловичу – и тот, прекрасно зная, что не он отец ребенка, дал сыну Кшесинской свое отчество. Через десять лет сын Кшесинской был именным указом Николая возведен в потомственное дворянство под фамилией Красинский – в память о семейном предании.

В декабре 1902 года Юлия Кшесинская, уйдя в отставку из театра после двадцати лет службы, вышла замуж за барона Зедделера.

Кшесинскую многие ненавидели, завидуя ее успеху как на сцене, так и вне ее. Ее имя обрастало сплетнями. Казалось невероятным, как Кшесинская, помимо всех приписываемых ей интриг, еще успевает танцевать. Например, именно Кшесинскую винили в уходе со сцены двух молодых танцовщиц – Белинской и Людоговской. Будто бы Кшесинская свела их с влиятельными покровителями, и в результате одна из них куда-то пропала, а другая заболела и умерла.

У Кшесинской было чему завидовать. Неизменный успех у публики. Виртуознейшая техника и яркий талант. Благосклонность знатнейших людей России и самого императора. Огромнейшее состояние – дворец в стиле модерн на Кронверкском проспекте, роскошная дача в Стрельне, превосходившая комфортом тамошний царский дворец, масса старинных драгоценностей. Любимый и любящий Андрей, сын Владимир. Но все это не заменяло главного – Кшесинская стремилась завоевать непререкаемое первенство в театре. Но оно снова начало ускользать…

Устав от постоянных обвинений, Кшесинская решает уйти из театра. Прощальный бенефис состоялся в феврале 1904 года. Последним номером была сцена из «Лебединого озера», где Одетта удаляется на пальцах спиною к зрителям – как бы прощаясь с публикой.

После спектакля восторженные поклонники выпрягли лошадей из кареты Кшесинской и сами довезли ее до дому.

В ноябре Кшесинской было присвоено звание заслуженной артистки.

В 1905 году умер Феликс Кшесинский – ему было 83 года. Всего за несколько месяцев до смерти он танцевал с дочерью на сцене свой коронный танец – мазурку. Его похоронили в Варшаве. На похороны пришли тысячи человек.

Чтобы отвлечься, весной следующего года Кшесинская начала строить себе новый дом – на участке между Большой Дворянской и Кронверкским проспектом. Проект был заказан известному петербургскому архитектору Александру Ивановичу фон Гогену –

он же построил, например, здания Академии Генерального штаба и музея А. Суворова. Дом был выполнен в модном тогда стиле модерн, салон отделан в стиле Людовика XVI, зал – русского ампира, спальня – в английском. За архитектуру фасада архитектор получил от городской управы серебряную медаль.

После ухода Кшесинской из театра интриги только еще больше усилились. Стало ясно, что не Кшесинскую надо в этом обвинять. После долгих уговоров она согласилась вернуться на сцену в качестве приглашенной балерины – на отдельные спектакли.

В это время в Мариинском театре началась эпоха Михаила Фокина – балетмейстера, пытавшегося радикально обновить балетное искусство. На сцену пришли новые танцовщики, способные воплотить его идеи и затмить Кшесинскую, – Тамара Карсавина, Вера Трефилова, гениальная Анна Павлова, Вацлав Нижинский.

Кшесинская была первой партнершей Нижинского и очень ему покровительствовала. Поначалу поддерживала она и Фокина – но потом взаимопонимание между ними исчезло. Балеты, которые ставил Фокин, не были рассчитаны на балерину типа Кшесинской – в них блистали Павлова и Карсавина, а Кшесинской идеи Фокина были противопоказаны. Фокин и Кшесинская находились в состоянии позиционной войны, переходя от интриг к обороне, заключая тактические перемирия и тут же их нарушая. Кшесинская станцевала заглавную партию в первом балете Фокина «Эвника» – но тот сразу же передал эту роль Павловой. Кшесинская была задета. Все дальнейшие ее попытки танцевать в балетах Фокина также были неудачны. Чтобы восстановить свою репутацию, Кшесинская в 1908 году уезжает на гастроли в Париж. Первоначально ее партнером должен был быть Нижинский, но он в последний момент заболел, и с Кшесинской поехал ее постоянный партнер Николай Легат. Успех не был настолько сокрушающим, как того хотела Кшесинская, – в то время в Гранд-Опера блистали итальянские виртуозки. Но тем не менее ее наградили Академическими пальмами и пригласили на следующий год. Правда, говорили, что решающую роль в этом сыграли деньги ее высоких покровителей…

На следующий год Дягилев организовал свой первый Русский сезон в Париже. Пригласили и Кшесинскую. Но, узнав, что Павлова будет танцевать «Жизель» – в котором она была бесподобна, – а самой Кшесинской предлагают лишь небольшую партию в «Павильоне Армиды», она отказалась, приняв вместо этого приглашение Гранд-Опера. Как это ни странно, успех дягилевской труппы парадоксальным образом поднял и успех

Кшесинской. Искусство виртуозного классического танца, представляемого Кшесинской, позволило говорить о многообразии талантов русского балета.

К тому времени Кшесинская уже была злейшим врагом Дягилева и Фокина и при любой возможности старалась им насолить. Например, русская пресса писала о гастролях дягилевской труппы как о полном провале по сравнению с триумфом Матильды Кшесинской. Она даже собиралась на следующий год сама собрать труппу из лучших артистов балета для турне по Европе, но по каким-то причинам это не получилось.

С Великим князем Андреем Владимировичем и сыном в Бельгии, 1907 г.

Контакт с Дягилевым был вскоре налажен. Тот быстро понял, что имя примы-балерины, дважды успешно гастролировавшей в Гранд-Опера, привлечет публику. Кроме того, Кшесинская не скупилась на расходы, а у Дягилева всегда не хватало денег. Для гастролей в Англии Кшесинская купила декорации и костюмы «Лебединого озера» и оплатила игру известного скрипача Эльмана. В этом балете Кшесинская танцевала вместе с Ни жинским – и затмила его. Ее 32 фуэте в сцене бала произвели фурор. Нижинский рвал и метал.

Дягилев не возобновил контракта с Фокиным. Тот сосредоточился на работе в Мариинском театре. Разрыв с дягилевской антрепризой и вынужденный союз с Кшесинской вызвали у него депрессию, немедленно проявившуюся в творческих неудачах. А война 1914 года окончательно привязала Фокина к Мариинке и упрочила его зависимость от Кшесинской, которая продолжала оставаться полновластной хозяйкой театра.

Кшесинская продолжала выступления с неизменным успехом, но она сама понимала, что возраст у нее уже не тот. Перед началом каждого сезона она звала на репетицию сестру и подруг по театру, чтобы они честно сказали ей, можно ли ей еще танцевать. Она не хотела показаться смешной в своих попытках не замечать времени. Но именно этот период стал одним из лучших в ее творчестве – с появлением у нее нового партнера, Петра Николаевича Владимирова, она словно обрела вторую молодость. Он окончил училище в 1911 году. Кшесинская влюбилась в него – может быть, это было одно из самых сильных ее увлечений за всю жизнь. Он был очень красив, элегантен, прекрасно танцевал и поначалу смотрел на Кшесинскую с почти щенячьим восторгом. Она была старше его на 21 год. Специально для того, чтобы танцевать с ним, Кшесинская решила выступить в «Жизели» – балете, в котором блистали Павлова и Карсавина. Для балерины в сорок четыре года это была совершенно неподходящая партия, к тому же Кшесинская не умела исполнять лирико-романтические роли.

Кшесинская с сыном Владимиром, 1916 г.

Кшесинская впервые потерпела неудачу. Чтобы подтвердить свою репутацию, Кшесинская тут же решила станцевать свой коронный балет – «Эсмеральду». Еще никогда она не танцевала с таким блеском…

Андрей Владимирович, узнав о страсти Матильды, вызвал Владимирова на дуэль. Они стрелялись в Париже, в Булонском лесу. Великий князь прострелил Владимирову нос. Тому пришлось делать пластическую операцию…

Последней заметной партией Кшесинской была заглавная

роль немой девушки в опере «Фенелла, или Немая из Портичи».

Кшесинская могла бы танцевать еще долго, но революция 1917 года положила конец ее карьере придворной балерины. В июле 1917 года она покинула Петроград. Последним выступлением Кшесинской был номер «Русская», показанный на сцене Петроградской консерватории. Ее дворец на Кронверкском (теперь Каменноостровском) проспекте был занят различными комитетами. Кшесинская обратилась с личным письмом к Ленину с требованием прекратить разграбление ее дома. По его разрешению Кшесинская вывезла всю обстановку дома в специально предоставленном ей бронированном поезде, но самое ценное она сдала на хранение в банк – и в результате потеряла. Поначалу Кшесинская и Андрей вместе с сыном и близкими уехали в Кисловодск. Сергей Михайлович остался в Петрограде, затем был арестован вместе с другими членами царской семьи и погиб в шахте в Алапаевске в июне 1918 года, а через месяц Николай вместе с семьей был расстрелян в Екатеринбурге. Кшесинская тоже опасалась за свою жизнь – слишком тесной была ее связь с императорским домом. В феврале 1920 года она с семьей навсегда покинула Россию, отплыв из Новороссийска в Константинополь.

Брат Матильды Феликсовны Иосиф остался в России и долгие годы выступал в Мариинском театре. Его очень привечали – во многом в противовес сестре. Его жена и сын тоже были балетными танцовщиками. Умер Иосиф во время блокады Ленинграда в 1942 году.

Петр Владимиров пытался уехать через Финляндию, но не смог. Он попал во Францию только в 1921 году. Кшесинская очень переживала, когда в 1934-м Владимиров уехал в США. Там он стал одним из самых популярных русских педагогов.

Кшесинская вместе с сыном и Андреем Владимировичем

обосновались во Франции, на вилле в городке Кап-д'Ай. Вскоре умерла мать Андрея, и по окончании траура Матильда и Андрей, получив позволение старших родственников, обвенчались в Каннах 30 января 1921 года. Матильде Феликсовне был присвоен титул Светлейшей княгини Романовской-Красинской, а ее сын Владимир был официально признан сыном Андрея Владимировича и тоже Светлейшим князем. В их доме бывали Тамара Карсавина, Сергей Дягилев, уехавшие за границу Великие князья. Хотя денег было мало – почти все ее драгоценности остались в России, у семьи Андрея средств тоже было немного, – Кшесинская отклоняла все предложения выступать на сцене. Но все-таки Матильде Феликсовне пришлось начать зарабатывать – и в 1929 году, в год смерти Дягилева, она открыла в Париже свою балетную студию. Преподавателем Кшесинская была неважным, но у нее было громкое имя, благодаря которому школа пользовалась неослабевающим успехом. Одними из первых ее учениц были две дочери Федора Шаляпина. Звезды английского и французского балета брали у нее уроки – Марго Фонтейн,

Иветт Шовире, Памелла Мей… И хотя во время войны, когда студия не отапливалась, Кшесинская заболела артритом и с тех пор двигалась с большим трудом, у нее никогда не было недостатка в учениках.

В конце сороковых годов она отдалась новой страсти – рулетке. В казино ее называли «мадам Семнадцать» – именно на это число она предпочитала ставить. Страсть к игре довольно скоро разорила ее, и доходы от школы остались единственным источником существования.

В 1958 году впервые на гастролях в Париже был Большой театр. К тому времени Кшесинская уже похоронила мужа и почти никуда не выезжала. Но на спектакль русского театра она не смогла не прийти. Она сидела в ложе – и плакала от счастья, что русский классический балет, которому она отдала всю жизнь, продолжает жить…

Матильда Феликсовна не дожила лишь девяти месяцев до своего столетнего юбилея. Она умерла 6 декабря 1971 года. Похоронена Кшесинская на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в одной могиле с мужем и сыном. На ней значится: Светлейшая княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская, заслуженная артистка императорских театров Кшесинская.

Анна Павлова

НЕУМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Гениальная русская балерина стала легендой еще при жизни. Легенды окутывают имя Анны Павловой до сих пор. В этом есть и ее вина. Она никогда не рассказывала о своей личной жизни, а про свое детство говорила крайне мало. Дату ее рождения удалось установить только в архивах, ее отчество до сих пор пишется по-разному. Не имея достаточно информации, журналисты всего мира соревновались друг с другом в сочинении историй о великой балерине. Она читала в газетах о своей несуществующей жизни – и смеялась. А потом шла танцевать. Ибо в танце была вся ее жизнь – жизнь истинная, настоящая, известная и открытая каждому.

Анна Павлова родилась 31 января 1881 года: ее мать, Любовь Федоровна, была прачкой, а отцом был записан Матвей Федорович Павлов, рядовой из тверских крестьян. Правда, по другим документам, дочь Анна была от первого брака Любови Федоровны – это дало впоследствии возможность много говорить о внебрачном происхождении балерины. Наиболее часто в

качестве ее биологического отца называют богатого петербургского банкира Лазаря Полякова, в чьем доме Любовь Федоровна служила за несколько месяцев до рождения дочери. Как бы то ни было, Матвей Павлов с женой вместе не жил. Анна всю жизнь предпочитала своему официальному отчеству производное от фамилии – Анна Павловна.

Родилась Анна – или, как ее звали, Нюра – семимесячной и в детстве отличалась очень слабым здоровьем. Жили Павловы очень бедно, но по большим праздникам Любовь Федоровна всегда старалась порадовать любимую дочь. Когда ей было восемь лет, мать привела ее в Мариинский театр на балет «Спящая красавица».

Спектакль стал настоящим потрясением для чувствительной девочки. Особенно ей понравилась Аврора, главная героиня балета. Нюра загорелась желанием научиться танцевать так же, как она.

Измученная настойчивостью дочери, Любовь Федоровна привела Нюру в балетное училище. Но принять ее отказались: восьмилетняя девочка была слишком мала и слаба для балерины. Велели подождать.

Через два года Нюра снова поступала в училище. Экзаменаторы единодушно признали музыкальность и грациозность девочки, но ее физические данные вызвали немалые сомнения: тоненькое, почти прозрачное тело казалось слишком слабым для тяжелых нагрузок, которые неизбежны при серьезных занятиях танцем. Спас Нюру Павел Андреевич Гердт, известный танцовщик и педагог: он смог разглядеть в девочке способность к балету и непреодолимое желание танцевать. Именно по его настоянию Нюра Павлова вместе с десятью другими девочками была принята в 1891 году на балетное отделение Петербургского театрального училища.

Училище по порядкам напоминало монастырь: такой же строгий устав, железная дисциплина и отрезанность от внешнего мира. Нюру старались не нагружать занятиями – опасались за ее хрупкое здоровье, да и она сама была довольно ленива, особенно сначала, очень капризна и своевольна. Однако основы балетной техники схватывала на лету. От Александра Облакова Нюра перешла в класс к Екатерине Вазем, известной балерине и прекрасному педагогу, а затем – к Павлу Гердту. Педагоги, отмечавшие успехи Павловой в танце, беспокоились лишь о том, что ее сложение не соответствует тогдашним канонам сценической красоты. В то время были в моде балерины с хорошо выраженными формами (недаром говорили: «Балет существует для возбуждения потухших страстей у сановных старцев»), с

развитой мускулатурой, позволявшей выполнять самые виртуозные элементы, с недлинными ногами, придающими балерине устойчивость в танце на пальцах. А Павлова была худенькая, миниатюрная, тонконогая, с маленькой головой, хрупким торсом и удлиненными пропорциями тела. Ее «воздушность» казалась недостатком и самой Нюре. Она старательно принимала рыбий жир, усиленно питалась, пыталась нарастить мускулатуру, но все было напрасно. За худобу подруги по училищу прозвали ее Швабра.

Анна Павлова (сидит вторая слева в первом ряду) среди воспитанниц хореографического училища

Павел Гердт оценил необычность данных Павловой и пытался убедить ее в том, что именно легкость и пластичность – ее главное достоинство. В пример он приводил ей знаменитую итальянскую балерину Марию Тальони, прославившуюся в 1840-е годы именно своей необычайной легкостью и воздушностью. Но Нюра еще долго сетовала на природу, которая, как ей казалось, обделила ее. Однако Тальони на всю жизнь осталась кумиром Анны Павловой.

У Гердта Павлова выделялась среди остальных учениц и талантом, и прилежанием. В апреле 1899 года она окончила училище и 1 июня была зачислена в труппу Мариинского театра как Павлова 2-я.

Павловой 1-й значилась пришедшая десятью годами ранее Варвара Павлова – танцовщица, не выделявшаяся ничем, кроме

эффектной наружности.

Дебют Анны Павловой состоялся 19 сентября 1899 года – в балете «Тщетная предосторожность» она принимала участие в па-де-труа. В первые три сезона она получила еще несколько небольших сольных партий. Критика заметила новую танцовщицу, чередуя похвалы с укорами в недостаточной отделке танца и в том, что Павлова 2-я «благодаря своей сухощавой фигуре не дает тех грациозных контуров и образов, которыми привык зритель восторгаться».

Но зрители чувствовали, что Павлова отличается от других не только худобой – ее легкость и изящество, лиричность и грация выделяли ее среди танцовщиц Мариинки. У Павловой отмечали неординарный драматический талант, умение перевоплощаться и исключительный артистизм.

Зная о своих недостатках гораздо лучше критиков, Павлова продолжала напряженные занятия, стремясь достичь совершенства в технике. Постепенно ее танец становился все безупречнее, партии – крупнее. Первой ее главной партией стала в 1900 году Флора в балете «Пробуждение Флоры», затем была Лиза в «Волшебной флейте», а в апреле 1902 года Павлова выступила в роли Никии в балете «Баядерка» – эта партия стала

первым настоящим успехом Анны Павловой. Основную сложность составляла двойственность сценического образа Никии. Павлова с блеском справилась с задачей: психологизм и драматизм ее танца потрясли как зрителей, так и критиков.

Следующим крупным успехом стала Жизель в одноименном балете Адольфа-Шарля Адана. Эта партия как нельзя лучше соответствовала данным Павловой. Ее Жизель буквально жила на сцене, завораживая зрителей искренностью исполнения и глубиной переживаний. Павлова, как никто другой, умела вдохнуть жизнь в любую, даже самую «затанцованную» партию, заставить зрителя забыть об условности балетного спектакля. Жизель Павловой стала явлением в балете, а о ней самой заговорили как о признанной звезде русского балета. Следующие партии – Пахита в одноименном балете и Китри в «Дон Кихоте» – продемонстрировали безупречное владение Павловой техникой характерного танца. А еще были Медора в «Корсаре», партии в «Дочери фараона» и «Спящей красавице» – той самой, с которой началась для Павловой любовь к балету…

Круг поклонников Павловой постоянно расширялся. Многие пытались, как это тогда было принято, взять покровительство над юной танцовщицей. Хоть Анна и не вполне соответствовала тогдашним канонам красоты, она все же была на редкость хороша: обаятельная, изысканная, с царственным лицом. Особенно украшали ее улыбка и глубокие темные глаза. Но Павлова отметала все предложения – вежливо, очень тактично, но твердо. Потом среди прочих она стала выделять одного: Виктора Дандре.

Виктор Эмильевич Дандре, потомок знатного рода, знаток балета, удачливый предприниматель, обер-прокурор Сената, стал первым, главным и единственным мужчиной в жизни Анны Павловой. Некрасивый, на 11 лет старше ее, поначалу он стал Павловой другом и советчиком в делах балета, а затем сумел добиться ее любви. Он возил ее по ресторанам, делал подарки, самым крупным из которых был дом на Английском проспекте, где был сделан огромный репетиционный зал с белыми стенами и портретом Тальони. Влюбленная Павлова верила Дандре во всем, но, когда поняла, что он значит для нее гораздо больше, чем она для него, и никакого будущего у них нет, отошла в сторону. Отныне ее единственной любовью и страстью стал балет.

Она неуклонно шлифовала свое мастерство. Еще в 1903 году ездила в Италию в студию к знаменитой Катарине Беретта, занималась у Мариуса Петипа – главного балетмейстера Мариинки. С первых лет работы в театре Павлова начала танцевать с Михаилом Фокиным, который окончил училище на

несколько лет раньше и уже стал известен как прекрасный танцовщик. Фокин стремился и к деятельности постановщика, реформатора балетных форм. Сильное влияние на него оказали идеи Айседоры Дункан, которая приезжала в Петербург на гастроли. Дуэт Павловой и Фокина быстро перерос в творческий союз. Фокин нашел в Анне идеальную исполнительницу своих замыслов: ее разностороннее дарование и умение воплотить на сцене любой образ Фокин знал и ценил. Их взгляды на искусство во многом совпадали: они оба считали, что пришло время обновить русский балет, сохранив при этом его лучшие традиции, привнести в условное балетное искусство приемы, приближающие его к настоящей жизни. Оба стремились к единству всех элементов балетного спектакля: музыки, хореографии, костюмов и декораций, чего на балетной сцене давно уже не было и в помине.

Павлова участвовала практически во всех первых новаторских постановках Фокина. В 1906 году Павлова танцует в его «Виноградной лозе» Рубинштейна, на следующий год – в «Эвнике». В этом балете, стилизованном под античные изображения, танцовщики выступали в хитонах, босые, на полупальцах. Поначалу Павловой досталась роль Актеи, а заглавную партию танцевала официальная прима Мариинки Матильда Кшесинская. Но вскоре Кшесинская от этой мало подходящей ей роли отказалась, и Эвнику стала танцевать Павлова.

В балете «Египетские ночи», поставленном по мотивам египетских фресок, Павлова исполняла роль египтянки Ве реники, затем была главная партия в «Павильоне Армиды», возрождающем стиль барочной Франции. Специально для Павловой Фокиным была поставлена знаменитая «Шопениана» (она же «Сильфиды»). Тогда же был создан номер, ставший этапным не только для Павловой, но и для всего мирового балета: прославленный «Лебедь» на музыку Сен-Санса.

История его создания очень проста. В декабре 1907 года Павловой понадобился номер для выступления на благотворительном концерте в Дворянском собрании, и она обратилась к Фокину. Тот в это время учился играть на мандолине и как раз разучивал мелодию Сен-Санса. Он предложил Павловой сделать номер на эту музыку. Миниатюру сочинили буквально за несколько минут: сначала Фокин показал Павловой несколько движений, она тут же повторила их, что-то

добавила, что-то изменила… Гениальный в своей простоте номер стал на долгие годы визитной карточкой Анны Павловой. Он постоянно развивался: свет сменился с резкого концертного на «лунный», изменилось внутреннее содержание танца, затем номер стал называться «Умирающий лебедь», но сила его воздействия на зрителя со временем не ослабевала. Его исполняли и до сих пор исполняют многие балерины.

В 1913 году Сен-Сане посетил Павлову в ее лондонском доме. Он играл для нее, она для него танцевала. «Никогда мне уже не сочинить ничего, достойного стать наравне с вашим «Лебедем», – сказал он ей.

В 1907 году состоялись первые зарубежные гастроли Анны Павловой – Рига, Гельсингфорс, Копенгаген, Стокгольм, Прага, Берлин… Труппа была невелика, возможности были ограничены – шли не целые балеты, а фрагменты и концертные номера, – но русский балет покорил Европу. Толпы людей ежедневно приходили на выступления. В Стокгольме огромная толпа провожала Павлову до гостиницы, и люди молча стояли под окнами ее номера, когда она зашла внутрь, не желая мешать отдыху балерины. Павлова вышла на балкон – и толпа разразилась овациями. Горничная объяснила растерянной балерине: «Вы подарили этим людям минуту счастья, заставив на время забыть о повседневных заботах». Растроганная Павлова притащила из комнаты корзины подаренных ей в этот вечер цветов и стала бросать в толпу тюльпаны, розы, сирень… С этого дня искусство балета получило для Павловой новый смысл.

Сам шведский король Оскар II не пропускал ни одного представления, а в конце гастролей вручил Анне Павловой орден «За заслуги перед искусством».

Гастроли убедили Павлову в необходимости продолжать совершенствовать владение техникой. Она занимается у знаменитейшего педагога Энрико Чекетти. Его называли волшебником, превращающим бездарности в гениев, – за его умение обучить виртуозному владению хореографической техникой. В 1908 году Павлова снова едет на гастроли по Германии. О ее гении заговорили во всем мире. На следующий год Павлова выступала в Берлине и Праге, откуда отправилась в Париж, чтобы принять участие в первом Русском сезоне Сергея Дягилева.

Павлова, хоть и опоздала к началу выступлений, стала настоящим символом первого Русского сезона. Именно ее изобразил Серов на афише: летящий силуэт, будто сотканный из воздуха и тумана. По окончании выступлений Павлову, Фокина, Ни жинского и режиссера Григорьева наградили Академическими

пальмами. Однако Павлова не прижилась в дягилевской труппе: она уже привыкла к тому, что именно она – звезда труппы, а Дягилев на первое место выдвигал Тамару Карсавину и Вацлава Нижинского. Столкновение двух столь непростых характеров, как Дягилев и Павлова, сделало свое дело: больше Павлова в Русских сезонах не участвовала. Друг о друге Павлова и Дягилев еще долго говорили с неприязнью…

В 1909 году Павлова отмечала десятилетний юбилей службы в Мариинском театре. Уже два года как прима-балерина – высшее звание для танцовщицы, – она все реже и реже появляется на родной сцене. В Петербурге ей не хватает своего репертуара, она не чувствует себя полностью занятой, и к тому же на гастролях она звезда, а в Мариинке уже наступают на пятки молодые таланты… Впоследствии отношения с родным театром осложнились и финансовыми вопросами. В 1910 году Павловой ради выгодных гастролей в Америке пришлось заплатить Мариинке огромную неустойку – 21 тысячу рублей. Желание театра заключить новый контракт наталкивалось на требование Павловой вернуть деньги. И хотя дирекция по-прежнему желала, чтобы Павлова танцевала в России, все больше и больше времени балерина проводит на гастролях.

В начале 1910-го Павлова вместе со своим партнером Михаилом Мордкиным начала турне по Соединенным Штатам: Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Балтимор… В то время в США практически не было своего балета, и любые гастроли вызывали ажиотаж. Но то, что показывала Павлова, было выше любых ожиданий американцев. Известный импресарио Сол Юрок, открывший Америке имена Федора Шаляпина и Александра

Глазунова, говорил, что именно день первого выступления Павловой в Нью-Йорке следует считать датой зарождения американского балета.

Однако выступления русской труппы чуть было не сорвались из-за банальных интриг. В Нью-Йорке труппа выступала одновременно с Итальянской оперой. Ее директор, боясь оттока зрителей, настоял на том, чтобы спектакли русских начинались лишь после того, как у итальянцев закончится опера «Вертер» – произведение весьма длинное. На первое выступление мало кто пошел, но те, кто все же увидел Павлову и Мордкина в «Коппелии», отзывались о них столь восторженно, что уже на следующий день все билеты на все представления были распроданы.

Успех был феноменальный. В антрактах в зрительном зале стояла гробовая тишина: зрители сидели, боясь даже вздохнуть, чтобы не нарушить атмосферу спектакля и не помешать переодевающимся артистам. Железными дорогами специально выделялись поезда, на которых жители окрестных городов могли попасть на выступление Анны Павловой.

После Америки Павлова выступала в Палас-театре в Лондоне. Успехи ее турне навели Павлову на мысль о создании собственной постоянной труппы – вместо того, чтобы каждый раз заново собирать людей. На следующий год Павлова приезжает в Америку уже с собственной труппой из 10 человек. В сезоне 1911 года она ни разу не выступила на сцене Мариинского театра – обстоятельства сложились так, что балерине нужно было срочно заработать как можно больше.

После расставания с Павловой удача отвернулась от Виктора Дандре. Он влез в долги, а затем его обвинили в растрате по делу о строительстве Охтинского моста. Был ли на самом деле виноват Дандре – сейчас уже установить невозможно. Дандре оказался в долговой тюрьме, откуда через некоторое время был выпущен под залог в 35 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму. Говорили, что деньги внес его брат. На самом деле залог, а также все долги Виктора Эмильевича оплатила Анна Павлова. На это ушли ее гонорары за американское турне, за выступления в лондонском Паласе, деньги за проданный дом на Английском проспекте… Теперь их роли поменялись: она была признанной во всем мире звездой, а он – никем. В 1912 году Виктор Дандре навсегда уезжает из России в Лондон, где тогда жила Павлова, и становится главным распорядителем ее труппы. Путь в Россию ему был отныне заказан: отъезд его был незаконным, несколько лет у него даже не было паспорта. Вскоре Дандре и Павлова заключают брак. Правда, Павлова, которая никогда не смогла

простить Виктору, что тот не женился на ней в Петербурге, поставила жесткое условие: никто не должен об этом знать. Она – Анна Павлова, а быть мадам Дандре она не желает.

Анна Павлова в балете
П.Л. Гертеля «Тщетная предосторожность», 1913 г.

Их союз, который выглядел как вынужденный, оказался на редкость прочным. Хотя многие говорили, что это был очень странный брак: нежные чувства постоянно сменялись холодностью, отчужденностью, а то и скандалами. Павлова обладала на редкость несдержанным характером, и срывалась она чаще всего на муже. Дандре терпеливо сносил постоянные истерики Павловой, никогда не отвечал ей на грубости. Он, как мог, заботился об Анне, преклонялся перед ее гением, и она была очень привязана к нему.

Павлова и Дандре решили обосноваться в Англии. В пригороде Лондона был куплен увитый плющом особняк Айви-хаус, окруженный большим парком. В пруду плавали белые лебеди, с которыми Анна часто фотографировалась. Любимого лебедя Павловой звали Джек. В саду росли экзотические растения, которые Анна привозила со всего света, и ее любимые тюльпаны. В одной из комнат Анна устроила мастерскую: она увлеклась скульптурой и нередко лепила здесь фигурки балерин.

Но наслаждаться покоем в любимом доме удавалось нечасто: Павлова не мыслила своей жизни без танцев, и гастрольные поездки следовали одна за другой. Ее взрывной и капризный характер затруднял общение с труппой – например, из-за небольшой оплошности Мордкина во время выступления Павлова вспылила и влепила ему пощечину. На его место пришел Лаврентий Новиков. Положение спасал Дандре – он, как никто другой, умел сглаживать возникавшие конфликты. Он же занимался бухгалтерией, вел переговоры, общался с прессой, разрабатывал маршруты поездок – словом, делал все, чтобы Павлова могла не отвлекаться от творчества.

Павлова в хореографической миниатюре «Рондино» на музыку Л. Бетховена и Ф. Крейслера

Дела труппы шли успешно. В ней уже было около сорока человек. Дандре был осторожным и расчетливым – в отличие от Дягилева, который не скупился на расходы и поэтому постоянно был в долгах. Конечно, уровень спектаклей был весьма средним: кроме самой Павловой, в труппе не было выдающихся танцоров, но влияние личности и гения Павловой было столь велико, что при ее появлении все преображалось. Теперь она не была

стеснена никакими рамками – она могла танцевать все, что хотела. Приглашенные балетмейстеры ставили танцы специально для нее, а нередко она и сама выступала в роли хореографа. При этом она совершенно беззастенчиво обращалась с музыкой: произвольно сокращала, меняла темп, собирала номер из фрагментов пьес разных композиторов. Попытки протеста приводили Павлову в ярость. Никому другому это не сошло бы с рук, но гений Павловой заставлял прощать ей любую вольность. Имя Анны Павловой давно стало означать гораздо больше, чем просто имя: она стала явлением в мировом искусстве, мировой знаменитостью. На нее равнялись танцовщики во всем мире, за ней постоянно следила пресса. Ее именем называли духи, пирожные и фасоны шляп. На ее выступления женщины приходили задрапированные в любимые Павловой шали, перерисовывали себе в блокноты ее прически и костюмы.

Последний раз Павлова танцевала в родном Мариинском театре в 1913 году – Аспиччию в «Дочери фараона» и Китри в «Дон Кихоте». После этого была только короткая гастроль в 1914 году – по одному выступлению в Петербургском народном доме, в Москве и в Павловске. Потом она уехала в Париж, а оттуда – в Берлин. Когда началась Первая мировая война, Павлова с труппой едва успела уехать в одном из последних поездов.

Далее были годы практически непрерывных гастролей. Болезненная с виду балерина напоминала современникам динамо-машину: отдавая энергию, она постоянно возобновляла ее изнутри.

Ее хрупкое сложение сочеталось с крепчайшими мускулами, огромной силой воли и железной самодисциплиной. В ее репертуаре были классические балеты, а также специально поставленные для ее труппы номера. Павлову часто упрекали в погоне за деньгами, но балерине важны были не деньги, а возможность танцевать. Танец был ее жизнью, и перестать танцевать для нее было равносильно смерти. Конечно, и деньги не были лишними: на них Павлова основала в Париже приют для детей эмигрантов, заботилась о своей труппе, занималась благотворительностью. На те же деньги Павлова содержала свою собственную балетную школу. Правда, таланта педагога у Павловой не было, но польза была уже в том, что способные девочки имели возможность наблюдать за работой великой балерины.

После войны Павлова снова гастролирует по Европе. Узнав о событиях в России, она захотела было вернуться на родину, но Дандре убедил ее этого не делать. Однако за положением дел в родной стране Павлова всегда следила. Она переводила крупные

суммы голодающим Поволжья, давала благотворительные концерты в пользу нуждающихся в России. Годами Павлова высылала продуктовые посылки всем членам труппы Мариинского театра – поименно! – и учащимся балетного училища. Посылка посылалась на имя Елизаветы Павловны Гердт, выдающейся балерины, дочери Павла Гердта. Прекратилось это только в 1929 году, когда новые власти стали уж слишком откровенно коситься на принимающих «подачки от белоэмигрантки». Долго не удавалось получить разрешение на выезд для Любови Федоровны, матери балерины. Лишь в октябре 1924 года матери с дочерью удалось встретиться.

Павлова ненавидела новый режим, наотрез отказывалась от любых предложений о сотрудничестве. Советская пресса в ответ поливала балерину грязью, обвиняя в предательстве родины, пособничестве эмигрантам и других грехах…

А Павлова продолжала танцевать, демонстрируя всему миру красоту русского балета. Она не щадила ни себя, ни труппу, добиваясь совершенства движений. Ничто не могло заставить Павлову отказаться от репетиций или пропустить спектакль. Работа шла буквально на износ – по 8–9 выступлений в неделю, в течение долгих лет. Единственный выходной – 31 декабря. И практически никакой личной жизни. Детей у нее не было – Дандре еще с Петербурга не разрешал ей беременеть, опасаясь за ее фигуру. А Павлова обожала возиться с детьми и всегда завидовала девушкам из своей труппы, у которых в отличие от нее случались романы. А в ее жизни для них не было места: «Истинная артистка, подобно монахине, не вправе вести жизнь, желанную для большинства женщин… Артист должен знать о любви все и научиться жить без нее».

Павлова в хореографической миниатюре «Стрекоза» на музыку Ф. Крейслера, 1916 г.

В 1921 году труппа Павловой отправляется на Восток. Это была первая балетная труппа, приехавшая в Японию, – и несмотря на то, что традиции европейского танца были совершенно чужды японской культуре, успех гастролей был ошеломляющим. Подобное повторилось в Индии. Вдохновленная традиционным индийским искусством, Павлова создала несколько балетов на индийские сюжеты. Сами индусы признают огромную роль

Павловой в возрождении национального индийского танца.

За годы странствий труппа Павловой объездила весь мир, побывав на всех континентах, не гнушаясь выступать в небольших городках перед самыми неискушенными зрителями. Но силы балерины таяли. Она с ужасом ждала старости, допрашивая своих друзей: может ли она еще танцевать? Не потеряла ли форму? Павлова постоянно говорила, что надеется умереть раньше, чем будет не в состоянии танцевать.

В 1925–1926 годах Павлова совершила прощальное турне по Америке. Публика была в полной уверенности, что слова «последние гастроли» на афишах – лишь рекламный трюк. После американских гастролей было турне по Европе. Балерина стала уставать от такой жизни, но добровольно уйти со сцены она не могла… В 1929 году Павлова серьезно травмировала колено – и продолжала репетировать, невзирая на постоянную боль. Выступать становилось все тяжелее и тяжелее.

Сезон 1931 года Павлова должна была начать в Голландии, затем планировалось турне по Южной Америке и Дальнему Востоку. Специально к ее приезду в Нидерландах был выведен новый сорт тюльпанов – с белоснежными махровыми лепестками, напоминающими о ее знаменитейшем Лебеде. Сорт был назван «Анна Павлова». 17 января 1931 года голландский импресарио Эрнст Краусс с огромным букетом этих тюльпанов встречал Павлову на вокзале в Гааге. Но она чувствовала себя очень плохо и сразу же отправилась в гостиницу.

Как оказалось, в поезде она сильно простудилась. К тому же в дороге с верхней полки упал кофр и сильно ударил ее по ребрам. Обеспокоенная состоянием балерины, королева Нидерландов Вильгельмина отправила к Павловой своего личного врача. Тот поставил диагноз: плеврит. Необходима срочная резекция ребра, чтобы отсосать скопившуюся жидкость. Павлова отказалась – ведь в таком случае она никогда больше не сможет танцевать… Дандре вызвал из Парижа врача Залевского, который и раньше лечил Павлову. Но той становилось все хуже и хуже. В ночь с 22 на 23 января она скончалась, не дожив недели до своего пятидесятилетия.

В своих мемуарах Дандре утверждает, что умирающая Анна любой ценой хотела выйти на сцену. Ее последними словами были: «Приготовьте мне костюм Лебедя…»

А служанка Павловой Маргерит Летьенн вспоминает, что Павлова пригласила к себе некоторых членов своей труппы и дала им указания по поводу будущих спектаклей: как считала Павлова, спектакли должны состояться, несмотря на ее болезнь. Потом ей стало совсем плохо, и все, кроме служанки, вышли из

комнаты. Павлова взглянула на дорогое парижское платье и сказала: «Лучше бы я потратила эти деньги на моих детей…» Она имела в виду свой сиротский приют. После этих слов Павлова впала в кому.

Как бы то ни было, после своей смерти Павлова стала легендой.

Наутро все газеты мира вышли с огромными некрологами. Только в России о смерти великой балерины сообщала лишь краткая, в три строки, заметка на последней странице.

Виктор Дандре настоял, чтобы Анну кремировали. Ее урна была установлена в лондонском крематории «Голдерс Грин», место рядом предназначалось для самого Дандре. Оставшуюся жизнь он посвятил служению памяти своей великой жены. Он создал клуб поклонников Анны Павловой, написал книгу мемуаров. Умер Виктор Дандре в 1944 году. Согласно его завещанию, прах Анны Павловой и его самого может быть перенесен в Россию: «если когда-нибудь правительство России будет добиваться переноса и даст моим поверенным удовлетворительные заверения в том, что прах Анны Павловой получит должные честь и уважение».

Несколько лет назад прах Анны Павловой пытались перезахоронить на Новодевичьем кладбище в Москве, где она никогда не танцевала. Но в результате бюрократической неразберихи, сплетен и взаимных обвинений перенос праха не состоялся. В конце концов британские власти заявили, что больше не будут рассматривать запросы о перезахоронении праха великой балерины.

В любимом доме Павловой Айви-хаусе до недавнего времени размещался колледж – теперь здание снова продано. Сад давно запущен, пруд высох. Мать великой балерины доживала свой век в Ленинграде, в коммуналке на Лиговке, где практически ничего не напоминало о ее дочери. От Анны Павловой осталось немного: фотографии, пара кинолент, несколько статуэток ее работы, партитура «Лебедя» – и легенда. Неумирающая легенда о гениальной балерине, преображающей своим танцем мир.

Ида Рубинштейн

ЖЕНЩИНА-ЗАГАДКА

Ей было дано все – необыкновенная внешность, фантастическое богатство, искрометный талант и огромное упорство в достижении своих целей. Ее мечтой было покорять и удивлять, царить и властвовать. Ида Рубинштейн – символ

красоты начала XX века, которую многие не любили, но которой все поклонялись…

Она не любила говорить о своем происхождении. Европейские журналисты, осаждавшие ее, так и не смогли добиться ответов на свои простые вопросы: кто она, откуда, когда родилась… В России знали: Ида Рубинштейн – из тех самых харьковских миллионеров… Но и на ее родине не знали точно ни места, ни времени ее рождения. Ида никогда не отмечала день рождения, никогда не вспоминала о своем родном городе. Лишь говорили – кажется, родилась в Петербурге, то ли в 1880-м, то ли в 1885-м… Утверждали, что при рождении ей было дано имя Лидии или Аделаиды. Даже отчество разнится: когда Львовна, когда Михайловна… Ида молчала: быть женщиной-загадкой ей необыкновенно нравилось.

Только много лет спустя, когда страсти по загадочной Иде Рубинштейн поутихли, была найдена запись в метрической книге харьковской синагоги: 21 сентября (3 октября по новому стилю)

1883 года у потомственного почетного гражданина Харькова Леона Романовича Рубинштейна и его супруги Эрнестины Исааковны родилась дочь Ида.

Она действительно происходила из одной из богатейших семей России. Дед Иды Рувим (Роман) Осипович Рубинштейн сколотил огромное состояние на торговле ценными бумагами и основал известнейший банкирский дом «Роман Рубинштейн и сыновья». У него было двое сыновей – Леон (Лев) и Адольф. Они приумножили отцовские капиталы, занявшись крупнооптовой торговлей, в основном сахаром. Им же принадлежали несколько банков, сахарные заводы, пивоваренный завод «Новая Бавария»… Состояние Рубинштейнов было невероятным. Большие суммы тратились на благотворительность, богоугодные дела и культурное развитие их родного города. Леон и Адольф Рубинштейны были прекрасно образованными людьми, они стояли у истоков харьковского отделения «Русского музыкального общества», в их домах регулярно собиралась интеллигенция Харькова. Сын Адольфа Иосиф окончил Петербургскую консерваторию, был прекрасным пианистом, занимался теорией музыки; влюбленный в музыку Рихарда Вагнера, работал у него секретарем-музыковедом.

Но самой известной представительницей клана была, безусловно, единственная дочь Леона Романовича Ида. Она унаследовала все лучшие качества Рубинштейнов – хватку, напор, энергию, а главное, артистические наклонности и волю к победе. Мать Иды умерла, когда девочка была совсем маленькой, а в 1892 году во Франкфурте-на-Майне скончался ее отец. Ида унаследовала огромное состояние. Через год ее перевозят в Петербург, под опеку ее тетки, известной в столице светской дамы мадам Горвиц. В ее богатом доме на Английской набережной все было к услугам обожаемой племянницы: лучшие учителя, всевозможные развлечения, разнообразные знакомства. Ида в совершенстве знала четыре языка – английский, французский, немецкий и итальянский. Ее обучали музыке, а когда Иду заинтересовала Древняя Греция, к ней был приглашен ученый-эллинист. Был нанят и учитель танцев; но к танцам Ида оказалась не способна. Однако ее невероятное честолюбие, не позволявшее девочке ни в чем отступать, заставляло Иду часами отрабатывать позы, движения, пируэты… Ей даже было позволено брать уроки декламации и драматического искусства у артистов императорских театров. В конце концов Ида заявила о своем непоколебимом желании пойти на сцену и для углубления своего театрального образования уехала в Париж.

Разразился невероятный скандал: все Рубинштейны были в

ужасе. Одно дело – интересоваться театром, и совсем другое – стать профессиональной актрисой; в то время между понятиями «актриса» и «куртизанка» разницы не делали. Для спасения чести семьи известный парижский врач профессор Левинсон, дальний родственник Рубинштейнов, объявил Иду невменяемой и поместил в клинику для душевнобольных.

Правда, просидеть взаперти Иде пришлось недолго: петербургские родственники потребовали выпустить ее; заточение в сумасшедшем доме представлялось им слишком серьезным наказанием. Ида тут же вернулась в Россию.

Все случившееся упрочило в ней решимость освободиться от опеки родни; лучшим – и чуть ли не единственным для девушки из ортодоксальной еврейской семьи – способом было замужество. Ида тут же нашла подходящую кандидатуру, против которой родственники не могли возражать: избранником Иды стал ее двоюродный брат Владимир Горвиц, сын опекавшей ее тетки. Правда, брак их продолжался недолго – сразу же после медового месяца молодожены расстались навсегда. Развод был оформлен так же быстро, как и брак. Ида, оставив бывшему мужу определенное содержание, постаралась больше никогда не вспоминать о своем полуфиктивном браке, хотя с Владимиром они остались друзьями. Теперь Ида, разведенная и богатая, была свободна и могла полностью распоряжаться собой. И она вернулась к своей идее стать трагической актрисой.

Она задумала на свои средства поставить трагедию Софокла «Антигона» и сыграть в ней главную роль. В исполнении этой дерзкой идеи ей помог случай. На светском рауте она познакомилась с известным театральным художником и декоратором Львом Бакстом, который сразу и навсегда был покорен энергией и обаянием Иды. «Это существо мифическое… Как похожа она на тюльпан, дерзкий и ослепительный. Сама гордыня и сеет вокруг себя гордыню», – говорил он. Он восхищался Идой и как женщиной, и как актрисой всю свою жизнь, но их отношения никогда не переходили границы платоники.

Бакст согласился оформить «Антигону», а это немало значило для спектакля никому не известных актеров. Премьера состоялась в апреле 1904 года. Пресса едва заметила спектакль, но это не охладило пыл Иды. Она твердо решила покорить сцену.

По правде говоря, данных у нее для этого было крайне мало. Голос у Иды был глухой и слабый, декламировала она из рук вон плохо: очень манерно, истерично, с излишним пафосом. Внешность ее тоже не соответствовала тогдашним канонам красоты: невероятно худая, плоскогрудая, угловатая, с чересчур

крупным ртом и вытянутыми к вискам глазами. И это в то время, когда в моде были пухлые, мягкие, большеглазые красавицы эпохи модерна. Но Ида столь искренне считала себя красавицей, что через некоторое время в это поверили все, кто ее видел…

Одна из ее современниц вспоминала, что «лицо Иды Рубинштейн было такой безусловной изумляющей красоты, что кругом все лица вмиг становились кривыми, мясными, расплывшимися». Другой знакомый писал: «Овал лица как бы начертанный образ без единой помарки счастливым росчерком чьего-то легкого пера; благородная кость носа! И лицо матовое, без румянца, с копною черных кудрей позади. Современная фигура, а лицо – некоей древней эпохи…» И Ида прекрасно сознавала и силу своей необычной красоты, и ее влияние на окружающих…

После «Антигоны» она обошла все крупнейшие театры обеих столиц, предлагая свои услуги в качестве актрисы, и везде она производила фурор одним своим появлением. Великая Вера Пашенная вспоминала, как в августе 1904 года встретила Иду в Малом театре: та проплыла мимо в пунцовом платье с длинным шлейфом, вся в кружевах: «Меня поразила прическа с пышным напуском на лоб. Онемев, я вдруг подумала про себя, что я совершенно неприлично одета и очень нехороша собой…» Экзотическую красавицу заметил сам Константин Сергеевич Станиславский, приглашал ее в свой прославленный Художественный театр, считавшийся тогда самым модным и передовым. Но Ида отказалась: как с обидой писал сам Станиславский, «звал же я ее учиться как следует, но она нашла мой театр устаревшим».

Некоторое время она занималась у известного актера и педагога Александра Павловича Ленского, который с гордостью говорил: «Моя новая ученица – будущая Сара Бернар!» В конце концов Ида согласилась на предложение поступить в театр Веры Комиссаржевской, где ей предназначалась главная роль в спектакле по скандальной пьесе Оскара Уайльда «Саломея». Своей библейской внешностью она как никто подходила для этой роли. Готовясь к спектаклю, Ида занималась с такими прославленными режиссерами, как Александр Санин и Всеволод Мейерхольд. Актер театра Александр Мгебров вспоминал, что Ида «ежедневно приезжала в театр, молча выходила из роскошной кареты в совершенно фантастических и роскошных одеяниях, с лицом буквально наштукатуренным, на котором нарисованы были, как стрелы, иссиня-черные брови, такие же ресницы и пунцовые, как коралл, губы; молча входила в театр, не здороваясь ни с кем, садилась в глубине зрительного зала во

время репетиций и молча же возвращалась в карету».

В 1907 году спектакль был почти готов, когда вмешались черносотенный «Союз русского народа» и Святейший Синод. Пьеса была признана аморальной, а ее постановка запрещена. Вместе с «Саломеей» прекратил свое существование и сам театр Комиссаржевской.

Но Иде так понравилась идея быть первой русской Саломеей – персонаж, как бы это сейчас назвали, культовый для эстетики модерна, – что она все же решилась выступить в этой роли, хотя и не в полноценном спектакле. Центром постановки в театре Комиссаржевской должен был стать «Танец семи покрывал», на музыку, специально для спектакля написанную Александром Глазуновым, и Ида решила разучить и исполнить его самостоятельно. Правда, работа у нее не пошла. И тогда Ида обратилась к танцовщику и балетмейстеру Мариинского театра Михаилу Фокину, который уже начал приобретать известность как приверженец новых течений в хореографии.

Ида Рубинштейн в балете «Саломея», 1912 г.

Сначала Фокин отнесся к просьбам Иды с большим сомнением: не имеющая никакой хореографической подготовки, никаких данных для балета великовозрастная девица требует поставить для нее сложнейший номер! Но Ида смогла заинтересовать его: как писал Фокин, «тонкая, высокая, красивая, она представляла интересный материал, из которого я надеялся слепить особенный сценический образ».

Вслед за Фокиным летом 1908 года Ида уехала в Швейцарию,

где в тихом пансионе началась работа над танцем. Долгие месяцы упорнейшего труда – и экзотичный танец, полный эротизма и чувственности, был готов. Премьера предполагалась в парижском мюзик-холле «Олимпия», но потом была перенесена в Россию.

Первое исполнение «Танца семи покрывал» состоялось 20 декабря 1908 года на сцене Петербургской консерватории. Скандальные слухи, уже ходившие вокруг предполагаемого танца, собрали в зале невероятное количество народу. Ида танцевала, сбрасывая одно за другим все семь покрывал, – и в итоге на ней остались лишь крупные, в несколько рядов, бусы… Зал замер, затем разразился невероятной овацией. Газета «Речь» писала: «… на бурные вызовы публики половина танца была повторена… сколько пленительной страсти… эта истома страсти, выливающаяся в тягучее движение тела…»

Ида Рубинштейн была первой, кто внес в балет столь явную эротику, а не просто наготу. Критика билась в восторге. Только Станиславский, обиженный на нее за отказ присоединиться к его театру, заметил после ее выступления: «Более голой и бездарно голой я не видел!»

Ида Рубинштейн в роли Святого Себастьяна, эскиз Льва Бакста

Как это ни странно, но, хотя вокруг скандально известной красавицы всегда роились поклонники, она продолжала оставаться одна. У нее не было не только более-менее постоянных любовников, но даже мимолетных связей, что считалось нормой для тогдашней богемы. На все недоуменные вопросы Ида отвечала: «Я не могу идти рядом с кем бы то ни было. Я могу идти только одна».

После «Танца семи покрывал» Ида моментально прославилась. Но, как оказалось, это было только начало.

В 1909 году известный антрепренер Сергей Дягилев готовил свой очередной Русский сезон в Париже, куда впервые должны были войти балетные спектакли. После долгих споров было решено везти одноактные балеты «Павильон Армиды» Николая Черепнина, «Сильфиды» на музыку Фридерика Шопена, «Пир» (сюита по произведениям русских композиторов) и «Египетские ночи» Антона Аренского по поэме Пушкина. Во время подготовки «Египетские ночи» переделали, музыку Аренского дополнили фрагментами партитур других композиторов, дописали финал; получившийся балет был назван «Клеопатра».

В качестве звезд труппы ехали Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский и Михаил Фокин, выступавший не только как танцор, но и как балетмейстер всех постановок, – весь цвет тогдашнего русского балета. Единственная загвоздка была в отсутствии достойной исполнительницы на роль Клеопатры. И тогда Фокин посоветовал взять свою ученицу Иду Рубинштейн: «Она высокая, красивая, пластично движется: мне кажется, она прекрасно подойдет». Фокина поддержал Лев Бакст, оформитель этого балета. И, несмотря на все возражения о недопустимости брать в труппу непрофессиональную танцовщицу, другого выхода не было – Иду взяли на роль Клеопатры.

Балет был поставлен в очень короткие сроки. Его премьера состоялась в парижском театре Шатле 2 июня 1909 года – последним из всех балетов, привезенных Дягилевым в Париж. Партнерами Рубинштейн были Анна Павлова в роли Таор и Михаил Фокин в роли Амуна, в небольших ролях выступали Вацлав Нижинский и Тамара Карсавина. Самые яркие, признанные звезды балета, уже успевшие завоевать искушенную парижскую публику! Но Ида Рубинштейн не только не потерялась на их фоне, но и привлекла к себе необычайное внимание.

Конечно, во многом это произошло благодаря сценографии. Лев Бакст придумал для Иды эффектный выход: ее выносили на сцену в закрытом саркофаге и доставали, запеленутую в покрывала, как мумию. Затем «мумию» постепенно разворачивали, пока Клеопатра не представала во всем блеске – в голубом парике и великолепном египетском костюме, больше открывающем тело, чем скрывающем. Исключительно декоративная, с прекрасной мимикой и выразительными жестами, Ида с первого момента привлекала к себе основное внимание и не отпускала зрителя до конца. Самой поразительной была сцена соблазнения: Клеопатра на глазах у зрителей впадала в любовный экстаз, и только в самый кульминационный момент

ложе любовников накрывали полупрозрачной тканью. Зал не мог дышать, а затем буквально взвывал от восторга. Лев Бакст потом писал, что «это была не «хорошенькая актриса в откровенном дезабилье», а настоящая чаровница, гибель с собой несущая». Звезда Иды Рубинштейн засияла над Парижем.

Трудно себе представить, как после одного-единственного спектакля с участием величайших танцовщиков своего времени можно завоевать такую фантастическую популярность, но Иде это удалось. Ее имя было на устах у всего Парижа, ее лицо красовалось во всех газетах, на конфетных коробках и рекламных плакатах. Ида больше никогда не возвращалась в Россию – теперь Париж стал ее настоящим домом. Она купила себе огромный особняк с большим садом, который обставила со свойственной ей тягой к экзотической роскоши. Вход в гостиную был обрамлен тяжелым занавесом с золотыми кистями, стены были задрапированы экзотическими тканями, везде японские статуэтки, африканские маски и древнегреческие бюсты – трофеи из зарубежных поездок. В саду были выложенные голубой мозаикой тропинки и фантастические цветники, в которых гуляли павлины и пантера – про нее говорили, что эта пантера по ночам охраняет спальню хозяйки.

Журналисты буквально осаждали Иду Рубинштейн, и у нее всегда было что им рассказать: она то перелетала через Альпы на аэроплане, то охотилась на оленей в Норвегии, то ночевала в палаточном лагере в горах Сардинии. Описания ее великолепной яхты соседствовали с рассказами о привезенных ею из путешествий трофеях: экзотических животных, произведениях искусства и редких растениях для ее сада. Что из ее рассказов было правдой, а что вымыслом – никого не интересовало. Европа хотела говорить об Иде Рубинштейн, и Ида позволяла говорить о себе. В одном из интервью она говорила: «Вам угодно знать про мою жизнь? Я лично делю ее на две совершенно самостоятельные части: путешествия и театр, спорт и волнующее искусство. Вот что берет все мое время. Одно велико, другое безгранично. Я то уезжаю в далекие страны, то подымаюсь в заоблачные сферы, по крайней мере мне лично так кажется. Что же по этому поводу думают остальные, меня интересует меньше, чем вы можете думать. Вероятно, многих удивит такая безалаберная, кочующая жизнь, при которой я не знаю, что будет со мной через неделю. Я же нахожу в ней наибольшую прелесть. Без этого я не могла бы вовсе жить. Мне необходима смена, и полная смена впечатлений, иначе я чувствую себя больной».

Неудивительно, что именно Иду Рубинштейн Сергей Дягилев решил изобразить на афише к будущему сезону 1910 года. Афиша

была заказана известнейшему художнику Валентину Серову – он уже создал афишу сезона 1909 года с воздушным, будто летящим изображением Анны Павловой. Лаврентий Новиков, партнер Павловой, вспоминал, что об этой афише говорили больше, чем о самой балерине.

Впервые Серов увидел Иду еще в 1909 году. По его собственным словам, он нашел в ней «столько стихийного, подлинного Востока, сколько раньше не приходилось наблюдать ни у кого», и сразу же загорелся ее рисовать. Серов говорил: «Увидеть Иду Рубинштейн – это этап в жизни, ибо по этой женщине дается нам особая возможность судить, что такое вообще лицо человека…» У него было одно только условие: он хотел писать Иду обнаженной, как даму эпохи Возрождения, хотя и сомневался, что она на такое пойдет. Но она без раздумий согласилась.

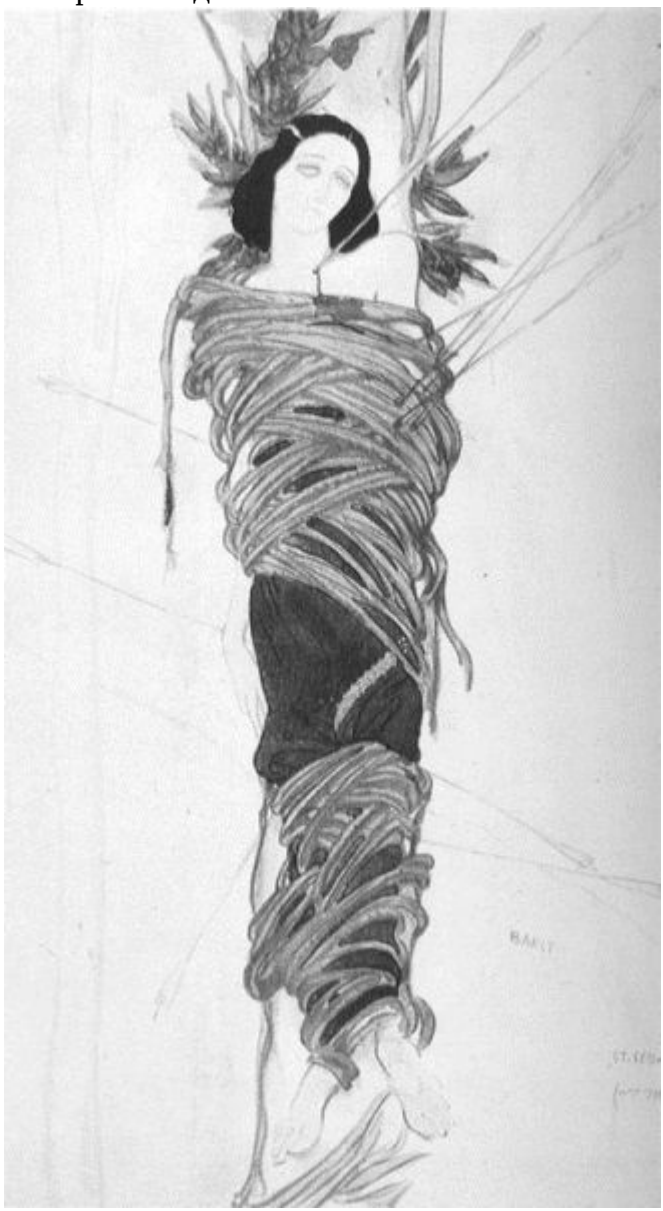
Работа велась в большом зале домовой церкви бывшего монастыря Ля Шапель, заменявшем Серову мастерскую. На помост из чертежных досок и табуреток было накинуто желтое покрывало, на котором возлежала ослепительная в своей наготе Ида. Сам Серов на время сеанса облачался в грубую черную рубаху – как говорили очевидцы, чтобы смирить плоть, превратившись в схимника-отшельника.

Сеансы прервались только однажды – Ида уезжала в Африку на охоту, где лично убила льва. Узнав об этом, Серов заметил: «У нее самой рот, как у раненой львицы… Не верю, что она стреляла из «винчестера». К ней больше подходит лук Дианы!»

Афишей портрет не стал. Впервые публика увидела картину в 1911 году на выставке «Мира искусства». Отзывы были самые разнообразные: от восторга до отвращения. Иду на картине называли «гальванизированным трупом», «зеленой лягушкой» и «грязным скелетом». Только внезапная смерть Серова прекратила нападки, немедленно превратив «Портрет Иды Рубинштейн» в признанный шедевр.

В сезоне 1910 года специально для Иды Рубинштейн был поставлен балет «Шехеразада» по сценарию Александра Бенуа и Льва Бакста на музыку Николая Римского-Корсакова. Кстати, на афише стояло только имя Бакста, что очень обидело Бенуа. Ида танцевала главную партию Зобеиды, ее партнерами были Алексей Булгаков в роли Шахрияра и Нижинский в роли Эбенового раба. Оформлял спектакль Бакст: его декорации сочных контрастных цветов и яркие экзотичные костюмы произвели необыкновенное впечатление на зрителей. Ида не столько танцевала, сколько

двигалась и принимала эффектные позы, но даже ее партнер Нижинский назвал ее в этой роли совершенно бесподобной. Кульминацией спектакля была сцена оргии, где вокруг Зобеиды, буквально источающей эротический дурман, клубились возбужденные рабы и одалиски.



Ида Рубинштейн в роли Святого Себастьяна, эскиз Льва Бакста, 1911 г.

Совершенно неожиданно даже для Дягилева «Шехера-зада» стала главным событием сезона. Она оказала сильнейшее

влияние на Европу, вызвав необычайный интерес к восточной культуре и искусству. Лев Бакст писал, что после «Дягилевских сезонов», особенно после «Клеопатры» и «Шехеразады», изменилась даже французская, а следовательно, и мировая мода. Разрезы на платьях были отзвуком греческих и египетских костюмов; цветные парики – память о синем парике Клеопатры; яркие краски, шаровары, бюстье, цветные тюрбаны, любимые поколениями оранжевые абажуры – непреходящее влияние сценографии «Шехеразады». Даже придуманный для этого балета южный грим – в насыщенных коричневых, оранжевых и желтых тонах – стал непременным атрибутом французской моды, его можно было увидеть на улицах даже днем. И с тех самых пор женщины, подражая Иде Рубинштейн, полюбили возлежать в томных позах среди наваленных на диване подушек.

Популярность Иды стала совершенно недосягаемой, и она решила уйти из дягилевской труппы, начав свою сольную карьеру.

Ей захотелось поставить пьесу какого-нибудь модного драматурга, написанную специально для нее, и сыграть в ней главную роль. Расходы Иду не смущали – средств ей хватало на все. После долгих поисков такая пьеса нашлась: скандально известный писатель и поэт Габриэле Д'Аннунцио написал для Иды «Мистерию о мученичестве Святого Себастьяна». Музыку к спектаклю написал Клод Дебюсси, декорации создал все тот же преданный Лев Бакст. И снова невероятный успех – который, по свидетельству очевидцев, был во многом вызван тем, что во время действия было совершеннно невозможно понять, какого же пола исполнитель роли Себастьяна. Скандальный успех постановки вызвал очередное общественное возмущение: женщина, еврейка и, как утверждали, лесбиянка в роли одного из самых почитаемых католических святых вызвала яростные протесты Ватикана. 8 мая 1911 года специальным папским декретом Габриэле Д'Аннунцио был отлучен от церкви, и католикам было запрещено читать его произведения и посещать спектакли. Конфликт был улажен только много лет спустя, перед самой смертью Д'Аннунцио.

Ида Рубинштейн в балете «Шехеразада», постановка ее собственной антрепризы

Но ему было не привыкать к сплетням и запретам. Невероятные любовные похождения и оригинальные политические взгляды – Д'Аннунцио был ярым сторонником идей итальянского фашизма – давно снискали ему славу самого скандального писателя Европы. Он не смог устоять перед фантастической красотой и славой Иды, и почти сразу же они стали любовниками. Через некоторое время к ним присоединилась известная деятельница феминистического движения, художница Ромэйн Брукс, влюбившаяся сначала в Иду, а затем и в Габриэле.

Некоторое время они открыто жили вместе, всюду появляясь втроем – в середине юношеподобная Брукс, с одной стороны – невероятно женственная, в фантастическом наряде Ида, с другой – мужественный красавец Габриэле. И для Брукс, и для Иды это был невероятно плодотворный период – Ида ставила спектакли и снималась в фильмах по сценариям Д'Аннунцио, Брукс рисовала свои лучшие портреты. Но в 1915 году треугольник распался: Ромэйн Брукс влюбилась в писательницу Натали Бэрни, а Ида, устав от постоянных измен и постоянной ревности Габриэле, снова начала путешествовать.

После произошедшей в России революции средств стало заметно не хватать. Но Иде снова повезло. Она познакомилась с сэром Уолтером Гиннессом – наследником пивной империи Гиннессов, миллионером и красавцем. Гиннесс, как и Ида, обожал

путешествия, экзотику и красоту. Он был женат, но это не помешало ему вступить в многолетнюю связь с Идой – настолько открытую, что многие считали леди Гиннесс именно Иду. Они часто появлялись вместе на великосветских приемах, совершали совместные путешествия, а когда сэр Уолтер Гиннесс возглавил английскую палату лордов, именно Ида приветствовала его с галереи для посетителей. Гиннесс разделял ее пристрастие к публичности и театру – именно его деньги позволили Иде снова начать ставить драматические и балетные спектакли, привлекая французских актеров. Во время подготовки к одному из них – балету «Истар» Венсана д'Энди – в декабре 1924 года скончался верный Лев Бакст…

В 1928 году Ида решилась предпринять балетную антрепризу. Было снято помещение парижской Гранд-Опера, наняты танцовщики. От Дягилева удалось переманить несколько лучших сотрудников: Александра Бенуа, танцовщика Леонида Мясина, балетмейстера Брониславу Нижинскую – сестру знаменитого Вацлава Нижинского, первую женщину-хореографа… Специально для труппы Иды Рубинштейн Игорь Стравинский написал балет «Поцелуй феи». Но главной удачей молодой труппы были балеты на музыку Мориса Равеля – «Вальс» и «Болеро».

Равель начал работать для балета еще в 1909 году, сотрудничая с Дягилевым. В 1912 году он написал для дягилевской труппы балет «Дафнис и Хлоя». Ида заказала ему для премьеры своей труппы экзотическую композицию на испанские темы – и Равель написал для нее «Болеро». Премьера состоялась 22 ноября 1928 года. Хореографом была Бронислава Нижинская; декорации выполнил Александр Бенуа. Сцена представляла собой таверну в Барселоне, где на огромном столе танцевала Ида, за которой следовали восемнадцать молодых танцовщиц, а вокруг теснились возбужденные мужчины.

«Болеро» прославило и труппу Иды Рубинштейн, и самого Равеля. С горькой иронией он любил говорить: «Я написал всего лишь один шедевр – «Болеро». К сожалению, в нем нет музыки».

Ида Рубинштейн в балете «Болеро», 1928 г.

Успех антрепризы подвигнул Иду набрать постоянную труппу – из французских и русских танцовщиков. Дягилев рвал и метал: в Иде он увидел сильную конкурентку. Однако их противостояние длилось недолго: в августе 1929 года Дягилев скончался в Венеции. Труппа Иды Рубинштейн осталась в Европе ведущей балетной антрепризой. Конечно, того фантастического успеха, какой выпал на долю Иды в начале 1910-х годов, уже не было. Но все же зрители продолжали любить Иду, ее постановки всегда

благосклонно принимались и критикой, и публикой. Последний раз Ида вышла на сцену в драматической оратории Онеггера «Жанна д'Арк на костре». Спектакль, воспринятый как антифашистский протест, имел неожиданно шумный успех. Последний в жизни Иды Рубинштейн… Это было в 1935 году. Ей было 52 года.

Когда немецкие войска оккупировали Париж, Иде пришлось бежать: ей, еврейке, со скандальной славой и репутацией бисексуалки, оставаться во Франции было чрезвычайно опасно. Морем Ида добралась до Алжира, куда Гиннесс прислал за ней аэроплан, доставивший ее через Гибралтар в Лондон.

Тут началась совсем другая жизнь. Бывшая светская львица сторонилась шумных сборищ, не пыталась завязать знакомств в высшем свете, отказывалась от контактов с прессой, не ходила в театры. Она будто устала от шумихи вокруг нее. Хотя Ида по самому складу своего характера была самодостаточна; она всегда предпочитала, чтобы публика больше замечала результаты ее творчества, чем ее саму. И теперь, когда заниматься искусством не было возможности, Ида предпочла оставаться в тени.

Вместе с Уолтером Гиннессом они открыли госпиталь для раненых, работе в котором Ида отдавала все свое время. Пациенты были уверены, что Ида – профессиональный медик, настолько тщательным и эффективным был ее уход.

В 1944-м сэр Гиннесс, в то время британский эмиссар на Ближнем Востоке, отвечал за переправку румынских евреев-беженцев на судне «Стурма» в Палестину. От прямого удара немецкой торпеды все погибли – почти 800 человек, и сам Ицхак Шамир, будущий президент Израиля, отдал приказ о расстреле сэра Уолтера Гиннесса, который и был приведен в исполнение… Ида осталась одна.

После освобождения Парижа она вернулась в любимый город, но остаться там не смогла. Ее дом был разрушен, никого из прежних друзей не было… Ида, которая всю свою жизнь была более чем равнодушна к религии, приняла католичество. Ее вера, как вспоминают немногие видевшие ее в то время, была не истовой, но глубокой и искренней. Некоторое время Ида работала переводчиком в ООН – пригодилось ее великолепное знание языков. Вспоминают, что она по-прежнему была невероятно красива: величественная, царственная, она плыла по коридорам, заставляя всех оборачиваться ей вслед… Поселилась Ида на Французской Ривьере, в городке Ване, где купила небольшой особняк. Там она и прожила до конца своей жизни – тихо, скромно, практически ни с кем не общаясь.

Умерла Ида Рубинштейн от сердечного приступа 20 сентября

1960 года. Согласно ее завещанию никакого извещения в прессе о ее кончине не помещали, о времени похорон никому не сообщали. На могиле нет ни имени, ни дат, и только две буквы на могильной плите I. R. напоминают, что здесь покоится когда-то великая красавица Ида Рубинштейн…

Галина Уланова

ОБЫКНОВЕННАЯ БОГИНЯ

В январе 2005 года исполнилось девяносто пять лет со дня рождения Галины Улановой – живой легенды, богини современного балета. После Анны Павловой не было в мире балета имени более почитаемого, чем имя Улановой. На ее танец смотрели как на божественное откровение, тщетно пытаясь разгадать тайну ее гениальности. Казалось, ей было предназначено свыше стать балериной, но все могло сложиться иначе: в детстве Галя Уланова ненавидела балет…

Она родилась в семье с давними хореографическими традициями. И отец, Сергей Николаевич Уланов, и мать, Мария Федоровна Романова, служили в Мариинском театре: он был артистом балетной труппы, с 1919 года – режиссером, а его жена, превосходная классическая танцовщица, была солисткой балета. Позже Мария Федоровна перестала выступать и начала преподавать классический танец в хореографическом училище. В том же театре с успехом выступал и Петр Николаевич Уланов. Так что ребенку, которого ожидали Улановы, еще до рождения была уготована балетная карьера.

Ждали мальчика. Но в ночь на 26 декабря 1909 года (или по новому стилю – на 8 января 1910-го) у них родилась девочка, которую назвали Галиной. Болезненная, хрупкая, она, казалось, и

не выживет. Но – выжила, переболев всеми детскими болезнями. На ее ножки было страшно смотреть – они были такими тоненькими, что казалось, могут сломаться от любого движения.

Отец, обожавший дочь, все же больше видел в ней мальчика, чем девочку, и маленькая Галя чаще играла в мальчишеские игры: с ребятами – соседями по даче под Лугой – она, стриженная чуть ли не под ноль, носилась по полям, лазала на деревья, стреляла из лука, играла в пиратов и индейцев. Когда у нее спросили, кем она хочет стать, Галя не задумываясь ответила: «Мальчиком-моряком». Отец брал ее на рыбалку и охоту – может быть, именно с тех путешествий и началась ее любовь и понимание природы.

Во время балетного сезона Галю брали с собой в театр – дома ее оставить было не с кем. Она с детства видела, что такое на самом деле труд танцовщика: много работы, боль, усталость, постоянные запреты… Она предпочитала наблюдать за всем со стороны. После революции, когда в Петрограде начались голод и разруха, Мариинский театр все же продолжал свои спектакли, но его артистам приходилось подрабатывать на стороне, чтобы хоть как-то прокормиться. Сергей Николаевич и Мария Федоровна танцевали в кинотеатрах перед сеансами: в любой холод, метель, в нетопленых залах на другом краю города они переодевались в легкие балетные костюмы и танцевали с таким увлечением, что забывали про мороз. Как вспоминала сама Уланова, «они танцевали так, что люди, сидевшие в нетопленом зале… улыбались, счастливые тем, что видят красивый и легкий танец, полный радости, света и поэзии».

Время было невероятно тяжелое. И родители, посовещавшись, решили все-таки отдать Галю в хореографическое училище – все-таки это интернат, там за ней и присмотрят, и накормят… Кроме того, удивительная пластичность, мягкость и грациозность движений, тонкий слух и музыкальная восприимчивость Гали позволяли родителям надеяться на то, что из нее выйдет превосходная танцовщица. Однако Галя была против: она прекрасно знала, что такое труд танцовщика. Ей казалось, что все балерины, как и ее мама, никогда не спят, у них всегда разбитые и больные ноги, а девочка любила гулять до поздней ночи и больше всего на свете боялась боли. Но делать было нечего, и в сентябре 1919 года Галина Уланова поступила в Ленинградскую хореографическую школу. Разлуку с домом несколько сгладило то обстоятельство, что вместе с нею в эту школу поступила преподавателем Мария Федоровна – именно она стала первым педагогом Гали. Но все равно первые полтора месяца девочка провела в постоянных слезах, умоляла родителей забрать ее домой, даже пыталась убежать… К тому же Галя была

необыкновенно застенчива, что мешало ей подружиться с одноклассницами. Занятия танцем тоже не приносили никакой радости: и без того слабое здоровье с трудом позволяло ей справляться с нагрузками, к тому же в интернате плохо кормили – голодные обмороки среди учащихся были обычным делом, – не топили и не отпускали домой. Как написала потом Уланова, «я не хотела танцевать. Непросто полюбить то, что трудно. А трудно было всегда, это у всех в нашей профессии: то болит нога, то что-то не получается в танце, то просто хочется домой…» Мария Федоровна, стараясь держаться ровно со всеми учениками, к Гале относилась с той же строгостью, как и к остальным, только иногда говорила: «Если ты не станешь заниматься, ты будешь ничем, у тебя не будет даже профессии… Надо работать!»

Однако постепенно Галя втянулась. Несмотря на патологическую стеснительность, сильно осложнявшую ей жизнь в училище – когда ее вызывали к доске, она никак не могла заставить себя заговорить, а на репетициях у нее никак не получалось смотреть в глаза партнеру, – она вскоре стала одной из самых лучших учениц. Неуды у нее были только по одной дисциплине – «выразительное движение», то есть балетная пантомима. Условные, вычурные жесты были глубоко противны самой ее природе, как и любая фальшь вообще; Галя могла выразить лишь то, что чувствовала на самом деле, и никогда ничего больше. Федор Лопухов, тогдашний руководитель

балетной труппы Мариинского театра, писал о ней: «Это была балерина неулыбчивая, лишенная даже тени кокетства, желания нравиться». Даже Мария Федоровна, стоя за кулисами во время выступления Гали в школьном спектакле «Среди цветов» – она танцевала вариацию гортензии, – умоляюще шептала: «Ну улыбнись ради бога…» Но Галя с самого начала жила в танце по-своему.

Многообещающую ученицу заметила Агриппина Яковлевна Ваганова, выдающийся педагог, чьим именем впоследствии назовут то самое балетное училище. Она отбирала лучших, доводя их талант до совершенства. К каждой ученице она находила свой подход и, хотя сама всегда предпочитала техничных виртуозок, смогла по достоинству оценить и уникальное лирическое дарование Улановой.

Галина Уланова окончила училище по классу Вагановой 16 мая 1928 года – этот день станет для нее на всю жизнь вторым днем рождения. На выпускном экзамене она танцевала Мазурку и Седьмой вальс в «Шопениане». Сразу по окончании училища она была принята в труппу Мариинского театра, который стал к этому времени Ленинградским театром оперы и балета. Ей положили зарплату в 60 рублей – Галя была на седьмом небе от счастья, но, купив пирожных, в растерянности поняла, что не знает, на что еще может потратить свои деньги…

Дебют в качестве профессиональной танцовщицы состоялся 21 октября 1928 года – в балете «Спящая красавица» П.И. Чайковского она танцевала принцессу Флорину в сцене из парада сказок. Уланова вспоминала, что ей было так тяжело заставить себя выйти на сцену, что она не получила никакого удовольствия ни от танца, ни от аплодисментов публики.

А меньше чем через четыре месяца – первая главная партия, Одетта-Одиллия в «Лебедином озере» Чайковского, всего в восемнадцать лет! Готовясь к роли, Уланова часами наблюдала за плавающими в ленинградских парках лебедями. В тот же год Уланова станцевала и Машу в «Щелкунчике», и Аврору в «Спящей красавице». Небывалая честь для столь молодой танцовщицы!

Критика очень тепло приняла дебютантку, хотя и нельзя сказать, что это был полный успех: первые выступления Улановой, безупречные по пластике, смотрелись анемичными, холодными. Как написал один из критиков, «первые ростки были слабыми… если говорить словами ботаники, им не хватало хлорофилла». И все же это был несомненный успех, который, однако, не вскружил голову молоденькой танцовщице, но, наоборот, заставил лишь больше работать над собой.

Отдыхая после первого сезона на Кавказе, Уланова

познакомилась с драматической актрисой Елизаветой Ивановной Тиме, в доме которой быстро стала своим человеком. Елизавета Ивановна не только много дала Улановой как актриса – актрисе. Именно Тиме, поняв, как сильно пугает Уланову зрительный зал (от ужаса молодая балерина так и норовила зажмуриться во время выступления), посоветовала: «Смотри поверх публики! Но глаза должны быть открытыми». Именно так появился незабываемый мечтательно-отрешенный взгляд Улановой… В доме Тиме Уланова познакомилась со многими выдающимися людьми: там бывали Всеволод Мейерхольд, Алексей Толстой (который, по мнению некоторых исследователей, был влюблен в Уланову), известные актеры, музыканты и литераторы. Слушая их разговоры, Уланова узнавала много о той жизни, от которой была так долго оторвана, набиралась необходимого ей жизненного опыта. Однако нельзя сказать, что личного опыта у Гали Улановой не было. Еще в шестнадцать лет она ушла жить к Исааку Милийковскому, концертмейстеру и преподавателю музыки хореографического училища, маленькому, толстенькому и лысому. Говорят, что Милийковский, несмотря на свою малопривлекательную внешность, пользовался невероятным успехом у женщин. Подробности их романа остались неизвестны – уже тогда

Уланова в балете «Лебединое озеро»

Галина Уланова тщательно оберегала свою личную жизнь от посторонних. Когда и почему они расстались, тоже точно никто не знает – вполне возможно, что из-за его постоянных романов, а может быть, виновата Уланова, отдававшая все свои силы балету. Через несколько лет она сошлась с дирижером Мариинского театра Евгением Антоновичем Дубовским – старше ее на 12 лет. Брак официально не заключался, через семь или восемь лет они спокойно расстались…

Непрочное личное счастье только усиливало энергию танца Улановой, будило в ней скрытые ранее духовные силы. Звезда Улановой все ярче разгоралась на балетном небосклоне. В те годы, когда новый советский балет только создавался, когда большинство танцовщиков прежней школы оказались по разным причинам за рубежом, новое поколение, к которому принадлежала Уланова, приняло на себя огромную ответственность: сохранить классическое наследие русского балета и создать новое, достойное великого прошлого. И Галина Уланова по праву стала одной из ярчайших танцовщиц нового балета. Ее дарование, не похожее на отточенное до совершенства, техничное, полное блеска и из-за этого во многом неживое мастерство прежних прим-балерин, было уникальным. Хрупкая,

чрезвычайно изящная балерина с невероятными, будто тающими движениями, преисполненными гармонии, внутренней силы и одухотворенности, Уланова была способна на то, чего столетиями добивались все танцовщицы, но смогли за всю историю балета только трое – она, Анна Павлова и Мария Тальони: превратить условное мастерство балета в живую, понятную каждому, необыкновенно выразительную речь, язык тела. В любом балете, даже таком, где хореография была бедна, а смысл малопонятен, Уланова была способна донести до зрителя любое движение души своей героини. При отсутствии виртуозной техники у ее танца было главное, то, что не описать словами, – душа… Как через много лет написала газета «Тайме», говорить о технике Улановой «было бы просто непочтительно и неуместно».

И жизненный образ Улановой был продолжением сценического. Она всю жизнь оставалась скромной, сдержанной, замкнутой, одухотворенной, никогда не принимала участия ни в каких публичных выступлениях, держалась подальше от политики и политиков, никого не пускала в свою личную жизнь, раскрываясь только в танце… За эту черту ее называли «великой немой».

Уланова продолжала получать новые партии. В 1929 году она станцевала в новаторской постановке «Щелкунчика» – со словами, акробатическими номерами. У нее были номера в балетах «Золотой век» Дмитрия Шостаковича и «Корсар» Льва Минкуса, партии Сольвейг в балете «Ледяная дева» на музыку Эдварда Грига, Раймонды в одноименном балете Александра Глазунова и Царь-Девицы в «Коньке-Горбунке» Цезаря Пуни. А в 1932 году она станцевала главную партию в балете, который буквально прославил имя Улановой и который она танцевала всю свою сценическую жизнь, – «Жизель» Адольфа Адана. Главная партия первоначально предназначалась известной балерине Елене Люком, но она из-за болезни танцевать не смогла, и Жизелью стала Уланова, которая должна была выйти на сцену в роли Мирты, повелительницы виллис. Уланова никогда не видела, как танцуют Жизель прославленные исполнительницы этой партии Павлова и Карсавина, и была вынуждена работать над ролью самостоятельно. Однажды она, задумавшись, заехала в парк Царского Села, где, мысленно проигрывая партию, незаметно для себя начала танцевать. Очнулась она только от аплодисментов прохожих. В ее Жизели появилось то, чего не было раньше ни у одной исполнительницы, – невероятная духовная сила, величие, убедительная целостность. Постоянным партнером Улановой в этом балете, а затем и в других стал Константин Сергеев. По слухам, в конце тридцатых годов у них был роман, но точно

ничего не известно…

Следующей громкой премьерой Улановой была партия Марии в «Бахчисарайском фонтане» Бориса Асафьева осенью 1934 года. Это был балет, начавший на советской сцене эпоху «хореодрамы» (или «драмбалета»), – отныне танец должен был точно выражать содержание либретто; условность прежнего балетного искусства отрицалась. Уланова как нельзя лучше могла стать символом нового направления: ведь даже предельно условный танцевальный текст она наполняла выразительностью и смыслом. Партия Марии создавалась специально под нее: небогатый хореографический рисунок, который тем не менее позволял Улановой полностью раскрыть внутренний мир своей героини, наполнив его печалью и огромной внутренней силой. Партия Марии стала одной из лучших и известнейших в ее репертуаре.

На премьере «Бахчисарайского фонтана» присутствовал Климент Ворошилов. Спектакль так ему понравился, что он предложил привезти его на гастроли в Москву. И не только его; планировалось провести в Москве декаду искусства Ленинграда. Подобное проводилось впервые, но вскоре подобные декады искусств различных регионов стали делом обычным.

Театр привез три балета: «Бахчисарайский фонтан» и два классических балета в новаторской редакции Агриппины Вагановой – «Лебединое озеро» и «Эсмеральду». У Улановой были две главные партии и сложнейшее по технике па-де-де Дианы и Актеона в «Эсмеральде». Именно с этим номером у Улановой связаны самые большие переживания: на «Эсмеральду» пришел сам Сталин. Он сидел в боковой ложе – и как раз в ту сторону, по рисунку танца, должна была пустить воображаемую стрелу Диана – Уланова. Как ни пыталась она изменить направление стрелы, хореография не позволила. В антракте Уланова билась в истерике: сейчас меня заберут! Но все обошлось. Театру даже присвоили имя Сергея Мироновича Кирова, недавно убитого главы Ленинградского обкома партии, – это был знак благоволения со стороны правительства. В 1940-м Театр имени Кирова снова приехал в Москву – привезли премьерный спектакль «Ромео и Джульетта» на музыку С. Прокофьева, «Лауренсию» Александра Крейна и «Сердце гор» Андрея Баланчивадзе. После окончания гастролей артистов пригласили на прием в Кремль, где Уланова первый и единственный раз видела Сталина вблизи. В кинозале – после банкета было кино – ее посадили рядом с вождем. Миниатюрная Уланова все старалась сесть так, чтобы занимать поменьше места…

Говорят, что про ее танец Сталин сказал: «Уланова – это классика». За свой танец она получила четыре Сталинские

премии, не считая множества других наград.

А между тем работа над «Ромео и Джульеттой» – спектаклем, ставшим признанной вершиной творчества Улановой, – шла необычайно тяжело. Музыка Прокофьева была трудной для балета, его не понимали в труппе. Когда Уланова впервые встретилась с Прокофьевым, он чуть не упал в обморок от ужаса: его будущая Джульетта была заплаканная, с перевязанной раздутой щекой, шатающаяся, совершенно не способная танцевать. Дело в том, что накануне ей прооперировали десну. Прокофьев долго не мог смириться с такой Джульеттой, равно как и вся труппа долго не принимала ни его, ни его музыки. Но постепенно напряжение переросло в дружбу, и премьера прошла с фантастическим, невиданным, совершенно невероятным успехом. На банкете после спектакля Уланова осмелилась поднять тост: «Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете!» Прокофьев смеялся громче всех.

Галина Уланова готовится к выходу в роли Джульетты

Общепризнано, что даже на театральной сцене не было равных Джульетте в исполнении Улановой. Сила и страсть в сочетании с легкостью, хрупкостью юности и глубиной переживаний сделали этот образ одним из самых ярких в советском балете.

Тогдашние советские девушки, из которых воспитывали не женщин, а ударников труда, толпами ходили на этот балет, чтобы понять, что же такое женственность, любовь, в чем сила женской

слабости… Уланова стала кумиром, которой пытались подражать – в походке, легкой и невесомой, в скромной женственной прическе, в одежде простой, но невероятно изысканной и элегантной, где смешались современные ей тенденции и традиции гардероба великих балерин прошлого столетия… В создании гардероба ей помогали костюмеры Мариинского театра – они как никто больше умели подчеркнуть грацию и скромную красоту Улановой.

Уланова – Золушка

Уланова не была очень красивой – неброская, неяркая, будто

нарисованная пастелью на серой бумаге. Скуластая, с небольшими глазами, она в детстве напоминала калмычку, только без красок. Но ее истинная прелесть, неодолимое очарование заключались в поразительной одухотворенности ее черт, любого ее движения… Она, воплощавшая собою чистоту и невинность, была идеалом, а не секс-символом. И ее платья – неяркие, неброские, струящиеся, закрытые – только подчеркивали ее хрупкость и воздушность. С конца сороковых, когда Уланова стала выезжать на гастроли за рубеж, она одевалась там – на дома высокой моды ее гонораров не хватало, но она безошибочно могла выбрать в магазинах то, что подходило только ей, поражая окружающих элегантностью и изысканностью образа.

После успеха «Ромео и Джульетты» Прокофьев хотел написать для Улановой еще один балет. Она попросила «Снегурочку». Он возразил, что «Снегурочка» уже написана Римским-Корсаковым, и предложил «Золушку». Этот балет Уланова станцевала уже после войны, и десять лет он оставался в ее репертуаре. Уже после смерти Прокофьева Уланова станцует партию Катерины в его балете «Каменный цветок».

Когда началась война, труппу Кировского театра эвакуировали в Казахстан. С осени 1941 года по 1944-й Уланова провела на сцене Алма-Атинского театра оперы и балета имени Абая – она танцевала «Жизель», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан»… Зимой, в нетопленом театре, осветитель направлял на нее за кулисами софит, чтобы хоть как-то согреть Уланову перед выходом на сцену. В 1944 году она даже получила звание народной артистки Республики Казахстан. В Алма-Ате ее увидел Сергей Эйзенштейн, готовившийся к съемкам своего фильма

«Иван Грозный». Он, не любивший балет, для Улановой делал единственное исключение, называя ее «человеком другого измерения». Эйзенштейн мечтал, чтобы Уланова сыграла царицу Анастасию. Но не получилось… И роль досталась Людмиле Целиковской. Эйзенштейн всю жизнь сожалел о том, что не удалась его работа с Улановой.

В послевоенные годы ей усиленно рекомендовали не упоминать о своей работе в Казахстане: нехорошо, что первая балерина СССР самое тяжелое для страны время провела вдали от столицы…

Когда все стали возвращаться из эвакуации, Уланову вызвали на работу в Москву. Она не хотела – Ленинград был ее родным городом, Москву она не любила (и так и не смогла полюбить за все прожитые в ней годы). Но это решение было принято на самом высоком уровне, и обсуждать его не полагалось.

Расставшись со своим постоянным партнером Сергеевым – теперь рядом с ним была замечательная танцовщица Наталья Дудинская, ставшая после ухода Улановой примой ленинградской сцены, – Уланова поступила на работу в Большой театр.

На сцене Большого Уланова поначалу повторила в новых постановках те партии, которые уже танцевала в Ленинграде: Мария в «Бахчисарайском фонтане» (1944), Жизель (1944), Джульетта (1946), Одетта и Одиллия (1948)… Премьерой была партия Золушки, исполненная в 1945 году. В сущности, на сцене Большого премьер было всего четыре: кроме «Золушки», была еще в 1949 году Параша в «Медном всаднике» на музыку Рейнгольда Глиэра и Тао Хоа в его же балете «Красный мак» (впоследствии переименованный по решению сверху в «Красный цветок»), а в 1954 году – Катерина в «Каменном цветке» Прокофьева.

Переход в Большой был нелегким для Улановой. Здесь все было другим: школа танца, люди, манера общения… После долгих раздумий педагогом-репетитором Уланова избрала Асафа Михайловича Мессерера, посчитав, что его – мужской – класс поможет ей быстрее освоить более свободный и размашистый московский стиль танца. Постоянным партнером Улановой в Большом стал Михаил Маркович Габович (впоследствии его сменил Юрий Тимофеевич Жданов). Он боготворил Уланову и как танцовщицу, и как женщину. Асаф Мессерер писал: «Уланова обладала огромной художественной волей… Все, кто работал вместе с ней, подпадали под обаяние этой власти. Мне кажется, именно с Улановой Габович из хорошего танцовщика стал превосходным».

Работоспособность Улановой поражала видавших виды артистов Большого. Она – прима-балерина главного театра страны, признанная звезда, чьими поклонниками были все руководители страны, – никогда не позволяла себе ни малейшей поблажки на репетициях, никогда никуда не опаздывала, никогда ничего не требовала для себя. Даже на летнем отдыхе, в отпуске, она ежедневно простаивала у станка по нескольку часов. Многие балерины Большого – да и Кировского театра – имели высоких покровителей, за ними тянулся длинный шлейф разнообразных сплетен. Но про Уланову никогда ничего не говорили – она не давала ни повода, ни возможности. Хотя нельзя сказать, что она вела в Москве отшельнический образ жизни. Сразу по ее приезде у нее разгорелся роман с Юрием Александровичем Завадским, красавцем актером, главным режиссером Театра им. Моссовета, любимым учеником Вахтангова, старше ее на 16 лет – Уланову всегда привлекали мужчины старше ее. Когда-то в него была влюблена Марина Цветаева, посвятив этому роману цикл

«Комедьянт». Слава обрушилась на него в 28 лет, когда его изображениями в роли Калафа – из знаменитейшего вахтанговского спектакля «Принцесса Турандот» – были украшены все московские стены. Он был женат на замечательной актрисе Вере Петровне Марецкой – брак, правда, был недолгим, но бывшие супруги сохранили прекрасные отношения.

С Улановой он познакомился еще во время ее гастролей в Москве, а во время войны, когда они оба были в Алма-Ате, их знакомство переросло сначала в дружбу, а затем – в нечто намного большее. Завадский обожал Уланову, найдя в ней идеал женщины. Хотя вместе они не жили – оба были поглощены своей работой в театре, – зато их брак был заключен официально, хотя это и случилось тогда, когда сам роман был уже почти закончен.

Тем не менее развод так и не был оформлен, они остались в превосходных отношениях до самой смерти Завадского в 1977 году, и для него всегда была огромной радостью любая встреча с нею. Как вспоминает один из его друзей, стоило Галине Сергеевне позвонить ему и позвать к себе, он бросал все дела и, абсолютно счастливый, летел к ней… На его похоронах Уланова быть не смогла – работала за границей; только прислала венок: «Завадскому – от Улановой».

От Завадского Уланова ушла к Ивану Николаевичу Берсеневу, актеру и главному режиссеру Театра им. Ленинского комсомола. Это был очень красивый, сильный и талантливый человек. Начинал он свою актерскую карьеру в 1911 году во МХТе, затем перешел в МХТ 2-й, руководимый Михаилом Чеховым. После отъезда Чехова за границу в 1928 году Берсенев стал директором и художественным руководителем театра, а когда его закрыли, перешел вместе с великими актерами Серафимой Бирман, Ростиславом Пляттом и своей женой Софьей Гиацинтовой в труппу Театра им. Ленинского комсомола. С Гиацинтовой они были вместе с 1925 года. Берсенев тяжело переживал и необходимость разрыва с нею, и свою страстную любовь к Улановой. Разница между ними была в 21 год. Он умер в 1951 году у нее на руках… На похороны Уланова не пошла; но на его могиле на Новодевичьем кладбище стоит памятник с надписью: «От Галины Улановой»…

В 1950-е годы уже немолодая Уланова стала известной по всему миру. Первый ее выезд за рубеж состоялся в 1947 году, когда она и Михаил Габович исполнили в Вене несколько концертных номеров. Тогда Уланова познакомилась с великим Вацлавом Нижинским – он выразил свое восхищение танцем Улановой и даже дал несколько советов Габовичу. Первые крупные гастроли должны были состояться в 1954 году. Лучшие ленинградские и московские танцовщики приехали на гастроли в Париж. Журналисты, присутствовавшие на репетициях, неустанно пели дифирамбы русским танцорам. Все билеты были раскуплены. Но буквально за несколько часов до начала первого спектакля стало известно, что он не состоится.

Дело было в политике. Франция вела войну в Индокитае и накануне потерпела серьезное поражение, сдав крепость Дьен-Бьен-Фу. Был объявлен трехдневный траур, и все спектакли были официально отменены. Хотя многие кабаре и клубы продолжали работать как ни в чем не бывало. Истинная причина была в том, что СССР выступал в этом конфликте против политики Франции, и из балетных артистов сделали козлов отпущения.

Врасплох были застигнуты не только артисты, но и зрители –

они тоже ничего не знали об отмене спектаклей. Собравшись огромной толпой перед театром, они требовали начала спектакля… А артисты в это время в растерянности сидели в своем отеле. Через некоторое время туда пришла делегация несостоявшихся зрителей. Они утешали танцовщиков, дарили сувениры, возмущались действиями своего правительства… Известный писатель Морис Дрюон написал тогда Улановой: «Париж не прощает оскорблений, которые наносят ему, оскорбляя его гостей. И он не простит правителям, чьи дни власти уже сочтены, того, что они позволили себе в отношении вас и ваших коллег».

Труппа вместо Парижа поехала выступать в Берлин. Париж увидел Уланову только в 1958 году: зрители ревели от восторга…

Первыми настоящими гастролями стали выступления в Лондоне в 1956 году. В Ковент-Гарден привезли «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Жизель» и «Ромео и Джульетту». За последний спектакль волновались больше всего: как англичане примут постановку Шекспира на его родине, да еще если в роли Джульетты, которой по пьесе 13 лет, балерина на тридцать три года старше?

Первый спектакль был для именитой публики. На спектакль пришли члены королевского двора, премьер-министр с супругой, послы, ведущие артисты Ковент-Гарден во главе с великой Марго Фонтейн, Тамара Карсавина, Лоуренс Оливье и Вивьен Ли, специально приехал из Франции Серж Лифарь… Начался спектакль. В зале гробовая тишина. Артисты перепугались: все кончено, полный провал… После первого акта даже не хотели открывать занавес на поклоны. И вдруг – овация, бурная, шумная…

Как потом узнали, в Англии не принято аплодировать до самого конца спектакля. Не выдержал будто бы сам премьер-министр Энтони Иден. После спектакля публика буквально сошла с ума: свистела, шумела, рвалась к сцене… Никто не заметил даже ухода королевы. Овация длилась полчаса. После спектакля Улановой не дали завести машину – ее на холостом ходу довезли до отеля.

Марго Фонтейн после «Ромео и Джульетты» сказала: «Это магия. Теперь мы знаем, чего нам не хватает. Я не могу даже пытаться говорить о танцах Улановой, это настолько великолепно, что я не нахожу слов».

Английская пресса писала, что никто из живущих балерин не сможет сравниться с Улановой, с ее гениальным даром. Имя Улановой стало символом балета. Танцевать ей осталось всего четыре года…

За эти годы она объездила практически весь мир. Ей рукоплескали звезды зарубежной сцены и простые люди, вдохновленные ее искусством. Не забывали ее и на родине. Уланову, которая всегда старалась держаться в стороне от власти, власть сама избрала своим кумиром. На нее буквально пролился дождь наград – ордена, премии, звания… Улановой дали четырехкомнатную квартиру в престижнейшем доме-высотке на Котельнической набережной; квартира была полна подарков от ее поклонников, разобрать которые у нее не было времени: портреты, сувениры, фотографии… Ей выделили автомобиль – знаменитейшую «Чайку», которая, кроме Улановой, была лишь у единиц: Михаила Шолохова, Юрия Гагарина и Фиделя Кастро. Кстати, машину вскоре угнали. Говорят, сама Уланова осталась к этой новости совершенно равнодушной…

В конце пятидесятых в ее жизни появился Вадим Федорович Рындин, невероятно талантливый главный художник Большого театра, старше Улановой на 8 лет. Именно его оформлению, монументально-метафорическому, яркому и романтическому, во многом обязаны своей славой более полутора сотен спектаклей ведущих московских театров. Обаятельный, лишь немного выше Улановой, Рындин безумно ревновал ее. Они прожили с Улановой около десяти лет, затем Рындин вернулся к жене, а Уланова осталась одна. Кажется удивительным, как эта замкнутая,

сдержанная, внешне холодная женщина могла так влюблять в себя мужчин – и каких мужчин, – но, видимо, это была еще одна загадка великой Улановой…

Образ Улановой, ее танец вдохновляли многих. И в танце, и в жизни Уланова была настолько совершенна, настолько грациозна и красива, что никто не мог остаться равнодушным к ее чарам, к загадке ее души. Ею восхищались Анна Ахматова и Борис Пастернак, ее лепили Вера Мухина, Матвей Манизер, Сергей Коненков, рисовали Мартирос Сарьян, Борис Шаляпин, Орест Верейский… Художница Тамара Осипова создала целый живописный цикл, изображающий Уланову во время ее работы в репетиционном зале. Фарфоровые скульптуры Улановой в роли Лебедя работы Янсен-Манизер высоко ценятся среди знатоков, а статуэтки Улановой – Тао Хоа из балета «Красный мак» до сих пор можно встретить в магазинах. А в Голландии был выведен сорт тюльпанов, который был назван «Уланова»…

Уланова закончила танцевать в 1960 году, когда Большой театр вылетел на гастроли в США. Вместе с Улановой в качестве примы-балерины выехала молодая, полная сил Майя Плисецкая. Она настояла на том, чтобы первый спектакль – «Лебединое озеро» – танцевала именно она, а не Уланова, как было договорено раньше. Или она танцует первый спектакль, или она не танцует вообще! И дирекция пошла ей навстречу. Уланова, узнав об этом, ни слова не говоря, вернулась в Москву. Больше на сцену театра она не выходила. По иронии судьбы, ее последним выступлением на сцене Большого 29 декабря 1960 года была «Шопениана» – когда-то бывшая ее первым, выпускным, спектаклем…

Она танцевала еще только раз: летом 1961 года, во время гастролей в Будапеште, куда Уланова приехала в качестве педагога-репетитора, ей пришлось срочно заменить солистку, повредившую ногу. Она танцевала «Лебедя» Сен-Санса. Говорят, что полупустой в момент начала спектакля театр уже через несколько минут был забит до отказа. Люди звонили друг другу, приезжали из самых дальних районов, мчались из других городов, только чтобы иметь возможность увидеть выступление живой легенды балета. Это был достойный ее гения финальный аккорд.

После окончания выступлений Уланова перешла на преподавательскую деятельность. Среди ее учениц – Екатерина Максимова, Нина Тимофеева, Людмила Семеняка, Малика Сабирова, Надежда Грачева, Нина Семизорова – весь цвет современного балета. Она работала с солистами парижской Гранд-Опера, Гамбургского балета, Шведского Королевского

балета, Австралийского балета, артистами балетных трупп Японии. До самого конца Уланова не переставала заниматься у станка, ходила на каблуках, сохраняла свой сценический вес – 49 килограммов. Она выглядела, по крайней мере со спины, настолько молодо, что с ней даже пытались знакомиться на улице.

В 1984 году в Стокгольме был открыт памятник Улановой – случай исключительный: памятники при жизни ставят крайне редко; к тому же сама балерина присутствовала на открытии. Ее статуя в образе Лебедя работы Елены Янсен-Манизер стоит перед Музеем балета; его украшает скромная надпись: «Лучшей балерине современности». В том же году бронзовый бюст Улановой работы Михаила Аникушина был воздвигнут в Санкт-Петербурге в Парке Победы.

Хотя еще в 1936 году статуя Улановой была установлена в Ленинграде на Елагином острове. Правда, статуя называлась просто «Танцовщица», но было невозможно не увидеть в ней черты гениальной балерины. Памятник был демонтирован за ветхостью в 70-е годы, и через тридцать лет его нашли, отреставрировали и вновь установили во дворе Петербургской академии им. Вагановой.

Но обласканная любовью как власти, так и поклонников и знатоков, в жизни она была очень одинока. Привыкнув всегда жить замкнуто, в стороне от всех, теперь было трудно что-то изменить. Хотя у Улановой всегда было много знакомых, которые постоянно звонили ей, навещали, в тот день, когда у нее случился второй инсульт, рядом с нею никого не оказалось. Пришлось взламывать двери. Через 12 дней она умерла – 23 марта 1998 года.

Тайна гениальности Улановой так и осталась неразгаданной. Она ушла такой же загадочной и непонятной, какой была на сцене. Обыкновенная богиня, как называл ее Алексей Толстой…

Музы и жены

Наталия Гончарова

СВЕТ КРАСОТЫ

Пожалуй, ни одна женщина в русской истории не вызывала на себя такое количество сплетен, клеветы и откровенной ненависти – не за какие-то свои личные качества, но просто потому, что она была такой, какой была. Робкой и застенчивой девочкой, которой слишком рано пришлось повзрослеть. Редкостной красавицей, в которую были влюблены даже те, кто не был с ней знаком. Женой первого поэта России, матерью его детей. Его вдовой, которая осмелилась вторично выйти замуж. На ее могиле написано: «Наталия Николаевна Ланская». Но в истории она осталась вечно юной Натали Гончаровой…

Род Гончаровых стал известен при Петре I, который высоко ценил парусину и холсты, сделанные на гончаровских заводах. Именно за «размножение и разведение парусных и полотняных фабрик» Гончаровым было пожаловано потомственное дворянство. Несколько поколений рода заработали огромное состояние – и все было растрачено Афанасием Николаевичем Гончаровым, жившим в неслыханной роскоши. Он был женат на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной, от которой имел единственного сына Николая. К сожалению, Надежда Платоновна страдала душевным расстройством (что перешло по наследству и к ее сыну), проявившимся и усугубившимся из-за поведения ее мужа. В конце концов, устав от его капризов и измен, она от него

ушла. Афанасий Николаевич сначала пожил холостяком за границей, затем поселился в своем имении Полотняный Завод, где завел гарем и продолжил тратить остатки своего состояния – к слову сказать, от былого фантастического богатства после его смерти остались только полтора миллиона долгов – чудовищных размеров сумма по тем временам.

Николай Афанасьевич не был похож на отца. Страстный и талантливый музыкант, чувствительный и нервный, он в то же время был очень хозяйственным и распорядительным. В восемнадцать лет он женился на фрейлине Наталье Ивановне Загряжской, старше его на два года. Она была полузаконной дочерью богатого помещика старинного рода и его любовницы-француженки. Начитанная, образованная, но довольно грубая в манерах, в молодости Наталья Ивановна была так красива, что у нее случился бурный роман с Алексеем Охотниковым, фаворитом императрицы Елизаветы Алексеевны – супруги Александра I. Весь двор счел себя оскорбленным изменой Охотникова – между прочим, императрица родила от него дочь, которая, правда, вскоре умерла. К Охотникову подослали наемного убийцу, а Наталью Ивановну срочно выдали замуж.

Через год после свадьбы молодые переехали в Полотняный Завод: Афанасий Николаевич как раз уехал за границу и поручил сыну управление имениями. Здесь, кроме родившегося в Петербурге сына Дмитрия, появились на свет почти все остальные их дети: Екатерина, Иван, Александрина и Сергей. Наталия, предпоследний ребенок, родилась в тамбовском имении, куда Гончаровы переехали из-за войны 1812 года: в Полотняном Заводе некоторое время была ставка Кутузова. Роды случились на следующий день после Бородинского сражения, 27 августа 1812 года – как потом говорила Наталия Николаевна, исторический день лишает ее возможности забыть счет прожитых лет.

Дела по управлению имениями шли хорошо, и семья жила счастливо – до тех пор, пока в 1812 году не вернулся из-за границы Афанасий Николаевич. Он сам взялся за дела и, как уже говорилось ранее, продолжал последовательно разорять семью. Через два года Николай Афанасьевич упал с лошади, сильно расшибся и с тех пор стал постепенно сходить с ума – пока в 1823 году окончательно не впал в буйное помешательство. Его пришлось держать дома, взаперти. Все заботы о семье легли на Наталью Ивановну. Тяжелая обстановка в доме чрезвычайно испортила ее характер. Дочерей она держала в абсолютном повиновении, всячески их притесняла, а сама все больше опускалась: как писал Пушкин, «она целый день пьет и со всеми лакеями живет». Тем не менее ей успешно удавалось вести дела

семьи – что удивительно, особенно учитывая крайне бедственное материальное положение, в котором пребывали Гончаровы. Все дети получили прекрасное воспитание и отличались хорошим характером: были искренни, милы, доброжелательны, хорошо разбирались в искусстве – особенно Александрина и Наталия, которая даже писала стихи. Наталия, или Таша, как ее называли родные, была настоящим кумиром семьи – самая красивая из детей. Семья возлагала на нее большие надежды: ее выгодный брак мог поправить расстроившиеся дела Гончаровых. Несомненная красота – правильные черты лица, тончайшая (43 сантиметра!) талия и прекрасная фигура – освещалась тем не поддающимся описанию качеством, которое современники называли «поэтичностью», «чистейшей прелестью» и «несомненным очарованием». Отличительными чертами ее характера были предельная правдивость и искренность, чуткое сердце и огромная доброта. Болезненно скромная, мягкая, умная, сдержанная, кроткая, она с детства привыкла находиться в чужой воле, была податлива на чужое влияние и не выносила бурных проявлений эмоций. В своей юношеской тетради она записала как один из главных своих принципов: «Никогда никому не отказывать в просьбе, если только не противна она твоему понятию о Долге. Старайся до последней крайности не верить злу или что кто-нибудь желает тебе зла. Не осуждай никогда никого ни голословно, ни мысленно, а старайся найти если не оправдание, то хотя бы хорошие стороны, вызывающие жалость».

Таша обладала огромным тактом, была очень уравновешенна и выглядела даже холодной. Именно из-за кажущейся холодности у Наталии, когда она стала выезжать, не было страстных поклонников – хотя она и вызвала в свете фурор своей редкостной красотой. Ее сразу признали одной из первых красавиц Москвы – вместе с Александрой Алябьевой, в замужестве Киреевой. Алябьеву называли образцом классической красоты, в то время как Гончарова была образцом красоты романтической. Пушкин писал в послании «К вельможе»: «… Влиянье красоты ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

Сам Александр Сергеевич впервые увидел Гончарову в декабре 1828 года – в ее первый светский сезон. Он тут же ей представился и заметил, что отныне вся его жизнь будет связана с ней. Он стал бывать у Гончаровых, а в апреле 1829-го сделал предложение. Наталья Ивановна ответила уклончиво: мол, Таша еще слишком молода и надо подождать.

Такой отказ, хоть и высказанный не прямо, можно объяснить многими причинами. Во-первых, Наталья Ивановна не теряла

надежды на богатого жениха для дочери, а Пушкин, хоть и принадлежал к древнему роду, не имел ни постоянного дохода, ни достаточного капитала. Но и отказать прямо было невозможно – он был первым и пока единственным, кто попросил руки Таши.

Портрет Н. Гончаровой в детстве, 20-е гг. XIX века. Неизвестный художник

Могло сыграть свою роль и то обстоятельство, что московский свет не воспринимал Пушкина как серьезного человека, и тем более как солидного жениха: вольнодумец, безбожник, находящийся под полицейским надзором, к тому же легкомысленный любитель женщин. О его «донжуанском списке» до сих пор ходят легенды. Перешагнув тридцатилетний рубеж, Пушкин счел себя наконец созревшим для женитьбы – и

немедленно начал свататься. Сначала, в ноябре 1826 года, к Софье Федоровне Пушкиной: увидев ее два раза, он влюбился и попросил своего друга, Василия Зубкова, сосватать ее – несмотря на то, что Софья уже была просватана. В то же время Пушкин ухаживал за Екатериной Ушаковой – девушкой красивой, очень умной и образованной, обладавшей живым характером. Однако предложения Ушаковой Пушкин так и не сделал – то ли откладывая «на потом», будучи уверенным в положительном ответе, то ли пребывая в поисках более достойной, на его взгляд, кандидатуры. В мае 1827 года Пушкин, будучи в Петербурге, увидел Анну Оленину, тут же влюбился, сделал предложение… Его приняли. Однако Пушкин к Олениной столь же быстро охладел и на вечер по случаю помолвки не явился. В это время Екатерина Ушакова уже была помолвлена за князя Долгорукова – Пушкин эту свадьбу расстроил, но сам предложения так и не сделал.

С Ташей Гончаровой поначалу шло по тому же сценарию: молниеносная влюбленность, сватовство и быстрое охлаждение. Сразу посвататься к Наталии помешал отъезд Пушкина в Петербург, а затем через Москву в Тифлис. Получив во время этой остановки уклончивый, хотя и ясный, отказ Натальи Ивановны, Пушкин не возвращался в Москву до сентября, а вернувшись – наткнулся у Гончаровых на ледяной прием. Обескураженный

Пушкин продолжил ездить к Ушаковым, где насмехался над собой и своей страстью к холодной «косоглазой мадонне». Через месяц Пушкин уехал в Петербург – и тут получил известие, что Наталия Гончарова сосватана за князя Мещерского. Ее образ все еще волнует поэта, но известие о ее скорой свадьбе вроде бы примиряет его с невозможностью жениться на ней. Но в феврале 1830 года из Москвы приехал один из приятелей Пушкина и привез привет от матери и дочери Гончаровых… Пушкин тут же бросился в Москву – и уже 6 апреля, в день Светлого Воскресения, сделал повторное предложение, которое на этот раз было принято.

Помолвка Таши с Мещерским расстроилась, так и не состоявшись, денег на дальнейшие выезды в свет почти не было – и Наталья Ивановна вспомнила о существовании Александра Пушкина.

Период жениховства был очень тяжелым. Наталья Ивановна, не скрывавшая своей нелюбви к Пушкину, как могла настраивала дочь против жениха – но Наталия Николаевна, без сомнения влюбленная в будущего мужа, сделала все, чтобы свадьба все-таки состоялась. Она, спокойная, застенчивая и скромная от природы,

не позволяла жениху целовать себя – но осмеливалась противоречить матери, с которой ранее не могла и подумать спорить. Главным предлогом для откладывания свадьбы было приданое Таши: средств на него в семье не было, Наталья Ивановна наотрез отказывалась выдавать дочь «бесприданницей», а дедушка невесты, Афанасий Николаевич, денег не давал, зато надавал Пушкину множество хлопотливых и ненужных поручений. Как писал Пушкин своему другу Павлу Нащокину: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 – и ничего своей внучке не дает». Помолвка несколько раз была на грани разрыва – в основном из-за того, что Наталья Ивановна устраивала Пушкину безобразные сцены, один раз дело почти дошло до составления так называемого «отступного трактата» – и каждый раз именно Таша добивалась их примирения. В конце концов деньги на приданое дал сам Пушкин – заложив свое имение. И свадьба с Натали, которую сам Пушкин называл «своей сто тринадцатой любовью», все-таки состоялась.

На мальчишнике Пушкин был необычно печален и мрачен. Перспектива семейной жизни пугала его… За неделю до свадьбы он написал Николаю Кривцову: «Ты без ноги, а я женат. Женат – или почти. <…> Мне 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Венчание состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Во время обряда с аналоя упали крест и Евангелие, потом кольцо Пушкина упало на ковер, а в руках у него потухла свеча. Чрезвычайно суеверный Пушкин побледнел и сказал: «Все дурные предзнаменования…» Когда молодые вернулись из церкви, Наталья Ивановна вошла в спальню – и тут со стены упало ее зеркало и разбилось вдребезги. «Не пройдет это даром», – заметила Наталья Ивановна и всю жизнь напоминала об этом Пушкину.

Свадебный ужин был устроен в новонанятой квартире на Арбате. На следующее утро Пушкин весь день болтал с друзьями – и не вспоминал про жену до обеда. Она, одна в чужом доме, проплакала все утро…

Неделю спустя Пушкин написал Петру Плетневу: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь».

Однако перемены все же случились. Поначалу

предполагалось, что молодожены будут полгода жить в Москве, но уже через два месяца Пушкины уезжают в Царское Село: Наталья Ивановна продолжала донимать Пушкина, и Наталия Николаевна, разрывавшаяся между любимым мужем и матерью, которой привыкла подчиняться, очень от всего этого страдала. Когда Пушкины проезжали через Петербург, их видела графиня Долли Фикельмон, давняя поклонница и близкий друг Пушкина (говорят, что даже больше, чем друг). Она так описала эту встречу: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. <… > Жена его – прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем; у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя». Позже она же написала: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение лба заставляет меня трепетать за ее будущее… Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике, эта женщина не будет счастлива, в этом я уверена! Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется и весь ее облик как будто говорит: «Я страдаю». Да, какую же трудную предстоит ей нести судьбу – быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин».

Быть женой Пушкина действительно было трудно. Он, настоящий донжуан до свадьбы, не перестал быть им и после – среди его возлюбленных называют даже сестру Наталии Александрину Николаевну. Ревность Наталии Николаевны его только смешила. Был у нее и такой – серьезный для любой женщины – повод обижаться: Пушкин не присутствовал при рождении ни одного из своих детей, которых было четверо: в мае 1832 года родилась дочь Мария, затем в июле 1833-го – сын Александр, в мае 1835-го – Григорий и в мае 1836-го – Наталия. Перерыв в рождении детей был связан с тем, что в марте 1834 года у Наталии Николаевны, утомившейся на масленичных балах, случился выкидыш. В свете не преминули посплетничать о том, что случившееся – следствие побоев мужа.

Ее тоже обвиняли: друзья Пушкина – в глупости и нежелании разделять его интересы, в непонимании его поэзии: и это при том, что сам Пушкин много говорил об уме Натали и о том, как она помогает ему советами; известно, что она, например, выполняла редакционные поручения для «Современника» в отсутствие Пушкина в Петербурге и сильно помогла журналу, достав для его издания бумагу. Враги же обвиняли Наталию Николаевну во многих грехах, главными из которых были

кокетство и холодность.

Возможность кокетничать появилась у Наталии Николаевны уже в первое лето в Царском Селе: ее красоту заметили при дворе, и императрица пожелала видеть ее на придворных балах. Переехав осенью в Петербург, Наталия Николаевна уже была признанной первой придворной красавицей. В немалой степени это было заслугой ее тетки по матери, фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской, охотно дававшей любимой племяннице деньги на туалеты и обладавшей огромными связями в придворных кругах. В ноябре 1831 года сестра Пушкина, Ольга Сергеевна, писала своему мужу Николаю Павлищеву: «Моя невестка – женщина наиболее здесь модная; она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она – первая красавица; ее прозвали Психеей». Пушкину нравилось то восхищение, которое вызывала в свете его Натали, он вывозил ее постоянно, гордясь красотой жены – и в то же время тяготясь ею, обилием ее поклонников. Дань ее красоте отдал сам император Николай – он открыто ухаживал за Натали, чем вызывал бешенство Пушкина. Из-за того, что императору хотелось видеть Натали на балах в Аничковом дворце (туда по традиции приглашались только избранные, лица с придворными званиями), Пушкину был пожалован чин камер-юнкера: младший придворный чин, который обычно получали выпускники придворных учебных заведений.

Но самой Натали никакие сплетни не касались: ее спокойствие и чистота, абсолютная правдивость и искренность ставили ее вне любых подозрений. До тех пор пока в Петербурге не появился молодой красавец-француз, барон Жорж-Шарль Дантес.

Дантес бежал из Франции после падения Бурбонов. По дороге в Россию он познакомился с голландским посланником в России Якобом-Теодором ван Геккереном и так ему понравился, что Геккерен предложил ему ехать в Россию вместе. В Петербурге Геккерен продолжал покровительствовать Дантесу: содержал, устроил в лучший в России полк – кавалергардский гвардейский, ввел в великосветские круги. Через два года Геккерен даже усыновил Дантеса и сделал наследником своего немалого состояния. Какие бы на самом деле ни были между ними отношения, молва утверждала: Геккерен был влюблен в своего приемного сына. Тем не менее он трогательно заботился о будущем Дантеса и подыскивал ему жену с хорошим приданым.

С Пушкиным Дантес познакомился летом 1834 года и вскоре стал часто бывать у Пушкиных. Дантес сразу же страстно влюбился в Натали, а в него – не менее страстно – влюбилась

Екатерина Гончарова, самая глупая и некрасивая из сестер, на четыре года старше Дантеса. Обе сестры Натали по ее желанию уже несколько лет жили в доме Пушкиных: сам Пушкин сначала возражал, но потом понял, насколько тяжело им приходится рядом с матерью, и взял их к себе. Екатерина, желая чаще видеть Дантеса, сама устраивала его встречи со своей сестрой. Дантес ухаживал открыто, вызывающе, нагло: некоторые из друзей Пушкиных отказали ему от дома, когда он у них в гостях приставал к Натали. Но именно открытость и навязчивость его ухаживаний снимали с Натали все подозрения.

Летом 1836 года Екатерина Гончарова оказалась беременной. Геккерен изо всех сил возражал против женитьбы на ней своего приемного сына; он был против и увлечения Дантеса Наталией Николаевной. Открытое увлечение его приемного сына этой замужней красавицей, по слухам, любимицей самого императора, могло негативно сказаться и на матримониальных перспективах Дантеса, и на карьере самого Геккерена. Возможно, именно он приложил руку к анонимному пасквилю – диплому ордена Рогоносцев, который Пушкин и несколько его друзей получили в ноябре. Пушкин заподозрил в авторстве Геккеренов и послал им вызов. Геккерен, напуганный возможностью скандала, сделал все, чтобы замять дело: они с Дантесом приехали к Пушкиным и сделали предложение Екатерине: будто бы Дантес с самого начала ухаживал именно за нею. Пушкин дал согласие, и 10 января 1837 года состоялась свадьба. Екатерина была счастлива. Но Дантес не прекратил волочиться за Натали. Было даже тайное свидание: троюродная сестра Натали Идалия Полетика, по неизвестной до сих пор причине ненавидевшая Пушкина, по просьбе Дантеса пригласила Натали к себе – и сама скрылась, оставив их наедине. Дантес объяснялся Натали в любви, угрожал застрелиться – та не знала, что делать, и только неожиданно вошедшая дочь Идалии прервала эту тяжелую для нее сцену.

Пушкин тяжело переживал сложившуюся ситуацию. Все говорили, что он стал очень нервным, возбужденным, на него было тяжело смотреть. Тем не менее он настаивал на том, чтобы Наталия Николаевна продолжала выезжать – желая таким образом подчеркнуть, что им нечего бояться сплетен. Он был абсолютно уверен в невиновности Натали, но наглое поведение Дантеса выводило его из себя. На одном из балов тот во всеуслышание говорил скабрезности в адрес Натали – Пушкины тут же уехали, и на следующий день Дантес получил повторный вызов, который на этот раз был принят.

Дуэль состоялась 27 января 1837 года. О ней знали несколько человек, но никто из них ничего не сказал Натали. Пушкин уехал,

когда жена с детьми была в гостях. На Дворцовой набережной Пушкин и его секундант Данзас встретили коляску с Наталией Николаевной – но она, близорукая, их не заметила, Пушкин смотрел в другую сторону, а Данзас не осмелился ее окликнуть…

Стрелялись на Черной речке. Пушкин был ранен в низ живота, упал, но нашел в себе силы выстрелить в Дантеса, ранив того в руку. Когда Александра Сергеевича принесли домой, Натали упала в обморок.

Умер Пушкин через два дня. Все это время он, несмотря на страдания, утешал жену, убеждая всех собравшихся в ее полной невиновности. Натали старалась ухаживать за мужем, хотя он, не желая, чтобы она видела его мучения, не пускал ее в комнату. 29 января его не стало… Она осталась вдовой в 24 года, с четырьмя маленькими детьми на руках.

По свидетельству друга Пушкиных, княжны Долгоруковой, Екатерина Дантес знала о предстоящей дуэли. Когда Долгорукова после дуэли приехала к Екатерине, та выбежала, нарядная, с радостным криком: «Какое счастье, Жорж вне опасности!» Правда, узнав о тяжелом состоянии Пушкина, заплакала… Когда Дантеса за участие в дуэли выслали из России, Екатерина пришла попрощаться с сестрами – и заявила Наталии, что «все ей прощает». Больше сестры не виделись – при родах четвертого ребенка Екатерина Дантес де Геккерен скончалась.

Императорским указом казна оплатила все долги Пушкина, вдове и детям была назначена пенсия. Если бы не это, семье пришлось бы очень тяжело…

Умирая, Пушкин велел жене: «Ступай в деревню, носи траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Наталия Николаевна была в трауре более четырех лет, да и потом каждую пятницу – день смерти Пушкина – облачалась в траур, молилась и соблюдала строгий пост. Поначалу Наталия с детьми и Александрина жили в Полотняном Заводе, но через два года, устав от постоянных сцен матери и невестки, жены старшего брата Дмитрия Николаевича, – вернулись в Петербург. Там они поселились на Аптекарском острове: скромно, уединенно, никуда не выезжая. Старинный друг Пушкина Петр Плетнев писал: «Живут совершенно по-монашески. Никуда не выезжают. Пушкина очень интересна. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно-возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе».

Наталия Николаевна преданно хранила память мужа: берегла его рукописи и письма, которые были у нее сложены в особые папки по датам; заботилась об издании его произведений, своими силами поставила мраморный памятник на могиле мужа в

Святогорском монастыре недалеко от родового имения Пушкиных Михайловского.

В конце декабря 1841 года Натали, покупая детям подарки на Рождество, столкнулась с Николаем – и через несколько дней император пригласил ее снова бывать при дворе. Желание императора было равносильно приказу. И опять начались балы, приемы, победы… Но она отказывалась от всех брачных предложений. Кто-то, как она понимала, сватался не к ней, а лишь к вдове великого поэта, кто-то не смог бы стать достойным отцом ее детям, а дети были для нее важнее всего.

Но в 1844 году к Наталии Николаевне посватался кавалергардский офицер, генерал-майор Петр Петрович Ланской. Именно Ланской семь лет назад по просьбе Полетики, в которую тогда был влюблен, сторожил ее квартиру, пока Дантес объяснялся там с Натали. Кстати, все знавшие Ланского однозначно утверждали, что он никогда бы не связал с нею свою судьбу, если бы не был абсолютно уверен в ее чистоте и невинности, – его понятия о чести были очень строгими. Ланскому было сорок пять лет, он

был очень красив и добродушен. Неизвестно, почему Наталия Николаевна приняла именно его предложение, но в браке с ним она – по своему собственному признанию – наконец нашла свое женское счастье. Император Николай хотел быть на свадьбе посаженым отцом, но Наталия Николаевна настояла, чтобы все было как можно скромнее.

Во втором браке Наталия Николаевна родила еще трех дочерей – Александрину, Софью и Елизавету.

Портрет Пушкиной-Ланской, 1849 г. В.И. Гау

Дети составляли теперь главный смысл жизни Наталии Николаевны. Больше всего хлопот доставляли уже подросшие старшие, особенно Наталия. Внешне очень похожая на отца, она тем не менее была настоящей – в мать – красавицей. Когда ей было всего 15 лет, в нее влюбился Михаил Дубельт, ровно в два раза старше ее. Он был сыном Леонтия Дубельта, начальника корпуса жандармов, в свое время испортившего немало крови Пушкину. У Михаила была масса недостатков: легкомысленный,

игрок, с взрывным характером, но очень красивый, умный и обаятельный. Несмотря на все возражения семьи, Наталия Александровна в 1853 году обвенчалась с ним. Брак продлился недолго: Дубельт промотал все приданое жены, бурно ее ревновал и даже бил – на теле Наталии на всю жизнь остались следы его шпор. В 1862 году она, забрав своих троих детей, уехала от мужа – сначала к тетке в Венгрию, затем в Ниццу. Детей она оставила матери. Перед отъездом дочери за границу Наталия Николаевна вручила ей единственное, что у нее было ценного, – письма к ней Александра Пушкина и свои письма к нему. В случае нужды за них можно будет получить хорошие деньги. Письма эти Наталия Александровна через много лет продала за 5000 золотых Ивану Тургеневу, который успел опубликовать только пушкинские письма.

В Ницце Наталия Александровна сошлась с принцем Николаем Вильгельмом Нассау, с которым была знакома еще с 1856 года.

Н.Н. Пушкина, 4 июля 1844 г. Н.П. Ланской

В 1867 году они обвенчались, и ей был пожалован титул графини Меренберг. Венчание проходило в присутствии английской королевы Виктории в Лондоне. Официальный развод с Дубельтом состоялся только через год.

В этом браке у нее было еще трое детей. Старшая из них Софья в 1891 году вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича, внука императора Николая I. Таким образом,

сложные отношения Пушкина и императора нашли своеобразное завершение… Александр III, категорически не одобрявший морганатические браки в своей семье, в гневе навсегда запретил своему двоюродному брату и его жене возвращаться в Россию. Софье и ее потомкам королева Виктория пожаловала титул графов де Торби.

Мария Александровна Пушкина вышла замуж только в 1860-м, когда ей было без малого 27 лет, за Леонида Гартунга, однополчанина ее брата Александра. На фоне все еще ослепительной матери и прекрасной сестры Мария не выглядела красавицей – но Лев Толстой, очарованный ее портретом работы Ивана Макарова, придал своей Анне Карениной внешность Марии Гартунг.

Наталия Николаевна в это время уже тяжело болела – легкие. Зимой 1861 года она уехала с мужем и младшими детьми на лечение за границу. Именно там красота Наталии Николаевны блеснула в последний раз. Она, после смерти Пушкина всегда одевавшаяся очень скромно, обычно в темные платья, пошла на маскарад (кстати, это был первый бал ее дочери Александры) – и произвела настоящий фурор. Ей было пятьдесят. А на следующий год Наталия Николаевна, возвращаясь из Москвы с крестин своего внука, Александра Александровича Пушкина, сильно простудилась – и через два месяца, 26 ноября 1863 года, умерла. Ее похоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На ее могиле лежит простая плита с надписью: «Наталья Николаевна Ланская».

Наталия Николаевна Ланская. Фотография конца 1850-х гг.

Петр Ланской пережил жену на четырнадцать лет. Последние годы он, тяжелобольной, каждый вечер говорил: «Одним днем еще ближе к моей драгоценной Наташе!»

Старший сын Пушкина Александр сделал военную карьеру, дослужившись до чина генерал-майора. В 1858 году он по большой любви женился на Софье Александровне Ланской, племяннице и воспитаннице отчима, Петра Ланского. Влюбленных даже не хотели венчать, посчитав их кровными родственниками, – потребовались ходатайства Наталии Николаевны и личное распоряжение императора. Софья Александровна умерла через семнадцать лет, оставив после себя

одиннадцать детей. Через восемь лет Александр женился вторично на Марии Александровне Павловой, надеясь обрести в ней достойную мать своим младшим детям, но увы – брак этот счастливым не был… После отставки Александр Александрович занимался женским образованием – был членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов (где обучались дочери и члены семей русских офицеров; многие из воспитанниц были сиротами), председателем Московского опекунского совета, попечителем приютов и пансионов. Он скончался в весьма преклонном возрасте в 1914 году.

Его брат Григорий в основном занимался попечением об отцовском наследстве – именно его трудами была сохранена и превращена в музей усадьба Пушкиных Михаиловское. Он тоже служил, но рано вышел в отставку и поселился в Михайловском вместе со своей «гражданской женой» – француженкой, от которой у него было три дочери. Официально он женился лишь не скоро после ее смерти, в 1883 году, на Варваре Алексеевне Мельниковой. В ее имении Маркучай под Вильно он прожил последние годы и скончался в 1905 году.

Наталию Николаевну и при жизни окружали сплетни и слухи, несправедливые обвинения и откровенная клевета. Все это продолжилось и после ее смерти, продолжается до сих пор. Стало принято ругать Наталию Николаевну за все: за то, что вышла за Пушкина замуж, и за то, что, как принято говорить, она не любила его, хотя на самом деле все было иначе; за то, что вдохновляла, и за то, что была равнодушна; за то, что он любил ее, и за то, что ее любили другие. За то, что ей Богом была дана божественная красота, и за то, что величайший поэт России оценил эту красоту. Ибо красота – была. Истинная, настоящая, «чистейшей прелести чистейший образец», как и вся жизнь этой удивительной женщины, озарившей своим светом мир…

Любовь Менделеева-Блок

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Трудно через толщу прошедшего столетия разглядеть образ девушки, вызвавшей небывалый в русской поэзии поток песнопений. Если судить по фотографиям, красивой ее не назовешь – грубоватое, немного скуластое лицо, не очень выразительное, небольшие сонные глаза. Но когда-то она была полна юного обаяния и свежести – румяная, золотоволосая, чернобровая. В молодости любила одеваться в розовое, потом

предпочитала белый мех. Земная, простая девушка. Дочь гениального ученого, жена одного из величайших русских поэтов, единственная настоящая любовь другого…

Родилась она 17 апреля 1882 года. Ее отец – Дмитрий Иванович Менделеев, талантливейший ученый. Судьба его, к сожалению, типична для многих талантливых людей. Он не был допущен в Академию наук, его выжили из Санкт-Петербургского университета и словно в ссылку отправили возглавлять организованную им Главную палату мер и весов. Он поражал всех, кто с ним сталкивался, блеском научного гения, государственным складом ума, необъятностью интересов, неукротимой энергией и причудами сложного и довольно тяжелого характера. После отставки из университета он большую

часть времени проводил в своем имении Боблово. Там, в доме, выстроенном по его собственному проекту, он жил со своей второй семьей – женой Анной Ивановной и детьми Любой, Ваней и близнецами Марусей и Васей. По воспоминаниям Любови Дмитриевны, детство у нее было счастливое, шумное, радостное. Детей очень любили, хотя особо не баловали.

По соседству, в имении Шахматово, поселился со своей семьей старинный друг Дмитрия Ивановича – ректор Петербургского университета, профессор-ботаник Андрей Николаевич Бекетов. И он сам, и его жена Елизавета Григорьевна, и четыре их дочери были людьми очень одаренными, любили литературу, были знакомы со многими великими людьми того времени – Гоголем, Достоевским, Львом Толстым, Щедриным – и сами активно занимались переводами и литературным творчеством.

В январе 1879 года Александра Андреевна, третья дочь Бекетова, после бурного романа вышла замуж за молодого юриста Александра Львовича Блока. Сразу после свадьбы молодые уехали в Варшаву, куда Блок только что получил назначение. Брак оказался неудачным: у молодого супруга оказался ужасный характер, он бил и унижал жену. Когда осенью 1880 года Блоки приехали в Петербург – Александр Львович собирался защищать диссертацию, Бекетовы едва узнали в замученной, запуганной женщине свою дочь. Ко всему прочему, она была на восьмом месяце беременности… Муж вернулся в Варшаву один – родители Александру Андреевну не отпустили. Когда Блок, узнав о рождении сына Александра, приехал за женой, его со скандалом выставили из дома Бекетовых. С огромным трудом, с бурными объяснениями и даже драками, Александру с сыном оставили в доме отца. Развод она не могла получить несколько лет – пока Александр Львович сам не надумал снова жениться. Но через четыре года и вторая жена сбежала от него вместе с маленькой дочерью.

В 1889 году Александра Андреевна вторично вышла замуж – за поручика лейб-гвардии Гренадерского полка Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух. Брак тоже не был удачным. Детей у Александры Андреевны больше не было.

Саша Блок жил в атмосфере полного обожания – особенно со стороны матери. Она всячески поощряла его увлечение поэзией. Именно она познакомила сына с сочинениями Владимира Соловьева, чьи идеи о земной и небесной любви, о Вечной Женственности сильно повлияли на мировоззрение Александра Блока. Свою роль сыграли в увлечении Соловьевым и родственные связи с известным философом: двоюродная сестра

матери Блока была замужем за братом Владимира Соловьева Михаилом.

То, насколько соловьевские идеи повлияли на юного Блока, проявилось уже в первом его увлечении: летом 1897 года на немецком курорте Бад Наугейм, куда он сопровождал свою мать, он познакомился с Ксенией Михайловной Садовской, женой статского советника и матерью троих детей – ему было 16, ей – 37. Он назначает ей свидания, увозит в закрытой карете, пишет ей восторженные письма, посвящает стихи, называет ее «Мое Божество», обращается к ней – «Ты», с прописной буквы. Так он и потом будет обращаться к своим возлюбленным. В Петербурге между ними возникает связь… и постепенно Блок охладевает к ней. Поэзия и проза жизни оказались для поэта-романтика несовместимы.

Любовь Менделеева с подругой в гимназии

С осознанием этого Блок начинает новый роман, переросший в главную любовь его жизни, – он знакомится с Любовью Дмитриевной Менделеевой.

Собственно говоря, знакомы они были давно: когда Менделеев и Бекетов вместе служили в университете, четырехлетнего Сашу и трехлетнюю Любу вывозили гулять вдвоем в университетский сад. Но с тех пор они не встречались – пока весной 1898 года Блок случайно не столкнулся на выставке с Анной Ивановной Менделеевой, которая пригласила его бывать в

Боблове.

В начале июня семнадцатилетний Александр Блок приехал в Боблово – на белом коне, в элегантном костюме, мягкой шляпе и щегольских сапогах. Позвали Любу – она пришла в розовой блузке с туго накрахмаленным стоячим воротничком и маленьким черным галстуком, неприступно строгая. Ей было шестнадцать лет. Она сразу произвела впечатление на Блока, а ей он, наоборот, не понравился: она назвала его «позером с повадками фата». В разговоре, однако, выяснилось, что у них есть масса общего: например, оба они мечтали о сцене. В Боблове началась оживленная театральная жизнь: по предложению Блока поставили отрывки из шекспировского «Гамлета». Он играл Гамлета и Клавдия, она – Офелию. Во время репетиций Люба буквально заворожила Блока своей неприступностью, величием и строгостью. После спектакля они пошли прогуляться – впервые оставшись наедине. Именно эту прогулку оба вспоминали потом как начало их романа.

По возвращении в Петербург встречались уже реже. Любовь Дмитриевна стала постепенно отдаляться от Блока, становясь все суровее и неприступнее. Она считала унизительной для себя влюбленность в этого «низкого фата» – и постепенно эта влюбленность прошла.

Следующей осенью Блок уже считает знакомство прекратившимся и перестает бывать у Менделеевых. Любовь Дмитриевна отнеслась к этому безразлично.

В 1900 году она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, завела новых подруг, пропадала на студенческих концертах и балах, увлеклась психологией и философией. О Блоке она вспоминала с досадой.

Блок к тому времени был увлечен различными мистическими учениями. Однажды, будучи в состоянии, близком к мистическому трансу, он увидел на улице Любовь Дмитриевну, которая шла от Андреевской площади к зданию курсов. Он шел сзади, стараясь остаться незамеченным. Потом он опишет эту прогулку в зашифрованном стихотворении «Пять изгибов сокровенных» – о пяти улицах Васильевского острова, по которым шла Любовь Дмитриевна. Потом еще одна случайная встреча – на балконе Малого театра во время представления «Короля Лира». Он окончательно уверился в том, что она – его судьба.

Для любого мистика совпадения не являются просто случайностью, они – проявление высшего разума, божественной воли. В ту зиму Блок бродил по Петербургу в поисках Ее – своей великой любви, которую он назовет потом Таинственной Девой, Вечной Женой, Прекрасной Дамой… И случайно встреченная

Любовь Дмитриевна естественно и таинственно слилась в его представлении с тем возвышенным образом, который он искал, переполненный идеями Владимира Соловьева.

Юный Блок в своей любви стал верным последователем соловьевского учения. Реальный образ любимой девушки был им идеализирован и слился с соловьевским представлением о Вечной Женственности. Это проявилось в его стихах, собранных потом в сборник «Стихи о Прекрасной Даме». Такое слияние земного и божественного в любви к женщине не было изобретением Блока – до него были трубадуры, Данте, Петрарка, немецкие романтики Новалис и Клеменс Брентано, да и сам Соловьев обращал свои стихи не только к мифологической Софии Премудрости, но и к реальной Софье Петровне Хитрово. Но только Блоку удалось действительно соединиться со своей возлюбленной – и на своем опыте понять, к какой трагедии это может привести.

Любовь Блок (в гамаке) в усадьбе Менделеевых Боблово

Любовь Дмитриевна была человеком душевно здоровым, трезвым и уравновешенным. Она навсегда осталась чужда всякой мистике и отвлеченным рассуждениям. По своему складу характера она была абсолютной противоположностью мятущемуся, в высшей степени тонко чувствующему Блоку. Она как могла сопротивлялась, когда Блок пытался привить ей свои понятия о «несказанном», повторяя: «Пожалуйста, без мистики!»

Блок оказался в досадном положении: та, кого он сделал героиней и главным божеством своей религии и мифологии, отказывалась от предназначенной ей роли. Любовь Дмитриевна, уставшая от неустанного, утомлявшего ее экзальтированного поклонения, даже хотела порвать с ним всяческие отношения. Не порвала. Он хотел покончить с собой. Не покончил. Она постепенно вновь становится суровой, надменной и недоступной. Блок сходил с ума. Были долгие прогулки по ночному Петербургу, сменявшиеся периодами равнодушия и ссор. Так продолжалось до ноября 1902 года.

В ночь с 7 на 8 ноября курсистки устраивали в зале Дворянского собрания благотворительный бал. Любовь Дмитриевна пришла с двумя подругами, в парижском голубом платье. Как только Блок появился в зале, он не раздумывая направился к тому месту, где она сидела, – хотя она была на втором этаже и ее не было видно из зала. Они оба поняли, что это – судьба. После бала он сделал ей предложение. И она приняла его.

Свою помолвку они долго скрывали. Лишь в самом конце декабря Блок рассказал обо всем матери. 2 января он сделал официальное предложение семье Менделеевых. Дмитрий Иванович был очень доволен тем, что его дочь решила связать свою судьбу с внуком Бекетова. Со свадьбой, однако, решили повременить.

К этому времени Блок уже стал приобретать известность как талантливый поэт. Руку к этому приложил его троюродный брат, сын Михаила Соловьева Сергей. Александра Андреевна присылала в письмах к Соловьевым стихи сына – и Сергей распространял их среди своих друзей, членов кружка «аргонавтов». Особенное впечатление стихи Блока произвели на старинного друга Сергея Бориса Бугаева, сына известного профессора-математика, который прославился под псевдонимом Андрей Белый. 3 января Блок, узнав от Соловьевых, что Белый собирается написать ему, отправляет свое письмо – в тот же день, что и сам Белый. Разумеется, оба восприняли это как «знак». Переписка бурно развивается, и скоро все трое – Белый, Блок и Сергей Соловьев – называют друг друга братьями и клянутся в вечной верности друг другу и идеям Владимира Соловьева.

16 января произошла трагедия: скончался от воспаления легких Михаил Соловьев. Едва он в последний раз закрыл глаза, его жена вышла в соседнюю комнату и застрелилась.

Для Блока, который был очень близок с Соловьевыми, это стало важнейшей вехой: «Я потерял Соловьевых и приобрел Бугаева».

11 марта выходит подборка стихов Блока в журнале «Новый путь» – всего три стихотворения, но их заметили. Потом появилась публикация в «Литературно-художественном сборнике», а в апреле в альманахе «Северные цветы» – цикл под заглавием «Стихи о Прекрасной Даме».

Многие из окружения Менделеева негодовали, что дочь такого великого ученого собирается выходить замуж за «декадента». Сам Дмитрий Иванович стихи своего будущего зятя не понимал, но уважал его: «Сразу виден талант, но непонятно, что хочет сказать». Возникли разногласия и между Любой и Александрой Андреевной – виной этому были нервозность матери Блока и ее ревность к невесте сына. Но тем не менее 25 мая Блок и Любовь Дмитриевна обручились в университетской церкви, а 17 августа в Боблове состоялась свадьба. Шафером невесты был Сергей Соловьев. Любовь Дмитриевна была в белоснежном батистовом платье с длинным шлейфом. Вечером молодые уехали в Петербург. 10 января 1904 года они по приглашению Белого приезжают в Москву.

Они пробыли там две недели, но оставили о себе прочную память. В первый же день Блоки навещают Белого. Тот, впервые воочию увидевший своего названого брата, разочарован: по прочтении стихов Блока он ожидал увидеть болезненного, невысокого инока с горящими глазами. А перед ним появился высокий, немного застенчивый, модно одетый светский красавец, с тонкой талией, здоровым цветом лица и золотыми кудрями, сопровождаемый нарядной, немного чопорной пышноволосой молодой дамой в меховой шапочке и с огромной муфтой. Тем не менее уже к концу визита Белый был очарован и Блоком, и его женой – она покорила его своей земной красотой, золотыми косами, женственностью, непосредственностью и звонким смехом. За две недели Блоки обворожили все поэтическое общество Москвы. Блока все признали за великого поэта, а Любовь Дмитриевна своей красотой, скромностью, простотой и изяществом всех очаровала. Белый дарил ей розы, Соловьев – лилии. Символистское сознание «аргонавтов» безоговорочно увидело в Блоке своего пророка, а в его жене – воплощение той самой Вечной Женственности. Их свадьба была воспринята как священная мистерия, предвещавшая обещанное Владимиром Соловьевым мировое очищение.

Порой эта суета переходила все границы меры и такта. Блоки очень быстро устали от постоянных назойливых вторжений в их личную жизнь и почти бежали в Петербург.

Идеальный на первый взгляд союз поэта и музы был тем не менее далеко не таким счастливым. С ранней юности в сознании

Блока образовался разрыв между любовью плотской, телесной, и духовной, неземной. Победить его он не смог до конца жизни. После женитьбы Блок сразу же стал объяснять своей молодой жене, что им не надо физической близости, которая лишь помешает их духовному родству. Он считал, что плотские отношения не могут быть длительными и что, если это произойдет, они в конце концов неизбежно расстанутся. Осенью 1904 года они тем не менее стали по-настоящему мужем и женой – но их физические отношения носили эпизодический характер и к весне 1906 года прекратились вовсе.

А весной 1904 года в Шахматове к гостившим там Блокам приехали Сергей Соловьев и Андрей Белый. Они постоянно ведут с Блоком философские беседы, а Любовь Дмитриевну просто преследуют своим экзальтированным поклонением. Каждому ее действию приписывалось огромное значение, все ее слова истолковывались, наряды, жесты, прическа обсуждались в свете высоких философских категорий. Сначала Любовь Дмитриевна охотно принимала эту игру, но затем это стало тяготить и ее, и окружающих. Блок тоже едва терпел. Отношения с Соловьевым он практически закончит через год. С Белым его свяжут на долгие годы совсем другие отношения.

В 1905 году поклонение Любови Дмитриевне как неземному существу, воплощению Прекрасной Дамы и Вечной Женственности сменилось у Андрея Белого, вообще склонного к аффектам и экзальтации, сильной любовной страстью – единственной его настоящей любовью. Отношения между ним и Блоками запутались неимоверно, в неразберихе были повинны все – и Блок, постоянно уходивший от объяснения, и Любовь Дмитриевна, не умевшая принимать твердых решений, и больше всех сам Белый, за три года доведший себя до патологического состояния и заразивший своей истерикой остальных.

Летом 1905 года Сергей Соловьев со скандалом – он поссорился с Александрой Андреевной – уехал из Шахматова. Блок взял сторону матери, Белый – Сергея. Он тоже уехал, но перед отъездом успел запиской объясниться Любови Дмитриевне в любви. Та рассказала обо всем свекрови и мужу. Осенью Блок и Белый обмениваются многозначительными письмами, обвиняя друг друга в изменах идеалам дружбы и тут же каясь в грехах. Любовь Дмитриевна пишет Белому, что остается с Блоком. Белый отвечает ей, что он порывает с ней, потому что понял, что в его любви не было «ни религии, ни мистики». Однако успокоиться он не может и 1 декабря приезжает в Петербург. В ресторане Палкина происходит встреча Блоков и Белого, закончившаяся очередным примирением. Вскоре Белый уезжает обратно в

Москву, но возвращается оттуда злой: Блок опубликовал пьесу «Балаганчик», в которой осмеял и московских «аргонавтов», и сложившийся любовный треугольник, и самого себя. Новые письма, новые объяснения и ссоры… Особое негодование у Белого вызвала фигура Коломбины – в образе глупой картонной куклы Блок осмелился изобразить его Прекрасную Даму, Любовь Дмитриевну…

Сама Любовь Дмитриевна в то время чувствовала себя ненужной мужу, «брошенной на произвол каждого, кто стал бы за ней упорно ухаживать», как она сама писала. И тут вновь появляется Белый, который все настойчивее зовет ее бросить Блока и жить с ним. Она долго колебалась – и наконец согласилась. Даже поехала как-то к нему, но – Белый допустил какую-то неловкость, и она тут же оделась и исчезла. Белый говорит с Блоком – и тот отстраняется, предоставив решение жене. Она снова рвет с Белым, снова мирится, опять рвет… Белый пишет Блоку письма, в которых умоляет его отпустить Любовь Дмитриевну к нему, Блок писем даже не вскрывает. В августе 1906-го Блоки приезжают к Белому в Москву – в ресторане «Прага» происходит тяжелый разговор, закончившийся сердитым бегством Белого. Он все еще думает, что любим и что только обстоятельства и приличия стоят на его пути. Друг Белого, поэт и критик Эллис (Лев Кобылинский), подбил его вызвать Блока на дуэль – Любовь Дмитриевна пресекла вызов на корню. Когда Блоки из Шахматова переезжают в Петербург, Белый следует за ними. После нескольких тяжелых встреч все трое решают, что в течение года им не следует встречаться, чтобы потом попытаться выстроить новые отношения. В тот же день Белый уезжает в Москву, а затем – в Мюнхен.

Во время его отсутствия друзья Белого по его просьбе уговаривают Любовь Дмитриевну ответить на его чувства. Она же полностью избавилась от этого увлечения. Осенью 1907 года они несколько раз встречаются – и в ноябре расстаются окончательно. В следующий раз они встретятся лишь в августе 1916 года, а затем – на похоронах Блока.

В ноябре 1907 года Блок влюбился в Наталью Волохову – актрису труппы Веры Комиссаржевской, эффектную сухощавую брюнетку. Она играла Коломбину в блоковской пьесе «Балаганчик», и познакомились они на вечеринке после премьеры. Наталья попросила Блока написать для нее что-нибудь, что она могла бы читать со сцены… Ей было 28 (Блоку – 26). Блок посвятит ей циклы «Снежная маска» и «Фаина». Роман бурный, речь даже заходила о разводе Блока и браке с Волоховой. Любовь Дмитриевна переживала все это тяжело: еще не зажили раны

после унизительного для нее расставания с Белым, как Блок приводит в их дом свою новую возлюбленную. Однажды Любовь Дмитриевна пришла к Волоховой и предложила взять на себя все заботы о Блоке и его дальнейшей судьбе. Та отказалась, таким образом признав свое временное место в жизни Блока. Любовь Дмитриевна даже подружится с нею – дружба эта пережила и роман, который длился всего год, и даже самого Блока.

Теперь Любовь Дмитриевна пытается самоутвердиться в жизни. Она мечтает о карьере трагической актрисы, чем раздражает Блока, не видевшего в ней никакого таланта. Найдя для себя новое дело – театр, она одновременно нашла и свое новое положение в мире. Постепенно она стала на тот путь вседозволенности и самоутверждения, которым так похвалялись в декадентско-интеллигентской среде и которым во многом следовал Блок. Он находил выход своим плотским желаниям в случайных связях – по его собственным подсчетам, у него было более 300 женщин, многие из которых – дешевые проститутки. Любовь Дмитриевна же уходит в «дрейфы» – пустые, ни к чему не обязывающие романы и случайные связи. Она сходится с Георгием Ивановичем Чулковым – другом и собутыльником Блока. Типичный декадентский болтун, он тем не менее легко добивается того, чего тщетно домогался Белый, – за что Белый смертельно его возненавидел. Сама Любовь Дмитриевна характеризует этот роман как «необременительную любовную игру». Блок относился к этому иронически и с женой в объяснения не вступал.

20 января 1907 года скончался Дмитрий Иванович Менделеев. Любовь Дмитриевна была сильно подавлена этим, и ее роман плавно сошел на нет. В конце весны она – одна – уезжает в Шахматове, откуда шлет Блоку нежные письма – словно ничего и не произошло. Тот отвечает ей не менее нежно.

Зимой Любовь Дмитриевна поступает в труппу Мейерхольда, которую тот набирает для гастролей на Кавказе. Выступала она под псевдонимом Басаргина. Таланта актрисы в ней не было, но она очень много работала над собой. Пока она была на гастролях, Блок расстался с Волоховой. А у Любови Дмитриевны завязывается новый роман – в Могилеве она сходится с начинающим актером Дагобертом (Константином Давидовским), на год моложе ее. Об этом увлечении она немедленно сообщает Блоку. Они вообще постоянно переписываются, высказывая друг другу все, что у них на душе. Но тут Блок замечает в ее письмах какие-то недомолвки… Все разъясняется в августе, по ее возвращении: она ждала ребенка. Любовь Дмитриевна, ужасно боявшаяся материнства, хотела избавиться от ребенка, но

слишком поздно спохватилась. С Дагобертом она к тому времени давно рассталась, и Блоки решают, что для всех это будет их общий ребенок.

Сына, родившегося в начале февраля 1909 года, назвали в честь Менделеева Дмитрием. Он прожил всего восемь дней. Блок переживает его смерть гораздо сильнее своей жены… После его похорон он напишет знаменитое стихотворение «На смерть младенца».

Оба были опустошены и раздавлены. Чтобы хоть как-то успокоиться, примириться, Блоки решают поехать в Италию. На следующий год снова путешествуют по Европе. Любовь Дмитриевна пытается вновь наладить семейную жизнь – но хватило ее ненадолго. Она постоянно ссорится с матерью Блока – сцены проходят так бурно и часто, что Блок даже подумывает съехать от них обеих в отдельную квартиру. Весной 1912 года образуется новое театральное предприятие – «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов». Любовь Дмитриевна была одним из инициаторов и спонсоров этого предприятия. Труппа поселилась в финских Териоках. У нее снова роман – со студентом-юристом, на 9 лет моложе ее. Она уезжает за ним в Житомир, возвращается, снова уезжает, просит Блока отпустить ее, предлагает жить втроем, умоляет помочь ей… Блок тоскует без нее, она скучает вдали от него, но остается в Житомире – роман идет тяжело, ее возлюбленный пьет и устраивает ей сцены. В июне 1913 года Блоки, договорившись, вместе едут во Францию. Она постоянно просит его о разводе. А он понимает, что любит ее и нуждается в ней, как никогда… В Россию они возвращаются порознь.

В январе 1914-го Блок влюбляется в оперную певицу Любовь Александровну Андрееву-Дельмас, увидев ее в роли Кармен, – он посвятит ей цикл стихов «Кармен». В любви к ней он наконец смог соединить земную и духовную любовь. Именно поэтому Любовь Дмитриевна восприняла этот роман мужа спокойно и не ходила объясняться, как в случае с Волоховой. Страсть прошла быстро, связь тянулась еще несколько месяцев, но дружеские отношения Блока и Дельмас продолжались почти до самой смерти Блока.

Любовь Дмитриевну никак нельзя назвать женщиной заурядной. В ней чувствовался человек нелегкого, крайне замкнутого характера, но, бесспорно, очень сильной воли и очень высокого представления о себе, с широким кругом духовных и интеллектуальных запросов. Иначе почему Блок, при всей сложности их отношений, неизменно обращался к ней в самые трудные минуты своей жизни?

Блок всю жизнь расплачивался за сломанную им семью – сознанием вины, терзаниями совести, отчаянием. Он не переставал любить ее, что бы с ними ни происходило. Она – «святое место души». А с нею все было гораздо проще. Она не испытывала серьезных душевных мук, смотрела на вещи трезво и эгоистично.

Целиком уйдя в свою личную жизнь, она в то же время постоянно взывала к жалости и милосердию Блока, утверждая, что, если он оставит ее, она погибнет. Она знала его благородство и верила в него. И он принял на себя эту тяжелую миссию.

Биарриц, 1913 г.

Начавшаяся война и последовавший за ней революционный разброд нашли свое отражение в творчестве Блока, но мало повлияли на его семейную жизнь. Любовь Дмитриевна по-прежнему пропадает на гастролях, он тоскует без нее, пишет ей письма. Во время войны она стала сестрой милосердия, потом возвращается в Петроград, где изо всех сил налаживает развалленный войной и революцией быт – достает продукты, дрова, организует вечера Блока, сама выступает в кабаре «Бродячая собака» с чтением его поэмы «Двенадцать». В 1920 году она поступает на работу в театр Народной комедии, где у нее вскоре завязывается роман с актером Жоржем Дельвари, он же – клоун Анюта. Ей «страшно хочется жить», она все время проводит в обществе своих новых друзей. А Блок окончательно понимает – в его жизни были и будут «только две женщины – Люба и все остальные». Он уже тяжело болен – врачи не могут сказать, что это за болезнь. Постоянно высокая температура, которую нельзя было ничем сбить, слабость, сильные боли в мышцах, бессонница… Ему советовали уехать за границу, а он отказывался. Наконец согласился уехать, но тянули с разрешением на выезд. Ленин категорически был против его отъезда. Ни просьбы Луначарского, ни просьбы Горького не действовали на него. Несколько месяцев обсуждался этот вопрос в Кремле. Он умер в тот день, когда прибыл заграничный паспорт, – 7 августа 1921 года. Газеты не выходили, и о его смерти было сообщено лишь в рукописном объявлении на дверях Дома писателей. Хоронил его весь Петербург.

В пустой комнате Любовь Дмитриевна и Александра Андреевна вместе плакали над его гробом.

Они, постоянно ссорившиеся при жизни Блока, после его смерти будут жить вместе – в одной комнате уплотненной, ставшей коммунальной, квартиры. Жизнь будет тяжелая: Блока вскоре почти перестанут издавать и денег почти не будет. Любовь Дмитриевна отойдет от театра и увлечется классическим балетом. Александра Андреевна проживет еще два года. После ее смерти Любовь Дмитриевна устроится с помощью своей подруги Агриппины Вагановой на работу в Хореографическое училище при Театре оперы и балета им. Кирова – бывшем Мариинском, где будет преподавать историю балета. Теперь училище носит имя Вагановой. Любовь Дмитриевна станет признанным специалистом в теории классического балета, напишет книгу «Классический танец. История и современность» – она будет издана через 60 лет после ее смерти. Личной жизни после смерти Блока она

практически не ведет, решив стать вдовой поэта, которому так и не смогла стать женой. О своей жизни с ним она тоже напишет – назовет книгу «И быль и небылицы о Блоке и о себе». Умерла она в 1939 году – еще нестарая женщина, в которой почти невозможно уже было увидеть Прекрасную Даму русской поэзии…

Ирина Юсупова

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

В этой хрупкой, невероятно красивой девушке текла кровь одного из знатнейших родов Европы. Казалось, ее ждет блестящая судьба – дочь великого князя, жена самого завидного жениха империи, фантастически богатого красавца и аристократа; ей суждено было прожить спокойную, счастливую жизнь за спиной у обожавшего ее мужа. Но он сам разрушил мир, к которому они принадлежали, и то, что они выжили, смогли не потеряться в кровавом месиве истории, – это заслуга только ее. Хрупкой красавицы с необыкновенно сильным характером – Ирины Юсуповой.

Княжна императорской крови Ирина Александровна Романова родилась 15 июня 1895 года. Она была старшим ребенком – и, как потом окажется, единственной дочерью – в семье великой княжны Ксении Александровны, старшей дочери императора Александра III, и великого князя Александра Михайловича, внука императора Николая I. Александр Михайлович, или Сандро, как называли его в семье, был ближайшим другом наследника Николая и считался многими красивейшим мужчиной дома Романовых. Высокий брюнет с тонкими чертами аристократического лица, военной выправкой и легким характером с ранней молодости слыл покорителем женских сердец. Ксения Александровна, любимица отца, внешне очень похожая на свою мать Марию Федоровну, влюбилась в Сандро по уши. Александр Михайлович, которому льстило такое чувство со стороны царской дочери, стал, в свою очередь, искать

ее руки. Однако Александр III тянул с ответом, считая, что Ксения слишком молода; матери Ксения не смела довериться, зная, что Мария Федоровна недолюбливает Михайловичей, считая их – вполне справедливо – людьми чересчур легкомысленными и несдержанными. Один из братьев Сандро Михаил Михайлович в 1891 году женился, к великому неудовольствию императора, на Софье Меренберг, графине де Торби – внучке Александра Сергеевича Пушкина, дочери Наталии Александровны и принца Нассау. Другой – Сергей Михайлович – предпочитал балерин; вскоре он заменит Николая в роли официального покровителя Матильды Кшесинской.

Великий князь Александр Михайлович, великая княгиня Ксения Александровна и их дети – Ирина, Андрей, Федор, Никита, Дмитрий и Ростислав, Санкт-Петербург, 1905 г.

Несколько лет о взаимных чувствах Сандро и Ксении знал только Николай, всецело поддерживавший роман своей сестры и ближайшего друга. Наконец в июле 1894 года Ксения и Сандро обвенчались. Через год у них родилась Ирина, за нею – еще шесть сыновей: Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав и в 1907 году – Василий.

Но к рождению последнего сына их брак давно превратился в фикцию. Плохая репутация Сандро на деле оказалась еще хуже; с молодости проводя много времени в морских походах, он приобрел богатейший мужской опыт в публичных домах всех портов мира и после свадьбы не собирался менять свой образ жизни. Просто теперь он брал в походы по притонам свою

молодую жену. Ксения, обожавшая мужа, безропотно позволяла ему заниматься своим «просвещением» в области неприличных развлечений. В итоге, когда в 1906 году Сандро влюбился в Биаррице в очередную кокотку, он ввел ее в свою семью в качестве гувернантки, рассказав обо всем Ксении; та, к этому времени уже вполне «просвещенная», немедленно утешилась в объятиях одного англичанина. Их «брак вчетвером» практически не скрывался, вызывая в высшем свете массу пересудов, которые мало занимали велокняжескую чету.

Казалось, единственными, кто страдал, были их дети, взятые на воспитание бабушкой – императрицей Марией Федоровной. Особенно тяжело переносила все Ирина – ее тонкая, чувствительная, ранимая натура воспринимала неподобающее поведение родителей особенно болезненно.

Ирина росла любимым, но заброшенным ребенком. Ее воспитанием занимались в основном бабушка и тетка – императрица Александра Федоровна, старшая дочь которой Ольга Николаевна была ровесницей и подругой Ирины. Ирину обучали языкам – английский, французский, немецкий были в ходу в царской семье; она очень хорошо рисовала, много читала. Лишенная родительской ласки, Ирина росла необыкновенно застенчивой. Это даже доставляло определенные неудобства: по этикету, в беседах с людьми ниже ее по происхождению (а таковыми были, естественно, подавляющее большинство тех, с кем общалась юная княжна) те не имели права заговаривать с нею

первыми и часто вынуждены были напрасно ожидать, пока Ирина справится со своей робостью.

Когда ей пришло время влюбиться, ее выбор вызвал удивление у всех, принадлежавших к одному с нею кругу: Ирина без памяти влюбилась в Феликса Юсупова. Знакомы они были с детства – мать Феликса, княгиня Зинаида Николаевна, одна из красивейших и умнейших женщин своего времени, состояла фрейлиной при дворе императрицы и долго была одной из ближайших подруг Марии Федоровны. Говорят, что в красавицу княгиню был безответно влюблен сам великий князь Александр Михайлович, отец Ирины. На вечерах в доме Юсуповых встречалась молодежь из высшего света. Феликс был ее младшим, самым любимым сыном – и вокруг него ходили самые разные слухи. В основном весьма сомнительного толка. Ирина утверждала, что полюбила его не за его фантастическую красоту или не менее фантастическое богатство, но для того, чтобы ее любовь спасла его от порочных наклонностей.

Спасать действительно было от чего. О странном, зачастую откровенно неприличном поведении Феликса ходили легенды. Столь выдающаяся по своему положению личность – богач, представитель одной из самых аристократических фамилий, невероятный красавец – в любом случае притягивала бы к себе взгляды света, но Феликс позволял себе гораздо больше того, что общество могло простить и понять.

Он принадлежал сразу к двум знатнейшим аристократическим фамилиям: отец, Феликс Феликсович-старший, происходил из рода графов Сумароковых-Эльстон. Он был женат на Зинаиде Николаевне Юсуповой – единственной наследнице богатейшего рода князей Юсуповых; их богатство было столь велико, что только доходы с него составляли в год примерно 10 миллионов рублей. Говорили, что Юсуповы богаче самой царской фамилии. Им принадлежали роскошные дворцы в Петербурге и Москве, несколько имений по всей России, в том числе знаменитая подмосковная усадьба Архангельское. После смерти отца Зинаиды Николаевны, последнего Юсупова по мужской линии, специальным императорским указом титул князя Юсупова перешел к ее мужу, и в дальнейшем его должен был носить старший из их детей.

Однако вместе с титулом на эту семью перешло и родовое проклятие, наложенное, по семейной легенде, на предка Юсуповых за то, что он при царе Алексее Михайловиче изменил магометанству и перешел в православие. Согласно проклятию, в каждом поколении выживет только один наследник мужского пола; все остальные умрут, не дожив до 26 лет.

У Феликса Феликсовича и Зинаиды Николаевны было трое сыновей. Средний умер еще ребенком. Старший, Николай, в 1908 году был убит на дуэли графом Мантейфелем, не дожив до своего двадцатишестилетия всего полгода. Единственным наследником остался Феликс Феликсович-младший.

После смерти своего старшего сына Зинаида Николаевна буквально помешалась на Феликсе. Она не отпускала его от себя ни на шаг, контролировала все его действия… Но не уследила.

Молодой князь Юсупов прославился тем, что любил появляться на публике в женских нарядах. Говорили, что это оттого, что Зинаиде Николаевне после рождения двух сыновей так хотелось дочь, что Феликса довольно долго одевали и воспитывали как девочку. Как бы то ни было, пристрастие к женским нарядам сохранилось у князя и в зрелом возрасте. Отец, крайне недовольный подобными странностями в поведении сына, отправил Феликса от греха подальше учиться в Англию, в Оксфордский университет, где молодой князь, вдохновленный идеями Ницше и Оскара Уайльда, прославился своим эпатажным поведением и тонким, изысканным вкусом – на необычное убранство его комнат ходили смотреть, как на экскурсию, чтобы потом пытаться воспроизвести у себя хоть что-то подобное. Вспоминают, что в его комнате были белые стены, черный ковер, оранжевые шторы и стулья, обитые индийской тканью в синих тонах. Подобные черные ковры потом украсили чуть ли не каждую вторую английскую гостиную. Феликсу разрешили вернуться в Россию только после смерти брата, и тут он на правах наследника открыто пустился во все тяжкие. В двадцать лет он впервые осмелился показаться одетым в женское платье в модном петербургском ресторане, привлекши своим внешним видом внимание всех мужчин. Феликс был очень красив, причем красив по-женски: рослый, стройный, с чувственным ртом на нежном, точеном лице и с фантастическими, вошедшими в легенду глазами, – говорили, что они светятся в темноте, как у хищника.

В женском обличье князь любил посещать злачные места Англии, Франции и Германии. Однажды он привлек внимание самого «первого донжуана Европы», английского короля Эдуарда VII – он очень хотел поближе познакомиться с неизвестной красавицей. Этот случай невероятно польстил самолюбию Феликса, и он решился даже начать профессиональную карьеру певицы на сцене петербургского кабаре «Аквариум». Контракт был заключен на две недели, но прервался раньше. «Дебютантка» выходила на сцену в расшитом серебром голубом хитоне и роскошных фамильных драгоценностях, которые на очередном выступлении были опознаны знакомыми Юсуповых. Разразился

невероятный скандал, который с огромным трудом удалось замять…

Феликса снова отправили за границу, где он провел несколько лет. Вернувшись в Россию, Феликс вел себя уже гораздо приличнее. Он искренне влюбился в Ирину Романову и всерьез намеревался жениться на ней, а для этого хорошая репутация ему была необходима. Ежедневные корзины цветов, дорогие подарки, скромные прогулки по Петербургу и роскошные пикники за городом были брошены к ногам молодой княжны. Зинаида Николаевна была в восторге и всячески поддерживала увлечение сына: внучка и племянница императоров была подходящей партией для ее ненаглядного сына! Ее настойчивые знаки внимания очень смущали Ирину. Собственно говоря, Ирина безумно ревновала Феликса к матери, которая считала себя главной женщиной в его жизни.

Родители невесты не возражали: им, давно презревшим все законы морали, даже самые смелые похождения потенциального зятя не казались чем-то из ряда вон выходящим. Их не смущали даже настойчивые слухи о его гомосексуальных пристрастиях: среди Романовых, всю жизнь проводящих в военной среде, было несколько известных гомосексуалистов; про большинство остальных говорили, что они «пробовали вино, но вкус им не понравился». По слухам, Феликса к однополой любви приохотил его собственный старший брат; а среди его любовников были и юноши из семьи Романовых. Мария Федоровна, обожавшая

внучку, была не в курсе сплетен о Феликсе и всячески старалась поддержать желание Ирины выйти замуж за любимого человека.

Единственным, кто категорически возражал против этой свадьбы, был Григорий Распутин, имевший огромное влияние на императорскую чету. Он утверждал, намекая на предполагаемую ориентацию Феликса, что тот вообще не сможет быть мужем. Императрица Александра Федоровна, всецело поддерживавшая Распутина, после того как Николай дал согласие на этот брак, долго не разговаривала с мужем…

О помолвке было объявлено осенью 1912 года во дворце Юсуповых в Мисхоре.

Для молодых начали перестраивать левое крыло знаменитого дворца Юсуповых на Мойке. Покои и без того самого роскошного здания в Петербурге теперь просто поражали и богатством, и тонким вкусом. Для Ирины был устроен «Фонтан слез» из уральских самоцветов, комнаты были заполнены антикварной мебелью и новейшими творениями самых модных мастеров. Ее тетя Ольга Александровна – младшая сестра Ксении Александровны – потом вспоминала, что в комнатах юсуповского дворца стояли вазы, наполненные необработанными сапфирами, изумрудами и опалами, а посуда была золотая. Лучшие ювелирные дома Европы были завалены заказами на свадебные подарки для Ирины.

Венчание состоялось 22 февраля 1914 года в Аничковом дворце. На Ирине была фамильная бриллиантовая диадема и подарок императора Николая – фата французской королевы Марии-Антуанетты. Ирине было 19 лет, Феликсу – 26. Так появилась самая красивая, самая богатая и знатная пара Российской империи. Самая счастливая, как думалось всем. Кто знал тогда, что жизнь этих молодых людей, таких влюбленных, будет полна не только радости, но и преступлений, горя, лишений… Этой свадьбе суждено было стать последним торжественным бракосочетанием в семье Романовых.

Супруги зажили откровенно счастливой жизнью. Их крепкое взаимное чувство заставило приумолкнуть сплетни, ранее носившиеся вокруг имени Феликса. Все, кто видел их вместе, отмечали то несомненно сильное чувство, которое их связывало. Феликс как мог баловал жену: например, говорили, что в ее покоях была особая комната только для обуви, где хранились три тысячи пар принадлежавших Ирине туфель и ботиков от лучших европейских мастеров; в то время, когда автомобили были огромной редкостью, у молодых Юсуповых только в Крыму их было три.

А 8 марта 1915 года у них родилась дочь, которую в честь

матери назвали Ириной. Из-за беременности и после рождения дочки Ирина Александровна, в отличие от большинства дам высшего общества, после начала мировой войны сидела дома с мужем, а не работала в госпитале – на деньги Юсуповых содержались два госпиталя и санаторий в их крымском имении Кореиз. Феликс же, выразив желание служить своей стране, но не имея, в отличие от большинства аристократов, военного образования, занимался на специальных курсах при Пажеском корпусе. Правда, в силу своего несерьезного отношения к учебе офицерского чина он так и не получил. Однако вскоре у него созрел новый план спасения России – убийство Григория Распутина. Феликс долго сомневался, обдумывал… Когда же наконец решился, стал действовать очень энергично.

До сих пор окончательно не ясно, почему именно Феликсу Юсупову пришла в голову мысль убить Распутина. Хотя в его семье «старца» Григория не любили все. Его мать, Зинаида Николаевна, даже поссорилась из-за него с императорской четой. Княгиня Юсупова была твердо убеждена в том, что Распутина следует удалить от двора. Кстати, незадолго перед своей гибелью в Ипатьевском доме Николай, как вспоминает сам Феликс Юсупов, передал Зинаиде Николаевне, что она была права…

Наиболее распространенной версией является политическая: в высших кругах российского общества давно зрело недовольство тем неимоверным влиянием, которое Распутин имел на Николая и Александру, а через них – на государственную политику. Именно на Распутина возлагали вину за поражения России в войне с Германией. И после нескольких неудачных покушений и попыток отдалить его от двора мирным путем Юсупову и его товарищам наконец удалось избавиться от «старца». Вторая версия – что Феликс оберегал от Григория, известного своим сладострастием, свою жену, на которую тот положил глаз. В тот роковой вечер Григория заманили в особняк Юсупова именно под предлогом свидания с Ириной – будто бы у нее случаются сильные головные боли, которые Григорий обещал излечить. Правда, сама Ирина в это время находилась в Крыму. И наконец, существует версия, согласно которой Распутину была нужна вовсе не Ирина, а сам Феликс: ходили слухи, что Распутин по поручению Романовых лечил его от гомосексуальных пристрастий и сам влюбился в юного красавца, который не видел никакого выхода из этой ситуации, кроме убийства похотливого старца.

Как бы то ни было, в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в особняке Феликса Юсупова Распутин был убит группой заговорщиков, куда входили кадет Василий Маклаков (именно он, как считается, разработал план убийства), сам Феликс, великий

князь Дмитрий Павлович (говорили, что он пошел на это преступление, поскольку был влюблен в Феликса), депутат Думы Владимир Пуришкевич, доктор Станислав Лазоверт и капитан Иван Сухотин. Сначала Распутина пытались отравить; когда яд не подействовал, его застрелили. По рассказам, Григорий оказался необыкновенно живучим: он несколько раз оживал, и в него приходилось стрелять снова. В конце концов тело вывезли из дворца и сбросили в Неву, где его и нашли спустя несколько часов. По заключению медиков, Григорий был еще жив, когда его бросали в воду.

Весть об этом моментально облетела Петроград. Имена убийц знали все, и большинство считали их правыми; их называли спасителями России и народными героями. Уже с утра их засыпали поздравлениями – что позволило полиции тут же найти виновных. Николай был в ужасе – в своем завещании Распутин предрекал конец династии и империи после своей гибели и скорую их смерть в том случае, если он падет от руки кого-нибудь из царских родственников. Александра была в отчаянии; она требовала расстрелять убийц. Юсупова поместили под домашний арест, затем выслали под надзор в родовое имение Раки тино под Курском. Дмитрия Павловича сослали на Восточный фронт – наказание, казавшееся суровым по тем временам, на самом деле спасло Дмитрию жизнь; после революции он спокойно через Иран и Турцию переехал во Францию. Никакого суда над убийцами Распутина не было – общественное мнение было всецело на их стороне. Их поддержала даже великая княгиня Елизавета Федоровна – родная сестра императрицы, принявшая монашеский сан после гибели своего мужа великого князя Сергея Михайловича.

Особенно ликовала Зинаида Николаевна: она давно ненавидела Распутина, а теперь ее обожаемый сын выступает в роли спасителя Отечества!

Ирина же безмерно страдала. Даже мысль об убийстве была ей глубоко противна; разрываться между безграничным чувством к мужу и неприятием совершенного им было неимоверно трудно… Но она осталась с мужем. Что это было – долг супруги, любовь, безысходность? Отныне они стали одним целым – и в радости, и в горе, и в преступлении.

Предсказание Распутина вскоре сбылось. Через несколько месяцев после его гибели Николай отрекся от престола; империя пала. Временное правительство позволило Юсупову с триумфом вернуться из ссылки в Петроград.

Однако начавшиеся вскоре повсеместные революционные беспорядки вынудили Юсуповых перебраться в Крым, в имение

Ай-Тодор, – там к этому времени были уже Мария Федоровна, ее младшая дочь Ольга Александровна с мужем и родители Ирины с ее братьями. Феликсу удалось ненадолго выбраться из Крыма в Петроград – он тайно вывез драгоценности Юсуповых в Москву, где спрятал основную их часть под лестницей семейного особняка. Забрать их ему не удалось – кладовку, набитую драгоценностями (только золотых изделий было почти 14 килограммов!), нашли случайно, через восемь лет, во время ремонта дома.

Уже по дороге Юсуповы смогли почувствовать, как изменилось время: на одной из станций под Курском им в вагон принесли мешок дефицитнейшего тогда сахара с их собственного завода; мешок тут же забрали – свободная продажа сахара была запрещена…

В Крыму Романовы и Феликс с женой провели более полутора лет практически под арестом, под постоянной угрозой расстрела. Вырваться им удалось лишь 13 марта 1919 года, вместе с бывшей императрицей Марией Федоровной, ее родственниками и приближенными. Сначала они попали на Мальту, где за некоторую часть фамильных драгоценностей им удалось получить паспорта и визы. Потом в Париж, а оттуда в Лондон – там их уже ждал английский король Георг V: его мать, сестра Марии Федоровны королева Александра, настояла на том, чтобы приютить беглецов у себя. Тут семья разделилась: сама Мария Федоровна с дочерью Ольгой и ее мужем через некоторое время вернулась на родину, в Данию; Ксения с сыновьями осталась в Англии; Феликс и Ирина перебрались в Париж.

Юсуповы оказались в более выгодном положении, чем большинство российских эмигрантов. Стоимость чудом вывезенных драгоценностей оказалась значительно ниже, чем рассчитывали: лавина русских беженцев привезла с собой в Европу столько золота и бриллиантов, которые в спешке продавались по дешевке, что цены резко упали даже на уникальные произведения ювелирного искусства. Однако Феликсу удалось вывезти нечто гораздо более ценное: две картины Рембрандта. На деньги от их продажи Юсуповы купили дом в Булонском лесу. Вместе с ними поселились тоже сбежавшие

из России Феликс Феликсович-старший и Зинаида Николаевна.

Удивительно, но множество представителей дворянского сословия, которых десятилетиями обвиняли в изнеженности, неприспособленности и вырождении, не пропали в новых условиях жизни, а смогли выплыть, выбраться. Бывшие русские аристократы без особых сожалений оставили свои барские привычки и занялись делом – причем настолько успешно, что Европа склонилась перед ними в восхищенном удивлении. И по усвоенному с молоком аристократок-матерей правилу те, кто смогли чего-то достичь, помогали другим.

В Париже Юсуповы усиленно помогали своим соотечественникам, оказавшимся в эмиграции без средств к существованию. Они открыли агентство, помогавшее эмигрантам найти работу. Многие на деньги Юсуповых обучались различным профессиям, чтобы потом иметь возможность открыть собственное дело и зарабатывать самостоятельно. Ими была создана Школа прикладных искусств имени Строганова, выпускники которой затем успешно трудились в разных художественных областях. Феликс и Ирина открыли и свое собственное дело – Дом моды, который получил свое название по первым слогам их имен – Ирфе.

Главным художником Дома был, конечно, Феликс – его богатая фантазия, несомненный художественный талант и своеобразный стиль быстро вывели «Ирфе» из разряда скромных ателье в ряд известных домов моды. Свою немалую роль сыграла и Ирина: благодаря своему тонкому вкусу, врожденной изысканности и энергичности, она смогла направлять достаточно буйную и не всегда уместную фантазию Феликса в нужное русло. Она сама – несмотря на явное недовольство, а то и открытое возмущение аристократической эмиграции – демонстрировала платья клиенткам Дома. Немалую роль в успехе фирмы сыграли и сами фигуры ее основателей: невероятно элегантная, стройная красавица Ирина, одетая в наряды от «Ирфе», была ему лучшей рекламой; само имя Феликса Юсупова, известное всей Европе еще со времен его студенчества, – и его слава только усилилась после убийства Распутина! – способно было привлекать клиентов, готовых на все, лишь бы пообщаться с легендарным красавцем-князем и посмотреть в его знаменитые глаза. Он понимал, что большинство впервые приходящих в «Ирфе» приходят туда из любопытства и за экзотикой, – и принимал посетителей, одетый в расшитый восточный халат и чалму с жемчужными нитями.

Главной изюминкой среди моделей дома «Ирфе» стали шелковые платья с цветочным рисунком – полупрозрачные, невесомые, на грани изысканного эротизма и шокирующей

элегантности. На знаменитом дефиле, которое прошло в отеле «Риц» по гениальному маркетинговому ходу, сразу после показов всех остальных парижских домов группа «манекенов» (так тогда называли девушек, демонстрирующих одежду, термин «манекенщица» появился гораздо позже), девушек невероятной красоты, во главе с самой княгиней Ириной проплыла перед искушенной парижской публикой в изысканнейших нарядах. Все предыдущие показы были немедленно забыты. Пресса взорвалась восторгами: все отмечали оригинальность стиля, высочайший уровень исполнения и уникальное качество моделей от «Ирфе». От клиентов не было отбоя – марка дома Юсуповых стала высоко цениться на европейском рынке. Со временем Феликс и Ирина открыли еще три филиала своего Дома: в Нормандии, Берлине и Лондоне.

Благодаря родственным связям своих владельцев, дом «Ирфе» мог похвастаться небывалым успехом в высших кругах общества: их наряды носили даже при английском королевском дворе. Говорили, что вдовствующая королева Александра советовала жене своего сына королеве Марии обратить внимание на то, что делает и носит княгиня Юсупова: у «бедной Мэй» всегда были проблемы со вкусом…

Однако отсутствие деловой хватки и нежелание точно следовать изменчивым вкусам публики постепенно привели к оттоку клиентуры. Тогда Феликс придумал новый ход: он обратился в известный парфюмерный дом Молинар, специализирующийся на создании эксклюзивных ароматов, и заказал духи, которые должны были выразить его любовь к жене. Духи тоже назывались «Ирфе». И в 1926 году дом моды «Ирфе» выпустил в продажу три модификации этого аромата – специально для темноволосых, светловолосых и рыжих клиенток. Такой подход к духам до сих пор не имеет аналогов на рынке. Духи пользовались феноменальным успехом – ими пользовался весь Париж. К сожалению, формула этих духов была утеряна во

время Второй мировой войны…

Однако даже успех духов не смог спасти «Ирфе» от закрытия. С наступлением Великой депрессии разорились многие вчерашние миллионеры, и количество богатых клиентов, способных тратить состояние на эксклюзивные наряды, резко упало. К началу 1930 годов разорилось огромное количество модных домов по всему миру.

Но Юсуповы не сдавались. Феликс написал книгу воспоминаний – главное место в ней отводилось его участию в убийстве Распутина. Гонорар за книгу, хоть и оказался не таким высоким, как ожидалось, все-таки позволил на некоторое время снова зажить на широкую ногу.

Однако из-за этой книги у Юсуповых начались неприятности – впрочем, все закончилось вполне благополучно. Сначала дочь Распутина Матрена (или Мария, как она называла себя в эмиграции), тоже осевшая во Франции, подала на Феликса в суд: она требовала материальной компенсации за потерю кормильца. В качестве главного доказательства были предъявлены те самые воспоминания Юсупова. Однако французский суд, после долгих разбирательств, иск отклонил: дело было давно, страны, в которой было оно, не существует, и потом – собственные признания не являются доказательством вины…

Выиграли Юсуповы и другой суд. Американская кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер» сняла фильм «Распутин и императрица», не считаясь с тем, что многие участники тех событий живы и не вполне разделяют мнение MGM о произошедшем. В княгине Наташе, развратной любовнице Распутина, легко угадывалась Ирина Юсупова. Семья Юсуповых была в ярости и предъявила кинокомпании иск. Правда, если Ирина больше заботилась о том, чтобы отстоять историческую правду и только потом – свою репутацию, то ее мужа больше заботили возможные материальные выгоды: в случае победы иск мог принести Юсуповым целое состояние. Ирина считала, что это подло – зарабатывать деньги на честном имени и памяти своей семьи; Феликс ведь был косвенным виновником гибели Романовых, и на полученных деньгах была бы их кровь… Но Феликс настоял на своем; иск был выигран. Кинокомпания вырезала из фильма все спорные сцены и снабдила картину уведомлением, что любое сходство с реальными людьми является случайным. Юсуповы получили больше сотни тысяч фунтов стерлингов, что позволило им прожить относительно безбедно всю оставшуюся жизнь.

После неудач в бизнесе Юсуповы больше не предпринимали попыток основать свое дело. Они имели положение в обществе,

уважение окружающих и достаточно средств, чтобы заниматься тем, чем они захотят. Наконец у них появилось время и возможность заниматься просто творчеством – и картины, акварели и гравюры Феликса и Ирины завоевали признание критиков. Занимались они и коллекционированием – книг, живописи, фарфора… Безошибочный художественный вкус этой пары проявлялся во всем.

Во время войны Юсуповы уехали в Америку, но потом вернулись – теперь их дом был во Франции, и нигде больше жить они не могли.

Они прожили вместе до самого конца. Феликс, несмотря на то что до старости пользовался огромным успехом у женщин, всегда нуждался именно в успехе, а не в романах. Он до конца своих дней продолжал любить и уважать свою жену. И Ирина, которой долгие годы продолжали оглядываться вслед пораженные мужчины, не замечала никого, кроме мужа…

Зинаида Николаевна умерла в 1939 году и завещала похоронить остальных членов своей семьи в своей могиле на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Феликс Юсупов скончался в 1967 году. Ирина пережила его всего на три года – жизнь без него оказалась ей не по силам. Их дочь Ирина, последняя из рода Юсуповых, скончалась в 1983 году.

Настоящая русская женщина, благородная по происхождению и по воспитанию, Ирина Юсупова растворилась в своем муже, оберегая и поддерживая его во всех невзгодах. Она навсегда осталась в истории – слабая женщина, потерявшая свой мир, но сумевшая сохранить себя…

Ольга Глебова-Судейкина

ФЕЯ КУКОЛ

В 1910 годы в Петербурге, а затем и в Петрограде, среди «прогрессивной молодежи» было модно: писать стихи; бывать в кабаре «Бродячая собака» (а когда «Собаку» закрыли – в ее преемнике, «Привале комедиантов»); быть несчастно влюбленным в одну из признанных в «Собаке» «петербургских красавиц». Это был очень узкий круг невероятных женщин: не всегда безупречно красивых, но необыкновенно обаятельных, умных и талантливых. Анна Горенко-Ахматова, Паллада Богданова-Бельская, Саломея Гальперн, Анна Зельманова-Чудовская – это были не просто женщины, но символы той эпохи. И даже среди них выделялась красотой, многообразием талантов, женским обаянием Олечка Глебова, по мужу Судейкина.

У Олечки Глебовой было классически правильное лицо

кукольной красоты с фарфоровой кожей, огромные серые глаза, в глубине которых сияло, по выражению одного из современников, «священное спокойствие», роскошные светло-золотистые волосы, грациозное тело танцовщицы, безупречный вкус, многогранные таланты – она прекрасно рисовала, готовила, лепила, танцевала, делала кукол, вышивала, переводила стихи – и светлый, легкомысленный характер. В то время в богемной среде, душой которой была Олечка, было принято «жить для искусства» – то есть вся жизнь строилась как произведение искусства; шекспировская фраза «весь мир – театр, и люди в нем – актеры» принималась как буквальное руководство к действию. И Олечке это было ближе всего – ее жизнь, тесно связанная с театром, сама стала театральным представлением.

Ольга Афанасьевна Глебова родилась в 1885 году в Петербурге. Ее дед был крепостным, а отец, мелкий чиновник при

Горном институте, любил выпить – маленькой Олечке часто приходилось разыскивать его по трактирам. У нее был еще брат, учившийся в училище Торгового флота, но в 1905-м (или 1906-м, точная дата неизвестна) он утонул во время учебного плавания.

Олечку с детства притягивал театр. В нем она искала спасение от своего скучного, грустного, несчастного детства. В 1902 году Ольга была принята в числе двадцати учеников на драматические курсы Императорского театрального училища. Преподавателем Ольги был известный актер Владимир Николаевич Давыдов, прославившийся исполнением ролей в постановках русской классики; у него же училась великая Вера Федоровна Комиссаржевская. Училище она закончила в 1905 году; в том году она принимает участие в четырех экзаменационных спектаклях: в грибоедовском «Горе от ума» играет роль Графини-внучки, престарелой кокетки, в пьесе С. Пшебышевского «Снег» исполняет главную роль Бронки – молодой женщины, обманутой мужем и лучшей подругой и в конце концов покончившей с собой, принимает участие в постановках «Детей Ванюшина» С. Найденова (играет Клавдию, дочь Ванюшина – пожилую, уставшую от жизни женщину) и «Прощальном ужине» Артура Шницлера (роль Анни). Как видно, Ольга, уже успевшая прославиться своей изысканной красотой, не боялась ни возрастных ролей, ни смены амплуа и была успешна и как лирическая, и как комедийная актриса.

После окончания училища Ольга Глебова была принята в труппу Александрийского театра – главного драматического театра империи. Она исполняла роль Ани в «Вишневом саде» Чехова и участвовала в комедии А. Косоротова «Божий цветник». Константин Варламов, известный комедийный актер, называл

Олечку Глебову своей любимой ученицей; но в Александринке она не задержалась. Ровно через год Ольга перешла в труппу Драматического театра, который только что создала Вера Комиссаржевская. Режиссером Комиссаржевская пригласила Всеволода Мейерхольда, который надеялся в сотрудничестве с великой актрисой продолжить свои режиссерские эксперименты. Именно ради новых идей, творческих поисков Ольга Глебова так долго добивалась ангажемента в новый театр – пусть здесь ее ждали маленькие роли, зато она была в самом центре театральной жизни, играла на одной сцене с лучшими актерами Петербурга и общалась с самыми знаменитыми людьми искусства – Мейерхольдом, Николаем Сапуновым, Борисом Григорьевым, Сергеем Судейкиным… Последний стал ее судьбой.

Элегантный красавец Сергей Судейкин, декоратор и художник, член «Мира искусства», был в то время в большой моде. Его наперебой приглашали в лучшие дома, где он заслуженно пользовался репутацией светского льва, безнравственного и обаятельного, похитителя женских сердец. Он вел себя как заправский денди: вызывающе-изысканно одетый, Судейкин на светских раутах демонстративно цедил презрительные фразы и старательно делал вид, что ему все надоело. Однако ему все прощали – за несомненный талант и еще более несомненное обаяние. Он увлекся Ольгой Глебовой и стал за ней ухаживать; вскоре и она влюбилась в него без памяти.

В конце 1906 года Судейкину нужно было ехать в Москву. Ольга пришла на вокзал проводить его – и уехала вместе с ним, словно забыв, что в этот вечер у нее был спектакль. Когда через два дня Ольга вернулась, Вера Федоровна отказалась принять извинения и уволила Глебову из труппы.

Через пару месяцев Ольга и Сергей обвенчались в петербургской церкви Вознесения.

Перед свадьбой поэт и писатель Федор Сологуб, влюбленный в Олечку, написал ей – словно в предостережение – такое стихотворение:

Под луною по ночам
Не внимай его речам
И не верь его очам,
Не давай лобзаньям шейки, —
Он изменник, он злодей,
Хоть зовется он Сергей
Юрьевич Судейкин.

В первый год брака Ольга и Сергей не разлучались; их

сильное взаимное чувство открыто демонстрировалось на публике. Судейкин обожал жену, боготворил ее, прилагал все силы к тому, чтобы сделать из нее настоящее произведение искусства. Олечка часто появлялась в необыкновенных, вызывающих платьях его работы и даже снялась в некоторых из них для открыток, став таким образом одной из первых русских манекенщиц. Во многом благодаря усилиям мужа Ольга быстро стала самой заметной женщиной среди тогдашней петербургской богемы. Красавица, умница, страстная и тонко чувствующая натура, она влюбляла в себя всех, с кем встречалась. Даже некоторая искусственность ее поведения, жеманство и неестественный, низко-колдовской голос не портили ее, а лишь привлекали к ней новых поклонников: они считали, что Ольга похожа на прекрасную куклу (в то декадентское время это было несомненным комплиментом), которая и в реальной жизни продолжает сценическую игру. Принципы «театральности жизни» были тогда широко распространены в среде просвещенной европейской богемы, и Олечка Глебова-Судейкина стала одним из ее символов. Однако, однажды вступив в эту игру, остановить ее она была не в силах. Ольга скоро стала заложницей собственных страстей.

В одной квартире с Судейкиными жил поэт Михаил Кузмин, друг Сергея. Однажды Ольга случайно обнаружила его дневник – и узнала, что ее мужа и Кузмина связывали не просто дружеские чувства. Кузмин по требованию Ольги был удален из дома. Однако вскоре Сергей признался ей, что уже разлюбил ее; более того, он сказал ей, что все время их брака – а прошел всего год, как они обвенчались, – он изменял ей, не брезгуя даже дешевыми питерскими проститутками. Ольга, чье чувство, в отличие от мужа, было действительно глубоко и серьезно, была буквально раздавлена… Но она смогла найти выход.

Не порывая окончательно с Судейкиным (их брак распадется

только в 1916 году), но разочаровавшись в семейной жизни, Ольга вернулась на сцену, поступив в Малый театр Суворина. Произошло это вполне случайно: актриса Вадимова, работавшая в этом театре над главной ролью в пьесе Юрия Беляева «Путаница, или 1840 год», внезапно заболела. Алексей Суворин, давний поклонник Олечки Судейкиной (он опекал ее еще во время ее службы в Александринке), пригласил ее заменить Вадимову. После третьего представления, прошедшего с необыкновенным успехом, роль Путаницы окончательно осталась за Судейкиной, став одной из ее «визитных карточек». Ее Путаница декламировала, пела, танцевала, очаровывала и пленяла. В то же время эту роль исполняла в московском Малом театре знаменитая актриса Ольга Гзовская, но успех этой пьесы в представлении театралов того времени был связан только с Ольгой Судейкиной.

Благодаря этому успеху Ольгу приняли в труппу театра. За сезон 1910/11 года она сыграла во множестве пьес, в том числе в музыкальных спектаклях по произведениям Михаила Кузмина. В следующем сезоне она с блеском сыграла в новой пьесе Беляева, написанной специально для нее, – «Псиша», истории крепостной актрисы, с успехом сыгравшей в домашнем театре роль Психеи.

Ольга Глебова-Судейкина, начало 1920-х гг. Фото М. Наппельбаума

Помимо театра, у Ольги было много и других занятий. Она с увлечением лепила – даже Сергей Судейкин признавал несомненный скульпторский талант своей жены. Она делала кукол – большеглазые красавицы, танцовщицы, персонажи комедии дель арте были неуловимо похожи на свою

создательницу; костюмы для своих кукол Ольга делала с необыкновенным вкусом и выдумкой из самых разнообразных материалов. Артур Лурье, оставивший об Олечке воспоминания, называл ее «феей кукол, феей кукольного царства». С неизменным успехом Ольга выступала в качестве танцовщицы – полонез, который она танцевала с самим Вацлавом Нижинским, прославился, а ее знаменитый номер «Русская» видели даже при императорском дворе. Она танцевала в «Лебедином озере» Чайковского и «Царице Таир» Тэффи, водевилях и пантомимах. Говорили, что иногда она даже – по примеру Айседоры Дункан – осмеливалась танцевать обнаженной. Ее выступления в известном кабаре «Бродячая собака», а затем в «Привале комедиантов» привлекали неизменный интерес публики. Она выступает там с танцевальными номерами и чтением стихов (по свидетельству современников, Ольга была лучшей декламаторшей современной поэзии), а в рождественском спектакле 1913 года исполняет роль Богородицы. В то же время Ольга делает модели для Императорского фарфорового завода и с блеском переводит с французского пьесы и стихи (что было особенно удивительно, поскольку сама она стихов никогда не писала), великолепно рисует акварелью и маслом пейзажи и картины на религиозные сюжеты, делает вышивки и картины в изобретенной ею «лоскутной» технике.

Удивительно, но при такой постоянной профессиональной занятости у Ольги была невероятно бурная светская жизнь. Она стала настоящей музой поэтов. В ее квартирке – «кукольном доме», по выражению современников, – бывали все тогдашние знаменитости, отдавая дань обаянию и талантам Олечки Судейкиной. В нее были влюблены Велимир Хлебников и Федор Сологуб, ей писали стихи многие поэты – Георгий Иванов, Игорь Северянин, Всеволод Рождественский… Анна Ахматова стала ее ближайшей подругой. Михаил Кузмин, несмотря на то что Олечка, хоть и невольно, дважды становилась между ним и его любовью, относился к ней с нежностью и постоянно посвящал ей стихи – она была одним из очень немногих женских адресатов его лирики. Их отношения – как творческие, так и личные – продолжались до самой ее эмиграции. По преданию, именно Олечке Александр Блок посвятил свое знаменитое стихотворение «В ресторане». Громкий скандал разразился, когда из-за несчастной любви к Олечке покончил с собой молодой поэт Всеволод Князев, юный красавец, возлюбленный Михаила Кузмина, – они даже планировали выпустить совместный сборник стихов под названием «Пример влюбленным». История этого любовного многоугольника легла в основу первой части «Поэмы

без героя» Анны Ахматовой, где Ольга выведена под именем Путаницы-Психеи – по двум ее самым известным ролям:

Ты ли, Путаница-Психея.
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной…

С Судейкиным отношения становились все сложнее. То он просил жену спрятать у себя его любовницу, которой угрожает ревнивый муж; то устраивает Ольге сцены ревности прямо на улице. В 1915 году Сергей бросил Ольгу, и даже вмешательство их друзей не смогло его образумить; вскоре они окончательно расстались. Тем не менее Судейкины продолжали видеться и даже появляться вместе на публике: на вечерах в «Собаке» Сергея часто сопровождали и Олечка, и Верочка – его новая Вера Артуровна Шиллинг. Именно с Верой Шиллинг Су-дейкин покинул Петербург – в 1916 году он поехал в Крым, а на следующий год, узнав о революции, эмигрировал в Париж. Веру он вывез по паспорту Ольги, переклеив фотографию…

Сама Олечка оставалась в Петрограде. Ни мировая война, ни революция не остудили ее искрящегося легкомыслия. Она зарабатывала на жизнь продажей своих кукол, выступлениями на частных вечерах и гастрольными поездками. Уезжая на гастроли в Вологду, она пустила к себе жить на Фонтанку, 18 Анну Ахматову, которая тогда ушла от своего второго мужа, Владимира Шилейко. Когда Ольга вернулась, они стали жить вместе: Ольга в большой проходной комнате, Анна – в маленькой задней. Они часто лежали, каждая в своей комнате, и переговаривались через открытую дверь. Их дружба была настолько близкой, что до сих пор не умолкают разговоры о том, что двух женщин связывали и любовные отношения, что относится к серии откровенной глупой сплетни.

Любовь, их связывающая, звалась Артур Лурье. Композитор и музыкант, ученик А. Глазунова, он с 1914 года был близким другом Ахматовой. Именно Лурье «спас» Ахматову от Шилейко и продолжал нежно заботиться о ней даже в первые годы ее следующего брака с Николаем Луниным. Вдохновенный бабник, Лурье быстро обратил внимание на Олечку Глебову. Некоторое время Лурье, по признанию Ахматовой, метался между двумя женщинами, не решаясь сделать выбор, а затем сошелся с Ольгой.

Это был редкий в жизни Ольги Судейкиной период

спокойного счастья. Лурье заботился о ней, берег и защищал от ужаса, царящего на улицах Петрограда. Он работал в Наркомпросе и благодаря этому устраивал Ольге работу, заказы и паек. Он искренне восхищался Ольгой не только как красивой женщиной, но и как талантливым человеком – он высоко ценил ее музыкальность, изысканный, безошибочный вкус и тонкое художественное чутье.

Однако Лурье довольно быстро понял, что в СССР ему, и Ольге, и Анне делать нечего. Он долго уговаривал обеих женщин уехать с ним за границу. Анна отказалась, Ольга согласилась. Однако Лурье уехал первым – ему было проще выправить необходимые документы. В августе 1922 года он уехал в Берлин, где сошелся с Тамарой Персиц, старой знакомой Ахматовой и Глебовой. Вместе они переехали в Париж, где Лурье вскоре оставил Тамару ради Елизаветы Перевощиковой, в девичестве Белевской-Жуковской, которая, между прочим, приходилась внучкой великому князю Алексею Алексеевичу, двоюродному брату императора Александра III. Потом они переехали в США, где Лурье и скончался в 1966 году.

Олечка Судейкина и Анна Ахматова

После отъезда Лурье Ольга продолжала жить с Ахматовой на Фонтанке, 18, а затем они переехали в дом 2 по той же улице – бывшие царские прачечные, где Судейкиной полагалась маленькая служебная квартирка как работнице Фарфорового завода. Ольга все чаще впадала в депрессию, думала о смерти… «Вот увидишь, Аня, – как-то сказала она Ахматовой, – когда я умру, от силы четырнадцать человек пойдут за гробом…»

В 1924 году ей все же удалось уехать. С одним чемоданом, набитым куклами и фарфоровыми статуэтками, Ольга отправилась в Берлин – якобы для организации собственной выставки. Ее звали к себе уже обосновавшиеся в Берлине Савелий Сорин с женой и Игорь Стравинский. Ахматова, в то время уже бывшая замужем за Николаем Луниным, осталась в России.

В Берлине Ольга прожила полгода, зарабатывая деньги

продажей своих работ. Как только ей удалось получить визу, она немедленно переехала в Париж. Ей было уже сорок лет.

В Париже Ольга Афанасьевна поселилась в небольшой гостинице «Прети» на улице Амели. Здесь вокруг нее тут же образовался своего рода «русский клуб», который охотно посещали бывшие петербуржцы. Ее личная жизнь была в таком же упадке, как и ее финансовые дела: многочисленные бессмысленные, недолговечные и глупые романы, о которых не было ни желания, ни смысла вспоминать. В глубине души она продолжала любить Сергея Судейкина – а он уже давно забыл про нее. Когда ему, благополучно живущему в США, рассказали, что Ольга бедствует в Париже, он патетически произнес: «Умоляю, не говорите мне об Ольге, я этого не вынесу!» – и тут же забыл о ней. Однако Ольга сама напомнила ему о себе: узнав, что Судейкин «женился вторично», не будучи официально разведен с нею, она пригрозила, что разоблачит его как двоеженца. Скандал удалось предотвратить только благодаря вмешательству Сорина, сумевшего как-то успокоить глубоко обиженную Ольгу. Через некоторое время супруги получили официальный развод.

С этого момента мужчины были словно вычеркнуты из жизни Ольги Афанасьевны. Их место заняли птицы, ставшие таким же неотъемлемым атрибутом ее жизни, как прежде были романы и ночные кутежи в «Собаке». Началось все с того, что Тамара Персиц, уезжая, оставила Олечке клетку с птицами. Потом ей подарили еще нескольких, стая росла, и постепенно Ольга оказалась в обществе нескольких десятков разнообразных птиц. В ее квартире у площади Ворот Сен-Клу одновременно жили до сотни птиц, которых хозяйка пускала свободно летать по двум крохотным комнатам ее скромной квартирки на восьмом этаже. «Люди больше во мне не нуждаются, поэтому я занимаюсь

птицами», – говорила она. Все деньги, которые ей удавалось заработать, – а жила она в основном тем, что продавала вывезенные из России куклы или изготовленные на заказ вышивки, – она тратила на птиц. Жители ее квартала звали ее «La Dame aux oiseaux» – «Дама с птицами».

В своих птицах Ольга нашла и друзей, и необходимую ей, как воздух, любовь, и спасение от одиночества. Они стали главным в ее жизни. Именно из-за птиц Ольга перестала рисовать маслом: однажды, когда она рисовала, какой-то птенец уронил помет в ее палитру. Увидев в этом знак свыше, Ольга полностью перешла на «живопись иглой» – мозаичные вышитые картины, составленные из сотен разнообразнейших кусочков тканей.

Однажды, оставшись совершенно без денег, Ольга добралась через весь город к одному коллекционеру, чтобы предложить ему купить свою статуэтку – фигурку Богородицы. Она загадала, что, если продажа состоится, она посвятит свое искусство Богородице и впредь будет работать только над религиозными сюжетами. Статуэтку купили; Ольга сдержала слово. Она все реже и реже обращалась к светским сюжетам – только по особым поводам. Например, Савелий Сорин заказал ей вышить на диванной подушке недавно законченный им портрет герцогини Йоркской – будущей королевы Елизаветы II. Подушка вышла настолько удачной, что Сорин предложил Ольге выполнять подобные подушки-портреты на заказ для богатых американцев. Но она отказалась…

Ольга не рассталась с птицами, даже когда началась Вторая мировая война. Она нуждалась настолько, что была вынуждена подбирать окурки с тротуара и огрызки из урн, но тратила все заработанные деньги на драгоценное зерно для своих любимцев. Умереть с голоду ей не давали ее друзья, делившиеся с нею последним, что у них было.

Здоровье Ольги стремительно ухудшалось. Еще в СССР у нее обнаружилось воспаление почек, ив 1941 году произошел серьезный рецидив. Только врачебное вмешательство спасло ей жизнь – правда, ненадолго.

Вернувшись из больницы, Ольга снова все свои силы отдавала птицам. «Я должна была бы делать добро людям, но я бедна, больна, и потому я забочусь о птицах», – говорила она, словно оправдываясь. Не желая оставлять своих птиц одних, она не уходила из дома во время налетов. Только однажды, в сентябре 1943 года, она спустилась в бомбоубежище с двумя птицами и недоконченной вышивкой. Счастливый случай – именно в этот день в ее дом попала бомба. Ольга в ужасе, каким-то чудом смогла подняться по разрушенной лестнице в развалины своей

квартиры – там всюду лежали обугленные трупики ее птиц… Нескольким удалось выжить, и они сидели на ветках деревьев рядом с их бывшим домом. Она звала их, но птицы словно не слышали ее. Как потом говорила Ольга друзьям, птицы словно винили ее в том, что она бросила их…

Ольга Афанасьевна осталась в одном халате, который был на ней; все ее имущество погибло в разрушенном доме. На это она не обращала внимания. Но от удара, которым стала для нее гибель ее птиц, она так и не оправилась. После бомбежки она с тремя птицами (третьим стал подобранный на улице раненый голубь) скиталась по знакомым. Как жертве бомбежки ей выделили в мэрии мебель из необработанного дерева, которую Ольга расписала яркими цветочными узорами. Она снова пыталась, как могла, отстроить свою жизнь, но сил уже не было. Она простудилась, заболела бронхитом. Ольгу Афанасьевну привезли в больницу, где она целую ночь пролежала в нетопленой палате с настежь распахнутыми окнами, и утром сбежала домой. Через три дня ее устроили в госпиталь Бусико, где она пролежала несколько месяцев, стойко перенося страдания. Ее навещают многочисленные друзья, с которыми она говорит о Боге. 18 января 1945 года она видит во сне, что в ее палату прилетают все птицы, которых она держала у себя; через некоторое время они улетели, и только одна белая голубка осталась рядом, а потом, взлетев, разбилась об оконное стекло. Ольга решила, что видела во сне свою смерть…

Недаром в последние годы ее считали ясновидящей. Сразу после полуночи Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина скончалась.

Могила Ольги Глебовой-Судейкиной

Похоронили ее на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Гроб сопровождали всего четырнадцать человек – когда-то Ольга предсказала и это. Над ее могилой стоит белый мраморный крест, деньги на который дали Артур Лурье и Сергей Су-дейкин.

Теперь имя Ольги Глебовой-Судейкиной упоминают чаще всего в связи с Анной Ахматовой – как ее подругу, как персонаж ее «Поэмы без героя», забывая о реальной биографии ахматовской Путаницы-Психеи. Воспоминания о ней, написанные Артуром

Лурье, практически неизвестны здесь, и имя ее все больше переходит из истории и памяти в литературу и предание. Предание о петербургской красавице, повелительнице кукол, фее птиц…

Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг

СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Мария Игнатьевна Закревская, графиня Бенкендорф, баронесса Будберг… Ее называли «красной Мата Хари», «железной женщиной», «русской миледи», «беззаконной кометой». Может быть, целью ее жизни было создать легенду о себе самой – легенду, где правда так тесно переплеталась бы с вымыслом, что уже никто не смог бы отделить одно от другого. Она коллекционировала мужей, оставляя себе их фамилии, и великих мужчин, оставляя огненный след в их жизни. У нее было столько масок, что казалось, за ними никого нет. Но она все-таки была – Мура Закревская-Бенкендорф-Будберг…

Всю жизнь Мура с гордостью сообщала о себе, что была правнучкой Аграфены Федоровны Закревской, жены московского генерал-губернатора – известной красавицы, воспетой Пушкиным «медной Венеры». Все знавшие ее не сомневались в этом – Вячеслав Ходасевич часто говорил Муре: «Искать примеров, как нужно жить, не нужно, когда была такая бабушка». На самом деле отец Муры Игнатий Платонович Закревский не имел к тем Закревским никакого отношения. Он происходил из Черниговской губернии, откуда переехал с семьей в Петербург, где дослужился до высоких чинов в сенате. У него было четверо детей – Платон

(от первого брака), близнецы Анна и Александра и младшая Мария, родившаяся в 1892 году. После Института благородных девиц Муру отправили в Англию, где в посольстве служил ее брат Платон Игнатьевич, – для усовершенствования английского языка, который Мура знала с детства. Она провела зиму в кембриджской женской школе Ньюнхам; потом она утверждала, что закончила Кембриджский университет. Посол граф Бенкендорф покровительствовал Платону Закревскому, и в его доме Мура имела возможность познакомиться со всем цветом английского общества и российской дипломатии. В 1911 году Мура вышла замуж за Ивана Александровича Бенкендорфа – атташе посольства и дальнего родственника посла. Мура всегда называла его графом; на самом деле он принадлежал к боковой ветви этого известного рода, не имевшей прав на титул. Через год Ивана Александровича назначили секретарем русского посольства в Германии. На придворном балу Мура была представлена кайзеру Вильгельму. Жизнь обещала быть легкой и веселой… Иван Александрович повез Муру в Эстляндию (Эстонию), где у него было родовое поместье Янеда, а затем в Петербург и Ревель (ныне Таллин), где у него было множество родственников. В 1913 году у Бенкендорфов родился сын Павел, через два года – дочь Татьяна. За эти два года многое произошло: началась война, и посольство было вынуждено вернуться в Россию; Бенкендорфы обосновались в Петербурге. Мура начала работать в военном госпитале – все дамы из высших кругов считали своим долгом помогать раненым. Иван Александрович служил в военной цензуре.

Фронт проходил всего в четырехстах километрах от Петрограда, по территории Лифляндии (Латвии). Тем не менее петербургский свет продолжал выезжать на лето в свои эстонские и финские поместья. Летом 1917 года Иван Александрович и Мура с детьми выехали в Янеда, где предполагали остаться до поздней осени. Но после октябрьских событий возвращаться в город было опасно – и не менее опасно было оставаться. Мура вернулась в Петербург одна – присмотреть за квартирой и разведать обстановку. Немцы все ближе подходили к Ревелю; Мура уже собралась возвращаться, но тут пришло известие: крестьяне из соседней деревни пришли ночью в имение, зверски убили Ивана Александровича и сожгли дом. Гувернантка едва успела спасти детей, укрывшись у соседей.

Добраться до Ревеля было невозможно; из петроградской квартиры Муру выгнали – туда вселился Комитет бедноты; все знакомые или уехали, или находились в таком же бедственном положении, как она. Английское посольство – единственное

место, где, как казалось Муре, ей могли бы помочь, – готовилось к срочному переезду в Москву. На вокзале посольство провожали русские жены английских дипломатов – княжна Урусова, балерина Тамара Карсавина, графиня Ностиц – и Мура… Вскоре она тоже переехала в Москву.

Из прежних ее знакомых в английском посольстве остался только молодой дипломат Роберт Брюс Локкарт, с которым Мура познакомилась еще в Англии.

Брюс Локкарт, 1930 г.

Впервые Локкарт приехал в Россию в 1912 году. Его назначили вице-консулом в Москву, хотя основной его задачей было выполнение различного рода особых поручений. Очень

быстро выучив русский язык, он свел близкие знакомства с цветом московского общества. Отличавшийся безграничным обаянием и неимоверной работоспособностью, он быстро дослужился до генерального консула и параллельно начал журналистскую карьеру. Его жена, потеряв при родах первого ребенка, рожать второго уехала в Англию – и на этом Локкарт счел свою семейную жизнь фактически законченной.

Слухи о романах молодого консула разошлись настолько широко, что в начале осени 1917 года ему было приказано на время вернуться в Англию – навестить семью. Когда он через четыре месяца приехал обратно, Москва – как и вся Россия – изменилась до неузнаваемости. Он увидел Муру на третий день после приезда в Петербург; а практически сразу же после переезда в Москву между ними разгорелся страстный роман. «В мою жизнь вошло нечто такое, что оказалось сильнее и прочнее всех других связей, сильнее, чем сама жизнь», – написал позднее Локкарт в своих воспоминаниях «Мемуары британского агента».

Мура никогда не считалась красавицей. Миловидное лицо, «сдобная» коренастая фигура – не тот тип женщин, на которых оборачиваются мужчины на улицах. Но ее животное обаяние, сексуальность – это в то время, когда и этого слова не знали, – и, главное, настоящий талант общения и поражавшая всех стойкость и жизнелюбие делали ее неотразимой – в тех случаях, когда ей этого хотелось. Мура отличалась редким умом, практической хваткой и стойкостью в любых ситуациях. И даже тогда, когда рухнул весь ее мир, она не только не сломалась, но смогла подняться выше обстоятельств.

Яков Петерс, 1920-е гг.

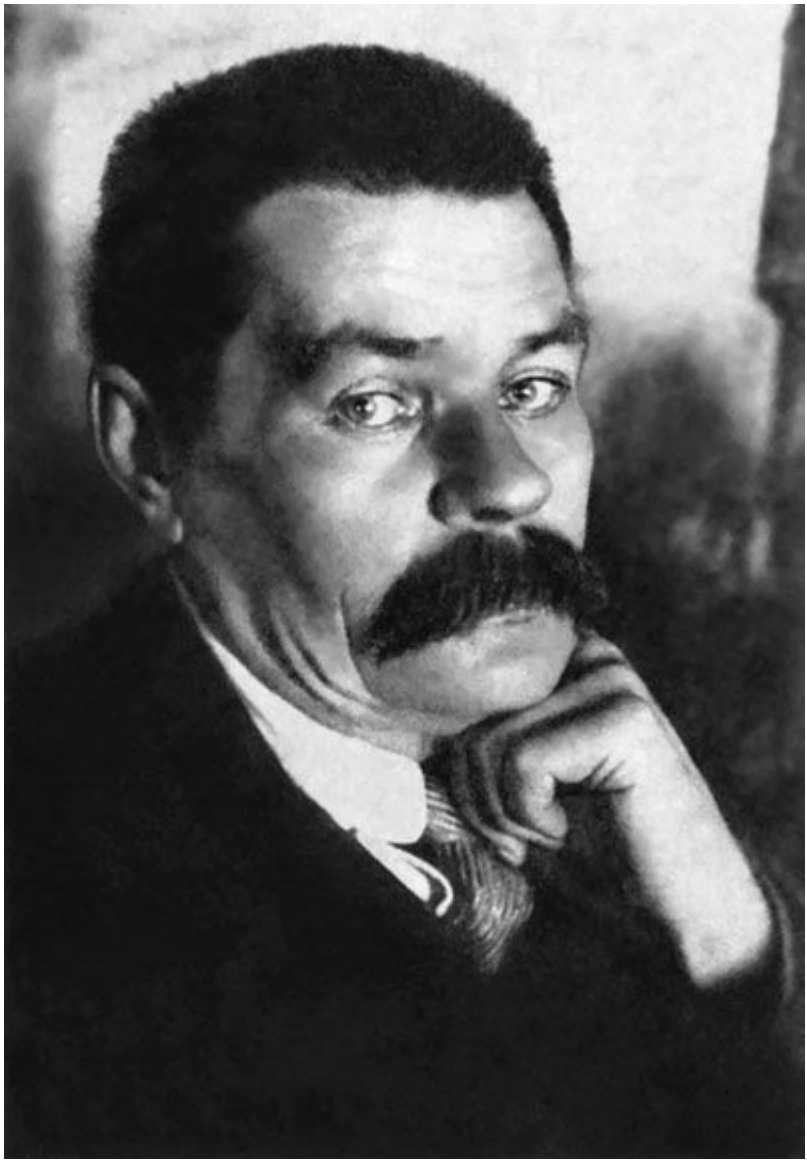
Локкарт поселил Муру в своей квартире в Хлебном переулке. Для них началось недозволенное, недоступное, нелогичное счастье… Оно кончилось ночью с 31 августа на 1 сентября 1918 года, когда Локкарта, а заодно и Муру, арестовали по так называемому «делу послов». Только что был произведен ряд громких покушений: в июле эсером Блюмкиным был убит немецкий посол граф Мирбах, утром 30 августа Леонид Канегиссер застрелил главу Петроградского отдела ВЧК Урицкого, и вечером того же дня Дора (или, как ее стали

называть позже, Фанни) Каплан стреляла в Ленина. Ночью чекисты взяли штурмом английское посольство, а на следующий день пришли за самим консулом. Разведдеятельность Локкарта была замечена ЧК, и его планировали выставить главою антиправительственного заговора; заодно с ним было решено избавиться от всех неугодных дипломатов.

Через некоторое время Локкарта перевели с Лубянки в Кремль. Он написал прошение об освобождении Муры – она же ничего не знала, да и знать не могла о мифическом заговоре… Заместитель Дзержинского Яков Петере, руководящий «делом Локкарта», пообещал Локкарту трибунал – но Муру решил освободить. А через три недели Петере и Мура под руку вошли в комнату Локкарта, чтобы сообщить о его освобождении.

Локкарт был вынужден уехать из России. Но он был благодарен Муре за освобождение. Многие полагают, что за его свободу Мура заплатила Петерсу собой; расходятся только в том, как именно: уступила его домогательствам или стала на него работать. И то, и другое вполне вероятно.

Снова оставшись одна, Мура продала свои последние серьги и вернулась в Петербург. На третий день ее арестовали – она обменяла соболью муфту на две продовольственные карточки, а они оказались фальшивыми. Она просила позвонить Петерсу – над ней посмеялись. Через две недели ее вызвали на допрос, и она снова попросила позвонить на Лубянку. Через четыре дня ее освободили.



Максим Горький, 1920-е гг.

1919 год в Петрограде был страшен – не было еды, тепла, одежды, только жуткий холод и тиф… Мура поселилась у своего знакомого по работе в госпитале, бывшего генерал-лейтенанта Мосолова. У нее не было ни карточек, ни прописки, ни денег. Надо было как-то жить. Однажды Муре сказали, что Корнею Чуковскому в издательстве «Всемирная литература» требуются переводчики. Чуковский обошелся с нею ласково, дал ей работу. Не переводчика: хотя Мура свободно владела английским, немецким и французским, ее русский язык был несовершенен –

как у человека, много времени проведшего в другой языковой среде. Правда, это обстоятельство не мешало Муре не только пытаться переводить, но и называть себя в конце жизни известной переводчицей, у которой за плечами шестнадцать томов переведенных произведений.

Главное, что сделал Чуковский, – привел Муру к Горькому.

В то жуткое время Горький, друживший с Лениным и таким образом обладавший определенным влиянием, старался помочь всем: хлопотал, доставал еду и паспорта, вытаскивал из заключения и находил работу. В его квартире постоянно жили человек десять – не только семья, но и просто люди, которым была нужна его помощь. Со своей женой Екатериной Павловной Пешковой Горький расстался давно (хотя развод не был оформлен официально, и до конца жизни они поддерживали близкие отношения), а хозяйками в его доме были бывшая актриса МХТа Мария Федоровна Андреева (разрыв с нею произошел еще в 1912 году, но она продолжала жить в доме Горького еще много лет), а когда Андреева куда-нибудь отлучалась – жена соратника Горького по «Всемирной литературе» Александра Тихонова Варвара Тихонова-Шайкевич, чья младшая дочь Нина поражала своим сходством с Горьким.

Горький взял Муру на работу секретарем-переводчиком, перевез к себе жить, и уже через две недели она стала необходимой. Она жила в комнате, примыкающей к спальне Горького. Вела его хозяйство, занималась его корреспонденцией, переводила, разбирала рукописи, рассказывала о своих приключениях – и главное, слушала. Умением слушать любая женщина может приручить мужчину, а Мура умела слушать как никто. Многое из ее рассказов он использовал в своем творчестве; Муре был посвящен и главный труд Горького – четырехтомный роман «Жизнь Клима Самгина». В его доме она наконец обрела покой.

Но, как оказалось, и в доме Горького ей угрожала опасность. Григорий Зиновьев, в то время первый человек в Петрограде, недолюбливал Горького, а Муру откровенно считал английской шпионкой – все это стало поводом для обыска в доме Горького. Для вида прошлись по всем комнатам; в комнате Муры все перевернули вверх дном. Горький срочно выехал в Москву, где нажаловался на Зиновьева Ленину.

Через некоторое время Муру все же арестовали – и после гневного письма Горького выпустили. В четвертый раз Мура попала в ЧК после попытки нелегально перейти эстонскую границу – она пыталась пробраться к детям, которых не видела уже три года. И снова ее выпустили благодаря Горькому…

Но как только восстановилось железнодорожное сообщение с Эстонией, она снова едет туда. Уже было ясно, что Горький недолго останется в СССР, – и Мура, уезжая, планировала встретиться с ним уже за границей. Но в Ревеле ее тут же арестовали, обвинив в том, что она советская шпионка. Она наняла адвоката; ее выпустили под подписку о невыезде. Как только она приехала к детям, родственники мужа, прежде содержавшие их, тут же прекратили давать деньги. Муре грозила высылка в СССР, куда ей совсем не хотелось; все остальные пути для нее были закрыты. Адвокат посоветовал ей выйти замуж за эстонца: таким образом Мура получила бы эстонское гражданство и, следовательно, возможность свободного выезда куда угодно. Муж быстро нашелся: барон Николай Будберг срочно нуждался в деньгах, а у Муры была тысяча долларов, которую ей из Берлина перевел Горький. Мура тут же вышла замуж за барона Будберга – и они расстались, как только пересекли эстонскую границу.

Здоровье Горького было расстроено. Туберкулез догрызал его. Он – и вместе с ним многочисленная свита, включая Муру, – кочевал по европейским санаториям. Херингсдорф, Сааров, Мариенбад и Сорренто – везде Мура была рядом. Варвара Шайкевич, выехавшая вместе с Горьким, сразу же ушла от него; Мура осталась за хозяйку. Она регулярно навещала детей, оставшихся в Эстонии, задерживаясь там на несколько месяцев, и тогда Горький забрасывал всех письмами с жалобами на ее отсутствие… Часто ей по делам Горького приходилось бывать в Берлине, где осел Николай Будберг. Он был кутила, картежник и постоянно в долгах. Муре надоело улаживать его дела, и она отправила мужа в Аргентину. Больше они никогда не виделись. На память о нем Мура оставила себе его фамилию и титул – единственный настоящий из всех, которые она себе приписывала.

Но ее постоянные поездки имели и другие цели. Многие считают, что Мура выполняла задания ЧК; она никогда не опровергала этих слухов – как и любых слухов, которые про нее ходили. Точно известно, что она искала Локкарта (к тому времени он сделал карьеру в журналистике, а затем и в Форин Офис), – и, найдя его в Вене, не только продолжила отношения с ним, но и стала поставлять ему информацию: об этом Локкарт написал в своих мемуарах. По его книге был поставлен фильм; на премьере Локкарт и Мура сидели вместе.

Постоянные поездки в Англию она объясняла просто: только там она может шить себе одежду по вкусу. И ей действительно очень шли английские костюмы, с которыми Мура вместо драгоценностей и шляп носила мужские часы и прическу из сколотых на затылке длинных, не по моде, волос. Главным ее

украшением были ее глаза – большие, глубокие, горящие жизнью; перед их взглядом было невозможно устоять. Мура прекрасно знала свою силу – и умела ею пользоваться.

С середины 1920-х годов Мура стала подготавливать Горького к возвращению в Россию. Ее расчет был точен: в Европе его печатали все реже и реже, доходы падали. Единственный способ сохранить материальное благополучие – это вернуться в СССР, где Горькому обещали неограниченный счет в банке и всевозможные блага. Горький возвращаться не хотел; но он все чаще и чаще стал приезжать в СССР – там издавались его книги, там жили его читатели, его именем назывались улицы, пароходы и колхозы. В1933 году Горький окончательно переехал в СССР. Сама Мура, однако, с ним не поехала – по официальной версии, она не хотела ставить его в неловкое положение перед законной женой и читателями, исповедующими строгую коммунистическую мораль. Она обосновалась в Лондоне.

Уезжая, часть архива Горький оставил на попечение Муры: в СССР его нельзя было везти – там была переписка с людьми, недовольными советскими порядками. Но архив понадобился – в СССР готовились политические процессы, и письма с «порочащими советский строй» высказываниями очень бы пригодились. В 1936 году Муре намекнули: умирающий Горький хотел бы с ней проститься, а заодно было бы неплохо, если бы она привезла архив… Выбора у нее не было – добровольно или силой архив все равно оказался бы в СССР. Мура предпочла не ссориться (или просто хорошо выполнила свою работу) – и ее вместе с архивом в персональном вагоне доставили в Москву. Сначала ее привезли в Кремль; а уже оттуда – к Горькому, в санаторий Горки. Тот уже около месяца находился при смерти. Но недавно ему стало гораздо лучше; говорили о практически полном выздоровлении. Муру провели к Горькому. Некоторое время они оставались наедине…

Легенда о том, что именно Мура – по приказу из Кремля – отравила Горького, жива до сих пор; фактов, которые могут доказать или опровергнуть это, не существует.

Мура провела рядом с Горьким больше десяти лет, была его музой, секретарем, экономкой, фактической женой. Но после расставания с ним Мура не боялась остаться одна. Еще с 1931 года ее стали называть «спутницей и другом» не только Максима Горького, но и знаменитого фантаста Герберта Уэллса, старше ее на 26 лет. Когда Горький ревновал, она успокаивала его: «Даже для самой любвеобильной женщины сразу два знаменитых писателя – это слишком много!» Она познакомилась с Уэллсом еще в Англии – в счастливое время ее первого замужества. Когда

в 1920 году Уэллс приехал в СССР, он остановился в доме Горького – гостиниц в то время не было; Мура была его официальной переводчицей. Петроград, все еще не оправившийся от страшной зимы, произвел на писателя ужасающее впечатление; он впал в депрессию. Спасла его Мура – она обладала удивительной способностью делать жизнь окружающих легче и проще, просто улыбаясь своей удивительно теплой, «кошачьей» улыбкой. И накануне своего отъезда то ли Уэллс ошибся комнатой, то ли Мура зашла к нему попрощаться слишком поздно (свидетельства расходятся), но они провели вместе ночь. Эту ночь Уэллс потом называл главным событием своей жизни. Следующие несколько лет они переписывались, иногда Мура встречалась с Уэллсом в своих разъездах по Европе – и по делам Горького, и по делам Локкарта. Уэллс, известный любитель женщин, в то время был женат вторым браком на Эми Кэтрин Роббинс, которую называл Джейн (она умерла от рака в 1927 году), но пользовался в браке полной свободой, не переставая менять любовниц. В то время его постоянной спутницей была Одетта Кеун, которая не собиралась уступать свое место Муре без боя. Но все же Мура оказалась сильнее. Весной 1933 года Уэллс назначил ей свидание в Дубровнике, где проходил очередной конгресс ПЕН-клуба, президентом которого Уэллс станет вместо умершего Джона Голсуорси.

Герберт Уэллс, 1932 г.

Во время конгресса они были неразлучны, а после него провели в Австрии две недели вдвоем. Потом Уэллс вернулся во Францию к Одетте, но они уже с трудом выносили друг друга. К тому же Одетта принялась шантажировать Уэллса, вынудила подарить ей его дом во Франции, угрожала опубликовать их переписку. В 1934 году Кеун – в качестве прощальной мести – напечатала своеобразные воспоминания о жизни с Уэллсом, где обвинила его во всех возможных грехах. И их отношения были кончены. Когда в том же году Уэллс вернулся из поездки в СССР, Мура ждала его в Эстонии. Они провели вместе две недели и

вместе вернулись в Лондон. Мура сказала Уэллсу, что останется с ним, но замуж за него не пойдет. «Это не подобает моему возрасту», – заявляла она в ответ на его настойчивые предложения. Он не мог этого понять: «Она проводит со мной время, ест со мной, спит со мной, но не хочет выходить за меня замуж», – жаловался Уэллс. Он утешал себя тем, что Мура не выходит за него из-за сложностей с разводом: ведь ее официальный супруг, барон Будберг, был еще жив. Впрочем, однажды она согласилась сыграть свадьбу – чисто символически. Были разосланы приглашения, и, когда гости собрались в ресторане «Quo Vadis» и выпили за здоровье супружеской четы, Мура встала и призналась, что это шутка. Когда в 1934 году близкий друг Уэллса, знаменитый английский писатель Сомерсет Моэм, спросил Муру, как она может любить Уэллса, этого толстого и очень вспыльчивого человека, она ответила: «Его невозможно не любить – он пахнет медом».

Уэллс считался главным европейским интеллектуалом. Но в последние годы своим главным достижением Уэллс считал любовь Муры. Впервые за всю жизнь Уэллсу не только было достаточно одной женщины, но в этой женщине была вся его жизнь…

Во время войны Мура работала в журнале «Свободная Франция», активно сотрудничала с движением Сопротивления, имела деловые отношения с Локкартом и генералом де Голлем. Уэллс мог только восхищаться ее неуемной энергией: сам он был уже тяжело и безнадежно болен. Его не стало 13 августа 1946 года, за месяц до восьмидесятилетнего юбилея. Последние полтора года Мура находилась с ним неотлучно. После кремации два его сына развеяли прах писателя над водами Ла-Манша. В завещании он оставил Муре сто тысяч долларов.

Муре было пятьдесят четыре года. Теперь она могла жить совершенно свободно – денег было достаточно, дети обходились без нее: сын жил на ферме на острове Уайт, дочь замужем. Но война и смерть Уэллса подкосили ее. Эта вечно молодая женщина начала стареть. Она много ела и еще больше пила – про нее говорили, что она может перепить любого матроса. Мура стала толстеть, перестала следить за собой. Но ее уважал весь Лондон, считая умнейшей женщиной своего времени. Она – невенчанная жена, эмигрантка, шпионка, авантюристка – смогла очень высоко себя поставить в этом самом снобистском городе Европы. Даже ее шпионская слава – а в разное время ее считали сотрудницей английской, германской, советской разведок – лишь внушала уважение к женщине, которая смогла не только выжить в самых суровых условиях, но подчинить себе эту жизнь. Великобритания

не забывала ее заслуг перед Форин Офис; Франция помнила о ее сотрудничестве с генералом де Голлем; аристократия всего мира считала ее – графиню и баронессу – своей. Теперь, когда у нее была масса свободного времени, Мура стала сознательно делать то, чем раньше занималась по случаю: создавать легенду о своей жизни. В разговорах в великосветских гостиных и в интервью ведущим изданиям она много и охотно рассказывала о себе – но чем больше и, казалось, откровеннее она говорила, тем все больше запутывалась ее история. Отношения с Горьким и Уэллсом, английской разведкой и советскими спецслужбами, ее семья – все обрастало таким количеством подробностей, противоречащих друг другу, что стало практически невозможно установить истину. Удивление и восхищение ее силой убеждения вызывает тот факт, что Муре верили все и всегда, что бы она ни говорила. В одном из последних интервью она даже заявила, что происходит по прямой линии от брака императрицы Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским. Россия и СССР продолжали занимать важное место в ее жизни. Мура несколько раз приезжала на родину: по приглашению вдовы Горького Екатерины Павловны Пешковой в 1956 году, затем в 1958 году, в 1960-м – навестить Бориса Пастернака и взять у него интервью, потом еще три раза. Ее принимали очень торжественно – и официальные власти, и советская интеллигенция, знавшая о ее необыкновенной судьбе. В последние годы ей было уже крайне тяжело выходить из дома. В это время ее описывали как необычайно грузную, но все еще красивую женщину, в длинной, широкой темной юбке, с несколькими нитками крупных бус, всегда с телефоном между колен, мужской палкой в руках и бутылкой водки в любое время суток. В конце концов она решила сама написать свою биографию. Для этого было собрано огромное количество документов, хранившихся в доме ее сына в Италии, недалеко от Флоренции, – она переехала сюда осенью 1974 года. Мура работала не в самом доме, а в специально оборудованном вагончике в саду. И однажды короткое замыкание вызвало пожар, уничтоживший и вагончик, и все хранящиеся там документы. Этого Мура уже не перенесла. 2 ноября 1974 года лондонская «Тайме» сообщила о ее смерти и опубликовала некролог, где она была названа «интеллектуальным вождем» современной Англии. На отпевании в первом ряду стояли французский посол с женой, а за ними – вся английская и русская эмигрантская знать.

Она оставила после себя не память, а миф, пережив всех, кто мог бы помнить правду о ней. Она сама стала мифом – женщина, которая была сильнее, чем сама жизнь…

Зинаида Райх

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

Этому роману суждено было стать одним из самых громких, скандальных, трагичных в истории русской культуры. Талантливый поэт, известный режиссер – и между ними женщина, которую они любили. Сергей Есенин, Зинаида Райх и Всеволод Мейерхольд – имена, навсегда завязанные в узел своей любовью и смертью…

Все началось в Петрограде в конце весны 1917 года. Начинающий, но быстро входящий в моду поэт Сергей Есенин зачастил в редакцию левоэсеровской газеты «Голос народа».

Никакой особой необходимости в этом не было – просто в приемной газеты сидела невероятно красивая девушка Зиночка. Зина Райх. У нее правильные черты лица, глубокие черные глаза и темные волосы, она заразительно смеется и с охотой принимает его ухаживания. Если это и не была любовь с первого взгляда, то со второго-то уж точно.

Хотя Зина и Сергей были почти ровесниками, между ними было мало общего: Есенин – из рязанских крестьян, хваткий парень, успешно прячущий свою вековую крестьянскую сметку под маской деревенского простачка. Он приехал из Москвы в Петроград, чтобы завоевать его своими стихами, и преуспел в этом буквально за несколько недель. За его плечами был недолгий брак – правда, гражданский – с Анной Изрядновой и рождение сына Юрия…

А она была дочерью обрусевшего немца Августа Райха, принявшего под именем Николая Андреевича православие ради брака с любимой женщиной, Анной Ивановной, из обедневших дворян. Август и Анна повстречались в поезде по дороге в Одессу – а приехав туда, сразу же обвенчались. Николай Райх, механик высокой квалификации, еще до женитьбы имел богатый опыт политической деятельности как член партии социал-демократов, дважды был в ссылке. Его дочь унаследовала это увлечение революционными идеями и за свои «неблагонадежные интересы» даже была исключена из гимназии. Закончила гимназию Зина в Бендерах, куда Николая Райха выслали под надзор полиции. А

уже в 19 лет она вступила в партию эсеров – правда, в основном она занималась пропагандой. В ней с детства была сильна тяга к лидерству, неприятие навязанных кем-то норм – в своей чопорной гимназии она спускалась вниз не иначе, как съехав по перилам. В 1914 году Зина поступила на Высшие петроградские женские историко-литературные и юридические курсы. Начавшийся в начале лета роман с Есениным был не первый в ее жизни, но это была первая, страстная, всеобъемлющая ее любовь…

В июле Есенин вместе с вологодским поэтом Алексеем Ганиным и Зиной Райх отправились в путешествие на Север – Есенин бегал от призыва, а Райх не смогла с ним расстаться. Во время этой поездки, 4 августа 1917 года, они обвенчались – в маленькой церкви Кирика и Улиты под Вологдой. Свадьба была словно ненастоящей, но любовь молодых людей была видна всем.

По возвращении в Петроград молодые поселились на Литейном проспекте. Зина создала для них уютный и гостеприимный дом, а из Сергея получился на удивление хороший муж – нежный, заботливый… А потом грянул октябрьский переворот.

Зина была беременна и от греха подальше уехала рожать в Орел, где к тому времени осели ее родители. Там 29 мая 1918 года родилась дочь, которую в честь матери Сергея назвали Татьяной. Отец очень любил ее – белокурую, голубоглазую, так похожую на него самого… Но любил издалека. Зинаида с дочкой еще год жили в Орле.

К этому времени Есенин уже перебрался в Москву. Тут он после непродолжительной дружбы с поэтами Пролеткульта примкнул к имажинистам. Вместе с Анатолием Мариенгофом – другом и соратником – они пытаются как-то заработать, а пока вынуждены спать в одной постели в крохотной комнатке в Богословском переулке. Потом дело как-то наладилось – они завели книжную лавочку на Большой Никитской, а затем «Стойло Пегаса» на Тверской. Зину в Москву не зовут: Есенин уже давно начал уставать от нее; долгие серьезные отношения, как оказалось, не для него… Ее наезды в гости только раздражают и его, и его друзей, которым Зина категорически не нравится. Мариенгоф так описывает ее в то время: «Это дебелая еврейская дама. Щедрая природа одарила ее чувственными губами на лице круглом, как тарелка…» А Вадим Шершеневич, еще один имажинист, едко каламбурил: «Ах, как мне надоело смотреть на райхитичные ноги!»

В начале 1919 года Райх приехала в Москву – теперь вместе с дочкой, познакомить Танюшку с отцом. Есенин с радостью принял дочь… а потом попросил Мариенгофа, как ближайшего

друга, помочь ему сплавить жену обратно в Орел. Он уже пытался объяснить Зине, что любовь прошла, но та была уверена, что Есенин ее любит, и наотрез отказывалась уходить. Мариенгоф по просьбе Есенина пришел к Райх и заявил ей, что у Сергея давно другая женщина, у которой тот в данный момент и находится… Сам Есенин в это время нервно вышагивал по Тверскому бульвару, ожидая исхода разговора. Райх все поняла правильно: она собрала вещи и уехала.

Уже после их разрыва, в феврале 1920-го, у нее родится сын. Позвонила Есенину, спросила: как назвать? Тот долго думал, стараясь выбрать какое-нибудь «нелитературное» имя, и потом сказал – назови Константином. После крещения спохватился – Константином звали сильно не любимого Есениным Бальмонта, но дело было уже сделано. Сына он увидел только через несколько месяцев, случайно: в Ростове встретились поезда, в одном из которых Есенин с Мариенгофом возвращались из Ташкента, а в другом Райх везла больного Костю в Кисловодск. Есенин взглянул на сына и выскочил из вагона, недовольно бормоча: «Есенины черными не бывают!»

Ее поезд еще три месяца полз до места назначения. Сына Зинаида выходила, но по дороге она сама заболела тифом; из-за отравления мозга сыпнотифозным ядом она сошла с ума и оказалась в сумасшедшем доме. Когда Райх вышла оттуда, от прежней легкой, очаровательной, смешливой девчонки не осталось и следа – теперь она стала жесткой, хваткой, готовой на все…

Зинаида пытается встать на ноги: устраивается на работу в Наркомпрос инспектором подотдела народных домов, музеев и клубов. Вместе с нею работала Муся Бабанова, которая была увлечена театром. Муся занималась в студии Федора Комиссаржевского, а после его отъезда за границу – у знаменитого режиссера Всеволода Мейерхольда. Однажды она попросила Всеволода Эмильевича посмотреть ее подругу, Зиночку Райх. И у Зины началась совсем другая жизнь…

Мейерхольд взял Зину в свою студию; больше того – он сразу же влюбился в нее, несмотря на двадцать лет разницы в возрасте. Он бросил к ее ногам всю свою жизнь, все свое будущее, а прошлое пришлось выбросить и забыть – потому что там еще не было Зиночки.

Мейерхольд всегда, в любой своей страсти шел до конца. В 21 год он, полный искренней веры, сменил вероисповедание и из лютеранина Карла Теодора Казимира Мейергольда превратился во Всеволода Эмильевича – Всеволодом звали обожаемого им писателя Гаршина – Мейерхольда. Он учился на юридическом факультете Московского университета, затем – на драматических

курсах. Играл в Московском Художественном театре и мотался по провинциальным театрам в качестве режиссера. Его громадный талант признавали даже враги. Премьера «Маскарада» Лермонтова в Александрийском театре в день октябрьского переворота символизировала конец старой России. При новой власти его репутация человека, свергающего устои, вознесла его над всеми. У него была Ольга Михайловна Мунт, с которой они познакомились еще детьми – в Пензе, где у Эмиля Мейергольда, чистокровного немца и подданного Германии, был водочный завод. Они поженились, как только Мейерхольд закончил университет, она была рядом с ним во все тяжелые времена, у них росли три дочери. Но ничего не смогло помешать Мейерхольду и Райх быть вместе. Однажды Всеволод Эмильевич, панически боявшийся всяких острых разговоров, прислал жене телеграмму: приезжаю с новой женой и прошу освободить квартиру… И вскоре уже жил на Новинском бульваре вместе с Райх.

Он усыновил ее детей и даже взял ее фамилию: отныне он подписывался как Мейерхольд-Райх.

Ольга Михайловна прокляла их обоих. Она очень тяжело переживала разрыв с человеком, вместе с которым прожила четверть века. Но в глубине души она понимала: Зинаида стала для него воплощением всего того, что завораживало Мейерхольда в это время: революционной стихии, буйства молодости, внутренней силы, и поделать с этим ничего нельзя…

Всеволод Мейерхольд, Париж, 1933 г.

Мейерхольд подарил Зинаиде новую жизнь. Он перевез в Москву ее родителей, окружил детей любовью и заботой. Вскоре все они переехали в новую квартиру в Брюсовом переулке, где Зинаида немедленно устроила салон для московской культурной элиты. Благодаря браку с Мейерхольдом Райх стала одной из первых дам столицы. Муж дал ей все, чего не смог и не захотел дать ей Есенин, – любовь, заботу, достаток, стабильность… Они бывают на посольских приемах, в самых роскошных ресторанах и во всех домах театральной и литературной Москвы. У Райх появляются модные туалеты из Парижа и Вены, дорогие шубы и

французские духи, стоившие тогда в нищей Москве целое состояние, у ее детей – лучшие игрушки, учителя, врачи…

Но в 1923 году в Россию из заграничной поездки с Айседорой Дункан вернулся Есенин. То, что его бывшая жена стала счастливой супругой известнейшего режиссера, стало для него сильным потрясением. И Есенин снова двинулся в атаку на уже однажды завоеванную, но брошенную крепость. Он начал приходить к детям – кричал, стоя под окнами, чтобы ему их показали; пьяный, звонил в дверь до тех пор, пока детей не будили и не выводили к нему. Единственный, кто мог справиться с Есениным в буйном хмелю, был, как ни странно, Мейерхольд. А потом Есенин начал встречаться с Зинаидой наедине. Встречи происходили на квартире у ее подруги Зинаиды Гейман. Мейерхольд узнал об этом – и каких трудов стоило ему не устроить сцену

Зинаиде или Сергею, не знает никто. Он ведь безумно ревновал ее, а к Есенину особенно. Но Мейерхольд нашел в себе силы только заметить Гейман: «Я знаю, что вы помогаете Зинаиде встречаться с Есениным. Прошу вас, прекратите это: они снова сойдутся, и она будет несчастна…»

Встречи прекратились.

Зинаида Райх с детьми

А в декабре 1925 года стало известно, что Есенин покончил с собой. У Райх от этого известия случился нервный срыв. Мейерхольд лично отпаивал ее лекарствами, успокаивал, утешал, сопровождал на похоронах… Мать Есенина крикнула ей: «Это ты виновата!» А Зинаида чуть не кинулась к Сергею в не засыпанную еще могилу – ее еле удержали…

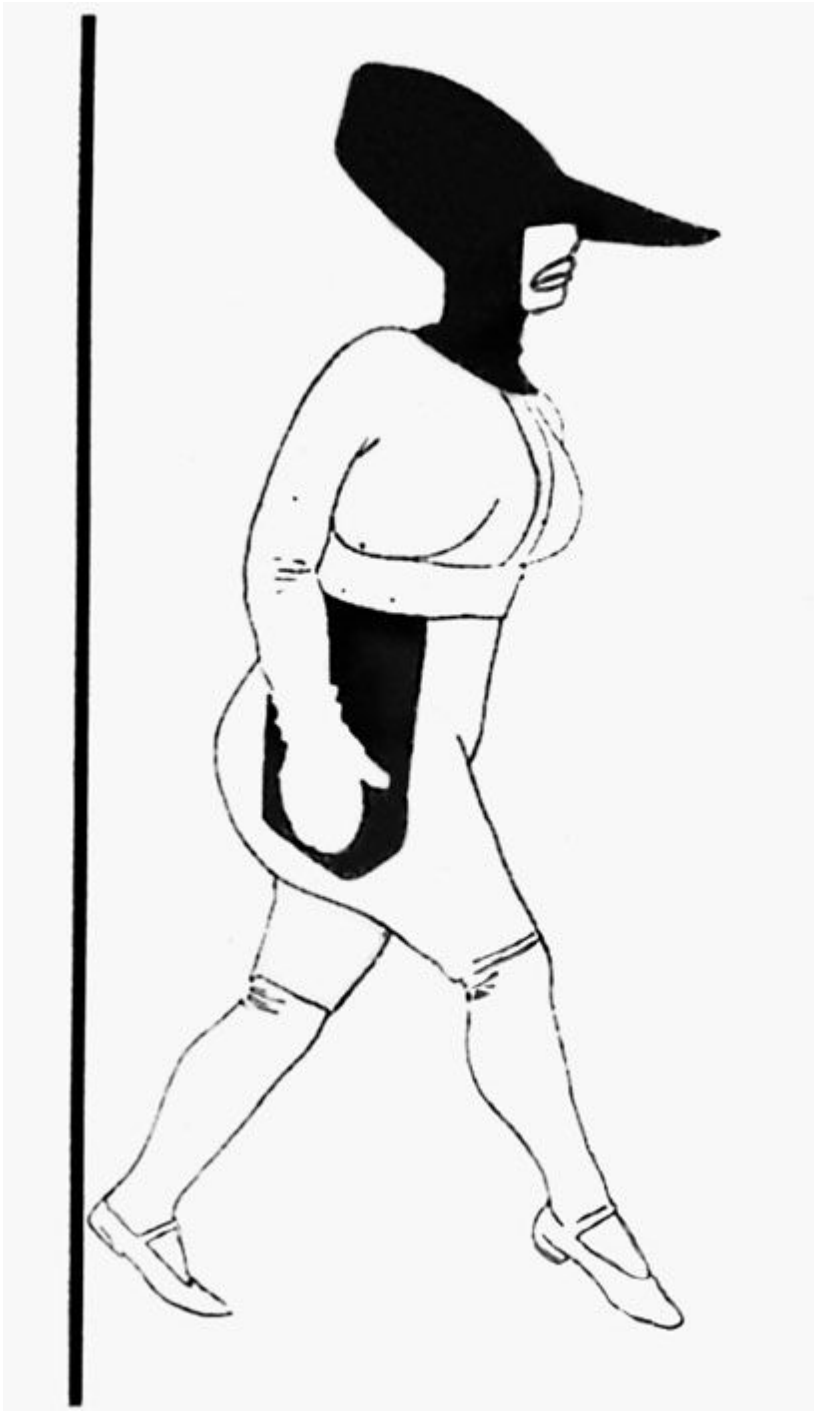
Приступы сумасшествия в результате сыпнотифозного отравления сопровождают потом больную всю ее жизнь. Мейерхольд это прекрасно знал: в молодости он интересовался физиологией мозга, а готовясь к роли Треплева в чеховской «Чайке», сам довел себя до помешательства и еле смог выйти из этого состояния. Он понимал, что Зинаиду следует занять чем-нибудь, что отвлечет ее от реальности. И он решил сделать из своей жены актрису, чтобы она, проживая на сцене одну за другой чужие жизни, могла безбоязненно возвращаться в свою.

Райх плохо подходила для театра Мейерхольда: его актеры имели прекрасную гимнастическую подготовку, умели петь и танцевать, а Райх была неповоротлива, грузна, кривонога и двигаться на сцене не умела вовсе. Но это Мейерхольда не остановило. Он стал использовать то, чем Райх могла гордиться, – ее красоту, выразительные глаза, глубокий голос, повышенную эмоциональность. После первой ее роли – Аксюши в «Лесе» Островского – критика была уверена в ее бездарности. Игорь Ильинский, сам актер Мейерхольда, писал: «Ее сценическая беспомощность и, попросту говоря, неуклюжесть были слишком очевидны». Зато когда в 1925 году был поставлен гоголевский «Ревизор», где Райх в роли Анны Андреевны выступала в дуэте с любимицей Москвы, гениально одаренной Марией Бабановой – той самой, благодаря которой Зинаида попала к Мейерхольду, – ситуация уже кардинально изменилась. Тот же Ильинский признавал: «Многому она успела научиться у Всеволода Эмильевича и, во всяком случае, стала актрисой не хуже многих других». Критик Константин Рудницкий писал: «Какие нюансы! Все сцены с дочерью неподражаемы по утонченности шаржа… Мечтал ли когда-нибудь Гоголь видеть такую Анну Андреевну!» А гениальный Михаил Чехов после просмотра обратился к Райх: «Я все еще хожу под впечатлением, полученным мною от «Ревизора»… и от двух исполнителей: от Вас и от чудесного Гарина… Поражает меня Ваша легкость в исполнении трудных заданий. А легкость – первый признак настоящего творчества». А после «Дамы с камелиями» Александра Дюма-сына – последней громкой премьеры Райх – музыкант Николай Выгодский писал: «… на слова ее игру не переложить: в ней была духовная, мелодическая сила, излучающая особый свет».

Зинаида Райх в роли Анны Андреевны с Эрастом Гариным (Хлестаков) в спектакле «Ревизор» Гоголя

Мейерхольд сумел максимально использовать все достоинства Зинаиды Райх и скрыть ее недостатки. Зная, что она не способна двигаться, он усаживал ее посередине сцены и организовывал все действие вокруг нее, делая ее центром своих постановок. Критика восторгалась ее криком, выразительностью и масштабностью ее героинь. А по Москве судачили, что Мейерхольд избавляет свою жену от возможных конкурентов: из его театра ушли Игорь Ильинский, Сергей Эйзенштейн… Эраст Гарин, преданный сторонник, любимый ученик и ближайший друг Мейерхольда, был

вынужден уйти после того, как Райх поссорилась с его женой Хесей Локшиной. Марию Бабанову Райх буквально выжила из театра – ее хрустальный талант затмевал Райх в глазах публики. После одного случая уволили Николая Охлопкова. Однажды Мейерхольд сообщил труппе, что собирается ставить «Гамлета». Охлопков, не удержавшись, спросил – а кто в главной роли? Мейерхольд ответил: «Конечно, Зинаида Райх». На это Охлопков, всегда несдержанный на язык, ответил: «Ну если Райх – Гамлет, то я – Офелия!» Такого «издевательства» над обожаемой женой Мейерхольд не потерпел…



«Баня» Маяковского. Райх в роли Фосфорической женщины. Шарж Д. Мора

И Мейерхольд, и Райх умели наживать себе врагов. Но если в

двадцатых годах они могли себе это позволить, то в тридцатых это становилось уже опасным. Сгущающиеся тучи они – люди, до предела эмоциональные, – чувствовали оба, и у обоих начали сдавать нервы. Райх устраивала истерики, даже публичные, – известен случай, когда она кричала на кремлевском приеме на самого «всероссийского старосту» Михаила Калинина: «Все знают, что ты бабник!» В середине тридцатых у нее было несколько нервных срывов, с которыми с трудом удавалось справиться. А Мейерхольд постепенно терял расположение властей – его начали поругивать в прессе, единственному из деятелей культуры его ранга не дали звания народного артиста СССР. Затем отстранили от строительства здания его собственного будущего театра… Ему начали всюду мерещиться угрозы, покушения на его жизнь… Однажды, когда он шел по улице, от выхлопа двигателя за спиной Мейерхольд в ужасе шарахнулся в подворотню: «Это они наняли администратора театра, чтобы он меня застрелил!» В 1937 году запретили два готовых спектакля, а в январе 1938-го года его театр был закрыт.

После последнего представления – «Дама с камелиями» Дюма-сына – Райх потеряла сознание; за кулисы ее унесли на руках. Ей казалось, что все, чего она боялась в жизни и чего ей так долго удавалось избежать, наконец настигло ее…

Мейерхольда поначалу приютил в своей студии Станиславский; но в августе 1938-го он скончался, и Мейерхольд снова остался не у дел.

Мейерхольд и Райх в Берлине, апрель 1930 г.

Зинаидой овладело безумие. Первый приступ случился в Ленинграде. Она буйствовала, в припадках кричала, что пища отравлена, запрещала подходить к окну – потому что «они» могут стоять напротив и выстрелить; ночью, опасаясь возможного взрыва, в одном нижнем белье рвалась выбежать на улицу… Буйная стадия прошла довольно быстро, но психическое состояние ее все еще оставляло желать лучшего. Зинаида отправила Сталину поразительно наивное и резкое письмо, где писала, что вождь – в отличие от Мейерхольда – ничего не понимает в искусстве. Как потом оказалось, это письмо

невероятно повредило опальному режиссеру. Райх во всеуслышание заявляла, что ее мужей травят: сначала загубили Есенина, теперь хотят загубить Мейерхольда… А в 1939 году она просто впала в буйное помешательство. Снова Мейерхольд лично выхаживал заболевшую жену… И однажды безумие прошло, словно его и не было… Как оказалось, это было последнее счастливое событие в жизни Мейерхольда.

Его арестовали 20 июня 1939 года в Ленинграде, когда он уехал после Всесоюзной режиссерской конференции и где остановился в своей бывшей квартире, у первой жены – Ольги Михайловны Мунт. В это же время в Москве был учинен обыск. Он был обвинен в связях с иностранными разведками… После долгих пыток и избиений он подписал обвинительные признания. Сталин никогда не мог ему простить, что в 1923 г. он поставил спектакль «Земля дыбом», посвятив его Троцкому.

Одной из версий обвинения Мейерхольда, которую активно обсуждали в московских и питерских гостиных, была следующая: Мейерхольда будто бы задержали при попытке сесть в самолет, чтобы нелегально покинуть страну. Нелепость версии заметила Ахматова: «Что же, они думают, он собрался бежать из Советского Союза без Райх? Невозможно!»

Зинаида Райх в роли Маргариты Готье в спектакле «Дама с камелиями» А. Дюма-сына

После ареста Мейерхольда Зинаида перебралась на дачу в Балашиху – когда-то она купила ее на деньги, полученные за издание собрания сочинений Есенина. Вскоре к ней переехали Константин и Татьяна с полугодовалым сыном. Жить на прежней квартире, где все напоминало о еще недавно счастливой жизни, было невозможно. Но за свое счастье Райх боролась как могла – вместе с Ольгой Мунт она собирала документы, которые могли

помочь Мейерхольду, обивала пороги, ходила по влиятельным знакомым, сидела в приемных…

Однажды Зинаида Николаевна приехала в Москву, а на ночь пришла к себе на квартиру в Брюсов переулок. С нею была дочь; Райх уговаривала ее остаться, но та спешила в Балашиху, к мужу и ребенку. А на следующий день – 15 июля 1939 года – Зинаиду Райх обнаружили в луже крови. Ее домработница с проломленной головой лежала в коридоре. Райх нанесли 8 ножевых ран; она умерла по дороге в больницу. Из квартиры ничего не пропало.

Было видно, что Райх перед смертью защищалась как могла. Но на крики, доносившиеся из квартиры, никто не вышел – соседи знали о приступах Райх и не реагировали.

Николай Райх позвонил Москвину – другу юности Мейерхольда, депутату Верховного Совета, – прося помочь с похоронами дочери. Тот ответил: «Общественность отказывается хоронить вашу дочь». На церемонию на Ваганьковском пришло очень мало народу. Как вспоминала Татьяна Есенина, у ворот стояли незаметные люди в штатском и никого не пускали. Несмотря на это, не боясь никого, в квартиру пришла положить цветы знаменитая балерина Большого театра Екатерина Васильевна Гельцер. Из деятелей искусств больше никто не рискнул переступить порог.

В смерти Райх пытались обвинить ее зятя, мужа Татьяны Есениной, но доказать ничего не смогли. Тем не менее он год провел в тюрьме; его брат просидел несколько лет. Татьяну и Сергея сразу после похорон выселили на улицу. Правда, им чудом удалось вывезти уже опечатанный архив Мейерхольда. Квартиру поделили пополам, и туда вселились шофер и секретарша Берии…

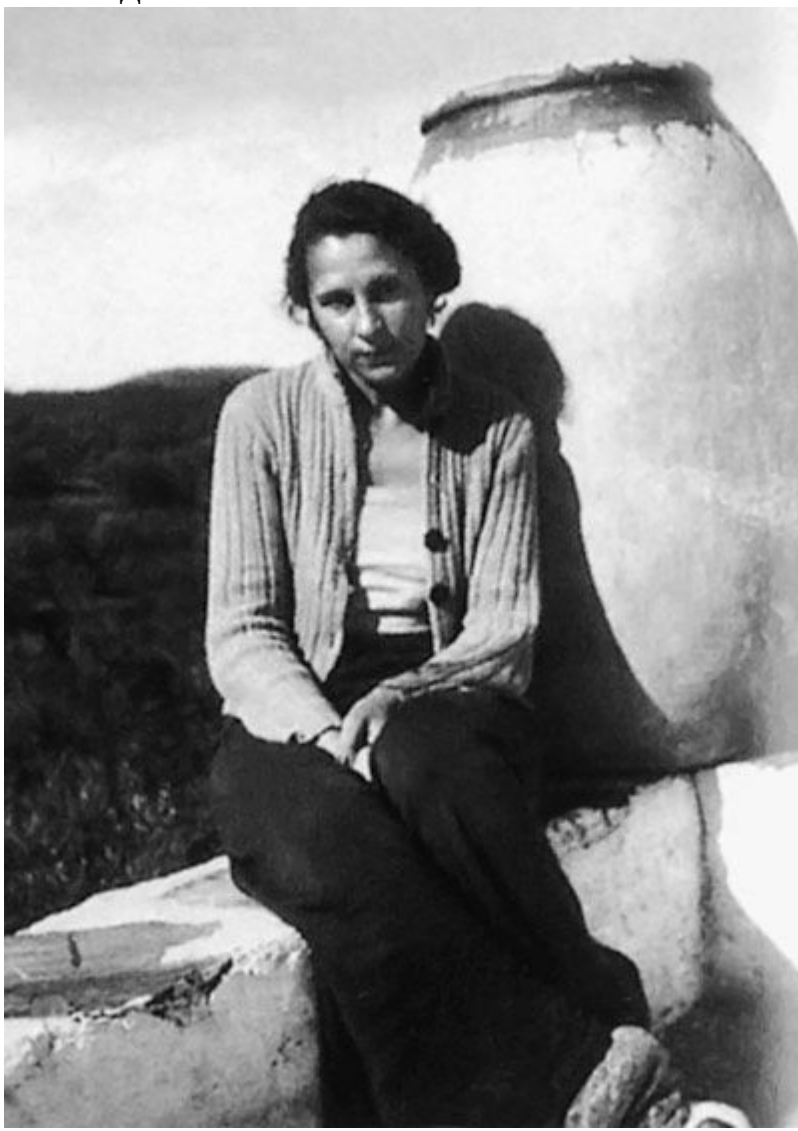
Всеволод Мейерхольд был расстрелян 2 февраля 1940 года. Вместе с ним был расстрелян журналист Михаил Кольцов. Много лет ни о Мейерхольде, ни о Есенине, ни о Зинаиде Райх говорить не полагалось. Но их имена навсегда остались в истории культуры России.

Елена Дьяконова – Гала

МАДОННА СЮРРЕАЛИЗМА

В 2004 году мир отмечал сразу две даты, связанные с одним из самых известных художников XX века – Сальвадором Дали: 100 лет со дня рождения и 15 лет со дня смерти. Признанный гений, чье влияние на современное искусство неоспоримо и неоценимо, Дали оставил свой яркий след не только в живописи, но и в

скульптуре, кинематографе, дизайне и даже литературе. Однако общепризнан и другой факт: Дали не состоялся бы, если бы не его жена, которую весь мир знает как Гала и которую на самом деле звали Елена Дьяконова.



Она родилась в Казани в 1895 году. У нее было два старших брата, Николай и Вадим, и младшая сестра Лидия. Отец, чиновник Министерства сельского хозяйства, бросил семью, когда дети были совсем маленькие, – у них не осталось о нем никаких воспоминаний. В 1905 году семье сообщили, что он умер в Сибири, в совершенной бедности.

Мать, Антонина Дьяконова, в девичестве Деулина, с детства

звала старшую дочь Галя, что потом трансформировалось в Галу – с ударением на первом слоге. Так и осталось. Во многом имя оказалось пророческим: по-французски «гала» означает «праздник», а в астрономии «гало» – светящееся кольцо вокруг Луны или Солнца. Так девочке было словно предсказано быть праздником для гениев, освещающих светом своего таланта этот мир…

Вскоре после известия о смерти отца Дьяконовы решили перебраться в Москву. Тут Антонина сошлась – как тогда говорили, вступила в свободный союз – с богатым адвокатом Дмитрием Гомбергом. Его влияние на семью Дьяконовых, особенно на

Галу, было огромно. Настолько, что именно его имя она взяла в качестве своего отчества. Гомберг настоял на том, чтобы дети получили образование, давал на это деньги, приохотил их к серьезным занятиям, к чтению. Гала поступила в престижную женскую гимназию Брюхоненко, где успешно училась, проявляя особенный интерес к литературе, а также к иностранным языкам: она свободно владела французским и немецким.

Однако после окончания гимназии продолжить образование не получилось. С детства у девочки замечали склонность к туберкулезу, и к семнадцати годам болезнь развилась в полную силу. Врачи посоветовали немедленно отправить Галу на лечение. В то время легочные больные обычно ездили в Швейцарию. И в один из горных швейцарских санаториев, в город Клавадель, в самом начале 1913 года отправилась Гала.

В санатории она познакомилась с молодым человеком по имени Эжен Эмиль Поль Грендель. Он происходил из старого, богатеющего рода. Очень быстро между ними возник роман: молодые люди проводили вместе все свободное время, практически не разлучаясь. Молодой человек оказался начинающим поэтом: его стихи, которые он под псевдонимом Поль Элюар отправлял в редакции, вдохновляла, редактировала и переписывала Гала. Любовь к поэзии и любовь к Гале развивались в молодом поэте одновременно. «Тело ее – золотая поэма. Бесстрастное, роскошное и гордое, презирающее собственную плоть», – писал он о Гале…

В апреле 1914 года у Галы заканчивается курс лечения, и она вынуждена вернуться в Россию. Молодые люди тяжело перенесли разлуку; в письмах, которыми они обмениваются постоянно, они договариваются о свадьбе. И если родители Галы в принципе были не против – кроме того соображения, что Франция слишком далеко, во всем остальном предполагаемый брак их устраивал, – то Грендели были категорически против женитьбы сына на

русской, да еще и больной: отец Эжена не понимал, что его сын нашел в этой «маленькой русской девочке» – неужели вокруг мало парижанок? К тому же началась Первая мировая призвали в армию. Правда, его слабое здоровье не позволило ему попасть на передовую, но все же Гала очень волновалась за его судьбу. И в конце концов в ноябре 1916 года Грендели дают согласие на то, чтобы Гала приехала в Париж. Из России Гала уезжает, сообщив всем: она выходит замуж за Эжена Грен деля.

В Париж она приехала с чемоданом нарядов и желанием жить самостоятельно, зарабатывая переводами. Однако скоро выяснилось, что ее французского для работы переводчицей недостаточно. Пришлось переехать к Гренделям. Быстро выяснилось, что хозяйка из нее никакая: ни готовить, ни убирать Гала, привыкшая иметь прислугу, не умела и не хотела. Однако в феврале 1917 года Гала и Эжен обвенчались. Однако Эжен снова возвращается на фронт, а Гала остается в доме его родителей. Постоянные конфликты со свекровью заставляют ее страстно желать одного – свободы, независимости, собственного дома…

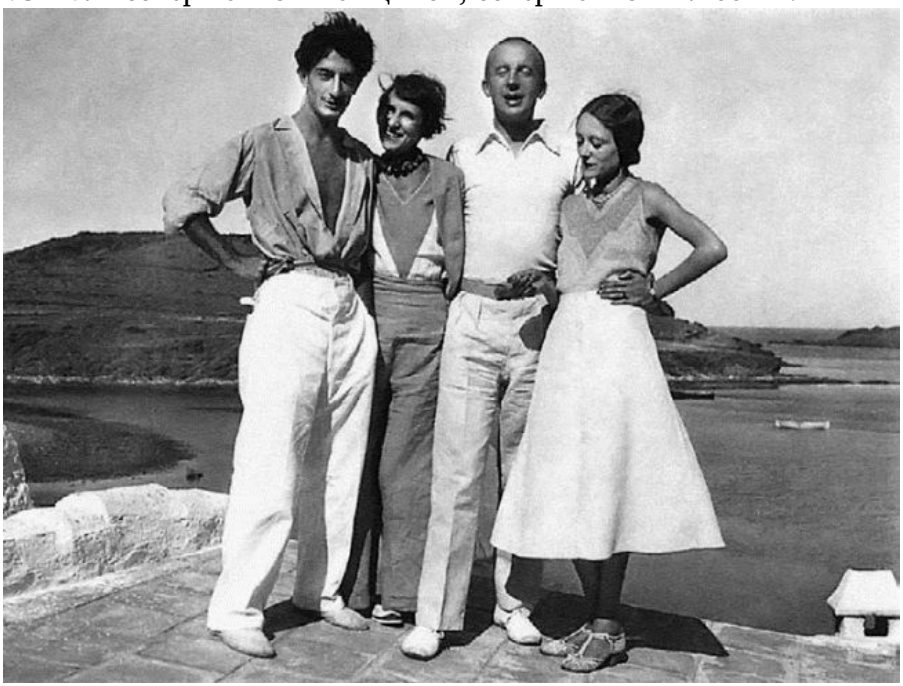
10 мая 1918 года у Галы рождается дочь Сесиль. Сама она отнюдь не рада ребенку, который, по ее мнению, только мешает. Гала всю жизнь будет равнодушна к Сесиль. А Эжен, который демобилизовался через несколько месяцев, был невероятно рад. Свою дочь он обожал.

По многочисленным свидетельствам, Гала была из тех женщин, в которых чрезвычайно развит материнский инстинкт; только направлен он не на собственных детей, а на любимого мужчину. Желание опекать его, наставлять, направлять было в Гале очень сильно. Благодаря ее помощи и поддержке ее муж Эжен Грендель стал известным поэтом Полем Элюаром, выпускал сборники стихов, постепенно завоевывая себе признание критики и публики. Вернувшись с войны, он начал работать в конторе своего отца, но вскоре всецело отдался литературе, обрастая друзьями, связями, приобретая вес и положение в пестрой среде тогдашней французской литературной богемы. И Гала тоже становится заметной фигурой: во многом благодаря ее энергии и силе воли состоялся Элюар, и она готова всюду следовать за ним. Ее женское обаяние и ум делали ее центром любого общества, где появлялся Элюар. Она была одной из немногих женщин, к мнению которых прислушивались.

Как вспоминают очевидцы, она была небольшого роста, с не очень правильными чертами лица, но ее переполняла та женская сила, которую не мог не заметить ни один мужчина. Гала обладала очень сильным характером, решимостью и непоколебимой уверенностью в себе и своей власти. Болезненная

с детства, она закаляла свой организм, принимая холодный душ, и могла плюнуть в лицо тому, кто слишком сильно ее раздражал. Ее безжалостность и к себе, и к другим, готовность идти до конца в достижении своих целей – именно эти качества являются ключевыми в характере Галы.

Элюар боготворил свою жену. Однако оба они соглашались с тем, что супружество – это не те оковы, через которые нельзя переступить. Оба они признавали друг за другом право иметь любовников, и, как вспоминают знавшие их люди, Элюара возбуждало зрелище Галы в объятиях другого мужчины. Он постоянно носил с собой ее фотографию в обнаженном виде, которую с гордостью демонстрировал знакомым. Жену он называл «совершенной женщиной, совершенной в любви».



Сальвадор Дали, Тала, Поль Элюар с подругой на террасе дома в Порт-Льигате, 1931 г.

Одним из ближайших друзей Элюара становится Максимилиан Эрнст, известный немецкий художник, один из основоположников дадаизма и сюрреализма. Летом 1922 года, когда многие дадаисты, и в их числе Элюар и Гала, отправляются на отдых в Торенц, между Галой и Эрнстом возникает связь. Не спасло положение даже то, что Эрнста сопровождала жена с маленьким ребенком.

Одним из принципов дадаизма была свобода в любви и сексе. Но то, что случилось между Эрнстом, Элюаром и Галой,

шокировало даже их друзей. Гала прилюдно, никого не стесняясь, целовалась с Максом – чтобы в следующую минуту слиться в поцелуе с Элюаром. Говорили, что в их доме у них была одна постель на троих. Этот «брак на троих» продолжался около двух лет. Как это ни странно, в результате этого скандального романа авторитет Галы среди литературной богемы сильно вырос: сложилось мнение, что если Гала обратила внимание на мужчину – значит, у него есть талант. Ее мнение стало цениться наравне со словами лучших критиков.

После смерти отца в 1927 году Элюар получил огромное наследство – больше миллиона франков. Гала наконец смогла полностью удовлетворить свои пристрастия: она становится постоянной клиенткой самых лучших магазинов и ателье, изысканных ресторанов и ювелирных лавок. Мужу она объясняла просто: «Верь мне: все это – чтобы нравиться тебе!» Ее любовь к экстравагантным вещам на грани хорошего вкуса – грань, которую она никогда не переступала, – составила ей славу одной из самых ярких и стильных женщин тогдашней Франции. Их семейная жизнь с Элюаром практически сошла на нет – и он не одинок, и у нее есть любовники, – но, несмотря на это, Элюар не только продолжает снабжать Галу деньгами без ограничений, но и все еще любит ее. В середине 1929 года они опять сходятся и вместе предпринимают поездку по Европе. Элюар к этому времени уже практически разорен (в немалой степени благодаря стараниям Галы, но все же в основном из-за начавшегося экономического кризиса), так что о былой роскоши дорогих курортов пришлось забыть. По дороге из Швейцарии Элюары заезжают в небольшой каталонский городок Кадакес, куда их пригласил знакомый по Парижу молодой художник Сальвадор Дали. Так в жизни Галы начался совсем новый период…

Сальвадор Хасинто Фелипе Дали Доменеч Куси Фаррес родился 2 мая 1904 года – он был на 10 лет младше Галы. Художник, который едва начал завоевывать признание своими странными картинами, полными изломанных образов на грани безумия, он преклонялся перед Пабло Пикассо, с которым встретился в 1926 году во время своей первой поездки в Париж. Через три года Дали снова оказался в Париже, где познакомился с писателем и поэтом Андре Бретоном, Полем Элюаром и французскими сюрреалистами, к течению которых Дали официально примкнул в 1929 году. Он работал вместе с кинорежиссером Луисом Бюнюэлем над фильмом «Андалузский пес»: именно Дали принадлежит идея самых шокирующих кадров фильма – разрезаемого человеческого глаза. А после этого Дали вернулся в родной Кадакес, куда в августе к нему с ответным

визитом приехали Андре Бретон, художник Рене Маргитт и Элюар с Галой.

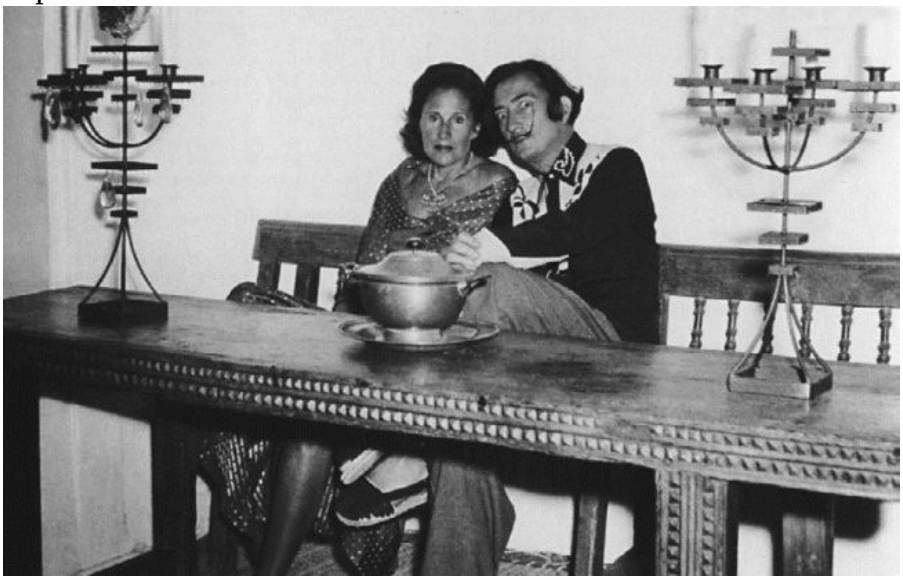
Гала настолько поразила Дали, что он, несмотря на свою невероятную стеснительность в обращении с женщинами, проявил немало усилий, чтобы обратить на себя ее внимание. До этого момента в жизни Дали была только одна женщина, но никаких сексуальных отношений между ними не было. Во время их первых встреч Дали все время истерически хихикал от смущения, чем очень раздражал Галу. Однако она заметила в молодом человеке тот потенциал, который всегда привлекал ее в мужчинах: задатки настоящего гения. Во время обсуждения одной из картин Дали Гала во всеуслышание произнесла: «Мой малыш, мы больше никогда не расстанемся!» И Элюару пришлось вернуться в Париж без нее.

К этому времени Дали, по своему собственному признанию, находился на грани сумасшествия. Неуверенность в себе и огромное количество различных комплексов, в основном сексуальных, буквально раздирали его сознание на части. Гала стала не только его первой женщиной, но и музой, моделью, матерью, секретарем и первым советчиком. Она излечила его от сумасшествия, подарив уверенность в своих силах. По словам самого Дали, появление Галы в его жизни придало его искусству новый смысл.

Однако их отношения сложились далеко не сразу. Поначалу они были достаточно болезненными, и даже через много лет между Галой и Дали возникали необъяснимо жестокие противоречия. Гале пришлось вернуться в Париж, где она объяснила мужу, что произошло между нею и Дали, а затем снова вернулась в Кадакес. Но тут снова дала знать о себе ее болезнь: у нее обнаружили плеврит. Элюар забрасывал Галу письмами с требованиями и мольбами уехать из Кадакеса на лечение. Но Дали, не менее обеспокоенный, увозит Галу в Андалузию, в Торренолимос. То ли из-за любви, то ли из-за целительного климата, но Гала быстро поправилась. Многие годы спустя оба они вспоминали дни, проведенные в Торренолимосе, как самое счастливое время своей жизни. Хотя там им пришлось столкнуться с тем, чего оба они не ожидали: с финансовыми проблемами. Дали происходил из достаточно обеспеченной семьи, но его отец, который решительно не одобрял связь сына с замужней женщиной заметно старше его, запретил им появляться в его доме. Когда лето закончилось, Гала привезла Дали в Париж. Как это ни странно, Элюар смирился с ситуацией: он оставил жене с любовником квартиру, помогал деньгами. Гала не собиралась сразу с ним разводиться – его влияние и его деньги

могли помочь и ей, и Дали. Официально они разведутся только 15 июля 1932 года. Сесиль осталась у отца. В 1934 году Гала и Дали заключили гражданский брак – Элюар присутствовал на церемонии в качестве свидетеля.

Гала стала менеджером Дали. Она ходила по галереям, предлагая его картины, разговаривала с критиками, искала покупателей, следила за тем, где и когда Дали следует бывать. В начале 1930-х годов имя Дали начинает греметь. О его картинах говорят, его эксцентричные выходки обсуждают газеты, его первая выставка в Америке прошла с неимоверным успехом. Гала словно освободила его фантазию, влив в Дали струю новой энергии.



Гала всегда была рядом с Дали: и дома…

…и в творчестве

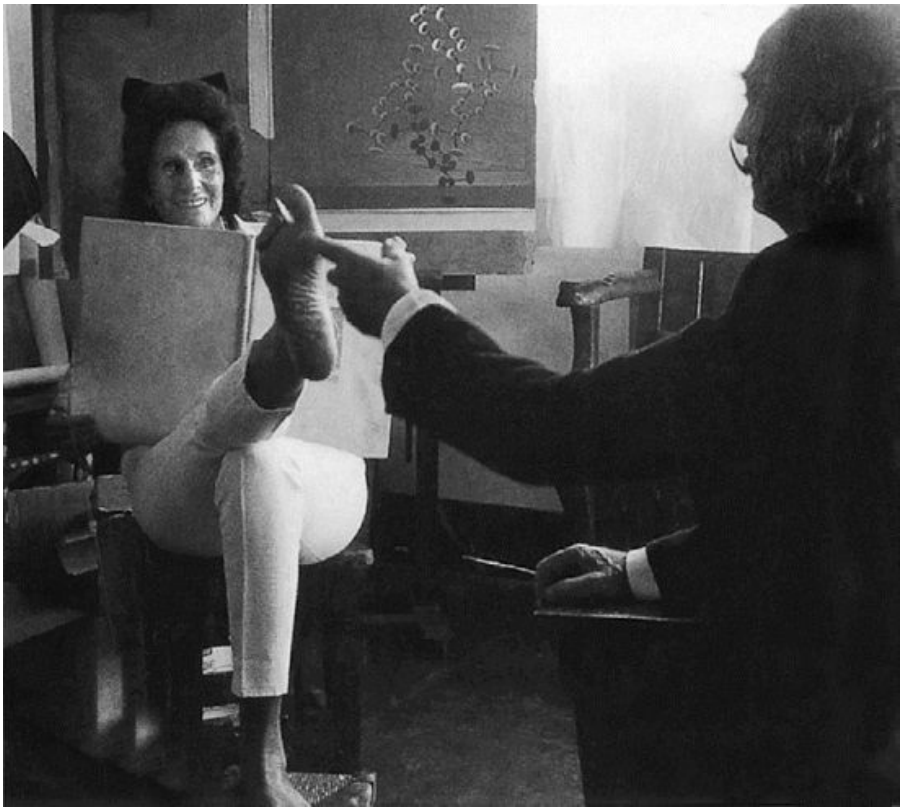
В благодарность он постоянно рисует ее на своих картинах. Нарцисс по природе, он видит в жене свое отражение; любя ее, он, по сути, любит самого себя. Но Гала – это все лучшее, что есть в Дали, та сила и цельность, которых ему не хватало. «Я люблю Галу больше, чем отца, больше, чем мать, больше, чем Пикассо. И даже больше, чем деньги, – писал Дали. – Спасибо тебе, Гала! Это благодаря тебе я стал художником».

В конце тридцатых, когда в Испании стало неспокойно, Дали с женой покидают страну. Они съездили в Италию, Францию, два раза были в США. Когда началась Вторая мировая война, они через Португалию уехали в США, решив переждать там тревожное время. Переезд означал множество проблем: если в Европе у Дали было не только имя, но и определенный круг покупателей, то Америку еще предстояло покорить. И Гала с головой окунулась в завоевание Америки.

Одна из преданных поклонниц творчества Дали в США Кэрес Кросби, авангардный издатель, пригласила Дали с женой пожить в ее имении Хэмптон Мэнор, в штате Вирджиния. Дали с благодарностью принимают приглашение, но очень скоро гости превращаются в хозяев: Гала мягко, но неуклонно подчиняет весь

дом своей воле, то есть – удобству Дали. Вход в его мастерскую закрыт для всех, кроме нее самой, любая комната, облюбованная Дали, немедленно ему уступается, все его капризы имеют силу закона. Когда Дали захотелось увидеть на лужайке белый рояль и жеребенка – его желание было немедленно исполнено. Период жизни в Хэмптон Мэнор был одним из плодотворнейших в творчестве Дали. Помимо множества замечательных картин, здесь он написал свою первую книгу – «Тайная жизнь Сальвадора Дали».

Из Вирджинии Дали часто наезжает в Нью-Йорк, где принимает активное участие в художественной жизни. Дали достаточно быстро становится самым известным и дорогим художником в США – и общепризнано, что это в основном заслуга Галы. Она пустила в ход все свои связи, все свое обаяние, и вскоре картины Дали по баснословным ценам десятками приобретают для своих коллекций миллиардеры, музеи и галереи. За одну картину Дали получает столько, сколько большинство американских художников не заработают и за всю жизнь. Под влиянием Галы он берется за любую работу, лишь бы гонорар был соответствующий. Еще в Европе он сотрудничал с Эльзой Скиапарелли – разрабатывал для нее модели платьев и шляп. Именно Дали принадлежат идеи нашумевших головных уборов Скиапарелли – шляп в форме туфли, котлеты, сковороды… Теперь Дали занимается практически всеми видами прикладного искусства.



Он пробует свои силы в рекламе, иллюстрирует книги и журналы; работает вместе с Хичкоком над фильмом «Зачарованный» и с Диснеем над картиной «Дестино» (к сожалению, фильм так и не был закончен). Дали изобретает фантастические наряды, которые регулярно украшают страницы ведущих модных журналов. Его оформление витрины универмага «Бонуит-Теллер» – замотанный в черный атлас манекен с головой из роз, атласная ванна и голова буйвола с голубем в зубах – вызвало настоящий скандал; в конце концов администрация закрыла витрину, и Дали от расстройства перевернул ванну, разбив стекло. Кроме того, он создавал эскизы ювелирных украшений, декораций к театральным спектаклям и даже издавал газету про самого себя (правда, вышло всего два номера). Оформлял интерьеры – в частности, квартиру «королевы косметики» Елены Рубинштейн. Дали даже написал роман под названием «Скрытые лица». Вся эта разнообразная, бурная, откровенно стяжательская деятельность сильно подпортила его репутацию среди профессиональных критиков и настоящих ценителей, но зато вознесла его популярность на недосягаемую для остальных высоту. За восемь лет, проведенных в США, Дали

заработал целое состояние.

Все это дало основание бывшему соратнику Дали Андре Бретону сочинить анаграмму имени художника: «avida dollars» – «жаждущий долларов». Дали только заметил, что «вряд ли это можно считать крупной творческой удачей большого поэта».

Вновь обретя стабильное финансовое благополучие, Гала сильно изменилась. Она стала уверенной в себе, жесткой, твердой, прекрасно осознающей, что имеет право требовать, а не просить. Но их отношения с Дали остались прежними: она по-прежнему остается главным человеком в его жизни. Гала управляла его делами, устраивала выставки, вела переговоры. Недоброжелатели называли ее аморальной и жестокой, ведьмой, плетущей интриги. Один из знавших ее написал: «Гала знала, чего хочет: наслаждений для сердца и всех пяти чувств, а также денег и компанейских отношений с гениями. Ее не интересовала политика или философия. Она оценивала людей по их эффективности в реальном мире и устраняла от себя тех, кто был посредственным, – и при всем том была в состоянии вдохновлять страсти и разжигать творческие силы столь разных мужчин, как Эрнст, Элюар, Дали». А сам Дали сказал: «Гала – волшебное зеркало, в котором соединяются самые прекрасные моменты настоящего на протяжении всей моей жизни»…

В 1948 году супруги наконец смогли вернуться в Испанию, в Кадакес, где Дали строит для них великолепный дом в Порт-Льигате. Начинается новый период его творчества, где Гала находится в центре его художественного мира. Во многих картинах того времени – «Мадонна Порт-Льигат», «Открытие Америки Христофором Колумбом», «Атомная Леда» – Гала предстает в виде святой, мадонны, мировой матери, а то и просто олицетворяет собой мироздание. Именно для Галы Дали создал уникальную драгоценность – брошь в виде сердца из золота и шестидесяти крупных рубинов, пульсирующего в ритме 70 ударов в минуту. В 1958 году – через шесть лет после смерти Элюара – они даже обвенчались: это произошло в маленькой часовне во Франции. Гала, которой тогда было 64 года, одетая в яркое цветастое платье, с брошью-сердцем на груди, наверняка была самой необычной невестой за всю историю этой часовни.

В 1961 году Дали, желая в очередной раз показать всему миру, как он любит Галу, организует постановку балета «Гала» на музыку Скарлатти. Премьера состоялась 22 августа в венецианском театре «Феникс». Дали создал костюмы и декорации к этому балету, а также принимал непосредственное участие в разработке либретто. В этом балете Гала выступает в образе богини, одним своим взглядом дарующей людям счастье,

мистической матери всего сущего на земле. Главную партию танцевала соотечественница Галы – русская балерина Людмила Черина. Преклонение Дали перед женой в этом балете достигло своей вершины. На одном из последних полотен Дали – «Христос Гала» – Христос изображен с лицом Галы.

Их отношения были настолько совершенны, что в них не было места никому другому. Гала и Дали практически никого не принимали – кроме, конечно же, потенциальных покупателей и других «нужных» людей. Даже когда в Порт-Льигат приехала Сесиль Элюар, Гала не захотела с ней разговаривать, захлопнув дверь прямо перед носом дочери.

С возрастом характер Галы не улучшался – она стала суровой, злой, беспощадной и невероятно эгоистичной. Гала, как и многие женщины, очень тяжело переживала наступление старости, но у нее это дошло до крайней степени: ведь мало того что она была старше Дали на десять лет (а он и в старости оставался весьма привлекательным мужчиной), так еще ее изображения – стареющей, некрасивой, седой – тиражируются по всему миру благодаря ее собственному мужу. Она испробовала все известные

косметические средства – кремы, массаж, пластические операции… Когда ей было за шестьдесят, Гала выглядела на сорок; но этого ей было мало. Тогда она прибегла к средству, которое не признается наукой, но тем не менее веками считается действенным: молодые любовники.

Ее женская притягательность со временем угасла, но теперь у нее было кое-что еще: громкое, прославленное на весь мир имя и огромные деньги, которые она была готова не считая тратить на молодых людей. Все любовники Галы были молоды и красивы, многие – талантливы. Они только начинали, у них не было ни денег, ни опыта, и Гала с ее обширнейшими связями и почти неограниченными средствами легко могла устроить их будущее. Она часто меняла своих мужчин, но более-менее долго рядом с нею удавалось оставаться лишь единицам. В 1963 году она познакомилась с Уильямом Ротлейном, на 46 лет младше ее – он потряс ее своим сходством с молодым Дали, и их связь

продолжалась три года – пока Ротлейн не умер от передозировки. Последним был молодой актер Джеф Фенхольд, известный исполнением главной партии в бродвейской постановке рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Гала подарила ему студию звукозаписи, дом за миллион долларов, дарила дорогие подарки, в том числе и картины Дали. Пресса называла эту пару «бабушка и мальчик». В то время Гале было уже почти восемьдесят.

Сам Дали тоже не остался один. Еще в 1965 году в Париже он познакомился с молодой англичанкой, начинающей певицей Амандой Лир. Длинноволосая блондинка стала постоянной спутницей Дали – так сложилась очередная в жизни Галы «групповая семья», на этот раз из четырех человек. Аманда много выиграла от этого союза – впоследствии она обрела огромную популярность; но немало и проиграла – слухи, которые Дали ради поддержания интереса к себе распространял об Аманде (например, он рассказывал, что она – транссексуал; что у нее бывают видения; придумал ей биографию, а также с удовольствием распространялся о ее странных сексуальных наклонностях), сильно подпортили ей репутацию. С ними Аманде пришлось бороться потом всю жизнь; говорят, что отношения с мужчинами у нее после Дали так и не сложились…

Гала на удивление хорошо относилась к Аманде, считая ее своей преемницей. Перед смертью она даже заставила ее поклясться на иконе, что Аманда выйдет за Дали замуж и никогда его не покинет. Сама Гала, кажется, начала уставать от шума вокруг нее, от роли матери и няньки при своем великом муже, от его рассчитанных на публичный резонанс эксцентрических выходок. И когда в 1969 году Дали подарил ей переделанный по своему плану средневековый замок Пубол, она переехала туда. Пубол, отделанный Дали со всей возможной роскошью и фантазией, украшенный мебелью, созданной по его эскизам, и его картинами и статуями, стал ее постоянной резиденцией, где Гала жила, отгородившись от всего мира. Даже Дали мог прийти к ней только по ее письменному разрешению. В ее спальне стояли фотографии ее российской семьи – странное проявление ностальгии для женщины, которая десятилетиями не интересовалась ее судьбой и никогда не скучала по своей родине. В Россию при советской власти она приезжала один раз, в 1929 году.

Расставшись с Галой, Дали словно потерял все свои силы. У него резко ухудшилось здоровье, и Гала была вынуждена вернуться к нему, чтобы снова ухаживать за ним. Последние годы она практически не отходила от мужа, борясь за его и за свое здоровье. Последней их совместной радостью был состоявшийся летом 1981 года визит в Порт-Льигат испанского короля Хуана-Карлоса, который наградил Дали орденом.

Смерть словно открыла охоту на Галу. Еще в феврале 1981 года секретарь Дали нашел Галу на полу в ее спальне; она не могла подняться. Позже Дали признался, что это он побил ее в результате ссоры. Через год она упала, выходя из ванной. Наконец в начале лета 1982 года Гала сдалась: она позвала священника, который свершил над нею обряд соборования. 10 июня ее не стало.

Дали очень тяжело пережил эту утрату. Чтобы быть ближе к ней, он переехал в замок Пубол, в часовне которого была похоронена Гала; рядом с ее могилой было оставлено место для него – два склепа соединял подземный ход. Он практически не

появлялся на людях, перестал рисовать. Он умер через семь лет – семь лет одиночества и тоски по своей музе…

Литература

Зинаида Гиппиус

ДЕКАДЕНТСКАЯ МАДОННА

…Современники называли ее «сильфидой», «ведьмой» и «сатанессой», прославляли ее литературный талант и «боттичеллиевскую» красоту, боялись ее и поклонялись ей, оскорбляли и воспевали. Она всю жизнь старалась держаться в тени великого мужа – но ее считали единственной настоящей женщиной-писателем в России, умнейшей женщиной империи. Ее мнение в литературном мире значило чрезвычайно много; а последние годы своей жизни она прожила практически в полной изоляции. Она – Зинаида Николаевна Гиппиус.

Род Гиппиусов ведет свое происхождение от некоего Адольфуса фон Гингста, который в XVI веке переселился из Мекленбурга в Москву, где сменил фамилию на фон Гиппиус и открыл первый в России книжный магазин. Семья оставалась по преимуществу немецкой, хотя случались браки с русскими – в жилах Зинаиды Николаевны русской крови было на три четверти.

Николай Романович Гиппиус познакомился со своей будущей женой, красавицей-сибирячкой Анастасией Степановой, в городе Белеве Тульской губернии, где он служил после окончания юридического факультета. Здесь же 8 ноября 1869 года родилась

их дочь, названная Зинаидой. Через полтора месяца после ее рождения Николай Романович был переведен в Тулу – так начались постоянные переезды. После Тулы был Саратов, потом Харьков, потом – Петербург, где Николая Романовича назначили товарищем (то есть заместителем) обер-прокурора Сената. Но этот достаточно высокий пост он в скором времени вынужден был оставить: врачи обнаружили у Николая Романовича туберкулез и посоветовали перебраться на юг. Он перевелся на место председателя суда в городок Нежин Черниговской губернии. Нежин был известен лишь тем, что в нем воспитывался Николай Гоголь.

Зину отдали было в Киевский институт благородных девиц, но уже через полгода забрали обратно: девочка так тосковала по дому, что практически все шесть месяцев провела в институтском лазарете. А поскольку в Нежине не было женской гимназии, Зина училась дома, с преподавателями из местного Гоголевского лицея. Проработав в Нежине три года, Николай Романович сильно простудился и в марте 1881 года умер. На следующий год семья – кроме Зины, были еще три маленьких сестры, бабушка и незамужняя сестра матери – перебралась в Москву.

Здесь Зину отдали в гимназию Фишер. Зине очень нравилось там, но через полгода врачи обнаружили туберкулез и у нее – к ужасу матери, боявшейся наследственности. Была зима. Ей запретили выходить из дому. Гимназию пришлось оставить. А весной мать решила, что семье надо год прожить в Крыму. Таким образом, домашнее обучение стало для Зины единственно возможным путем к самореализации. Она никогда особо не увлекалась науками, но от природы была наделена энергичным умом и стремлением к духовной деятельности. Еще в ранней

юности Зина начала вести дневники и писать стихи – сначала шуточные, пародийные, на членов семьи. Да еще и заразила этим остальных – тетку, гувернанток, даже мать. Поездка в Крым не только удовлетворила развившуюся с детства любовь к путешествиям, но и предоставила новые возможности для занятий тем, что интересовало Зину больше всего: верховой ездой и литературой.

После Крыма семья переехала на Кавказ – там жил брат матери, Александр Степанов. Его материальное благосостояние позволило всем провести лето в Боржоме – курортном городке недалеко от Тифлиса. На следующее лето поехали в Манглис, где Александр Степанович скоропостижно скончался от воспаления мозга. Гиппиусы вынуждены были остаться на Кавказе.

Зина покорила тифлисскую молодежь. Высокая, статная красавица с пышной золотисто-рыжей косой ниже колена и изумрудными глазами неудержимо влекла к себе взоры, мысли, чувства всех, кто с нею сталкивался. Ее прозвали «поэтессой» – признавая тем самым ее литературный талант. В кружке, который она собрала вокруг себя, почти все писали стихи, подражая популярнейшему в то время Семену Надсону, недавно умершему от чахотки, – но ее стихи были лучше всех. В Тифлисе Зине попался в руки петербургский журнал «Живописное обозрение» со статьей о Надсоне. Там, помимо прочего, упоминалось имя другого молодого поэта, друга Надсона, – Дмитрия Мережковского, и приводилось одно его стихотворение. Оно Зине не понравилось, но имя почему-то запомнилось…

Весной 1888 года Гиппиусы и Степановы снова едут в Боржом. Туда же приезжает Дмитрий Сергеевич Мережковский, путешествующий по Кавказу после окончания Петербургского университета. К тому времени он уже выпустил свою первую книгу стихов и был достаточно известным поэтом. Как оба считали, их встреча носила мистический характер и была предопределена свыше. Через год, 8 января 1889 года, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский обвенчались в тифлисской церкви Михаила Архангела. Ей было 19 лет, ему – 23.

По обоюдному желанию молодоженов свадьба была очень скромной. Невеста была в темно-стальном костюме и маленькой шляпке на розовой подкладке, а жених в сюртуке и форменной «николаевской» шинели. Не было ни гостей, ни цветов, ни молебна, ни свадебного застолья. Вечером после венчания Мережковский ушел к себе в гостиницу, а Зина осталась у родителей. Утром мать разбудила ее криком: «Вставай! Ты еще спишь, а уж муж пришел!» Только тут Зина вспомнила, что вчера вышла замуж… Так родился семейный союз, которому суждено

было сыграть важнейшую роль в истории русской культуры. Они прожили вместе более пятидесяти лет, не расставаясь ни на день.

Дмитрий Мережковский происходил из состоятельной семьи – отец его, Сергей Иванович, служил при дворе Александра II и вышел в отставку в чине генерала. В семье было три дочери и шесть сыновей, Дмитрий – младший, любимец матери. Именно благодаря матери Дмитрий Сергеевич смог добиться от отца, довольно скупого человека, согласия на свадьбу и материальной помощи. Она же сняла и обставила для молодых квартиру в Петербурге – сразу после свадьбы Зинаида и Дмитрий перебрались сюда. Жили так: у каждого отдельная спальня, собственный кабинет – и общая гостиная, где супруги встречались, читали друг другу написанное, обменивались мнениями, принимали гостей.

Мать Дмитрия Сергеевича умерла через два с половиной месяца после его свадьбы, 20 марта. Сергей Иванович, страстно любивший жену и равнодушный к детям, уехал за границу, где увлекся спиритизмом и практически перестал общаться с семьей. Исключение делалось лишь для Дмитрия – как любимца покойной жены. Умер Сергей Иванович в 1908 году – через 19 лет, день в день, после смерти жены.

Современники утверждали, что семейный союз Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского был в первую очередь союзом духовным и никогда не был по-настоящему супружеским. Телесную сторону брака отрицали оба. При этом у обоих случались увлечения, влюбленности (в том числе и однополые), но они лишь укрепляли семью. У Зинаиды Николаевны было много увлечений – ей нравилось очаровывать мужчин и нравилось быть очарованной. Но никогда дело не шло дальше поцелуев. Гиппиус считала, что лишь в поцелуе влюбленные равны, а в том, что должно следовать дальше, кто-нибудь обязательно будет стоять над другим. А этого Зинаида ни в коем случае не могла допустить. Для нее самым важным всегда было равенство и союз душ – но не тел.

Все это позволяло недоброжелателям называть брак Гиппиус и Мережковского «союзом лесбиянки и гомосексуалиста». Мережковскому подбрасывались в квартиру письма: «Отомстила тебе Афродита, послав жену-гермафродита».

Чаще у Гиппиус случались романы с мужчинами. Хотя романами их можно было назвать лишь с некоторой натяжкой. В основном это – общие дела, письма, затянувшиеся на всю ночь разговоры в доме Мережковских, несколько поцелуев – и все. В начале 1890-х годов Зинаида Николаевна близко сходится сразу с двумя – поэтом-символистом Николаем Минским и драматургом

и прозаиком Федором Червинским, университетским знакомым Мережковского. Минский любил ее страстно – а Гиппиус лишь, по ее собственным словам, была влюблена «в себя через него». В 1895 году у Зинаиды Николаевны начинается роман с Акимом Флексером (Волынским), известным критиком, идеологом журнала «Северный вестник». Знакомство было давнее. Именно Аким Волынский первым напечатал стихи Гиппиус, которые ни один журнал не хотел брать. Долгое сотрудничество постепенно переросло сначала в дружбу, затем – в любовь. По воспоминаниям современников, чувство Гиппиус к Волынскому было самым сильным чувством в жизни Зинаиды Николаевны. Но и с ним она осталась самой собой: больше всего в Акиме Львовиче ее пленило то, что он, подобно ей, собирался сохранить свою «телесную чистоту»… Как потом написала Гиппиус, расстались они из-за «невозможного русского языка», которым Флексер писал свои критические статьи.

В конце 1890-х – начале 1900-х годов Гиппиус была в близких отношениях с английской баронессой Елизаветой фон Овербек. Происходившая из семьи обрусевших немцев, она как композитор сотрудничала с Мережковским – написала музыку к переведенным им трагедиям Еврипида и Софокла, которые поставили в Александрийском театре. Гиппиус посвятила Елизавете фон Овербек несколько стихотворений. Отношения эти

современники называли и чисто деловыми, и откровенно любовными…

Тем не менее брак Гиппиус и Мережковского был поистине уникальным творческим союзом. Существуют различные точки зрения на то, кто же все-таки лидировал в нем, но сходятся в одном: именно Зинаиде принадлежали те идеи, которые развивал потом в своих произведениях Мережковский. Без него все ее идеи остались бы только словами, а он бы без нее замолчал. Бывало, что под фамилией Мережковского публиковались статьи, написанные Зинаидой Николаевной. Был и такой случай: как-то она «подарила» Дмитрию Сергеевичу два стихотворения, которые очень ему понравились. Сопроводив одно из них длинным эпиграфом из Апокалипсиса, Мережковский включил их в собрание своих стихов. Но и Гиппиус, «забыв» о подарке, напечатала эти стихотворения в своем сборнике. И хотя было сразу видно, что стихи написаны не Мережковским – как поэт Гиппиус была гораздо сильнее, – шутка сошла ей с рук. Никто ничего не заметил.

Зинаида довольно быстро заняла в литературной жизни столицы заметное место. Уже с 1888 года она начала печататься – первой ее публикацией были стихи в журнале «Северный вестник», затем рассказ в «Вестнике Европы». Семья жила практически только на гонорары – в основном за критические статьи, которые оба писали в большом количестве. Стихи Зинаиды Гиппиус, как и проза Дмитрия Мережковского, поначалу не находили издателей – так мало они вписывались в принятые тогда рамки «хорошей литературы», унаследованные от либеральной критики 1860-х годов. Однако постепенно с Запада приходит и приживается на русской почве декаданс, и в первую очередь такое литературное явление, как символизм. Зародившийся во Франции, символизм проникает в Россию в начале 1890-х годов и за несколько лет становится ведущим стилем в русской литературе. Гиппиус и Мережковский оказываются у истоков зарождающегося в России символизма – вместе с Николаем Минским, Иннокентием Анненским, Валерием Брюсовым, Федором Сологубом, Константином Бальмонтом они были названы «старшими символистами». Именно они приняли на себя главный удар критики, продолжавшей стоять на отживших позициях народничества. Ведь «шестидесятники» считали, что первая задача литературы – вскрывать язвы общества, учить и служить примером, и любое литературное произведение оценивали не по его художественным достоинствам, а по той идее (в идеале – гражданскообличительной), которую там находили. Символисты

же боролись за восстановление эстетического принципа в литературе. И победили. «Младшие символисты» поколения Александра Блока и Андрея Белого пришли на позиции, уже отвоеванные для них старшими собратьями по перу, и лишь углубили и расширили сферу завоеванного.

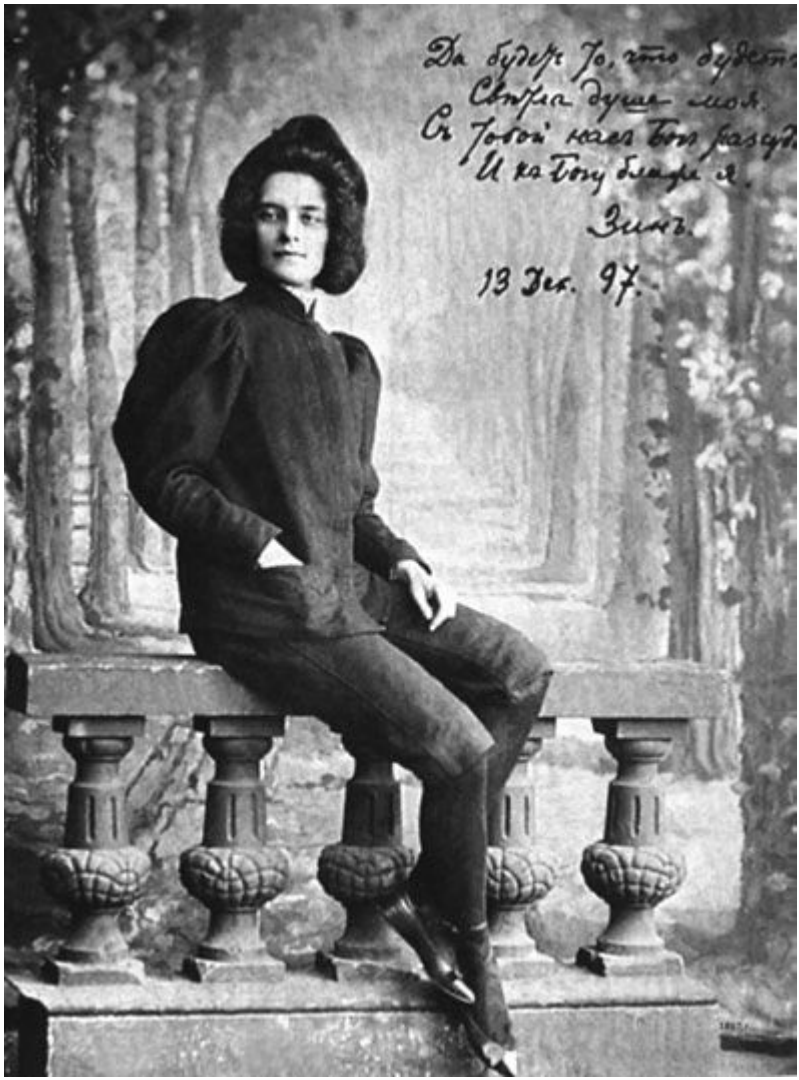
В начале 1890-х годов Мережковский начинает работу над трилогией «Христос и Антихрист»: сначала над романом «Юлиан Отступник», а затем над «Леонардо да Винчи», самым известным своим романом. Собирая материал для трилогии, Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич совершают два путешествия по Европе. Зинаида впервые попадает в Париж – город, который сразу же очаровал ее и где впоследствии Мережковские проведут многие годы. По возвращении они поселяются на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы, в «доме Мурузи» – в доме, который благодаря им стал центром литературно-художественной и религиозно-философской жизни Петербурга. Здесь Зинаида Николаевна устроила известнейший литературный салон, где собирались многие видные деятели культуры того времени.

Культурная среда XIX века во многом складывалась из деятельности разнообразных кружков – домашних, дружеских, университетских, складывавшихся вокруг издательств альманахов, журналов, многие из которых тоже в свое время возникали из кружков. Встречи в редакции журнала «Новый путь», вечера журнала «Мир искусства», «воскресники» писателя и философа Василия Розанова, среды в «башне» Вячеслава Иванова,

«пятницы» Николая Минского, «воскресенья» Федора Сологуба – чета Мережковских была непременным участником всех этих – и многих других – собраний. Их дом также был открыт для гостей – поэтов, писателей, художников, религиозных и политических деятелей. «Здесь воистину творили культуру. Все здесь когда-то учились», – писал Андрей Белый, один из постоянных гостей салона. Гиппиус была не просто хозяйкой салона, собирающей в своем доме интересных людей, но вдохновительницей, подстрекательницей и горячей участницей всех случавшихся дискуссий, центром преломления разнородных мнений, суждений, позиций. Влияние Гиппиус на литературный процесс признавалось едва ли не всеми современниками. Ее называли «декадентской мадонной», вокруг нее роились слухи, сплетни, легенды, которые Гиппиус не только с удовольствием собирала, но и деятельно преумножала. Она очень любила мистификации. Например, писала мужу письма разными почерками, будто бы от поклонниц, в которых – в зависимости от ситуации – ругала или хвалила его. Оппоненту могла послать письмо, написанное его же почерком, в котором продолжала ранее начатую дискуссию.

Она активнейшим образом участвовала в литературной и личной жизни своих современников. Постепенно знакомство с Гиппиус, посещения ее салона становятся обязательными для начинающих литераторов символистского – и не только – толка. При ее активном содействии состоялся литературный дебют Александра Блока. Она вывела в люди начинающего Осипа Мандельштама. Ей принадлежит первая рецензия на стихи тогда еще никому не известного Сергея Есенина.

Критиком она была знаменитейшим. Обычно она писала под мужскими псевдонимами, самый известный из которых – Антон Крайний, но все знали, кто скрывается за этими мужскими масками. Проницательная, дерзкая, в иронически-афористичном тоне Гиппиус писала обо всем, что заслуживало хоть малейшего внимания. Ее острого языка боялись, ее многие ненавидели, но к мнению Антона Крайнего прислушивались все.



Стихи, которые она всегда подписывала своим именем, были написаны в основном от мужского лица. В этом была и доля эпатажа, и проявление ее действительно в чем-то мужской натуры (недаром говорили, что в их семье Гиппиус – муж, а Мережковский – жена; она оплодотворяет его, а он вынашивает ее идеи), и игра. Зинаида Николаевна была непоколебимо уверена в собственной исключительности и значимости и всячески пыталась это подчеркнуть. Она позволяла себе все, что запрещалось остальным. Носила мужские наряды – они эффектно подчеркивали ее бесспорную женственность. Именно такой изобразил ее на знаменитом портрете Лев Бакст. Обожала играть людьми, ставить над ними своеобразные эксперименты. Сначала привлекает их выражением глубокой заинтересованности,

очаровывает своей несомненной красотой и обаянием, а затем – отталкивает надменностью, насмешливостью, холодным презрением. При ее незаурядном уме это было несложно. Ее любимыми развлечениями было дерзить людям, конфузить их, ставить в неловкое положение и наблюдать за реакцией. Гиппиус могла принять малознакомого человека в спальне, неодетой, а то и вовсе принимая ванну. В историю вошли и знаменитая лорнетка, которой близорукая Зинаида Николаевна пользовалась с вызывающей бесцеремонностью, и ожерелье, сделанное из обручальных колец ее поклонников.

Гиппиус сознательно провоцировала окружающих на отрицательные чувства в свой адрес. Ей нравилось, когда ее называли «ведьмой» – это подтверждало, что тот «демонический» образ, который она усиленно культивировала, успешно работает. Она шила себе платья, на которые в недоумении и ужасе оглядывались прохожие и в Петербурге, и в Париже, до неприличия явно пользовалась косметикой – на нежную белую кожу накладывала толстый слой пудры кирпичного цвета.

Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский и Дмитрий Философов

Она пыталась скрыть свое истинное лицо, пытаясь таким образом научиться не страдать. Обладающая ранимой, сверхчувствительной натурой, Гиппиус специально ломала, переделывала себя, чтобы обрести психологическую защиту,

обрасти панцирем, охраняющим ее душу от повреждений. А поскольку, как известно, лучший способ защиты – нападение, Зинаида Николаевна и избрала столь вызывающий стиль поведения…

Огромное место в системе ценностей Зинаиды Гиппиус занимали проблемы духа и религии. Именно Гиппиус принадлежала идея знаменитых Религиозно-философских собраний (1901–1903 годы), сыгравших значительную роль в русском религиозном возрождении начала XX века. На этих собраниях творческая интеллигенция вместе с представителями официальной церкви обсуждала вопросы веры. Гиппиус была одним из членов-учредителей и непременной участницей всех заседаний.

На первое собрание она явилась в глухом черном просвечивающем платье на розовой подкладке. При каждом движении создавалось впечатление обнаженного тела. Присутствующие на собрании церковные иерархи смущались и стыдливо отводили глаза…

Во время подготовки Религиозно-философских собраний Мережковский и Гиппиус сближаются с Дмитрием Васильевичем Философовым. Двоюродный брат и ближайший друг (а по некоторым данным, и любовник) известного мецената Сергея Дягилева, он принадлежал к группе «Мир искусства», с которой у Зинаиды Николаевны и Дмитрия Сергеевича были давние дружеские связи. Члены этой группы считались последователями философа Василия Розанова, но Философову оказались ближе идеи Мережковского. Сближение было настолько сильным, что Гиппиус, Мережковский и Философов даже заключили между собой особый «тройственный» союз, напоминающий брачный, для чего был совершен специальный, совместно разработанный обряд. Союз рассматривался как зачаток будущего своего рода религиозного ордена. Принципы его работы были следующие: внешнее разделение церкви с государством и внутренний союз с православием, цель – установление Царства Божьего на земле. Именно деятельность в этом направлении все трое воспринимали как свой долг перед Россией, современниками и последующими поколениями. Зинаида Николаевна всегда называла эту задачу – Главное.

Однако наметившийся вскоре разлад с «Миром искусства» приводит к разрушению этого союза: через год Философов вернулся к Дягилеву, немало сил потратившему на то, чтобы рассорить своего кузена с Мережковскими. Философов сказывается больным, Дягилев прячет его на своей квартире и пресекает все попытки Мережковского выяснить отношения. Из-за

этого прекращаются отношения и с Дягилевым. Вскоре он и Философов уезжают за границу.

В 1903 году собрания были запрещены указом Святейшего синода.

В том же году умерла мать Зинаиды Николаевны. И она, и сестры очень переживали ее смерть. В это время рядом с нею был Дмитрий Сергеевич и вернувшийся из-за границы Философов. Они снова сблизились. И с тех пор не разлучались в течение пятнадцати лет.

Дмитрий Васильевич был очень красивым, изящным, утонченным, высококультурным, широко образованным, по-настоящему религиозным человеком. Зинаида Николаевна была некоторое время увлечена им как мужчиной (именно к нему обращено ее единственное стихотворение, написанное от женского лица), но Философов отверг ее домогательства, сославшись на отвращение к любому плотскому соитию, и предложил взамен духовный и дружеский союз. Некоторые считали, что он предпочел Гиппиус Мережковского. Тем не менее он многие годы был ближайшим другом, соратником и спутником обоих – и Дмитрия Сергеевича, и Зинаиды Николаевны.

В последующие годы они живут вместе. Много времени проводят за границей, особенно в Париже. Однако события 1905 года застали их в Петербурге. Узнав о расстреле мирной демонстрации 9 января – Кровавом воскресенье, – Мережковский, Гиппиус,

Философов, Андрей Белый и еще несколько их знакомых в знак протеста устраивают свою демонстрацию: явившись вечером в Александрийский театр (императорский!), срывают спектакль.

В тот вечер должен был играть известный актер Николай Варламов, уже пожилой. Говорят, он плакал за кулисами: никогда его спектакли не срывались!

С 1906 года Мережковский, Гиппиус и Философов жили в основном за границей, чаще всего в Париже и на Ривьере. Вернулись на родину они уже перед самым началом мировой войны, весной 1914 года. По религиозным мотивам Мережковские сугубо отрицательно относились к любой войне. Гиппиус говорила, что война является осквернением человечества. Свой патриотизм они видели не в том, чтобы, подобно многим тогда, повсюду восхвалять силу русского оружия, а в том, чтоб объяснить обществу, куда может привести бессмысленное кровопролитие. Гиппиус утверждала, что всякая война несет в себе зародыш новой войны, порожденной национальным озлоблением побежденного.

Однако со временем она пришла к мысли, что только

«честная революция» может покончить с войной. Подобно другим символистам, Гиппиус видела в революции великое духовное потрясение, способное очистить человека и создать новый мир духовной свободы. Поэтому Февральскую революцию Мережковские приняли с восторгом: самодержавие полностью дискредитировало себя, его ненавидели. Радовались, что теперь в правительстве такие же люди, как они, что там много их знакомых. Но все же понимали, что Временное правительство слишком слабо, чтобы удержать власть. Когда свершился Октябрьский переворот, Зинаида Николаевна была в ужасе: она предвидела, что той России, которую она любила, в которой жила, – больше нет. Ее дневники тех лет полны страха, отвращения, злобы – и умнейших оценок происходящего, интереснейших зарисовок, ценнейших наблюдений. Мережковские с самого начала подчеркивали свое неприятие новой власти. Зинаида Николаевна открыто порвала со всеми, кто стал сотрудничать с новой властью, публично отругала Блока за его поэму «Двенадцать», рассорилась с Белым и Брюсовым. Новая власть и для Гиппиус, и для Мережковского была воплощением «царства Дьявола». Но решение об отъезде все откладывается и откладывается. Они все еще надеялись на поражение большевиков… А когда же наконец решились и Мережковский попросил разрешения на отъезд за границу на лечение – им категорически запретили отъезд. Однако в конце 1919 года им удается вырваться из страны. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Философов и секретарь Гиппиус Владимир Злобин нелегально перешли польскую границу в районе Бобруйска.

Сначала они поселились в Минске, а в начале февраля 1920 года переехали в Варшаву. Здесь они погрузились в активную политическую деятельность среди русских эмигрантов. Смыслом их жизни здесь стала борьба за свободу России от большевизма. Гиппиус вела активную работу в кругах, близких к польскому правительству, против возможного заключения мира с Советской Россией. Она стала редактором литературного отдела газеты «Свобода», где печатала свои политические стихи. Дмитрий Философов был избран членом Русского комитета, стал близко сотрудничать с Борисом Савинковым, бывшим членом террористической «Боевой группы» – он возглавлял антибольшевистское движение в Польше. Гиппиус давно знала Савинкова – они сблизились в 1908–1914 годах во Франции, где Савинков организовывал тогда собрания своей группы. В результате общения с Гиппиус и под ее несомненным влиянием Савинков написал роман «Конь бледный», изданный в 1909 году

под псевдонимом В. Ропшин. Гиппиус редактировала роман, придумала ему название, привезла рукопись в Россию и издала в журнале «Русская мысль». В 1917–1918 годах именно на Савинкова, наряду с Керенским, Гиппиус возлагала особые надежды как на выразителя новых идей и спасителя России.

Теперь такого спасителя Мережковский и Гиппиус увидели в маршале Юзефе Пилсудском, главе польского правительства. Они надеялись, что он, сплотив вокруг Польши все антибольшевистские силы, избавит мир от большевизма. Однако 12 октября 1920 года Польша и Россия подписали перемирие. Было официально объявлено, что русским людям в Польше под страхом высылки из страны запрещается критиковать власть большевиков.

Через неделю Гиппиус, Мережковский и Злобин выехали в Париж. Философов, попавший под сильнейшее влияние Савинкова, остался в Варшаве, где возглавил отдел пропаганды в Русском национальном комитете Польши.

Обосновавшись в Париже, где у них еще с дореволюционных времен осталась квартира, Мережковские возобновили знакомство с цветом русской эмиграции: Константином Бальмонтом, Николаем Минским, Иваном Буниным, Иваном Шмелевым, Александром Куприным, Николаем Бердяевым и другими. Зинаида Николаевна вновь очутилась в своей стихии. Снова вокруг нее бурлила жизнь, она постоянно печаталась – не только на русском, но и на немецком, французском, нескольких славянских языках. Только все больше горечи в ее словах, все больше тоски, отчаяния и яда в стихах…

В 1926 году Мережковские решили организовать литературное и философское общество «Зеленая лампа» – своего рода продолжение одноименного общества начала XIX века, в котором принимал участие А. С. Пушкин. Президентом общества стал Георгий Иванов, а секретарем – Злобин. Мережковские хотели создать что-то вроде «инкубатора идей», среду для обсуждения важнейших вопросов. Общество сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и в течение ряда

лет собирало лучших ее представителей.

Собрания были закрытыми: гости приглашались по списку, с каждого взималась небольшая плата, шедшая на аренду помещения. Постоянными участниками собраний были Иван Бунин, Борис Зайцев, Михаил Алданов, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Николай Бердяев и многие другие. Прекратилось существование общества только с началом Второй мировой войны в 1939 году.

С годами Гиппиус менялась мало. И вдруг оказалось, что она осталась среди эмигрантских литераторов практически одна: старое поколение, ее бывшие соратники, постепенно сошло с литературной сцены, многие уже умерли, а новому поколению, начавшему свою деятельность уже в эмиграции, она не была близка. И она сама это понимала: в «Сиянии», книге стихов, вышедшей в 1938 году, было очень много горечи, разочарования, одиночества, ощущения потери привычного мира. А новый мир ускользал от нее…

Мережковский в своей ненависти к коммунизму последовательно ставил на всех диктаторов в Европе. В конце 30-х годов он увлекся идеями фашизма, лично встречался с Муссолини. В нем Мережковский видел возможного спасителя Европы от «коммунистической заразы». Зинаида Николаевна не разделяла этого представления – любой тиран был ей отвратителен.

В 1940 году Мережковские переехали в Биарриц. Вскоре Париж был оккупирован немцами, все русские журналы и газеты закрыты. Эмигрантам пришлось оставить литературу и лишь стараться не связываться с оккупантами.

Отношение Гиппиус к фашистской Германии было двойственно. С одной стороны, она, ненавидя большевизм, надеялась, что Гитлер поможет сокрушить большевиков. С другой стороны, для нее был неприемлем любой вид деспотизма, она отрицала войну и насилие. И хотя Зинаида Николаевна страстно хотела видеть Россию свободной от большевизма, она никогда не сотрудничала с гитлеровцами. Она всегда оставалась на стороне России.

Летом 1941 года, вскоре после нападения Германии на СССР, Владимир Злобин вместе со своей немецкой знакомой без ведома Гиппиус привели Мережковского на немецкое радио. Таким образом они хотели облегчить тяжелое материальное положение Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Николаевны. Мережковский выступил с речью, где стал сравнивать Гитлера с Жанной д'Арк, призванной спасти мир от власти дьявола, говорил о победе духовных ценностей, которые несут на своих штыках немецкие

рыцари-воины… Гиппиус, узнав об этом выступлении, кипела от гнева и возмущения. Однако она не смогла оставить мужа, особенно теперь. Ведь после этой речи от них отвернулись практически все. 7 декабря 1941 года Дмитрий Сергеевич скончался. Проводить его в последний путь пришли лишь несколько человек…

Незадолго перед смертью он совершенно разочаровался в Гитлере.

После смерти мужа Зинаида Николаевна была немного не в себе. Сначала она с трудом восприняла его смерть, даже хотела покончить с собой, выбросившись из окна. Затем вдруг успокоилась, говоря, что Дмитрий Сергеевич жив, даже разговаривала с ним.

Она пережила его на несколько лет. Зинаида Гиппиус умерла 9 сентября 1945 года, ей было 76. Ее смерть вызвала целый взрыв эмоций. Ненавидевшие Гиппиус не верили в ее смерть, приходили и для того, чтобы лично убедиться в том, что она мертва, стучали по гробу палками. Те немногие, кто уважали и ценили ее, видели в ее смерти конец целой эпохи… Иван Бунин, никогда не приходивший на похороны, – он панически боялся смерти и всего, что с ней связано, – практически не отходил от гроба. Ее похоронили на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, рядом с мужем Дмитрием Мережковским.

Легенда ушла в небытие. А потомкам остались несколько сборников стихов, драмы, романы, тома критических статей, несколько книг воспоминаний – и память. Память о великой женщине, старавшейся держаться в тени великого мужа и осветившей светом своей души русскую литературу.

Анна Ахматова

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

…Ее называли «Северной звездой», хотя родилась она на Черном море. Она прожила долгую и очень насыщенную жизнь, в которой были войны, революции, потери и очень мало простого счастья. Ее знала вся Россия, но были времена, когда даже ее имя было запрещено упоминать. Великий поэт с русской душой и татарской фамилией – Анна Ахматова.

Та, кого потом вся Россия узнает под именем Анны Ахматовой, родилась 11(24) июня 1889 года в пригороде Одессы, Большом Фонтане. Ее отец, Андрей Антонович Горенко, был морским инженером, мать, Инна Эразмовна, посвятила себя детям, которых в семье было шесть: Андрей, Инна, Анна, Ия, Ирина (Рика) и Виктор. Рика умерла от туберкулеза, когда Ане было пять лет. Рика жила у тети, и ее смерть держали в тайне от остальных детей. Тем не менее Аня почувствовала, что случилось, – и как она потом говорила, эта смерть пролегла тенью через все ее детство.

Когда Ане было одиннадцать месяцев, семья перебралась на север: сначала в Павловск, затем в Царское Село. Но каждое лето неизменно проводили на берегу Черного моря. Аня прекрасно плавала – по словам ее брата, она плавала как птица.

Аня росла в атмосфере, довольно необычной для будущего

поэта: в доме почти не было книг, кроме толстого тома Некрасова, который Ане разрешалось читать на каникулах. У матери вкус к поэзии был: она читала детям наизусть стихи Некрасова и Державина, их она знала множество. Но почему-то все были уверены в том, что Аня станет поэтессой, – еще до того, как ею была написана первая стихотворная строчка.

Аня довольно рано начала говорить по-французски – научилась, наблюдая за занятиями старших детей. В десять лет поступила в гимназию в Царском Селе. Через несколько месяцев Аня тяжело заболела: неделю пролежала в беспамятстве; думали, что она не выживет. Когда пришла в себя, она некоторое время оставалась глухой. Позднее один из врачей предположил, что эта была оспа – которая, однако, не оставила никаких видимых следов. След остался в душе: именно с тех пор Аня стала писать стихи.

Семья Горенко: Инна Эразмовна и дети Виктор, Андрей, Анна, Ия

Ближайшей подругой Ани в Царском Селе была Валерия Тюльпанова (в замужестве Срезневская), семья которой жила в том же доме, что и Горенко. В канун Рождества 1903 года Аня и Валя встретили знакомых брата Вали Сергея – Митю и Колю Гумилевых, у которых была общая с Сергеем учительница музыки. Гумилевы проводили девочек домой, и если на Валю и Аню эта встреча не произвела никакого впечатления, то для Николая

Гумилева в этот день началось его самое первое – и самое страстное, глубокое и долгое чувство. Он влюбился в Аню с первого взгляда.

Она поразила его не только своей неординарной внешностью – а Аня была красива очень необычной, таинственной, завораживающей красотой, сразу привлекающей к себе внимание: высокая, с длинными густыми черными волосами, с лучистыми серыми глазами на практически белом лице, ее профиль напоминал античные камеи. Валерия Срезневская так описывала ее: «Характерный рот с резко вырезанной верхней губой – тонкая и гибкая, как ивовый прутик, – с очень белой кожей – она (особенно в воде царскосельской купальни) прекрасно плавала и ныряла, выучившись этому на Черном море… Она казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды царскосельских прудов. Немудрено, что Николай Гумилев сразу и на долгие годы влюбился в эту, ставшую роковой, женщину своей музы»… Аня ошеломила его полной непохожестью на все, окружавшее их в Царском Селе. Целых десять лет она занимала главное место и в жизни Гумилева, и в его творчестве.

Коля Гумилев, всего на три года старше Ани, уже тогда осознавал себя поэтом, был горячим поклонником французских символистов. Он скрывал неуверенность в себе за высокомерием, внешнюю некрасивость пытался компенсировать загадочностью, не любил ни в чем никому уступать. Гумилев самоутверждался, сознательно выстраивая свою жизнь по определенному образцу, и роковая, неразделенная любовь к необыкновенной, неприступной красавице была одним из необходимых атрибутов избранного им жизненного сценария.

Он забрасывал Аню стихами, пытался поразить ее воображение различными эффектными безумствами – например, в день ее рождения принес ей букет из цветов, сорванных под окнами императорского дворца. На Пасху 1905 года он пытался покончить с собой – и Аня была так этим потрясена и напугана, что перестала с ним встречаться.

В том же году расстались родители Ани. Отец, выйдя в отставку, поселился в Петербурге, а мать с детьми уехала в Евпаторию. Ане пришлось срочно готовиться к поступлению в последний класс гимназии – из-за переездов она сильно отстала. Занятия скрашивались тем, что между нею и репетитором вспыхнул роман: первый в ее жизни, страстный, трагический – как только обо всем стало известно, учителя тут же рассчитали – и далеко не последний.

Весной 1906 года Аня поступила в Киевскую гимназию. На лето она вернулась в Евпаторию, где к ней заехал – по пути в

Париж – Гумилев. Они помирились и переписывались всю зиму, пока Аня училась в Киеве.

В Париже Гумилев принимал участие в издании небольшого литературного альманаха «Сириус», где опубликовал одно стихотворение Ани. Ее отец, узнав о поэтических опытах дочери, просил не срамить его имени. «Не надо мне твоего имени», – ответила она и взяла себе фамилию своей прабабушки, Прасковьи Федосеевны, чей род восходил к татарскому хану Ахмату. Так в русской литературе появилось имя Анны Ахматовой.

Сама Аня отнеслась к своей первой публикации совершенно легкомысленно, посчитав, что на Гумилева «нашло затмение». Гумилев тоже не воспринимал поэзию своей возлюбленной всерьез – оценил ее стихи он лишь через несколько лет. Впервые услышав ее стихи, Гумилев сказал: «А может быть, ты лучше будешь танцевать? Ты гибкая…»

Гумилев постоянно приезжал из Парижа навестить ее, а летом, когда Аня вместе с матерью жили в Севастополе, поселился в соседнем доме, чтоб быть ближе к ним.

Вернувшийся в Париж Гумилев сначала отправляется в Нормандию – там его даже арестовали за бродяжничество, а в декабре он снова пытается покончить с собой. Спустя сутки его нашли без сознания в Булонском лесу…

Осенью 1907 года Анна поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве – ее привлекали история права и латынь. В апреле следующего года Гумилев, заехав в Киев по пути из Парижа, вновь безуспешно делает ей предложение. Следующая встреча была летом 1908 года, когда Аня приехала в Царское Село, а затем – когда Гумилев по дороге в Египет останавливался в Киеве. В Каире, в саду Эзбекие, он предпринял еще одну, последнюю, попытку самоубийства. После этого случая мысль о самоубийстве стала ему ненавистна.

В мае 1909 года Гумилев приехал к Ане в Люстдорф, где она тогда жила, ухаживая за больной матерью, и снова получил отказ.

Но в ноябре она вдруг – неожиданно – уступила его уговорам. Они встретились в Киеве на артистическом вечере «Остров искусств». До конца вечера Гумилев не отходил от Ани ни на шаг – и она наконец согласилась стать его женой.

Тем не менее, как отмечает в своих воспоминаниях Валерия Срезневская, в то время Гумилеву была отведена в сердце Ахматовой далеко не первая роль. Аня все еще была влюблена в того самого репетитора, петербургского студента Владимира Голенищева-Кутузова – хотя тот уже долгое время не давал о себе знать. Но, соглашаясь на брак с Гумилевым, она принимала его не как любовь – но как свою Судьбу.

Они обвенчались 25 апреля 1910 года в Никольской слободке под Киевом. Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу – и никто из них не пришел на венчание, что глубоко ее оскорбило.

«Поэтическая семья»: Анна Ахматова…

…и Николай Гумилев, фото конца 1910-х гг.

После свадьбы Гумилевы уехали в Париж. Здесь она знакомится с Амедео Модильяни – тогда никому не известным художником, который делает множество ее портретов. Сохранился из них только один – остальные погибли в блокаду. Между ними даже завязывается что-то похожее на роман – но, как вспоминает сама Ахматова, у них было слишком мало времени, чтобы могло произойти что-нибудь серьезное.

В конце июня 1910 года Гумилевы, вернувшись в Россию, поселились в Царском Селе. Гумилев представил Анну своим друзьям-поэтам. Как вспоминает один из них, когда стало известно о женитьбе Гумилева, никто поначалу не знал, кто

невеста. Потом выяснили: обыкновенная женщина… То есть не негритянка, не арабка, даже не француженка, как можно было бы ожидать, зная экзотические пристрастия Гумилева. Познакомившись с Анной, поняли – необыкновенная…

Сколь ни сильны были чувства, сколь ни упорны были ухаживания, но вскоре после свадьбы Гумилев стал тяготиться семейными узами. 25 сентября он вновь отправляется в Абиссинию. Ахматова, предоставленная самой себе, с головой ушла в поэзию. Когда Гумилев в конце марта 1911 года вернулся в Россию, он спросил у жены, встречавшей его на вокзале: «Писала?» Та кивнула. «Тогда читай!» И Аня показала ему написанное. Он сказал: «Хорошо». И с этого времени стал относиться к ее творчеству с большим уважением.

Весной 1911 года Гумилевы снова едут в Париж, затем проводят лето в имении матери Гумилева Слепнево, под Бежецком в Тверской губернии.

Осенью, когда супруги вернулись в Царское Село, Гумилев с товарищами решили организовать объединение молодых поэтов, назвав его «Цех поэтов». Вскоре Гумилев на основе Цеха основал движение акмеизма, противопоставляемого символизму. Последователей акмеизма было шестеро: Гумилев, Осип Мандельштам, Сергей Городецкий, Анна Ахматова, Михаил Зенкевич и Владимир Нарбут.

Термин «акмеизм» происходит от греческого «акмэ» – вершина, высшая степень совершенства. Но многие отмечали созвучие названия нового течения с фамилией Ахматовой.

Весной 1912 года выходит первый сборник Ахматовой «Вечер», тиражом всего 300 экземпляров. Критика встретила его очень благожелательно. Многие стихотворения этого сборника были написаны во время путешествия Гумилева по Африке. Молодая поэтесса немедленно стала очень известна. Слава буквально обрушилась на нее. Ей пытались подражать – появилось множество поэтесс, пишущих стихи «под Ахматову», – их стали называть «подахматовки». За короткое время Ахматова из простой, взбалмошной, смешливой девушки стала той величественной, горделивой, царственной Ахматовой, которая запомнилась всем, кто ее знал. А после того как в журналах стали публиковаться ее портреты – а рисовали ее много и многие, – начали подражать и ее внешнему виду: знаменитая челка и «ложноклассическая» шаль появились у каждой второй.

Весной 1912 года, когда Гумилевы едут в путешествие по Италии и Швейцарии, Анна уже была беременна. Лето она проводит с матерью, а Гумилев – в Слепневе.

Сын Ахматовой и Гумилева Лев родился 1 октября 1912 года.

Почти сразу же его забрала к себе мать Николая, Анна Ивановна, – и Аня не слишком сопротивлялась. В итоге Лева почти шестнадцать лет прожил с бабушкой, видя родителей лишь изредка…

Уже через несколько месяцев после рождения сына, в начале весны 1913 года, Гумилев отправился в свое последнее путешествие по Африке – в качестве начальника экспедиции, организованной Академией наук.

Анна Ахматова и Николай Гумилев с сыном Левой, 1915 г.

В его отсутствие Анна ведет активную светскую жизнь. Признанная красавица, обожаемый поэт, она буквально купается в славе. Ее рисуют художники, ей посвящают стихи собратья по поэтическому цеху, одолевают поклонники… В поклонении мужчин она находит и развлечение, и вдохновение, и – в некоторой мере – удовлетворение своих обид на Гумилева. Он, который так долго и страстно добивался ее любви, как оказалось, не был способен на постоянство. Он влюблялся и до свадьбы (например, в августе 1907 года в Париже он познакомился с Елизаветой Дмитриевой, будущей Черубиной де Габриак, и даже делал ей предложение), и после – ему было необходимо состояние влюбленности и для творчества, и просто для того, чтобы чувствовать себя уверенно. Всего через год после рождения сына Левы у Гумилева рождается сын Орест – от Ольги Выготской. Через двадцать лет Выготская и Ахматова будут вместе стоять в тюремных очередях; братья встретятся только в

конце тридцатых…

В начале 1914 года выходит второй сборник Ахматовой «Четки». Хотя критика приняла его несколько прохладно – Ахматовой ставили в вину то, что она повторяется, – сборник имел оглушительный успех. Даже несмотря на военное время, его четыре раза переиздавали.

Ахматову повсеместно признали одним из крупнейших поэтов того времени. Ее постоянно окружали толпы воздыхателей. Гумилев даже говорил ей: «Аня, больше пяти неприлично!» Ей поклонялись и за талант, и за ум, и за красоту. Она дружила с Блоком, роман с которым ей упорно приписывали (основанием для этого послужил обмен стихами, которые были опубликованы), с Мандельштамом (который был не только одним из ее ближайших друзей, но в те годы пытался за нею ухаживать – правда, безуспешно), Пастернаком (по ее собственным словам, Пастернак семь раз делал ей предложение, хотя и не был по-настоящему влюблен). Одним из самых близких ей людей тогда был Николай Недоброво, написавший в 1915 году статью о ее творчестве, которую сама Ахматова считала лучшей из того, что было написано о ней за всю ее жизнь. Недоброво был отчаянно влюблен в Ахматову. В 1914 году Недоброво познакомил Ахматову со своим лучшим другом, поэтом и художником Борисом Анрепом. Анреп, живший и учившийся в Европе, вернулся на родину, чтобы участвовать в войне. Между ними начался бурный роман, и вскоре Борис вытеснил Недоброво и из ее сердца, и из ее стихов. Недоброво очень тяжело пережил это и навсегда разошелся с Анрепом. Хотя встречаться Анне и Борису удавалось нечасто, эта любовь была одной из сильнейших в жизни Ахматовой. Перед окончательной отправкой на фронт Борис подарил ей престольный крест, найденный им в разрушенной церкви в Галиции.

Уехал на фронт и Гумилев. Весной 1915 года он был ранен, и Ахматова постоянно навещала его в госпитале. Лето она, как обычно, провела в Слепневе – там была написана большая часть стихов для следующего сборника. В августе умер ее отец. К этому времени она уже сама была тяжело больна – туберкулез. Врачи посоветовали ей немедленно уехать на юг. Она некоторое время живет в Севастополе, навещает в Бахчисарае Недоброво – как оказалось, это была их последняя встреча; в 1919 году он умер. В декабре врачи разрешили Ахматовой вернуться в Петербург, где она продолжает встречаться с Анрепом. Встречи были редки, но тем сильнее ждала их влюбленная Анна.

В 1916 году Борис уехал в Англию – собирался на полтора месяца, остался на полтора года. Перед отъездом он навестил

Недоброво с женой, у которых тогда была Ахматова. Они простились, и он уехал. На прощание они обменялись кольцами. Вернулся он накануне Февральской революции. Через месяц Борис, с риском для жизни, под пулями, перешел по льду Неву, чтобы сказать Анне, что он навсегда уезжает в Англию.

За последующие годы она получила от него лишь несколько писем. В Англии Анреп стал известен как художник-мозаичист. На одной из своих мозаик он изобразил Анну – ее он выбрал моделью для фигуры сострадания. В следующий раз – и в последний – они увиделись только в 1965 году, в Париже.

Борису Анрепу посвящено большинство стихотворений из сборника «Белая стая», вышедшего в 1917 году.

Тем временем Гумилев, хотя и находится на действующем фронте – за доблесть он даже был награжден Георгиевским крестом, – ведет активную литературную жизнь. Он много публикуется, постоянно выступает с критическими статьями. Летом 17-го он оказался в Лондоне, а затем в Париже. Вспоминают такой случай: русские офицеры, волею судеб оказавшиеся в период революций вдалеке от родины, обсуждали свои дальнейшие планы. Кто-то хотел поехать в Африку – охотиться, кто-то наняться во французский Иностранный легион, кто-то еще куда-то… А Гумилев сказал: «В Африке я уже был; война мне уже надоела. А вот революции я еще ни разу не видел. Поеду в Россию…»

Гумилев вернулся в апреле 1918 года.

На следующий день Ахматова попросила его о разводе, сказав, что выходит замуж за Владимира Шилейко.

Владимир Казимирович Шилейко был известным ученым-ассирологом, а также переводчиком и поэтом. Известие о том, что Ахматова выйдет за этого некрасивого, совершенно не приспособленного к жизни, безумно ревнивого человека, стало полной неожиданностью для всех, кто ее знал. Как она потом говорила, ее привлекла возможность быть полезной великому человеку, а также то, что с Шилейко не будет того соперничества, которое было у нее с Гумилевым. Ахматова, переехав к нему в

Фонтанный дом, полностью подчинила себя его воле: часами писала под его диктовку его переводы ассирийских текстов, готовила для него, колола дрова, делала для него подстрочники статей из зарубежных изданий. Он держал ее буквально под замком, не разрешая никуда выходить, заставлял сжигать нераспечатанными все полученные письма, не давал писать стихов.

Помог ей ее друг, композитор Артур Лурье, с которым она подружилась еще в 1914 году. Под его руководством Шилейко, как бы для лечения ишиаса, увезли в больницу, где продержали месяц. За это время Ахматова поступила на службу в библиотеку Агрономического института – там давали дрова и казенную квартиру. Когда Шилейко выпустили из больницы, Ахматова предложила ему переехать к ней. Там хозяйкой была уже сама Ахматова, и Шилейко поутих. Окончательно они расстались летом 1921 года.

Тогда обнаружилось одно забавное обстоятельство: когда Ахматова переселилась к нему, Шилейко обещал сам оформить их брак – благо, тогда надо было всего лишь сделать запись в домовой книге. А когда они разводились, Лурье по просьбе Ахматовой пошел в домком, чтобы аннулировать запись, – и выяснилось, что ее никогда не было.

Многие годы спустя она, смеясь, объясняла причины этого нелепого союза: «Это все Гумилев и Лозинский твердили в один голос – ассиролог, египтянин! Ну я и согласилась».

От Шилейко Ахматова переехала к своей давней подруге, танцовщице Ольге Глебовой-Судейкиной – бывшей жене художника Сергея Судейкина, одного из основателей известной «Бродячей собаки», звездой которой была красавица Ольга. Лурье, которому Ахматова дала отставку за ветреность, сошелся с Ольгой и вскоре уехал в Париж. Вслед за ним спустя два года уехала в эмиграцию и Ольга.

В августе 1921 года умер Александр Блок. На его похоронах Ахматова узнала страшную весть – по так называемому Таганцевскому делу арестован Гумилев. Через две недели его расстреляли. Его виной было лишь то, что он знал о готовящемся заговоре, но не донес.

В том же августе в Греции покончил с собой брат Анны – Андрей Горенко.

Впечатления от этих смертей вылились у Ахматовой в сборник стихотворений «Подорожник», который затем, дополненный, стал называться «Anno Domini MCMXXI» – то есть «Год 1921».

После этого сборника Ахматова не выпускала сборников

долгие годы, только отдельные стихотворения. Новый режим не жаловал ее творчество – за интимность, аполитичность и «дворянские корни». Даже мнение Александры Коллонтай – в одной из своих статей она сказала, что поэзия Ахматовой привлекательна для молодых работниц тем, что правдиво изображает, как плохо мужчина обращается с женщиной, – не спасло Ахматову от критической травли. Череда статей заклеймила поэзию Ахматовой как вредную, поскольку она ничего не пишет о труде, коллективизме и борьбе за светлое будущее.

В это время она осталась практически одна – все ее друзья или погибли, или эмигрировали. Сама же Ахматова эмиграцию считала совершенно для себя неприемлемой. По ее твердому убеждению, место поэта – на его родине.

Печататься становилось все труднее и труднее. В 1925 году на ее имя был наложен неофициальный запрет. Ее не печатали 15 лет.

Анна Ахматова и Николай Пунин, 1927 г.

Ранней весной 1925 года у Ахматовой опять обострение туберкулеза. Когда она лежала в санатории в Царском Селе – вместе с женой Мандельштама Надеждой Яковлевной, – ее постоянно навещал Николай Николаевич Пунин, историк и искусствовед. Примерно через год Ахматова согласилась переехать к нему в Фонтанный дом.

Пунин был очень красив – все говорили, что он похож на молодого Тютчева. Он работал в Эрмитаже, занимался

современной графикой. Ахматову он очень любил – хотя и по-своему.

Официально Пунин оставался женат. Он жил в одной квартире со своей бывшей женой Анной Арене и их дочерью Ириной. Хотя у Лунина и Ахматовой была отдельная комната, обедали все вместе, а когда Арене уходила на службу, Ахматова присматривала за Ириной. Хотя отношения Ахматовой с Арене и ее дочерью были относительно спокойными – по крайней мере, до открытой войны дело не доходило, – ситуация была крайне напряженной.

Не имея возможности печатать стихи, Ахматова углубилась в научную работу. Она занялась исследованием Пушкина, заинтересовалась архитектурой и историей Петербурга. Много помогала Лунину в его исследованиях, переводя ему французские, английские и итальянские научные труды. Эти языки Ахматова знала в совершенстве – правда, английский и итальянский только в письменной форме; когда она говорила, понять ее было практически невозможно – ее произношение не имело никакого отношения к оригиналу и являлось результатом собственных представлений Ахматовой о том, как же должно звучать то или другое слово… А летом 1928 года к Ахматовой переехал ее сын Лева, которому к тому времени было уже 16 лет. Обстоятельства смерти его отца препятствовали продолжению его учебы. Его с трудом удалось пристроить в школу, где директором был брат Николая Лунина Александр. Потом Лев поступил на исторический факультет Ленинградского университета.

В 1930 году Ахматова попыталась уйти от Лунина, но тот сумел убедить ее остаться, угрожая самоубийством. Ахматова осталась жить в Фонтанном доме, лишь ненадолго покидая его.

К этому времени крайняя бедность быта и одежды Ахматовой уже так бросалась в глаза, что не могла оставаться незамеченной. Многие находили в этом особую элегантность Ахматовой. В любую погоду она носила старую фетровую шляпу и легкое пальто. Лишь когда умерла одна из ее старых подруг, Ахматова облачилась в завещанную ей покойной старую шубу и не снимала ее до самой войны. Очень худая, все с той же знаменитой челкой, она умела произвести впечатление, как бы бедны ни были ее одежды, и ходила по дому в ярко-красной пижаме во времена, когда еще не привыкли видеть женщину в брюках.

Все знавшие ее отмечали ее неприспособленность к быту. Она не умела готовить, никогда не убирала за собой. Деньги, вещи, даже подарки от друзей никогда у нее не задерживались – практически сразу же она раздавала все тем, кто, по ее мнению, нуждался в них больше. Сама она многие годы обходилась самым

минимумом – но даже в нищете она оставалась королевой.

В 1934 году арестовали Осипа Мандельштама – Ахматова в этот момент была у него в гостях. А через год, после убийства Кирова, были арестованы Лев Гумилев и Николай Пунин. Ахматова бросилась в Москву хлопотать, ей удалось передать в Кремль письмо. Вскоре тех освободили, но это было только начало.

Пунин стал явно тяготиться браком с Ахматовой, который теперь, как оказалось, был еще и опасен для него. Он всячески демонстрировал ей свою неверность, говорил, что ему с нею скучно, – и все же не давал уйти. К тому же уходить было некуда – своего дома у Ахматовой не было…

В марте 1938 года был вновь арестован Лев Гумилев, и на сей раз он просидел семнадцать месяцев под следствием и был приговорен к расстрелу. Но в это время его судьи сами были репрессированы, и его приговор заменили на ссылку.

В ноябре этого же года Ахматовой наконец удалось порвать с Луниным – но Ахматова лишь переехала в другую комнату той же квартиры. Она жила в крайней нищете, обходясь часто лишь чаем и черным хлебом. Каждый день выстаивала бесконечные очереди, чтобы передать сыну передачу. Именно тогда, в очереди, она начала писать цикл «Реквием». Стихи цикла очень долго не записывались – они держались в памяти самой Ахматовой и нескольких ее ближайших друзей.

Совершенно неожиданно в 1940 году Ахматовой разрешили печататься. Сначала вышло несколько отдельных стихов, затем позволили выпустить целый сборник «Из шести книг», в который, правда, в основном вошли избранные стихи из предыдущих сборников. Тем не менее книга вызвала ажиотаж: ее смели с прилавков за несколько часов, за право ее прочесть люди дрались.

Однако уже через несколько месяцев издание книги сочли

ошибкой, ее стали изымать из библиотек.

Когда началась война, Ахматова почувствовала новый прилив сил. В сентябре, во время тяжелейших бомбежек, она выступает по радио с обращением к женщинам Ленинграда. Вместе со всеми она дежурит на крышах, роет окопы вокруг города. В конце сентября ее по решению горкома партии самолетом эвакуируют из Ленинграда – по иронии судьбы, теперь ее признали достаточно важной персоной, чтобы спасти… Через Москву, Казань и Чистополь Ахматова оказалась в Ташкенте.

В Ташкенте она поселилась вместе с Надеждой Мандельштам, постоянно общалась с Лидией Корнеевной Чуковской, подружилась с жившей неподалеку Фаиной Раневской – эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Почти все ташкентские стихи были о Ленинграде – Ахматова очень волновалась за свой город, за всех, кто остался там. Особенно тяжело ей было без своего друга, Владимира Георгиевича Гаршина. После расставания с Луниным он стал играть большую роль в жизни Ахматовой. По профессии врач-патологоанатом, Гаршин очень заботился о ее здоровье, которым Ахматова, по его словам, преступно пренебрегала. Гаршин тоже был женат, его жена, тяжелобольная женщина, требовала его постоянного внимания. Но он был очень интеллигентный, образованный, интереснейший собеседник, и Ахматова очень привязалась к нему. В Ташкенте она получила от Гаршина письмо о смерти его жены. В другом письме Гаршин попросил ее выйти за него замуж, и она приняла его предложение. Согласилась даже взять его фамилию.

В апреле 1942 года через Ташкент в Самарканд эвакуировался Пунин с семьей. И хотя отношения между Луниным и Ахматовой после расставания были очень плохими, Ахматова пришла с ним повидаться. Из Самарканда Пунин написал ей, что она была главным в его жизни. Это письмо Ахматова хранила как святыню.

В начале 1944 года Ахматова уехала из Ташкента. Сначала она приехала в Москву, где выступила на устроенном в зале Политехнического музея вечере. Ее принимали так бурно, так восторженно, что она даже испугалась. При ее появлении зал встал. Говорят, когда Сталин узнал об этом, он спросил: «Кто организовал вставание?»

Всем знакомым она говорила, что едет в Ленинград к мужу, мечтала, как будет жить с ним… И тем страшнее был удар, который ждал ее там.

Встречавший ее на перроне Гаршин спросил: «И куда вас везти?» Ахматова онемела. Как выяснилось, он, не сказав никому ни слова, женился… Гаршин разрушил все ее надежды на

обретение дома, которого у нее давно не было. Этого она ему никогда не простила.

Впоследствии Ахматова говорила, что, по всей видимости, Гаршин сошел с ума от голода и ужасов блокады.

Умер Гаршин в 1956 году. В день его смерти брошь, которую он когда-то подарил Ахматовой, раскололась пополам…

В этом была трагедия Ахматовой: рядом с ней, сильной женщиной, почти всегда оказывались слабые мужчины, пытавшиеся переложить на нее свои проблемы, и никогда не было человека, способного помочь ей справиться с ее собственными бедами…

После возвращения из Ташкента у нее изменилась манера поведения – она стала более простой, спокойной и вместе с тем более отдаленной. Ахматова отказалась от своей знаменитой челки, после перенесенного в Ташкенте тифа она стала полнеть. Казалось, Ахматова возродилась из пепла для новой жизни. К тому же ее вновь признали власти. За свои патриотические стихи она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Готовились к печати ее исследования о Пушкине, большая подборка стихов. В 1945 году, к огромной радости Ахматовой, вернулся Лев Гумилев. Из ссылки, которую он отбывал с 1939 года, ему удалось попасть на фронт. Мать с сыном зажили вместе. Казалось, что жизнь налаживается.

Осенью 1945 года Ахматову познакомили с литературоведом Исайей Берлиным, в то время сотрудником британского посольства. Берлин пришел к Ахматовой в гости, но во время их разговора Берлин с ужасом услышал, как кто-то во дворе зовет его по имени. Как оказалось, это был Рэндальф Черчилль, сын Уинстона Черчилля, журналист. Момент был кошмарный и для Берлина, и для Ахматовой. Контакты с иностранцами – особенно сотрудниками посольств – в то время, мягко говоря, не приветствовались. Личную встречу еще можно было бы не увидеть – но когда сын английского премьер-министра орет во дворе, это вряд ли пройдет незамеченным.

Тем не менее Берлин навестил Ахматову еще несколько раз.

Берлин был последним из тех, кто оставил след в сердце Ахматовой. Когда самого Берлина спрашивали о том, было ли у них что-то с Ахматовой, он говорил: «Я никак не решу, как мне лучше отвечать…»

14 августа 1946 года вышло постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы клеймились за то, что они предоставляют свои страницы двум идеологически вредным писателям – Зощенко и Ахматовой. Меньше чем через месяц Ахматова была исключена из Союза писателей, лишена

продовольственных карточек, ее книга, уже находившаяся в печати, была уничтожена.

По словам Ахматовой, многие писатели, захотевшие после войны вернуться в Россию, после постановления передумали. Таким образом, это постановление она считала началом холодной войны. В этом она была убеждена так же абсолютно, как в том, что сама холодная война была вызвана ее встречей с Исайей Берлиным, которую она находила роковой, имеющей космическое значение. Она была твердо убеждена, что все дальнейшие неприятности были вызваны именно ею.

В 1956 году, когда он снова был в России, она отказалась с ним встречаться – не хотела снова навлечь на себя гнев властей…

После постановления она оказалась в полнейшей изоляции – с теми, кто не отвернулся от нее, она сама старалась не встречаться, чтобы не навредить. Тем не менее люди продолжали к ней приходить, приносить продукты, а по почте ей постоянно присылали продуктовые карточки. Критика ополчилась на нее – но для нее это было куда менее страшно, чем полное забвение.

Любое событие она называла лишь новым фактом в своей биографии, а от биографии она отказываться не собиралась. В это время она вовсю работает над своим центральным произведением – «Поэмой без героя».

В 1949 году был снова арестован Николай Пунин, а затем и Лев Гумилев. Льву, единственное преступление которого было в том, что он был сыном своих родителей, предстояло провести семь лет в лагере, а Лунину суждено было там погибнуть.

В 1950 году Ахматова, ломая себя, во имя спасения сына написала цикл стихотворений «Слава миру», прославляющий Сталина. Однако Лев вернулся только в 1956 году – и то для его освобождения пришлось долго хлопотать… Из лагеря он вышел с убеждением, что мать ничего не делала для облегчения его участи, – ведь ей, такой знаменитой, не смогли бы отказать! Пока они жили вместе, их отношения были очень натянутыми, потом, когда Лев стал жить отдельно, почти совсем прекратились.

Он стал известнейшим ученым-востоковедом. Историей Востока он увлекся, находясь в ссылке в тех краях. Его труды и сейчас считаются одними из важнейших в исторической науке. Ахматова очень гордилась сыном.

С 1949 года Ахматова начинает заниматься переводами – корейские поэты, Виктор Гюго, Рабиндранат Тагор, письма Рубенса… Раньше она отказывалась заниматься переводами, считая, что они отнимают время от собственных стихов. Теперь пришлось – это давало и заработок, и относительно официальный статус.

В 1954 году Ахматова совершенно случайно заработала себе прощение. Приехавшая из Оксфорда делегация пожелала встретиться с опальными Зощенко и Ахматовой. Ее спросили, что она думает о постановлении, – и она, искренне полагая, что не дело иностранцев, не разбирающихся в истинном положении дел, задавать подобные вопросы, ответила просто, что согласна с постановлением. Больше ей вопросов не задавали. Зощенко же начал что-то пространно объяснять – и этим навредил себе еще больше.

Запрет с имени Ахматовой был снова снят. Ей даже выделили от Союза писателей – хотя Ахматову исключили из него, как переводчик она могла считаться писательницей, – дачу в писательском поселке Комарово под Ленинградом; этот дом она называла будкой. А в 1956 году – во многом благодаря хлопотам Александра Фадеева – был освобожден Лев Гумилев.

Последние десять лет жизни Ахматовой совершенно не походили на предыдущие годы. Ее сын был на свободе, она наконец получила возможность печататься. Она продолжала писать – и писала много, словно торопясь высказать все, что ей не давали сказать раньше. Теперь мешали только болезни: были серьезные проблемы с сердцем, из-за полноты ей было тяжело ходить. До последних лет Ахматова была царственна и величава, писала любовные стихи и предупреждала приходящих к ней молодых людей: «Только не надо в меня влюбляться! Мне это уже не нужно». Она была окружена молодыми – детьми ее старых друзей, поклонниками ее поэзии, учениками. Особенно она сдружилась с молодыми ленинградскими поэтами: Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Дмитрием Бобышевым, Глебом Горбовским и Иосифом Бродским. После ее смерти их назовут «ахматовскими сиротами».

Ахматова получила возможность выезжать за границу. В 1964 году ей была присуждена в Италии международная поэтическая премия «Этна-Таормина», а в 1965-м за ее научные работы в области пушкиноведения Оксфордский университет присвоил ей почетную степень доктора литературы. В Лондоне и Париже, куда она заехала на обратном пути, она смогла снова встретиться с друзьями своей молодости – Саломеей Гальперн, Юрием

Анненковым, который когда-то рисовал ее, Исайей Берлиным, Борисом Анрепом… Она прощалась со своей молодостью, со своей жизнью.

Ахматова умерла 5 марта 1966 года – по иронии судьбы, в годовщину смерти Сталина, которую любила отмечать. Перед отправкой в Ленинград ее тело лежало в московском морге при больнице, расположенной в здании старого Шереметевского дворца, на котором, как и на Фонтанном доме, был изображен герб с девизом, прозвучавшим в «Поэме без героя»: «Deus conservat omnia» – «Бог сохраняет все».

После отпевания в Никольском соборе Ленинграда Анна Андреевна Ахматова была похоронена в Комарове – недалеко от своего единственного за много лет настоящего дома. Толпы людей провожали ее в последний путь – путь в Вечность…

Марина Цветаева

ТРАГИЧЕСКАЯ МУЗА

Ей был дан дар – сильный, непреодолимый и невыносимо трагический. Невозможно понять, вырос этот трагизм из всех несчастий ее жизни или наоборот – ее жизнь стала трагедией под влиянием ее – изначально темного – поэтического дара… У Марины Цветаевой было мало счастья, мало спокойствия, и даже стихи и любимые дети не приносили ей успокоения. Она нашла его сама – в Елабуге, в трагическом для всех 1941 году…

А между тем детство ее можно было на первый взгляд назвать счастливым. Обеспеченная дворянская профессорская семья, любящие родители, елки, театры, выезды на дачу под Тарусу… Но за всем этим тоже скрывалась трагедия.

Ее отец, профессор Иван Владимирович Цветаев, известный филолог, потерял первую жену – она умерла, рожая второго ребенка. Цветаев женился вторично – на талантливой пианистке Марии Александровне Мейн, ученице Рубинштейна; жена перед ним преклонялась, но – не любила. Она вышла замуж за известного профессора, старше ее на двадцать один год, чтобы излечиться от собственной несчастной любви, от которой

остались только инициалы – С.Э. По иронии судьбы, эти же инициалы станут роковыми и для ее старшей дочери… Брак Марии Александровны нельзя назвать в полной мере удавшимся – в доме Цветаевых царил культ первой жены профессора, и, как это было ни сложно, второй пришлось с этим смириться. Она оставила музыку и отдалась воспитанию детей – двух детей, Леры и Андрюши, от первого брака Цветаева и двух своих – Марины, родившейся 26 сентября 1892 года, и Анастасии.

Мать Марины, М.А. Мейн

Отец Марины, профессор И.В. Цветаев

От нее детям досталась любовь к музыке, поэзии, природе, а от отца – способность всецело отдаваться своему делу. Иван Владимирович отдавал всего себя главному делу своей жизни – созданию в Москве Музея изящных искусств (теперь – Музей изобразительных искусств имени Пушкина). Этой страсти подчинялось в доме все, отдавались все деньги, силы, время… Мария Александровна принимала активнейшее участие в трудах мужа, но осенью 1902 года она заболела чахоткой, и семья была вынуждена уехать за границу – в более мягкий, теплый климат. Были многочисленные пансионы в Италии, Швейцарии, Германии, дочери учились в католических пансионах (Мария Александровна была родом из польского княжеского рода), а

Цветаев разрывался между Европой и Москвой, между женой и музеем… 1905 год провели в Крыму – здесь Марина заразилась революционной романтикой. А в июле 1906 года Мария Александровна скончалась в Тарусе.

Юная Марина с детства привыкла жить в состоянии внутреннего одиночества – постоянные переезды по заграничным городам не давали ей возможности обзавестись друзьями; свой внутренний мир – богатый, разнообразный, глубоко поэтический – она питала книгами. С людьми она всю жизнь сходилась очень тяжело, была застенчива, закрыта и конфликтна, ее буйные страсти скорее отталкивали тех, кто ей нравился, чем притягивали. И все же с детства Марине стали необходимы культы, страстные влюбленности, во многом заменяющие ей настоящее общение, – все равно в кого: в красавицу-подругу, в персонажа прочитанной книги, в Наполеона, которым Марина буквально бредила… Из-за Наполеона шестнадцатилетняя Марина одна съездила в Париж, где в Сорбонне прослушала курс старинной французской литературы. Марина рано поняла: ее призвание – литература, поэзия… Стихи она начала писать с одиннадцати лет.

Марина и Анастасия Цветаевы, 1905 г.

В 1910 году она за собственные деньги издает свой первый сборник «Вечерний фонарь», посвящая его Марии Башкирцевой – известной художнице и писательнице, умершей молодой от

чахотки, но прославившейся своим дневником. Изданный том молодая поэтесса послала Валерию Брюсову, Максимилиану Волошину и Андрею Белому, чей кружок в издательстве «Мусагет» она посещала. Критика молодую поэтессу заметила, но отзывы были неоднозначными: ее ругали за детскость, незрелость, несвоевременный романтизм – и хвалили за глубину наблюдений, мелодизм и свежесть восприятия. Одним из похваливших был известный поэт Максимилиан Волошин: «Невзрослый» стих Марины Цветаевой, иногда не уверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху более взрослому. Чувствуешь, что этому невзрослому стиху доступно многое, о чем нам, взрослым, мечтать нечего…» Марина вступила с ним в переписку, а уже на следующий год, бросив гимназию, уехала в нему в Коктебель.

Марина Цветаева и Сергей Эфрон, Москва, 1911 г.

Именно здесь она встретилась с мужчиной, которому суждено было стать главным в ее жизни. Его звали Сергей Яковлевич Эфрон. По прихоти судьбы, он родился в один день с Мариной, только годом позже. Он недавно потерял родителей. Марина встретила этого печально-красивого юношу с огромными серыми глазами на пустынном берегу. Он стал помогать Марине собирать камешки – и она загадала: если он найдет сердолик – она выйдет за него замуж… Он нашел. Тот сердолик потом долго хранился в семье Эфронов…

Они обвенчались 27 января 1912 года. В тот же год Марина

выпустила свой второй сборник «Волшебный фонарь», а в сентябре у Эфронов родилась дочь Ариадна. Это был период абсолютного, полного счастья. Как вспоминают очевидцы, впервые в жизни Марина была красивой, спокойной… Но, как оказалось, период спокойствия и счастья был недолог…

31 августа – роковая дата – 1913 года умирает отец Марины, Иван Владимирович Цветаев. Отец, которого Марина скорее боялась, чем любила, все же слишком много значил для своей дочери-поэтессы. Сергей Эфрон остается для нее единственным, самым дорогим человеком на свете…

По воспоминаниям современников, Эфрон был человеком мягким, сострадательным, с высокими понятиями о чести и долге. Когда началась Первая мировая война, он, студент первого курса Московского университета, счел себя обязанным пойти на фронт – но по состоянию здоровья (у него был туберкулез) его не взяли. Тогда он становится медбратом в санитарном поезде, а затем ему удается поступить в юнкерское училище.

В его отсутствие Марина пытается наладить связи с литературной Москвой. Она, как это часто бывает, вместо этого находит свою очередную страсть – на этот раз в лице поэтессы Софьи Парнок, известной своими однополыми связями. Марина посвящает ей стихи, мучается от ревности, летом 1915 года они вместе едут в Коктебель – кажется, Марина надеется, что там, где зародилось ее чувство к Сергею, она сможет укрепить и новую любовь… Но в итоге она сама, устав от постоянных измен Софьи, оставляет ее – страдая, мучась и от любви, и от чувства вины перед Сергеем.

В апреле 1917 года у Марины рождается вторая дочь, Ирина. Она выпустила еще два сборника, но активную литературную и светскую жизнь не ведет, оставаясь в стороне от всех многочисленных литературных течений, групп и объединений. Хотя она дружила с Волошиным и Осипом Мандельштамом, с которым познакомилась в 1915 году в Крыму… В августе 1917-го она уезжает в Коктебель, а Эфрон остается в Москве – после окончания училища его назначили в запасной пехотный полк. В октябре Марина вернулась и увезла мужа в Крым, но когда вернулась за детьми – путь назад был отрезан, и вернуться к мужу она не смогла…

Белый офицер, воюющий в армии Корнилова, отныне он стал для Марины недосягаемым, превратился в «белого лебедя», обреченного и героического. Связь с ним прервалась. А для нее самой начался период тяжелейшей неустроенности: Марина

никогда не умела вести хозяйство, а тут приходилось кормить двоих детей и строить быт буквально из ничего. Из-за того, что она во всеуслышание переживала за судьбу Белого движения – а на самом деле за судьбу мужа, – у нее начались проблемы с новыми властями. Но ее и ее детей подкармливали соседи по дому, она как могла боролась. Спасали ее стихи, которые она пишет во множестве, хоть так пытаясь избавиться от постоянной тревоги за близких, от страха за судьбу мужа. Она даже выступает, начинает во множестве заводить новые знакомства – в кругу других людей ей не так одиноко. Она подружилась с Константином Бальмонтом, познакомилась с Маяковским, Пастернаком – ему она посвятит поэму «Молодец»… Павел Антокольский ввел ее в круг театральной вахтанговской студии, для них Цветаева написала несколько пьес, но ни одна из них не была поставлена. В студии она пережила увлечение талантливым красавцем, актером и режиссером, имя которого гремело в театральных кругах, Юрием Завадским, ему посвящен цикл «Комедьянт». В это же время Марина переживает дружеское увлечение красавицей-актрисой Соней Голлидей – историю их взаимоотношений она описала в «Повести о Сонечке».

Сергей Эфрон в санитарном поезде

Марина Цветаева с дочерью Алей, 1916 г.

Последним усилием Марины устроиться была попытка наняться в конце 1918 года на работу в Народный комиссариат по делам национальностей, но через полгода она уволилась, пообещав себе больше никогда никому не служить… Без работы стало совсем тяжело. Марине предложили отдать дочерей в Кунцевский детский приют, обещая им там полное обеспечение. Однако все оказалось совсем не так. Вскоре Ариадна заболела, и ее пришлось забрать домой. А 2 февраля в приюте от голода и тоски умерла маленькая Ирина… Под влиянием ужаса, смертей и страданий поэзия Цветаевой навсегда изменилась – вместо прежней легкости, прозрачной радости и стремления жить появилось ощущение трагедии, внутренний драматизм, надлом…

Стало известно, что Сергей жив: он с остатками Белой армии

эвакуировался в Турцию. Марина поручила уезжавшему за границу Илье Эренбургу разыскать его и, если удастся, передать письмо: «Если в живых – я спасена. Мне страшно вам писать, я так давно живу в тупом, задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что вы живы… Все мои мысли о Вас… Отнимая Вас у меня, Бог отнял бы у меня жизнь…» 14 июля 1921 года Марина получила первое за несколько лет письмо от мужа. Оказалось, Эфрон осел в Чехии. Цветаева приняла решение ехать к мужу – без него ее жизнь была невозможна. В мае 1922 года Цветаева с дочерью отправилась к Сергею.

Прага, 1920-е гг.

Их жизнь в последние российские годы уже была далека от идеала – у Цветаевой были страстные увлечения, романы, которые Сергей тяжело переживал. Но теперь обоим казалось, что если они соединятся – то все будет хорошо. Сначала они два месяца провели в Берлине, где Марина издала три сборника, а потом Эфроны вернулись в Чехию, где три года мотались по маленьким городкам под Прагой, пытаясь выгадать, где жизнь была дешевле. Семья жила на пособие от чешского правительства, на стипендию Сергея – он учился в Пражском университете, на гонорары Марины, которая много печаталась в эмигрантских изданиях, и на то, что им давали более благополучные друзья (например, Саломея Андроникова-Гальперн). Но денег все равно не хватало. Едва устроившись, Марина тут же организовала в своем доме салон, где бывали многие из оказавшихся в Чехии белогвардейских интеллигентов. Здесь ее поэтический дар достиг своего расцвета, словно тяжелые условия жизни заставляли Цветаеву сконцентрироваться на углублении, усилении жизни внутренней. Кроме многих десятков стихотворений, именно в Чехии она перешла к крупным формам – ею были написаны несколько великолепных поэм.

В Чехии Цветаева пережила трагическое увлечение другом Сергея Константином Радзевичем (ему посвящены «Поэма горы», «Поэма конца», стихотворение «Попытка ревности»). Радостный, полный оптимизма (чего так не хватало всегда Марине), Радзевич полюбил Марину именно как женщину: «Я сказала Вам: есть – Душа. Вы сказали мне: есть – Жизнь». Эфрон невероятно тяжело переносил измену разом жены и лучшего друга. Они слишком срослись с Мариной, чтобы позволить себе просто так все бросить, разорвать… Но и терпеть все это Сергею, для которого выше всего были понятия чести, было невыносимо. Наконец неимоверно тяжелый выбор между двоими мужчинами был сделан Мариной в пользу мужа. 1 февраля 1925 года у Эфронов рождается сын Георгий, которого в семье звали Мур. А осенью Эфроны решают переехать в Париж.

1920-е годы, эмиграция. Марина Цветаева…

…и Сергей Эфрон

Здесь Эфронам было суждено провести четырнадцать лет. Жизнь стала еще тяжелее: пособие из Чехии приходило все реже, заработков еле хватало на то, чтобы сводить концы с концами. Сергей хватался за любую работу: снимался статистом в кино (спасала не потускневшая еще красота), подрабатывал журналистикой, был шофером. Марина получала небольшие гонорары – и была вынуждена работать швеей. По воспоминаниям, шила она плохо, заказы ей давали из жалости ее более успешные знакомые, по очереди передавая ее друг другу.

Уезжая во Францию, Цветаева надеялась получить новых читателей, расширить круг общения – все-таки именно здесь был центр русской литературной эмиграции. В Праге она много печаталась, ее читали; литературный вечер, с большим успехом прошедший в Париже в феврале 1926 года, укрепил ее надежды. Она много пишет, переписывается с Пастернаком и Рильке, с которым ее заочно познакомил Пастернак, подружилась с критиком Дмитрием Мирским – раньше он не принимал ее поэзии, называл «распущенной москвичкой», а теперь стал ее другом и поклонником… Но встать на ноги, стать своей в литературных кругах Парижа не получилось. Сначала Цветаева поссорилась со многими влиятельными эмигрантами, задев их в своих статьях. Затем, после того, как она в одной из газет приветствовала приезд Маяковского, на нее ополчились как на сторонницу большевизма. Отзывы на вышедший в 1928 году сборник «После России. 1922–1925» – как оказалось, последний сборник Цветаевой – был прохладно принят критикой. Она обижалась на редакторов, которые хоть и печатали ее, но с задержками, непонятными правками, огромными купюрами… Последняя ее публикация «Сказка матери» была искажена до неузнаваемости.

Париж, 1925 г.

Цветаева никогда не была склонна к компромиссам, не умела просить и договариваться, и вскоре она осталась практически одна. Во многом было это и из-за мужа: в 1929 году эмигрантская среда обвинила его в предательстве идей Белого движения, в апологии большевизма. А он глубоко страдал вдали от родины, ему были чужды эмигрантские пустые разговоры «а вот если бы…», он стремился к активным действиям. В его понятия о чести входило служение своей стране – даже если сам он живет на чужбине. В конце концов Сергей Эфрон подал в 1931 году прошение о возвращении, а для получения разрешения стал сотрудничать с НКВД, принимал активное участие в деятельности

Союза возвращения на родину. В марте 1937 года в Россию уезжает Ариадна Эфрон – по достижении совершеннолетия она имела право сама выбирать гражданство. Из Советского Союза она шлет родителям восторженные письма: ей все невероятно нравится, она работает – сотрудничает в журналах, ее даже обещают взять в штат. А летом Сергей Эфрон оказался замешанным в громких политических скандалах – исчезновении в Париже генерала Миллера, главы Российского общевоинского союза, и гибели Игнатия Рейса, сотрудника НКВД. Сергею пришлось срочно бежать в СССР. На квартире Марины был обыск, ее вызывали в полицию, где она искренне твердила о непричастности Сергея, цитировала французских классиков, говорила о долге и любви… Уходя, она заявила: «Его доверие могло быть обмануто, мое к нему остается неизменным».

Марина Цветаева с Алей, 1925 г.

Хотя сама Цветаева никогда не занималась политикой, как только стало известно о связях ее мужа с НКВД, она тут же оказалась в полнейшей изоляции. С ней не разговаривали, ее не печатали, не давали заказов (долгое время Цветаева подрабатывала шитьем), денег не стало совсем. Жить стало невыносимо. И так же безоглядно, как когда-то уехала из России к мужу, она двинулась вслед за Сергеем в СССР – прекрасно

понимая, что ничего хорошего ее там не ждет… Своей подруге А. Тесковой Цветаева написала еще в 1931 году: «Все меня выталкивает в Россию, в которую – я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я не возможна».

18 июня 1939 года Цветаева с сыном приехала в Москву.

Родная страна встретила ее подозрительно: эмигрантка, белогвардейка, пишущая подозрительные стихи поэтесса… Эфронов поселили в подмосковном поселке Болшево – на даче НКВД Новый Быт. Уже в августе арестовали Ариадну – ей предстояло провести в заключении 16 лет, единственной ее виной были ее родители. Через два месяца арестовали Сергея Эфрона – его обвиняли в провале зарубежной операции советских спецслужб и шпионаже. Марина снова осталась практически одна, с сыном-подростком на руках, в постоянном ожидании конца…

Марина Цветаева с сыном Муром, 1935 г.

Из Болшева, где она чувствовала себя запертой в клетке, Цветаева в ужасе сбежала в Москву – последней каплей для издерганных нервов Марины стал арест Клепининых, их соседей – в Париже они работали вместе с Сергеем. В Москве было не так страшно, но еще более тяжело – без жилья, без постоянной работы, без друзей. Из последних сил она собирала передачи дочери и мужу, лечила постоянно болевшего сына. Ее прибывший из Парижа багаж – то немногое, что у нее было, и то, совсем малое, что удалось привезти, – год задерживали на таможне. Она в последнем приступе надежды посылала письма на Лубянку, где пыталась объяснить, что арест ее близких – недоразумение, ошибка… Обстановка, и так все последние годы тяжелая, теперь просто давит на нее, подминая под себя. К тому же стихи – которые спасали ее в голодной послереволюционной Москве и презрительном, отвернувшемся от нее Париже, – перестали к ней приходить. Подготовленный к печати сборник рассыпали после злобной рецензии знаменитого своими недобрыми выпадами критика Корнелия Зелинского. Для заработка Цветаева занялась переводами – с французского, немецкого, болгарского, корейского, грузинского… Тем не менее литературная деятельность не приносит ей ни денег, ни официального статуса. Просьба ее, поддержанная самим Пастернаком, принять Цветаеву в Союз писателей или хотя бы в члены Литфонда, получила отказ. Приняли только в профком литераторов при Гослитиздате.

Начало Великой Отечественной войны застало ее за переводами Федерико Гарсиа Лорки. Работу пришлось прервать: вернувшийся панический страх за своих близких, за страну, за себя не давал Цветаевой жить; из привычного отчаяния она быстро впала в состояние полной безысходности.

Вместе с группой писателей Цветаева летом 1941 года была эвакуирована из Москвы, но в Чистополе, где в основном были расквартированы москвичи, ей остаться не разрешили. Цветаева оказалась в маленькой Елабуге, где найти работу не было никакой возможности. Она жила в маленькой комнатке полуразрушенного дома, у хозяев по фамилии Бредельщиковы, которые сухо общались с ней, не понимая, кто с ними рядом, кому они сдали комнату. В отчаянии Цветаева съездила в Чистополь, где предложила себя в качестве судомойки в столовую Литфонда. 28 августа она вернулась в Елабугу с твердым намерением вскорости уехать оттуда. Но неустроенность, отчаяние, одиночество сделали свое дело. 31 августа она, дождавшись, пока все уйдут из дома, повесилась…

Ее похоронили на городском кладбище; но денег на памятник не было, крест, отмечавший захоронение, вскоре затерялся, и точно установить место могилы теперь невозможно… В Тарусе, где когда-то похоронили ее мать, на крутом берегу Оки стоит камень с надписью: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».

1940 г

Она ненадолго опередила мужа. Сергей Эфрон был расстрелян 16 октября 1941 года. Георгий Эфрон, который не смог себе простить, что в тот летний день оставил мать одну, в 1944 году был призван на фронт и вскоре погиб под Витебском. Ариадна вернется из лагеря, снова будет арестована, пройдет ссылку, вернется – и вместе со своей теткой, Анастасией Цветаевой, посвятит себя сохранению памяти, наследия своей

гениальной матери – Марины Цветаевой, самой трагической фигуры в российской литературе XX века.

Эльза Триоле

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МУЗА

Ей не повезло. На родине ее знают как сестру – сестру той самой Лили Брик, музы Маяковского, самой модной женщины столетия. Во Франции, где она прожила большую часть своей жизни, она известна как жена – русская жена крупнейшего французского поэта XX века Луи Арагона. А она всю жизнь хотела быть просто собой – Эльзой Триоле, русской еврейкой, ставшей волею судеб французской писательницей…

Отец знаменитых сестер, Урий Александрович Каган, был крупным московским адвокатом, специализировавшимся на делах о защите прав национальных меньшинств. Как известный коллекционер и знаток литературы, он состоял в Литературно-художественном кружке – члены его, культурная элита Москвы, часто бывали в доме Каганов. Жена Урия Александровича, рижанка Елена Юльевна Берман, происходила из богатой и очень культурной семьи, училась в Московской консерватории, но, рано выйдя замуж, оставила сцену ради семьи. В этой чисто еврейской

семье не говорили тем не менее ни на идише, ни на иврите, но свободно изъяснялись на немецком и французском.

Старшим ребенком была Лиля – она родилась 11 ноября 1891 года. Имя ей дали в честь возлюбленной Гёте Лили Шенеман. Через пять лет, 12 сентября 1896 года, родилась вторая сестра, которую назвали Элла – в честь еще одной героини поэзии Гёте (Эльзой она стала называть себя позднее).

Сестры были очень красивы: ярко-рыжая, с огромными карими глазами Лиля и белокурая, хрупкая, голубоглазая Эльза.

Как-то весной они гуляли с матерью по Петровке. Навстречу ехал какой-то господин в роскошной шубе. Девочки так ему понравились, что он пригласил их с матерью в Большой театр на свой спектакль – это был Шаляпин.

Сестры были очень дружны, но сразу было понятно, что Лиля верховодила. Она с раннего детства была своенравной, увлекающейся и до крайности самостоятельной. На нее, рано созревшую, всегда обращали внимание мужчины, и она точно знала, как получить от мужчин все, что ей хочется. После окончания гимназии она год проучилась на математическом факультете Высших женских курсов, потом некоторое время – в Московском архитектурном институте, затем занималась скульптурой в Мюнхене. Лиле все быстро надоедало, кроме одного – мужчин. От греха подальше ее отправили из Москвы к бабушке, в маленький польский городок – но и там в Лилю влюбился ее родной дядя, требуя немедленного брака (иудейские законы это позволяют). Мать немедленно отозвала ее обратно. Но Лиля не успокаивалась – в итоге, после непредвиденной беременности от очередного поклонника, закончившейся неудачным абортом, она больше никогда не смогла иметь детей. Сразу после этого Лиля вышла замуж за Осипа Максимовича Брика, с которым была знакома больше семи лет. Именно под фамилией мужа Лиля и останется в истории русской культуры.

Эльза была во многом противоположна Лиле. Послушная и прилежная, она всегда доводила до конца любое начатое дело. Закончила гимназию с золотой медалью, затем с отличием – Архитектурный институт. Елена Юльевна, винившая себя за то, что «упустила» старшую дочь, старалась держать младшую в ежовых рукавицах. Но и тут недосмотрела.

Эльза дружила с сестрами Идой и Алей Хвас, в доме которых всегда было много людей искусства. И в 1911 году, на вечеринке у Хвасов, Эльза встретила Владимира Маяковского – огромного роста, громкоголосого, необычно одетого, он читал стихи, похожие, по выражению самой Эльзы, на грозу. От волнения Эльза теребила бусы на шее – они порвались, бусины рассыпались

по полу… Эльза кинулась их собирать, Маяковский стал помогать, под столом они встретились…

Сначала Эльза сторонилась Маяковского, напуганная его напором. Роман разгорелся лишь через год. Маяковский появлялся у Каганов чуть ли не каждый день – к огромному неудовольствию родителей Эльзы. Они не одобряли увлечения дочери – к тому же Маяковский никогда не отличался постоянством в любовных делах. За то время, что он встречался с Эльзой, у него были бурные романы с Марией Денисовой в Одессе и Софьей Шемардиной в Петербурге, с художницами Антониной Гумилиной и Евгенией Ланг. Но отношениям с Эльзой это ничуть не мешало…

Тем временем началась Первая мировая война. Эльзу и родителей война застала в Германии – Урий Александрович был тяжело болен и ездил на лечение. Домой возвращались через Скандинавию. Лиля с мужем переехали в Петроград – Осипа, который очень не хотел идти на фронт, удалось по протекции известного певца Леонида Собинова пристроить вольноопределяющимся в Петроградскую автомобильную роту. Лиля часто приезжала в Москву – навещать больного отца. В один из приездов мать пожаловалась ей на докучливого ухажера Эльзы. Лиля упрекнула сестру: «Из-за твоего Маяковского мама плачет». Эльза сказала Маяковскому, чтобы он больше не появлялся.

Но тот не отступился. То ли Эльза действительно была ему небезразлична, то ли нужна была ее поддержка – только что у Маяковского закончился драматичный роман с Шемардиной, которой пришлось делать поздний аборт. Он тенью ходил за Эльзой, всюду сопровождал ее. И встречи возобновились – тайно, на оставленной на время дачного сезона квартире Каганов. Не помешало даже то, что еще в январе 1915 года Маяковский переселился в Петроград – при каждом удобном случае он приезжал в Москву, к Эльзе…

13 июня 1915 года на даче умер Урий Александрович. Когда Эльза попыталась обнять мать – та отстранилась. Елена Юльевна не смогла простить дочери, что, пока умирал отец, Эльза больше думала не о нем, а о своей любви…

После похорон отца Эльза приехала в Петроград погостить у сестры. Однажды она решила познакомить Лилю с Маяковским – Лиля слышала это имя, даже видела поэта как-то раз на одном из поэтических вечеров, но всерьез не относилась: считала одним из расплодившихся тогда графоманов. Эльза настояла – как выяснилось, на свою беду.

Маяковский пришел к Брикам и, прислонившись к дверному косяку, стал читать свою новую поэму «Облако в штанах». И Осип,

и Лиля потеряли дар речи, потрясенные услышанным. Маяковский тут же посвятил поэму Лиле. Не Эльзе, которая, забытая, сидела в углу…

Как потом писала Эльза в своих воспоминаниях, Брики безвозвратно полюбили стихи Маяковского, а Маяковский безвозвратно полюбил Лилю.

Эльза Триоле, 1924 г. Фото А. Родченко

На следующее утро Маяковский примчался к Чуковскому, тогдашнему своему другу и покровителю, и сказал, что встретил наконец ту единственную, без которой не мыслит себя самого.

Эльза очень тяжело пережила случившееся, долго не могла прийти в себя. Даже имя Лили было для нее невыносимо… Но, прекрасно понимая, что ни Володю, ни Лилю не исправить, заставила себя смириться. К сестре она смогла приехать только на встречу нового, 1916 года.

Встреча была «футуристической» – елку подвесили к потолку вверх ногами, стены завесили простынями, а все гости были в карнавальных костюмах. Среди гостей были друзья и соратники Маяковского: поэты Василий Каменский и Давид Бурлюк, филологи и литературоведы Виктор Шкловский, Роман Якобсон, Борис Эйхенбаум… Пили спирт, разбавленный вишневым сиропом, и веселились как могли. Эльза старалась скрыть свою боль. На вечере в Эльзу влюбился Виктор Шкловский, до этого увлеченный Лилей, а Василий Каменский под столом сделал Эльзе предложение, которое было тут же со смехом отвергнуто. Через полгода у Эльзы разгорелся роман с лингвистом Якобсоном. Семьи Якобсонов и Каганов давно дружили и мечтали породниться. Якобсон называл Эльзу Земляничкой, настойчиво уговаривал выйти за него замуж, но она не относилась к нему всерьез. Никто из поклонников не мог заменить в ее сердце Маяковского.

Тому тоже приходилось несладко. Лиля старательно держала его на расстоянии, не отпуская и не позволяя приблизиться к себе. Когда Маяковскому было плохо, он бежал к Эльзе – в ее доме ему было гораздо лучше, чем где-нибудь еще, она всегда была готова его выслушать, понять, успокоить… Она была ниточкой, связывающей его с Лилей, а он для нее – постоянно болящей раной. Он настойчиво звал ее из Москвы к себе в Петроград, и она, бросив все, в конце концов приехала. Маяковский, промучив ее несколько дней восторженными рассказами о Лиле, которая в это время решила быть с ним доброй, после очередной размолвки с нею бросил Эльзе: «Идите вы обе к черту – ты и твоя сестра!» Эльза бросилась на вокзал… Туда же приехал Маяковский, утешал, говорил о любви – не стесняясь присутствия ее матери. Окончательно Эльза завершила свои отношения с Маяковским только весной 1917 года. Рана затянулась, Маяковский стал ей лишь другом.

Эльза пыталась найти утешение в новой любви. Продолжались отношения с Якобсоном, Каменский приходил

просить ее руки, за Эльзой безнадежно ухаживали Шкловский и футурист Борис

Кушнер, поклонники появлялись и исчезали… Утешения Эльза не получила, лишь неудачный аборт лишил ее, как и сестру, возможности иметь детей.

В это время в ее окружении появился человек, к которому она не питала любви, но который мог помочь ей круто изменить свою жизнь. Сотрудник французской военной миссии Андре-Пьер Триоле сделал ей предложение, и Эльза, к немалому удивлению окружающих, его приняла.

Эльза в платье и шляпке работы знаменитой модельерши Надежды Ламановой

Триоле покидает Россию, и в июле 1918 года Эльза с матерью уезжают к нему. До сих пор непонятно, почему их выпустили, – к этому времени Франция уже официально воевала с Россией. Ехали через Петроград – там Лиля сообщила матери и Эльзе, что Маяковский теперь по-настоящему член ее с Осипом семьи…

Елена Юльевна, и так ненавидевшая Маяковского за все страдания, причиненные им Эльзе, встретила эту новость в штыки. Когда Лиля приехала проститься, мать не захотела с ней разговаривать. Так Лиля и осталась стоять на пристани, с кульком котлет, одна…

Путь Эльзы к жениху оказался долгим. Сначала Триоле ждал ее почему-то в Лондоне – и Эльзе пришлось сначала задержаться в Норвегии в ожидании английской визы, затем провести некоторое время в Англии, хотя Триоле уже давно был в Париже. Елена Юльевна осталась работать в Лондоне и с Эльзой в Париж не поехала.

Прошло больше года с тех пор, как Эльза покинула Россию для заключения брака с Андре Триоле, и этот брак наконец был заключен. Элла Каган стала наконец Эльзой Триоле – получив имя, под которым она навсегда останется в литературе.

После свадьбы молодые отправились на Таити. Прожив там около года, Эльза явно стала тяготиться и экзотической жизнью, и мужем. Они слишком отличались друг от друга: его интересовали только лошади, яхты и развлечения, и он не хотел ни учиться у Эльзы русскому языку, ни разговаривать с нею о культуре. Вернувшись в Париж, супруги расстаются – пока неофициально. Добрые отношения они тем не менее сохранили на всю жизнь.

После развода Эльза некоторое время жила с матерью в Лондоне, где работала в архитектурной мастерской, затем перебралась в Берлин – тогдашний центр русской эмиграции. Вместе с Эльзой здесь оказалась и Лиля, а затем приехал и Маяковский – но с ним отношения не задались: Эльза и Маяковский почти не разговаривали друг с другом. Эльзу, да и Лилю раздражала в полной мере проявившаяся в Берлине страсть Маяковского к игре. Тот был готов играть с кем угодно и во что угодно, желательно на деньги, – сначала в бильярд, потом в карты, потом в какие-то странные, им же самим только что выдуманные игры… Эльза и Лиля, оставшись одни, все свободное время проводили с русскими эмигрантами. К тому времени в Берлине оказалось около 300 тысяч русских, среди них старые знакомые Эльзы – Роман Якобсон, Виктор Шкловский и другие. Роман со Шкловским вспыхивает с новой силой: «Люблю тебя немыслимо. Прямо ложись и помирай», – писал Шкловский Эльзе. Эльза ценит его талант – Шкловский станет известнейшим литературоведом и прозаиком, – она нежна с ним, но не более того. В конце концов Эльза, устав от ненужных ей отношений, запретила Шкловскому писать ей и говорить о его любви. Тогда Шкловский написал роман «Zoo, или Письма не о любви», состоящий из немного стилизованных писем Эльзы и самого

Шкловского (Zoo – район берлинского зоопарка, где в основном жили русские эмигранты). В авторском предисловии написано: «Посвящаю Эльзе Триоле и даю книге имя «Третья Элоиза».

Максиму Горькому очень понравился роман. Выяснив у Шкловского, кто настоящий автор писем, он пригласил к себе Эльзу и посоветовал ей серьезно заняться литературным трудом. Эльза послушалась: так появились ее первые романы – «На Таити» (1925), «Земляничка» (1926), «Защитный цвет» (1928). Все они – как и большинство последующих произведений Эльзы Триоле – носят автобиографический характер.

Еще в 1924 году Эльза вернулась в Париж. Художник Фернан Леже снял для нее номер в отеле «Истрия» на Монпарнасе, и она с головой окунулась в парижскую жизнь. Но в душе ее была пустота: рядом нет друзей, нет родных, нет любви… В дневнике она пишет: «Мне 28 лет, и я надоела самой себе». Она мечется между Парижем и Москвой, нигде не находя покоя, нигде не чувствуя себя дома.

В 1924 году в Париж приезжает Маяковский. «С ним приехала моя юность, моя Родина, мой язык», – написала Эльза сестре. Отношения Маяковского с Лилей давно перешли в новую фазу – у Лили роман с видным партийным деятелем Александром Михайловичем Краснощековым, и Маяковскому пришлось с этим смириться. Эльза водит его по Парижу, знакомит со своими друзьями – поэтами и художниками, читает фрагменты своих романов. Их отношения перерастают в настоящую крепкую дружбу – дружбу двоих людей, знающих друг друга досконально, одинаково побитых жизнью, накрепко связанных между собою… Маяковский не отходит от Эльзы: он, не знающий никакого языка, кроме русского (ну разве что немного грузинский), в Париже изъясняется, по его собственному выражению, «только на триоле, по-триолетски»…

Маяковский еще несколько раз будет приезжать в Париж. Однажды его обокрали – вор снял в гостинице номер напротив Маяковского и, когда тот вышел в туалет, вытащил у него все подчистую – двадцать пять тысяч франков! – оставив только три франка на метро. Из Франции он смог уехать только благодаря Лиле, поднявшей на ноги советское посольство во Франции, и Андре Триоле, одолжившему ему денег на билет. В другой раз завел романчик с какой-то русской эмигранткой – Эльза, конечно, немедленно доложила об этом Лиле. Интрижка была несерьезной, никакой угрозы для Лилиной власти она не представляла. Но потом Маяковский увлекся Натальей Брюханенко, на которой даже собирался жениться, и американкой Элли Джонс (русской эмигранткой Елизаветой Алексеевой), от которой у него родилась

дочь, тоже Элли. Власть Лили над Маяковским начала слабеть…

В октябре 1925 года Маяковский снова был в Париже. Эльза, устав от необходимости постоянно сопровождать Маяковского, решила познакомить его с Татьяной Яковлевой – красавицей-эмигранткой, племянницей известного художника Александра Яковлева. Между ними тут же вспыхнул страстный роман. Маяковский ни на шаг не отходил от Татьяны, посвящал ей стихи (до этого вся любовная лирика Маяковского была посвящена только Лиле) и даже сделал предложение. Казалось, он нашел новую любовь своей жизни. Как потом выяснилось, ему это только казалось. Зато Эльзе повезло больше.

4 ноября 1928 года в кафе «Купель» Эльза указала Маяковскому на красивого молодого человека за соседним столиком: это был молодой, но уже известный поэт Луи Арагон. Через несколько минут к тому подошел официант: «Мсье Арагон, поэт Владимир Маяковский приглашает вас к себе за столик». Эльза тихо исчезла, чтобы не мешать беседе двух поэтов. На следующий день она вернулась – тогда и произошло знакомство Эльзы Триоле и Луи Арагона. Больше они не расставались.

На самом деле впервые она увидела его еще три года назад, на собрании группы сюрреалистов. Он сразу привлек к себе ее внимание – не только своей красивой внешностью, но и несомненным талантом, на который у Эльзы, как и у ее сестры, было безошибочное чутье. С тех пор Эльза искала повод для знакомства и никак не могла найти. К тому же она знала, что у Арагона была постоянная подруга – Нэнси Кюнар, на редкость неуравновешенная, взбалмошная и избалованная дочь одного из крупнейших судовладельцев Великобритании. И вот Маяковский, поэт, близкий Арагону и по духу, и по таланту, смог свести их вместе.

Арагон был незаконнорожденным сыном префекта парижской полиции, бывшего посла в Испании Луи Андрие. Желая скрыть сына от своей законной семьи, он дал мальчику свое имя и звучную фамилию по названию одной из испанских областей – Арагон. Правду о своем рождении Луи узнал только в 1917 году, когда уходил на фронт, – мать, которую он всю жизнь считал сестрой, не надеялась больше увидеть его живым и все ему рассказала. Под влиянием личной драмы и войны Арагон начинает писать стихи. С тех пор неприятие буржуазного миропорядка и жажда социальной справедливости становятся основами его поэтического мировоззрения. После войны Арагон примкнул к движению дадаистов, затем перешел к сюрреализму. Его ближайшими сподвижниками были Жан Кокто и Тристан Тцара, Поль Элюар, Робер Деснос и Андре Бретон. Вместе с

Бретоном Арагон в 1927 году вступил во Французскую компартию – в ней они видели наследницу свободолюбивых идей, которыми почти триста лет славилась Франция.

Встреча с Эльзой пришлась на тяжелое время его жизни. За два месяца до этого он, живя в Венеции, пытался покончить с собой, и только Эльза смогла вытащить его из глубочайшего душевного кризиса, в котором Арагон тогда находился. Как потом написал Арагон в одной из своих лучших поэм «Глаза Эльзы»:

В глубинах глаз твоих, где я блаженство пью,
Все миллиарды звезд купаются, как в море.
Там обретает смерть безвыходное горе,
Там память навсегда я затерял свою.
И если мир сметет кровавая гроза
И люди вновь зажгут костры в потемках синих,
Мне будет маяком сиять в морских пустынях
Твой, Эльза, дивный взор, твои, мой друг, глаза…

На следующее после их знакомства утро они вместе выходили из отеля, где жила Эльза, и на пороге их встретил оглушительно хохочущий Маяковский. Так что первые несколько недель их совместной жизни прошли под неусыпным контролем Маяковского.

Когда Маяковскому пришло время уезжать, он договорился в цветочном магазине, чтобы во все время его отсутствия Татьяне еженедельно доставляли цветы – к каждому букету прилагалась карточка с четверостишием, всякий раз новым. Он снова приехал в Париж в феврале 1929 года. В этот раз было решено, что в следующий свой приезд Маяковский заберет Татьяну с собой в Москву. Но он больше не приехал – Лиля сделала все, чтобы Маяковского в Париж не выпустили. Он завел роман с юной красавицей, актрисой МХАТа Вероникой Полонской, дочерью звезды немого кино Витольда Полонского и женой уже знаменитого актера МХАТа Михаила Яншина. Эльза немедленно рассказывает об этом романе Татьяне, а Лиля докладывает Маяковскому о том, что Татьяна собирается замуж за виконта дю Плесси: пришедшее в начале октября письмо от Эльзы, в котором о свадьбе было написано как о свершившемся факте, Лиля прочитала вслух. В конце письма была просьба ничего не говорить Маяковскому – но дело было уже сделано. На самом деле в октябре Татьяна даже не приняла еще предложения виконта. Свадьба состоялась только в конце декабря – когда Яковлева окончательно уверилась в том, что Маяковский к ней не приедет.

А 14 апреля 1930 года Владимир Маяковский, закрыв дверь за Вероникой Полонской, выстрелил себе в сердце.

На следующий день Эльзу, которая уже давно жила в квартире Арагона, разбудил стук в дверь. Кто-то выкрикнул два слова по-русски – Арагон не смог разобрать, о чем речь, но Эльза страшно закричала и только повторяла: «Умер, умер, умер…»

Через несколько месяцев Арагон и Эльза едут в Советский Союз – навестить Лилю. В то же время в Харькове готовилась к открытию Международная конференция революционных писателей. Организаторы, узнав о пребывании в Москве настоящего французского писателя-коммуниста, пригласили Арагона и Триоле в Харьков. На конференции собирались громить сюрреалистов, и Арагон счел трусостью отказаться. На обратном пути Арагон и Триоле посетили Днепрострой – впечатления об этой поездке он описал в поэме «Красный фронт». Через два года Арагон, как корреспондент газеты «Юманите», и с ним Эльза снова ездят по СССР – после этого появляется цикл стихотворений «Ура, Урал!». В 1934 году Арагон, а вместе с ним Эльза в качестве супруги, переводчицы и помощницы принимают участие в Первом съезде советских писателей. Здесь они встречают старых друзей и заводят новых – в работе съезда принимают участие Максим Горький, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Борис Пастернак, Алексей Толстой и многие другие. Потом многие из них будут навещать Арагона и Триоле в Париже.

Эльза наконец была счастлива. Она вернула Арагону вкус к жизни, стала его музой и вдохновительницей, а он дал Эльзе столь необходимые ей дом и любовь, всячески поощрял ее стремление писать. Он даже начал изучать русский язык – как заметил один из их друзей, из-за ревности: чтобы понимать, о чем Эльза говорит с другими.

Первые годы их совместной жизни были очень тяжелыми. Многие друзья Арагона были настроены против Эльзы – кстати сказать, она отвечала им взаимной неприязнью. Арагона пытались убедить в том, что Эльза – русская шпионка, которая пытается подмять его под себя и превратить в апологета СССР. Было очень трудно и в материальном плане. Раньше Эльза жила на деньги, которые присылал ей бывший муж. Теперь от этого пришлось отказаться, а литературные заработки Арагона не позволяли даже сводить концы с концами. Выход нашла Эльза. Она, обладавшая безупречным художественным вкусом и богатейшей фантазией, стала делать ожерелья на продажу. В ход шло все – бусины, ракушки, дешевый жемчуг, стеклышки, металлические кольца, осколки плитки и даже наконечники от клизм. Работа была нелегкая. Арагон тоже принимал участие:

ранним утром он с чемоданчиком, полным образцов бижутерии «от Эльзы», обходил город в поисках оптовых покупателей. Так он написал в поэме «Песнь Эльзе»:

Ты сама себе шила наряды свои выходные,

Ты умела дешевые бусы на нитки низать,
Все шло в дело – клочки, лоскутки, все осколки цветные…
Я глазам не поверил, увидев впервые
Хрустали ледяные, когда ты пошла танцевать…

И снова помог случай. Однажды изделия Эльзы увидел американский корреспондент журнала «Vogue», и они так ему понравились, что он порекомендовал их автора знаменитым домам мод – таким, как Шанель, Пуаре и Скиапарелли.

Ожерелья быстро стали популярными. Недорогая и фантастически необычная бижутерия очень понравилась парижанкам.

Теперь Эльзе приходилось просиживать ночи напролет, чтобы успеть сдать заказ к сроку. Она стала своей в мире моды, что позволило ей в течение многих лет быть модным обозревателем в газете «Ce Soir», а затем в журнале «Regards». Не оставляла она своего увлечения модой и потом. Кстати, именно Эльза придумала столь популярную в последние годы прозрачную вечернюю сумочку. Сама, однако, она уже таких сумок не делала, а продала идею известному кутюрье Люсьену Лелонгу (Lucien belong).

Через некоторое время Эльза опишет свои приключения в мире французской моды в своей книге «Ожерелья» (1933) – последней, написанной на русском языке. Книгу опубликовали только после ее смерти, Луи Арагон сам перевел ее на французский язык. В СССР удалось издать только небольшие фрагменты в одной из газет – и то только потому, что «товарищ Триоле» считалась официальным другом Советского Союза. Именно невозможность издаваться на родине в конце концов и вынудила Эльзу писать на французском языке, превратив ее во французскую писательницу.

Сначала Эльза занимается переводами с русского, затем начинает самостоятельное творчество. Конечно, французский язык знаком ей с детства, она владеет им в совершенстве, но это все-таки не родной язык. Первые свои попытки писать она сама называла «пытками». Французский язык Эльзы Триоле оказался обогащен русскими фразеологическими оборотами, русскими стилевыми приемами, влияниями русской литературы. Это,

конечно, было заметным недостатком, но вместе с тем это придавало ее творениям непередаваемое своеобразие и свежесть. Первый опубликованный ею на французском языке роман «Добрый вечер, Тереза» (1938) вызвал лавину критики – как доброжелательной, так и уничижительной. Эльза сама никак не могла понять, почему же ее опубликовали – потому, что она талантлива, или потому, что она – «бездарная возлюбленная Арагона».

Их любовь достойно выдержала все испытания. В конце февраля 1939 года в мэрии Первого округа Парижа Луи Арагон и Эльза Триоле, уже получившая официальный развод, вступают в брак, узаконив наконец свой десятилетний союз.

1 сентября того же года начинается Вторая мировая война.

Уже на следующий день Арагона призвали в армию – он попал в танковую дивизию. Через месяц за Эльзой стали следить, и ей только чудом удалось избежать ареста, успев покинуть Париж с толпами беженцев. В конце июня 1940 года супруги каким-то чудом нашли друг друга. В Париж они не вернулись, оставшись на юге – в так называемой свободной зоне, куда не дошла оккупация. Через год руководители движения Сопротивления пытались переправить чету Арагонов через демаркационную линию, но на границе их схватили. Правда, немцы оказались не очень внимательны и через десять дней отпустили, так и не узнав, кто они. Вскоре Арагоны снова перешли на нелегальное положение и переехали в Лион, где развернули подпольную работу: организовали издательство «Французская библиотека», издавали газету «Этуаль», листовки, брошюры и тому подобное. Почти всех организаторов движения Сопротивления немцы расстреляли – Арагоны были среди очень немногих уцелевших. От отчаяния и ужаса их спасала литература – оба очень много писали. Арагон выпустил два романа и несколько сборников стихов, принесших ему широкую известность, Эльза – сборник рассказов «Тысяча сожалений» и роман «Конь белый». За вышедший сразу после войны сборник «За порчу сукна штраф двести франков» Эльза Триоле получила престижнейшую Гонкуровскую премию – впервые за сорок лет присужденную женщине и впервые за всю историю премии – писателю русского происхождения.

После войны Арагон и Триоле стали настоящими литературными знаменитостями. Стихи Арагона, его лирика, обращенная к Эльзе, стали невероятно популярны – на многие из них были написаны песни, которые поются до сих пор. Эльза Триоле выпустила несколько романов, посвященных жизни послевоенной Франции, – «Никто меня не любит», «Вооруженные

призраки», «Неизвестный» и другие. Роман «Незваные гости» был отмечен в 1957 году премией «Фратерните». Супруги много разъезжали по миру, принимали активнейшее участие в деятельности различных писательских организаций, а в 1955 году Эльзу Триоле избрали почетным председателем Национального комитета писателей Франции. Помимо литературного творчества, Эльза много времени отдавала своей главной страсти – пропаганде русской культуры во Франции. Она переводила на французский Чехова, Гоголя и Маяковского, выпустила книгу о творчестве Чехова, написала воспоминания о Маяковском, подготовила антологию русской и советской поэзии. В 1960-м она вместе с Константином Симоновым написала сценарий известного советско-французского фильма «Нормандия – Неман».

В пятидесятых годах во Франции, как и во всей Европе, отношение к СССР резко ухудшилось – соответственно ухудшилось и отношение к Арагонам. Их часто приглашали в страны социалистического лагеря, Арагону за роман «Коммунисты» даже присудили Международную Ленинскую премию. Правда, на его родине этот роман был с недоумением встречен даже его друзьями. Арагонов многие обвиняли в слепоте и политической наивности, а многие даже напрямую в сотрудничестве с советскими спецслужбами и просоветской пропаганде. Даже после XX съезда они не отреклись от своих убеждений. Но они и не боялись признавать свои ошибки. В 1968 году, после того, как советские танки вошли в Прагу, Арагон – в то время уже член ЦК компартии Франции – и Триоле публично объявили о своем неприятии советской политики в Чехословакии. После этого КПФ прекратила финансирование литературного журнала «Lettres Francaises», который много лет издавал Арагон.

Во время недели советского кино во Франции, 1955 г. Слева направо: Сергей Васильев, Николай Черкасов, Людмила Целиковская, Владлен Давыдов, Эльза Триоле, Луи Арагон, Акакий Хорава, Элина Быстрицкая, Владимир Кочетов, Михаил Трояновский

Тем не менее Арагон и Эльза не опустили руки. Они по-прежнему много работают, у них постоянно бывают гости – их друзья из СССР. Балерина Майя Плисецкая, останавливавшаяся в их доме, так описала их быт: «Жить у Арагона и Эльзы было занятно. Оба писателя просыпались на рассвете, выпивали по чашке черного кофе и писали, полусидя в постели, до полудня. В эти часы я для них не существовала. На вопросы они не отвечали, на звонки у дверей – и подавно, к телефону не подходили. Тишина. Только скрип перьев да посапывания».

С 1964 года супруги начали уникальное издание – их совместное собрание сочинений, иллюстрированное уникальными фотографиями и рисунками. Специально для этого издания работали художники Макс Эрнст, Анри Матисс и Ман Рей. На форзаце поместили эмблему, выполненную Анри Матиссом: переплетенные Э и Л: первые буквы имен Эльзы Триоле и Луи Арагона, чьи жизни однажды переплелись и с тех пор составляли одно целое.

Последний том собрания – сорок второй – вышел уже после смерти Эльзы Триоле. У нее давно уже было плохо с сердцем. В их с Арагоном новой двухэтажной квартире был даже оборудован специальный лифт, потому что ей было трудно подниматься по

лестнице. Но, несмотря ни на что, она до последних дней продолжала писать. В январе 1970-го был опубликован ее последний роман «Соловей умолкает на заре» – как и все романы Триоле, автобиографичный. А 16 июня она умерла.

Ее похоронили в саду их загородного дома, под вековым ясенем. Через несколько лет Луи Арагон навсегда присоединился к ней.

На их могильной плите – цитата из ее романа: «Мертвые беззащитны. Но мы надеемся, что наши книги нас защитят».

Книги защитили их. Теперь уже никому не интересно, каких политических взглядов придерживались гениальный лирик Арагон и его русская жена, ставшая крупной французской писательницей. Они пронесли свою любовь через десятилетия, которые изменили мир, но не смогли изменить их чувства. Это – их главное произведение. То, ради которого они жили.

Политика

Императрица Мария Федоровна

ВДОВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ей была уготована яркая драматичная судьба. Датская принцесса, она была обручена с одним, но вышла замуж за другого, чтобы стать императрицей чужой страны. В ее жизни было и счастье любви, и множество потерь. Она пережила не только мужа, сыновей и внуков, но и саму свою страну. В конце жизни она вернулась на родину. Может быть, теперь она снова вернется в Россию…

Правящая в Дании с середины XV века Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургская династия принадлежала к немецкому Ольденбургскому роду; к тому же роду – к младшим его ветвям – принадлежали правители Швеции, несколько немецких князей и даже в некоторой степени российские императоры. Петр III, предок по мужской линии всех последующих Романовых, происходил из Гольштейн-Готторпской линии Ольденбургского рода.

У датского короля Христиана IX и его жены, королевы Луизы, было шестеро детей: наследник престола Фредерик, Александра, Вильгельм, Дагмар, Тира и Вальдемар. Это была очень дружная

семья, но особенной любовью в ней пользовалась вторая дочь – Дагмар, или официально – Мария-Луиза-София-Фредерика-Дагмар, родившаяся 26 ноября 1847 года. Ее доброта, деликатность и искренность снискали ей всеобщую любовь среди многочисленных родственников по всей Европе. Она умела нравиться всем – не из-за того, что прикладывала к этому какие-то усилия, а в силу врожденного очарования. Не будучи редкостной красавицей, она тем не менее обладала той прелестью, которая никого не могла оставить равнодушным.

Император Александр III с женой, императрицей Марией Федоровной, и детьми: Николаем, Ксенией и Георгием, Эстляндская

Датские принцессы всегда ценились на европейской «ярмарке невест». Древний род, страна, занимающая не последнее место в европейской политике – и вместе с тем не доминирующая в ней (это гарантировало, что невеста будет вести себя скромно). В 1863 году Александра, старшая датская принцесса, вышла замуж за принца Уэльского Альберта-Эдуарда, наследника английской короны, – после смерти своей матери, королевы Виктории, он стал королем Эдуардом VII. А на следующий год датского принца Вильгельма избрали королем Греции и короновали под именем Георга I.

Нет ничего удивительного, что на юную Дагмар, славившуюся своей прелестью и замечательным характером, обратили внимание в России. Император Александр II и его жена Мария Александровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) как раз присматривали жену своему старшему сыну, наследнику престола Николаю Александровичу – в семейном кругу его звали Нике.

Это был красивый, очень серьезный, хотя и романтик, прекрасно образованный молодой человек, с сильным характером. В 1864 году отец отправил его в путешествие по Европе – в частности в Копенгаген, где особо посоветовал обратить внимание на юную Дагмар, о которой он слышал много хорошего. Императорская чета не уставала хвалить ее сыну.

Брак с датской принцессой был выгоден России. Россия хотела закрепиться на Балтийском море – в пику Пруссии и Германии. Этот брак устанавливал новые родственные связи, в том числе и с Англией, с которой до этого отношения были весьма натянутыми (королева Виктория не любила Россию – как говорили, из-за того, что в свое время юный император Александр II отверг ее любовь). Кроме того, неизменные немецкие невесты в России уже надоели, а датчанка (хоть и из немецкого по происхождению рода) никого не будет раздражать. Конечно, выгоден этот брак был и Дании – маленькому балтийскому государству нужен был сильный союзник.

Последнее слово оставалось за Никсом. На фотографии невеста ему понравилась; но когда он показал портрет своему брату Александру, тот не нашел в ней ничего особенного – милая барышня, но бывают и получше… Братья всегда были очень близки, но тут они чуть ли не впервые поссорились.

Нике приехал в Копенгаген только познакомиться. Но вышло так, что он влюбился в юную принцессу с первого взгляда. Невысокого роста, миниатюрная, большеглазая, смешливая – да,

она не блистала ни красотою, ни умом; но ее шарм, очарование, живость покоряли сразу. Нике тоже не устоял. Уже через несколько дней – 16 сентября 1864 года – он сделал Дагмар предложение; и она приняла его.

Дагмар тоже полюбила российского наследника. Красивый (начиная с Александра I все Романовы славились своей красотой), мягкий и обаятельный, он читал ей стихи и рассказывал о своей стране. Ради него Дагмар согласилась даже переменить веру – это являлось необходимым условием для брака. Нике пообещал ей, что при крещении ей оставят одно из ее имен – Мария. И сразу же стал звать ее Минни.

Нике заваливал родителей и брата письмами о том, как он счастлив, познакомившись с Дагмар. Родители одобряли этот союз; недоволен был только Саша – по его убеждению, это был брак по расчету, а такой союз не может принести радости его любимому брату…

Свадьба была назначена на следующее лето. В октябре жених и невеста расстались – Николай должен был встретиться с матерью в Ницце, где Мария Александровна, страдающая слабыми легкими, собиралась провести зиму.

И тут случилось непредвиденное. Во время поездки по Италии наследнику стало плохо. Болезнь то отпускала, то снова укладывала Никса в постель… В марте к нему срочно выехал брат Александр, из Дании помчалась к жениху Дагмар, срочным поездом прибыл император Александр Николаевич. Они приехали, когда Нике был уже при смерти. Почти все время был в забытьи, бредил…

Ночью на 11 апреля Николай Александрович пришел в себя и попросил позвать к себе брата и Дагмар. Они были в комнате втроем. По легенде, он соединил их руки, положа себе на грудь, и сказал Александру: «Оставляю тебе тяжелые обязанности, славный трон, отца и невесту, которая облегчит тебе это бремя…» Следующей ночью он умер.

Горе Дагмар поразило всех. В восемнадцать лет она стала вдовой, так и не успев выйти замуж. Маленькая, хрупкая, она совсем исхудала от слез. В конце концов ее увезли в Данию…

Но российский император не забыл о ней. В эти дни он по достоинству оценил Дагмар, отметив ее сильный характер и преданность. И, уезжая, даже высказался в том смысле, что неплохо бы оставить Дагмар у себя. Эта идея нравилась Александру II все больше и больше: ведь его второму сыну тоже надо будет жениться – а зачем искать кого-то, когда уже есть Дагмар! И император написал ей, намекнув на подобную возможность. Дагмар была растеряна: она ведь только что

потеряла горячо любимого жениха и пока не могла даже думать о новом браке. Но, полюбив Никса, она полюбила и Россию; а будущее России теперь было за Александром Александровичем… Постепенно Дагмар стала свыкаться с этой мыслью.

Александр Николаевич и его супруга не забывали о ней. Они постоянно писали ей письма, где звали дочерью. Младший сын императора Алексей Александрович назвал свою новую яхту «Дагмар». Но сам наследник Александр не выказывал принцессе особого внимания; пара писем – и все. Когда она послала ему обещанный портрет – она и Нике, – он еле нашел время ответить. Датский двор напрасно ждал вестей из России…

На самом деле Александр думал о Дагмар: она очень понравилась ему в Ницце, и он даже немного завидовал брату – ведь тот все-таки нашел свою любовь, хоть и не успел ею насладиться. Но его собственное сердце было занято – как раз в это время Александр влюбился в княжну Марию Мещерскую, фрейлину императрицы. Не красавица, Мари Мещерская покорила наследника умом и живостью характера. И покорила настолько, что Александр даже решил на ней жениться – о чем прямо заявил своему отцу, прекрасно понимая, что ради этого брака ему придется отказаться от прав на престол. Император был в ярости. Мещерскую тут же отослали за границу (через год она выйдет замуж за невероятно богатого Павла Демидова, а еще через год умрет в родах), а Александра отправили в Копенгаген.

Обаяние датской принцессы оказалось сильнее чар русской княжны. В Дагмар Александр нашел все, что считал необходимым видеть в своей жене и будущей императрице. На десятый день своего пребывания во дворце Фреденсборг он сделал Дагмар предложение, а потом спросил: «Сможете ли вы любить еще после моего милого брата?» Она ответила: «Никого, кроме его милого брата!»

Александр был мало похож на Никса. Высокого роста, крепкий, он любил не поэзию, как Нике, а кузнечные работы. Вместо обаяния старшего брата – замкнутость и задумчивость. Но от Александра веяло надежностью и силой, о которой мечтает каждая женщина…

Свадьба была назначена на май следующего года. Но Александр был так влюблен, что уговорил отца сыграть свадьбу на полгода раньше.

1 сентября 1866 года принцесса Дагмар на датском судне «Шлезвиг» в сопровождении царской яхты «Штандарт» покинула Данию. Среди провожавших был известный писатель-сказочник Ханс Кристиан Андерсен, который написал об этом: «Бедное дитя!

Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше».

14 сентября ее с невероятной торжественностью встречала в Кронштадте вся императорская семья. В октябре Дагмар приняла православие под именем Марии Федоровны – отчество ей дали в честь иконы Федоровской Божьей Матери, покровительницы рода Романовых. И 28 октября 1866 года состоялось венчание великой княгини Марии Федоровны с великим князем Александром Александровичем. Резиденцией молодоженов стал Аничков дворец.

Молодая жена наследника пришлась ко двору. Ее очарование оказывало на всех поистине магическое действие. Несмотря на небольшой рост, Мария Федоровна отличалась такими величественными манерами, что своим появлением затмевала всех. На редкость подвижная, общительная, с живым и веселым характером, она смогла вернуть императорскому дому тот блеск, который был потерян с болезнью императрицы Марии Александровны. Она любила живопись (даже брала уроки у известного живописца А.П. Боголюбова), обожала верховую езду. И хотя ее поведение давало повод многим упрекать молодую цесаревну в некотором легкомыслии и поверхностности интересов, она тем не менее пользовалась всеобщим уважением. Ведь у нее был очень сильный, цельный характер – и вместе с тем чувство такта, не позволявшее ей открыто демонстрировать свое влияние на мужа.

Мария Федоровна во время визита к своему отцу, королю Дании Христиану IX

Их отношения были удивительными для дома Романовых. Взаимная нежность и несомненная любовь в течение всей их совместной жизни – это была невероятная редкость в царском роду, где считалось нормой, женившись по расчету, заводить любовниц. Не был исключением из этого правила и сам Александр II – он, хоть и женился по любви, тем не менее славился своими многочисленными любовными похождениями. А

как раз в это время начался самый громкий его роман – с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, ставшей на долгие годы его официальной фавориткой, а затем – и морганатической супругой. Эта связь императора ухудшила и без того плохое здоровье императрицы Марии Александровны, и в 1880 году она скончалась. Едва выждав сорок дней, император обвенчался с Долгорукой, получившей титул княгини Юрьевской, узаконив всех прижитых с нею детей. Все это еще более осложнило и без того непростые отношения в императорской семье: Екатерина Михайловна, не любившая первую семью императора, мечтала сделать наследником престола – в обход всех существующих законов – своего старшего сына Георгия.

Александр Александрович резко осуждал такое поведение отца, считая его совершенно недопустимым для императора: ведь его жизнь – это пример для всех подданных. Для самого наследника главным в семье была любовь и взаимное доверие. И конечно, дети. За 14 лет их у Александра Александровича и Марии Федоровны родилось шестеро: в 1868 году первенец Николай – будущий император Николай II (в семье его звали Ники), через год – Александр, в 1871 году – Георгий, в 1875 – Ксения, еще через три года – Михаил. Последняя дочь, Ольга, родилась в 1882 году, когда Александр уже стал императором.

Современники отмечали, что в этой семье царила удивительно дружелюбная обстановка. Детей воспитывали в любви, хотя не баловали, – родители, ценящие порядок и организованность, старались привить детям веру в Бога и любовь ко всему русскому, к традициям и идеалам. Тогда при дворе была принята английская система воспитания, введенная еще Марией Александровной: овсяная каша на завтрак, холодные ванны и много свежего воздуха. В подобной строгости не только держали детей, но и жили сами: показная роскошь в домашней обстановке не одобрялась. Например, на завтрак у самого императора и его жены были только вареные яйца и ржаной хлеб.

Мария Федоровна с отцом и сестрой Александрой, принцессой Уэльской

Минни было не привыкать. Ведь в Дании порядки были такими же: маленькая небогатая страна не давала возможности своим королям жить в роскоши. В России Мария Федоровна чувствовала себя счастливой. Ее брак, заключенный по взаимной любви, оказался на редкость удачным: ее все любили…

Но семью преследовали неприятности. Умер в годовалом возрасте второй сын наследника, названный в честь деда и отца Александром. Шесть неудачных покушений на императора – из-за них все Романовы жили как в осаде. Наконец последнее, удавшееся – 13 марта 1881 года.

Покушение было совершено средь бела дня, на набережной петербургского Екатерининского канала. Взрывом бомбы, брошенной в карету императора, мальчику-разносчику оторвало голову; пострадали несколько прохожих и казаков конвоя. Карету Александра II разнесло на куски, но он сам оказался невредим – и, не заботясь о себе, стал помогать раненым. В этот момент Игнатий Гриневицкий бросил вторую бомбу – этим взрывом было убито десять и изувечено четырнадцать человек. Император был смертельно ранен. Его на руках принесли в Зимний дворец, где он умер в присутствии всей семьи.

Мария Федоровна находилась в ужасном состоянии. Пытаясь хоть как-то развлечь ее, новый император Александр III заказал придворному ювелиру Карлу Фаберже необычный подарок к приближающейся Пасхе. Это было удивительное пасхальное яйцо: оно открывалось, внутри сидела золотая курочка, а в ней было миниатюрное рубиновое яичко и золотая корона. Подарок так понравился императрице, что яйцо стали заказывать каждый год. Когда престол занял Николай, он продолжил традицию, заказывая уже два яйца: для матери и для жены. Считается, что всего было изготовлено 54 яйца, каждое из которых является настоящим шедевром ювелирного искусства.

Александр Александрович и Мария Федоровна были наследной парой в течение 15 лет. Их коронация состоялась в Москве в 1883 году. Во время коронационных празднеств был торжественно освящен храм Христа Спасителя и открыт Исторический музей.

Став императрицей, Мария Федоровна отказалась переезжать в Зимний дворец, с которым было связано много тяжелых воспоминаний. Императорская семья продолжала жить в Аничковом дворце, перебираясь на лето в Гатчину. Были также приняты ежегодные поездки на Кавказ и в Данию, где летом собиралась вся огромная семья – принц и принцесса Уэльские, император России, греческий король (женившийся в 1867 году на двоюродной сестре Александра III Ольге Константиновне), множество владетельных особ из Австрии, Швеции и Германии. Говорили, что именно на таких сборищах в Фреденсборге делалась европейская политика.

Относительно влияния самой Марии Федоровны на российскую политику есть множество разных мнений. Граф

Сергей Витте, например, считал, что дипломатические способности императрицы – главное достояние империи. Именно она склонила императора подписать союз с Францией – давним союзником Дании. Другие считали, что Минни больше интересуют балы. Настоящая женщина, она любила светскую жизнь, приемы – в отличие от своего мужа, который с трудом их терпел. Когда бал, по его мнению, слишком затягивался, Александр потихоньку выгонял музыкантов одного за другим; а если гости не расходились, то просто выключал свет. Но они были прекрасной парой, идеально дополняя друг друга: ведь официальные приемы составляли необходимую часть жизни императорского двора.

В чем, однако, не сомневался никто и никогда, так это в огромных заслугах императрицы в области благотворительности. Все российские императрицы, начиная со второй жены Павла I, тоже Марии Федоровны, занимались богоугодными делами. Это входило в неписаный круг обязанностей супруги императора. И вторая Мария Федоровна чувствовала необходимость соответствовать своему имени и положению. Уже в 1882 году – сразу после фактического восшествия на престол – Мария Федоровна организовала женские училища для малообразованных девушек из бедных семей. Она была почетным членом Казанского университета, взяла на себя опеку Женского патриотического общества, помогала Обществу спасения на водах и Обществу покровительства животным. Она была бессменной главой Ведомства учреждений императрицы Марии (названных так в честь первой Марии Федоровны, их основательницы), куда входили разнообразные учебные заведения, детские приюты, воспитательные дома и богадельни. Во время войн – Русско-турецкой, Русско-японской, Первой мировой – Мария Федоровна была сестрой милосердия. Императрица была шефом нескольких армейских полков, в том числе Кавалергардского и Кирасирского, – и все, начиная от высшего командного состава и заканчивая рядовыми, обожали ее.

Императрица пользовалась любовью и уважением Александра. Ее такт и политическая интуиция очень помогали императору. В высшей степени светская (ее собственная дочь говорила, что Мария Федоровна оставалась императрицей даже в детской), она могла разрешить любые конфликты в большой семье Романовых, которых было немало. Брат Александра, Владимир, а точнее, его властолюбивая супруга Мария Павловна являли собой потенциальный рассадник оппозиции в семье. Но император, придававший огромное значение семейным узам, держал всю семью в кулаке.

Однако не все было подвластно его воле. Случайности всегда играли немалую роль в истории. И смерть императора тоже во многом была следствием несчастливой случайности.

17 октября 1888 года поезд, в котором находилась вся императорская семья, потерпел крушение на перегоне между станциями Борки и Тарановки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. В момент крушения почти вся царская семья находилась в вагоне-ресторане. От удара вагон соскочил с тележек – пол оказался на земле, стены рухнули, убив стоящих у окон лакеев. Крыша стала оседать, грозя упасть, и один угол зацепился за металл колес, на секунду задержавшись. Это спасло Романовых: император успел подхватить крышу и удерживал ее, пока все не выползли наружу. Потом он помогал спасать остальных; Мария Федоровна, хотя ее руки и ноги были изранены стеклом, оказывала раненым первую помощь. Свое нижнее белье она изрезала на бинты.

Всего в катастрофе погиб двадцать один человек, пострадали больше двухсот. До сих пор неясно, было это крушением или покушением. Но именно от того чудовищного напряжения, как считали современники, у Александра III началось заболевание почек.

Его несокрушимое, как казалось, здоровье буквально рухнуло в 1892 году. Из-за болезни отменили ежегодную поездку в Данию; вместо этого решили отвезти больного царя в охотничий дворец в Беловеже. Но уже через две недели ему стало хуже, и семья переехала в Спалу – охотничье имение под Варшавой. Туда вызвали врача, который поставил диагноз: водянка; никакой надежды на выздоровление. Но может помочь пребывание в теплом климате.

Греческая королева Ольга Константиновна предложила свою виллу на острове Корфу. Туда поехали через крымское имение Ливадию, но по дороге Александру стало настолько хуже, что дальнейшая дорога была невозможна.

В Ливадии собралась вся семья. Из Дармштадта вызвали принцессу Алису-Викторию, невесту наследника Николая – Александр хотел благословить их брак. 20 октября 1894 года император умер на руках у Марии Федоровны.

Мария Федоровна была убита горем. Она была не в состоянии даже разговаривать. Все необходимые распоряжения отдавал принц Уэльский – он приехал в Ливадию вместе с сестрой Марии Федоровны принцессой Александрой через два дня после смерти Александра III. Тело императора было доставлено на крейсере из Ялты в Севастополь, оттуда поездом в Санкт-Петербург. Его похоронили 19 ноября в Петропавловском соборе – родовой

усыпальнице всех Романовых, начиная с Петра I. На похоронах присутствовали правители практически всех европейских государств.

Всего через неделю, 26 ноября, император Николай II обвенчался с гессен-дармштадтской принцессой Алисой-Викторией-Еленой-Бригиттой-Луизой-Беатрисой, принявшей в православии имя Александры Федоровны. Это был день тезоименитства Марии Федоровны, и поэтому стало возможным небольшое ослабление траура. 14 (26) мая 1896 года Николай и Александра Федоровна были коронованы в московском Успенском соборе.

Николай и Алике познакомились в Санкт-Петербурге в 1884 году – во время бракосочетания ее старшей сестры Елизаветы и его дяди Сергея Александровича. Они полюбили друг друга с первого взгляда, но Алике долго отклоняла предложение Николая, не соглашаясь переходить в православие. Родители наследника тоже были против: Александр не хотел усиления влияния Англии (Алике была любимой внучкой королевы Виктории и воспитывалась при английском дворе), его жене не нравилась замкнутость и сдержанность принцессы. Однако в конце концов их согласие было получено, и весной 1894 года в Кобурге, сразу после свадьбы принцессы Виктории Эдинбургской и великого герцога Гессенского Эрнста, они обручились. Но отношения двух императриц, не сложившиеся с самого начала, дальше только портились.

Молодые поселились вместе со вдовствующей императрицей в Аничковом дворце. Николай не хотел оставлять мать в такое тяжелое для нее время. Она долго не могла оправиться от своей утраты; траур по мужу она носила очень долго. Николай оставил за вдовствующей императрицей многие привилегии: она была хозяйкой во дворце, первой – под руку с Николаем – выступая на всех приемах (в то время как Алике следовала за ними, в сопровождении одного из Великих князей); в ее распоряжении оставались все драгоценности короны, она по-прежнему руководила Ведомством учреждений императрицы Марии и обществом Красного Креста, за ней было право назначать фрейлин и статс-дам и для себя, и для молодой императрицы. Она же заботилась о гардеробе Александры Федоровны, заказывая ей платья по своему вкусу. Марии Федоровне нравились платья яркие, с разнообразными отделками. У нее был превосходный вкус, позволявший даже строго регламентированные протоколом придворные наряды сделать интересными и индивидуальными. Ее любимыми портными были сначала парижский модельер Чарльз Ворт, затем петербуржец Август Бриссак (Бризак), а с

середины 1890-х годов – знаменитый московский модельер Надежда Ламанова. Алике же любила более строгие фасоны, а всем драгоценностям предпочитала жемчуг.

Оправившись от потери мужа, Мария Федоровна словно обрела второе дыхание. Она стала открыто интересоваться политикой – в некоторой степени это было необходимостью, вызванной неопытностью нового императора. Александр оставил после себя крепкую, влиятельную державу, но ее надо было уметь держать в руках. Осознание того, что наследник оказался не готов к роли правителя, очень угнетало Марию Федоровну, и она как могла старалась компенсировать его слабость. Она много работала, утомляя секретарей и поражая придворных работоспособностью и умением вникать в сложные политические вопросы.

Молодая императрица тяжело переносила свое положение «второй скрипки». Но у Марии Федоровны было все то, чего недоставало Алике: светскость, любезность, общительность, умение нравиться и обаяние старой императрицы не оставляли никаких шансов замкнутой, нелюдимой и холодной Александре Федоровне. С годами их противостояние только усугублялось. С весны 1895 года, когда император с женой переехал из Аничкова в Александровский дворец, влияние Марии Федоровны на сына заметно ослабело, хотя она все равно продолжала играть заметную роль в государственной политике.

А беды в семье продолжались. В 1899 году умер третий сын Марии Федоровны Георгий – он уже семь лет страдал от туберкулеза и поэтому постоянно жил на Кавказе, в имении Аббас-Туман. Катаясь на мотоцикле, он перевернулся и умер от легочного кровотечения. Георгий был наследником престола – ведь в семье Николая пока не было сына. В мае 1901 года младшая сестра императора Ольга вышла замуж за принца Ольденбургского, сына близкой подруги Марии Федоровны, но брак оказался крайне неудачным. Жених был гомосексуалистом, к тому же картежником и мотом, и фактически брак так и не состоялся. Ольга влюбилась в адъютанта своего супруга Николая Куликовского, но замуж за него смогла выйти только в 1916 году, когда ее первый брак был признан недействительным.

Казалось, что после смерти Александра III Романовы пустились во все тяжкие. Несколько громких скандалов, морганатические браки – заключенные, в нарушение всех законов, против воли императора. Престиж монархии падал на глазах. Последний удар нанес младший брат Николая Михаил – он вступил в связь с дважды разведенной Натальей Шереметьевской-Вульферт (получившей потом титул графини

Брасовой), на которой тайно женился, вопреки прямому запрету брата. Неудивительно, что монархию перестали уважать.

6 января 1905 года во время церемонии водосвятия на Николая было совершено покушение – заговорщики зарядили боевыми снарядами орудия, отдававшие традиционный салют. А меньше месяца спустя великий князь Сергей Александрович был взорван в Москве. Россия вступала в тяжелейший период своей истории.

Первая русская революция, неудачная война с Японией, усиливающийся разлад в стране – все это Мария Федоровна перенесла очень тяжело. Она, по сути дела, оставалась единственной хранительницей семейных и династических ценностей, но к ее мнению Николай уже не прислушивался. Она убеждала сына ввести в России конституционную монархию, в то время как его жена была ярой сторонницей самодержавия. Конфликт между двумя императрицами становился все глубже: Мария Федоровна решительно не одобряла Распутина, обижалась на Алике за то, что та старается ограничивать ее общение с сыном и внуками. Мировая война сблизила их – все женщины императорской семьи работали в госпитале, помогая раненым, – но сближение было недолгим. Алике особенно раздражало то, как выглядит вдовствующая императрица: она сама от постоянных тревог за больного сына, за мужа заметно постарела, а Мария Федоровна продолжала выглядеть очень молодо, свежо, без единого седого волоса.

В 1916 году вдовствующая императрица уехала в Киев, там же она узнала об отречении Николая. Это невероятно поразило ее – рухнуло то, чему Мария Федоровна отдала всю свою жизнь, частью чего она стала… Она не могла ни понять, ни простить. Ей советовали уехать, но она отказывалась, хотя жить стало тяжело – революционно настроенные люди смеялись над ней прямо на улицах. В феврале 1918 года прямо перед престарелой бывшей императрицей захлопнули дверь госпиталя, где она работала, заявив, что в ее услугах больше не нуждаются.

На следующий же день Мария Федоровна уехала в Крым, в поезде, который каким-то чудом достал один из Великих князей. В Крыму же оказались ее дочери: Ксения с мужем, великим князем Александром Михайловичем, и беременная Ольга, с морганатическим супругом полковником Куликовским, – через два месяца она родила сына Тихона. В соседних имениях жили еще несколько великих князей. Всех их через некоторое время собрали в имении Дюльбер, где они фактически оказались под домашним арестом. Всех Романовых собирались расстрелять – но, как это ни странно, спас Марию Федоровну Троцкий: в телеграмме он назвал ее «никому не нужной старой реакционеркой» и велел отпустить. Но все же как-то ночью большевики собрались штурмовать Дюльбер – Романовых спас только приход немецких войск, которые, согласно условиям Брестского мира, в ту самую ночь начали оккупацию Крыма.

Крымские узники получали вести о печальной судьбе своих родных – расстреле Николая и его семьи, гибели великих князей в шахте под Алапаевском, расстреле в Петропавловской крепости… Мария Федоровна не хотела верить в гибель сыновей – до самой смерти она считала, что Николай с семьей и Михаил спаслись, и не разрешала служить по ним заупокойные службы.

Судьба Романовых, как это ни странно, мало волновала их родных в Европе. Ни Виндзоры, ни датский король, ни кто-либо из немецких родственников не пытались спасти членов российской императорской фамилии. Георг V, двоюродный брат и близкий друг Николая, не сделал ничего для облегчения его участи, опасаясь возможных политических осложнений. Однако его мать, королева Александра, родная сестра Марии Федоровны, очень переживала за сестру и уговаривала сына спасти «несчастную Минни». Но только в конце 1918 года командир английской эскадры, стоящей в Стамбуле, получил распоряжение вывезти императрицу и двух ее дочерей из Крыма. Мария Федоровна отказалась: она вообще не хотела покидать Россию и уж тем более не собиралась бросать в Крыму своих родственников и приближенных, о которых в приказе не упоминалось. Разрешение взять их на борт было получено только в конце марта 1919 года. 4 апреля царица, ее родственники и свита поднялись на борт дредноута «Мальборо».

В момент отплытия «Мальборо» из Ялтинской бухты выстроившиеся на палубе русские офицеры отдали честь вдовствующей императрице и запели «Боже, царя храни». Мария Федоровна плакала – она покидала страну, где прожила больше пятидесяти лет. Ей было 72 года.

Через Константинополь, Мальту и Лондон бывшая датская

принцесса вернулась на родину. Ее сопровождала младшая дочь Ольга с мужем (Ксения Александровна осталась в Англии). Они поселились у племянника Марии Федоровны короля Кристиана X – сначала во флигеле королевского дворца, затем во дворце Видере, принадлежавшем Минни и ее сестрам. Кристиан был невозможно скуп, и это стало поводом необъявленной войны между теткой и племянником. Однажды он велел погасить яркий свет в ее дворце, поскольку счета за электричество его разоряют, – но Мария Федоровна лишь усмехнулась и приказала включить все лампы, что были. Его страшно возмущала манера Марии Федоровны «сорить деньгами»: она помогала русским эмигрантам, раздавая почти все имеющиеся у нее деньги; кстати, многие из них приехали к ней в Данию, составив своеобразный «двор» вдовствующей императрицы.

Положение бедной родственницы очень угнетало бывшую императрицу. Она, бывшая повелительница богатейшей страны, жила на пособие от своего племянника, английского короля Георга. Легендарных миллионных счетов Романовых в европейских банках на самом деле не существовало: почти все, что было, Романовы сняли со счетов и пожертвовали на нужды Первой мировой войны; средства остались только в германских банках, но их без остатка съела инфляция…

Как говорили, Георг назначил пенсию своей тетке вовсе не по доброте душевной, а рассчитывая получить взамен шкатулку с коронационными драгоценностями, которую Марии Федоровне удалось вывезти из Крыма.

Время показало, что это было правдой. Императрица умерла 30 сентября (13 октября) 1928 года. Ее еще не успели похоронить, как шкатулку потребовали переправить в Англию. Многие из тех фантастических по красоте и стоимости украшений теперь в коллекции английского королевского дома.

Марию Федоровну похоронили в усыпальнице датских королей – соборе Святого Йоргена – в городе Роскилле под Копенгагеном. На ее похоронах собрались представители всех королевских домов Европы, не потерявшие уважения и любви к этой выдающейся женщине.

Несколько лет назад представители семьи Романовых высказали просьбу о перезахоронении праха императрицы Марии Федоровны в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, рядом с мужем. Время покажет, удастся ли воссоединиться этой самой любящей паре в истории русского императорского дома…

Инесса Арманд

ТОВАРИЩ ИНЕССА

Женщина-загадка, женщина-идея, женщина-символ. Рано умерев, она породила столько легенд о своей жизни, что теперь крайне трудно отделить истину от вымысла. В ее время люди были другими, и их чувства, мысли и поступки теперь часто трудно понять. Каждый трактует по-своему, каждый видит свое – и получается, что настоящая ее жизнь оказалась скрытой под многочисленными наслоениями человеческих рассуждений. Обаятельнейшая красавица, первая феминистка России, любовница Ленина, пламенная революционерка, любящая мать пятерых детей – кто она, Инесса Арманд?

Ее отцом был известный в свое время французский оперный певец Теодор Стеффен – он выступал под псевдонимом Пеше Эрбанвиль. У него и его жены, актрисы Натали Вильд, полуфранцуженки-полуангличанки, было три дочери. Инесса-Елизавета, старшая, родилась 8 мая 1874 года. Есть данные, что Натали к этому времени еще не была замужем за Стеффеном.

Через несколько лет Стеффен умер, оставив вдову с тремя детьми практически без средств. Натали ушла со сцены и пыталась прокормить семью, давая уроки пения. Но денег все равно не хватало, и тогда двух старших дочерей – Инессу и Рене –

отправили к тетке. В Москву.

Тетка была гувернанткой в богатейшей семье обрусевших французов Армандов – преподавала музыку и французский язык.

Семье Армандов, известных московских промышленников-мануфактуристов, принадлежала крупная ткацкая фабрика в Пушкине, поместья и доходные дома. Глава семьи, Евгений Евгеньевич Арманд, потомственный почетный гражданин, относился к высшей промышленной аристократии России. У него было три сына – Александр, Владимир и Борис.

Инесса Стеффен, 1882 г.

Девочек Стеффен радушно приняли в семье Армандов. Рене и Инее свободно говорили на трех языках: французском, английском – родном языке матери – и русском, немного знали немецкий, прекрасно музицировали. У них было блестящее по тем временам образование – недаром же их воспитывала тетка-учительница. Инее в семнадцать лет выдержала экзамен на звание домашней учительницы. Кроме того, обе сестры были не только на редкость хорошенькими, но и обладали тем непреодолимым французским шармом и обаянием, которые можно было крайне редко найти среди русских девушек.

И братья Арманд не устояли. Александр всерьез увлекся Инее, а младший Борис – Рене. Конечно, сестры Стеффен были совершенно неподходящей партией для юношей из семьи Армандов: неясного происхождения, иностранки, бесприданницы, иного вероисповедания – ведь Арманды давно приняли православие, а Инее и Рене были воспитаны в англиканской вере. Тем не менее родители молодых людей не возражали: Арманды были известны своими либеральными взглядами. В их доме с радостью принимали прогрессивно настроенную молодежь – приятелей братьев Арманд по университету, а старшее поколение охотно применяло новые методы организации труда и принципы общения с рабочими, что шло только на пользу их разветвленному предприятию. Кроме того, сам Евгений Евгеньевич полюбил Рене и Инее, как родных дочерей, – и с радостью согласился на то, чтобы они на законных основаниях вошли в его семью.

Венчание Александра Евгеньевича Арманда и Инессы-Елизаветы Стефан (так писали ее фамилию в российских документах) состоялось в Пушкине 3 октября 1893 года. Инессе было 19 лет, ее супруг – на два года старше. Прелестная, полная жизни юная француженка и мягкий, обаятельный, благородный Александр составили прекрасную пару.

Инесса Арманд, 1895 г.

Молодожены поселились в Ельдигине, одном из подмосковных имений Армандов, часто наезжали в Пушкино, выбирались в Москву – на концерты, спектакли, в гости… Но уже тогда пробудилась деятельная натура Инессы: в Ельдигине она организует школу для крестьянских детей и не только является официальным ее попечителем, но и сама преподает. Инесса живет в атмосфере всеобщей любви и уважения, в полном достатке. Но покоя в душе не было: иногда Инесса ощущала себя очень

одинокой, чужой, томилась тем, что муж не может полностью разделить ее взглядов. Кроме того, она чувствовала, как постепенно ее затягивает семейная жизнь. А этого она не хотела ни в коем случае: еще в 15 лет, когда она прочла «Войну и мир» Толстого, ее поразило, как она сама пишет в более позднем письме, что «Наташа, выйдя замуж, стала самкой. Я помню, эта фраза показалась мне ужасно обидной, она била по мне, как хлыстом, и она выковала во мне твердое желание никогда не стать самкой – а остаться человеком (а сколько вокруг нас самок!)».

Тем не менее в 1894 году родился сын Александр. Через два года еще один – Федор. Потом две дочери – Инна и Варвара. С рождением первенца связан первый душевный кризис Инессы – отказ от религии. Она столкнулась с тем, что христианство запрещает женщинам шесть недель после родов посещать церковь. Хотя в юности Инесса была очень религиозна, первый же догмат, показавшийся ей нелепым и обидным, полностью разрушил всю ее веру. Так проявлялась ее максималистская натура – или все, или ничего.

Заботы о детях отнимали много времени, но жажда общественной деятельности требовала выхода. В то время для дамы, занимающей столь высокое положение, как Инесса Федоровна (в официальных документах она значилась как «жена потомственного почетного гражданина»), было только одно поле деятельности – благотворительность. И Инесса вступает в московское «Общество улучшения участи женщин», где вскоре становится одной из самых активных участниц, а в 1900 году – и председательницей.

Инесса и Александр Арманд, 1895 г.

Согласно уставу, общество боролось «с пьянством и связанным с ним развратом», занималось распространением женского образования и оказанием различной помощи нуждающимся. Но довольно быстро Инесса убедилась, что на самом деле общество занимается демагогией, – и внесла свои предложения. Она пыталась организовать при обществе воскресную школу, где и сама собиралась преподавать. Но власти школу запретили. Не были разрешены и другие ее проекты – ни народная библиотека-читальня, ни печатный орган общества.

Инесса увлеклась научной литературой – читала труды по

экономике, социологии, истории… Вступила в переписку с иностранными женскими феминистическими организациями. Увлеклась социалистическими идеями – во многом под влиянием студентов, бывавших в Пушкине: друзей Бориса по университету и репетиторов младших детей. Один из них, Евгений Каммер, был связан со студенческим подпольным кружком. В 1897 году Каммер попросил Армандов спрятать в Пушкине имущество кружка – копировальные машины, листовки и брошюры. Вскоре Каммер был арестован и сослан. Его судьба очень беспокоила Инессу – она как могла помогала ему в ссылке, а затем и в эмиграции.

Постепенно Инесса все дальше отходит от своего мужа, который хоть и находится под сильным влиянием жены, но все же все меньше и меньше разделяет ее убеждения. Инесса сходится с братом мужа Владимиром – он, убежденный социал-демократ, очень близок ей и по взглядам, и по чувствам. Любовь была сильная и взаимная, ни перед кем не скрываемая: Инесса сразу призналась мужу, и Александр отпустил любимую жену с детьми. Инесса и Владимир поселились вместе в Москве, на Остоженке. Вместе с ними жил студент-медик Ваня Николаев, которому Арманды помогают в учебе. В 1903 году у Инессы и Владимира родился сын Андрей.

Александр смог не только простить измену Инессы, но и остаться ей верным другом на всю жизнь. Всегда, когда возникала необходимость, он приходил на помощь жене – давал деньги, хлопотал, заботился о детях. Их развод не был официально оформлен – видимо, из-за детей, которых они продолжали воспитывать вместе.

Может быть, на подобное развитие ситуации повлиял невероятно популярный в то время роман Чернышевского «Что делать?». Там описывается схожий случай: муж Веры Павловны,

чья семейная жизнь построена на принципах товарищества, добровольно уступает любимую жену своему другу, счастливому сопернику, и даже инсценирует собственную смерть, чтобы помочь влюбленным официально соединиться, но и потом продолжает помогать им чем может.

Инессе было 28 лет, Володе – 17. Он был ученым-естественником, исследователем, у него было первоклассное образование и чувствительная душа. Он тоже попал под влияние Инессы, которая – очень тактично, но настойчиво – втянула его в свою революционную работу.

Осенью 1903 года Инесса с детьми поехала в Швейцарию поправить здоровье. Пока дети отдыхали, Инесса штудировала труды по марксизму, политэкономии, социальным вопросам и педагогике, старалась разобраться в социал-демократических течениях. Под влиянием книги некоего Ильина «Развитие капитализма в России» Инесса примыкает к большевикам.

Ильин – один из псевдонимов лидера большевиков Владимира Ульянова, больше известного как Ленин.

Возвращаясь из Швейцарии, Инесса Федоровна провозит груз нелегальной литературы, скрытый на ее спине складками широкой накидки-тальмы. Из привезенного образуется библиотека пропагандистов при Московском комитете партии – ею заведует сама Инесса. У себя на квартире она постоянно устраивает вечера, диспуты и доклады на революционные темы.

В Швейцарии, 1903 г.

6 февраля 1904 года в квартире Армандов производят полицейскую облаву. После недавнего теракта эсера Ивана Каляева, который бомбой убил московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, полиция старательно чистила город от неблагонадежных элементов.

Инессу несколько месяцев гоняли по московским тюрьмам. Ее здоровье сильно ухудшилось. Отпустили Инессу только в июне – за недостаточностью улик.

Сразу после освобождения Инесса с головой уходит в партийную работу: в ее ведении пропаганда, организация рабочих кружков и подбор людей. Она бегает целыми днями: с Арбата в Лефортово, в Измайлово, в Заяузье. Организует рабочий кружок в Пушкине. Напряженная работа и тяжелый быт сильно отразились на ее внешности: не прежняя изящная, изысканная, одетая по последней парижской моде богатая молодая женщина, а усталая, в скромном платье, с толстой косой вместо затейливой прически. Только глаза все те же – серо-зеленые, искрящиеся, сияющие. И если первое, что поражало пришедших к ней на квартиру людей, – обилие у нее детей (даже по тем временам в семьях круга Армандов пятеро – это было немало), то потом они попадали под неодолимое обаяние самой Инессы.

В 1905 году было разрешено допускать женщин на лекции Московского университета – в качестве вольнослушательниц. Инесса тут же подала заявление на юридический факультет. Отучилась один курс – увы, учебу пришлось прекратить по не зависящим от нее обстоятельствам.

В апреле 1907 года Инессу снова арестовали – правда, быстро выпустили, – в июле арестовали снова. Инесса пришла в парткомитет железнодорожников, заседавший под вывеской «Бюро для найма прислуги». И хотя Инесса Федоровна утверждала, что пришла лишь нанять кухарку, ей не поверили.

Когда ее снимали для полицейского архива, Инесса закрыла глаза, чтобы хоть так насолить жандармам.

В Лефортовской тюрьме Инесса тоже не теряет даром времени: учит соседок по камере французскому языку и политэкономии. В конце сентября ей вынесли приговор: два года ссылки в Архангельскую губернию.

На Ярославском вокзале ее провожала вся семья Армандов во главе с Евгением Евгеньевичем и Александром.

В Архангельске Инесса сначала отсидела две недели в тюремной одиночке (а не в пересыльной тюрьме, как полагалось). Вслед за ней туда приехал Владимир Арманд – он хлопотал о разрешении Инессе остаться на жительство в Архангельске. Но даже медицинское освидетельствование, удостоверившее, что у

Инессы малярия, не помогло. Ее направили в Мезень – глухой уездный городишко.

Мезень – испытанное место ссылки неугодных. Еще в конце XVI века сюда сослали протопопа Аввакума. Отвратительный климат, комары, малярия и глушь. Но властям и этого мало: Инессу хотели отправить в деревню Койда в нескольких сотнях верст севернее. Там сифилис, нет почты, часто нет даже хлеба. С трудом удается остаться в Мезени.

Владимир приехал за Инессой и сюда. Их изба сразу же становится центром колонии политссыльных. Но у Инессы все хуже со здоровьем, а от тоски у нее начинается депрессия. И тут время не проходит впустую – Инесса создает организацию социал-демократов, устраивает политические диспуты и лекции, дает уроки русского и французского.

В это время в Пушкине рабочие фабрики Армандов устраивают забастовку. Одним из лидеров был сам Александр Арманд – его арестовали, а после освобождения запретили жительство в крупных городах России. Александр уехал во Францию, взяв с собой старших сыновей. Вскоре за границу, в швейцарский санаторий, уезжает и Владимир – в Мезени у него обострился туберкулез.

Инесса в ужасе: ведь именно из-за нее Владимир поехал в Мезень. Пробыв в ссылке меньше года, она начинает готовиться к побегу.

20 октября 1908 года Инесса бежит, воспользовавшись тем, что на родину уезжали революционеры-поляки, отбывшие срок ссылки. Она смешалась с толпой провожающих, а в последнюю минуту ее спрятали в санях.

После побега Инесса по поддельному паспорту живет в Москве. Особо не скрывается: постоянно встречается с детьми, ходит в театры и на выставки, встречается с товарищами по партии. Узнав, что ее уже ищут в Москве, она… уезжает в Петербург – там открывается женский съезд, и ее золовка, Анна, будет принимать в нем участие. Инесса едет с Аней.

На съезд собралось около семисот делегаток – в основном так называемые «равноправки», поборницы получения равных с мужчинами прав. Была и рабочая группа – сорок пять человек, в том числе и Инесса. Она записалась в экономическую группу, но особенно ее заинтересовал вопрос «свободы любви». Об этом Инесса даже решила написать, но пока не хватало ни материала, ни времени. Отложила до лучших времен.

В начале января 1909 года из Швейцарии пришли тревожные вести: Владимиру внезапно стало хуже. Инесса, бросив все, через Финляндию едет к нему. Через две недели после ее приезда

Владимир умер.

Для Инессы это был страшный удар. Она действительно очень любила Владимира, и его внезапная смерть сильно надломила ее. Она сильно похудела, подурнела, осунулась…

Чтобы забыться, Инесса переехала в Париж – поближе познакомиться с французской социалистической партией, по ее собственному признанию. Из Парижа – в Брюссель, где за год прошла университетский курс и получила степень лиценциата экономических наук. И тогда же она встретила другого Владимира, ставшего на многие годы центром ее жизни, – Ленина.

До сих пор точно неизвестно, где именно произошло их личное знакомство. Вероятно, или в Париже, куда Инесса часто заезжала из Брюсселя, или в самом Брюсселе, куда Ленин приезжал в ноябре 1909 года. Известно только, что первая встреча быстро переросла в крепкую дружбу – Инесса сразу понравилась и Владимиру Ильичу, и Надежде Константиновне. Как писала Крупская, «в доме светлело, когда Инесса приходила». Постепенно Инесса становится тенью четы Ульяновых – секретарем, переводчиком, домоправительницей, ближайшим другом. Осенью 1910 года Инесса переезжает в Париж – поближе к Ульяновым. Она посещает лекции в Сорбонне, активно ведет партийную работу, собирает вокруг себя единомышленников. Люди сами тянулись к ней. Инесса была неординарной женщиной. Может быть, и не красавица в строгом смысле слова – у нее были правильные черты лица, густые пепельные волосы, стройная фигура и необыкновенные, лучистые зеленые глаза, но лицо немного портил слишком длинный нос, похожий на птичий клюв. Однако ее непреодолимое обаяние, тот свет, который от нее исходил, ее энергичность, доброжелательность и умение радоваться жизни покоряли всех. Про Инессу шутили, что ее надо включить в учебники по диамату – как образец единства формы и содержания.

По просьбе Ленина Инесса принимает участие в VIII Международном социалистическом конгрессе, который проходил в Копенгагене в начале сентября 1910 года. С этого началось ее участие в международной деятельности партии. Скоро она стала практически незаменимой: свободно владевшая четырьмя языками и обладавшая неплохим литературным стилем, а главное, фантастической работоспособностью, Инесса ведет обширнейшую переписку с заграничными большевистскими группами, усиленно переводит, завязывает личные связи с французскими социалистами. В 1911 году она – один из главных организаторов партийной большевистской школы в Лонжюмо.

Там было восемнадцать учеников со всей России, среди преподавателей школы – Николай Семашко, Анатолий Луначарский и, конечно же, Инесса и сам Ленин.

Другая видная большевичка, Александра Коллонтай, тоже горела желанием работать в школе. Но ей отказали – все преподавательские места были заняты. Оказалось занято и другое место, на которое претендовала Коллонтай, – ближайшей соратницы вождя. Как ни старалась Александра Михайловна «оттереть» Инессу от Ленина, у нее ничего не вышло – только обострились отношения с Ульяновыми. В отместку Коллонтай начала усиленно распространять сплетню о более чем близких отношениях Инессы и Владимира Ильича.

Отношения их действительно стали очень тесными. По слухам, именно в Лонжюмо у них начался бурный роман. Вроде бы даже гордая Надежда Константиновна просила мужа отпустить ее, а Владимир Ильич не согласился: он слишком ценил в ней преданного сотрудника и верного друга. И отношения с Инессой постепенно стали только деловыми.

По другим данным, никакого романа не было и быть не могло. Ленин всегда был мало подвержен чувствам, а Инесса, только что потерявшая обожаемого Владимира, вряд ли смогла бы так быстро предать его память. Для нее Ленин был вождем, идейным учителем, которому она доверяла во всем, но не более того. Кроме того, она и Крупская всю жизнь были близкими подругами, а жившая с Ульяновыми мать Надежды Константиновны, Елизавета Васильевна, очень любила Инессу – кстати, Коллонтай она явно недолюбливала. Столь близкие отношения вождя и его ближайшей помощницы тогда легко объясняли партийной необходимостью, единством интересов и общей работой.

После VI Всероссийской конференции РСДРП в Праге Инесса стала секретарем Комитета заграничных организаций большевистской партии. Работы все прибавлялось: помимо переписки и переводческой деятельности, Инесса принимала участие во множестве съездов и собраний. Главным ее делом была пропаганда и распространение ленинских идей среди заграничных большевиков. А весной 1912 года Инесса по поручению Ленина едет в Россию: у нее паспорт на имя польской крестьянки Франциски Казимировны Янкевич и задание восстановить недавно разгромленную петербургскую партийную ячейку. Через Краков, куда перебрался Ленин, Люблин и Харьков Инесса попадает в Петербург. Ее поездка сопряжена с огромнейшим риском провала – Инессу до сих пор ищут за побег из ссылки, но Ленина это не останавливает: если дело требует,

делу приносятся любые жертвы.

Инессе удалось продержаться всего два с небольшим месяца. И все это время она – больная, без денег, не имея возможности связаться с родными – занята партийной работой. Ее арестовали 14 сентября 1912 года. Сдал ее провокатор.

Александр Арманд тут же начинает хлопотать о ее освобождении. Весной 1913 года Инессу соглашаются отпустить под залог в 5400 рублей – по тем временам сумма неимоверных размеров. И, прекрасно зная, что деньги пропадут (Инесса предупредила, что при первой же возможности она снова уедет за границу), Александр Арманд вносит залог за жену.

Весну и лето Инесса проводит с семьей на Волге. Ей надо поправить здоровье, она наслаждается возможностью наконец-то побыть с детьми. Но уже в августе она уезжает – через Финляндию в Стокгольм, а затем в Галицию.

Там, под Краковом, Ленин проводит Августовское (Летнее) совещание ЦК партии (на самом деле совещание проходило в сентябре; Летним оно было названо для конспирации). Инессе очень понравилось в Кракове. Она собиралась выписать сюда детей, подыскивала квартиру. Но партийная необходимость потребовала переезда Инессы в Париж.

В Париже Инесса вместе с большевичкой Людмилой Сталь организуют новый печатный орган для русских женщин – «Работница». В редколлегию вошли также Крупская, сестра Ленина Анна Ульянова-Елизарова и несколько других виднейших большевичек. Часть редакции была в Петербурге, часть – за границей, в Париже и Кракове. Первый номер вышел в феврале 1914 года, потом удалось выпустить еще шесть, из которых три были конфискованы. На восьмом номере журнал закрыли.

Лето 1914 года Инесса проводит в Ловране, курорте на юге Адриатического моря, – ее здоровье совсем расстроилось. Туда к ней приезжают дети – четверо из пятерых. Наконец Инесса может спокойно отдохнуть в кругу семьи. Но Ленин требует ее участия в Брюссельском совещании II Интернационала. Инесса как может отнекивается, но потом уступает. Спорить с Лениным было невозможно.

После Брюсселя Инесса вновь собирается в Россию, но помешала война. С огромным трудом Инессе удается отправить детей домой, в Россию – через Италию в Англию, а оттуда в Архангельск. Сама Инесса остается в Берне, вместе с Лениным и Крупской. Последующие три года Инесса усиленно работает под руководством Ленина: принимает участие во многих конференциях и собраниях, делает переводы, занимается журналистикой под псевдонимом Елена Блонина (в память о

долгих прогулках в окрестностях Кракова; блонь по-польски – луг).

В марте 1915 года состоялась организованная Инессой и Кларой Цеткин Международная конференция женщин-социалисток. Чтобы обмануть цензуру, вся переписка велась будто бы о готовящейся свадьбе. Через несколько дней – Международная конференция социалистической молодежи. На обеих конференциях столкнулись две точки зрения: пацифистская, требующая немедленного мира, и выдвинутая Лениным идея о превращении империалистической войны в гражданскую. Неудивительно, что ленинская позиция не нашла сторонников: от войны, какой бы она ни была, люди уже успели устать. Инесса со всем свойственным ей жаром отстаивала идеи Ленина, но и она не смогла привлечь делегатов на его сторону.

В начале 1915 года Инесса по очередному фальшивому паспорту – на этот раз на имя Софьи Поповой, дочери майора в отставке, – приезжает в Париж с новыми ленинскими поручениями, оттуда – в Швейцарию, где в городке Кинтале проходит II Международная конференция социалистов. Там Инесса снова захотела написать книгу о «женском вопросе», семье и свободе любви. План статьи она посылает Ленину – и нарывается на резкую отповедь. Взгляды Инессы Владимир Ильич назвал буржуазными, тезисы разбил в пух и прах. И Инесса, которая многие годы слепо подчинялась воле Ленина, не смогла ему возразить. Книга так и не была написана.

По некоторым сведениям, в этом виновата Александра Коллонтай. К этому времени она полностью восстановила свои отношения с Лениным и сумела завоевать себе репутацию главного эксперта в женском вопросе. Многие идеи, высказанные Инессой, присутствуют и у Коллонтай – но если ей Владимир Ильич готов был простить мысли о свободе отношений и любви, то выслушать подобное от преданной Инессы было для него невозможно. Коллонтай смогла получить от Ленина исключительное право рассуждать на эту тему.

После Февральской революции Ленин и его ближайшие соратники рвутся в Россию. Возникают и один за другим отбрасываются планы возвращения. Власти Англии, а затем и Франции отказываются их пропустить. Наиболее реальным оказывается возвращение через Германию – Ленин готов принять помощь врага России, лишь бы попасть на родину. Представители французских, немецких, польских и швейцарских социалистов особым протоколом одобряют этот план: «Полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию».

В запломбированном вагоне Ленин, Крупская, Арманд и их соратники прибыли в Петроград ночью 3 (16) апреля 1917 года. Ленин с броневика призвал толпу к социалистической революции, затем митинг продолжился у дворца Матильды Кшесинской.

Вскоре Инесса поехала в Москву – к детям. Кроме того, в Москве тоже хватало дел, а кто лучше Инессы мог распространить там ленинские идеи? Она снова организует курсы по подготовке агитаторов, постоянно выступает перед рабочими с лекциями и докладами, организует Советы депутатов по всей Москве. Когда в июне 1917 года были выборы в московскую Думу, Инесса была избрана депутатом по списку большевиков.

Она вошла и в состав Исполнительной комиссии Московского комитета партии. В то же время она – по прямому ленинскому указанию – начинает выпускать журнал «Жизнь работницы». Удалось издать всего два номера.

Осенью младший сын Инессы Андрей сильно заболел: ему угрожал туберкулез. Инесса, с трудом получив отпуск, увезла его на юг. Вернулась она в самый разгар октябрьских боев – не смогла усидеть на месте. Прямо с вокзала, оставив сына встречавшим их родным, Инесса отправилась в Московский окружной комитет партии.

После победы революции Инесса получает множество партийных постов. Она, по сути, стала влиятельнейшей женщиной России. Но почивать на лаврах нет времени: она работает по двадцать часов в сутки. Весной 1918 года она берется за организацию школы советско-партийной работы: составляет программу, находит помещение, подбирает преподавателей, преподает и сама. Тогда же она стала председателем Московского губернского совета народного хозяйства. И организует Всероссийский съезд работниц и крестьянок, две подготовительные конференции в Москве. В марте 1919 года ее послали в командировку во Францию – по линии Красного Креста; задачей делегации было обеспечить возврат на родину русских военнопленных и интернированных. С первой партией пленных на родину отправили и саму делегацию.

Каторжная работа в тяжелейших условиях – не было света, тепла, не хватало еды – подорвала ее здоровье. В феврале 1920 года Инесса окончательно слегла. Ленин трогательно заботится о ней, постоянно шлет записки с вопросами о здоровье и указаниями, как лечиться. Но выздоровление шло очень трудно: организм Инессы был сильно истощен. Ленин предложил ей уехать на лечение; Инессе хотелось за границу, в родную Францию – но Владимир Ильич, боясь, что там ее немедленно

арестуют, посоветовал ей поехать на Кавказ, под крыло к Серго Орджоникидзе. После долгих уговоров Инесса согласилась. 22 августа 1920 года она приехала в Кисловодск.

Ленин написал в Управление курортами и санаториями Кавказа письмо с просьбой создать Инессе и ее больному сыну наилучшие условия, а Орджоникидзе он поручил лично проследить за безопасностью и устройством Инессы. В то время на Кавказе было неспокойно.

Она приехала очень уставшая, разбитая, исхудавшая – в ней с трудом можно было узнать прежнюю, полную жизни Инессу. Ее утомляли люди, она старалась быть в одиночестве. По вечерам оставалась в своей комнате, в полной темноте – лампы у нее не было. Не было и подушки, питание было весьма скромное, медицинское обслуживание почти отсутствовало. Но и в таких условиях Инесса начинает поправляться.

Когда над Кисловодском нависла угроза окружения, отдыхающих решили эвакуировать. Инесса организовывала погрузку людей, намереваясь оставаться в Кисловодске до последнего. Ей пригрозили: если товарищ Инесса не уедет добровольно, прибегнут к помощи красноармейцев. Она подчинилась. Эшелон был направлен в Нальчик. В пути Инесса заботилась о больных, добывала на станциях продукты и лекарства. На узловой станции Беслан поезд застрял: дороги были забиты беженцами. Наконец эшелон прибыл в Нальчик. Инесса с товарищами осмотрели город, были на собрании местных коммунистов. Ночью Инессе стало плохо. Она, не желая беспокоить соседей, терпела до утра. Двое суток она пролежала в больнице. В полночь 23 сентября Инесса потеряла сознание и к утру умерла.

Стоянка в Беслане оказалась для Инессы роковой: там она заразилась холерой.

С поезда тело Инессы перевезли в Дом союзов. Ленин плелся за ее гробом, опираясь на руку Надежды Константиновны. На следующий день ее похоронили у Кремлевской стены. По воспоминаниям Александры Коллонтай, «Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами, и казалось – вот-вот упадет».

По свидетельству многих, смерть Инессы сильно подкосила Владимира Ильича, во многом ускорив его смерть. Он успел распорядиться, чтобы всех детей Инессы привезли в Россию, – но их к умирающему Ленину не пустили. После его смерти Крупская принимала активное участие в их судьбе.

В последние годы много обсуждался вопрос – был ли роман у Инессы Арманд и Владимира Ленина и как далеко он зашел. Даже

говорили, что у Инессы был от Ленина ребенок – сын, по имени Александр Стеффен, который то ли похоронен в Швейцарии, то ли до сих пор живет в Берлине. Весь клан Армандов – дети, обожавшие мать, и родственники ее мужа – отрицают наличие романтических отношений между Инессой и Лениным, такое же мнение отстаивают французские коммунисты, свято чтящие ее память. А родная сестра Инессы Рене Федоровна до конца своих дней не произносила и не хотела слышать имени сестры…

Она оставила о себе светлую память, которую нельзя затемнить нескромными вопросами. Есть тайны, которым суждено остаться нераскрытыми. В их числе – и тайна Инессы. Тайна ее обаяния, тайна ее жизни, тайна ее памяти…

Александра Коллонтай

ВАЛЬКИРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

С/на родилась в переломное время, когда старые порядки, все еще казавшиеся незыблемыми, уже стали подгнивать. Еще немного – и старый мир начнет рушиться, погребая под своими обломками людей, идеи, страны… Кто мог знать, что Шурочке Домонтович, родившейся 19 марта (1 апреля) 1872 года, суждено будет принять в этом участие?.. Светская красавица и революционерка, пламенный оратор, первая в истории женщина-посол и женщина-министр, Александра Коллонтай оставила за собой шлейф разбитых сердец, погубленных жизней и вечно живых слухов…

Она была первым ребенком полковника Генштаба Михаила Алексеевича Домонтовича и четвертым – у его жены. Домонтович увел Александру Александровну Мравинскую (в девичестве Масалину) от первого мужа, военного инженера польского происхождения, от которого у нее было трое детей. Она много лет добивалась развода – по тогдашним законам, чтобы она смогла вторично выйти замуж, ее супруг должен был взять вину за развал их брака на себя. Кто действительно был виноват в этом, неизвестно, но семейная легенда гласит, что Мравинский был

«падок до баб».

Михаил Алексеевич происходил из потомственных помещиков Черниговской губернии, Александра Александровна была дочерью разбогатевшего финского крестьянина – после его смерти дочери осталось прекрасное имение под Выборгом, на мызе Кууза. Таким образом, в жилах новорожденной Шурочки смешались русская и финская кровь, с примесью немецкой (от прадеда, остзейского немца) и французской (от прабабушки).

Шура Домонтович, около 1879 г.

Домонтович, скоро получивший генеральский чин, прославился благодаря Балканской войне. После победы он был назначен сначала губернатором Тырнова – бывшей столицы Болгарского царства, затем управляющим делами русского наместника в Болгарии. Он был дружен со многими виднейшими военачальниками того времени, дети их были друзьями Шурочки. Например, дочь военного судьи Леонида Шадурского Зоя – она всю жизнь будет Шуре ближайшей и вернейшей подругой. И после того, как отца перевели в Россию, Шура общалась только с детьми сослуживцев отца: на семейном совете было решено не отдавать ее в гимназию, а обучать дома. Отец не скупился на лучших преподавателей – например, учителем словесности был приглашен Виктор Острогорский, один из виднейших литературоведов того времени, редактор популярнейшего журнала «Детское чтение». Неудивительно, что экзамены на аттестат зрелости Шура сдала блестяще.

Она подружилась с сыном генерала Драгомирова Ваней – он, как и Шура, прекрасно танцевал, и они были лучшей парой на всех балах. Ваня нравился Шуре, но ей нравились и другие мальчики из их круга. А сам Ваня влюбился не на шутку. Когда он признался ей, она оттолкнула его. Через некоторое время Ваня повторил попытку. Шура расхохоталась ему в лицо. Через несколько дней Ваня застрелился. Его предсмертную записку Шуре не показали, оберегая ее чувства, – она лишь узнала, что Ваня писал о ней и для нее. Всю последующую жизнь она вспоминала день его смерти – так глубока оказалась рана.

Чтобы отвлечь дочь от печальных мыслей, генерал Домонтович отвез ее в Ялту, в имение своего друга генерала Дондукова. Там Шуру познакомили с сорокалетним генералом Тутолминым – адъютантом императора Александра III, одним из самых знатных и многообещающих военных того времени. Через некоторое время генерал сделал Шуре предложение – она ответила решительным отказом. Весь Петербург судачил о девице, которая посмела отказать самому Тутолмину. Она же – во многом благодаря высокому положению своего поклонника – стала часто появляться в Зимнем дворце и даже была представлена императрице. На светских раутах Шура Домонтович привлекала к себе внимание редким очарованием, женским обаянием, изяществом, благородными манерами и безудержным весельем.

Зная ее неукротимый нрав и непредсказуемость поступков, отец не отпускал Шуру от себя. Отправляясь по делам в Тифлис, он решил взять ее с собой. Там жила его двоюродная сестра

Прасковья Коллонтай, вдова ссыльного поселенца Людвига Коллонтая, участника польского восстания 1863 года. Она воспитывалась в семье Константина Ушинского – прославленного русского педагога и просветителя, восприняв от него, а потом и от мужа либеральные идеи и тягу к свободе. В этом духе она воспитывала и своих детей – Ольгу и Владимира.

Владимир Коллонтай, черноволосый красавец-офицер, весельчак и балагур, проводил много времени со своей троюродной сестрой. Говорили в основном о политике, обсуждали запрещенного тогда Герцена. Возможно, именно тем, что он, постоянно общаясь с Шурой, ни слова не говорил о любви, он и покорил ее сердце. Они страстно полюбили друг друга. Следом за уехавшей домой Шурой Владимир тоже перебрался в Петербург – он поступил в Военно-инженерную академию. Родители Шуры были решительно против такой партии для своей дочери и отказали Владимиру от дома. Влюбленные встречались на квартирах друзей, сочувствовавших их несчастной любви. Домонтовичи отправили дочь в Европу, в Париж и Берлин – развеяться и забыть о ее любовном увлечении. Шура вместо этого увлеклась там запрещенной в России литературой – Маркс и Энгельс, Бебель, Сен-Симон, Карл Либкнехт и Клара Цеткин… И переписка с Владимиром не прекращалась. Сладость запретного плода манила ее. Позднее Александра Михайловна писала, что, если бы родители не так сильно сопротивлялись ее союзу с Владимиром, она, может быть, и не вышла за него. А так ее упрямство сломило их волю, и Домонтовичи вынуждены были дать согласие на столь неравный брак дочери.

За час до венчания Александры и Владимира стало известно, что накануне Виктор Острогорский, тайно влюбленный в нее, пытался покончить с собой. Он травился угарным газом. Спасла его случайно зашедшая экономка – но он остался калекой на всю жизнь.

Владимир обожал свою молодую жену, буквально носил ее на руках, а когда Александра поняла, что ждет ребенка, счастью его не было предела. Сама же Шура стала осознавать, что брак ее был ошибкой – Владимир не был тем, кого она хотела видеть рядом. Слишком зауряден. Слишком скучен…

Шура Домонтович, 1891 г.

Родившегося сына назвали в честь деда Михаилом. В семье его прозвали Хохля – из-за сумрачности и серьезности не по годам. Заботы о ребенке, обустройство отдельной квартиры, денежные дела, бытовые проблемы – ко всему этому Шура не была готова, все тяготило ее, отталкивало. С завистью смотрела

Шура на свою сводную (по матери) сестру Евгению – у нее был прекрасный голос, и она под псевдонимом Мравина стала примой Императорского оперного театра. У нее было «дело», и ее не обременяла семья – в отличие от самой Шуры.

На помощь пришла бывшая домашняя учительница Шуры Мария Страхова. Теперь она работала в публичной библиотеке известного собирателя книг Николая Рубакина. На базе этой библиотеки Страхова создавала передвижной музей учебных пособий – и Шура стала ее помощницей. И библиотека, и музей были местом сборищ столичной либеральной молодежи. Именно там Шура познакомилась с Лялей (Еленой) Стасовой – племянницей великого критика Владимира Стасова и дочерью известнейшего адвоката Дмитрия Стасова. Елена, убежденная марксистка, обратила новую подругу в свою веру. Шурочка вдохновилась идеями социального равенства. В свою очередь, она заразила этими мыслями свою ближайшую подругу Зою Шадурскую, а за ней – и ее сестру Веру, ставшую к тому времени знаменитой артисткой под псевдонимом Юренева.

Чтобы избавить Зою от родительской опеки, Шура задумала устроить ее фиктивный брак с приятелем и однокашником своего мужа Александром Саткевичем. Какое-то время и вправду жили коммуной. По вечерам собирались все вместе, говорили о делах, читали «социальную публицистику», спорили… Владимир откровенно скучал. Радикальные взгляды его жены и ее друзей были ему чужды.

Одних разговоров Шуре было мало – она взялась за статьи, в основном посвященные вопросам пола и роли женщины в обществе. Как она впоследствии признавалась, муж из-за своей неопытности не смог разбудить в ней женщину – он в шутку называл ее «рыбой», она отзывалась о супружеских обязанностях как о «воинской повинности». Угнетавшая ее неудовлетворенность сублимировалась в пространных рассуждениях на сексуальные темы, перемешанные с пассажами о социальном неравенстве, классовой борьбе и тому подобных вещах, которые она сама относила к сфере своего «настоящего дела».

План соединить Зою с Саткевичем не сработал: вместо Зои Саткевич увлекся Шурой. К сожалению, при всей своей красоте и уме Зоя была начисто лишена того женского очарования, которого у Шуры было в избытке. Саткевич долго боролся с собой – страсть к жене лучшего друга противоречила всем его принципам. Шура долго не могла определиться – любит ли она его и как можно любить двоих сразу… Да и обманывать мужа было невыносимо. В конце концов они во всем признались

Владимиру. Тот был потрясен, но Шуру ни в чем не винил – наоборот, посоветовал ей поступать так, как она сочтет нужным. Александра с сыном съехала от мужа и поселилась в меблированной комнате. Без Саткевича – ему лишь иногда позволялось навещать ее. Она хотела наконец-то начать самостоятельную жизнь – в духе тех идей, которые она почерпнула из любимых ею книг.

Однако покоя в душе не было. Чтобы разобраться в себе, она решает уехать в Швейцарию. Официальным поводом было желание Шуры Коллонтай – фамилию мужа она сохранила на всю жизнь – заполнить пробелы в образовании. Она поступила на семинар профессора Геркнера, читала запоем книги по экономике. Но постепенно для учебы не остается времени – Шура все больше и больше погружается в политику. Ее статьи о положении рабочих в Финляндии (сказалось частое проживание на дедовской мызе Кууза), предстоящих в России реформах и женском вопросе быстро принесли ей известность. Она сошлась с Розой Люксембург, Плехановым, Карлом Каутским, Лафаргами (дочерью и зятем Карла Маркса) и другими видными социалистами-марксистами. За два года пребывания за границей она несколько раз возвращалась в Петербург – похоронить сначала мать, потом отца. Хоть они и смирились с ее выходками, но здоровье их было сильно подорвано. Муж всячески поддерживал ее. Сын воспитывался гувернантками. Верный Саткевич взял на себя все заботы о ее имуществе, решал любые возникающие у нее проблемы. В квартире, которую Шура сняла вместе с Зоей, он появляется уже практически на законных основаниях – к их «вольному союзу» привыкло даже начальство полковника Саткевича. Времена изменились: демонстративный «греховный» альянс Максима Горького с актрисой Художественного театра Марией Андреевой, поначалу вызвавший бурю протестов, уже воспринимался как норма.

С сыном Мишей, 1901 г.

9 января 1905 года Шура участвует в шествии к Зимнему дворцу. После расстрела этой мирной демонстрации – печально знаменитого Кровавого воскресенья – она включилась в агитационную борьбу. Тогда обнаружился ее самый яркий талант – оратора, умеющего зажечь любую толпу. На выступлениях она познакомилась с Лениным, Мартовым и экономистом Петром Масловым. Под влиянием последнего Коллонтай становится

убежденной меньшевичкой.

Как и всю ее жизнь, мужчины Коллонтай завладевали ее душой и телом, овладевая сперва ее разумом. Петр Маслов сумел покорить ее своей начитанностью, острым умом и знанием марксизма. Александра – согласно своим принципам – была готова бросить все ради охватившего ее чувства. Но жена Маслова оказалась на редкость ревнивой. Лишь то, что они оба получили приглашения на очередной партийный съезд, позволяло им встречаться.

После выхода в России ее книги «Финляндия и революция» Александре Коллонтай стал грозить арест – в книге увидели призыв к вооруженному восстанию. Сочувствующие ей (среди них был Горький) собрали три тысячи рублей, чтобы освободить ее под залог. Но слежка продолжалась. Спасти могла только эмиграция. И после пышных проводов в доме ее новой подруги Татьяны Щепкиной-Куперник, знаменитой переводчицы, она по фальшивому паспорту уезжает в Финляндию. На этот раз она покинула Россию на восемь лет.

Она постоянно переезжала, меняла города и страны, словно никак не могла успокоиться. Ей было легче, чем многим российским эмигрантам, – прекрасное знание четырех европейских языков, общительность и любовь к перемене мест помогали ей преодолеть тот барьер, за которым остались многие ее соотечественники. Хотя доходы от имения становились все меньше – оставшись без надзора генерала Домонтовича, управляющий стал подворовывать, – она поражала окружающих своими нарядами, мехами, драгоценностями: на их покупку уходили практически все ее гонорары за статьи. Блистающая красотой, женственностью, обаянием, обольстительная, энергичная и неукротимая Александра, как магнит, притягивала к себе всех, кто соприкасался с нею. Постепенно тайная связь с Масловым начинает утомлять ее – она устала от того, что он боится своей жены, боится показаться вместе с ней, она устала от него самого… Маслов уже был готов ради нее бросить все и всех, но ей уже это было не нужно.

В конце ноября 1911 года она познакомилась с Александром Шляпниковым – «пролетарием», «интеллигентным русским рабочим», одним из ближайших соратников Ленина. Ему было 26, ей – 39. Ничем он не походил на предыдущих ее поклонников, но сильное чувство сразу же поразило их обоих. Раньше Александра повелевала своими мужчинами, теперь Шляпников – Санька – стал диктовать ей свою волю. Правда, его власть над нею не мешала им спорить о взглядах Ленина, который был крайне недоволен тем, что его сподручный связался с меньшевичкой. Но

вскоре Коллонтай под влиянием Шляпникова становится верной последовательницей Ленина.

Они живут в ее комнатах на чердаке парижского пансиона. У них общие взгляды, они посвятили свои жизни борьбе за общее дело. Но через некоторое время Александра снова недовольна: Санька эксплуатирует ее, заставляя писать за него статьи и не давая сосредоточиться на собственных. Она с облегчением вздыхает каждый раз, когда он уезжает. Ее начинает тяготить и супружеская близость – интимным отношениям Александра всегда предпочитала простое товарищество. Она садится за книгу «Общество и материнство», снова возвращаясь к вопросу любви и отношений между полами. От Шляпникова она в конце концов просто сбежит в Америку.

Сообщение о Февральской революции застало Александру Коллонтай в Норвегии – одной из любимейших ею стран. Она немедленно выехала в Россию, где с головой окунулась в политическую деятельность. Ее выбрали членом Петроградского совета, и она не пропускала ни одного заседания. В это время ее бывший муж – генерал-майор Владимир Коллонтай – умирал в лазарете. Еле-еле нашла Александра время для того, чтоб нанести ему визит. «Выздоравливай», – только и сказала она ему. Владимир умер через четыре дня. На похороны Александра не пришла.

Она выступала на митингах, про ее умение разжечь толпу ходили легенды. Александру Коллонтай стали называть Валькирией Революции. После выступлений ее выносили из зала на руках. Этот успех подтолкнул Ленина к решению отправить именно ее на укрощение недовольных матросов. Эту неорганизованную массу еще никому не удавалось повести за собой.

По всем поверьям, появление женщины на корабле сулило несчастье. Отправлять Коллонтай к морякам было крайне рискованно. Но Ленин выиграл: выступления Александры на военных кораблях Балтийского флота стали триумфальными. Всюду ее сопровождали два верных богатыря – матрос Павел Дыбенко и мичман Федор Раскольников, признанные лидеры революционного флота. С тех пор как Дыбенко, оттеснив порывавшегося сделать то же самое Раскольникова, на руках перенес Коллонтай с трапа на катер и с катера на причал, этот полуграмотный бородач вошел в ее жизнь, чтобы остаться там надолго. Узнав об их близких отношениях, влюбленный в нее Раскольников отступил в сторону.

Дыбенко был младше ее на 17 лет, Раскольников – на все двадцать. Но недаром современники отмечали: когда Александре

было 25 лет, она выглядела на пять лет старше. В тридцать пять ей с трудом давали тридцать. А когда ей было за сорок, она казалась двадцатипятилетней. Разница в возрасте не смущала ее: отношения со Шляпниковым доказали, что это не помеха. Не мешала ей разница и в социальном положении, и в образовании. Образованную аристократку ничуть не смущало, что Дыбенко, происходивший из совершенно неграмотной семьи с Украины, до конца своих дней делал ошибки почти в каждом слове. Но зато их с Александрой объединяло общее дело – победа мировой революции. Как бывало и до этого, ей показалось, что наконец-то она встретила человека, предназначенного ей судьбой.

После Октябрьского переворота Коллонтай стала членом первого советского правительства – Совета Народных Комиссаров. Ей достался пост наркома государственного призрения – она стала первой в истории женщиной-министром. Александр Шляпников стал наркомом труда. На правах наркома – в качестве члена коллегии по военным и морским делам – в Совнарком вошел и Дыбенко.

Александра Коллонтай среди делегатов Шлиссельбургской (?) конференции, сидит крайняя справа в первом ряду, 1918 г.

На новом посту было неимоверно трудно. Война, революции, разруха, нищета привели к тому, что потенциальных подопечных наркома призрения – больных, инвалидов, беспризорников – было гораздо больше, чем возможностей им помочь. Приходилось идти на беспрецедентные меры. Чтобы найти помещение для Дома

инвалидов, Коллонтай штурмом берет Александро-Невскую лавру – ее не остановили тысячные толпы собравшихся по набату прихожан. На следующий день во всех церквах Александру Коллонтай предали анафеме. Услышав об этом, она расхохоталась. Вечером она отметила это событие дружеской попойкой с сотрудниками своего наркомата.

По ее инициативе был отменен церковный брак, замененный гражданским, она сформулировала и декрет о разводе. Теперь браки заключались и расторгались по первому заявлению. Тем же декретом были уравнены в правах дети, рожденные в браке, и незаконнорожденные.

Слух о бурном романе двух героев революции, Дыбенко и Коллонтай – их имена были у всех на слуху, – разошелся по всей России.

Некогда влюбленный в Александру морской офицер Михаил Буковский пустил себе пулю в висок. Он не смог вынести, что дочь офицера и генерала, которого он чтил, пала так низко. Узнав об этом, Коллонтай сказала: «Этого еще не хватало!»

В 1918 году за сдачу Нарвы намного превосходящему по силе противнику Дыбенко обвинили в измене и собирались расстрелять. Узнав об этом, Коллонтай в знак протеста ушла с поста наркома. Чтобы иметь возможность на законных основаниях хлопотать об освобождении Дыбенко, она предложила Павлу пожениться. Сообщение о том, что их брак зарегистрирован под номером 1, обошло все газеты. На самом деле их брак так и не был заключен официально.

С Павлом Дыбенко в гостях у его родителей на Украине, 1919 г.

На суде Дыбенко прочел речь, составленную Коллонтай. Суд присяжных, состоящий из рабочих и матросов, вынес оправдательный приговор, и из зала Дыбенко вынесли на руках.

В сентябре 1918 года был объявлен «красный террор» – без суда и следствия были расстреляны тысячи человек. Коллонтай прекрасно понимала, что происходит, – об этом свидетельствуют дневниковые записи, но ее публичная деятельность была

направлена на поддержание существующего режима. Дыбенко тем временем воевал на Украине и лишь изредка мог появляться в Москве – туда к тому времени перебралось Советское правительство.

В разлуке с Павлом Коллонтай снова взялась за перо. Выходили и переиздавались ее книги, чуть не ежедневно появлялись ее статьи в «Правде», «Известиях» и других газетах. Всюду звучала тема, ставшая для нее главной: полная свобода любви – знак полного освобождения от пут буржуазной морали. Однажды она прибегла к метафоре, ставшей крылатой: в свободном обществе удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды. Она сказала это в пылу полемики, рассуждая о неопределенном будущем, но ее слова возвели в концепцию и окрестили то, что за ней скрывалось, «теорией стакана воды». Ленин, консерватор в вопросах морали, не мог смириться с этой идеей – по его мнению, молодежь от нее просто взбесилась. Но теория прижилась.

В 1919 году положение Коллонтай упрочилось. Она получала все новые и новые должности, назначения, поручения. Но тут стало известно, что в Петрограде арестовали Саткевича. Она кинулась по знакомым: Горький ничего не смог сделать; Дзержинский мялся, пространно рассуждая о партийном долге, и она поняла, что разговор с ним – лишь потеря времени. Наконец решилась позвонить Ленину. Тот поначалу не захотел слушать. Но тогда Коллонтай сказала: «Это для меня вопрос жизни. Не для Саткевича, а для меня». И по личному распоряжению Ленина Саткевича освободили.

После пережитого Александра Михайловна свалилась с тяжелейшим воспалением почек. Эта болезнь потом будет преследовать ее всю жизнь. Пока она болела, Дыбенко забрасывал ее письмами с фронтов, иногда заезжал. И тут поборница свободной любви открыла для себя новое чувство – ревность. Дыбенко писал ей любовные письма, но она чувствовала – не ей одной. Когда был в Москве, ему постоянно звонили незнакомые ей женщины, он все время куда-то отлучался. В кармане его френча она обнаруживает любовные записки – одна из них была от ее собственной секретарши. Терзаемая ревностью, она вызывает Павла на разговор. Тот, признавшись во всем, тем не менее просит простить его: она для него остается главной любовью. Она простила. Ей было уже пятьдесят. Через некоторое время она приезжает к нему в Одессу – разрешение на поездку стоило ей огромных унижений. А Павел, уехавший на час, пропадает на всю ночь… Когда он вернулся, она сказала, что между ними все кончено. Павел ушел в дом. Раздался выстрел.

Дыбенко остался жив: орден Красного Знамени отклонил пулю. Рана была неопасной.

Как оказалось, именно в ту ночь восемнадцатилетняя любовница Павла Валя Стафилевская потребовала сделать окончательный выбор – или она, или Коллонтай. Павел не выдержал. Когда Коллонтай вызывали для объяснений в парткомитет, она брала всю вину на себя – но там, как выяснилось, были в курсе романа Дыбенко. Она чувствовала себя совершенно раздавленной.

Вернувшись в Москву, она просит Сталина отправить ее куда-нибудь за границу. К разочарованию в личной жизни добавилось и осознание того, что ее время – время романтиков революции – проходит и наступает время бюрократических игр. Ее партийная карьера шла к финалу, и Коллонтай добровольно решила устраниться от начинающихся интриг.

Ей предложили пост полпреда в Норвегии – единственной стране, которая согласилась принять ее в качестве дипломата.

С этого момента начинается ее дипломатическая карьера – пожалуй, наиболее достойный и полезный период ее жизни.

Перед вручением верительных грамот королю Норвегии, 1924 г.

Норвегия приняла ее настороженно – там еще помнили ее революционную деятельность. Однако после того как Коллонтай – по совету своего помощника Марселя Боди – закупила для России 400 тысяч тонн сельди, отношение к ней изменилось. Ведь тем самым она не только организовала поставки продовольствия в Россию, но и обеспечила работой норвежских моряков – основную рабочую силу Норвегии. А когда на вечере по этому поводу она произнесла тост на чистом норвежском, ее не только зауважали, но и полюбили.

В Норвегии Коллонтай наконец нашла свое место. Пригодилось ее знание языков, светские манеры, умение привлекать людей на свою сторону. Увлекло и общение с новыми людьми. Здесь Александра Михайловна вновь ощутила вкус к избранному обществу и комфорту – к тому, с чем боролась столько лет. Она с удовольствием закупала туалеты, в которых блистала на посольских приемах. Западные газеты называли ее одной из самых блистательных и элегантных женщин Европы.

Продолжали выходить ее статьи о вопросах пола. Одна из них называлась «Дорогу крылатому Эросу» – эта фраза стала пословицей. А ее собственный Эрос появлялся незаметно и так же незаметно исчезал. Вместо страстной любви к Дыбенко пришла тихая тайная любовь к деликатному, образованному, все понимающему Марселю Боди. На него она могла опереться в самые тяжелые минуты своей жизни.

В начале 1920-х годов многие страны мира признали новое государство. Подготовка договора с Норвегией о признании – большая заслуга Александры Коллонтай. Теперь она стала полномочным министром – первой женщиной-послом в мире. Публика с неослабевающим интересом следила за карьерой «мадам Александры»: особенно забавляли статьи о том, как ради первой в истории женщины-посла вынуждены перекраивать веками сложившийся дипломатический протокол…

В Мексике, 1927 г.

Отношения Коллонтай и Боди стали известны в Москве. Приехала ревизия. Нарком иностранных дел Чичерин устроил Коллонтай разнос: мало того, что ее личная жизнь подрывает престиж посла, так она еще тратит кучу денег на платья – только за одну поездку в Берлин она купила более пятидесяти платьев. Оскорбленная Александра Михайловна потребовала освободить ее от поста в Норвегии – но попросила оставить на дипломатической работе. Ее назначили послом в Мексику. Но климат там оказался совершенно не подходящим для ее

расшатанного здоровья.

Александра Михайловна вернулась в Европу – для лечения и в ожидании нового назначения. К ней приезжал Боди – его жена и маленькая дочь по-прежнему жили в Осло. Она встречалась с сыном, который теперь представлял в Европе советские внешнеторговые ведомства. Он женился, у него родился сын, которого назвали в честь деда Владимиром.

Ей снова предложили пост посла в Норвегии. Она с радостью согласилась. Здесь она чувствовала себя как дома – даже лучше, чем дома. В СССР в это время начались репрессии – Сталин вел борьбу за власть. Все неугодные ему уничтожались. И ей приходилось подстраиваться под него, соглашаться с ним. Как и все. Потому что боялись. Боялись потерять работу, навредить семье, оказаться в лагерях. Постоянное напряжение, необходимость врать даже себе самой изменили смелую и решительную Коллонтай. Даже наедине с собой, в своем дневнике, она не решается говорить то, что думает. Советское посольство в Норвегии наполовину состояло из сотрудников ГПУ – они следили за каждым ее шагом, вмешивались в ее дела. Резко ухудшилось ее здоровье: сердечные приступы следовали один за другим, случались гипертонические кризы и обострения хронического нефрита. Но она прекрасно понимала, насколько благополучно складывается ее судьба по сравнению с теми, кто остался в России.

Перед аудиенцией у короля Швеции, с церемониймейстером двора Луи де Геером, 1930 г.

Почти всех дорогих ей людей расстреляли. Шляпникова – как участника так называемой «рабочей оппозиции»; когда-то в эту группу входила и сама Коллонтай. Саткевича – как вредителя: его обвинили в том, что он подрывал учебный процесс в Ленинградском институте инженеров гражданского воздушного флота, где преподавал. Дыбенко – как участника военно-фашистского заговора. Раскольников чудом успел сбежать во Францию, где умер при невыясненных обстоятельствах: по некоторым данным, он умер от сердечного приступа, по другим – выбросился из окна, есть мнение, что его убили по приказанию Сталина. Умерла и ближайшая подруга Коллонтай Зоя Шадурская. Ночью к ней в квартиру позвонили. Она спросила, кто это, – хотя все знали, кого можно ждать по ночам. Оказалось, что пришедшие ошиблись номером дома. Через несколько минут ее настиг сердечный приступ…

Из 13 членов президиума Петроградского совета, готовивших в 1917 году революционный переворот, в живых осталась одна Коллонтай.

Есть сведения, что готовился процесс дипломатов, где она была бы одной из главных обвиняемых. Но что-то не сложилось.

Когда весной 1945 года ее срочно вызвали в Москву, она была уверена, что пришла ее очередь. Но причина была другая. Зашло в тупик дело видного шведского аристократа Рауля Валленберга – в его судьбе были заинтересованы виднейшие люди Швеции. Коллонтай, которая была дружна с дядей Рауля, крупнейшим шведским банкиром Маркусом Валленбергом, старалась как могла выяснить его участь. А Рауля пытались завербовать в ГПУ, но просчитались. Его пришлось расстрелять. Опасаясь международного скандала, который неминуемо поднялся бы, Сталин решил убрать Коллонтай с поста посла.

Ее, более четверти века представлявшую СССР в Скандинавии, вывезли из страны так быстро, что даже не дали попрощаться с самыми близкими людьми. Ей было 73 года. В Москве ее встретили более чем скромно. Поселили в трехкомнатной квартире с казенной мебелью – своей так и не обзавелась. Она жила там вместе с секретарем Эми Лоренсон. Оставшиеся в живых друзья – Петр Маслов, Елена Стасова, Татьяна Щепкина-Куперник – навещали, хотя годы и разрушенное здоровье сделали их визиты затруднительными. Приезжал из Ленинграда племянник Евгений Мравинский, ставший выдающимся дирижером. С трудом удалось выхлопотать пенсию –

не было данных о ее партийном стаже. Ее имя практически забыли. Она умерла, не дожив пяти дней до своего 80-летнего юбилея. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище, на «аллее дипломатов».

Ее слава придет значительно позже: появятся многочисленные книги о ней, спектакли, фильмы. Там будет создан образ первой советской женщины-посла – образ, так мало похожий на реальную Александру Коллонтай. Только публикации ее записок, дневников, воспоминаний других участников тех событий вернули портрету Коллонтай человеческие черты – черты женщины, которой восхищались и боялись, любили и забыли. Валькирии Революции. Магической женщины. Неразгаданной тайны.

Лариса Рейснер

БОГИНЯ РЕВОЛЮЦИИ

Она хотела стать поэтом, а стала музой. Хотела стать равной мужчинам, но неизменно была выше их, покоряя каждого, кто был рядом с нею. Она мечтала погибнуть под пулями, а умерла от глотка сырого молока. Казалось, она испытывала судьбу, сочиняя ее, словно газетный очерк, но ничье воображение не смогло бы придумать ничего подобного ее жизни – жизни Ларисы Рейснер – женщины, покорившей Революцию.

Род Рейснеров вел свое происхождение из Лифляндии – по легенде, распространяемой самими Рейснерами, их предками были рейнские бароны. Михаил Андреевич Рейснер, профессор права, человек сильного характера и огромного ума, был женат на Екатерине Александровне, урожденной Хитрово – это был старинный, знатный дворянский род; тогдашний военный министр Сухомлинов приходился ей родственником. Судя по воспоминаниям, женщиной она была очень тяжелой, амбициозной, с неуравновешенным характером. У них было двое детей: старшая Лариса и Игорь, на два года младше сестры. Мать с детства прививала им сознание собственной необыкновенности,

избранности, и дети – особенно Лариса – привыкли считать себя лучше, выше всех остальных. И как это ни странно, окружающие были склонны соглашаться.

Михаил Андреевич служил в разных университетах, и семья все время переезжала: Люблин (именно здесь 1 мая 1895 года родилась Лариса), Томск, Париж, с 1905 года – Петербург… Еще во время учебы в Европе – во Франции и Германии – Рейснер познакомился с русской политической эмиграцией. Он общался с Августом Бебелем и Карлом Либкнехтом, переписывался с Лениным. Впоследствии он сблизился с большевиками и даже оказывал им – как специалист по праву – некоторые услуги. Царивший в доме революционный дух заразил и Ларису, и Игоря.

Все в семье были талантливы; прекрасно осознавая это, они были горды. Гордость – это было главное семейное качество Рейснеров. Как вспоминал Вадим Андреев, сын писателя Леонида Андреева, прекрасно знавший эту семью, «гордость шла Рейснерам, как мушкетерам Александра Дюма плащ и шпага». Еще вспоминали, что всем Рейснерам была свойственна игра на публику, стремление выделиться, прославиться… И свойство, часто встречавшееся среди тогдашней прогрессивной интеллигенции: любовь ко всему человечеству при полном пренебрежении каждым человеком в отдельности. Все остальные – кроме немногих избранных – были призваны лишь быть зрителями тех спектаклей, которые Рейснеры ставили на сцене жизни.

Ведущей актрисой театра Рейснеров была, конечно же, Лариса. Рослая, стройная, обладающая яркой красотой, цепким умом и определенным талантом, она с детства привыкла блистать. Вадим Андреев так описывал Ларису: «Ее темные волосы, закрученные раковинами на ушах, серо-зеленые огромные глаза, белые, прозрачные руки, особенно руки, легкие, белыми бабочками взлетавшие к волосам… Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел… Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий – статистика, точно мной установленная, – врывался в землю столбом и смотрел вслед». Лев Давидович Троцкий писал о ней: «Внешность олимпийской богини, ее иронический ум сочетался с мужеством воина». Осип Мандельштам в посвященном Ларисе «Мадригале» сравнивал ее с зеленоглазой русалкой, а Николай Гумилев воспевал ее «ионический завиток»…

Окончив гимназию с золотой медалью, Лариса Рейснер поступила в Психоневрологический институт и одновременно стала посещать в качестве вольнослушательницы цикл лекций по

истории политических учений в университете. У нее, как и у всей семьи, было два увлечения: политика и литература. Во время Первой мировой войны – в 1914–1915 годах – Лариса вместе с отцом издавали полуреволюционный-полудекадентский журнал «Рудин», названный так в честь героя Тургенева. В заявлении от редакции было сказано, что журнал призван «клеймить бичом сатиры и памфлета все безобразие русской жизни, где бы оно ни находилось». Лариса не только писала для журнала стихи, статьи и очерки, но и делала основную организаторскую работу: искала средства, договаривалась с типографией, закупала бумагу… Александр Блок называл журнал «грязным, но острым». «Рудин» просуществовал полтора года – его запретила цензура, но Лариса успела составить себе имя в тогдашних литературных кругах.

Портрет Ларисы Рейснер, 1915 г. Худ. Василий Шухаев

Влившись в разношерстную декадентскую поэтическую компанию, Лариса быстро заняла там видное место. Не стихами – стихи ее были вторичными, перегруженными красивостями, тяжеловесными и пустыми. Острая на язык Зинаида Гиппиус припечатала: «С претензиями; слабо». Но необычайная яркость самой личности Ларисы покоряла каждого. Еще студенткой, одетая в строгий английский костюм с мужским галстуком, она привлекала к себе взгляды всех мужчин. Теперь же, в фантастических «декадентских» нарядах, с голубой помадой на

губах, Лариса сражала наповал. Но сама она долгое время оставалась холодна – пока в сентябре 1916 года не познакомилась со знаменитым поэтом Николаем Гумилевым.

Это случилось в знаменитом артистическом кабаре «Привал комедиантов». Заметив Ларису, Гумилев сказал своим спутникам: «Очень красива!» А после ее выступления добавил: «Но бездарна».

Ларисе все тут же рассказали. Она проплакала всю ночь, задетая уничижительным отзывом поэта, известного совершенной поэтической техникой и тонким критическим даром. Но эта обида стала началом другого сильнейшего чувства – любви.

Гумилев, откровенно некрасивый, тем не менее пользовался у женщин большим успехом. Он безошибочно выбирал женщин неординарных – красавиц, умниц, талантливых. Лариса, без сомнения, была именно такой.

Она влюбилась со всей доступной ей страстью, и казалось, что чувство Гумилева к ней столь же сильно. Он называл ее Лери, а она его – Гафизом. Он писал ей: «Я не очень верю в переселенье душ, но мне кажется, что в прежних своих переживаниях Вы всегда были похищаемой Еленой Спартанской, Анжеликой из Неистового Роланда и т. д. Так мне хочется Вас увезти. Я написал Вам сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю. Ваш Гафиз». Лариса была готова на все, надеялась на брак, но Гумилев, который всю жизнь отличался тем, что с легкостью предлагал руку и сердце любимым девушкам вне зависимости от их и своего семейного положения, на этот раз делать предложение не спешил.

Николай Гумилев, около 1915 г.

Возможно, дело было в том, что Гумилев в то время состоял в действующей армии, а в Петербург был отпущен всего лишь в отпуск для сдачи офицерского экзамена. Экзамен он не сдал и вскоре был вынужден вернуться в полк. Несколько месяцев их роман продолжался только в письмах: «Я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес…»

В феврале 1917 года Гумилев вернулся, и их страсть вспыхнула с новой силой. Но местом свиданий почему-то стал

бордель на Гороховой улице. Лариса Рейснер признавалась: «Я так его любила, что пошла бы куда угодно». Наконец-то сбылась ее мечта – Гумилев сделал ей предложение. Но Лариса отказала.

Сама она объясняла свой отказ женской солидарностью – мол, не хотела причинить боль Анне Ахматовой, перед талантом которой преклонялась. Но брак Ахматовой и Гумилева к этому времени давно уже стал формальностью. Скорее Ларису оскорбил тот факт, что одновременно с нею Гумилев встречался с другими: в 1916 году – с Маргаритой Тумповской, а теперь – с Анной Энгельгард, на которой и женился летом 1918 года. Сыграли свою роль и политические разногласия: Гумилеву, монархисту и романтику, революция была противна, ультралевые взгляды Ларисы его раздражали. Произошел тяжелый, мучительный разрыв.

Много лет спустя Лариса напишет: «Никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта Гафиза, урода и мерзавца».

В мае Гумилев уехал в Европу – Швеция, Норвегия, Англия… 5 июня он написал ей последнее письмо: «Ну до свидания, развлекайтесь, но не занимайтесь политикой…»

Но внушения Гумилева пропали втуне. Лариса политикой занялась – она с головой окунулась в революцию; то ли спасаясь от несчастной любви, то ли в поисках себя.

После Октябрьского переворота Рейснеры оказались среди победителей. Михаил Андреевич входил в комиссию по составлению декретов новой власти. Игорь Михайлович после Февральской революции был секретарем большевистского депутата в Петроградской думе Дмитрия Мануильского, а с приходом к власти большевиков начинает работать в Народном комиссариате юстиции и Коммунистической академии. Не отстает и Лариса. После Февраля она вела активную пропагандистскую работу среди моряков Балтийского флота – как известно, именно моряки-балтийцы сыграли главную роль в октябрьских событиях. Существует легенда, что во главе

балтийцев, взобравшихся ночью 25 октября на палубу крейсера «Аврора» и распорядившихся дать тот самый холостой залп – сигнал к штурму, была женщина невероятной красоты. Лариса Рейснер. Женщина была на самом деле, хоть на борт и не поднималась, – графиня Панина, глава делегации городской думы Петрограда. Но фигура Ларисы была столь ярка, что неуклонно, безудержно обрастала легендами еще при ее жизни.

Сразу после Октябрьского переворота Лариса работала под началом наркома просвещения Анатолия Луначарского – отвечала за охрану сокровищ Зимнего дворца. Параллельно она была корреспондентом газеты «Известия». Именно в этом качестве она в ноябре 1917 года отправилась в Москву.

Ей предложили ехать военным эшелоном. На вокзале Лариса услышала фамилию командира – Раскольников; попросила отвести к нему. Представившись, она напросилась ехать вместе с ним – понимая, что отказа не последует.

Федор Федорович Раскольников (настоящая фамилия Ильин) был одним из виднейших деятелей большевистской партии, занимал в ней ответственные посты. Он возглавил отряд матросов, который был послан в Москву, где еще продолжались бои. Однако к моменту прибытия эшелона бои в Москве уже прекратились, и через несколько дней Раскольникова вызвали в Петроград. Вместе с ним уехала Лариса. С поезда они сошли уже мужем и женой.

Федор Раскольников

Их любовь была подобна той революционной стихии, которая свела их вместе: безудержная, неуемная, противоречивая, не знающая правил. Они жили каждый у себя, встречаясь урывками. Их объединяли общие взгляды, стремления, но главное – та неуемная жажда жить сегодняшним днем, которая появляется у людей, постоянно находящихся на грани пропасти. Раскольников обожал Ларису. А она соглашалась быть с ним, но при условии – он не будет ее ограничивать ни в чем: ни в поступках, ни в чувствах.

Вызов из Москвы был связан с тем, что 17 ноября 1917 года Раскольников был назначен комиссаром Морского генерального штаба: новая власть проводила чистку старых кадров в органах управления. Лариса всегда была рядом с мужем. Настолько, что из-за нее у Раскольникова были неприятности.

Однажды она попросила мужа взять ее на заседание Совнаркома, членом которого был Раскольников. Она пришла – вызывающе красивая, невероятно элегантная, благоухая духами, в модных высоких красных ботинках. На фоне мужчин в потрепанных военных мундирах и поношенных костюмах она смотрелась фантастически. Ленин косился на нее, постепенно раздражаясь, затем потребовал вывести всех посторонних, а оставшимся наркомам устроил разнос. Впредь пускать на заседания посторонних было запрещено.

Летом 1918 года Раскольников был направлен на Восточный фронт – к тому времени самый напряженный участок боевых действий. Там дрались между собой военные отряды всех политических направлений, а в Поволжье и в Сибири образовались самостоятельные правительства. Лариса поехала с ним – она была назначена заведующей агитацией и пропагандой при реввоенсовете фронта. Кроме того, «Известия» поручили ей регулярно писать о ходе боевых действий: из очерков, написанных в волжском походе, составилась потом книга «Фронт».

Лев Троцкий

В Казани пришлось разделиться: Лариса осталась при штабе, а Раскольников отправился в Нижний Новгород, где была сформирована Волжская военная флотилия. Флагманским судном стала яхта «Межень», ранее принадлежавшая царской семье. В бой флотилия вступила 5 августа: белые подбирались к Казани. 7 августа Казань пала. Перед выходом из Казани Раскольников увиделся с Ларисой в штабе: она навешивала на себя документы, которые собиралась вынести из города. Договорились, что она с двумя матросами будет пробираться в Свияжск (в 20 верстах от

Казани), а Раскольников подойдет туда со своим отрядом.

Однако в Свияжске он нашел не только Ларису, но и Льва Троцкого: он сидел в каюте Ларисы, неодетый, рядом с неубранной постелью…

Для Ларисы Троцкий был примерно тем же, чем и Раскольников: воплощением революционной стихии, которую она мечтала подчинить себе. Троцкий – второй человек в государстве, великолепный оратор, человек невероятной харизмы; покорить его как мужчину означало приобщиться к революции, к власти…

Раскольников смог и понять, и простить. Эпизод с Троцким не сыграл никакой роли в их отношениях.

Лариса рассказала: когда она добралась до Свияжска, ей сообщили, что Раскольников попал в плен и сидит в Казани. Она – всего с одним матросом – добралась до Казани, на обратном пути сама попалась, чудом сбежала… Матрос погиб. Но это Ларису не расстроило: ее героизм был от этого заметнее, дерзость на войне – главная доблесть, а победителей не судят. Лариса упивалась опасностью, обожала риск; она была готова умереть в любую секунду. И если умирал кто-то рядом – значит, такова была его судьба…

В Свияжске Лариса с головой ушла в работу: Троцкий активно занимал ее в пропагандистской деятельности и к тому же назначил ее комиссаром разведывательного отдела при штабе 5-й армии. Она тут же набрала отряд из тридцати красноармейцев-мадьяр и частенько ходила с ними в разведку. Она прекрасно стреляла – этому ее научил еще Гумилев, сам великолепный стрелок.

Раскольников был занят усилением своей флотилии. Лариса была назначена его флаг-секретарем. Во всех боях она рядом с ним, впереди всех… Иногда – несмотря на строгий договор между

ними – вмешивалась в распоряжения Раскольникова: ей казалось, что он недостаточно рискует. Однажды ему даже пришлось, взяв ее в охапку, унести с мостика и запереть в каюте…

Матросы поначалу отнеслись к ней с недоверием: такой яркой, избалованной красавице не место в боях, не говоря уже о том, что издавна женщина на корабле считалась плохой приметой. В первые же дни ей устроили проверку: посадили на катер и на полной скорости направились под шквальный огонь. Наблюдали за Ларисой – ждали, когда испугается. Наконец, не выдержав, сами повернули назад. А Лариса закричала: «Почему поворачиваете? Надо идти вперед!»

Кстати, Лариса была не единственной женщиной на фронтах Гражданской войны. Розалия Землячка была начальником политотдела 8-й и 13-й армий. Занимавшая такую же должность в 15-й Сивашской дивизии Александра Янышева вместе с передовым отрядом в 270 человек штурмовала крымские бастионы белогвардейцев. Помощником начальника политотдела 6-й и 9-й армий воевала Валентина Суздальцева. Но Лариса была единственной, воевавшей на флоте.

И все же она и на корабле оставалась женщиной. Когда флотилия проходила мимо брошенных имений, там часто находили модные платья, шляпы, украшения – Лариса с удовольствием надевала все это на себя, красуясь перед матросами. Ей удивительно шли все эти наряды – и крестьянские платья, и роскошные туалеты императрицы, оставшиеся на «Межени». Неудивительно, что все матросы поголовно были влюблены в нее. Одним из них был Всеволод Вишневский – через много лет он напишет свою знаменитую пьесу «Оптимистическая трагедия», где в главной героине будет легко угадываться Лариса Рейснер.

В середине ноября флотилия дошла до Нижнего Новгорода, и Раскольникова тут же вызвали в Москву, где он получил назначение на Северный фронт. Лариса осталась в Москве в качестве комиссара Морского Генштаба: здесь после переезда правительства жила ее семья. Рейснеры – как обычно – чувствовали себя вправе стоять над остальными. Они заняли целый особняк, где – в это голодное время – давали пышные приемы. В народе ходили слухи, что Лариса даже принимает ванны из шампанского. Сама она говорила: «Мы строим новое государство. Мы нужны людям. Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти». Говорили, что именно из-за нее погиб ее помощник комиссар Телегин: при пожаре цирка шапито кинулся ловить шиншилл – на шубу Ларисе

– и сгорел…

В это время Раскольников – по приказу Троцкого – в Балтийском море пытался организовать морской набег на Ревель (Ригу), где в то время стояли английские суда. Раскольников как никто другой знал, что Балтфлот был не в том состоянии, чтобы принимать участие в боях, но ослушаться приказа было невозможно. 26 декабря Раскольников на миноносце «Спартак» подошел к Ревелю. Англичане быстро догнали «Спартак» и окружили его. Всю команду взяли в плен; Раскольникова и еще одного моряка увезли в Англию в качестве заложников.

Лариса, узнав о поражении, тут же примчалась в Нарву – поближе к центру событий. Она разработала сумасшедший план сухопутного рейда через всю Эстонию в Ревель для освобождения Раскольникова и даже смогла добиться утверждения этого плана в Реввоенсовете. Уже был сформирован отряд; все было готово. Не состоялся рейд только потому, что стало известно – Раскольников в Англии.

Его освободили дипломатическим путем, обменяв его и его товарища по несчастью на семнадцать английских офицеров; англичан к месту обмена привезла лично Лариса. Она же, словно под конвоем, увезла Раскольникова в Петроград…

В июне 1920 года Раскольникова назначили командующим Балтийским флотом, и Лариса переехала к нему. Они поселились – в основном, конечно, она, потому что Раскольников все время проводил на кораблях, – в апартаментах бывшего военного министра Григоровича в Адмиралтействе. По воспоминаниям поэта Всеволода Рождественского, комната была забита их военными трофеями: статуэтками будд, экзотическими тканями, бесчисленными флаконами духов и английскими книгами. И среди этого варварского великолепия – сама Лариса, в расшитом золотом халате, и над нею, на стене – наган и старый гардемаринский плащ…

В Петрограде Лариса окунулась с головой в светскую жизнь – теперь у нее снова были для этого и возможности, и средства, и время. Как обычно, общественное мнение мало что для нее значило: когда она ехала по разоренному Петрограду в роскошной машине, ухоженная, в новенькой морской шинели, невероятно красивая – горожане готовы были плевать ей вслед. О ее прогулках с Александром Блоком на лошадях, специально для нее привезенных с фронта, много и осуждающе судачили по петроградским гостиным.

Она всеми силами хотела вернуться в столь любимый ею мир литературной богемы, и литераторы – некоторые со страхом, некоторые с восхищением, кто от голода, кто с любовью –

принимали ее. Среди ее друзей были Рождественский и Михаил Кузмин, Осип Мандельштам и Борис Пастернак. Лариса преклонялась перед гениями. Однажды она, узнав, что Анна Ахматова голодает, приволокла к ней огромный мешок с продуктами.

Но и в этом мире она вела себя с усвоенным чувством вседозволенности. Однажды она захотела прийти на маскарад в «Доме искусств» в бесценном костюме Льва Бакста к балету «Карнавал». Драгоценное платье охранялось целым взводом костюмеров, но Лариса все же смогла появиться в нем на балу, вызвав неимоверный фурор. К сожалению, вскоре там появился сам директор государственных театров Экскузович – и Лариса в ту же секунду в служебной машине кинулась возвращать платье на место. Вернувшись, она наблюдала, хихикая в кулак, как директор пытается дозвониться в костюмерную, чтобы выяснить судьбу своего экспоната…

Она открыто наслаждалась своей красотой, молодостью и положением, невзирая на сплетни и потоки грязи в свой адрес. Лариса говорила: «Надо уважать людей и стараться для них. Если можно быть приятной для глаз, почему не воспользоваться этой возможностью».

Старалась быть приятной не только для глаз: Осип Мандельштам по секрету рассказал жене, что Лариса однажды устроила вечеринку специально для того, чтобы облегчить чекистам арест своих приглашенных…

Но и над ее головой тучи сгущались. Повсюду начались выступления против Троцкого и его сторонников; к ним принадлежали и Раскольников, и Лариса. В январе 1921 года Раскольников после тяжелого разговора с Лениным подал в отставку со всех постов и после этого вместе с Ларисой уехал к Черному морю.

Их дальнейшую судьбу определила случайная встреча в пути. Заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан предложил Раскольникову пост полпреда Советского правительства в Афганистане. Наркомату иностранных дел катастрофически не хватало кадров, и Раскольников – человек умный, с двумя высшими образованиями, знающий иностранные языки – был ценнейшей находкой.

Раскольников согласился. Лариса отправилась вместе с ним.

Работы было море. Главной задачей миссии была борьба с британским влиянием: Англия надеялась если не включить Афганистан в состав своей империи, то хотя бы держать его под своим влиянием в качестве буферной зоны между советской территорией и своими колониями в Индии. Английские

дипломаты всячески препятствовали деятельности нового советского полпреда, и спасти положение удалось Ларисе. Как женщина, она не могла – в силу восточной специфики – принимать непосредственное участие в политической жизни, зато ей были доступны другие пути. Она подружилась с любимой женой эмира Аманулла-хана и с его матерью, а поскольку они имели сильное влияние на эмира, то Лариса не только смогла получать всю информацию о происходящем при дворе, но и непосредственно влиять на политическую обстановку.

Когда ситуация несколько успокоилась, Лариса смогла отдаться своему главному увлечению – литературе. Ее книга «Афганистан» до сих пор считается одной из вершин советской журналистики.

Именно в Афганистане Ларису нашло известие о гибели Гумилева: он был расстрелян в августе 1921 года по обвинению в участии в монархическом заговоре. Лариса несколько дней рыдала. Она до конца жизни была уверена, что, будь она тогда в Петрограде, смогла бы спасти своего Гафиза от смерти…

Постепенно жизнь в сытом и тихом Афганистане стала надоедать Ларисе. Ее стало тяготить бездеятельное, слишком спокойное существование. Раскольников тоже стал ее раздражать – особенно после случившегося у Ларисы выкидыша. В один прекрасный день, в марте 1923 года, Лариса просто сорвалась с места и уехала в Россию – официально для того, чтобы похлопотать о переводе Раскольникова из Афганистана. Но больше она к нему не вернулась.

Снова были письма: сначала полные любви, затем все холоднее и холоднее… Раскольников все не хотел верить, звал ее, ждал ее… Пока не стало ясно: у нее другой. Скрепя сердце, все еще убеждая Ларису в том, что она ошибается, Раскольников согласился на развод.

Карл Радек

Новый выбор Ларисы был непонятен практически для всех: она влюбилась в известного журналиста Карла Радека, видного партийца, блестящего оратора, человека редкостного ума и таланта. Про Радека, необыкновенно остроумного, ходили легенды, что именно он придумал большинство контрреволюционных анекдотов. Внешне Радек был откровенно некрасив – лысый, очкастый, ниже Ларисы на голову и курящий, как паровоз. Ларису и Радека тут же прозвали «красавицей и чудовищем», кто-то переиначил цитату из «Руслана и Людмилы»:

«Лариса Карлу чуть живого в котомку за седло кладет…» А внешность для Ларисы не играла никакой роли: ее привлекали именно талант и ум Радека.

На первые свидания с Ларисой Радек брал с собой дочь Софью, на следующие – книги. Он всерьез занялся литературным воспитанием Ларисы – читал ее рукописи, заставлял изучать философские труды, работать над стилем. Именно под влиянием Радека Лариса, избавившись от излишних красивостей и научившись ясно мыслить и четко излагать мысли, стала настоящим журналистом. Осенью 1923 года Ларису и Радека командировали в Германию. Там в Гамбурге Советское правительство, желая разжечь пожар мировой революции, спровоцировало восстание. Радек должен был стать одним из руководителей немецкой революции, а Лариса была призвана описать в своих очерках создание нового социалистического государства. Но гамбургское восстание провалилось, и Радек и Лариса вернулись в Москву. Литературным итогом этой авантюрной поездки стала книга Рейснер «Гамбург на баррикадах».

Во время этой поездки Лариса навестила в Берлине Ольгу Чехову – русскую эмигрантку, делающую себе имя на немецкой сцене. Именно тогда, по мнению некоторых исследователей, и началась работа Чеховой на советскую разведку. Но это было неправдой: Ольга Чехова только в начале Второй мировой войны откликнулась на предложение советской разведки, поступившее к ней от ее брата, композитора Льва Книппера.

А роман Ларисы и Радека продолжался. Дело осложнялось тем, что Радек был женат и разводиться, несмотря на свое явное увлечение Ларисой, пока не собирался. Но Радек был для Ларисы не только мужем (пусть и неофициальным), но и учителем, духовным наставником. Как она говорила, именно он вернул ей веру в свой талант, угасшую за время бездействия в Афганистане. Лариса с головой уходит в журналистику. Из многомесячного вояжа по Донбассу и Уралу она привозит книгу «Железо, уголь и живые люди». На следующий год Лариса едет на лечение в Германию – используя поездку не столько для забот о своем здоровье, сколько для изучения положения рабочего класса, о чем напишет в книге «В стране Гинденбурга». Потом берется за очерки о декабристах – Каховском, Трубецком, Штейнгеле… Лариса словно торопится жить, зная, что ей осталось очень немного времени. Глоток сырого молока – и 9 февраля 1926 года Лариса Рейснер умерла в Москве от брюшного тифа. Ей было всего тридцать лет.

Гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре.

Попрощаться с Ларисой пришли толпы – военные, дипломаты, писатели… Радека вели под руки – он рыдал, еле понимал, куда шел. У Раскольникова произошел нервный срыв, он долго болел. Смерть Ларисы вызвала массу откликов. Михаил Кольцов писал: «Зачем было умирать Ларисе, великолепному, редкому, отборному человеческому экземпляру?» Борис Пастернак написал стихотворение «Памяти Ларисы Рейснер»; много лет спустя он даст героине своего романа «Доктор Живаго» имя Лариса – в ее честь.

Лариса, вот когда посожалею,
Что я не смерть и ноль в сравненьи с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
Живая повесть на обрывках дней…

Мать Ларисы Екатерина Александровна умерла через год – по странному совпадению, тоже от тифа и тоже из-за глотка молока.

Карла Радека в середине 30-х годов объявили «врагом народа» и расстреляли. Раскольников сбежал во Францию и там погиб при очень подозрительных обстоятельствах – говорят и о самоубийстве, и об убийстве агентами НКВД. Троцкий после многих лет скитаний и нескольких покушений погиб от удара ледорубом в Мексике. Умерли все, кого Лариса Рейснер дарила своей любовью, кто знал ее. Но Ларису помнят. Ее жизнь была короткой, но яркой, и свет ее до сих пор виден сквозь толщу времени…

Екатерина Фурцева

ЖЕНЩИНА, ИГРАЮЩАЯ В МУЖСКИЕ ИГРЫ

После Октябрьской революции к власти пришли женщины, помогавшие этой революции состояться, – Инесса Арманд, Александра Коллонтай, Лариса Рейснер… Рядовые революционеры – бывшие крестьяне, солдаты и рабочие – преклонялись перед ними, как перед богинями. Но когда время революционных богинь закончилось, у власти оказались только мужчины – те, кто сумел удержаться на вершине в сложных закулисных играх, не рассчитанных на слабый пол.

У этого правила было только одно исключение. Женщина, достигшая невиданных карьерных высот и сумевшая уйти непобежденной, – Екатерина Алексеевна Фурцева. Екатерина Третья российской истории.

Ее жизнь часто сравнивают с сюжетом известного кинофильма «Светлый путь»: девушка-пролетарка поднимается на самый верх.

Она родилась 7 декабря 1910 года в деревне под Вышним Волочком. Ее мать, Матрена Николаевна, овдовев в Первую мировую войну, переехала в Вышний Волочек, где работала на ткацкой фабрике. Неграмотная, она обладала напором и недюжинным темпераментом – благодаря чему была избрана депутатом городского совета. Перед Матреной Николаевной

Катерина всю жизнь ходила по струнке, во всем – или почти во всем – следовала ее советам.

После окончания школы-семилетки Катерина идет работать на ту же фабрику, где работает ее мать. Собственно говоря, трудовая биография Екатерины Фурцевой была недолгой: на фабрике она проработала всего два года, от 15 до 17 лет. Но строка в анкете «ткачиха, из крестьян» сыграла огромную роль в ее жизни.

В двадцать лет Катерина вступает в партию. Ее быстро замечает руководство: активность и работоспособность она унаследовала от матери в полной мере. Вскоре Катерину как партийную активистку направляют работать в Курскую область – поднимать сельское хозяйство, а потом довольно быстро переводят в Феодосию.

Екатерина Фурцева с мамой, 1935 г.

В курортной Феодосии Катерина, изможденная голодной жизнью в рабочем городке, буквально расцветает. И по-женски, и карьерно. Она становится секретарем местного горкома комсомола, но партийно-комсомольская работа не занимает ее полностью. Екатерина на всю жизнь полюбила море, стала отличной пловчихой. Занялась волейболом – это будет ее любимой игрой всю жизнь. Когда она играла, на нее засматривались – столь грациозны были ее движения.

Но и в полюбившейся Феодосии Екатерине не удалось

задержаться надолго. В горкоме ей вручают новую комсомольскую путевку – в Ленинград, в Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота.

В то время авиация была чем-то героическим, с ореолом исключительности. Летчики в то время были существами высшего порядка – примерно такими, какими через тридцать лет будут космонавты. В летчиков влюблялись все – не стала исключением и Фурцева.

Ее избранника, инструктора ее летного звена, звали Петр Иванович Битков. Видный, красивый мужчина, умевший нравиться женщинам, прирожденный лидер, он быстро и надолго покорил ее сердце. Их брак не был официально зарегистрирован – тогда это не считалось обязательным. Жили бедно, но счастливо: ленинградские подруги Фурцевой потом долго вспоминали ее «серебристый смех». Огорчало одно – никак не получалось завести детей.

В Феодосии, 1936 г.

Из Ленинграда Биткова сначала направляют в Саратов преподавать в авиационном техникуме, а затем переводят в Москву. Здесь Екатерина продолжает свою комсомольскую деятельность: становится инструктором студенческого отдела в аппарате ЦК ВЛКСМ. Через год, в 1937 году, ее по комсомольской путевке направляют на учебу в Московский институт тонкой химической технологии им. Ломоносова (ныне Академия тонкой химической технологии). Здесь Катерина продолжает свою активную общественную работу и уже через полтора года

становится секретарем парторганизации института, что не мешает учебе: успешно защитив диплом, Фурцева поступает в аспирантуру. Ей, как парторгу, дали комнату в коммуналке.

Великая Отечественная война застала ее уже секретарем Фрунзенского райкома партии – самый центр города, именно к этому району относилось большинство крупных предприятий Москвы. В первые же дни войны Петр Иванович, профессиональный военный, отправился на фронт. А вскоре выясняется: Екатерина беременна. Время было очень тяжелое, Матрена Николаевна, которой дочь написала о своих сомнениях – рожать ей или нет, настояла на сохранении беременности и даже приехала из Вышнего Волочка помогать дочери. Вскоре Фурцевых эвакуируют в Куйбышев – и именно тут в мае 1942 года на свет появляется Светлана. Вскоре семья возвращается в Москву.

Через четыре месяца после рождения дочери с фронта приезжает Битков – и с порога заявляет, что давно уже полюбил другую женщину.

Гордая Екатерина Алексеевна забрала дочь, мать – и ушла. Практически в никуда. Вскоре ей, как секретарю райкома, дают крохотную, в двадцать восемь метров, квартирку рядом с райкомом. Теперь они живут втроем – Екатерина Алексеевна, Светлана и Матрена Николаевна Фурцевы.

Во Фрунзенском райкоме, где она занималась кадрами, ее непосредственным начальником – вторым секретарем – был Петр Владимирович Богуславский. Историк, философ, прекрасный организатор, он увлекся Екатериной. К сожалению, он был женат, а развод для партийного работника в то время (да и потом) – вещь практически невозможная. Богуславский вкладывает в Екатерину все, что знает и умеет, продвигает ее наверх, обучает правилам игры – мужской игры, в которой Екатерина с помощью Богуславского научилась использовать свое умение быть женщиной. Немалую помощь в этом Екатерине оказала и Мария Андреева, бывшая актриса Художественного театра и гражданская жена Максима Горького, а в то время – директор Дома ученых, располагавшегося напротив райкома. В столовую Дома работники райкома постоянно ходили обедать. Мария Федоровна подает Фурцевой пример элегантности и хорошего тона. С ее помощью Екатерина нашла и другой пример для подражания – актрису Веру Петровну Марецкую. Немного похожая на Марецкую внешне, Екатерина Алексеевна стала подражать и ее манере одеваться, держаться, разговаривать. Говорят, даже брала у нее уроки актерского мастерства. У Фурцевой была прекрасная память и задатки хорошего оратора.

Шанс отличиться выпал Екатерине Алексеевне в сентябре 1947 года, когда с помпой отмечали 800-летие Москвы. Фур цева принимала активнейшее участие в подготовке к празднику самого ответственного участка города – его центра. Закладка памятника Юрию Долгорукому перед Моссоветом – главное событие юбилейных торжеств – была проведена под ее личным контролем. Фурцева принимала активнейшее участие и в других мероприятиях: закладке нового высотного здания университета на Ленинских горах, спортивном празднике на стадионе

«Динамо»… Она повсюду. Ее нельзя не заметить, ее невозможно не запомнить: яркая, красивая, энергичная, сияющая женщина запомнилась всем.

Вскоре сам собой закончился роман с Богуславским: в стране началась «борьба с космополитизмом» – антисемитская кампания чистки кадров по национальному признаку. Еврея Богуславского отправляют на переподготовку – что на практике означало отставку. Назначают первым секретарем райкома партии Фурцеву.

Екатерина Фурцева – секретарь Фрунзенского райкома партии,

Ее организаторские способности, умение выступать без бумажки и личное обаяние всегда привлекают к ней внимание вышестоящих властей. Но ее звездный час пришел совершенно неожиданно: в 1949 году Николай Шверник, крупный партийный функционер, представил ее Сталину. Это была их единственная встреча, но Сталин ее запомнил – и с его благословения карьера Фурцевой резко пошла вверх.

В декабре Фурцева делает доклад на расширенном заседании горкома партии, где критикует работу своего райкома – и себя лично. Это умное, талантливое, по-женски страстное самобичевание – разрешенное и даже предписанное сверху – тут же дает свои плоды.

Уже в начале 1950 года Екатерина Фурцева становится вторым секретарем Московского горкома партии. Первым секретарем в то время был Никита Хрущев. В народе ходили упорные слухи о том, что Фурцева оказалась в горкоме не случайно, мол, у нее роман с Хрущевым. Хрущев действительно очень ценит Фурцеву – и за умение говорить, и за работоспособность, и за преданность. Когда после смерти Сталина Хрущев станет первым секретарем ЦК КПСС, главой Московской парторганизации он оставит вместо себя Фурцеву. Но роман у нее в то время был совсем с другим человеком.

Дипломат Николай Павлович Фирюбин, в то время зампред Московского горисполкома, был очень обаятельным, красивым мужчиной, избалованным женским вниманием, а поэтому довольно заносчивым и капризным. Прекрасно владел двумя иностранными языками, занимался спортом. Фурцеву он полюбил страстно, и Екатерина Алексеевна ответила взаимностью. Но он женат, у него двое детей-подростков. Разгоревшийся роман хранился в тайне от всех – хотя, как это всегда бывает, о нем знали многие. Весь высший партаппарат обсуждал их связь, и все осуждали ее. Матрена Николаевна была решительно против Фирюбина – но в этом, практически единственном случае за всю свою жизнь Екатерина Алексеевна не прислушалась к совету матери.

Когда Фирюбина назначают послом в Чехословакию, а затем в Югославию, Екатерина Алексеевна при каждом удобном случае летает к нему – хоть на день, на несколько часов… Она ничего не требовала от Фирюбина, который никак не может решиться на развод, и этим сильно притягивала его. В конце концов ее союз с Фирюбиным благословил сам Хрущев – и в 1954 году они поженились. Это был первый и единственный официальный брак

Екатерины Алексеевны. Первые пять лет все продолжалось по-прежнему: он работает за границей, она – в Москве. Фирюбин вернулся в Москву, когда его назначили заместителем министра иностранных дел. И Екатерина Алексеевна довольно быстро поняла, что их брак был ошибкой. Но менять что-то было уже поздно.

Николай Павлович очень ревновал жену к ее карьерным успехам – и мстил ей за них дома. Унижал ее, не прислушивался к ней, мог по нескольку дней не замечать. Всем знакомым жаловался, что о нем дома не заботятся, не кормят – а между тем Екатерина Алексеевна каждый вечер готовила ему протертую клюкву, выполняла все его капризы. Он не ладил со Светланой – после ее замужества ее практически не приглашали в дом к матери и отчиму. Осознав, что в семье счастья не будет, Екатерина Алексеевна с головой уходит в работу.

Хрущев не забыл Фурцеву. Когда 25 февраля 1956 года он сделал свой знаменитый доклад на XX съезде партии, именно Екатерине Алексеевне было предоставлено первое слово после докладчика. На этом съезде Фурцева стала кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС – то есть поднялась на предпоследнюю ступень в советской партийной иерархии.

Первым секретарем МГК КПСС Москвы Фурцева оставалась до 1957 года. В памяти москвичей ее правление связано с активным градостроительством, наступлением на коммуналки, борьбой за чистоту и порядок на улицах. Западные журналисты отмечают ее появление на трибуне Мавзолея 7 ноября 1955 года – когда Хрущев лично позвал ее перейти с нижней трибуны, для «крупных чиновников», на верхнюю – «для вождей». Стройная, подтянутая, в строгом, но элегантном костюме, с красиво уложенной длинной русой косой – зарубежные издания неустанно рассказывали, что среди серых советских чиновников появилась наконец настоящая женщина. А вечером на торжественном приеме в Кремле она в роскошном бальном платье с редкостной грациозностью танцевала вальс с членами Политбюро.

Фурцева с Хрущевым и его женой, 1958 г.

В кремлевских кулуарах Фурцеву за красивую внешность и неизменную элегантность прозвали Мальвиной.

Фурцева лично контролировала строительство стадиона в Лужниках – ее стройную фигуру прекрасно знал любой строитель. Всегда улыбающаяся, в юбке до колен, открывающей ее красивые ноги, в оренбургской шали – и всегда в туфельках, в любую погоду. Удивлявшимся ее внешнему виду она отвечала: «Вы что строите? Красоту! И все вокруг должно быть красиво!»

Фурцева прекрасно понимала, что ей не хватает знаний, чтобы разобраться во всех насущных вопросах. Но она умеет и хочет учиться – и будет учиться всю жизнь. Ее любимым словом было «специалист» – то есть тот, кто досконально знает вопрос, кто может разобраться. Хотя, оставаясь все же женщиной, иногда доверяла лишь своему вкусу.

Перед самым открытием стадиона в Лужниках – буквально накануне ночью – она велела замазать огромную, больше сотни квадратных метров, фреску на фасаде стадиона. Просто потому, что не понравилась…

Вскоре на этом стадионе будут проходить главные события Международного фестиваля молодежи и студентов – невероятное еще несколько лет назад событие, толпы иностранцев в Москве, еще совсем недавно отгороженной от остального мира «железным занавесом». И снова Фурцева в самом центре событий, ярким пятном выделяясь среди чиновников в серых костюмах.

С Буденным и Ворошиловым, конец 1950-х гг.

Кроме заботы о Москве, в обязанности Екатерины Алексеевны входили постоянные заседания ЦК КПСС и тесное общение с высшими государственными деятелями. Она была единственной женщиной среди высокопоставленных мужчин, которые жили по давно сложившимся правилам. Застолья на всю ночь, крепкие выражения в разговорах, бани и охотничьи забавы – типично мужские развлечения, и никто не собирался менять правил игры из-за того, что среди нескольких десятков мужчин появилась одна женщина. Фурцева прекрасно понимала, что, чтобы не проиграть, ей придется придерживаться всех этих правил, и никто не будет делать ей скидок.

Ее положению мог позавидовать любой. Но мало кто мог в полной мере понять, с какими проблемами ей пришлось столкнуться. Например, такая простая вещь, как туалет. Рядом с комнатой, где заседал Президиум ЦК, был только мужской туалет, и тот постоянно занят: из-за определенного образа жизни члены Президиума страдали многочисленными болезнями. Екатерине Алексеевне приходилось бежать далеко в соседнее крыло, где в секретариате (секретари все-таки были в основном женского пола) был женский туалет.

Но однажды именно эта проблема сыграла на руку Фурцевой.

После прихода Хрущева к власти его методы руководства довольно скоро вызвали недовольство части членов ЦК. Во главе

«заговора», ставившего своей целью свалить Хрущева – его собирались «сослать» в министры сельского хозяйства, – стояли Георгий Маленков, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Клим Ворошилов и Дмитрий Шепилов. В конце июня 1957 года они собрали заседание Президиума ЦК, на который «случайно» не были приглашены многие могущественные сторонники Хрущева. Фурцева, заметив, что большинство собравшихся против Хрущева, решила действовать. Она отпросилась в туалет. Все знали, что до женского туалета идти довольно долго – и значит, ее некоторое время никто не хватится. Вместо туалета Фурцева бросилась в свой кабинет и принялась обзванивать сторонников Хрущева, многих из которых не было в Москве. Многие расценивали ее звонок как провокацию – ведь рядом мог стоять и подслушивать кто-то из «заговорщиков», проверяя надежность того или иного человека. Но она уговаривала, умоляла, уламывала их приехать – и добилась своего.

Тот же трюк проделал Брежнев – он помчался звонить министру обороны маршалу Жукову, а когда вернулся, в красках описал внезапно напавшее на него расстройство желудка.

Жуков организовал срочную доставку в Москву – на военных самолетах – отсутствовавших членов ЦК, а сам, появившись на заседании, высказался решительно против отставки Хрущева и добавил: «Ни один танк не тронется без моего приказа!» Заговорщики испугались – и Хрущев снова оказался вознесен наверх. Так называемая «антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» была лишена всех постов, раскаявшийся Ворошилов был прощен, а поддержавшие Хрущева Брежнев, Фурцева и Жуков были осыпаны милостями. Екатерина Алексеевна стала полноправным членом Президиума ЦК КПСС.

Фурцева переходит из МГК в ЦК. Здесь она вместе с Жуковым входит в комиссию по делам реабилитации военнопленных (согласно сталинскому указу, все пленные считались изменниками Родины, и освобожденных из немецких лагерей сразу же отправляли в лагеря советские), с ним же занимается разработкой проекта строительства мемориала на Поклонной горе.

Но вскоре Жуков попадает в опалу: его фраза про танки напугала в том числе и самого Хрущева – и всего через четыре месяца после того судьбоносного заседания Жуков был обвинен в насаждении культа своей личности в армии, снят с поста министра и выведен из Политбюро и ЦК. Хрущев помнил, кому он обязан своим восхождением, и умел мстить тем, кто видел его слабость.

Для Фурцевой несколько лет все шло хорошо. Ее называли официальной наследницей Хрущева. В 1960 году ее назначили министром культуры СССР – должность видная, но не очень завидная: функции министра культуры в основном представительские. Самое дело для женщины: поруководить, покрасоваться, да и испортить ничего не сможет – на самом деле культурой в СССР руководил специальный партийный комитет, а вовсе не министерство. Но настал черед и Фурцевой. Авторитарная, во многом противоречивая политика Хрущева вызывала все больше недовольства в высших кругах. Заговоров не было – так, перемывали ему кости по телефону, – но Хрущеву было достаточно и этого. В 1961 году ему на стол положили стенограмму ее телефонного разговора с членом ЦК Аристовым, где Фурцева нелестно отозвалась о Никите Сергеевиче. На ближайшем, внеочередном пленуме Президиума Екатерина Алексеевна была снята с должности секретаря.

Все было обставлено тихо: во время очередного совещания в кабинет Фурцевой пришел человек, отключил связь, забрал «вертушку» – телефон правительственной связи, – и все. Молчание. Никто ничего никому не объяснил.

Екатерина Алексеевна приехала домой, легла в ванну и вскрыла себе вены.

Спасла ее подруга, пришедшая в гости. Удивившись тишине за дверью, она позвонила в соответствующие органы. Приехавшая бригада взломала дверь и доставила Екатерину Алексеевну в больницу.

Говорили, что Фурцева пыталась покончить с собой из-за уязвленного честолюбия. Но не меньшую роль сыграла и личная обида на человека, который был обязан ей столь многим, которому она безгранично верила и который так подло ее предал…

Хрущев прореагировал просто: на заседании ЦК, членом которого Фурцева еще оставалась, заявил: «Дамские капризы! Что вы хотите – климакс! Не стоит обращать внимания».

Выйдя из больницы, где ее долго лечили от нервного стресса, Екатерина Алексеевна с головой уходит в работу министра. Время хрущевской оттепели вызвало к жизни множество новаций в культуре – и Екатерина Алексеевна изо всех сил старалась понять, что же происходит в подведомственной ей среде. Впервые за несколько десятков лет во главе Министерства культуры был настолько высокопоставленный номенклатурно-партийный работник – и настолько интересующаяся женщина. Екатерина Алексеевна, начинавшая как партийный функционер со всеми соответствующими взглядами, смогла измениться и стать одним

из лучших – если не лучшим – министром культуры за всю историю СССР.

Поначалу ее назначение народ встретил анекдотами. Собственно говоря, такого количества анекдотов о себе мало кто удостаивался – разве что главы государства. А тут простой министр. Особенно поначалу анекдоты были злые: мол, пришла бескультурная баба из жуткой глубинки и давай артистами руководить. Один из самых популярных анекдотов был такой. Вернисаж. Пабло Пикассо не пускают, потому что он забыл пригласительный билет. Тогда он в подтверждение того, что он именно Пикассо, рисует на асфальте своего знаменитого голубя мира. Его пропускают. Следом идет женщина, и тоже без пригласительного. «Вы кто?» – «Я министр культуры СССР Фурцева!» – «А как докажете? Вот Пикассо забыл свой билет, он голубя нарисовал…» – «Простите, а кто такой Пикассо?» – «Проходите, госпожа министр!»

Про то, как она на самом деле руководила культурой, тоже ходят анекдотичные истории. Когда Григорович ставил в Большом театре «Лебединое озеро», согласно либретто Одетта должна была умереть. Фурцева заявила: «Наш балет должен быть оптимистичным!» – и девушку-лебедя оживили. Но спустя годы Юрий Георгиевич вспоминает Фурцеву тепло и благодарно. Она чаще всего шла ему навстречу. Ценила Галину Уланову, мхатовских знаменитых актрис Тарасову и Степанову. Дружила с Марецкой.

С Леонидом Брежневым, 1965 г.

Как человек очень деятельный, болеющий за свое дело, она старалась участвовать во всем. Лично принимала решения о повышении зарплат, запрете или разрешении спектаклей,

назначении на роли. Чисто по-женски отстаивала свои решения – могла расплакаться, пококетничать, упасть в ноги вышестоящим товарищам, только чтобы выпустили фильм, утвердили назначение, дали звание… Она считала всех работников культурных учреждений солдатами своей армии – актеров и писателей, библиотекарей и лекторов, музейщиков и циркачей – и относилась к ним одинаково. Хотя, конечно, у нее были свои предпочтения – Родион Щедрин, Майя Плисецкая, Людмила Зыкина, Давид Ойстрах, Святослав Рихтер, которому она устроила срочный выезд в Германию, попрощаться с умирающей матерью… Любила МХАТ – по ее инициативе Олег Ефремов, до этого работавший в «Современнике», был назначен главным режиссером МХАТа, и под ее личным наблюдением было построено новое здание театра на Тверском бульваре.

Как руководитель она была нелегким человеком. Не терпела ответов «не знаю», требовала, чтобы каждый досконально знал свое дело – как она. В пылу спора могла накричать, выгнать – но потом переживала и старалась сделать взамен что-нибудь хорошее. Ее уважали за то, что с ней можно было спорить, разговаривать, что ее можно было переубедить – тогда как правила мужской игры требовали придерживаться принципа: «есть два мнения, одно мое, другое неправильное».

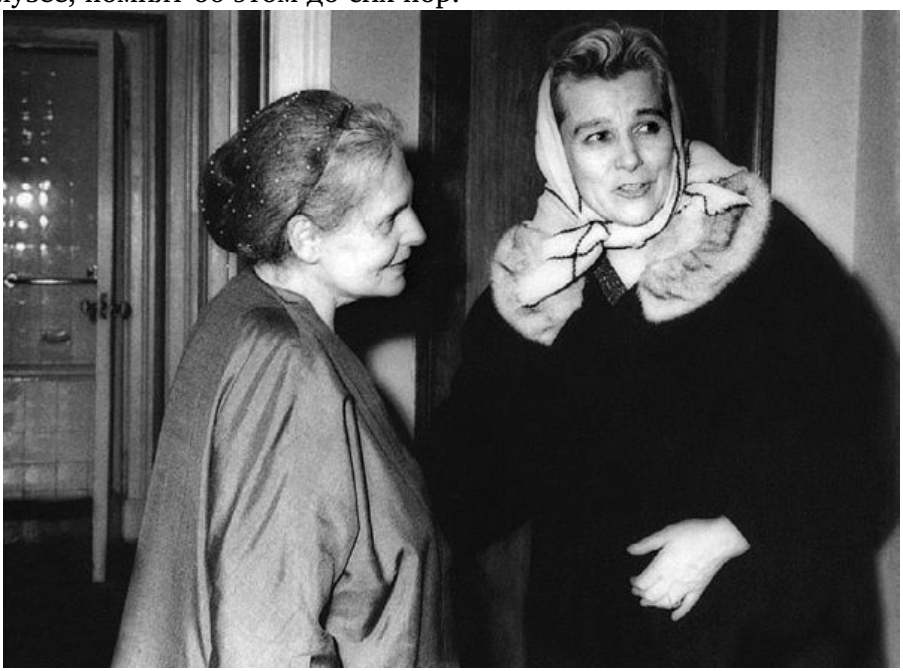
Именно при Фурцевой стал проводиться Международный конкурс имени Чайковского – и она лично настояла на том, чтобы первую премию разрешили дать американскому пианисту Вану Клиберну, что абсолютно противоречило всем идеологическим установкам. При ней начали проводить Международный конкурс артистов балета, Московский международный кинофестиваль. По ее записке Суслову был учрежден Театр на Таганке, ее стараниями открылись Московское хореографическое училище и десять университетов культуры по всей стране, были построены здания Библиотеки иностранной литературы, Детского музыкального театра Натальи Сац, нового цирка на проспекте Вернадского (и еще десять стационарных цирков по всей стране), здание хранилища Библиотеки имени Ленина в Химках, новые помещения получили МХАТ, Театр имени Моссовета и Театр оперетты…

С Надей Леже в Антибе, 1960-е гг.

Еще в 1961 году, в своей первой в качестве министра культуры поездке на Каннский фестиваль, она познакомилась с вдовой художника Фернана Леже Надей. Это знакомство, переросшее в тесную дружбу, во многом определило культурные связи Фурцевой. Надя Леже ввела ее в круг французской коммунистической интеллигенции – Луи Арагон (женатый на сестре Лили Брик Эльзе Триоле), Пабло Пикассо (так что не прав

был анекдот – Фурцева знала не только имя великого художника, но и его самого лично), Морис Торез… Под влиянием Нади Леже Фурцева открыла для себя французскую высокую моду – особенно ей нравились вещи от Lanvin. Друзья Нади – эмигранты из России – стали дарить свои коллекции советским музеям. Вдова художника Савелия Сорина преподнесла в дар Третьяковской галерее часть своей ценнейшей коллекции, а Марк Шагал даже приехал в СССР лично и подарил Пушкинскому музею 75 своих картин.

Фурцева организовала самую фантастическую выставку того времени: «Мона Лиза» Леонардо да Винчи в Москве. Картину выставляли в Японии и обратно должны были везти через Москву. Возникла идея задержать «Мону Лизу» на несколько дней в Москве. Фурцева созвонилась с французским послом, получила его согласие – но надо было заплатить огромную страховку, изготовить пуленепробиваемую витрину… Екатерина Алексеевна уговаривала руководство страны: «Нам предлагают показать «Джоконду», а деньги мы вернем. Отправим Моисеева на гастроли, он заработает». С ней согласились. Фурцева обратилась к оборонным конструкторам – и за семь дней изготовили витрину, которую потом французы взяли за образец. Специальное стекло срочно везли с Украины, в дороге оно повредилось, его едва успели заменить. «Джоконду» привезли ночью, под усиленной охраной. Те, кому посчастливилось увидеть ее за несколько дней, когда картина выставлялась в Пушкинском музее, помнят об этом до сих пор.



С Эльзой Триоле, 1960-е гг.

Очень дружила Фурцева с Армандом Хаммером – даже подарила ему из запасников Русского музея «Черный квадрат» Малевича.

На Каннском кинофестивале, 1960-е гг.

Фурцева же пригласила в СССР театр Ла Скала, до этого никогда не бывавший в России. Между Большим и Ла Скала было подписано соглашение о сотрудничестве – с тех пор многие российские оперные певцы стажировались в Милане. Директор театра Антонио Гирингелли был в восторге и от приема его труппы, и от самой Фурцевой. Следующие десять лет – до самой ее смерти – доктор Гирингелли серьезно ухаживал за Екатериной Алексеевной, постоянно присылал ей маленькие подарки, заказал ее портрет одному из модных художников.

Она продолжала оставаться очень привлекательной женщиной – вопреки всему. После любой пьянки, обязательной в

среде высших чинов, она оставалась свежей и полной сил. Екатерина Алексеевна очень следила за собой – когда была возможность, соблюдала строгий режим и диету, подолгу гуляла, много занималась спортом, специально привозила из Франции таблетки для похудения. Ее женственность и обаяние отмечали все, с кем она сталкивалась, – даже те, кто имел все основания не любить ее. Она постоянно следила за модой. Почти не носила украшений – в среде крупных чиновников они не были приняты, – но одевалась очень элегантно. Именно Фурцева первой в СССР надела маленькое черное платье – выше колен, с туфлями-лодочками и ниткой жемчуга. Следила она и за советской модой: именно Фурцева стояла за организацией домов моды в стране, способствовала карьере Славы Зайцева. Когда работники одного ателье написали ей письмо о недостатках в швейной промышленности, она собрала совещание, где с полным знанием дела рассуждала о модных фасонах, тканях, говорила о необходимости использовать в работе модные журналы.

С дочерью Светланой на отдыхе на юге

На ее рабочем столе стояла фотография английской королевы Елизаветы II, с простой надписью: «Екатерине от Елизаветы». Говорили, что уже через несколько минут личного общения королева попросила Фурцеву: «Не зовите меня «ваше величество», говорите просто – товарищ Елизавета!» А бельгийская королева Фабиола однажды сказала, что хотела бы сделать для своей страны столько же, сколько Фурцева сделала для своей.

Только в личной жизни было не все гладко. С Фирюбиным они все больше отдалялись друг от друга – любовь давно прошла,

у него была другая женщина, и Екатерина Алексеевна об этом знала. Но развестись они все же не могли. Единственным смыслом жизни – кроме любимой работы – для Фурцевой были дочь Светлана и внучка Марина. «Если бы не было тебя с Маришкой, мне не для чего было бы жить», – говорила она Светлане.

Начав свою карьеру в качестве партийного функционера, за время своего министерства Екатерина Алексеевна сильно изменилась. Личная, искренняя ее дружба со многими виднейшими деятелями культуры, чьи взгляды во многом не совпадали с идеологическими установками ЦК КПСС, все больше отдаляла Фурцеву от ее коллег по партаппарату. В отличие от основной массы крупных функционеров она была неординарной личностью, и этого ей простить не могли.

Случилась и еще одна неприятная история. Светлане с мужем очень хотелось иметь дачу. Под давлением дочери Фурцева занялась строительством – покупала стройматериалы через постановочную часть Большого театра: там они были дешевые. Дача получилась, по сегодняшним меркам, крохотной – 61 квадратный метр, но скандал раздули жуткий. Фурцеву обвинили в злоупотреблении служебным положением, объявили строгий выговор, чуть не исключили из партии. Дачу забрали – правда, вернули потраченные на строительство деньги. Екатерина Алексеевна очень переживала, просила создать комиссию, чтобы во всем разобраться, – но ничего этого сделано не было. Она очень страдала – общественное мнение было для нее очень важно.

Когда в 1973 году ее не рекомендовали в депутаты Верховного Совета СССР, она поняла, что ее карьера близка к закату, что не за горами ее смещение с поста министра. Она говорила Людмиле Зыкиной, одной из своих подруг: «Что бы там ни было, я умру министром!»

Так и случилось. В ночь с 24 на 25 октября 1974 года Светлане Фурцевой позвонил Фирюбин: «Екатерины Алексеевны больше нет». Светлана, которая лишь несколько часов назад простилась с матерью, ничего не успела понять…

Согласно официальному медицинскому заключению, у Екатерины Алексеевны остановилось сердце. Впрочем, молва настойчиво твердит о том, что Фурцева отравилась цианистым калием.

Ее похоронили на Новодевичьем кладбище – среди артистов и писателей, которыми она руководила, недалеко от предавшего ее Хрущева.

После похорон Петр Битков сказал Светлане: «Я всю жизнь любил только ее…»

Через несколько недель Фирюбин женился вторично. Через несколько лет Светлана переехала в Испанию. Но жить вдали от России она не могла и в 1998 году вернулась в Москву. Светлана Фурцева умерла в начале октября 2005 года. У нее был рак.

Уже нет ни партии, которой она была предана, ни государства, которому она служила. Осталась только память о женщине, которая умела играть в мужские игры – и выигрывать.

Раиса Горбачева

ПОЛОВИНА ПЕРВОГО

Двадцать с лишним лет назад, 11 марта 1985 года, произошло событие, которое перевернуло судьбу нашей страны. Вместо скончавшегося накануне Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, третьего умершего на этом посту за два года, был назначен Михаил Горбачев, самый молодой генсек за всю советскую историю. Мало кто думал тогда, что с приходом Горбачева начнутся революционные перемены, в результате которых не только коренным образом изменится политика Советского государства и правящей в нем партии, но и само государство и его партия перестанут существовать. И уж точно никто не предполагал, что революция свершится не только в политике; и совершит ее женщина, супруга нового генсека – Раиса Максимовна Горбачева.

Еще никто из женщин, находящихся не то что у власти – рядом с властью, не привлекал к себе столько внимания, не вызывал столько разных слухов и сплетен. Отношение к ней было различным – от обожания до ненависти; не было только равнодушных. Но, как это ни странно, не было никого, кто сомневался бы в самом для нее главном: в ее любви к мужу и в любви мужа к ней…

Как мужчины приходят к власти, было описано неоднократно. Но мало кто знает, как труден путь женщин рядом с такими мужчинами. Со стороны может показаться, что такие женщины счастливы: ведь у них есть все, что только можно пожелать. Но как тяжело было прийти к этому счастью, знают только они сами.

В детстве Раи Титаренко не было ничего, что могло бы предсказать ее будущий взлет. Ее отец, Максим Андреевич, родом из

Чернигова, всю жизнь проработал на строительстве железных дорог. Одна из веток проходила через алтайское село Веселоярск. Тут он влюбился в местную девушку, Сашу, женился на ней… Саша – Александра Петровна – была из крестьян; до конца своей жизни оставалась неграмотной – в крестьянских семьях не было принято учить дочерей. Ее отца в начале тридцатых раскулачили, а затем посадили по обвинению в троцкизме. Ни Саша, ни ее отец так и не поняли, кто такой Троцкий и что такое троцкизм. Его жена умерла от горя и голода, оставив четверых детей…

Но Саша и Максим были уже далеко. Максима постоянно переводили с места на место, и Саша следовала за ним. 5 января 1932 года в городе Рубцовске Алтайского края у Титаренко родилась дочь, которую назвали Раисой. Имя выбрал отец – для него оно означало «рай», райское яблочко… Через три года родился сын Евгений, а еще через три – дочь Людмила.

Жизнь была тяжелой. Постоянные переезды, временное жилье – бараки, щитовые домики, даже келья бывшего монастыря… Александра Петровна как могла наводила уют в очередной «квартире», разводила огород, – и после нового переезда все приходилось начинать сначала. Удивительно, но, несмотря на постоянные смены школ и общие в них плохие условия – самодельные чернила и азбуки, тетрадки из газетной бумаги, нехватку учебников, учителей и помещений, – Раиса Титаренко была отличницей. Школу в Стерлитамаке, в Башкирии, она в 1949 году закончила с золотой медалью. Это был всего второй год, когда вручались медали; медаль давала право поступления в любой вуз страны без вступительных экзаменов. Раиса выбрала для себя философский факультет МГУ.

Тогдашнее студенчество – полуголодное, веселое, любопытное… Днем – лекции, по ночам – подработки, а вечерами – театры, танцы, библиотеки и посиделки в университетском общежитии на Стромынке – одна комната на восемь-четырнадцать человек. На первом курсе Раиса влюбилась; но этот роман закончился катастрофой. Вмешались его родители, которым не понравился выбор сына, и он бросил Раю. Ей казалось, что теперь она никогда больше не сможет доверять мужчине, никогда не сможет полюбить…

В то время в студенческой среде было модно учить бальные танцы. Рая тоже ходила, и она – красивая, яркая, пластичная – танцевала так, что все на нее заглядывались. Однажды друзья Миши Горбачева, учившегося на курс младше, посоветовали ему

тоже пойти на танцы: там появилась такая девчонка, тебе надо обязательно с нею познакомиться! Он пошел – и влюбился. Ему тогда было двадцать лет, ей – девятнадцать…

Поначалу ухаживания красивого студента юрфака были встречены холодно. Но как-то декабрьским вечером 1951 года он проводил ее из клуба – и они разговорились, а разговорившись – подружились. Прогулки по Москве и долгие разговоры стали традицией. Ей нравилась его жизнерадостность и то, что он по всем вопросам имел свое мнение и не боялся его отстаивать. Но окончательно покорил сердце Раисы кулинарный талант Михаила.

Последние годы в университете Раиса много болела. Когда она месяц лежала в больнице, Михаил каждый день приносил ей из общежития жареную картошку. Как потом вспоминала сама Раиса Максимовна, именно тогда она поняла, что Михаил – ее судьба на всю жизнь. 25 сентября 1953 года они расписались в Сокольническом загсе.

На свадьбу ушли деньги, которые Михаил заработал летом на уборке хлеба. В ателье Раиса сшила себе платье из итальянского крепа, а Михаил – первый в его жизни костюм из дорогой ткани под названием «Ударник»; так что на кольца молодоженам денег не хватило. Туфли невесте тоже пришлось одолжить у подруги. Свадьбу сыграли 7 ноября в диетической столовой рядом с университетским общежитием – на столе преобладали винегрет и «Столичная».

Их любовь прошла испытания временем. Из юношеской страсти она со временем стала любовью-сотрудничеством, дружбой и верностью двоих людей, которые много пережили вместе. На дни рождения Михаила Раиса дарила ему только один подарок – букет фиалок; почему так – осталось их маленькой тайной… Когда во время поездки в США Раиса Максимовна не смогла найти этот букетик, она поставила на ноги всех, отменила все свои мероприятия, пока фиалки не были найдены…

После окончания университета Раиса поступила в аспирантуру. А Михаилу предложили на выбор: или аспирантура, или работа в его родном Ставрополе. Раиса в это время была беременна – но родить сына не получилось; врачи сказали, что из-за проблем со здоровьем рожать ей нельзя. Раиса была в отчаянии – она была убеждена, что без детей нормальной семьи быть не может… Посовещавшись, Горбачевы уехали в Ставрополь.

Михаил Сергеевич был распределен в краевую прокуратуру, но проработал там всего десять дней: работа ему не нравилась, а прежние друзья звали на комсомольскую работу. С трудом, но Горбачева все же отпустили из прокуратуры – и он был назначен

заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды. Так началась его дорога наверх…

А у Раисы четыре года не было постоянной работы – и это со столичным дипломом. Мизерной зарплаты Михаила еле хватало на еду и оплату жилья – небольшой комнаты, в которой еле помещалось все их нехитрое имущество. Здесь же, в этой комнате, 6 января 1957 года Раиса родила дочь Ирину… Только в конце года Горбачевы получили государственное жилье – комнату в коммуналке, в переоборудованном здании какой-то конторы.

В конце концов Раисе удалось устроиться преподавателем на кафедру философии Ставропольского сельскохозяйственного института. Раиса тогда была очень худенькой, маленькой и, чтобы выглядеть посолиднее, надевала на себя как можно больше одежды. Она увлеклась социологией, начала писать кандидатскую диссертацию о быте крестьян. С социологическими анкетами Раиса Максимовна обходила тысячи дворов, и ее поразило, что каждый четвертый дом – дом женщины-одиночки… Кажется, именно тогда у нее появился интерес к проблеме женщины в России, желание помочь, изменить…

А Михаил Сергеевич успешно делал карьеру – сначала в комсомоле, а с 1962 года в КПСС. Он стал секретарем горкома, затем крайкома. Фактически руководя Ставропольским краем, Горбачев коренным образом реформировал все отрасли местной жизни – от кадров до программ мелиорации и охраны культурных объектов. На жизни семьи его положение мало отразилось, разве что из коммуналки Горбачевы переехали наконец в отдельную квартиру. Ни дачи, ни прочих привилегий. Дочь ходила в обычную школу, затем самостоятельно поступила в медицинский институт в Ставрополе – не хотела никуда уезжать от родителей. А в 1978 году Горбачева перевели в Москву – его избрали секретарем ЦК КПСС. Для Горбачевых началась совсем другая жизнь.

В Москве они получили все, что «положено», – квартиру, государственную дачу, льготы. Но Раису Максимовну больше волновало другое – дочь закончила с отличием Второй медицинский институт, куда вместе с мужем перевелась из Ставрополя, у нее родились две дочери, Ксения и Анастасия…

В начале восьмидесятых средний возраст членов Политбюро составлял 67 лет, большинству было далеко за семьдесят. Неудивительно, что политика, которую они проводили, была предельно консервативная; любые новшества отвергались на корню. Горбачеву, который пытался и в Москве продолжать свои реформы, было очень тяжело работать в такой закостенелой среде.

К тому же генсеки умирали один за другим – Брежнев, Андропов, 10 марта 1985 года не стало Черненко.

Раиса Горбачева

Под утро Михаил Сергеевич приехал на дачу, где они тогда жили, и вызвал Раису Максимовну в сад. Он сказал ей, что, вполне возможно, завтра его изберут Генеральным секретарем. Она совсем не обрадовалась – она не любила политику, а карьерные успехи мужа только расстраивали ее. Чем больше времени он был вынужден уделять работе, тем меньше доставалось ей и дочери. Но Раиса Максимовна обещала поддержать его, что бы ни случилось.

На следующий день Михаил Сергеевич Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Ему было 54 года.

Назначение Горбачева на этот пост было и неожиданным и закономерным. Когда после смерти Брежнева к власти вместо «официального» брежневского наследника Черненко пришел глава КГБ Юрий Андропов, он начал проводить политику реформ.

При нем состав Политбюро и ЦК КПСС был значительно обновлен – теперь примерно половину в нем составляли сторонники реформ. Однако Андропов получил пост Генерального секретаря уже смертельно больным и всего через полтора года умер. С его смертью баланс сил изменился в пользу консерваторов, и его преемником Политбюро, в определенной степени напуганное андроповскими реформами, избрало Константина Устиновича Черненко.

Черненко был средним политиком, но неплохим аппаратчиком. Будучи – как и Андропов – тяжелобольным, к тому же не имея большинства в Политбюро, он был вынужден лавировать между двумя группами. Руководителем заседаний Секретариата ЦК он назначил М.С. Горбачева – таким образом, Горбачев фактически стал вторым лицом партии.

Черненко скончался через восемь месяцев. К этому моменту было уже окончательно ясно, что СССР нуждается в определенных реформах. «Реформаторами» была примерно половина Политбюро – в основном те, кто пришли туда за последние несколько лет. Остальные были уже весьма преклонных лет и либо тяжело болели, либо были просто не в состоянии противостоять «реформаторам». Главой «реформаторов» был Горбачев – его кандидатура устраивала всех: сторонники реформ видели в нем человека, который сможет провести необходимые меры для оживления экономики и преодоления кризиса власти, а консерваторы видели в избрании Горбачева – второго после Черненко лица в партии – акт преемственности.

Так в жизни страны началась новая эпоха – эпоха Горбачева.

Март вообще очень много значил в жизни Горбачева. 2 марта 1931 года он родился; в марте был избран Генсеком; и в марте же 1990 года стал Президентом СССР – первым и последним…

Новый генсек сразу начал вводить свои порядки и делать то, что до него было делать не принято. Перестройка началась не только в политике, но и в образе жизни, поведении первого лица государства. Поездки по стране и личные встречи с людьми, речи «без бумажки» и трансляции выступлений в прямом эфире – все было внове. Как и то, что всегда рядом с Горбачевым была его жена – красивая, подтянутая, элегантно одетая, с безукоризненной прической…

К ее постоянному пребыванию рядом с мужем общество отнеслось неоднозначно. В СССР не было традиции «первых леди» – со времен вдовствующего Сталина было принято женам первых лиц страны держаться в тени, не показываться на глаза публике. Раиса Максимовна стала первой, кто на это решился. И то в основном вынужденно: Горбачеву, взявшему курс на «европеизацию» своей политики, на официальных мероприятиях по протоколу полагалось иметь рядом супругу, и игнорировать требования международного дипломатического этикета он не

считал возможным. Раиса Максимовна с блеском справлялась с отведенной ей ролью: она, неизменно элегантная, одетая с безупречным вкусом, умеющая себя держать, покорила Запад, привыкший к тучным, неразговорчивым и безвкусно одетым женам прежних партийных лидеров (как писали западные журналисты, наконец среди руководителей СССР появилась женщина, которая весит меньше, чем ее супруг). Раиса Горбачева была одной из первых, кто показал миру настоящую русскую женщину: красивую, умную, любящую, преданную… Полюбили Раису Максимовну и в СССР – в ней увидели женщину, которая наконец сможет достойно представить свою страну за рубежом, женщину, которая стала символом освобождающегося от застоя и серости народа.

Конечно, Раиса Максимовна, как жена первого лица государства, работать уже не могла. Но и сидеть без дела ей было и неудобно, и непривычно. У жен глав государств на Западе традиционно было два главных занятия: благотворительность и культурные программы. В Советском Союзе самого понятия «благотворительность» не существовало, и Раисе Максимовне осталась культура. Тем более что в конце 1986 года представители культурной элиты СССР – среди них Дмитрий Сергеевич Лихачев и митрополит Питирим – выступили с инициативой создания неправительственной общественной организации – Фонда культуры, который должен был способствовать сохранению и подъему отечественной культуры. Обратившись за помощью и поддержкой к Раисе Максимовне, они обрели в ее лице самого активного сторонника. Хотя по Москве тогда ходили упорные разговоры, что Фонд создается исключительно «под Раису Горбачеву», председателем Фонда стал Лихачев, а Раиса Максимовна – рядовым членом Президиума. Однако именно благодаря ей Фонд стал тем, чем он стал. Одно ее имя способствовало росту доверия к новой организации. Она выбила помещение для Фонда, организовала издание журнала «Наше наследие», при ее активном участии проводились программы Фонда – «Новые имена», «Возвращение в Россию культурных ценностей, архивов и произведений искусства» и многие другие. Работа в Фонде культуры не только помогла Раисе Максимовне пережить расставание с наукой и работой, но и заметно улучшила отношение к ней в обществе.

Раиса Горбачева в обществе «Франция – СССР», апрель 1989 г.

Но вскоре любовь к ней стала остывать, переходя сначала в неприязнь, а затем и в ненависть. Вокруг Раисы Максимовны зароились сплетни: мол, она одевается у самых дорогих кутюрье, покупает свои туалеты на государственные деньги, ей делают дорогущие подарки… Она крутит мужем как хочет, постоянно звонит ему на работу в Кремль и говорит, что надо делать, все свои решения Горбачев принимает только с ее согласия… Анекдоты и частушки о ней расходились по всей стране. Людей

раздражал ее учительский тон, ровный голос, преподавательские, дидактические интонации; злили ее элегантные туалеты – в эпоху тотального дефицита она слишком выделялась на общем сером фоне. После землетрясения в Армении 1987 года Раису Горбачеву открыто упрекали в том, что на развалинах она появлялась слишком нарядно одетой – ее элегантный костюм и шубка смотрелись вызывающе на фоне смерти и развалин. Как сказала потом сама Раиса Максимовна, «никто не объяснил нам, что такое имидж. Конечно, мы наделали кучу ошибок». Со временем, почувствовав раздражение, которое она вызывала, Раиса Максимовна перестала ездить по СССР; она очень тяжело переживала нелюбовь к ней, не могла понять причин… А на Западе ее готовы были носить на руках. В 1987 году пять миллионов читательниц британского журнала «Woman's Own» назвали ее «Женщиной года».

В 1985 году госсекретарь США Джордж Шульц не мог поверить, что костюм мадам Горбачевой не был куплен в Париже. У знаменитого кутюрье Ива Сен-Лорана как-то спросили, не его ли работы наряды на мадам Горбачевой. Он ответил, что был бы счастлив, если бы мадам что-нибудь у него заказала, и даже сделал бы ей все бесплатно. Но все ее наряды были сшиты в Москве, в Доме моды на Кузнецком Мосту, модельером Тамарой Макеевой. Горбачева считала своим долгом носить вещи только отечественного производства. И не так много их было. Когда журналисты как-то засняли принцессу Диану в том же костюме, в каком она появлялась годом раньше, – был скандал; женщине такого положения не положено надевать один и тот же наряд два раза. А Раисе Максимовне приходилось – на многих фотографиях она в блузке с воротником-бантом любимого ею бордового цвета, в двубортном сером костюме в елочку, с одной и той же сумкой… Но она умела так подать себя, так сочетать вещи в ансамбле, что никто не смог обвинить Горбачеву в том, что ей не хватает нарядов. Между тем часто ей приходилось сдавать одежду в комиссионные магазины, чтобы на полученные деньги иметь возможность заказать новые вещи. Все ценные подарки Горбачевы сдавали в Гохран – а там были уникальные вещи, драгоценности, золотая сумочка ценой около миллиона долларов… Раиса Максимовна даже была вынуждена отказаться от посещения магазинов на Западе, потому что с нее отказывались брать деньги за покупки, а она не могла себе это позволить. Ее самоконтроль – в любых мелочах – поражал. «Нас с Михаилом Сергеевичем разглядывают под микроскопом», – часто повторяла она.

Раиса Максимовна строго делила свой гардероб на «внешний» – для зарубежных поездок – и «внутренний». Внутри страны она одевалась проще, сдержаннее, скромнее, реже меняла наряды, прекрасно понимая, что в такое тяжелое время недопустимо выглядеть слишком шикарно на фоне всеобщего дефицита.

С «внешним» гардеробом тоже не все сразу получалось. Не будучи поначалу вполне знакомой с дипломатическим этикетом, Раиса Максимовна не всегда имела в поездках наряды для всех

случаев. Как-то перед приемом Нэнси Рейган прислала ей записку, в которой сообщила, что она будет в вечернем платье. У Горбачевой платья с собой не было; подумав, она надела один из своих костюмов. Журналисты тут же написали, что мадам Горбачева переиграла миссис Рейган – деловой костюм на ней смотрелся лучше, чем элегантное платье на жене американского президента.

В одежде Раиса Максимовна предпочитала бордовый цвет, любила твид «в елочку», не боялась носить короткие – на уровне колена – юбки: у нее были красивые ноги. Пить предпочитала кофе эспрессо, коньяк «Хеннесси», грузинское красное вино. Любила хорошую парфюмерию – ее любимыми духами были «Champs-Elysees» от Guerlain. Ее прическа – деликатно окрашенные волосы, короткая стрижка, аккуратная укладка – смотрелась в высшей степени сдержанно и элегантно на фоне модных тогда буйных кудрей. Многие женщины в СССР, даже ругавшие «Райку», старались сделать себе такую же прическу, сшить такой же костюм… Во время, когда практически не было модных журналов, женщины узнавали о модных тенденциях по фотографиям Раисы Максимовны.

Раиса Горбачева на конгрессе по защите окружающей среды

Ложными были и слухи о том, что она руководит мужем: как говорила сама Раиса Максимовна, если бы люди знали, насколько Михаил Сергеевич упрям, насколько невозможно на него повлиять, – они бы так не говорили. Но того, что он всегда советовался с нею, – они и не скрывали.

Но говорить не переставали. Постепенно эйфория в обществе, вызванная началом перестройки, начала проходить, сменяясь раздражением и растерянностью. Тотальный дефицит, рост националистских настроений, потеря идеалов, инфляция – все это не способствовало любви к Горбачевым; «Мишку и Райку» все

громче и громче обвиняли в развале страны. И грянул август 1991 года…

О ГКЧП страна узнала утром 19 августа. Для семьи Горбачевых, которые проводили отпуск на даче в Форосе, в Крыму, все началось еще вечером 18-го. Назавтра они собирались вылететь в Москву, на подписание Союзного договора; Раиса Максимовна читала сигнальный экземпляр своей книги «Я надеюсь…» – своеобразная автобиография в интервью, исповедь Раисы Максимовны; книга должна была выйти через несколько дней… И тут внезапно отключились все телефоны, телевизор, радио… Гэкачеписты приехали в Форос и предложили Горбачеву подать в отставку. Когда он отказался и делегация уехала, все бывшие на даче оказались в полной изоляции. Домой не отпустили даже местных. Дачу окружили вооруженные люди, с моря появились военные корабли. У Михаила Сергеевича был с собой маленький приемник – по нему удалось услышать сообщение Би-би-си о создании ГКЧП и о том, что Михаил Горбачев в связи с болезнью не может выполнять свои обязанности… Горбачевы очень тяжело переживали и предательство бывших сторонников, и невозможность что-либо сделать. Перед входом в дом сидели ребята из охраны, поклявшиеся защищать их до конца. Ночью, запершись в дальней комнате, на видеокамеру засняли обращение Михаила Горбачева, пленки вырезали из кассет и раздали верным людям – в надежде, что, если случится самое страшное, хоть кому-то из них удастся передать запись в Москву. 21 августа по радио услышали сообщение: в Крым вылетает делегация с целью лично убедиться в болезни Горбачева. Раиса Максимовна поняла, что дальше может произойти все, что угодно, – ложь о болезни Михаила Сергеевича могут сделать реальностью. Она так переволновалась за мужа, что у нее произошел инсульт. А вскоре все уже было кончено…

Они покинули Форос в 11 часов 21 августа. Мир обошли кадры: из самолета выходят постаревший Михаил Горбачев в куртке, Раиса Максимовна в халате, с напряженным лицом, внучки, закутанные в плед… 72 часа в заключении ни для кого из них не прошли даром.

Через неделю Раиса Максимовна сожгла все письма, которые муж написал ей за их совместную жизнь. Она не хотела, чтобы кто-нибудь смог еще раз влезть в их личную жизнь.

Вскоре после августовских событий Горбачев ушел в отставку.

Их тут же выселили с дачи, даже не дожидаясь, пока Горбачев объявит о своей отставке в телевизионном обращении. Вместе с ним ушла и Раиса Максимовна – из советского Фонда культуры, сразу после августовских событий переименованного в Российский международный, из активной жизни, с глаз долой…

Раиса Горбачева на вечере ЮНЕСКО

Она стала просто женой. Заботилась о муже, как мечтала всю жизнь. Напоминала ему, когда принимать лекарства и какие у него назначены встречи; готовила пельмени, борщи, картошку. В прошлом остались элегантные наряды – в своей новой жизни она предпочитала брюки, свитера и спортивные куртки. Главным развлечением Горбачевых снова стали пешие прогулки – они

часами могли ходить и разговаривать. Она продолжала заниматься благотворительностью, но уже не на виду, никому ничего не говоря… Раиса Максимовна много занималась проблемой детской лейкемии – с 1990 года являлась патроном ассоциации «Гематологи мира – детям»; в фонд этой организации была перечислена половина Нобелевской премии Михаила Горбачева и гонорар за книгу Раисы Максимовны «Я надеюсь…». Именно благодаря ее усилиям процент излечения этого заболевания в России вырос с 7 до 70.

Когда в 1996 году Горбачев решил выставить свою кандидатуру на пост Президента России, Раиса Максимовна как могла отговаривала его: «Тебе и пикнуть не дадут! На телевидение тебе дорога закрыта!» Но все же сопровождала его во всех поездках – они объездили 22 российских региона. А противники снова полоскали ее имя, используя все ее прошлые грехи – как реальные, так и выдуманные – против Горбачева… Однако в этой поездке Раиса Максимовна поняла, что ей все же не хватает общественной деятельности. И в 1997 году она создала клуб для женщин, активных и успешных в жизни, который после некоторых споров назвали просто – «Клуб Раисы Максимовны». Этому клубу было суждено стать последним увлечением Раисы Горбачевой.

В 1999 году у Раисы Максимовны резко ухудшилось здоровье. Врачи поставили диагноз – рак крови. Свою помощь в лечении предложили канцлер Германии Герхард Шредер и президент США Билл Клинтон. Но решено было отвезти Раису Максимовну в Германию – до США могли просто не доехать.

Р.М. Горбачева в дни официального визита Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Великобританию, апрель 1989 г.

Обследование в клинике немецкого города Мюнстера подтвердило диагноз. Состояние Горбачевой расценили как «очень тяжелое» – болезнь оказалась в запущенном состоянии.

Трудно сказать, что вызвало болезнь – нервное напряжение в Форосе, поездка в Чернобыль вскоре после взрыва реактора или

переживания последних лет. Было ясно, что жить Раисе Максимовне осталось недолго. В Мюнстер вылетели ее дочь и внучки, Михаил Сергеевич находился с ней неотлучно. Приехала сестра Людмила – Раису Максимовну готовили к трансплантации костного мозга.

И тут российскую прессу как прорвало. Они вдруг обнаружили, что в немецкой клинике умирает не просто женщина, не бывшая ненавидимая «первая леди» – героиня анекдотов и сплетен, а женщина, которой страна обязана столь многим и которой дала столь мало. Ежедневно в клинику приходило по полтысячи писем и телеграмм со всего света. Читая статью в «Известиях» под названием «Леди Достоинство», Раиса Максимовна заплакала и сказала: «Неужели я должна умереть, чтобы заслужить любовь?»

Ей повезло. Она успела почувствовать любовь к себе еще живой и умереть любимой. Раисы Горбачевой не стало 20 сентября 1999 года. К гробу, выставленному в здании Фонда культуры на Пречистенском бульваре, стояла огромная очередь. На отпевании в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря все желающие проститься не поместились на территории монастыря. Раису Максимовну похоронили на Новодевичьем кладбище – как просил Михаил Сергеевич, ее похоронили там, где когда-нибудь должны похоронить его самого.

На поминках Михаил Сергеевич вспомнил старый анекдот: «Что такое половина Первого?» – «Жена Михаила Горбачева». С нею из его жизни ушла лучшая его половина.

Женское лицо Запада

От автора

Мир меняется с каждым днем. Меняются люди, города, темп жизни, меняются ценности и приоритеты, но знаменитые лица Западного мира по-прежнему привлекают к себе внимание каждого нового поколения, которое находит в них образцы для подражания, кумиров или просто близких по духу людей…

Это не сборник случайных статей. Это скорее портретная галерея; только вместо лиц – биографии. Очерки о знаменитых женщинах, которые ушли, но их судьбы продолжают волновать людей. Эти женщины, талантливые в искусстве и в жизни, умели не только творить, не только управлять людьми и их чувствами, но создавать Историю, изменять само Время. Великие «звезды» кино, перевернувшие представление о женской красоте, – Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Одри Хепберн, Мэрилин Монро. Писатели, выразившие Время, – Вирджиния Вулф и Франсуаза Саган. Гениальная эстрадная певица Эдит Пиаф и божественная Мария Каллас, чей голос покорял любителей оперы по обе стороны океана и чью блистательность оперной дивы удостоверили все самые прославленные певцы мира. Коко Шанель, которая навсегда осталась символом изысканного вкуса и элегантного в своем лаконизме стиля. Прославленная художница Фрида Кало, чье творчество восхищает не меньше, чем ее судьба. Картины Фриды Кало, поначалу забытые, были в восьмидесятые годы вознесены на вершину культурного интереса, а ее личность феминистки превратили в культ. Недавно прошедшая в галерее Нащокина выставка картин Кало ошеломила и вызвала огромный интерес у московской публики. Уоллис Симпсон, американка с на редкость некрасивым – но очень привлекательным – лицом, чья неправдоподобная судьба больше похожа на бульварный роман, чем на жизнеописание титулованной особы: она была дважды разведена, но сумела околдовать английского короля, выйти за него замуж и прожить с ним в полном согласии – вдали от родины – многие годы. Жаклин Кеннеди, Первая Леди США, покорившая сердца всех американцев, – на ее глазах убили ее мужа Джона Кеннеди; она познала всенародное

признание и повсеместное презрение, глубочайшее горе, зависть и забвение. Голливудская актриса Грейс Келли, которая смогла стать женой принца Монако и самой почитаемой женщиной не только в этой крошечной стране, но и в половине мира. Принцесса Диана, взорвавшая затхлый этикет Букингемского дворца, которая обрела титул, но так и не нашла любви, и в конце концов погибла в автокатастрофе в Париже. Все

они будут вызывать к себе интерес и любопытство, жалость и восхищение еще долгие годы.

Еще не одно поколение будет преклоняться перед Марлен Дитрих. Она создала свой образ, как маску, и носила эту маску-легенду всю жизнь. У нее были слава, молва, баснословные гонорары, непроницаемое лицо и фантастическое жизнелюбие. Она начинала в небольших берлинских театриках в 20-е годы – ее театральная карьера не задалась; но сыграв в фильме «Голубой ангел», поставленном Йозефом фон Штернбергом в 1930 году, она стала несравненной Марлен, чье лицо было известно миллионам и чьи ноги были признаны красивейшими в мире. Наименее разговорчивая звезда звукового кино, она была искусной мастерицей молчаливого диалога. Никто не умел так смотреть партнеру в глаза – сквозь него – и не замечать. Ей был свойственен особый взгляд в туманную даль, и загадку пленительного взгляда Марлен не могут разгадать до сих пор.

Мне посчастливилось – я видел ее в 1964 году на концерте в Москве, в Театре эстрады. Она выплыла из-за кулис – в своем легендарном платье, на которое было накинуто трехметровое белоснежное манто, – настоящая западная «звезда», которых в СССР никогда не видели. Она сбросила манто и, стоя на своих прекрасных неутомимых ногах, полуулыбаясь пела песенки о том, как надо мужественно жить. Она пела неагрессивно, негромко, почти без мелодии, словно припоминая что-то. Голос был резковат и глуховат, но сравниться с нею было невозможно. Она до конца своих дней осталась все той же неповторимой Марлен. В ней была сила и обольстительное высокомерие. Ее давно уже нет, но до сих пор выходят книги, статьи, альбомы ее фотографий, и все новые поколения находятся во власти ее прекрасного лица, ее неповторимого стиля – во власти женщины, которой уже нет и больше никогда не будет.

Человек ведь, в сущности, сам избирает свою судьбу, но не всегда он властен справиться с ней. Ведь, как писала Майя Туровская, «судьба делает его общественным достоянием – если она отчуждает его личность в мифе, в сказке для миллионов».

Хорошо, если хватает воли, характера, независимости, чтобы сохранить себя в неприкосновенности и уйти, оставив после себя прекрасную легенду, – но так получается далеко не у всех. Мэрилин Монро вознеслась на вершину, принеся с собой свою беззащитность и надлом, но на нее надели, словно маску, образ секс-бомбы, что в конце концов и погубило ее. А гениальная Грета Гарбо в 36 лет покинула экран в расцвете красоты, славы, великого таланта, оставив потомкам свою великую загадку. Ее личная жизнь никогда не была достоянием гласности, ее уход из

кино остался ее собственной тайной, и мало кто знает ее дальнейшую жизнь. Даже сегодня, когда раскрытие интимной жизни «звезд» стало нормой дня, превратилось в доходнейший бизнес, в отвратительную привычку. Но Гарбо осталась легендой – великой актрисой, и ничего не изменилось и после ее смерти. Она была и осталась самой притягательной «звездой» мирового кинематографа..

Жизнь складывается причудливо не только у тех, кто возносится к вершинам власти или обретает славу на киноэкране.

В 2004 году в маленьком городке Онфлер на севере Франции, недалеко от Довиля, в возрасте 69 лет умерла знаменитая писательница Франсуаза Саган. Умерла измученная, полуразрушенная, почти без средств к существованию. Я встречался с нею – это была одна из самых умных женщин, которых я знал. И, может быть, именно поэтому – одна из самых несчастливых. Она похоронена в маленькой деревушке Сезак рядом с городком Кажарак, в котором она родилась.

Эдит Пиаф вызывала восторг и преклонение публики в 1940 – 50 е годы, французы буквально боготворили ее. И Саган причастна к той звездной легенде, которой человечество подпитывает свое воображение. Ей было всего девятнадцать лет, когда был напечатан ее первый роман «Здравствуй, грусть!». И в 1954 году Хемингуэй получил Нобелевскую премию, Симона де Бовуар – Гонкуровскую, а Франсуаза Саган – Премию критиков. Кстати, первым эту премию получил после войны Альбер Камю. «Может быть, мы имеем дело с наследницей порочного гения Колетт?» – спрашивал Франсуа Мориак. Ее легкий, меланхоличный тон, выражающий настроение неприкаянной юности, ее мягкая горечь покорили Францию. Роман быстро перевели на множество языков, и вскоре уже весь мир был во власти молоденькой девушки, случайно, как ей казалось, оказавшейся на литературном Олимпе. Ее одолевали собственные демоны, а каждый новый ее роман становился событием. Еще при жизни ей

было посвящено шесть монографий, и интерес к ней резко увеличился после ее смерти. Стало привычным писать о ее романах, о ночах в казино, о дорогих машинах, на которых она носилась с бешеной скоростью, о ее увлечениях алкоголем и наркотиками. Она ушла из жизни, оставив после себя разнообразную память, но судя по тому, как мир встретил ее смерть, имя Франсуазы Саган – как и имена других героинь этой книги, – отличает чистое свечение, которое не скоро потускнеет. За свое непрочное счастье они платили высокую цену, но в любых испытаниях оставались личностями великого масштаба,

знающими, что есть честолюбие, великодушие и отчаянный драматизм. Влюбленное отношение к жизни они пронесли через годы, сохранив для нас значение недосягаемых образцов.

Мария Склодовская-Кюри

ПЕРВАЯ

Мария Кюри – одно из самых уважаемых имен в истории науки. Первая женщина – лауреат Нобелевской премии, первый дважды лауреат Нобелевской премии, автор открытий, которые изменили историю двадцатого века. Ни одна женщина за все время существования человечества не прославилась на ниве науки так, как Мария Кюри. И все же многие спорили, чему же была она обязана своей популярностью и своими открытиями: удаче, которая сопутствовала ей и помогала оказываться в самой гуще научных проблем? Упорному труду? Или – гениальности и свободе мышления настоящего ученого?

В ее жизни было много и труда, и удачи, и мысли. Но было много и любви, страданий, нищеты и счастья.

Мария Склодовская родилась 7 ноября 1867 года в Варшаве, которая тогда входила в состав Российской империи. Она была пятым – младшим – ребенком в семье Иосифа Склодовского, преподавателя физики и математики, и его жены Бронислава, когда-то директора гимназии. В семье еле сводили концы с концами: мать медленно умирала от туберкулеза, и отец надрывался, пытаясь заработать на лечение жены и на проживание себе и детям. Ради денег Склодовские сдавали часть дома пансионерам – детям из пригородов, которые приезжали в Варшаву на учебу, – поэтому в доме всегда было тесно и шумно. Маня спала в столовой, и рано утром ее будили, потому что

пансионерам надо было завтракать, а клали спать поздно, когда все они поужинают, закончат работу и угомонятся. Когда Мане было одиннадцать лет, умерли ее мать и старшая сестра; однако отец

постарался сделать все, чтобы оставшиеся сиротами дети не замкнулись в себе, не потеряли веру в жизнь. Он всегда оставался им верным другом, опорой и советчиком. Один за другим заканчивали его дети гимназию, и все – с золотыми медалями; не стала исключением и Маня, с ранних лет отличавшаяся любознательностью и тягой к знаниям. Великий химик Дмитрий Иванович Менделеев, друг Иосифа Склодовского, увидев однажды Маню за занятием химией, предсказал ей великое будущее ученого.

После сдачи выпускных экзаменов Иосиф отправил Маню на целый год к родственникам в деревню – это были единственные каникулы в ее жизни, единственный год без забот и учебы. Она писала подруге: «Мне не верится, что существует какая-то геометрия и алгебра. Я совершенно их забыла».

В те годы в Варшавском университете могли учиться только мужчины; оплачивать обучение дочерей за границей Иосиф Склодовский не мог – недавно он обанкротился, вложив все свои сбережения, 30 тысяч рублей (очень большая по тем временам сумма), в мыльный пузырь, который лопнул, оставив его и его семью без гроша. Не имея возможности продолжить образование, Маня стала зарабатывать уроками, мотаясь по всей Варшаве и получая за это гроши. Было ясно, что этот труд бесперспективный и неблагодарный, и к тому же может в короткий срок превратить ее в развалину. Тогда Маня придумала решение: подсчитав все заработанные деньги, она предложила своей сестре Броне, которая мечтала о медицинском образовании, поехать учиться в парижскую Сорбонну. Сама Маня будет работать и присылать ей деньги на оплату учебы. А когда Броня выучится и встанет на ноги, она сможет помочь Мане. Может быть, это была и не лучшая идея, но другого выхода не было. Броня уехала в Париж.

Мария нашла себе место гувернантки в семье богатых помещиков с оплатой, бесплатным проживанием и столом. В их деревенском имении под Варшавой Мария безвылазно прожила вдали от родных три года. Хозяева ее не уважали; единственной радостью были учебники и книги, которым Мария отдавала каждую свободную минуту. Она определилась – больше всего ей интересны физика и математика, и на их изучение Мария бросила все свои силы.

Однако именно в это безрадостное время в нее влюбился сын хозяев, студент Казимеж, и она ответила ему взаимностью.

Молодые люди собирались пожениться, но его родители, конечно, воспротивились: Мария была умной и обаятельной, но бедной.

Гувернантка – не пара их сыну, наследнику семейной усадьбы и родовой чести. Для Мани – гордой, как все поляки, – это стало трагедией. Она надолго замкнулась в себе, зарекшись обращать внимание на мужчин.

Конечно, после разгоревшегося скандала Мане пришлось уехать – в марте 1889 года она вернулась в Варшаву, где снова начала репетиторствовать.

Наконец пришло письмо от Брони: она выходила в Париже замуж за своего коллегу Казимежа Длуского и приглашала Маню к себе. Собрав деньги на билет, Маня в 1891 году приехала в Париж. Ей было уже 24 года, гимназию она окончила восемь лет назад; за это время многое забылось, а наука уже шагнула далеко вперед. Но Маня не отчаялась. Поступив на факультет естественных наук Сорбонны, она занималась с небывалым упорством, отказавшись от отдыха и развлечений. Первоначально Маня поселилась у сестры с мужем, но оттуда пришлось съехать – собиравшиеся у них друзья мешали ей заниматься. Маня сняла комнату неподалеку от университета. Экономить приходилось на всем: в ее комнате не было отопления, воды, денег не хватало и на освещение, Марии приходилось таскать на шестой этаж дрова и ведра с водой. Не всегда было даже на еду. Однажды она упала в голодный обморок на глазах у зашедшего в гости зятя – так что тому пришлось подкармливать невестку. Ничто не могло отвлечь Марию от учебы: один за другим она прошла курсы математики, химии, физики, изучила технику исследований и принципы анализа. Про развлечения и личную жизнь она, кажется, совершенно забыла: как писала Маня подруге в Варшаву, свои планы по созданию семьи она «погребла, замкнула, запечатала и забыла»; отныне и навсегда Мария Склодовская решила посвятить себя науке.

Несмотря на первоначальное отставание от остальных студентов, Мария смогла закончить курс университета экстерном и в числе самых лучших учеников. В 1893 г. Мария получила степень по физике (что эквивалентно званию магистра), а через год – по математике. Однако за время учебы она, кроме редкостного прилежания и упорства, не запомнилась ничем выдающимся. Ее время было еще впереди.

Весной 1894 года Марии Склодовской наконец улыбнулась удача, и ее жизнь навсегда определилась. Она встретила Пьера Кюри, рядом с которым она состоится и как женщина, и как ученый. Произошло это вполне случайно: Мария искала лабораторию для проведения своих экспериментов, и муж ее

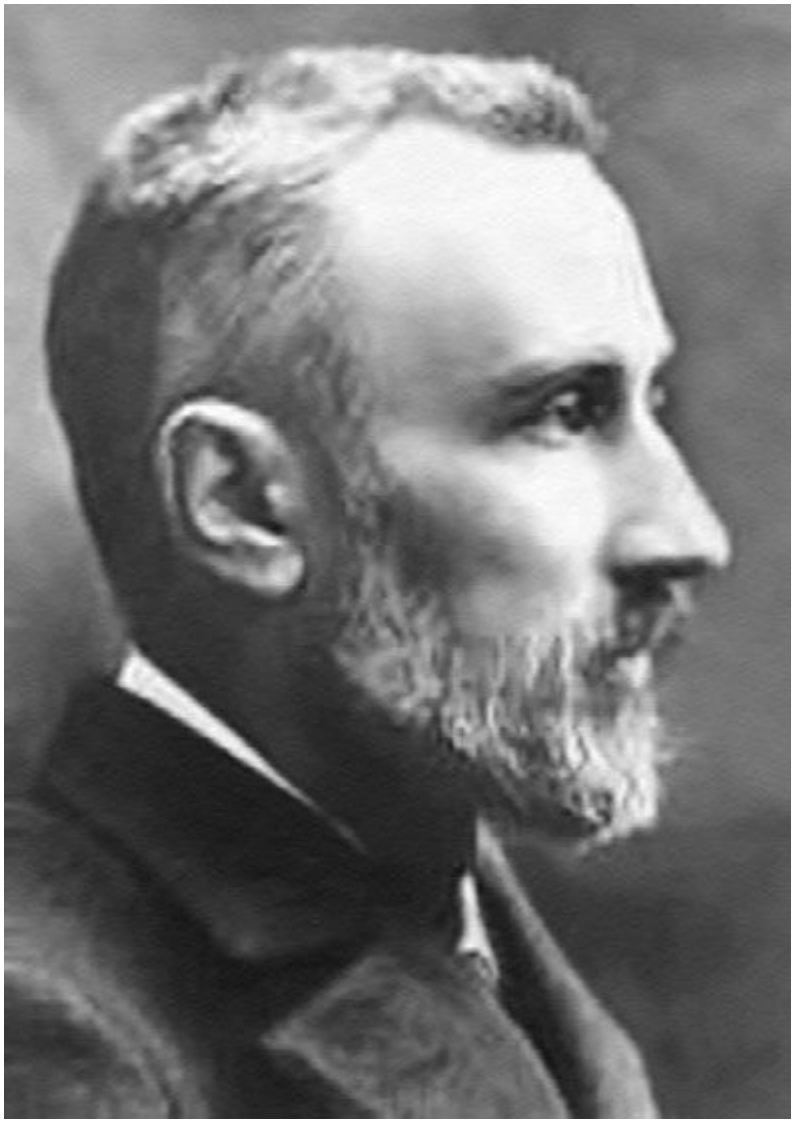
подруги Юзеф Ковальский пообещал познакомить Марию со своим приятелем, молодым ученым Пьером Кюри, у которого может найтись подходящее помещение в Школе физики и химии, где тот преподавал.

Мария Склодовская

Склодовская так описала свои впечатления от первого знакомства с Пьером: «Войдя в комнату, я увидела молодого человека высокого роста с каштановыми волосами и большими

светлыми глазами. Его лицо было серьезным и симпатичным, а легкая неухоженность в его крупной фигуре выдавала мечтателя, поглощенного своими мыслями. Меня поразило выражение его ясного взгляда и легкий оттенок непринужденности в осанке его высокой фигуры. Его речь, несколько медленная и обдуманная, его простота, улыбка, одновременно серьезная и юная, внушали доверие». В то время Пьеру Кюри, талантливому ученому-исследователю, было тридцать пять, и он – как и Мария – предпочел науку семейной жизни. Он происходил из эльзасской протестантской семьи потомственных врачей, в шестнадцать лет получил степень бакалавра естественных наук, а в двадцать четыре – пост руководителя практических работ в парижской Школе физики и химии.

Пьер был очарован Марией – хрупкой, белокурой, обаятельной, и к тому же, как и сам Пьер, страстно увлеченной наукой. Мария и Пьер часто встречались на конференциях и в Научном обществе, на диспутах и в лаборатории. Они часами гуляли по окрестностям Парижа, ведя долгие беседы, причем не только о науке. Пьер был поражен целеустремленностью и образованностью Мари; под ее влиянием и при ее поддержке Пьер Кюри опубликовал свою докторскую диссертацию, закончил и оформил несколько работ по магнетизму. Если сначала их объединяла только наука и стремление к знаниям, то вскоре дружба переросла во взаимную любовь. Правда, поначалу Мария, которой было уже двадцать шесть лет, долго не соглашалась выйти замуж за Пьера: по ее мнению, семейная жизнь может помешать им обоим в научных изысканиях, будет отвлекать от работы; кроме того, выйти замуж за француза – значило в ее глазах предать родную Польшу, патриоткой которой Мария Склодовская была всю жизнь. Но Пьер был настойчив, и в конце концов Мария согласилась. 26 июля 1895 года, на следующий день после защиты Пьером докторской диссертации, они заключили брак.



Пьер Кюри

На деньги, подаренные им родными, молодые купили два велосипеда и на них совершили свое свадебное путешествие по деревням Иль-де-Франс. Вернувшись, Кюри сняли свое первое совместное жилье – маленькую трехкомнатную квартиру на улице Гласьер, неподалеку от Школы физики. Мебель подарили родители; на прислугу не было денег. Мария, как могла, занималась хозяйством, выкраивая на домашние хлопоты время между научными экспериментами и написанием работ. Супруги составили на редкость гармоничную пару, между ними не было места для ревности и зависти к успехам. Как писала сама Мария: «Наши интересы во всем совпадали: теоретическая работа,

исследования в лаборатории, подготовка к лекциям или экзаменам. За одиннадцать лет нашей жизни мы почти никогда не разлучались… Дни отдыха и каникулы посвящались прогулкам пешком или на велосипедах либо в деревне в окрестностях Парижа, либо на побережье моря или в горах».

В самом начале 1897 года Мария оказалась беременной. Счастливый Пьер счел, что Марии следует отдохнуть – и от физических нагрузок, и от науки. Он отправил Марию в Пор-Блан; супруги разлучились в первый и последний раз. Они переписывались каждый день. Когда Мария была уже на восьмом месяце, Пьер наконец смог вырваться к ней; они предприняли совместную велосипедную поездку в Брест. Но здоровье Марии потребовало срочного возвращения в Париж, где 12 сентября Мария родила дочь Ирен. Роды принимал дедушка новорожденной – отец Пьера. Буквально на следующий день Мария, не прекращая заботы о дочери, вернулась к научной работе – вслед за мужем она продолжала исследования в области магнетизма.

Наконец, было решено, что и Мария должна написать докторскую диссертацию. В поисках темы Мария наткнулась на исследования Анри Беккереля об излучениях урана. Тема была совершенно новой, неизученной – и очень интересной. Мария еще не подозревала, что это была следующая счастливая случайность – исследованиям радиоактивности суждено будет стать эпицентром научных интересов двадцатого века, а супругам Кюри – пионерами в этой области.

Мария и Пьер Кюри после свадьбы

Мария Кюри начала свои исследования. Лабораторией ей служило помещение, где раньше была мастерская, она же склад, холодное и весьма скупо оборудованное. Мария методично изучала образцы, содержащие уран и торий, – пока однажды не установила, что некоторые результаты отклоняются от ожидаемых. Склодовская, проявив завидную научную интуицию и смелость, предположила, что в образцах содержатся новые, доселе неизвестные радиоактивные вещества. Для подтверждения ее теории оставалось только выделить эти вещества, изучить и описать. Под влиянием жены Пьер оставил свои исследования в области физики кристаллов. В июле и декабре 1898 года супруги Кюри объявили об открытии двух новых элементов, которые были

названы полонием (от латинского названия Польши – дань уважения родине Марии) и радием.

Четыре года супруги Кюри потратили на то, чтобы выделить радий из руды. Денег не было ни на приличную лабораторию, ни на наем лаборантов. Пока Пьер занимался опытами – на устаревшем оборудовании, в холоде и сырости, – Мария взяла на себя самый тяжелый труд: переливала жидкости из одного сосуда в другой, часами мешала в чугунном тазу кипящую массу. Всего за время исследований она обработала – вручную, голыми руками – восемь тонн радиоактивной руды! И это при том, что на Марии лежала забота о дочери и их доме на бульваре Келлерман, где они после рождения Ирен поселились вместе с отцом Пьера. Поскольку денег не хватало, Мария с 1900 года начала читать лекции по физике в Севре, в учебном заведении, готовившем учителей средней школы.

Супруги Кюри в лаборатории

Работа продвигалась медленно; силы супругов таяли. Когда основная часть работы была закончена – оставалось только провести последние опыты, но для этого требовались дорогие приборы, которых не было, – Пьер сдался. Он стал уговаривать жену подождать, остановиться, передохнуть… Она не послушалась; продолжив свой титанический труд, в 1902 году она выделила из нескольких тонн урановой руды один дециграмм чистого радия – белого блестящего порошка; с пробиркой, в которой были заключены первые полученные кристаллы, Мария Кюри не расставалась потом всю жизнь и завещала ее Институту радия в Париже. О том вреде, который приносят радиоактивные

вещества, тогда никто даже не догадывался.

Супруги Кюри моментально прославились. Радий казался человечеству панацеей от всех бед – от энергетического кризиса до раковых опухолей. Несмотря на сложное финансовое положение, Кюри не стали получать патент на свое изобретение, предпочтя подарить его человечеству. Со всего света им поступают предложения и награды: французская Академия наук отпустила кредит на выделение радиоактивных веществ, строятся первые заводы по выработке радия промышленным способом для лечения онкологических заболеваний. В доме на бульваре Келлерман толпятся журналисты, все издания – от узконаучных альманахов до дамских журналов мод – считают своим долгом взять интервью у Пьера Кюри и его супруги по любому вопросу. В 1903 году Кюри приглашают в Лондон, где им вручили престижную медаль Дэви, а в декабре они узнали о том, что их работа была удостоена высшей научной награды – премии Нобеля. Они получили премию в области физики за исследования явлений радиации, разделив награду с Беккерелем. Мария стала первой женщиной, удостоенной такой чести. Как она писала, «присуждение Нобелевской премии было для нас важным событием ввиду престижа». Но ни Мария, ни Пьер из-за болезни не смогли прибыть на вручение премии, получив ее только следующим летом.

Помимо престижа, Нобелевская премия представляет собой еще и огромную денежную сумму. Даже разделенная пополам с Анри Беккерелем, она позволила супругам Кюри решить все их проблемы. Пьер смог оставить преподавание – свою должность в Школе физики он передал своему ученику Полю Ланжевену – и отдаться исследованиям. Стало возможным купить необходимое оборудование, нанять персонал. В октябре 1904 года Пьер Кюри был назначен профессором физики в Сорбонне, а еще через месяц Мария официально получила пост заведующей лабораторией.

Она была снова беременна – вторая дочь Кюри Ева родилась уже в декабре. В будущем Ева станет превосходной пианисткой, много сил отдаст изучению и сохранению памяти своих родителей.

Наконец жизнь Кюри устроилась; они жили счастливо и радостно, деля свое время между детьми и наукой, пока все не рухнуло в один день – 19 апреля 1906 года. Пьер Кюри, как обычно, вышел из дома на службу – и погиб под колесами конного экипажа. В один миг Мария потеряла мужа, единомышленника, друга… Ей было тридцать восемь лет, у нее на руках – свекор, двое маленьких детей и незаконченные исследования. Как она пережила смерть мужа, каких трудов ей это стоило – не знает никто. В дневнике она записала после похорон: «Пьер, мой Пьер, ты лежишь там… Гроб заколочен, и я тебя не вижу. Я не допускаю накрыть его ужасной черной тряпкой. Я покрываю его цветами и сажусь рядом… Пьер спит в земле последним сном, и это конец всему, всему, всему…»

Надо было учиться жить заново – без Пьера. Мария Склодовская отказалась от полагающейся ей пенсии от Министерства общественного образования: «Я еще достаточно молода, чтобы заработать на жизнь себе и дочерям». Она отказалась от торжественных похорон, решив провести их в узком семейном кругу; известного политика Аристида Бриана, как и министра общественного образования, которые высказали пожелание присутствовать на церемонии, она согласилась допустить только как частных лиц; никаких журналистов, никаких любопытных. Это было ее личное горе…

«Его любовь была превосходным даром, верная и самоотверженная, полная ласки и заботы. Как хорошо было быть окруженной этой любовью и как горько было потерять ее!» – писала она в своих воспоминаниях. От смерти мужа Мария оправилась еще очень не скоро; а ее дочь Ирен вспоминала: «По существу, она так никогда и не утешилась и не смирилась». Еще много лет Мария в своих дневниках обращалась к Пьеру, все ее исследования были посвящены ему.

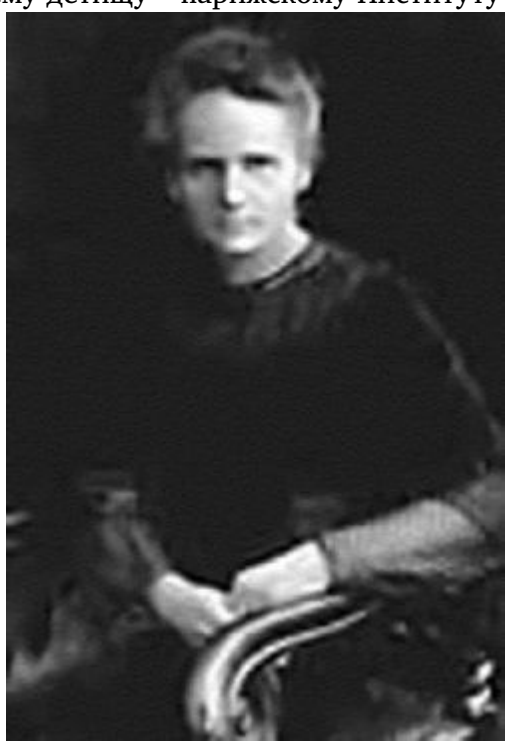
После смерти Пьера Марию спас только сильный характер и работа. Она приняла на себя кафедру физики в Сорбонне, которую раньше занимал Пьер. По традиции, курс лекций полагается начать со слов благодарности в адрес предшественника. Мария Склодовская начала со слов: «Когда стоишь лицом к лицу с успехами, достигнутыми физикой…» – с той самой фразы, на которой закончил свою последнюю лекцию Пьер Кюри. Проглотив слезы, она продолжала свое выступление…

Мария Склодовская-Кюри стала первой женщиной-профессором во французской высшей школе. В Сорбонне она

читала единственный в мире курс по радиоактивности – и это в то время, когда во многих странах женщинам запрещено было даже учиться в университетах, а преподавать им разрешали исключительно дома или в учебных заведениях для девочек. В 1910 году Марию Склодовскую даже выдвинули кандидатом в члены французской Академии наук – Пьер Кюри был избран туда в 1905 г. Но поднявшийся вокруг этого антифеминистский скандал не позволил Марии войти в число «бессмертных» – членов Академии. За свою жизнь она стала членом многих зарубежных академий, но только не французской.

Мария ни на день не прекращала своих исследований. В 1911 году она – уже одна – получила вторую Нобелевскую премию, на этот раз в области химии, за исследование свойств металлического радия, который она выделила в 1910 г. в сотрудничестве с Андре Дебирном. Ее старшая дочь пошла по стопам матери; в 1935 году Ирен Жолио-Кюри, вместе со своим мужем Фредериком Жолио, тоже получит Нобелевскую премию за открытие искусственной радиоактивности.

Во время Первой мировой войны Мария создала первые передвижные рентгеновские установки для полевых госпиталей – они монтировались прямо в грузовике. С августа 1914 года такой грузовик начал ездить между госпиталями, спасая жизни солдат. После войны она продолжила свою научную работу, отдавая много сил своему детищу – парижскому Институту радия.



Ее энергия не уменьшалась, ее слава не утихала. Словно кинозвезду, Марию Кюри постоянно приглашали на приемы; правда, она старалась бывать на них как можно реже. Как писала Ирен Жолио-Кюри, «тот факт, что мать не искала светских связей, иногда считают свидетельством ее скромности… Я полагаю, что это скорее как раз обратное: она очень верно оценивала свое значение и ей нисколько не льстили встречи с титулованными особами или с министрами. Мне кажется, она была довольна, когда ей довелось познакомиться с Редьярдом Киплингом, а то, что ее представили королеве Румынии, не произвело на нее никакого впечатления». Мария Склодовская никогда не ограничивала свои интересы только наукой: она любила поэзию, с удовольствием читала классическую литературу, в свободное время много гуляла или работала в саду. По воспоминаниям Ирен: «Она любила природу и умела наслаждаться ею, но только не созерцательно. В саду она занималась цветами, в горах любила ходить, останавливаясь, конечно, иногда, чтобы отдохнуть и полюбоваться пейзажем. Но ей не доставило бы никакого удовольствия провести день в кресле перед великолепной панорамой». Всю свою жизнь Мария Кюри была деятельной; работу свою она любила больше всего, а точнее – работу и семью. Одной из своих поклонниц, которых у нее было множество – экзальтированные девушки ходили за нею по пятам и выспрашивали способы стать такой же знаменитой и умной, как она, – Мария сказала: «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую вела я. Я отдала много времени науке потому, что была увлечена ею, потому что мне нравились научные исследования… Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, – это простой семейной жизни и работы, какая их интересует».

Осенью 1933 года здоровье Марии резко ухудшилось – сказались годы работы с радиоактивными веществами. Когда-то Мария стыдливо прятала свои обожженные во время опытов руки, потом у нее начали выпадать волосы, силы уходили… Она так и не поняла, что причиной тому была радиоактивность; о вреде излучения заговорили только в 1945 году, после того как первые атомные бомбы были сброшены на японские города. Но в этом не было вины ни Марии Склодовской, ни ее мужа. Они хотели спасти человечество, и они не виноваты в том, что кто-то придумал, как применить их открытие для массового убийства. Она отдала всю себя науке, веря, что человечество способно «извлечь из новых открытий больше блага, чем зла». Борьбе с использованием атома в военных целях посвятила свою жизнь их

дочь Ирен Жолио-Кюри, ставшая не только замечательным ученым, но и известным правозащитником, членом многих антивоенных организаций.

Мария Склодовская-Кюри скончалась 4 мая 1934 года от злокачественной анемии, вызванной перерождением костного мозга под действием радиоактивного излучения. Таким образом, она стала первым человеком, умершим от облучения.

Через шестьдесят лет она вновь соединилась со своим мужем – останки Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри были перезахоронены в парижском Пантеоне. Отныне и навсегда они рядом – в смерти и в истории.

Коко Шанель

ВЕЛИКАЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ

Имя Коко Шанель давно уже перестало быть просто именем. Оно – символ элегантности, вечной классики и женственности; оно – торговая марка, ежегодно приносящая многомиллионные прибыли. Оно – предмет культа, обожания и уважения многих и многих искусствоведов, коллекционеров и простых женщин, прекрасно знающих, что такое «стиль Шанель» и что он никогда не выйдет из моды, потому что он выше моды. Шанель сделала простоту роскошной, изящество – лаконичным, сексуальность – свободной. Маленькое черное платье, жакет без лацканов, нитка жемчуга и вечный, самый желанный и самый легендарный запах «Шанель № 5» – вот те вечные ценности, которые завещала потомкам Великая Мадемуазель. Она оставила на память о себе Новую Женщину – но постаралась стереть из человеческой памяти саму себя.

Коко Шанель так часто лгала о своем прошлом, что кажется, сама начала верить собственным выдумкам. Отец – владелец виноградников, виноторговец, обладающий вкусом к красивым вещам и изысканной чистоте; мать – его верная подруга во всех делах, красавица и умница; братья и сестры, которые любили Коко и были любимы ею; две тетушки, которые воспитали ее; детское прозвище, данное ей отцом и ставшее ее именем и торговой маркой, счастливое детство и трудный путь, приведший

Шанель на самую вершину успеха. Правдой из этого было одно – Коко действительно работала как каторжная и она действительно оказалась на вершине.

Коко так ненавидела свое детство, что старалась лишний раз не вспоминать о нем, а если вспоминать приходилось – лгала. Она боялась, что если кто-нибудь узнает правду о ее происхождении – ее влияние рухнет. Действительно, могли ли богатые и знатные клиентки Дома Шанель продолжать с той же безоговорочной преданностью относиться к Коко, если бы знали, что она – незаконнорожденная?

Габриэль Шанель, 1909 г.

Ее отец, Альбер Шанель, потомок разорившихся крестьян и сын бродячего торговца, соблазнил Жанну Деволь и, несмотря на появление у них дочери Жюли, не женился на ней. Однако он продолжал жить с Жанной, и меньше чем через год у них родилась вторая дочь, крещенная как Габриэль. Это случилось 19 августа 1883 года в городе Сомюре. Потом у Шанелей появятся

еще дочь Антуанетта и два сына – Альфонс и Люсьен; а свидетельства о браке так и не будет.

Когда Габриэль было двенадцать, ее мать, которой было всего тридцать три года, умерла – от астмы, истощения и холода. Отец, не имевший ни средств, ни желания ухаживать за детьми, сдал старших в монастырский приют, а младших – на попечение родственников. В приюте Габриэль кричала воспитанницам: «Я не сирота! Меня скоро заберут!» Но скоро не получилось. Только в семнадцать лет – возраст, когда все девушки покидали приют, – Габриэль приехала в городок Мулен, где еще два года обучалась в пансионе Пресвятой Богородицы. К счастью, здесь вместе с нею училась и ее родная тетя Адриенна Шанель, ровесница Габриэль. Девушки моментально подружились и остались подругами на многие годы – по сути, Адриенна была одной из немногих подруг Габриэль, которая знала о ней практически все.

Благодаря церковному образованию Габриэль умела не только читать и писать – чего никогда не умела ее мать и другие родственники, – но и превосходно шить. Кроме того, монастырь – своим образом жизни и архитектурой – навечно привил Габриэль любовь к чистоте, простоте и строгости линий, отвращение к любым излишествам.

После окончания пансиона Габриэль и Адриенна нашли работу в трикотажном магазине «Приданое для новорожденных», где шили не только одежду для малышей, но и вещи для их старших сестер и матерей. Габриэль и Адриенна быстро завоевали уважение владельцев – шили они прекрасно, аккуратно и с фантазией. Обретя клиентов, девушки начали работать самостоятельно; свободы было больше, денег меньше, но свобода была дороже. Дело в том, что девушки завязали знакомства среди офицеров расквартированного в Мулене полка конных стрелков и посещали с ними «Ротонду» – местный кафешантан. Здесь Габриэль с успехом – вызванным, правда, больше ее красотой, чем голосом, – исполняла несколько песенок. Особенно часто просили «Кто видел Коко у Трокадеро?» – офицеры скандировали «Коко, Коко!», пока Габриэль не выходила на сцену. Так Коко стало ее именем. Правда, сама Шанель впоследствии всегда говорила, что Коко – цыпленком – ее называл отец.

Коко и Адриенна пользовались большим успехом – обе красавицы, хоть и разного типа (Коко – пикантная миниатюрная брюнетка, Адриенна – статная, с правильными чертами лица, больше похожая на принцессу, чем на крестьянку), обаятельные и общительные. Но надо заметить, что в то время пользоваться успехом – значило проводить время в обществе какого-нибудь мужчины (или нескольких), ходить с ним в кафе и на прогулки –

но не больше. Первым любовником Габриэль стал Этьен Бальсан, веселый и щедрый офицер, заядлый лошадник. Получив от родителей большое наследство, Этьен вышел в отставку и уехал в Руайо, где купил замок, намереваясь заняться разведением племенных лошадей и скачками. Перед его отъездом Коко спросила: «А ученица тебе не нужна?» – и Этьен увез Коко с собой.

В его замке царила атмосфера веселого безделья; говорили только о лошадях, интересовались только скачками, выезжали только на бега. Коко, не желая отстать от своих новых друзей, занимается верховой ездой, заказав для своих тренировок у местного портного мужские бриджи и узкую ленту на голову вместо принятой вуали. Портной был в ужасе, зато Коко прекрасно научилась ездить верхом, сэкономив на полагающейся для таких случаев «амазонке» и высоких сапогах. Этьен восхищался упорством и успехами Коко, но признать ее своей «официальной любовницей» не спешил. Тогда Коко нашла ему замену – англичанина Артура Кейпела по прозвищу Бой. Кейпел владел несколькими угольными шахтами в Ньюкасле и с успехом вел торговлю с Францией. В отличие от Этьена Бой поддержал Коко в ее стремлении вырваться из низов, работать и заработать, – и помог ей открыть шляпный магазин.

Коко и Адриенна Шанель перед витриной магазина в Довиле

Этьен отдал под магазин Коко свою холостяцкую квартиру, Бой помог с деньгами – и вскоре бутик новой модистки открыл свои двери. Первыми клиентками были многочисленные

подружки Этьена и его приятелей. Оригинальные, ни на что не похожие шляпки Коко, такие простые и одновременно такие вызывающие, привлекали к их владелицам всеобщее внимание – и тем самым привлекали новых покупателей. Круг клиентов быстро расширялся, шляпы у Коко стали заказывать актрисы и знаменитые кокотки. Но неугомонной Шанель довольно быстро наскучило быть просто модисткой, делающей головные уборы к чужим платьям, и она, заняв денег у Боя, ставшего ее официальным любовником и покровителем, в 1910 году открыла в доме № 21 на улице Камбон ателье под вывеской «Моды Шанель». В ателье ей помогали выписанные из Мулена Адриенна и младшая сестра Антуанетта.

В жизни Коко это был период счастья. Она любила и была любима, ее работа приносила плоды, а магазин – доход. Кейпел, о котором Коко впоследствии не раз говорила, что любила только его и что он был единственным человеком, созданным специально для нее, имел широкий круг интересов и еще более широкий круг знакомств. Благодаря ему Коко вошла в прежде недосягаемые для нее слои общества, познакомилась с самыми известными актерами, художниками, негоциантами и политиками. Для ее моделей открывалась еще более широкая перспектива – видя перед собой Коко и Адриенну, таких привлекательных и таких необыкновенных в их невиданных нарядах, многие захотели одеваться так же. Магазин на улице Камбон уже не справлялся с потоком заказов, и в 1913 году Шанель открывает второй магазин – в Довиле, курортном городке, самом модном месте Франции после Парижа.

Стоило Коко появиться на улицах Довиля – в платье свободного покроя с открытым воротом, в своеобразной шляпке, в туфлях с круглыми носами и на низком каблуке, – успех ее бутику был обеспечен. Ведь все дамы ходили в высоких ботинках, которые можно было застегнуть только с помощью специального крючка, в огромных шляпах, на которых колыхались ворохи перьев или цвели клумбы из роз, и в узких платьях, расстегнуть которые самостоятельно женщина физически не могла. Прогуливавшаяся по набережной Адриенна Шанель, одетая в творения своей сестры, производила фурор среди отдыхающих. Особенно помогла росту популярности магазина Шанель баронесса Ротшильд, незадолго до этого поссорившаяся с самым известным парижским портным того времени Полем Пуаре. В отместку за публичное изгнание из салона Пуаре мадам Ротшильд не только сама начала заказывать у Шанель, но и привела к ней множество своих знатных и богатых подруг. В магазине Коко стали появляться клиенты знатных фамилий и с

лучшими состояниями в Европе – банкиры, бароны, владельцы газет, известнейшие красавицы и знатные англичане, – а Кейпел и Коко стали желанными гостями в их домах. Кейпела принимали, потому что он был богат и известен, а Коко – потому что он любил ее. Коко верила, что раз уж Артур всюду появляется с нею, он женится на ней. Он никогда не говорил с нею об этом, но от всех своих многочисленных подружек всегда возвращался к ней – ведь это немало значит! Но постепенно надежда слабела… В 1913 году Шанель перестала надеяться. Теперь она стремилась только к независимости.

Жарким летом 1914 года Коко Шанель представила свои новые разработки. Ее модель, по покрою напоминавшая матроску, а по материалу – мужской спортивный костюм, со строгими линиями и не предусматривающая корсета, произвела фурор. В то время женская мода требовала подчеркивания всех женских округлостей, и корсет был необходим, – но Коко была уверена: уважая естественность, она не умаляет женственности. Коко с огромным успехом видоизменила английскую мужскую моду, подсмотренную на Артуре и его соотечественниках.

Но ее первый успех померк на фоне глобальной катастрофы – в июле началась Первая мировая война. Довиль опустел, Париж замер в ожидании… Коко задумалась: что ей делать, уезжать или остаться, закрыть магазин или переехать в Париж? Бой посоветовал остаться, и оказался необыкновенно прав.

Коко на отдыхе в Биаррице, 1920 г.

В сентябре Довиль снова наполнился публикой – туда приехали те, чьи поместья уже были захвачены; те, кто боялся остаться; те, кто не хотел видеть войну. Дамы, приехавшие в Довиль, обращались в единственный открытый магазин – к Шанель. И они охотно покупали то, что предлагала им Коко: одежду, в которой было легко ходить пешком, которую было просто надевать и снимать, что в условиях военного времени было немаловажно. Все стали носить то, что уже давно носила сама Шанель – прямые юбки до щиколотки (а не до пола), матроски и легкие блузы, простые соломенные шляпки и туфли на низком каблуке. Когда в Довиль стали приезжать раненые и многие дамы – родственницы находящихся в госпиталях – пожелали помогать врачам, именно у Шанель они заказывали свои белые халаты, которые у Коко были просты и тем не менее элегантны. Она же ввела в моду «пляжные пижамы» – костюмы, в которых можно было не только прогуливаться по пляжу, но и спускаться в убежище в случае налета, – и короткую стрижку. По легенде, усиленно распространяемой самой Коко, однажды, перед походом на премьеру в театр, она слишком низко наклонилась над конфоркой – и ее волосы вспыхнули. Обрезав их, Коко отправилась в театр – и произвела там настоящую сенсацию. За короткими волосами было проще ухаживать; в условиях военного времени дамам ничего не оставалось, как ухватиться за ножницы.

В 1915 году она открыла свой третий магазин – настоящий Дом моды – в Биаррице, на самой границе с нейтральной Испанией. Из Испании Шанель могла бесперебойно получать необходимые материалы, с которыми во Франции были большие проблемы, а в Испанию отправлялись модели Шанель – теперь ее заказчиками стали даже члены испанского королевского двора. А на следующий год Шанель воплотила в жизнь свою давнюю мечту, представив коллекцию женской одежды из тканей, до этого никогда не употреблявшихся для дамского гардероба: английского джерси и фланели. Коко скупила все запасы джерси, пылящиеся на складах оптовой фирмы Родье, – его не покупали из-за «бедняцкого» бежевого цвета и слишком жесткой структуры. А Шанель превратила его в удобные строгие вещи, которые удобно было носить. Практически без украшений, почти мужские по покрою, модели Шанель тем не менее делали носившую их женщину необычайно элегантной и притягательной…

Когда в 1919 году в освобожденный Париж снова приехали иностранцы, они нашли парижанок совершенно не похожими на то, какими их помнили и какими были женщины в других странах, – свободными, с мужскими стрижками и в мужских костюмах, самостоятельными и как никогда обольстительными.

Новая мода молниеносно покорила весь мир, а Коко стала знаменитой.

Увы, это не радовало ее. Ее Артур в 1918 году женился – на младшей дочери барона Риббсдейла; хотя он довольно быстро разочаровался в женитьбе и продолжал жить с Коко. Но в конце декабря 1919 года он погиб в автокатастрофе… Коко сразу же выехала на место аварии, но, проехав шестнадцать часов, опоздала – гроб уже заколотили, и Коко не смогла попрощаться с любимым. Она была раздавлена…

Свое горе она глушила работой, как прочие заливают его вином; боль от потери она выразила в том, что стала предлагать своим клиенткам модели из черной ткани, которая раньше считалась неприличной для ежедневных туалетов. Коко, наоборот, считала черный цвет самым роскошным и вечно актуальным. Шутники говорили, что Шанель ввела в моду черный цвет, чтобы все женщины Франции носили траур по ее возлюбленному. Если это так, траур по Артуру Кейпелу с удовольствием до сих пор носят по всему миру…

Летом 1920 года в Биаррице она познакомилась с русским великим князем Дмитрием Павловичем Романовым, еще до революции прославившимся на Лазурном берегу своей красотой и вольным поведением, а в 1917 году – участием в убийстве «злого гения» Российской империи Григория Распутина. Знакомство состоялось благодаря Сергею Дягилеву – они познакомились в начале 1920 года в Венеции, куда Коко привезли друзья, чтобы она могла развеяться после смерти Артура. Дягилев как раз срочно нуждался в деньгах на постановку «Весны священной» – и Шанель без раздумий выписала ему чек на крупную сумму с единственным условием – никому ничего не говорить.

С Дягилевым ее связывали долгие творческие отношения. Она делала костюмы для нескольких дягилевских балетов (например, для прославленного «Голубого экспресса» по либретто Жана Кокто в постановке Брониславы Нижинской) и всегда была готова поддержать его и финансово, и морально. Говорят, Дягилев боялся Шанель – потому что никогда прежде он не встречал женщину, дающую деньги и ничего не просящую взамен.

Великий князь Дмитрий Павлович

Дягилев ввел ее в круг русских эмигрантов и художественной богемы. Ее друзьями стали Жан Кокто и Пабло Пикассо, Игорь Стравинский (который был увлечен Коко) и Лев Бакст… Но самым красивым из всех был, безусловно, Дмитрий Павлович. Роман тридцативосьмилетней Коко и двадцатидевятилетнего князя был бурным, но коротким; вскоре князь женился на богатой американке. Тем не менее они на всю жизнь остались друзьями. Дмитрий привел в Дом моды Шанель русских клиентов и русских

«светских манекенщиц» – красивых девушек знатного происхождения, которые в рекламных целях посещали в платьях Шанель светские рауты. Он, как и все возлюбленные Коко, оставил свой след и в ее творчестве. В 1929 году она выпустила в продажу блузы в русском стиле с вышивкой, которую для Шанель делал Дом моды «Китмир», чьей владелицей была сестра Дмитрия Мария Павловна, в прошлом жена голландского принца. Дмитрию же Коко была обязана самой главной своей удачей – духами.

Эрнест Бо, отец которого многие годы был поставщиком Российского императорского двора и который сам был прекрасным химиком-парфюмером, создал для Коко Шанель те самые «Шанель № 5». По преданию, он поставил перед Коко несколько пробирочек, и она выбрала запах под номером пять – ее счастливое число. Этот запах, не похожий ни на какие прежние духи, немедленно стал предметом культа. Если раньше женщины пахли чем-то узнаваемым – розой, жасмином, ландышем, – то теперь Шанель предлагала им запах, который было невозможно разложить на отдельные компоненты и который в силу своей уникальности был очень узнаваем. Выпустить в 1920 году, когда люди еще не оправились от войны, очень дорогие духи было риском; но риском оправданным. Женщины почувствовали в этом запахе – статус, воплощенную мечту, вызов, и экономили на всем, чтобы только купить вожделенный флакончик с цифрой 5, такой вызывающе простой и такой вызывающе дорогой. Только эти духи приносили Коко больше миллиона долларов в год. До сих пор «Шанель № 5» являются самыми продаваемыми духами в мире.

После Дмитрия у Коко был короткий, хотя и глубоко задевший ее роман с поэтом Пьером Реверди. У них с Коко было много общего – простое происхождение, пережитые невзгоды, простые ценности. Реверди понимал ее, как никто. Но вскоре он, углубившись в религиозные переживания, покинул Париж, чтобы жить отшельником в Солеме; Коко с трудом, но смогла пережить потерю. Она снова ушла с головой в работу – единственное, что не оставляло ее, что никогда не подводило… А затем она познакомилась с мужчиной, которому суждено было стать самым громким романом – и самым большим разочарованием в жизни Шанель, с Хьюго Ричардом Артуром, герцогом Вестминстерским по прозвищу Вендор – одним из знатнейших и богатейших людей Англии, крестником королевы Виктории и личным другом Черчилля. Герцог только что развелся со своей второй женой и был очарован Коко с первой встречи; он забрасывал ее подарками – цветами из собственных оранжерей, лососями из Шотландии и уникальными драгоценностями, – пока она не сдалась. Коко

говорила: «Моя настоящая жизнь началась, когда я познакомилась с Вестминстером. Наконец я нашла плечо, на которое могла опереться, дерево, к которому могла прислониться». Коко, свободная женщина, впервые подчинялась своему мужчине, принося свои интересы в жертву их любви, а свое время – в его полное распоряжение. Она слушалась его, следовала за ним всюду, где он хотел ее видеть. Их роман длился четырнадцать лет. Коко была уверена, что герцог женится на ней, что все те замки, поместья и виллы, на которые он ее возил, станут ее домом, а высокородные англичане, с которыми он ее знакомил, – ее родственниками. Но герцогу было необходимо иметь наследника; Шанель, которой было уже 46 лет, кинулась к врачам – но ей было однозначно сказано, что она бесплодна, что детей у нее никогда не будет… Коко еще надеялась, что Вендор между потенциальным наследником и любовью выберет все-таки любовь, она всегда надеялась…

Никогда еще в ее коллекциях не было столь заметно влияние английского стиля: откровенно мужские куртки, блузы и жилеты

в полоску, пальто и костюмы спортивного покроя, и особенно – вязаные свитера, которые Коко, вопреки всем правилам, призывала носить с драгоценностями. Это была роскошь, но роскошь сдержанная и строгая. Шанель всегда считала, что роскошь существует только для того, чтобы сделать простоту примечательной.

Весной 1930 года было объявлено о помолвке герцога Вестминстерского. Он не только собрался жениться не на Габриэль – он еще хотел познакомить ее со своей невестой, чтобы она одобрила его выбор. Шанель одобрила…

Она снова попыталась залечить сердечные раны любовью и работой. Коко села за книгу; редактировать ее позвала Пьера Реверди, который постепенно начал отходить от своих религиозных подвигов и иногда появлялся в Париже. Книга вышла накануне войны; Реверди получил отставку всего через год. Попытка склеить прошлое не удалась… И снова Шанель прибегла к единственному известному ей средству от всех проблем – работе. В 1931 году она съездила в Голливуд, где по контракту с «Метро-Голдвин-Майер» делала костюмы для Глории Свенсон в фильме «Сегодня вечером или никогда». С Сэмюелем Голдвином ее познакомил верный друг, князь Дмитрий Павлович. Голдвин предполагал, что Коко Шанель будет делать весь гардероб «звезд» MGM, но не получилось – актрисы не захотели носить вещи одного стиля, даже если это Шанель. Тем не менее Шанель получила не только огромный гонорар, но и опыт, и престиж. А затем она начала – помимо одежды – производить украшения. Шанель всегда утверждала, что настоящие драгоценности женщине должны дарить, а для себя она должна покупать бижутерию. Коко впервые смешала в своих украшениях драгоценные и искусственные камни, впервые ввела четкие простые линии, она же заставила всех женщин сменить жемчужные ожерелья на бусы из искусственного жемчуга. Она продолжала создавать свой уникальный стиль; то, что ее модели копировали, что ей подражали, Шанель считала своей главной удачей.

В 1933 году, во время экономического кризиса, Шанель была вынуждена рассчитать всю прислугу и переехать из особняка, арендная плата за который сильно выросла, в отель «Ритц» – его апартаменты станут ее домом отныне и до самой смерти. Хотя в это же время у Шанель был новый роман, и она снова думала о замужестве – на этот раз ее избранником был некий Ириб, а точнее – Поль Ирибарнегаре, баск по национальности, журналист, художник, декоратор и авантюрист. Он прославился

великолепным графическим альбомом «Платья Поля Пуаре в видении Поля Ириба» – роскошное издание Дома Пуаре в 1908 году получили все царствующие дамы Европы. Роман Шанель и Ириба протекал под дружное неодобрение всех друзей Шанель – они считали Ириба «демоном», который околдовал Коко, подчинил ее себе… Но летом 1935 года Ириб упал на теннисном корте – и когда его подняли, не подавал признаков жизни. Он умер, так и не придя в сознание. Коко снова поняла, что ей не суждено быть счастливой…

Накануне войны Шанель была популярна как никогда. Ее коллекция 1938 года, выполненная в цветах французского флага – синий, белый, красный, – произвела сенсацию. А в 1939 году Шанель неожиданно для всех закрыла все свои предприятия, кроме самого первого магазина на улице Компьен. Говорят, что это была месть – незадолго до этого работницы Шанель устроили забастовку и не пустили Коко в ее собственный магазин, так что

начавшаяся война стала для нее и возможностью поквитаться, и предлогом для того, чтобы уйти на покой. Когда немцы заняли Париж, Коко пришлось выехать из ее апартаментов в «Ритце» – они понадобились немецкому начальству; но Коко выпросила себе маленький номер окнами во двор. Переехать – значило удалиться от магазина, а следовательно – потерять над ним контроль… Немцы охотно посещали бутик Шанель, и когда на складе не хватало знаменитых духов – похищали бутафорские флаконы с витрины, чтобы получить хоть какой-то «настоящий парижский» сувенир. К тому же в 1940 году у Шанель начался новый роман – она увлеклась атташе немецкого посольства Гансом Гюнтером фон Динклаге. Ей было уже пятьдесят шесть, ему на тринадцать лет меньше – но Шанель давно уже была женщиной без возраста, и она не собиралась упускать этот – может быть, последний – шанс на личное счастье. Они жили вдвоем над последним работавшим магазином Шанель и почти никуда не выходили. Ей никогда не было дела до политики, но тут она не устояла. Стать ангелом, несущим мир Европе, – это была работа для нее. Ганс, по совместительству агент абвера, упросил ее использовать ее знакомство с Черчиллем и посодействовать Германии в заключении сепаратного мира с Англией – Коко даже встречалась в Берлине с Вальтером Шелленбергом, шефом Службы зарубежной разведки. Однако Черчилль болел и никого не принимал…

Кстати, после войны, когда Шелленберг выйдет из тюрьмы – его приговорили всего к шести годам, – Коко Шанель в память об их сотрудничестве будет содержать его с женой. Она оплатит его похороны.

Когда война закончилась, Коко тут же обвинили в сотрудничестве с нацистами. От заключения ее спасло личное вмешательство Уинстона Черчилля; правда, ей пришлось покинуть Францию. Шанель поселилась в Швейцарии – здесь были ее деньги, здесь оказался заранее сбежавший из Парижа Ганс фон Динклаге. Они держались друг за дружку, как выжившие жертвы кораблекрушения. Их даже принимали за супругов, только удивляла разница в возрасте – Шанель выглядела на двадцать лет старше, чем всегда, и на десять лет больше, чем будет выглядеть через пять лет. Безделье угнетало ее, мешало ей жить. Она прислушивалась к новостям из Парижа, где в феврале 1947 года Кристиан Диор представил свой New Look – сенсационный и провокационный стиль, воскрешающий образы прошлого и все то, от чего Шанель освободила женщин, – корсеты, тяжелые юбки, затянутые талии и обтягивающие силуэты… Франция снова стала во главе мировой моды, но Шанель это не радовало: Диор отменил все ее завоевания. Хотя Коко прекрасно понимала – через некоторые время женщинам надоест неудобная одежда, и они снова вернутся к «стилю Шанель».

Коко Шанель вернулась в Париж в 1953 году, когда ей было семьдесят лет, – вернулась, чтобы покорить и завоевать его. Но уже выросло поколение, для которого имя Шанель было только маркой старомодных духов. Ее коллекция была обсмеяна прессой: «У Шанель на заброшенном кладбище», писали газеты, «Полное фиаско». Коко нашла в себе силы не сдаться. Через год она показала ту же самую коллекцию в США – и успех превзошел самые смелые ожидания. Вторая коллекция – и еще больший успех; третья стала триумфом. Знаменитое «маленькое черное платье» стало символом новой моды, одеваться у Шанель было делом чести. Журнал «Лайф» писал: «Шанель влияет на все. Габриэль Шанель творит не только моду, а целую революцию». Шанель упивалась своим успехом, походя в интервью американской прессе гробя французских конкурентов – они в своей одежде идут против логики тела, а ведь американцы не так глупы, чтобы носить то, что неудобно, – поэтому они носят

«Шанель». Дам в платьях от новых французских модельеров она сравнивала со старыми креслами и искренне гордилась тем, что американским мужчинам нравятся женщины, одетые в ее одежду. То, что Мэрилин Монро надевает на ночь только каплю «Шанель № 5», прославило ее духи на века, а то, что Первая леди США Жаклин Кеннеди была в костюме от Шанель, когда убили ее мужа, – вписало имя Шанель в легенду. Сама Коко говорила: «Я люблю, когда мода выходит на улицы, но я не позволяю, чтобы

она пришла оттуда», – словно забывая, что многие элементы своего стиля она увидела на улицах своего детства и на мужчинах, которых любила.

Еще семнадцать лет Коко будет царить в моде. Она была очень одинока и очень стара; у нее случались приступы сомнамбулизма, когда она посреди ночи, не просыпаясь, вставала и перекраивала свою ночную рубашку в платье для приснившейся клиентки. До последнего дня она продолжала работать – пока однажды, 10 января 1971 года, Коко Шанель не пришла из парка в свой номер в «Ритце» настолько уставшей, что у нее не было сил даже раздеться. Рядом с ней была только горничная; внезапно Коко закричала: «Я задыхаюсь!» Горничная успела только подойти. «Вот так и умирают», – добавила Шанель. И умерла.

Согласно завещанию, Габриэль Шанель была похоронена в швейцарской Лозанне – только там, по ее словам, у нее возникало чувство защищенности…

Вирджиния Вулф

ВОЛНЫ ЖИЗНИ

Имя Вирджинии Вулф знают и ценят не только литературоведы и не только за то, что она была одним из первых представителей английского модернизма и основоположником «психологической прозы». За ее критические работы о месте женщины в обществе и культуре ей поклоняются феминистки; за последовательное неприятие насилия ее почитают пацифисты. Вирджинию Вулф ценят культурологи и психологи, борцы за права сексуальных меньшинств и сторонники классического института брака. Вирджиния Вулф по праву считается одной из тех, кто своим творчеством изменил двадцатый век. Между тем сама она никогда не была довольна ни своими литературными трудами, ни своей жизнью – слишком остро было ее восприятие мира, слишком требовательна была она к себе.

Для девочки, выросшей в такой семье, это было неудивительно. Ее отец Лесли Стивен, знаменитый своими радикальными взглядами и блестящей эрудицией, был известнейшим литературоведом, философом и историком, к тому же атеистом и вольнодумцем. Он прославился фундаментальными трудами «История английской мысли в восемнадцатом веке» и «Словарь национальных биографий». Первым браком он был женат на Харриет Мириам Теккерей, младшей дочери великого английского писателя Уильяма Теккерея, перед талантом которого Стивен преклонялся. Харриет умерла молодой в 1878 году, и Лесли женился вторично на ее подруге, вдове известного адвоката Джулии Дакворс, настоящей

«викторианской леди». У них родилось четверо детей – сыновья Тобиас и Адриан и дочери Вирджиния и Ванесса. Вирджиния, их третий ребенок, родилась 25 января 1882 года.

Все дети Стивенов были очень дружны между собой – эта дружба продлится всю их жизнь. Детство их проходило в престижном лондонском районе Кенсингтон; они получили домашнее образование, но их учителями были не только лучшие умы Англии, но и все книги в обширнейшей библиотеке их отца. Среди гостей, часто посещавших гостеприимный дом Лесли Стивена, бывали самые знаменитые люди того времени – писатели, критики, политики, и детство Вирджинии прошло среди постоянных разговоров и споров о литературе, живописи и философских вопросах. Она была чрезвычайно чувствительным и восприимчивым ребенком, с развитой фантазией и хрупким здоровьем. Царящая в доме атмосфера ученых диспутов и логических конструкций, пропитанная, с одной стороны, духом отрицания авторитетов, а с другой – нетерпимостью и стремлением самоутвердиться, развивала и закаляла интеллект детей, но в то же время – убивала их душу, подавляла чувственность. Отец требовал, чтобы его дети учились думать, чтобы их чувства не мешали логике, – а развитием души своих детей он не занимался. Через много лет Вирджиния напишет в своем романе «На маяк»: «На неправду он был неспособен; никогда не подтасовывал фактов, ни единого слова неприятного не мог он опустить ради пользы или удовольствия любого из смертных, тем паче ради детей, которые… с младых ногтей обязаны были помнить, что жизнь – вещь нешуточная, факты неумолимы», – так опишет она мистера Рэмзи, безусловным прототипом которого был ее отец.

Все дети Стивенов непрерывно ощущали на себе испытующий взгляд родителей; их преследовало ощущение необходимости оправдать возложенные на них ожидания – и чувство, что ждут от них слишком многого. Это постоянное напряжение с ранних лет ощущалось Вирджинией как тяжелый груз, что впоследствии отразилось и на ее характере, и на душевном здоровье. В детство же уходит корнями ее главный комплекс, отравивший ей всю жизнь, – панический страх сексуальных отношений, неприятие практически любого физического контакта; даже на рукопожатие Вирджиния решалась с трудом. По мнению многих биографов Вулф, в шестилетнем возрасте она подверглась сексуальным домогательствам со стороны братьев ее матери; самое страшное для ребенка было то, что мать в первую очередь обвинила в случившемся саму Вирджинию, которая, по ее мнению, вела себя «слишком распущенно» и, таким образом, сама спровоцировала

случившееся. По другой версии, это произошло, когда Вирджинии было уже тринадцать лет, и неудавшимися насильниками были ее кузены. Как бы то ни было, Вирджиния на всю жизнь приобрела стойкое отвращение к физической стороне жизни, а ее психика оказалась надломленной.

Первый нервный срыв произошел у Вирджинии в 1895 году после смерти матери – Джулия Стивен простудилась в театре и «сгорела» от пневмонии. С трудом оправившись, Вирджиния поехала «развеяться» в Италию – любимое место отдыха уставших от постоянных туманов англичан. Один из биографов писал об этом путешествии: «Она не была ярым туристом, предпочитала людей и картины дворцам и церквам». Обрушившиеся на нее впечатления – краски, звуки, разлитую в воздухе радость жизни и скрытые за многочисленными музейными дверями трагические истории – Вирджиния тщательно описывала в письмах к оставшейся в Англии подруге. Помимо зарисовок и заметок путешественника, письма были полны нежности и даже любви, более уместных в письмах к жениху. Но поскольку мужчины могли стать для Вирджинии в лучшем случае друзьями, всю живущую в ней любовь она дарила женщинам – естественно, любовь была исключительно духовной, и никогда – физической. О таких отношениях Вирджиния писала, что в них есть «особенная чистота, цельность. К мужчинам так не относишься. Совершенно бескорыстное чувство, и оно может связывать только женщин».

Вернувшись из Италии, Вирджиния еще несколько лет сторонилась людей, предпочитая письма личному общению.

В 1904 году Лесли Стивен скончался, и его дети переехали из Кенсингтона в богемный район Блумсбери, на Гордон-Сквер. Сменив адрес, Стивены тем не менее сохранили главную традицию отцовского дома – атмосферу интеллектуального салона. Братья и сестры держались вместе; они словно составляли единый коллективный разум. Правда, в 1906 году Тобиас Стивен умер; этот удар тяжело отразился на всех остальных Стивенах. Переживания, связанные с этой потерей, Вирджиния через много лет опишет в романе «Волны».

Но и лишившись Тобиаса, его брат и сестры по-прежнему ни для кого не закрывают двери своего дома. Здесь по-прежнему было шумно и многолюдно, по-прежнему день и ночь велись эстетские разговоры и поединки разума. Ядром сложившегося к 1906 году кружка «Блумсбери» была Вирджиния – ее остроумие, образованность и любознательность объединяли молодые таланты, пришедшие на еженедельные встречи кружка. В группу «Блумсбери» входили, помимо самих Стивенов, критик и эссеист Литтон Стрейчи, художник Дункан Грант, искусствовед Роджер

Фрай, экономист Д.М. Кейнс, писатель Эдуард Форстер, художник Клайв Белл; постоянными гостями были поэт и критик

Томас Стернз Элиот и философ Бертран Рассел, многие студенты и преподаватели Кембриджа. «Говорили, что разница между Блумсбери и Кембриджем была в том, что в Кембридже ничего остроумного не было сказано без того, чтобы не быть также «глубоким», в то время как в Блумсбери ничего «глубокого» не было сказано, если оно не было также остроумным», – пишет один из биографов Вулф. Разговоры блумсберийцев выливались в горячие споры об искусстве и путях его развития, о работах Фрейда и теории архетипов Юнга, политических вопросах и принципах новых течений в живописи. Молодому тогда писателю Дэвиду Герберту Лоуренсу, впервые оказавшемуся в доме на Гордон-Сквер, показалось, что он сходит с ума от нескончаемых бесед, вписаться в которые новичку оказалось не так-то просто.

Все члены блумсберийского кружка ценили не отвергавшиеся ими титулы и официальные награды, а искренность, независимость суждений и умение понимать красоту. Они сходились в том, что искусство – самая важная часть жизни и высшее проявление возможностей человека; что учение о бессознательном открывает искусству новые пути исследования – ведь в области бессознательного таятся многие причины человеческих поступков, там скрыты модели поведения, роднящие людей всех эпох и слоев общества. Одним из учителей блумсберийцы считали философа Джона Эдварда Мура, в своих трудах склонявшегося к интуитивизму и придававшего особенное значение анализу ощущений. Его книга «Основы этики» была воспринята как откровение: в ней важнейшими жизненными принципами провозглашаются проникновение в сущность прекрасного и установление гармоничных взаимоотношений: «идеалы дружбы, любви и взаимной притягательности являются главенствующими… процветать они могут только в том случае, когда искренность и свобода превалируют над притворством и жеманностью». Все идеи брались на заметку, испытывались, претворялись в жизнь. «Блумсбери» был одним из крупнейших центров интеллектуальной жизни Англии; его значение для развития культуры того времени неизмеримо.

Вирджиния рано почувствовала призвание к литературе. Но ее первые опыты не принесли ей ни удовлетворения, ни признания. Впервые она выступила в печати в 1904 году с рецензией в газете «Гардиан», а с 1905 года она начала печататься в литературном приложении к «Тайме» – критиком и обозревателем этого издания она будет на протяжении тридцати лет. Но своими первыми публикациями Вирджиния Стивен

вызвала скорее недоумение критики и недовольство публики; хотя в ее кружке ее работы ценились высоко. Ее первые рассказы «Дом с привидениями», «Пятно на стене», «Струнный квартет» даже нельзя назвать рассказами – скорее это литературные эссе, философские рассуждения, практически без сюжета и героев, с неопределенным временем и пространством. Действие заключается больше в развитии психологического состояния, изменении настроения, чем в каких-то действиях. После Джеймса Джойса такая литература была названа «потоком сознания». Подобные рассказы она писала все время, превращая в литературный образ любое свое впечатление. Потом она могла вернуться к ним, переработать, дописать, закончить… Но в силу своей неуверенности и закомплексованности Вирджиния крайне неохотно показывала кому-нибудь свои литературные опыты, постоянно переделывая их, стремясь к недостижимому совершенству. Свой первый роман «Путешествие вовне» она писала семь лет. Когда он был закончен, Вирджиния впала в глубочайшую депрессию – он оказался так далек от ее идеала… У нее начались галлюцинации: Вирджинии чудились голоса птиц в греческих оливах, причем она знала, что оливы росли три тысячелетия назад, – это угнетало ее больше всего. Вирджинии пришлось пройти курс лечения в психиатрической клинике. К этому времени она была уже замужем, и только забота и внимание ее мужа – журналиста и экономиста Леонарда Вулфа – вернули Вирджинии душевное равновесие.

История замужества Вирджинии тоже окутана легендами. По воспоминаниям друзей, в молодости Вирджиния была очень красива и обаятельна, но с мужчинами всегда вела себя только как друг. Однажды, восхищенный особо блестящей мыслью Вирджинии, ей сделал предложение писатель Литтон Стрейчи – никогда не скрывавший своих гомосексуальных пристрастий. Возможно, именно это и привлекло Вирджинию; она ответила Стрейчи согласием. Сама она в это время переживала эпистолярный роман со своей новой подругой, тридцатисемилетней женщиной из аристократических кругов. Но вскоре Литтон обдумал все последствия этого предложения – и в испуге написал своему другу Леонарду Вулфу, который в это время был на Цейлоне (Леонард прославился своими статьями по вопросам колониальной политики Британии), умоляя приехать и спасти его от брака. Примчавшийся в Лондон Леонард сам сделал предложение Вирджинии, и в 1912 году они поженились.

Леонард прекрасно отдавал себе отчет в том, что интимные отношения между ним и Вирджинией невозможны. Но он настолько уважал свою жену, настолько ценил ее как личность и

как писателя, что был готов на все, лишь бы быть рядом с нею. Он стал ее лучшим другом, укреплял в Вирджинии тягу к творчеству, поддерживал ее во всем, заботился об издании ее произведений и об ее душевном здоровье. Их брак, продлившийся почти тридцать лет, оказался на удивление удачным: «Мне кажется, что два человека не смогли бы прожить более счастливую жизнь, чем мы с тобой», – написала Вирджиния мужу перед смертью.

Вирджиния и Леонард Вулф, июнь 1926 г.

В доме Вулфов установилась творческая атмосфера, переселившаяся туда из Блумсбери. У них бывали Элиот и

Лоуренс, известнейшие литературоведы и деятели искусства. Общительная и всегда заинтересованная Вирджиния была в центре внимания. В 1917 году супруги Вулф основали издательство «Хогарт пресс». Большую долю обязанностей, связанных с деятельностью издательства, выполняла Вирджиния.

В 1919 году выходит второй роман Вирджинии «Ночь и день», затем выходят сборник рассказов «Понедельник и четверг» (1921 год) и роман «Комната Джейкоба», во многом подведший итог под ранними творческими экспериментами Вулф. В романе писательница описывает жизнь своего героя, изображая бесконечный поток образов, составляющих его сознание: от морского берега, где играл маленький Джейкоб Флендерс, до покрытых пылью вещей в опустевшей комнате Джейкоба, убитого на войне. Вирджиния Вулф постепенно завоевывает признание критиков, ее вес среди английских писателей растет. Но Вирджиния никак не может успокоиться. Она по-прежнему не удовлетворена; если не своим творчеством, то своей жизнью. Ей, как и всякой женщине, хотелось настоящую семью, детей, но – в силу известных причин – для нее это было невозможно. Вирджиния завидовала своей сестре Ванессе, вышедшей в 1907 году замуж за члена блумсберийского кружка, критика-искусствоведа Клайва Белла. У нее было несколько детей, она вся светилась семейным счастьем, – а Вирджинии оставались только ее произведения и эпистолярные романы с женщинами, близкими ей по духовной силе и литературным вкусам. В своих платонических привязанностях Вирджиния черпала вдохновение. Ее увлечение Мэдж Ван привело к созданию одного из лучших ее произведений – «Миссис Дэллоуэй», вышедшего в 1925 году. Роман, начинающийся известной фразой «Миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы», описывает всего один июньский день 1923 года, но в этом дне, как в зеркале, отразились жизни Клариссы Дэллоуэй, которая пытается заботами о званом вечере отогнать от себя мысли о смерти, ее мужа, дочери, друга детства, – и Септимуса Смита, который не знаком с Клариссой, но которому предстоит реализовать ее стремление к самоубийству. Ни в одном из своих предшествующих произведений Вулф не достигала таких высот в изображении эмоционального напряжения героев, такого мастерства, с каким она рисует малейшие движения души своих персонажей, никогда раньше не обрушивалась она с такой силой и откровенностью на существующие в Англии социальные порядки. Впрочем, обличение социальных проблем никогда не было самоцелью Вулф – они интересовали ее лишь как причина происходящего в душе человека.

Как и все произведения Вирджинии Вулф, этот роман писался очень тяжело, со множеством набросков и этюдов, позже переросших в отдельные рассказы. Но именно этот роман принес Вулф настоящую известность. В своем дневнике она записала: «Я думаю, что это наиболее удовлетворительный из моих романов», – примечательная оценка для писательницы, которая всегда невероятно пристрастно относилась к собственному творчеству.

Следующий роман Вирджинии Вулф «На маяк» (1927 год) был вдохновлен другой женщиной, Вайолет Дикинсон. К ней, как и к Мэдж Ван, Вирджиния испытывала чисто интеллектуальную привязанность. Все биографы сходятся на том, что если в жизни Вирджинии и была полноценная любовь, то это – ее увлечение Витой Сэквилл-Уэст. Они познакомились еще в 1922 году, когда Вулф было сорок, а Вите – тридцать. Вита происходила из аристократической семьи, у нее был муж и сын; к слову, оба они никогда не обвиняли ни Биту, ни Вирджинию ни в чем предосудительном. Вита была талантливой писательницей, но еще более талантливой она была как критик и вдохновительница. Именно в период их тесного общения были созданы лучшие произведения Вирджинии Вулф. Вершиной их романа стал знаменитый «Орландо» (1928 год), который сын Виты Сэквилл-Уэст Найджел Николсон назвал «самым длинным и самым очаровательным любовным письмом в истории литературы». «Орландо» – книга о человеке, который родился мужчиной во времена правления королевы Елизаветы и дожил до двадцатого века, незаметно переродившись в женщину. Никакой особой разницы Орландо при этом не замечает. Как и сама Вирджиния, которая однажды сказала о себе: «Я ни то, ни другое. Я не мужчина, я не женщина». «Как все-таки хорошо быть евнухом», – написала она в письме к Вите. Вирджиния воспринимала себя не как человека из плоти и крови, а как разум, по возможности свободный от физических влечений.

Вирджиния Вулф с племянниками, 1927 г.

Кстати, и в литературе она ратовала за тот же принцип; она отвергала Герберта Уэллса, Джона Голсуорси и Арнольда Беннетта за то излишнее, по ее мнению, внимание, которое они уделяют физической, материальной стороне человеческого существования, противопоставляя им Джеймса Джойса, Дэвида Герберта Лоуренса и Томаса Элиота – «спиритуалистов», к которым она причисляла и себя. Спиритуалисты, по ее мнению, стремятся «приблизиться к жизни и сохранить более искренне и точно то, что интересует их и движет ими». Про свое творчество Вулф писала: «Этот туманный мир литературных образов, похожий на сон, без любви, без сердца, без страсти, без секса – именно этот мир мне нравится, именно этот мир мне интересен». Помимо романов, Вирджиния Вулф всю жизнь писала критические эссе и статьи о литературе. Своеобразными эстетическими манифестами стали ее работы «Современная художественная проза», в которой Вулф излагает свое видение современной ей литературы, и «Мистер Беннетт и миссис Браун». Наибольшую известность Вулф принесло ее эссе «Своя комната» (1928 год), посвященное проблеме прав женщин. Этот своеобразный манифест феминизма затрагивает множество вопросов: место женщины в семье и обществе, ее роль в воспитании детей и решении политических вопросов, проблемы взаимоотношений мужчин и женщин, особенности женского мировосприятия и то, как тяжело современной ей женщине найти свое место в мире. «Женщина веками играла роль зеркала, наделенного волшебным и обманчивым свойством: отраженная в

нем фигура мужчины была вдвое больше натуральной величины». Вирджиния Вулф, всю жизнь чувствовавшая себя связанной рамками своего пола, задается вопросом: а если бы Шекспир был женщиной, смог бы он творить? Смог бы он прославиться, будучи женщиной, так, как Шекспир-мужчина? По мнению Вирджинии, мисс Шекспир всю жизнь была бы несчастной – одержимая своим даром и проклятая своим полом, оскорбляемая и угнетаемая мужчинами, – и в конце концов покончила бы с собой. К такому же финалу всегда тяготела и сама Вирджиния – в ее жизни было несколько неудачных попыток самоубийства.

Критическая деятельность Вирджинии Вулф имела широкий резонанс; ее влияние ощущается до сих пор. Споры о том, насколько внутренний мир человека связан с его полом, насколько от пола зависит место в обществе, права и обязанности, – не утихают до сих пор и не утихнут никогда. Сама Вулф решила для себя этот вопрос радикально: лишив себя многих женских черт, отказавшись от своей тендерной (от латинского gender – пол) роли ради возможности творить и существовать, освободившись от навязанных ей историческим развитием стереотипов, она оставила за собой единственное преимущество быть женщиной: погружаться в глубины женского сознания, раскрывать его так, как никогда не удалось ни одному мужчине, и хотя бы так – изнутри – провозгласить превосходство своего пола.

Перед войной Вирджиния работает как никогда упорно. Ее тонко чувствующая, крайне восприимчивая натура уловила витающее в воздухе ощущение надвигающейся катастрофы, и трагичность настроения Вирджиния передала в своем творчестве. В предвоенном романе «Годы» (1937) и в романе, написанном в годы войны, «Между актами» (1941) Вулф обращается ру семейной саги, который, как и всегда, воспринимает очень своеобразно. Жизнь рода передается через маленький отрезок времени, маленький кусочек огромной семьи, сквозь которые, как сквозь окно, видны поколения их предков и потомков, предшествующие и последующие века; в эту череду включается и читатель. Универсальная картина бытия, которую создает Вулф, призвана противостоять надвигающейся тьме, потому что человечество – вечно, пусть даже человек смертен.

В августе 1940 года Вирджиния Вулф публикует политический манифест «Мысли во время воздушного налета» – протест против гитлеризма, войны и агрессии. Во время одного из таких налетов был разрушен лондонский дом Вулфов, погибла их огромная библиотека, сгорели многие рукописи. Вирджинии и Леонарду пришлось переехать в поместье Родмэлл в Сассексе. Но

царящая там спокойная атмосфера, уединение и безопасность не помогли Вирджинии. Напряжение первых военных месяцев сильно сказалось на ней; к тому же ее любимый племянник Джулиан Белл погиб в Испании. Ее здоровье, и без того слабое, пошатнулось; недовольство ее последними произведениями и проблемы с публикациями новых усугубили ее депрессию. Об этом знал только ее муж и самые близкие; друзья, знавшие прежде Вирджинию как жизнерадостную, общительную и сильную женщину, любящую жизнь и умевшую ей наслаждаться. Но в душе Вирджинии жили страхи, с которыми она не умела бороться, и греческие птицы по-прежнему пели в древних оливах…

Видимо, опасения, что болезнь обострится, и привели Вирджинию к последнему в ее жизни решению. Не желая становиться обузой для родных и чтобы избавить себя от угрозы пожизненного заключения в сумасшедший дом, Вирджиния Вулф решила покончить с собой. 28 марта 1941 года она вышла из своего дома с Сассексе на прогулку и не вернулась. Ее тело нашли в реке, куда она бросилась, для верности набив карманы своего платья камнями.

Словно шекспировская Офелия, она слишком пристально

вглядывалась в свое отражение в зеркале времени, пока оно не разбилось на миллионы капель, в которых она и утонула…

Вирджиния Вулф воспитывалась в викторианских традициях, развивалась в декадентскую эпоху ниспровержения достижений прошлого и выросла на обломках культуры девятнадцатого века, разрушенного Первой мировой войной, сквозь которые уже начал бурно расти двадцатый век с его рафинированным интеллектуализмом и бездуховностью. Разлом времени прошел сквозь ее душу, и из его глубин черпала она свое вдохновение, пока, не вычерпав до дна, не достала оттуда свою смерть. Но ее романы, сила ее мысли, ее поиски и открытия остаются актуальными – и будут такими до тех пор, пока существуют женщины и пока существуют мысли в их головах.

Грета Гарбо

БОЖЕСТВЕННАЯ ГРЕТА

18 сентября 2005 года исполнилось сто лет женщине, которая еще при жизни смогла стать воплощением легенды о самой себе – великой Грете Гарбо. Она умерла всего шестнадцать лет назад, но для зрителей всего мира Грета Гарбо еще за пятьдесят лет до этого, уйдя из кинематографа, превратилась из любимой актрисы в миф, в мечту, в тайну – и тайну эту до сих пор силятся и не могут разгадать миллионы ее почитателей…

Тайна Гарбо была во всем: в загадочном взгляде ее огромных голубых глаз; в совершенстве ее холодной и в то же время полной обжигающей страсти красоты; в том воздействии, какое оказывала Грета на всех, кто имел редкое счастье видеть ее; и в самой жизни ее, о которой она никогда никому не рассказывала и в которую никогда никого не пускала. У нее было мало родных, и еще меньше – друзей, с которыми она могла бы быть откровенной. В мире, где «звезд» делает пресса, в изобилии доносящая до любопытной публики все подробности жизни ее кумиров, культ «божественной» Греты Гарбо развился из немого благоговения журналистов, восхищения зрителей и преклонения перед загадочностью «Джоконды кинематографа»…

Возможно, закрытость и замкнутость Греты можно объяснить тяжелым детством. Она была третьим ребенком в бедной семье Карла Альфреда и Анны Ловисы Густафссонов. У них было трое детей– сын Свен, дочь Альва и младшая Грета Ловиса, которая родилась 18 сентября 1905 года. С детства она была любимицей отца, что не радовало ее властную, строгую мать.

Когда началась Первая мировая война, Карла призвали в армию – но уже через неделю он был ранен и, отлежавшись в госпитале, вернулся домой. Однако его здоровье непоправимо пошатнулось – через несколько лет он умер.

Грета в детстве

Грете было всего четырнадцать лет. Ей пришлось бросить школу и начать зарабатывать деньги – она поклялась «так построить свою жизнь, чтобы ни от кого не зависеть». Сначала она устроилась уборщицей в парикмахерскую, а затем помощницей продавщицы в шляпный отдел крупнейшего стокгольмского универмага за 25 долларов в месяц. Юная красотка – большеглазая, пухлая, веселая, – привлекала в отдел покупателей. Ей было пятнадцать, когда ею увлекся богатый аристократ и

светский повеса Макс Гампел. Очень скоро ему удалось добиться расположения неопытной девушки, которая – с согласия матери – вскоре поселилась у него. Однако этот союз долго не продлился: уже через несколько месяцев Грета заявила Максу, что ей «надоело», и ушла. В ее жизни появилось нечто гораздо более привлекательное.

Однажды один из восхищенных покупателей заявил Грете: «С таким лицом не стоят за прилавком, а снимаются в кино!» Он оказался кинорежиссером – и снял Грету в рекламном ролике.

Ролик оказался столь удачен, а Грета в нем столь хороша, что увидевший его знаменитый шведский режиссер Мориц Штиллер лично посетил магазин, чтобы посоветовать юной Грете поступить в драматическую школу Королевского Стокгольмского театра драмы.

Сорокалетний еврей Мориц Штиллер (или Морис Стиллер) был выходцем из России. В начале 1920-х годов он был известным актером и крупнейшим шведским режиссером. Его репутация – и человеческая, и профессиональная – была безупречна. Красавец и франт, романтично-таинственный, обаятельный и умный, он жил в интригующем одиночестве в своем номере «Гранд-отеля». Женщины Швеции сходили с ума по загадочному красавцу, но никому из них не удавалось проникнуть в жизнь Стиллера дальше гостиной его номера. Тем активнее были слухи, которые поползли о нем и никому пока не известной ученице драматической школы Грете Густафссон, которой Стиллер уделял все свое время. Он опекал Грету, учил ее всему, что знал, придумал ей звучный псевдоним – Гарбо (отталкиваясь от имени известной норвежской актрисы оперетты Эрики Дарбо, в то время гремевшей в Стокгольме) и предложил ей небольшую роль в своем фильме «Сага о Йесте Берлинге» по роману Сельмы Лагерлеф.

Отец Греты Карл Альфред Густафссон

Мать Греты Анна Ловиса Густафссон

Это был не первый опыт Греты в кино: в 1922 году она снялась в небольшом эпизоде в фильме «Бродяга Петер» – она играла дочку мэра, красавицу-пловчиху, – но этот эпизод прошел и для нее, и для публики незамеченным. В первый съемочный день Стиллер преподнес ей белую лилию и сказал: «Вы – полная, не умеете ходить, не умеете разговаривать, не умеете улыбаться. Прежде чем вы станете актрисой, вам надо будет учиться много месяцев, может быть, лет. Каждый час вашей жизни вы должны будете повиноваться мне; если вы будете меня слушать – обещаю вам – вы станете великой актрисой. Для этого у вас есть все: фигура, необычное лицо, замечательные глаза, длинные ресницы,

хриплый голос и тайна».

Стиллер стал для Греты настоящим Пигмалионом, вылепив из неумелой девочки настоящую актрису. Фильм, вышедший в 1923 году, имел средний успех; на него ходили только для того, чтобы снова и снова посмотреть на лицо Греты – полное «таинственности и вечной женственности», «естественностии обаяния». Стиллер понял, что откопал свой бриллиант, а Грета поняла, что без памяти в него влюбилась…

На следующий год Стиллер с группой отправился в Турцию, но там со съемками ничего не вышло. По дороге в Швецию группа остановилась в Берлине, где Стиллер уговорил режиссера Георга Пабста снять Гарбо в его фильме «Безрадостный переулок».

В главной роли снимались одна из лучших актрис немого кино Аста Нильсен и ее муж Григорий Хмара, актер Первой студии МХТ. Немедленно пленившись Гретой, он стал настойчиво за ней ухаживать. Грета была в недоумении: Стиллеру, казалось, было абсолютно наплевать на личную жизнь своей протеже. Наконец она решилась напрямую признаться ему в своих чувствах – и в ответ узнала ошарашившую ее правду: Стиллер был гомосексуалистом… Ее сердце было разбито. С огромным трудом

Грета смогла завершить съемки.

«Безрадостный переулок» имел огромный успех, во многом благодаря Грете. Ее чувственность, впервые проявившаяся на кинопленке, пленяла с первого взгляда. На перспективную актрису обратили внимание в США – Луис Б. Майер, босс студии MGM, пригласил Стиллера и Гарбо в Голливуд.

В понедельник, 6 июля 1925 года, Гарбо и Стиллер приплыли в Нью-Йорк. Всю жизнь Гарбо старалась начинать все важные дела именно в понедельник – она была очень суеверна. Репортеры, встретившие шведских гостей, обсмеяли Гарбо за стоптанные туфли, вздернутый нос и толстые чулки. Она молчала: по-английски она не знала ни слова. Из студии их никто не встретил; казалось, про них забыли. Только через десять месяцев Гарбо удалось получить роль в мелодраме «Поток». «Когда я приехала в Америку, – сказала Гарбо в одном из своих интервью, – то была похожа на корабль без руля и ветрил – испуганная, потерянная и одинокая. Я была неуклюжа, боязлива, вся издергана, мне было стыдно за мой английский. Именно поэтому я возвела вокруг себя непробиваемую стену и живу за ней, отгородившись ото всего мира. Быть звездой – нелегкое дело, требующее уйму времени, и я говорю это со всей серьезностью».

Грета и Мориц Стиллер прибыли в Нью-Йорк, июль 1925 г.

Фильм, вышедший под Рождество 1925 года, имел успех, а Гарбо моментально прославилась. Ее холодное лицо таило в себе загадку, в которую хотелось проникнуть каждому зрителю, а ее драматический талант растопил сердца даже самых строгих критиков. Голливуд понял, какую ценность он приобрел в лице Греты. За нее тут же взялись профессионалы: ей изменили форму бровей и прическу, заставили похудеть на 14 килограммов, научили двигаться и одеваться. За нее взялся сам Адриан (Адриан Адольф Гринбург) – гениальный художник по костюмам, одевавший всех «звезд» раннего Голливуда. Гарбо потом признавалась, что именно творения Адриана помогали ей играть – их, переносивших ее в нужное состояние, создававших ее образ, она ощущала как собственную кожу.

Стиллер сам начинает снимать Гарбо в следующем фильме «Соблазнительница». Но его отношения с Голливудом не складываются; по контракту он был обязан снять два фильма с Полой Негри, но фильмы получились вымученные и в прокате провалились, что ему не простили… В итоге он был вынужден вернуться в Швецию, а «Соблазнительницу» за него заканчивал Фред Нибло. По легенде, в последнюю ночь перед его отъездом к нему пришла Грета и попросила стать отцом ее ребенка. Стиллер отказался: «Ты знаешь, как я к тебе отношусь, но представить себя в постели с женщиной… Как-нибудь в другой раз».

Другого раза не было. Через два года Стиллер умер в Швеции. Гарбо не отпустили даже на похороны – Голливуд не мог позволить себе лишиться своей главной «звезды» даже на пару недель… Поняв это, Гарбо стала этим пользоваться: как только ей что-то не нравилось, она начинала собираться в Швецию, и руководство тут же шло на попятный.

Популярность Гарбо росла с каждой минутой. Успех каждого ее нового фильма затмевал предыдущий. Гарбо играла романтических красавиц, чья любовь становится роковой, непреодолимой силой, загадочных незнакомок, очаровывающих мужчин своей недоступностью. Ее лицо называли эталоном киногеничности и идеалом совершенства, ее тело – превосходящим по пропорциям пропорции Венеры Милосской. Критики, захлебываясь от восторга, писали о ее бездонных голубых с фиолетовым отливом глазах, роскошных белокурых волосах и длинных ресницах. «Когда Гарбо смеживала веки, ее длинные ресницы цеплялись друг за дружку, и, перед тем как она снова открывала глаза, слышался явственный шорох, наподобие трепета крыльев мотылька», – писала о ней поэтесса Айрис Гри. Облик Греты Гарбо полон тайны – приподнятые тонкие брови, полуприкрытые глаза, взгляд – одновременно усталый, грустный и призывно-страстный, – и безупречный, холодный в своем совершенстве овал лица, которое, по признанию экспертов, можно было снимать с любой точки. Ее игра, искренняя и убедительная, спасала самые надуманные сюжеты, особенно хороша она была в любовных сценах. Кинокритик Артур Найтли писал: «В такие моменты каждый мужчина в зрительном зале воображал, будто сжимает в объятиях эту прекраснейшую из женщин, открывал для

себя такие глубины чувственности, какие потребуют целой жизни, чтобы утолить эту жажду любовных восторгов». Его коллега Кеннет Тайнен говорил: «Все, что вы видите в других женщинах, будучи пьяным, в Грете Гарбо вы видите трезвым». Она обладала уникальным даром естественности, умением перевоплощаться, не теряя собственной индивидуальности, уникальной актерской интуицией. Она никогда не репетировала, справедливо полагая, что первый дубль – когда свежо восприятие, – самый лучший. С наступлением эры звукового кино Гарбо и ее боссы переживали – как публика примет ее неистребимый шведский акцент? Но ее низкий, глубокий голос буквально заворожил публику. Голос Гарбо называли «божественным, великим, как у Дузе». Ее первый звуковой фильм «Анна Кристи» по пьесе Юджина О'Нила, где Гарбо играет раскаявшуюся проститутку, «Нью-Йорк Тайме» назвала «величайшим в истории кино, потому что мы увидели гений Гарбо, в этом нет сомнений». Ореол загадочности и недоступности усиливался тем, что новая «звезда» крайне неохотно позволяла себя фотографировать и почти не давала интервью. Хотя сама Гарбо говорила: «Я не застенчива, не сторонюсь людей, охотно говорю с незнакомыми. Но совершенно не интересуюсь публичной жизнью – я не любопытна». Маска «загадочного шведского сфинкса», когда-то придуманная для нее Стиллером, со временем стала ее настоящим лицом. Разочарованная в мужчинах, испуганная свалившейся на нее славой, стесняющаяся своего плохого английского языка, Гарбо лучше всего чувствовала себя, когда оставалась одна. Поэтому настоящей находкой для студии, рекламирующей Гарбо, стал ее роман со знаменитым актером Джоном Гилбертом.

Гилберт пользовался репутацией сердцееда и ловеласа. Ему, самому популярному актеру после Рудольфо Валентино, прощалось все – даже то, что он бросил свою жену, актрису Беатрис Джой, на девятом месяце беременности. Публика его обожала, и он умел этим пользоваться.

Они познакомились на съемках фильма «Плоть и дьявол». Гилберт влюбился с первого взгляда, и вскоре Гарбо переехала к нему. Правда, вскоре Гилберту пришлось выделить ей отдельный коттедж на территории своего поместья, куда ему самому вход был запрещен, – Гарбо объяснила ему, что иногда ей необходимо уединение. Она пользовалась его домом, его деньгами, ходила по его саду совершенно обнаженная – не обращая никакого внимания на обалдевшего садовника. Гилберт настолько потерял голову, что даже сделал ей предложение, – и самое странное,

Гарбо его приняла.

Их роман с удовольствием обсуждали газеты, влюбленным сочувствовала публика. Следующий фильм Гарбо и Гилберта – вольную экранизацию «Анны Карениной» – специально переименовали в «Любовь», чтобы на афишах стояло: Garbo and Gilbert in Love – то есть Гарбо и Гилберт влюблены!

Грета Гарбо и Джон Гилберт в фильме «Плоть и дьявол», 1930 г.

Но в день свадьбы Гарбо собрала свои вещи и тайком покинула Гилберта, ничего ему не объяснив. Луис Майер попытался его утешить: «Все к лучшему! Переспал с такой красавицей – и даже жениться не надо!» Гилберт дал Майеру в глаз. Это стоило ему карьеры…

По слухам, Гарбо сбежала от Гилберта, поскольку тот слишком давил на нее, любил выпить и пытался – как ей казалось – примазаться к ее славе. В записке, которую Гарбо послала своему бывшему жениху, она написала, что знает – он не любит ее, предпочитая славу, но слава не приносит никакой радости…

Гарбо ненадолго сошлась с Нильсом Ашером, с которым снималась в «Диких орхидеях», а затем у нее началась самая скандальная и самая противоречивая связь. В начале 1931 года Гарбо познакомилась с известной писательницей Мерседес

д’Акоста, больше известной своими лесбийскими похождениями. К слову сказать, для Гарбо – по слухам – это не был первый случай лесбийских отношений. Сразу после приезда в США Гарбо, разочарованная в мужчинах, сошлась с актрисой Лилиан Ташман, но ей «не понравилось». С Мерседес все было гораздо серьезнее. Вскоре они стали неразлучны; Мерседес и Грета провели шесть недель вдвоем на острове посреди Сильвер-Лейк, где, как писала потом сама д’Акоста, купались обнаженными и наслаждались полной гармонией с природой и друг с другом. Вернувшись, Гарбо и д’Акоста везде появлялись вместе, Гарбо даже переехала к подруге – из-за банковского кризиса она разорилась и содержать собственный дом ей стало накладно. Мерседес полностью руководила жизнью Гарбо – встречалась за нее с прессой, подбирала сценарии и давала советы по управлению капиталом. Как следует из воспоминаний самой д’Акоста, это была взаимная страстная любовь; но, по утверждению членов семьи и друзей, это далеко от правды. Как только д’Акоста опубликовала свои мемуары «Здесь бьется сердце», Гарбо порвала с нею все отношения…

Гарбо и Гилберт в фильме «Любовь», 1930 г.

К началу 1930-х годов Гарбо достигла зенита своей славы.

Фильмы с ее участием неизменно собирали множество зрителей, ежедневно на имя актрисы приходили пятнадцать тысяч писем. Публика готова была носить ее на руках, критика ее обожала; только коллеги ее, так и оставшуюся для них чужой, не принимали. Гарбо так и не получила «Оскара», хотя ее и выдвигали четыре раза. В одном только 1930 году ее номинировали сразу за два фильма. Она получила «Оскара» только в 1954 году – «за незабываемые работы в кино». Но все равно толпы поклонников караулили ее, надеясь хоть одним глазком увидеть живую Гарбо. Даже первые звезды Голливуда – Рита Хейворт и Джоан Кроуфорд – просиживали часами в офисе MGM в надежде встретиться с загадочной шведкой, которая не посещает вечеринок и не появляется на премьерах. Они не знали – специально для Гарбо была построена отдельная лестница с улицы в кабинет Майера, и никто не мог пользоваться ею, кроме самой Греты. Даже на съемках Грета требовала, чтобы все лишние были удалены из павильона, а съемочная площадка была отгорожена глухими ширмами.

Грета Гарбо в фильме «Анна Каренина», 1935 г.

Со временем Гарбо начала уставать от одинаковых образов, которые ей раз за разом приходилось играть. Ей самой хотелось ролей, где она могла бы показать свой драматический талант, а не красивые глаза. И она своего добилась. В 1931 году выходит «Мата Хари», затем «Гранд-отель» (1932), где Гарбо сыграла уставшую от жизни русскую балерину, – сама Гарбо считала этот фильм своей лучшей работой. Другой звездой фильма была Джоан Кроуфорд – кстати, они ни разу не появляются в кадре вместе; продюсеры боялись, что две великие актрисы просто затмят друг друга… Затем была «Королева Кристина» (1934), а в 1935 году вышла – уже вторая в карьере Гарбо – экранизация «Анны Карениной», после просмотра которой король Швеции Густав V сказал: «Гарбо – гений!» Через два года она снялась в своем лучшем фильме – «Дама с камелиями» по А. Дюма-сыну. Армана играл Роберт Тэйлор. Его поражало, как Гарбо приходила на репетиции и на съемки – серьезная, сосредоточенная. «Она ни с кем не разговаривала, как бы боясь потратить грань своих эмоций на улыбки и приветствия, как бы боясь расплескать чувства, владеющие ей». Много лет спустя в разговоре с Рональдом Рейганом он заметил: «Она самая прекрасная женщина из всех, кого я знал». Критика, восхваляющая драматический гений Гарбо, сравнивала ее с Элеонорой Дузе и Сарой Бернар и не догадывалась, что в умирающей от чахотки Маргарите Грета воплотила образ своей сестры, еще молодой умершей от туберкулеза.

Гарбо в роли Жозефины Богарне, 1936 г.

Титул «королевы экрана» принадлежал ей безраздельно. Зрители готовы были носить прекрасную шведку на руках, пытались ей подражать во всем. Конечно, ее загадочно-томный взгляд и совершенное лицо были неподражаемы; зато прическа, манера курить, медленно выдыхая тонкие струйки дыма, ее головные уборы – любимый ею берет, придуманная специально

для Гарбо шляпка-таблетка, или мягкая фетровая, с широкими полями шляпа-слауч, за которой так удобно прятать лицо, – все это могла и хотела примерить на себя любая женщина. По всему миру проходили конкурсы двойников Греты Гарбо – например, один из них в свое время выиграла Ромильда Виллани, мать кинозвезды Софи Лорен. В ноябре 1934 года Гарбо и д'Акоста зашли в один из голливудских магазинов, где Гарбо купила вельветовые брюки. На выходе из магазина ее сфотографировал какой-то расторопный фотограф – и уже на следующий день все женщины Америки во главе с Марлен Дитрих, которая никогда ни в чем не хотела уступать Гарбо, надели брюки.

Тем временем у Гарбо начался роман с дирижером Леопольдом Стоковским, с которым она познакомилась в начале 1937 года на званом обеде. Стоковский, которого Гарбо называла Стоки, был старше ее на двадцать три года. Он привлек ее тем,

что был умен, обаятелен и неболтлив. Из-за Гарбо он развелся с женой и в декабре 1937 года уехал в Италию, куда вскорости должна была приехать и Гарбо. Она отдыхала в Швеции – и там ей доставили приглашение Гитлера посетить Германию. Он обожал ее ленты, считал саму Гарбо идеалом арийской расы. Гарбо не поехала; а много лет спустя в дневнике записала: «Наверное, следовало отправиться в Берлин, захватив с собой пистолет, спрятанный в сумочке. Я могла бы убить его очень легко. Это разрешило бы все проблемы, и, может быть, не было бы войны, а я стала бы героиней масштаба Жанны д'Арк. Хотя я не политик и, наверное, война началась бы при любых обстоятельствах».

Встретившись со Стоки в итальянском городке Равелло, она провела несколько счастливых недель, бродя по окрестностям и посещая музеи. Но в Риме их настигли журналисты; интервью взять не удалось, но газеты наперебой предсказывали скорое замужество Греты Гарбо. Та отшучивалась: «Мы просто друзья!», «О свадьбе не может быть и речи, пока у меня контракт в Голливуде!», «Смешно думать, что я могу пойти с кем-то к алтарю». Вскоре они расстались: Гарбо уехала в Швейцарию, а Стоки действительно женился – на миллионерше Глории Вандербильт.

Она вернулась в США в октябре 1938 года, а уже через год на экраны вышла «Ниночка», где Гарбо впервые решилась предстать в комедийном амплуа. Забавный фильм о советской стюардессе, призванной помочь в продаже русских ценностей, у нас долгое время считали антисоветским. Не приняли фильм и на Западе: он был слишком далек от того, какой публика хотела видеть обожаемую Грету, а начавшаяся война не позволила адекватно воспринять ее комедийный дар. Ее выдвинули на «Оскар», но снова премию получила не она…

Спасаясь от войны, в Америку переехали мать Греты и брат Свен с семьей. Старая Анна Ловиса с трудом переносила и непривычный калифорнийский климат, и свое зависимое положение в доме дочери. Ей очень не нравилось, что дочь до сих пор не замужем, что у нее нет детей; к славе Греты она была совершенно равнодушна.

В 1941 году Грета Гарбо снялась в своем двадцать седьмом – и, как оказалось, последнем фильме «Женщина с двумя лицами».

Грета Гарбо в фильме «Ниночка», 1939 г.

Фильм провалился в прокате; к тому же умерла мать Греты… Она заявила журналистам: «Я хочу побыть одна». И пропала на много лет…

Поначалу Гарбо не планировала совсем уходить из кино. Она долго искала подходящий сценарий, но безуспешно. В фильме «Сансет Бульвар», затевавшемся специально «под Гарбо», она играть отказалась – роль досталась Глории Свенсон. Наконец, в 1949 году Гарбо предложили роль в фильме Уолтера Вангера «Герцогиня ден Ланже», но из-за проблем с финансами съемки не состоялись. Если бы Гарбо встретилась с менеджерами – деньги бы нашлись; но она увидела в неудаче знак судьбы и навсегда распрощалась с кинематографом.

Друзья и продюсеры пытались вернуть ее в кино, но безуспешно. Через несколько лет она вроде бы согласилась принять участие в бродвейской постановке – но потребовала, чтобы из зала вынесли первые 16 рядов: Гарбо хотела, чтобы зрители видели ее такой же, как на киноэкране… Естественно, из этого ничего не вышло.

Для Гарбо началась совсем другая жизнь – независимая, скрытая, счастливая. Под вымышленным именем «мисс Гарриет Браун» она поселилась в одном из нью-йоркских отелей. Гарбо была богата, независима, ей надоело внимание прессы и диктат студии, которые предписывали ей, как одеваться, с кем

встречаться и как себя вести. У нее был недолгий роман с диетологом Гейлордом Хаузером, с которым ее объединяло пристрастие к здоровому образу жизни и уединению. В начале сороковых Гарбо много путешествовала по Северной Европе – как выяснилось совсем недавно, она играла ключевую роль в создании там агентурной сети, в проведении операции по переправке в Швейцарию знаменитого физика Нильса Бора, который тогда работал в Дании над созданием атомной бомбы, и в спасении датских евреев – накануне их отправки в лагеря все евреи в одну ночь были переправлены в Швецию.

В фильме «Ниночка»

Сама Гарбо никогда об этом не упоминала. Она вообще практически ни с кем больше не общалась. В середине сороковых она купила в Нью-Йорке дом и занялась разведением овощей и цветов. Ее единственной подругой была знаменитый модельер Валентина – Валентина Николаевна Санина. У нее одевались все голливудские «звезды» – Пола Негри, Джудит Андерсон, Кэтрин Хепберн, Глория Свенсон. Валентина приохотила Гарбо к русской классической литературе. Гарбо редко выходила из дома, делая исключение лишь для оперных спектаклей; когда она появлялась в ложе, представление можно было считать сорванным: публика сворачивала головы, чтобы поглазеть на «ту самую Гарбо», забыв о происходящем на сцене. Легенда Гарбо продолжала

существовать уже отдельно от самой Греты.

В магазине Валентины Грета познакомилась с мужем Валентины – адвокатом Джорджем Шлее (Георгием Матвеевичем Шлиелем). По легенде, Шлее случайно увидел Грету в примерочной кабинке – совершенно обнаженную – и был сражен наповал. Шлее был откровенно некрасив, но как-то сумел покорить сердце Греты. Начало этому положила сама Валентина, однажды предложив Гарбо вместо нее сопровождать Джорджа в поездке по Европе. Вернувшись, Гарбо и Шлее стали практически неразлучны – при том, что Шлее не порывал с Валентиной, которая оставалась ближайшей подругой Гарбо. Шлее взял под свой контроль всю жизнь Гарбо, занялся ее финансами, контролировал ее немногочисленные контакты с прессой, от ее имени посещал фестивали ее фильмов. Гарбо даже продала свой дом и купила квартиру в 200 квадратных метров в том же доме, где жили супруги Шлее. В списке жильцов напротив ее фамилии стояло: G. Телефон, значащийся рядом, никогда не отвечал.

Таинственность только подогревала неутихающий интерес прессы к Гарбо. Любое ее появление на публике вызывало шквал статей. Гарбо и британский премьер Уинстон Черчилль, Гарбо и миллионер Эрих фон Голдшмит-Ротшильд, принц Зигвард и невестка шведского короля Керстин Бернадотт, Сесиль Ротшильд, Аристотель Онассис – по слухам, она была единственной женщиной, которая не уступила его ухаживаниям, а про его знаменитую яхту «Кристина» заявила: «Она слишком мала; мне негде там гулять». Самые противоречивые отношения связывали Гарбо с известным фотографом, английским аристократом Сесилом Битоном. Сесил был давно знаком с Гарбо; они снова

встретились весной 1946 года на одной из вечеринок. Сесил прославился и своими фотографиями (со временем он стал официальным фотографом королевской семьи, а в качестве художника-постановщика получил «Оскара» за фильм «Моя прекрасная леди»), и гомосексуальными наклонностями. Но ради Гарбо он изменил своим вкусам. Сесил настолько увлекся Гарбо, что даже предложил ей выйти за него замуж. Гарбо отказала; но роман между ними продолжался. Битон провел превосходную фотосессию Гарбо – на его снимках она выглядела моложе на двадцать лет; но когда он решил их опубликовать в журнале «Вог», она ему запретила. Битон кинулся звонить в редакцию, но было поздно: журнал уже отпечатали. Гарбо прервала с ним всяческие отношения, помирившись только через полтора года. Несколько лет Гарбо поддерживала тесные отношения и с Битоном, и с Шлее.

В гору шли и финансовые дела Гарбо. Унаследованная от шведских предков практическая жилка позволила ей преумножить свое и без того немалое состояние. Она обзавелась недвижимостью в Швеции, скупала картины Матисса, Ренуара, Пикассо и Модильяни. Лишь в семидесятые годы стало известно, что Гарбо принадлежит большая часть торгового центра на Родео-Драйв в Беверли-Хиллз. Почитатели нередко завещали ей свои деньги, но она неизменно передавала полученное на благотворительность. Например, еще в 1936 году богатый фермер Эдгар Донн, верный поклонник Гарбо, часто писавший письма своему кумиру, составил завещание: «Моя земля, мои владения, все мое состояние завещаю Грете Луизе Густафссон, известной в мире как Грета Гарбо, и больше никому». Он умер через десять лет; когда адвокаты нашли актрису, она написала, что принимает наследство, но просит передать его в Фонд милосердия. Вспомнить Донна она не смогла – ей писали миллионы. Впоследствии Фонд милосердия продал эту землю за бешеные деньги: там обнаружили нефть.

В октябре 1964 года Гарбо и Шлее остановились в Париже. Джорджу внезапно стало плохо. Вызванные врачи вместо того, чтобы лечить Шлее, восхищенно пялились на Гарбо… В итоге Шлее умер. Свое состояние он завещал Грете. С ним Гарбо потеряла часть себя; после похорон Валентина навсегда вычеркнула имя Гарбо из своей жизни – она даже пригласила священника, чтобы он изгнал дух Греты из их квартиры.

Вернувшись в Нью-Йорк, Гарбо осталась практически одна, общаясь только с семьей брата и Сесилом. Но и с ним она порвала, когда в 1972 году были опубликованы его мемуары: «Она не любит вмешательства в ее жизнь. Бывает, доведенная до предела, она бросается в слезы и запирается у себя в комнате на несколько дней, отказываясь впускать даже горничную. Она даже не в состоянии читать. По этим причинам она неспособна развиваться как личность. Прекрасно, что она оберегает себя от тлетворного влияния Голливуда, но Гарбо теперь настолько замкнулась в самой себе, что даже когда время от времени позволяет себе отдых, он не становится для нее событием. Ее ничто и никто в особенности не интересует, она несносна, как инвалид, и столь же эгоистична и совершенно не готова раскрыть себя кому-либо. Она суеверна, подозрительна, ей неизвестно значение слова «дружба». Любить она тоже не способна».

Эти жестокие слова не во всем были справедливы. До самой смерти Сесила Гарбо не простила его – последнего человека, которому доверяла.

В свои последние годы Гарбо полностью отгородилась от внешнего мира; даже к врачам она долгое время не ходила, потому что боялась встреч с другими пациентами. Невропатолог Эрик Дриммер, долгое время наблюдавший Гарбо, написал: «Покидая Швецию, она была нормальной, целеустремленной и счастливой девушкой. В ее проблемах виноват только Голливуд.

Как это ни парадоксально, но ее жизнь получила неправильное направление именно в том самом месте, где были созданы ее слава и богатство».

Гарбо скончалась в 1990 году, в своей нью-йоркской квартире. Все свое многомиллионное состояние она завещала своей единственной племяннице Грей Рейсфилд. Прах Гарбо, который она просила похоронить в Швеции рядом с семьей, девять лет ждал в адвокатской конторе своего упокоения, пока 17 июня 1999 года огромная толпа не собралась на стокгольмском кладбище, чтобы проводить в последний путь свою любимую актрису. Но оказалось, что церемонию, опасаясь излишнего ажиотажа, провели накануне вечером. «Шведский сфинкс» в последний раз ускользнул ото всех – в Вечность…

Уоллис Симпсон

КОРОЛЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Ради любви люди совершают подвиги. Ради любви люди совершают глупости. Ради своей любви английский король Эдуард VII отрекся от престола. До сих пор спорят, что это было – великий подвиг или великая глупость, но одно ясно: такая любовь была достойна королей.

Уоллис Симпсон в своих воспоминаниях «У сердца свои права» писала: «История моя проста: это история обыкновенной жизни, ставшей необыкновенной судьбой». И она была права: трудно было найти в то время более необыкновенную судьбу с

более обыкновенным началом.

Уоллис Уорфилд родилась 19 июня 1896 года; местом ее рождения называют то Балтимор, штат Мэриленд, то Блю-Ридж-Саммит, штат Пенсильвания. Такое расхождение биографы объясняют тем, что Уоллис появилась на свет до того, как ее родители официально вступили в брак, так что матери пришлось рожать втайне, чтобы избежать скандала.

Уоллис принадлежала к семье, происходившей из Южных штатов и по праву гордившейся своими благородными предками (по утверждению некоторых архивистов, род Уорфилдов был в родстве даже с особами королевских кровей). Но денег в семье было мало; а после того, как умер отец Уоллис – ей самой не было еще и года, – семья осталась без средств к существованию. Только благодаря тетушке Бесси, сумевшей когда-то составить завидную партию и приобрести неплохое состояние, Уоллис удалось получить образование в мэрилендском привилегированном пансионе Олдфилдс. Но хотя тетушка и платила за учебу Уоллис, в ее доме девочка находилась на унизительном положении бедной родственницы, вынужденная обходиться и без любви, и без новых платьев.

Балтимор был тогдашней культурной столицей США; здесь жили самые сливки американского общества, семьи со «старыми» деньгами и длинными, по американским меркам, родословными. Благодаря связям своей семьи и знакомствам, завязанным в пансионе, Уоллис была вхожа в лучшие дома. Она прекрасно танцевала, была остроумна и обаятельна, унаследованный от матери веселый нрав и романтичность прекрасно гармонировали с благородными манерами и трезвостью рассудка. Ее даже в юности нельзя было назвать красавицей – плоская фигура, слишком длинный нос, тяжелый подбородок и чересчур большой рот, но у Уоллис никогда не было недостатка в поклонниках. В Балтиморе Уоллис слыла законодательницей мод: первой сделала короткую стрижку, первой надела узкую укороченную юбку… От ее смелости и сексапильности мужчины сходили с ума.

Но Уоллис прекрасно знала, чего она хочет, – денег (память о проведенных в бедности детских годах), крепкого положения в обществе (дань балтиморскому тщеславию), а главное – хотелось любви. Романтичные девушки были в моде, а Уоллис никогда не отставала от моды.

В двадцать лет Уоллис вышла замуж за лейтенанта Эрла Уинфилда Спенсера, пилота морской авиации. Эрл Спенсер – звучало в точности, как графский титул (earl – по-английски граф). Романтическая профессия, хорошее происхождение и прочное финансовое положение – все это пленило сердце Уоллис.

Но сразу после свадьбы выяснилось, что Эрл был запойным алкоголиком, жутко ревнивым и к тому же буйным; напившись, Спенсер лез в драку, крушил мебель, мог запереть жену на всю ночь в ванной комнате, а мог уехать без объяснения причин. Однажды его не было дома четыре месяца, и только случайно Уоллис узнала, что ее супруг не в длительном загуле, а переведен по службе в Вашингтон. Уоллис переехала следом, надеясь, что хоть в столице Эрл будет держать себя в руках, но безобразные выходки продолжались. Уоллис терпела, прекрасно зная, что развод не встретит одобрения среди ее респектабельных родственников, а разведенной женщине никогда не занять в обществе Балтимора достойного места. Разочаровавшись в семейной жизни, Уоллис начала крутить романы – в основном среди дипломатов, покоряя иностранцев своим «истинно американским» шармом. Среди ее ухажеров того времени называют военного атташе Аргентины Фелипе Эспила и сотрудника итальянского посольства князя Каэтани. А 7 апреля 1920 года мистер и миссис Спенсер были в числе приглашенных на бал в отеле «Дель Коронадо» в Сан-Диего, где почетным гостем был Дэвид, принц Уэльский. Правда, тогда Уоллис едва удалось его разглядеть поверх спин десятков гостей, а принц и вовсе ее не заметил. Но судьба любит делать намеки, до срока никому не понятные.

Вскоре Спенсера перевели в Гонконг; он с трудом, но все же уговорил Уоллис ехать с ним. Скорее всего, она поехала из любопытства – ей интересно было взглянуть на «загадочный Восток». В Гонконге Спенсер снова взялся за старое; все свободное время он проводил по притонам – опиумным курильням, сомнительным барам и публичным домам – и требовал, чтобы жена сопровождала его. Тут терпение Уоллис лопнуло, и она подала на развод.

Постаравшись побыстрее покинуть бывшего супруга, Уоллис переехала в Шанхай, где продолжила крутить романы направо и налево, не особо интересуясь, кем были ее новые знакомые. По легенде, именно в притонах Шанхая Уоллис научилась неким сексуальным приемам, позволяющим ей покорить и привязать к себе любого мужчину. Так это или нет, теперь уже никто не знает; знаменитое «шанхайское досье», собранное через полтора десятка лет на Уоллис британскими спецслужбами, так никто и не видел – все, кто упоминает о нем, говорят исключительно с чужих слов.

Один из самых распространенных слухов об этом периоде жизни Уоллис – это ее роман в 1924 году с молодым итальянским дипломатом графом Галеаццо Чиано – будущим зятем Бенито Муссолини и министром иностранных дел Италии. Будто бы

Уоллис даже сделала от Чиано аборт, обрекший ее на бесплодие. Эта сплетня с удовольствием будет обсуждаться в английских великосветских гостиных, но никакого подтверждения ее – как и опровержения – не существует; кроме одного – у Уоллис действительно не будет детей.

В Китае Уоллис познакомилась со своим вторым мужем, американцем Эрнестом Олдричем Симпсоном – сотрудником судоходной компании, владельцем которой был его отец. Эрнест был – не в пример Эрлу – спокойным, добродушным и умным, к тому же богатым и со связями в высшем английском обществе. Сразу после свадьбы молодожены уехали в Лондон, где был филиал фирмы Симпсонов.

Наконец-то у Уоллис были деньги и любящий муж, положение в обществе и возможность заводить новые – респектабельные и многообещающие – знакомства. Миссис Симпсон с увлечением отделывает дом, воспитывает прислугу и заказывает себе наряды. Наконец-то она может себе позволить хороших портных, понимающих толк в моде! Поселившись в Лондоне, Уоллис старательно пыталась перестать быть американкой: изживала акцент, вкушала по утрам английский завтрак и читала английские газеты, где особенно интересовалась светской хроникой и статьями о членах королевского семейства. Уоллис начала давать приемы – в чисто английском духе, – и вскоре ее стали принимать в самых блестящих домах британской столицы, особенно в тех, где проживали американки, вышедшие замуж за английских лордов. Ее лучшей подругой стала американка Тельма Фернесс, жена виконта Мармадьюка Фернесса – и между прочим любовница самого принца Уэльского. Тельма была сестрой-близнецом знаменитой Глории Вандербильт и прославилась в английских аристократических кругах красотой и небогатым умом.

Однажды – в ноябре 1930 года – Уоллис позвонила сестра виконтессы Фернесс и попросила ее и Симпсона заменить ее с мужем на приеме у Фернессов. Уоллис отказывалась, но на том конце провода добавили: «Кстати, там будет Дэвид – принц Уэльский». Этот аргумент решил дело. Эрнест был чрезвычайно польщен; Уоллис беспокоилась – там будет принц, а она даже не умеет делать реверанс! Перспектива знакомства с принцем ее волновала: он был признан самым блестящим холостяком по обе стороны Атлантики, девушки повсеместно сходили с ума по «очаровашке Дэвиду», и даже сама Уоллис в далекой молодости собирала о нем вырезки и наклеивала в альбом.

Говорят, что сам Дэвид желал провести этот вечер наедине с Тельмой и был весьма расстроен, когда узнал, что у нее

намечаются гости. Однако Тельма заверила его, что будет всего несколько человек, и среди них – миссис Симпсон, очень забавная и милая женщина…

В своих воспоминаниях Уоллис так описывает их встречу. К дому лорда Фернесса Симпсоны подъехали в сумерках. Уоллис трясло. Когда леди Фернесс представила ее Дэвиду, она заметила его «слегка взъерошенные золотистые волосы, вздернутый нос и абсолютную естественность, но особенно – его странный, задумчивый, почти печальный взгляд, когда на него никто не смотрит». Уоллис так волновалась, что от смущения начала хамить. Принц поинтересовался у нее, не страдает ли она, американка, без центрального отопления – ведь зимы в Англии холодные. На что Уоллис ответила: «Прошу прощения, сэр, но вы меня разочаровали. Этот вопрос задают здесь каждой американке. А я надеялась услышать от принца Уэльского что-нибудь более оригинальное». Принц отошел к другим гостям, но откровенность и дерзость Уоллис запала ему в душу – особенно по контрасту с тем, с какой почтительностью и трепетом к принцу обращались все остальные.

Уоллис и ее мужа стали приглашать на вечеринки, которые принц устраивал в своей загородной резиденции Форт-Бельведер в графстве Беркшир, они встречались на приемах у Симпсонов и в домах их общих знакомых. Когда Тельме Фернесс пришлось ненадолго уехать в США, она с легким сердцем оставила «своего малыша» на попечение Уоллис, а когда вернулась, то во время первого же совместного обеда заметила, как Уоллис стукнула по руке принца, взявшего пальцами пучок салата. Тельма поняла, что ее место занято.

Король Эдуард VII

Дэвид влюбился. Больше всего его привлекало то, с каким искренним интересом Уоллис расспрашивала его о делах – особенно после Тельмы, которая была не в состоянии говорить о чем-нибудь более серьезном, чем меню ужина. «Именно тогда я сделал важное открытие: отношения между мужчиной и женщиной могут носить характер интеллектуального партнерства. Оно и положило начало моей любви к ней».

Старший сын будущего короля Георга V, а в то время герцога Йоркского, родился 23 июня 1894 года. Он был первым правнуком королевы Виктории – и она попросила родителей новорожденного, чтобы младенца назвали в честь ее покойного супруга. Так что малыш был крещен как Эдуард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид – правда, в семье его звали просто Дэвид. В тот день, когда он появился на свет, член парламента Джеймс Кейр Харди сказал в палате общин:

«Предполагается, что это дитя однажды будет призвано царствовать над нашей великой страной. В должное время наследник совершит путешествие по свету, и весьма вероятно, что за этим последуют слухи о его морганатическом браке. Платить по счету придется стране». Пророчество оказалось удивительно точным. Георг, человек сухой и жесткий, был полной противоположностью своему отцу – королю Эдуарду VII (женатому, кстати, на родной сестре российской императрицы Марии Федоровны, жены Александра III, датской принцессе Александре). Эдуарда назвали «главным бонвиваном Европы» и «веселым королем», он любил женщин, балы и веселье, а вот его сын больше всего на свете ценил порядок, дисциплину и приличия. Его жена, немецкая принцесса Виктория Мария Тек, была под стать мужу – такая же холодная и неэмоциональная. Своих детей они видели только по вечерам, когда желали им спокойной ночи, и во время официальных церемоний. Дэвид, который рос застенчивым, чувствительным и мечтательным ребенком, был с рождения отдан на попечение нянек, которые не очень-то заботились о юном принце. Например, у его брата Альберта – будущего короля Георга VI – из-за небрежности нянь сформировалось заикание и был испорчен желудок. Мать постоянно напоминала детям, что они в первую очередь подданные своего отца. Так что Дэвиду очень не хватало материнского тепла. Как потом вспоминал сам Дэвид, «у меня было немного друзей и совсем мало свободы. Не было рядом Гекльберри Финна, чтобы превратить чопорного и робкого английского принца в Тома Сойера. Мое детство было полно невзгод».

Юный принц, как и полагается, получил военное образование в привилегированных учебных заведениях, вдали от родителей и всего, что было ему дорого. В двенадцать лет он поступил в Осборнскую морскую школу на острове Уайт. Там ему пришлось несладко – Дэвида, невысокого, сутулого и щуплого, прозвали Килька. Мальчик замкнулся и стал так неуверен в себе, что при неплохих способностях был в учебе среди последних учеников. Через два года его перевели в Королевский Морской корпус в Дартмуте, но и там дело пошло не лучше.

В 1910 году скончался его дед Эдуард VII, и его отца провозгласили королем, а через несколько дней в шотландском замке Карнавон Дэвид был возведен в достоинство принца Уэльского. С этого дня к шестнадцатилетнему Дэвиду оказалось приковано внимание половины мира, что для застенчивого юноши было пыткой.

В восемнадцать лет Дэвид поступил в Оксфорд, где год

изучал историю и немецкий язык, а в свободное время увлекался охотой и футболом – даже выступал в футбольной команде колледжа, правда, во втором составе, – и танцами. Друзей у него не было, и свое постоянное напряжение Дэвид заливал виски.

Когда началась Первая мировая война, Дэвид жаждал попасть на фронт; он заявил военному министру лорду Китченеру, что, если его убьют, у него есть четыре брата, чтобы заменить его на престоле. Тот ответил, что если бы речь шла только о смерти принца, он не стал бы мешать, но – он ведь может попасть в плен…

Дэвиду постоянно напоминали, что девиз принцев Уэльских – «Я служу». Вся его жизнь подчинялась чужим решениям и служила чужим целям. В двадцать пять лет принц увлекся конным спортом, но был вынужден оставить это увлечение после просьбы премьер-министра: ведь Дэвид может упасть с лошади и свернуть себе шею. Игру в поло – традиционное развлечение английских аристократов – Дэвид был вынужден оставить по требованию короля после того, как ему на поле попали мячом в глаз. Принц сменил коня на автомобиль – но его отец написал ему: «Я прошу Вас не ездить слишком быстро и соблюдать осторожность, ибо Ваша матушка и я тревожимся за Вас». Автомобиль пришлось продать. По предложению премьер-министра Дэвид увлекся авиацией – фигура принца Уэльского привлекла к этому делу новых сторонников, но и от самолета пришлось отказаться… Вместо этого Дэвид произносил речи, присутствовал на различных церемониях и возглавлял всевозможные комитеты. В 1932 году, когда был в разгаре экономический кризис и Англию захлестнула безработица, принц объездил страну, изучил проблему и нашел 200 тысяч рабочих мест! Его популярность моментально взлетела до небес. Он объездил сорок пять стран и всюду привлекал к себе повышенное внимание: принц был хорош собой, обаятелен и к тому же – неженат. Когда Дэвид прибыл в США, американские газеты вышли под шапками: «Девушки! Самый завидный холостяк уже здесь!» На прощальной пресс-конференции Дэвид признался журналистам, что вполне мог бы жениться на американке – они гораздо симпатичнее, раскованнее и веселее англичанок.

Принц собирался жениться по любви, и ему никто не собирался навязывать в супруги очередную немецкую принцессу – наоборот, парламент заявил королю, что было бы лучше, если бы Дэвид выбрал в жены девушку из английской или шотландской дворянской семьи: в отличие от многих стран, в Англии не существует закона, запрещающего королям брать в жены особ некоролевской крови.

Правда, сердце принца к тому моменту было уже давно занято.

Дэвид предпочитал женщин старше его и замужних: как сказали бы последователи теории Фрейда, так принц пытался реализовать свой эдипов комплекс, – а современные психологи заявили бы, что он пытался компенсировать отсутствие у него в детстве материнской ласки. Его первой любовью была леди Кок – дама замужняя и к тому же на двенадцать лет старше Дэвида, которому к моменту их знакомства едва исполнился двадцать один год. Их роман продолжался три года; Дэвид проводил с нею все свободное время, а когда уезжал – писал ей ежедневно нежные письма. На смену леди Кок пришла Уинифрид Бир кин Дадли-Уард, или просто Фрида, верная жена и мать двух дочерей. Они познакомились в 1918 году, оказавшись в одном бомбоубежище во время налета немецкой авиации. Фриду называют первой страстью Дэвида; их связь продолжалась больше десяти лет. Фрида была скорее очаровательная, чем красивая, к тому же очень умная, уверенная в себе женщина, не внушавшая тем не менее робости никому, даже застенчивому Дэвиду. Она интересовалась политикой и искусством, прекрасно умела слушать и рассказывать. Принц даже сделал ей предложение – и хотя Фрида отклонила его, они еще некоторое время продолжали встречаться. Их отношения продолжались, пока Дэвид не встретил красавицу Тельму Фернесс – с ней принца связывала в первую очередь физическая страсть, – а ее, в свою очередь, не сменила Уоллис Симпсон.

Уже в середине 1934 года Уоллис воспринималась всеми как официальная любовница принца. Общество гадало – чем же эта американка, не обладающая ни молодостью, ни красотой, смогла его привлечь? Версии были разными: от того, что Уоллис была для принца образцом новой для него женщины – домашней, строгой и неофициальной, – до того, что принц страдал сексуальными расстройствами и только Уоллис, прошедшая хорошую практику в шанхайских притонах, могла его возбудить. Ее слишком американские манеры шокировали чопорных англичан – она могла при всех отчитать прислугу, вытащить сигарету у принца изо рта, поправить ему галстук… А Дэвиду это доставляло удовольствие. Ему нужна была женщина, которая бы воспитывала его, льстила ему, интересовалась его делами, была к нему строга и в то же время ласкова. В Уоллис он нашел все, что ему не хватало в других женщинах, – искренность, заботу, силу и равнодушие к его титулу, который слишком многих привлекал и отталкивал. Как заметил тогда один журнал, «чары женщины зависят далеко не только от ее красоты».

Летом 1935 года Дэвид написал Уоллис: «Вам следует знать, что ничто – даже звезды – не способно разлучить нас. Мы вечно принадлежим друг другу, любим друг друга сильнее самой жизни, и да благословит нас Господь».

Надо сказать, что и сама Уоллис под влиянием принца сильно изменилась. Если в самом начале знакомства с принцем миссис Симпсон своей плоской фигурой и грубыми манерами оскорбляла вкус придворного фотографа Сесила Битона, то уже через несколько лет он признавал, что она чиста, свежа и очень интересна, а ее вкус называл безупречным. Принц оплачивал счета Уоллис от лучших портных Лондона, дарил ей подарки – как дорогие, так и те, которые представляют ценность только для влюбленных. Уоллис любила собак – и Дэвид преподнес ей щенка терьера любимой ею абрикосовой масти. Ей нравились духи и украшения – и она получала лучшую парфюмерию и сделанные на заказ драгоценности от Cartier и Van Cleef & Arpels; среди них были настоящие шедевры, например, брошь, изготовленная ювелирами Van Cleef & Arpels в 1936 году в виде двух листов остролиста, из бриллиантов и рубинов, где была впервые применена техника «невидимой оправы». Драгоценности Уоллис любила; ее коллекция была одной из крупнейших и интереснейших в мире. Биографами подсчитано, что она получала в подарок ювелирный шедевр каждые две недели всей ее жизни с принцем. Был даже анекдот: однажды на приеме у принца Уэльского одна дама поинтересовалась, почему миссис Симпсон, известная своим изысканным вкусом, носит так много бижутерии. Даме тут же объяснили, что все украшения на Уоллис – подлинные, стоят огромных денег и подарены ей хозяином дома.

Уоллис уже вполне официально играла роль хозяйки на приемах в доме принца, сопровождала его в поездках и круизах. В феврале 1935 года она каталась с принцем на лыжах в австрийских Альпах, танцевала с ним вальс в Вене, ездила в Будапешт слушать песни цыган, а летом Уоллис с принцем и несколькими его друзьями отправилась в круиз по Средиземному морю. По утверждению некоторых биографов, именно в этом путешествии Уоллис стала в полном смысле любовницей Дэвида; некоторые, правда, говорят, что Уоллис не разрешала Дэвиду дотрагиваться до себя до самой свадьбы. Сообщения об их поездке немедленно появились во всех газетах – кроме английских. Когда принц представил Уоллис своим родителям – это было на свадьбе его брата Георга и греческой принцессы Марины, – те отнеслись к ней вполне равнодушно. «Если бы я могла догадаться в то время, то, может быть, приняла какие-то

меры», – сокрушалась впоследствии королева Мария.

Однако в конце 1935 года королю донесли о новой страсти наследника. Ему представили досье, в котором подробно излагались все факты и сплетни о миссис Симпсон. Георг будто бы сказал премьер-министру Стэнли Болдуину: «После моей смерти мальчик погубит себя в течение двенадцати месяцев».

20 января 1936 года король Георг V скончался. Ночью Дэвид позвонил Уоллис по телефону и рассказал о случившемся, а затем добавил: «Ничто не может изменить моих чувств к вам».

Принц Дэвид стал королем Эдуардом VIII, приняв имя в честь деда, – правда, полностью легитимным монархом он должен был стать только после коронации, назначенной на 12 мая 1937 года. Первые месяцы он все свое время отдавал государственным делам – Уоллис так редко виделась с ним, что даже решила, что их связь закончилась. Но дела быстро наскучили Эдуарду, и он вернулся к Уоллис – правда, к этому времени у нее уже были новые романы: с женатым продавцом автомобилей Гаем Маркусом Трандлом, обаятельным авантюристом и превосходным танцором, которому Уоллис делала дорогие подарки на средства принца, и с послом Германии в Великобритании, небезызвестным Иоахимом фон Риббентропом: говорили, что он еженедельно присылал Уоллис 17 красных гвоздик, по числу проведенных вместе ночей, – и что ему подозрительно быстро становилось известно содержание секретных документов, доступ к которым имел Эдуард. Влияние Уоллис на короля все больше тревожило двор и правительство. В мае 1936 года король пригласил на официальный обед премьер-министра Англии Стенли Болдуина. «Надо, чтобы мой премьер-министр познакомился с моей женой», – сказал Эдуард VIII, обращаясь к Уоллис. «Я впервые слышу, что ты хочешь на мне жениться», – ответила она. И дело было решено.

Уоллис была еще замужем, хотя мистер Симпсон давно уже смирился с происходящим. Его высмеивали в прессе, о нем ходили анекдоты, Эдуард даже предлагал ему дворянское звание – правда, гордый Симпсон отказался. Сам он признался приятелю: «У меня такое впечатление, будто я препятствую ходу исторических событий».

В августе король вместе с Уоллис совершил новый круиз, затем она отправилась в Париж – заказывать новый гардероб, – а Эдуард вылетел в Лондон. В Париже Уоллис с ужасом обнаружила, что газеты полны фотографий, запечатлевших ее и Эдуарда, слившихся в любовном томлении. «Я поняла, что круиз был ошибкой», – писала Уоллис в своих мемуарах. Увы, но события начали развиваться с ужасающей скоростью, и влюбленные совершали одну ошибку за другой. Следующей было

решение начать бракоразводный процесс Уоллис – пока она была замужем, они с Эдуардом могли творить что угодно: это было, конечно, аморально, но не угрожало короне. А как только Эдуард заявил Болдуину, что собирается жениться на Уоллис – это произошло 16 ноября, – премьер-министр тут же заявил ему, что народ такую королеву не примет. Эдуард ответил: «Если я смогу жениться на ней, оставаясь королем, – прекрасно. Но если правительство будет возражать против моего брака, я готов уйти».

На следующей встрече Эдуард предложил компромисс: брак будет морганатическим – то есть Уоллис не будет королевой, а их дети не будут наследовать престол. Но кабинет министров не согласился. У Эдуарда, по словам Болдуина, было три варианта: порвать с миссис Симпсон, жениться на ней и принять отставку кабинета, или – жениться и отречься.

Самое загадочное в этой истории то, почему Эдуард пошел на поводу у Болдуина. Согласно английскому праву, он вполне мог жениться на миссис Симпсон – что бы ни писали по этому поводу, а британские законы не запрещают королю жениться на разведенной женщине. Единственный запрет – жена не должна быть католичкой; Уоллис католичкой не была. Если бы кабинет подал в отставку – это, может быть, привело бы к правительственному кризису, но быстро бы нашлись люди, готовые сформировать и возглавить новый кабинет, например, Уинстон Черчилль. Даже если бы пришлось назначать перевыборы в парламент – это было бы не смертельно. Все газеты выходили с передовицами, призывающими короля остаться; по стране прошла волна пикетов в поддержку Эдуарда. Как сказал один из журналистов, он был настолько популярен в народе, что ему простили бы не только женитьбу на Уоллис, но даже многомужество. 7 декабря в британский парламент поступил официальный призыв к примирению: «Король желает жениться на Уоллис Симпсон, а мы желаем, чтобы он остался на троне. Правительство должно найти выход из этой ситуации».

Следуя совету друзей, Уоллис покинула Британию. Она поселилась в Каннах и ежедневно звонила Эдуарду, поддерживая его в борьбе с Болдуином. Она была готова даже порвать с ним, лишь бы не допустить отречения – 8 декабря она выступила с соответствующим заявлением в газетах. Эдуард страдал; Черчилль писал: «Его величество находится на грани нервного срыва. Любовь короля к миссис Симпсон являет собой одно из самых сильных проявлений любви в истории человечества. Без сомнения, он не может жить без нее».

Еще в сентябре 1933 года «Национальный Астрологический журнал» писал: «Если принц влюбится, он скорее пожертвует чем

угодно, даже короной, лишь бы не потерять предмет своей страсти». Снова предсказание сбылось. 9 декабря в замке Бельведер король подписал отречение. На следующий день документ был ратифицирован в парламенте, и Эдуард выступил с последним в своей жизни королевским обращением. «Вы должны понять меня, когда я говорю вам, что для меня оказалось невозможным нести тяжелое бремя ответственности и достойно исполнять обязанности короля без помощи и поддержки женщины, которую я люблю». Он был королем всего 325 дней.

Во время этого выступления Уоллис рыдала. По словам служанки, она явственно произнесла: «Дурак, глупый дурак!» А домоправительница вспоминает, что сразу после трансляции Уоллис закатила грандиозную истерику с битьем посуды. Она была готова оставаться любовницей короля, была готова порвать с ним, – но оказаться связанной неизвестно с кем, быть причиной международного скандала – на это Уоллис не рассчитывала.

12 декабря брат Эдуарда принц Йоркский Альберт был провозглашен королем под именем Георга VI – имя новый король взял в честь отца. Эдуард, получивший титул герцога Виндзорского, отплыл в Австрию, где ждал, пока Уоллис получит развод.

3 мая Уоллис наконец развелась – процедура длилась всего девятнадцать минут. Она тут же позвонила герцогу, и он выехал к ней. Бракосочетание должно было пройти 3 июня в замке около французского города Канде. Эдуард пригласил на венчание всех своих родственников, но никто не приехал. Накануне Эдуард получил от короля «Акт о лишении» – документ, согласно которому титул «королевское высочество» и соответствующие привилегии не распространялись ни на жену герцога, ни на его потомков. «Отличный свадебный подарок», – пошутил герцог.

В Англии на свадьбу никак не отреагировали – только в Канде были вывешены флаги, полицейские надели парадную форму, и жители приветствовали молодоженов под стенами замка. Гостей было всего шестнадцать человек – сын Уинстона Черчилля Рэндольф, чета Ротшильдов, консул Великобритании, секретарь Британского посольства, несколько близких друзей. Фотограф, делавший снимки, попросил молодых сделать счастливый вид. «У нас всегда счастливый вид», – ответила Уоллис. На ней был нежно-голубой туалет от американского дизайнера Мэйнбокера, который дополняли браслет и брошь от Van Cleef & Arpels из сапфиров и бриллиантов – подарки Эдуарда. Во время свадебного завтрака Уоллис разрезала шестиярусный свадебный торт, гости пили шампанское «Лоусон» 1921 года, а Эдуард – чай. «Да, замечательная была свадьба, особенно если

учесть, что жених всего полгода назад занимал престол Британской империи и повелевал полумиллиардом подданных», – писал биограф Уоллис Симпсон Ральф Мартин.

Эдуард и Уоллис на балконе замка Канде сразу после венчания

После свадьбы молодые через Венецию отправились в Австрию, где поселились в старинном замке Васселерлеонбург. Здесь Уоллис устроила для Эдуарда жизнь, достойную бывшего короля, благо его личное состояние – более 15 миллионов долларов – это позволяло. Великосветские приемы, шикарные балы и прочие развлечения следовали одно за другим, и на всех Уоллис блистала, поражая присутствующих потрясающими туалетами и великолепными драгоценностями. Она словно хотела взять реванш – если ей не дали стать королевой Англии, она получит признание как королева элегантности. И Уоллис добилась своего. Ее назвали «самой элегантной женщиной 1937 года», и еще тридцать лет герцогиня Виндзорская оставалась среди главных законодательниц моды. Уоллис понимала толк в хорошей одежде. Она была любимой клиенткой лучших Домов моды – Кристобаля Баленсиаги, Эльзы Скиапарелли, Коко Шанель, Сальваторе Феррагамо, а после войны – Кристиана Диора, Юбера Живанши и Марсене Роша. Ее отличала рафинированная элегантность и смелость вкуса: она могла надеть

платье от Скиапарелли, сделанное по эскизу Сальвадора Дали – вышитый омар в окружении листьев петрушки, – на самый респектабельный прием и произвести там фурор; могла часами объяснять Баленсиаге, как надо заложить складки на декольте, чтобы скрыть ее плоскую грудь, и довести до истерики ювелиров фирмы Картье, выбирая оттенок камней для броши. Когда Марсель Роша создал свои знаменитые духи Femme, Уоллис была в числе всего пяти женщин – включая жену Роша, – которым эти духи были высланы лично за год до поступления в продажу. Когда однажды Уоллис спросили, отчего она уделяет столько времени своему внешнему виду, та ответила: «Мой муж ради меня отказался от всего; если все смотрят на меня, когда я вхожу в гостиную, он может испытывать гордость. В этом моя ответственность». Если многие отмечали, что в начале их романа Уоллис относилась к Эдуарду с гораздо меньшей страстью, чем он к ней, то после свадьбы она сильно изменилась, осознав, какую жертву он принес и на что он готов пойти ради нее в дальнейшем. Она посвятила себя тому, чтобы заботиться о муже, оберегать его и хоть как-то попытаться компенсировать ему все то, чего он лишился ради возможности быть рядом с нею.

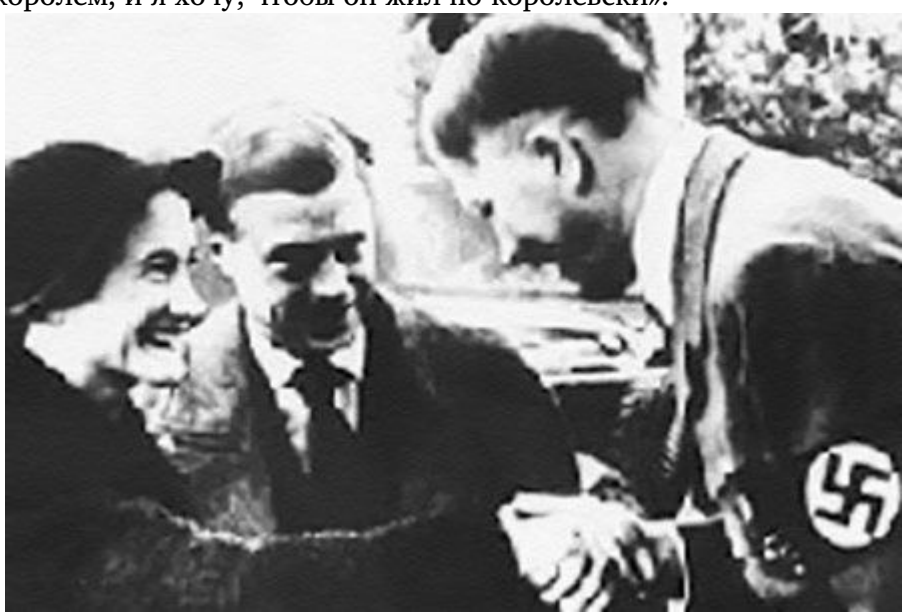
Герцог и герцогиня Виндзорские

Война Виндзоров в Париже; они были вынуждены переехать сначала в Испанию, а затем в Португалию. В августе 1940 года Уин стон Черчилль назначил Эдуарда губернатором Багамских островов – было ясно, что Виндзоров хотят удалить из воюющей Европы, и не только в целях обеспечить их безопасность. Дело в том, что Эдуард всю свою жизнь отличался прогерманскими настроениями, а Уоллис даже открыто называли немецкой шпионкой. Вполне возможно, что это было одной из причин, по которым правительство воспротивилось женитьбе Эдуарда на Уоллис. Еще в октябре 1937 года они совершили поездку по нацистской Германии, их даже принимал лично Гитлер, который заявил, что из Уоллис «выйдет хорошая королева». Известно, что во время войны германские власти рассматривали возможность возвращения Эдуарда на престол в случае победы над Великобританией. Был разработан план его похищения из Португалии с целью давления на Британию, его намеревались

провозгласить «королем в изгнании» и тем самым расколоть страну. Уоллис воспринималась как верная союзница – но в конце концов именно она помешала этим сумасшедшим планам сбыться.

Эдуард не хотел становиться губернатором, воспринимая назначение на Багамы как ссылку. Но Уоллис, хорошенько подумав, уговорила Эдуарда принять назначение и выехать как можно скорее, так что похищение сорвалось. На Багамах Виндзоры провели всю войну – Эдуард показал себя отличным губернатором, заботясь о поставках продовольствия и совершенствовании системы здравоохранения, а Уоллис отдавала все силы местному Красному Кресту; правда, жители Багамских островов вспоминают, что еще больше сил она тратила на пополнение своего гардероба.

По окончании войны супруги вернулись во Францию, где поселились в доме, еще недавно служившем резиденцией генералу де Голлю. Как сказала сама Уоллис, «мой муж был королем, и я хочу, чтобы он жил по-королевски».



Герцог и герцогиня Виндзорские на встрече с Адольфом Гитлером, октябрь 1937 г.

На десятую годовщину свадьбы Эдуард заявил: «Прошли десять лет, но не любовь». Супруги были счастливы – единственной ложкой дегтя было то, что семья Эдуарда по-прежнему ничего не хотела слышать об Уоллис, которую при дворе продолжали именовать «эта миссис Симпсон». В 1945 году Эдуард спросил у матери, почему все так настроены против его

жены, и та – с истинно королевским величием – ответила: «Я часто думаю о тех солдатах, которые в двух мировых войнах пожертвовали ради нашей страны своей жизнью. Ты ж не хотел пожертвовать для страны меньшим – женщиной, не подходящей в супруги королю». Когда в 1952 году умер его брат, король Георг, Эдуард поехал на похороны один – свидание с семьей оказалось испорченным, поскольку вдова короля, Елизавета Боулз-Лайн, во всеуслышанье заявляла, что Эдуард своим отречением сократил брату жизнь. Ее дочь, новая королева Елизавета II, относилась к Эдуарду с нежностью, но пригласить его с супругой на свою коронацию она не посмела: правительство и ее мать решительно возражали. Через год, когда скончалась мать Эдуарда королева Мария, он снова прибыл на родину в одиночестве. Только в 1968 году чета герцогов Виндзорских была официально приглашена в Лондон на церемонию открытия мемориальной доски в честь королевы Марии.

Виндзоры продолжали жить в Париже, каждый год четыре месяца проводили в США, отдыхали на Лазурном Берегу. Эдуард играл в гольф, много читал и много курил, а Уоллис преданно за ним ухаживала. Распорядок в их доме был столь же строг и продуман, как в Букингемском дворце, а кухня еще изысканней. Сама Уоллис ела мало – говорят, что в последние годы ее диета в основном состояла из салата-латука и водки. «Никто не может быть слишком богатым или слишком стройным», – говорила она. Ее основным занятием было развлекать Эдуарда, который не выносил скуки, а настоящего дела у него не было. Каждое утро Уоллис сочиняла для него распорядок дня, она сподвигла его на написание мемуаров, говоря: «Это необходимо для твоей страны!» Эдуард слушался жену во всем и полностью ей подчинялся. Говорили, что он мог часами ждать на улице, пока Уоллис в парикмахерской делала прическу; что именно Эдуард в любую погоду выгуливал мопсов, которых держали супруги; что он бросал любые свои дела, чтобы проводить жену, куда бы она ни выходила.

Мир по-прежнему следил за ними. Когда на приеме у Ричарда Никсона 4 апреля 1970 года Эдуард произнес тост в честь Уоллис, все газеты процитировали: «Мне необыкновенно повезло, что очаровательная юная американка согласилась выйти за меня замуж и на протяжении тридцати лет была мне любящим, преданным и заботливым спутником». Уоллис по-прежнему превосходно выглядела – она сохранила великолепную фигуру и завидное здоровье, а ее энергия поражала. Как вспоминали ее друзья, ее девизом было: «Работать так же увлеченно, как играю, смеяться так же самозабвенно, как плачу, и отдавать все, что

получаю».

В 1970 году у Эдуарда обнаружили рак горла. Два года прошло в борьбе с болезнью. Уоллис сражалась за себя и за него. Один из их знакомых вспоминал: «Я убежден, что герцогиня не разрешала себе понимать, что он умирает. Потрясение было громадным, и она отказывалась воспринимать ужасное известие».

В 1972 году королева Елизавета с мужем и принцем Чарльзом посетила Виндзоров. Говорили, что смертельно больной Эдуард встал с постели и приветствовал племянницу в официальном мундире со всеми полагающимися церемониями. Он умер через десять дней – 28 мая 1972 года, успев перед смертью окончательно примириться с семьей. Его похоронили в родовой усыпальнице. Во время похоронной службы Уоллис поддерживала за руку королева-мать. Кто-то сказал над гробом: «Человек, который отдал ради любви так много, – это настоящее чудо».

Уоллис не могла даже плакать…

После смерти Эдуарда она потеряла всякий интерес к жизни, почти не выходила из дома и никого не принимала. Она пережила мужа на 14 лет, последние восемь пролежав в глубоком параличе. Ее не стало 24 апреля 1986 года. По завещанию Эдуарда она была похоронена рядом с ним.

Согласно последней воле герцогини Виндзорской, ее коллекция драгоценностей была распродана на аукционе, выручка от которого пошла Институту Пастера в Париже на проведение исследований по борьбе со СПИДом. Уникальные вещи, шедевры ювелирного мастерства – материальные свидетельства великой любви – были проданы, чтобы помочь тем, кому любовь принесла страдания.

Марлен Дитрих

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Марлен Дитрих – исключительный пример того, что называется self-made woman. Она создала себя от начала и до конца: имя, лицо, фигуру, биографию, славу… Однажды Марлен призналась, что когда она впервые увидела свое новое лицо, то была очарована его изысканной красотой. С тех пор Марлен воевала с самим Временем за право сохранить эту красоту – и выиграла эту битву, сумев на десятилетия продлить свою молодость и скрыть конец своей жизни от посторонних глаз. Она проиграла только однажды, когда ее единственная дочь поведала всему миру о главной неудаче великой Марлен – о неудаче ее материнства. Но в жизни у Марлен было столько побед, что это единственное поражение ей давно простили…

И сама Марлен, и ее дочь утверждали – в противоречии с общепринятым мнением, – что настоящая фамилия актрисы была Дитрих. Ее отец Луи Эрих Отто Дитрих происходил из знатной прусской семьи потомственных военных; он был очень хорош собой и уже в молодости приобрел славу изрядного ловеласа. Кроме женщин, Дитрих любил выпить в хорошей компании, охоту, шахматы и хорошую литературу. В обычной жизни он был очень молчалив. В двадцать восемь лет он неожиданно женился на двадцатилетней дочери богатого ювелира Вильгельмине Элизабет Жозефине Фелдинг. Жозефина была женщиной сильной и властной, но она настолько преклонялась перед своим аристократом-мужем, что готова была терпеть его постоянное молчание и бесконечные измены. В 1898 году молодые переехали в фешенебельный пригород Берлина Шенеберг, где вскоре родился их первый ребенок – дочь Элизабет, или просто Лизель.

Дитрих был разочарован: он мечтал о сыне. Но и вторая попытка завести наследника не увенчалась успехом: 27 декабря 1901 года у них родилась еще одна девочка, названная Мария Магдалена – в семье ее звали Лена. А еще через три года Жозефина взяла детей и сбежала от Дитриха, устав и от его измен, и от его постоянного молчания… Он погиб, когда Лене было девять лет. Второй муж Жозефины, капитан фон Лош, тоже погиб на Первой мировой…

Родители Марии Магдалены Луи Отто Дитрих и Вильгельмина Элизабет Жозефина Фелдинг, 1889 г.

Но, несмотря на постоянные финансовые трудности, Жозефина смогла дать обеим дочерям прекрасное образование.

Она привила им чувство ответственности, умение владеть собой, бороться до конца и не распускаться, добившись желаемого.

Мария Магдалена Дитрих (крайняя справа) с семьей, 1906 г.

Лизель и Лена прекрасно разбирались в литературе, говорили на английском и французском, интересовались философией, усиленно занимались гимнастикой и музыкой. Успехи Лены в игре на скрипке были столь выдающимися, что ей прочили блестящее будущее. Тринадцатилетняя Лена даже придумала себе звучный псевдоним, соединив оба своих имени и взяв фамилию отца, которая звучала громко и значительно: Dietrich по-немецки значит «отмычка». Так на свет появилась Марлен Дитрих, которой суждено было открывать любые сердца. Много лет спустя Жан Кокто напишет, что это имя поначалу звучит как ласка, а заканчивается, как удар хлыста.

Мария Магдалена в семнадцать лет

Однако с мечтами о музыкальной карьере пришлось расстаться: слишком усердными занятиями Марлен повредила себе сухожилие левой руки. Но умение пригодилось: в тяжелые военные годы Марлен зарабатывала, играя на скрипке по кинотеатрам. Потом она стала брать уроки вокала, что позволило

ей устроиться в одно из берлинских кабаре, а в 1922 году и в труппу известного в Берлине театра Макса Рейнхарда «Дойчес театр». Актриса из Марлен вышла неважная, она несколько лет перебивалась эпизодами, подрабатывая сразу в нескольких театрах. Но, несмотря на то, что Марлен работала как ломовая лошадь, успех к ней не спешил. Она снималась в фильмах, но из полутора десятка эпизодов внимания публики не привлек ни один. Зато на пробах к фильму «Трагедия любви» ее собственное внимание привлек помощник режиссера Рудольф Зибер – яркий нордический красавец с русскими корнями; правда, у него в это время был роман с дочерью режиссера фильма Евой Май. Марлен пустила в ход все свое умение, чтобы получить желанного красавца, и 17 мая 1923 года – всего через полгода после знакомства – они поженились. В тот же день Ева пыталась покончить с собой; через год ее новая попытка завершилась успехом.

Покорительница мужчин, она была замужем лишь однажды. На фото – свадьба Марлен и Рудольфа Зибера

Первая роль в кино, 1922 г.

Но Марлен не было никакого дела до несчастий других. Она обожала «своего Руди», слушалась его во всем и родила ему 13 декабря 1924 года дочь, которую назвали Мария Элизабет. Но потом ей опять пришлось идти на заработки – снова эпизоды в кино, маленькие рольки в театрах, рекламные съемки в нижнем белье… Но она не затерялась в пестрой богемной толпе послевоенного Берлина: экстравагантные наряды Марлен – странные шляпки, монокль, яркое боа, ядовито-зеленые перчатки – выделяли ее из любой толпы. В выборе гардероба ей помогал Руди, отличавшийся экстравагантным вкусом и любивший, когда

на его жену глазели. Партнерша Марлен в одном из шоу, звезда гомосексуального Берлина Клер Вальдофф обучила ее не только умению владеть голосом, который от природы у Марлен был слабый, но и приемам обольщения – вне зависимости от пола и возраста обольщаемого, – и особой манере держаться на публике. Наконец, ее час пробил: в 1929 году на одном из выступлений ее заметил известный режиссер Йозеф фон Штернберг. Он как раз искал актрису на главную роль в своем первом звуковом фильме «Голубой ангел» – и Марлен Дитрих оказалась как раз тем, что он искал: взрывной смесью распущенности и самодостаточности. Как писал сам Штернберг: «Я увидел на сцене женщину, чье лицо обещало все. Это была Марлен Дитрих. Честь ее открытия приписывается мне, но это неправда. Я не археолог, откопавший кости и части таза… Я учитель – я взял прекрасную женщину, обучил ее, умело вывел на люди, усилил ее очарование, скрыл ее несовершенства…» Марлен сразу честно призналась ему, что не умеет играть; но Штернберга это не интересовало: если Марлен будет его слушаться, он сделает из нее «звезду», имя которой будут учить наизусть поклонники по обе стороны океана.

Марлен, Руди и их дочь Мария

По легенде, Марлен отдалась Штернбергу в первую же ночь. А вернувшись домой, призналась Руди: «Ты знаешь, я действительно люблю тебя! Я не забыла о тебе даже в самые счастливые мгновения!» При этом с мужем Марлен не жила с рождения дочери; ей была интереснее ее работа, а Руди утешился с домработницей, русской эмигранткой Тамарой Матуль, или Тамми. Так что отношения жены с Штернбергом Руди мог только приветствовать: он действительно мог прославить Марлен.

И Штернберг сдержал слово: он создал Марлен Дитрих из ничего, научив ее двигаться, улыбаться, петь перед камерой, а

главное – он научил камеру любить Марлен. После премьеры «Голубого ангела» 1 апреля 1930 года Марлен Дитрих стала звездой национального масштаба. История о несчастной любви учителя к кафешантанной певичке Лоле, которую играла Дитрих, пользовалась неимоверной популярностью, песенки из фильма распевали по всей Европе, а ноги Марлен, которые она щедро демонстрировала на экране, были сочтены национальным достоянием. Вскоре стало известно, что ноги Марлен Дитрих были застрахованы Ллойдом на миллион марок. Изысканный шарм с налетом гомоэротики (самый известный кадр в фильме – Марлен в мужском смокинге и цилиндре вытягивает свои потрясающие ноги, обтянутые сетчатыми чулками) в один день сделал Марлен женщиной, которую желали все мужчины.

Ей было 28 лет; узнав об успехе фильма, она сказала: «Как поздно!» Но все только начиналось.

На новоявленную звезду тут же обратил внимание Голливуд. С одобрения мужа Марлен подписала контракт и переехала в США.

Здесь за Марлен взялись специалисты студии «Парамаунт», в короткий срок превратившие ее из пышнотелого «немецкого ангелочка» в «роковую женщину», образец рафинированной элегантности. Марлен пришлось похудеть на пятнадцать килограммов, ей изменили форму бровей – теперь они изящными полукругами парили над ставшими огромными глазами, –

подкорректировали оттенок волос, заставили удалить коренные зубы, благодаря чему выделились скулы и лицо стало загадочно-трагичным. Марлен все время сосала лимон, отчего ее щеки втягивались еще больше. Чтобы подчеркнуть новые линии лица, выработали освещение – сверху и немного сбоку. Не обладая от природы совершенной красотой, перед камерой Марлен, обученная Штернбергом, казалась совершенством. «Своей легендарной славой актриса прежде всего обязана магическому сочетанию света и киноленты из целлулоида», – замечает биограф Марлен Хельмут Каразек.

Марлен Дитрих и Гэри Купер в фильме «Желание», 1936 г.

Штернберг настолько упорно работал над созданием нового образа Марлен, что от него со скандалом сбежала Он лепил Марлен, будто куклу из воска, обучил ее всему, что знал о кино, и она полностью доверилась ему. Съемочная группа поражалась работоспособности, энергии и невероятной дисциплинированности Марлен, а она быстро завоевала расположение своим веселым нравом и ярким чувством юмора.

Первый американский фильм Марлен и Штернберга назывался «Марокко», ее партнером был известнейший Гэри Купер. Штернберг снова эксплуатирует однажды найденный образ Марлен: она играет певичку, сексуальную и свободную, которая разрывается между двумя мужчинами, а сделав выбор, в мужском костюме отправляется вслед за любимым на войну в африканских песках. Штернберг признавался критике: «Я видел, как она носит

мужской костюм, высокую шляпу и подобные вещи, еще в Берлине, и именно такой я показал ее. Предметы мужского туалета она носила с большим шармом, и я не только хотел слегка коснуться ее сексуальных ориентиров, но также продемонстрировать, что ее чувственная притягательность обусловлена не только строением ее ног». Премьера фильма прошла с небывалым успехом; Голливуд буквально взорвался любовью к Марлен Дитрих. Ее ноги сравнивали по выразительности с руками Элеоноры Дузе (в Голливуде Дитрих так и звали – the Legs, Ноги), а пресса писала, что Штернберг «всколыхнул океан, и из вод вышла женщина, которой суждено было очаровать мир». Марлен даже выдвинули на «Оскара» – правда, премию ей не дали. Марлен купила дом в Беверли-Хиллз и перевезла из Германии мужа и дочь. Штернберг было предложил ей выйти за него замуж, но Марлен только ответила: «Ты, кажется, забыл, что я уже замужем». С Руди она никогда не разведется; он на всю жизнь останется ее лучшим другом. Брак для Марлен превратился в очень удобную ширму, за которой она скрывалась от надоедливых поклонников, блюстителей нравов и одиночества. Она до конца его дней будет оплачивать все счета Руди, содержать дочь и Тамми, а также всех своих оставшихся в Германии родственников и много кого еще. Ей казалось, что раз она зарабатывает так много, – она обязана делиться.

Штернберг сделал Марлен самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда. В следующие пять лет он выпускает еще несколько фильмов с обожаемой Марлен: «Обесчещенная», «Шанхайский экспресс», «Белокурая Венера», «Красная императрица», «Дьявол – это женщина». Везде Марлен играла одно и то же: искушенная, сексуальная, загадочная и независимая женщина, которая постоянно демонстрирует ноги и часто одевается в мужские костюмы. Образ был цельным, как была цельной сама Марлен; но фантазия режиссера явно истощалась. Неудивительно, что фильмы, поначалу необыкновенно успешные, стали приносить все меньше и меньше – Марлен Дитрих вместе с Кэтрин Хепберн и Джоан Кроуфорд даже возглавила список «звезд – губительниц кассовых сборов». Боссы «Парамаунт» были вынуждены расторгнуть контракт со Штернбергом.

Немецкая пресса, продолжающая заинтересованно следить за успехами первой германской звезды мирового масштаба, радостно сообщила: «Наши аплодисменты Марлен Дитрих, которая наконец-то уволила еврейского режиссера Йозефа фон Штернберга, всегда заставлявшего ее играть проституток и иных порочных женщин, но ни разу не предложившего ей роли, которая была бы достойна этой великой гражданки и представительницы Третьего Рейха… Марлен следовало бы вернуться на родину и принять на себя роль руководительницы германской киноиндустрии, перестав быть инструментом в руках злоупотребляющих ее славой голливудских евреев». Эмиссары Гитлера неоднократно предлагали Марлен вернуться на родину, суля в буквальном смысле золотые горы. Однажды Дитрих, которой это порядком надоело, явилась в посольство Германии.

Посол был в восторге и в очередной раз пообещал ей торжественный въезд в Берлин. «Неужели на лошади?» – поинтересовалась Марлен и заявила, что она готова подумать о возвращении – но только если вместе с нею вернется и будет работать Штернберг. Посол онемел; Марлен развернулась и ушла. В 1937 году она приняла американское гражданство – как ни тяжело ей было. В Германии остались ее мать и сестра, в Германии ее сочли предательницей…

Зато американская пресса с восхищением следила за «новой американской патриоткой» – за ее семьей, поклонниками, нарядами. «Звезда», прославившаяся умением носить на экране мужскую одежду, продолжала это делать и в обычной жизни. Она давно поняла, что Настоящая Женщина в мужском костюме выглядит неимоверно привлекательно. Пресса сходила с ума от туалетов Марлен; особенно неистовствовали американские журналисты, когда Марлен, собиравшейся весной 1933 года в турне по Европе, французские власти под угрозой ареста официально запретили появляться на улицах в мужской одежде. Тем не менее она спокойно разгуливала по Парижу в любимых широких брюках, и ни один полицейский не посмел ее остановить. В Лондоне ее выселяли последовательно из нескольких отелей, а в Монте-Карло Марлен, одетую в брюки, не пустили в казино…

Марлен, Мария, Руди и Йозеф фон Штернберг

На съемках Марлен приходилось теперь обходиться без Штернберга – и она безжалостно гоняла всю съемочную группу, заставляя снимать все так, как того хотелось ей. На площадку приносили огромное зеркало, чтобы Марлен всегда могла видеть себя; она контролировала свет, следила за монтажом, руководила режиссерами и сама накладывала грим. Хичкок, у которого Марлен Дитрих в 1950 году снялась в картине «Боязнь сцены», заметил, что «она профессиональная актриса, профессиональный оператор и профессиональный модельер». Фасоны своих сценических нарядов Марлен придумывала сама: на

многочасовых примерках она, неподвижно стоя часами в одной и той же позе, командовала, какую ткань выбрать, куда пришить блестку, где заложить складку… Эдит Хед, знаменитая художница по костюмам, говорила: «Платья не творятся для Дитрих, они творятся вместе с ней». Для своих портных Дитрих «была и кошмаром, и праздником».

В 1935 году Марлен снимается в фильме «Желание» – и его оглушительный успех вернул ей былую славу; о Марлен заговорили как о культурном феномене, ее имя стало нарицательным, ее образ – необыкновенно женственный и в то же время маскулинный – привлекал внимание не только мужчин. «У нее есть сексуальность, но нет определенного пола. У нее мужские манеры, ее героини любили власть, носили брюки и не знали, что такое мигрень и истерика. К тому же они были совершенно не домашними… Безжалостно отброшены лесть, сантименты и все, что бьет на жалость. Остаются шелк и сталь, сияющие и долговечные», – писал о ней знаменитый английский критик Кеннет Тайнен. Марлен, которую называли «самый стильный мужчина Голливуда», была одинаково привлекательна и в элегантном платье от Баленсиаги или Скиапарелли, и в строгом костюме от известной фирмы мужского платья Knize. Известно, что перчатки для Дитрих делали по слепку ее руки, а обувь всегда шили на заказ по ее собственным эскизам – всегда закрытые, ибо, по ее непоколебимому убеждению, босоножки носят только вульгарные плебеи.

Через два года в карьере Марлен снова наметился спад, и студия «Парамаунт», выплатив ей компенсацию в 200 тысяч долларов, разорвала с нею контракт.

Однако пресса не упускала Марлен из виду, и она не уставала давать все новые поводы для сплетен. Оставшись без строгого надзора Штернберга, Марлен начала крутить романы. В середине тридцатых среди ее любовников называли актеров Брайана Акерна и Мориса Шевалье, который ради Марлен развелся с женой, известную лесбиянку Мерседес д'Акоста, Дугласа Фербенкса-младшего и Джона Гилберта, который только что расстался с Гретой Гарбо, – 9 января 1936 года он умер в своей спальне на руках у Марлен, которая, опасаясь скандала, велела служанке уничтожить все следы ее пребывания там. Еще в 1934 году на корабле, плывущем в Европу, Марлен познакомилась с Эрнестом Хемингуэем: он был сражен с первого взгляда, и с первой же совместной ночи начался их многолетний роман-дружба: редкие встречи, оживленная переписка, долгие задушевные телефонные разговоры. Марлен вспоминала: «Наша любовь продолжалась много, много лет (почти тридцать) без

надежд и желаний. По-видимому, нас связывала полная безнадежность, которую испытывали мы оба». А он написал ей: «Я забываю о тебе иногда, как забываю, как бьется мое сердце».

Марлен Дитрих в фильме «Марокко», 1930 г.

Как это ни странно, Хемингуэй был для Марлен скорее другом и объектом заботы, чем возлюбленным, – как потом бывало нередко. Она читала его рукописи (он говорил друзьям: «Я ценю ее мнение выше, чем мнения профессоров, поскольку думаю, что Марлен знает о любви больше, чем кто бы то ни было»), давала советы, направляла, вдохновляла и ободряла. «Марлен настолько замечательная и талантливая женщина, что все, что она ни делает, оказывается безусловно правильным», – писал он. Не только Хемингуэй ценил ее ум не меньше, чем ее красоту; только журналисты предпочитали изображать Марлен Дитрих как неразборчивую сексуальную охотницу, «рукотворное чудо кино» или женщину в мужских брюках. Известнейший американский драматург Ноэль Кауард, преклонявшийся перед талантом Марлен, как-то сказал: «Она могла бы стать величайшей… Но, увы! – интеллект не украшает женщин…»

«Алая императрица», 1934 г.

Параллельно отношениям с Хемингуэем Марлен начинает другой роман: в 1935 году в Венеции она знакомится с писателем Эрихом-Мария Ремарком, прославившимся своим романом «На западном фронте без перемен». Следующая их встреча произошла через два года, и, говорят, Ремарк тогда сразу же признался Дитрих не только в любви, но и в том, что он импотент; Дитрих обрадовалась – наконец она сможет предаваться только любви, без секса: «Это было изумительно. Он не тянул меня в постель. Я была рада тому, что мы могли просто сидеть и разговаривать… И,

засыпая, все же любить друг друга». Марлен приехала в Париж, чтобы быть рядом с Ремарком, но отношения не сложились: он страдал, что ему приходится делить Марлен с другими – с мужем, с дочерью, с работой, с любовниками, – и все дальше уходил от нее в свои запои и свои романы. В вышедшем в 1946 году романе «Триумфальная арка» легко узнается история их с Марлен любви…

В 1939 году Марлен вернулась в США, где начала съемки в фильме «Дестри снова в седле» – довольно стандартном вестерне, где Дитрих была отведена роль девушки из салуна. Однако фильм неожиданно получился на редкость удачным; Марлен в новом образе умной, зрелой женщины с опытом и чувством юмора была чрезвычайно убедительна. О ней снова заговорили как о великой актрисе, а параллельно обсуждали ее романы с партнерами по фильмам – Джеймсом Стюартом, Джорджем Рафтом, с которым они снимались в «Рабочей силе»… Марлен приписывали связь с Чарли Чаплином, сенатором Джозефом Кеннеди (считается, что Марлен переспала с тремя Кеннеди – Джозефом и его сыновьями Джо-младшим и Джоном – президентом США), Фрэнком Синатрой… Марлен только замечала: «Если бы я так усердно, как обо мне говорят, раздвигала ноги, – когда бы я делала карьеру?»

Наконец, в 1941 году начался самый громкий ее роман – с французским актером Жаном Габеном.

Габен бежал из занятой немцами Франции в Голливуд, где надеялся начать новую жизнь. Узнав о его приезде, Марлен телеграфирует мужу: «Сюда приезжает великолепный Габен. Выясни это. Я должна его заполучить». И заполучила – как практически любого мужчину, которого хотела.

Марлен и Эрих-Мария Ремарк

Марлен с детства любила все французское; Габен ненавидел все американское. Она стала для него любовницей, переводчиком, агентом и даже кухаркой – Габен не переносил американскую кухню, а Марлен отлично готовила. Их роман был самым страстным и мучительным в жизни Марлен. Габен ревновал ее, устраивал ей сцены, не пускал на съемки, даже бил. Он настаивал на женитьбе, детях, – и Марлен, впервые в жизни,

была готова развестись с верным Руди. Она вспоминала: «Жан был самым чувственным, самым нежным из всех, кого я встречала, и самым жестоким. Но он всегда был прав».

В 1943 году Габен внезапно бросает США и вступает во французскую армию. Этим же летом дочь Марлен Мария вышла замуж. Почувствовав себя одинокой, Марлен бросается в работу. Она снимается в нескольких фильмах, собирает деньги на военные нужды, успевая ездить в Европу, чтобы там выступать перед солдатами с песнями из своих фильмов и чтением стихов Гете. Марлен Дитрих, неотразимо привлекательная в солдатском комбинезоне и с сигаретой, навсегда ввела в моду стиль милитари.

Всего за время войны Марлен Дитрих дала более пятисот концертов – в Северной Африке, Сицилии, Бельгии, Англии, Франции, Чехословакии… В Италии она перенесла воспаление легких, в Арденнах отморозила ногу – дело шло к ампутации, но Марлен воспротивилась: «Если мне суждено умереть, я должна уйти из жизни совершенной!» Ее заслуги были отмечены французским орденом Почетного легиона и американской медалью Свободы.

Марлен Дитрих выступает перед солдатами на фронте, 1944 г.

В Берлин Марлен въехала вместе с американскими танками.

Ей надо было похоронить мать и найти сестру, о которой говорили, что она была в концлагере Берген-Бельзене. Она с мужем действительно там были – но не как заключенные; они держали кафе для солдат охраны… Узнав об этом, Марлен навсегда «забыла» о сестре и ее семье. В поздних интервью Марлен всегда говорила, что она – единственный ребенок. А на вопрос, что заставляло ее, чистокровную немку, бороться против Германии, отвечала – чувство приличия. «Я чувствовала себя ответственной за войну, которую развязал Гитлер. Я хотела, чтобы она поскорее закончилась».

В конце 1945 года Марлен приезжает к Габену в Париж. Марлен быстро оказалась своей среди парижской богемы: ее близкими друзьями становятся Эдит Пиаф, Жан Кокто, молодой генерал Джеймс Гэвин… Габен и Марлен вместе снимаются в фильме «Мартен Руманьяк» – к сожалению, картина получилась неудачной. Неудачей закончился и роман: Габен давно уже начал охладевать к Марлен, ревнуя к ее славе, и когда Марлен пришло приглашение из Голливуда, Габен заявил ей, что если она уедет – это будет навсегда… Она не поверила. А вскоре узнала – он женился на Доминик Фурье, похожей на Марлен, только на десять лет моложе. До конца своих дней он не произносил ее имени, а она до самой его смерти считала себя его женой. Когда он умер в 1976 году, она заявила: «Похоронив Жана, я овдовела во второй раз». За год до Габена скончался верный Руди Зибер…

Марлен Дитрих и Жан Габен, 1941 г.

Марлен, которой было уже под пятьдесят, продолжала сниматься, демонстрируя с экрана свою победу над возрастом. Только самые близкие знали, чего ей это стоило. Ее грудь подтягивалась вверх с помощью клейкой ленты, та же лента помогала, натягивая кожу к вискам, убрать морщины, тело обматывалось метрами эластичных бинтов; под тончайшими платьями от Диора и Шанель Марлен носила целлулоидную «грацию», делающую ее фигуру совершенной. Марлен никогда не позволяла себе показаться на людях не в идеальной форме – даже за газетой она выходила при полном макияже и на каблуках, даже

разносчика из магазина встречала в элегантном парижском туалете. Объем ее талии до самой смерти не превышал 52 сантиметра. Но снимали ее все меньше и меньше – сказывались изменения, произошедшие в общественном сознании после войны. Теперь в моде были другие типажи, другая сексуальность, другие лица – более естественные, более молодые, менее искушенные… После долгого простоя она снялась у Хичкока, а затем в картине «Ранчо, пользующееся дурной славой» – еще один вестерн; критика расхвалила картину, но сама Марлен осталась недовольна, осознав, что ее время в кино уже закончилось.

Она перешла на радио – ее божественный голос был по-прежнему молодым. Когда-то Хемингуэй сказал, что, обладай Дитрих только своим голосом, она все равно разбивала бы сердца. В получасовой программе «Кафе Истамбул» она пела, вспоминала, шутила и рассуждала на любые темы. А в 1953 году в казино «Сахара» в Лас-Вегасе состоялась премьера ее концертной программы – номера из ее кинофильмов и несколько народных песен. Успех был невероятный: администрация была вынуждена продлить трехнедельный контракт Марлен Дитрих еще на неделю, сбив весь свой график выступлений, составленный на месяцы вперед. Дитрих потрясала не только своим по-прежнему молодым внешним видом, не только своим голосом. В настоящий шок зрителей повергли концертные наряды Марлен, созданные известнейшим голливудским портным Жаном Луи: белый фрак с короткими шортами – и платья, полупрозрачные, обшитые стразами и блестками, они создавали эффект сияющего сквозь ткань тела. Марлен впоследствии говорила: «Не было бы этих платьев – не появилось бы и мое шоу».

С этой концертной программой «Шоу одной женщины» Марлен Дитрих объездила весь мир, неизменно пользуясь бешеным успехом. Элиот Нортон, самый влиятельный американский эстрадный критик того времени, писал о ее шоу: «Она поет знаменитые песни из своих фильмов. Ее голос – спокойный альт, который то иногда переходит в шепот, то вдруг вырывается в звенящий баритон. Она не пытается казаться юной. Она всего лишь стала зрелой. Видеть Марлен – такая же радость, как и слышать. Она неподражаема. Ее манера исполнения изысканна, странновата и все же лирична. Она прославляет любовь так, как это никому из певцов ее поколения не удавалось». Только выступления в ФРГ прошли неудачно – полупустые залы встречали Марлен плакатами: «Marlene, go home!» – немцы не могли простить ей, что она уехала из страны и вернулась только на танках союзников… В СССР Марлен Дитрих выступала в 1964

году. Образ легендарной кинозвезды, выплывающей на сцену в трехметровом белом манто, надетом на знаменитое «обнаженное» платье от Жана Луи, врезался в память всем счастливчикам, которые смогли попасть на ее концерты.

Как всегда, жизнь Марлен Дитрих не ограничивалась чем-то одним. Она снова влюбилась: сначала в актера Юла Бриннера, прославившегося ролью Криса в знаменитой «Великолепной семерке», – их связь длилась несколько лет и для Юла была одним из самых значительных событий в его жизни. Он был чем-то похож на Габена – такой же грубый мужлан, который ревновал Марлен и мог поднять на нее руку. Они вместе снялись в фильме «Свидетель обвинения», где Марлен сыграла одну из лучших своих ролей – женщину, которая спасает своего мужа от тюрьмы, а затем оказывается преданной им. Фильм получил шесть «Оскаров» – но Марлен снова осталась ни с чем. Киноакадемия не желала признавать ее талант даже тогда, когда она наконец смогла проявить его во всю силу. Когда какой-то журналист поинтересовался у нее, не обидно ли ей, что у нее нет ни одного «Оскара», Марлен ответила: «Юноша, я сама себе «Оскар»!»

Марлен в самом знаменитом концертном наряде: «голом» платье, расшитом блестками, и трехметровом палантине из лебяжих перьев

Устав от скандалов и пьянства Бриннера, Дитрих поменяла его на тридцатилетнего композитора Берта Бакарака (самой Марлен на момент их знакомства было уже пятьдесят семь). Берт сделал все аранжировки для ее «Шоу одной женщины» и в качестве аккомпаниатора объездил с Марлен весь мир. Он мечтал жениться на ней, она любила его, как сына; это был один из

счастливейших и плодотворнейших периодов в творческой биографии Марлен. В 1961 году она снялась в великолепном фильме Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс», где сыграла роль вдовы германского генерала – с такой силой, талантом и глубиной, что даже если бы это была единственная роль Марлен Дитрих, она все равно бы осталась в истории как превосходная актриса.

В 1965 году Берт, так и не дождавшись Марлен, женился на молодой актрисе Энджи Дикинсон. Разрыв прошел для Марлен очень тяжело. Она впала в глубокую депрессию, начала пить… Но она выдержала и этот удар. Марлен Дитрих смогла не только вернуться к жизни, но и снова добиться успеха – она играла в театре, снялась в телешоу «Желаю тебе любви», а в 1977 году вышел ее последний фильм «Прекрасный жиголо – бедный жиголо»; песня из этого фильма «Всего лишь жиголо» в исполнении Марлен была на вершине популярности.

Мало кто знал, что стареющая звезда была уже тяжело больна. Еще в 1965 году у нее обнаружили рак матки – правда, тогда болезнь удалось остановить; Марлен перенесла заболевание кровеносной системы – результат полувекового курения.

А в 1975 году она, выступая нетрезвой, споткнулась о кабель и сломала ногу. Пришлось вставить металлический стержень, но вскоре нога подвела снова… Выступать становилось все тяжелее – к тому же пресса добавляла масла в огонь: «Шоу Марлен Дитрих – это для некрофилов!» И выступления пришлось прекратить.

Марлен поселилась в Париже и постепенно отдалилась от всех. Она не могла позволить, чтобы хоть кто-то видел ее старой и больной. По телефону она бодрым голосом говорила, что у нее все хорошо – и только ее врач и приходящая домработница знали, что последние годы Марлен была прикована к инвалидному креслу. Почти все ее сбережения ушли на лечение – как она сама

писала: «Ноги, которые сделали меня знаменитой, стали причиной моей нищеты». Запершись в квартире, она читала, писала мемуары – в 1979 году вышла ее автобиография «Возьмите мою жизнь». В 1982 году она согласилась дать интервью перед камерой Максимилиану Шеллу – правда, сама в кадре так и не появилась; как она объяснила, ее «зафотографировали до смерти». Звучит только ее голос, видны захламленные комнаты, иногда – руки. Больше она интервью не давала.

Со временем у нее развилась бациллофобия – престарелая Марлен так боялась заразы, что ходила по дому чуть ли не в одноразовых перчатках. Она снова начала пить – бутылка виски была ее единственным спутником. Про нее начали забывать; в 1991 году журнал «Шпигель» опубликовал статью: «Марлен Дитрих умерла!» – и ей пришлось звонить в редакцию и сообщать, что слухи о ее смерти несколько преувеличены. После этого «Шпигель» выпустил новую статью: «Марлен Дитрих позвонила, чтобы опровергнуть слухи о ее смерти».

В 1992 году о Марлен снова вспомнили – ее дочь Мария Рива, неудавшаяся актриса и вполне счастливая домохозяйка, родившая Марлен четырех внуков, выпустила книгу «Моя мать Марлен». Претендующая на откровенность книга оказалась злой, жестокой и лживой. Но даже падкие на «жареное» журналисты встали на защиту Марлен, имя которой давно уже стало легендой.

Она скончалась 6 мая 1992 года. Норма Боске, та самая приходящая домработница, недавно заявила, что это было самоубийство, – перенеся накануне инсульт, Марлен не хотела продолжать жизнь растением… Если это так, Марлен снова смогла выиграть свою битву.

Согласно завещанию, Марлен Дитрих похоронили в Берлине рядом с матерью. За годы одиночества она тщательно разработала ритуал собственных похорон: красные гвоздики – тем, с кем она спала, белые – тем, кто врал об этом. К сожалению, она пережила большинство и тех, и других.

От нее осталось много – фотографии, платья, фильмы, записи песен, воспоминания – огромная масса воспоминаний, большинство из которых так искренни, хотя заведомо лживы, а остальные слишком правдоподобны, чтобы быть правдивыми. Но это и неважно. От нее осталась легенда – легенда о женщине, которая победила саму себя.

Фрида Кало

РАДОСТЬ И БОЛЬ

13 апреля 1953 года в галерее Лолы Альварес в Мехико открылась необычная выставка. Необычным было все: яркие, сочные картины на стенах, лица на картинах, освещенные неким знанием, кровать под балдахином, стоящая среди картин. Публика недоумевала, пока с улицы не донеслись сирены «Скорой помощи» и рев мотоциклетных моторов. Сквозь расступившуюся толпу к кровати подвели женщину – хрупкую, невысокую, в ярчайших юбках и украшениях, с лицом, искаженным болью – и озаренным счастьем. Фриду Кало. Она лежала на приготовленной для нее постели, не в силах встать после перенесенной накануне очередной операции и не в силах пропустить одно из главных событий в ее жизни – ретроспективную выставку своих работ. Сквозь привычную боль она улыбалась окружавшим ее людям – а с десятков автопортретов на нее смотрели ее собственные суровые лица без единой улыбки. Через полчаса Фриду увезли обратно в больницу… Публика, восхищенная, раздавленная, шокированная и влюбленная, осталась вглядываться в картины Фриды Кало, пытаясь разобраться – как этой тяжелобольной женщине удалось так ярко и необычно признаваться в любви к жизни…

Фрида писала в дневнике: «Порой я спрашиваю себя: не были

ли мои картины скорее произведениями литературы, чем живописи? Это было что-то вроде дневника, переписки, которую я вела всю жизнь… Мое творчество – самая полная биография, которую я смогла написать». Ее картины – это невероятно талантливая, откровенная, порой жестокая история жизни Фриды – история преодоления боли и смерти, история обретения радости и любви…

Фрида Кало

Ее отец Вильгельм Кало, по происхождению венгерский еврей, эмигрировал в Мексику в самом конце XIX века. Он обосновался в Мехико, устроился продавцом в ювелирный магазин и женился, затем овдовел – и женился вторично, на Матильде Кальдерон-и-Гонсалес, полуиспанке-полуиндианке. Кало из Вильгельма стал Гильермо, а из продавца – фотографом. В семье Кало родились четыре дочери – Матильда, Адриана, Фрида и Кристина. Для своей семьи Гильермо построил в пригороде столицы Кайокане огромный Голубой дом – дом цвета мечты… Невоплощенные мечты о сыне Гильермо пытался реализовать во Фриде – она росла сорванцом, порывистым и независимым. Фрида обожала отца, следовала за ним по пятам, помогала ему в работе… Но однажды семилетняя Фрида ушибла ногу о корни дерева и упала, оглушенная болью. С этого дня боль стала постоянным спутником Фриды, самым преданным и верным.

Фрида и Диего в день свадьбы. Несмотря на измены, они любили друг друга всю жизнь

У девочки оказался полиомиелит. Фрида тренировалась дни и ночи, чтобы преодолеть болезнь, и добилась своего – только правая ступня атрофировалась, и нога стала короче и тоньше. Но Фриде это не мешало гонять с мальчишками в футбол и лазать во главе сколоченной ею «банды» через заборы по чужим садам, а

излишнюю худобу ноги она скрывала, надев лишний чулок. Пройдя через страдания, девочка выросла в стойкую и мужественную девушку, жадно радующуюся жизни, веселую и общительную. Несмотря на физический недостаток, Фрида была очень красивой, ее огромные глаза под густыми сросшимися бровями и роскошные черные волосы, ее обаяние и дружелюбие привлекали к ней мужчин, как огонь – мотыльков. Но Фрида не была кокеткой. Когда ее сверстницы уже одевались, как взрослые дамы, в элегантные платья, Фрида ходила в строгой юбке и простой белой блузе. А в 1922 году Фрида выдержала серьезные экзамены и поступила в Национальную подготовительную школу, чтобы впоследствии заниматься медициной – в то время это была очень необычная карьера для женщины.

Девушка стала настоящей заводилой среди однокурсников, в нее влюбился самый привлекательный и умный юноша Школы – Алехандро Гомес Ариас, который следовал за Фридой во всех ее проказах. Однажды они пробрались в школьный амфитеатр, чтобы посмотреть, как известный художник Диего Ривера расписывает там стены. Фрида заявила друзьям, что однажды она «непременно выйдет замуж за этого мачо и родит ему сына». Друзья посмеялись над очередной шуткой Фриды – все знали, что вскоре она выйдет замуж за Алехандро.

17 сентября 1925 года Фрида и Алехандро, оживленно беседуя, сели в набитый автобус, чтобы добраться до дома. На перекрестке автобус столкнулся с трамваем. Алехандро выкинуло через окно на мостовую, он практически не пострадал, а Фрида… Он нашел ее, истекающей кровью, пронзенной насквозь металлическим поручнем. Когда ее положили на принесенный из соседнего кафе бильярдный стол и выдернули поручень, Фрида своим криком заглушила вой сирены подъезжающей кареты Красного Креста.

Врачи не оставляли Фриде никаких надежд на выздоровление. «Перелом четвертого и пятого поясничных позвонков, три перелома в области таза, одиннадцать переломов правой ноги, вывих левого локтя, глубокая рана в брюшной полости, произведенная железной балкой, которая вошла в левое бедро и вышла через влагалище. Острый перитонит. Цистит». Если не скорая смерть, то полная неподвижность до конца дней.

Фрида Кало. Автопортрет, 1926 г.

Фрида боролась со смертью, боролась с изувеченным телом, превозмогая боль и отчаяние. Чего ей это стоило, не знает никто. Часами Фрида лежала, прислушиваясь к себе, все глубже и глубже погружаясь в темноту, пока сестре Матильде не пришло в голову подвесить над кроватью Фриды зеркало, чтобы она могла

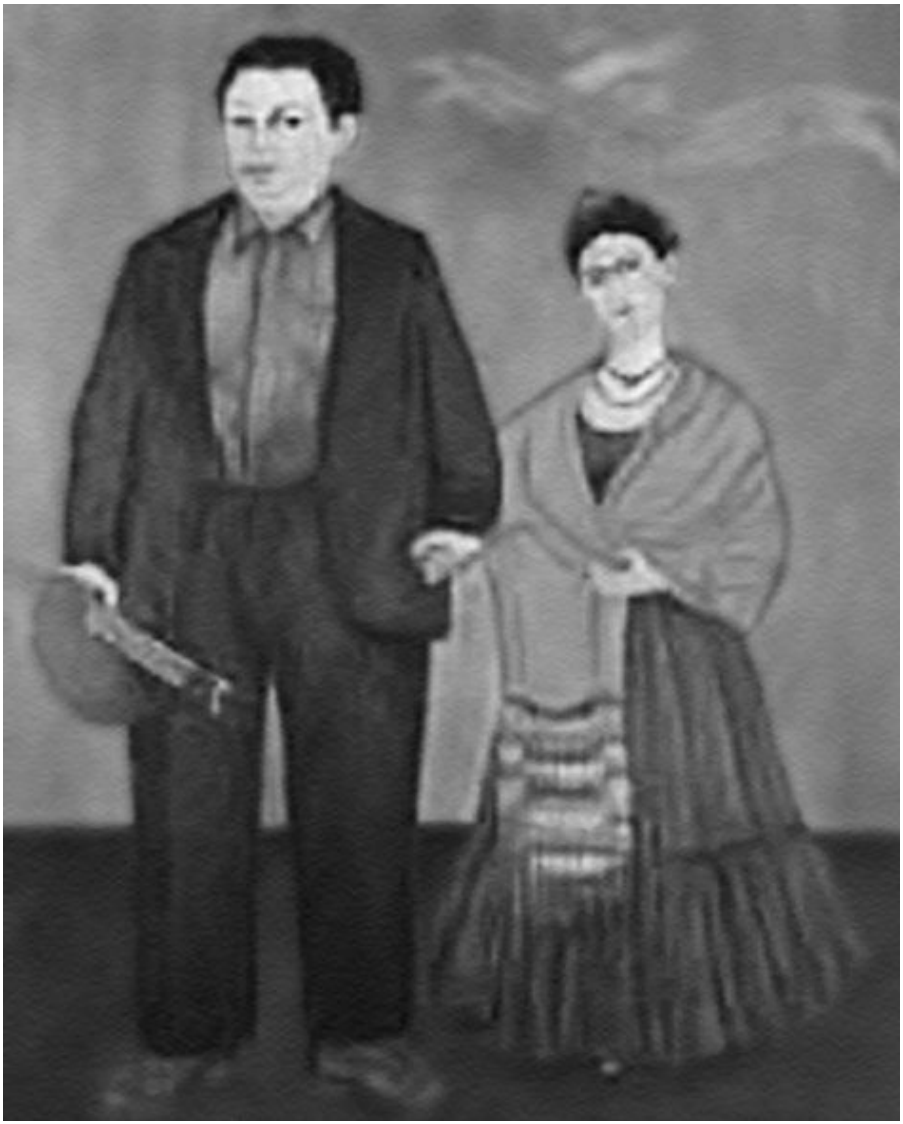
видеть себя. «Зеркало! Палач моих дней, моих ночей… Оно изучало мое лицо, малейшие движения, складки простыни, очертания ярких предметов, которые окружали меня. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, Фрида везде, Фрида без конца… И внезапно под властью этого всесильного зеркала ко мне пришло безумное желание рисовать».

У Фриды было полно времени и еще больше желания заняться ранее незнакомым делом. По ее просьбе ей изготовили мольберт, на котором можно было рисовать, лежа на спине, купили яркие краски… Фрида рисовала единственное, что могла чувствовать, единственное, что видела, – саму себя, растерзанную и борющуюся. Первый автопортрет был подарен Алехандро – родители отправили его в Европу, подальше от искалеченной невесты. Когда он вернулся в 1927 году, Фрида уже была на ногах и с головой ушла в живопись. Их дружба возобновилась, но вскоре Алехандро женился – на другой. Фрида пережила и это. Она работала – с самозабвением, с самоотречением, используя каждое мгновение, которое ей отпускала болезнь. «Страстное желание выжить порождало большую требовательность к жизни. Я очень многого ждала от нее, каждую минуту осознавая, что я могу все это потерять. Для меня не существовало полутонов, я должна была получить все или ничего. Отсюда эта неутолимая жажда жизни и любви», – писала она.

Фрида Кало и Диего Ривера

Фрида, одетая в мужской костюм, – он превосходно скрывал ее корсет и изувеченную ногу, – посещала художественные кружки и вечеринки, увлеклась политикой, в 1929 году вступила в коммунистическую партию. Однажды, набравшись смелости, Фрида принесла несколько своих автопортретов на суд к Диего Ривере, который тогда работал над росписью здания Министерства образования. Она заставила его слезть с лесов – и попросила честно сказать свое мнение о ее работах. Диего был сражен наповал – такой силы, мастерства и откровенности в работах непрофессиональной художницы он увидеть не ожидал. «Продолжайте. Ваша воля приведет вас к вашему стилю», – сказал он ей. И напросился в гости, чтобы посмотреть остальные

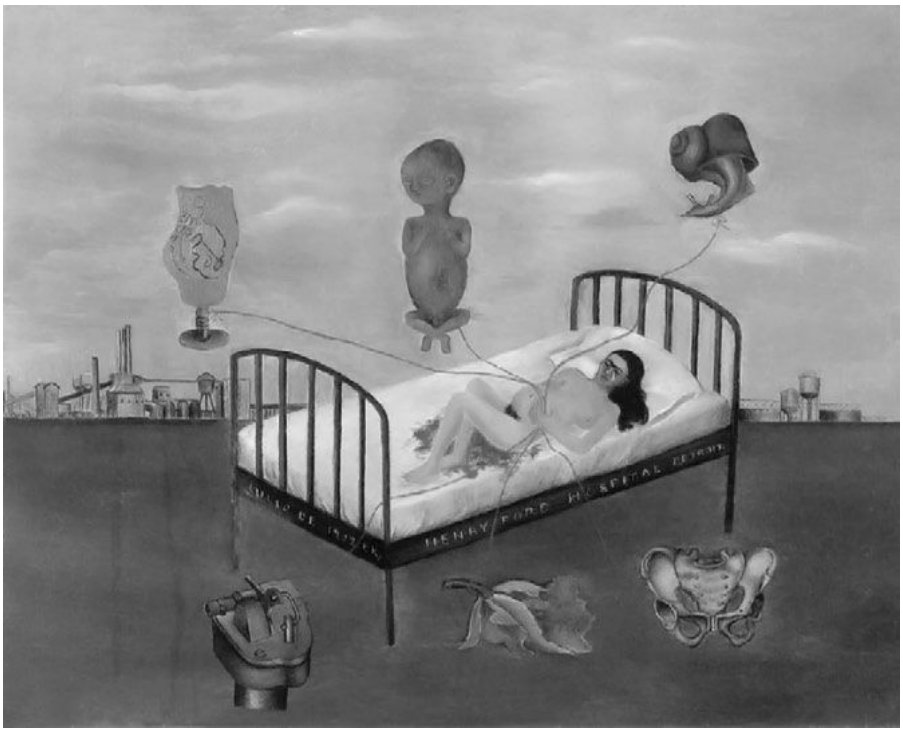
работы…



Новобрачные Фрида и Диего на картине Фриды Кало

Диего Ривера, прославленный художник-монументалист, был огромен, толст и с глазами навыкате. Он отличался бурным нравом и не менее бурной биографией. Ривера учился в Европе, где встречался с Пабло Пикассо, Андре Бретоном и Львом Троцким, а вернувшись на родину, обратился в своем творчестве к народным мексиканским традициям, фольклору и наследию доколумбовой эпохи. Его масштабные фрески украшали частные и правительственные здания Мексики, а его большое сердце было открыто всем женщинам без исключения. В Париже он был женат

на русской художнице Ангелине Беловой, но изменял ей с Марией Стебельской, которая родила ему дочь. Уехав из Парижа, Диего забыл и про дочь, и про жену, и про любовницу. Он женился на мексиканке Гваделупе Марин, которая родила ему еще двух дочерей, но всей ее страстности и властности было недостаточно, чтобы держать Диего в рамках семьи. Гваделупе терпела его постоянные измены – но в конце концов он ушел и от нее.



Фрида Кало. Госпиталь Генри Форда, 1932 г.

Только что разведенный Диего увлекся Фридой – и постепенно это увлечение переросло в любовь, смешанную со страстью и преклонением. Диего, который был известным бабником, – несмотря на полноту и откровенно некрасивую внешность, Диего, который пользовался постоянным успехом у женщин, – пал перед Фридой, ее силой, остроумием, талантом и неутолимой жаждой жить. Она соединяла в себе западную культуру и мексиканский темперамент, мужскую силу и женское очарование. 21 августа 1929 года Фрида Кало вышла замуж за Диего Риверу. Ей было 22 года, ему – на двадцать лет больше. Родители Фриды не одобряли этого брака – по их мнению, это была «свадьба слона и голубки», жених был похож на «жирного-жирного Брейгеля», к тому же коммунист, – но Фрида смогла их убедить. К тому же Диего заплатил все долги семьи Кало…

Фрида писала в «Дневнике»: «Говоря о нашем союзе с Диего, быть может, чудовищном, но все же священном, скажу: это была любовь». Свой свадебный наряд – длинную юбку в горошек с воланами, блузу и шаль – Фрида одолжила у горничной своих родителей. Этот костюм тихуанских крестьянок считался символом свободолюбия; им Фрида словно кричала всему свету о своей любви к Диего. Отныне она навсегда распрощалась и с мужским костюмом, и со строгой прямой юбкой – традиционной одеждой коммунисток, – потому что хотела походить на мексиканок, воспетых и любимых ее Диего. Фрида поняла, что пышные юбки и расшитые блузы мексиканских крестьянок великолепно скрывают ее физические недостатки – и, кроме этого, невероятно ей идут, подчеркивая ее жизнерадостный характер.

Фрида Кало. Портрет Диего Риверы, 1935 г.

Много лет спустя Фрида писала: «В моей жизни было две катастрофы: первая – когда автобус врезался в трамвай, вторая – Диего. Вторая страшнее». Уже в день свадьбы начались неприятности. На свадебном приеме Гваделупе задрала Фриде юбку и показала всем присутствующим ее изуродованную ногу, а затем приподняла свой подол – «Вот ради чего он отказался от моих ног!» Диего тоже продемонстрировал свой буйный нрав: напившись, он открыл стрельбу и даже ранил одного из гостей. Испуганная Фрида сбежала к родителям, и утром Диего пришлось просить прощения и уговаривать свою молодую жену вернуться к нему. Кроме того, Ривера просто не умел быть верным мужем. Он

изменял с каждой своей натурщицей, со случайными женщинами, – но всегда возвращался к Фриде, которая молча ждала его. Правда, при всем при том Диего был болезненно ревнив, и стоило ему что-нибудь заподозрить – немедленно следовала буйная сцена с рукоприкладством, громкими криками и стрельбой. Но Фрида терпела все. Ради счастья быть рядом с ним она, не обращая внимания на постоянные мучительные боли, отправилась вместе с Диего в Сан-Франциско и Детройт, где у Риверы были заказы. На светских вечеринках одетая в яркие мексиканские платья Фрида неизменно привлекала к себе все внимание. Она шутила, рассказывала на ломаном английском занятные истории и пела мексиканские народные песни. Никто не подозревал, что за этой внешней радостью и буйством красок скрывается боль и трагедия. Фрида безумно хотела родить Диего ребенка, но три беременности – что при ее здоровье само по себе было подвигом – заканчивались выкидышами. Всю свою тоску, все безутешное отчаяние Фрида выплескивала в своих картинах. Ее автопортреты были полны ярких красок и страдания, на них были веселые птицы – и никогда не улыбающееся лицо Фриды. Символика и колорит ее картин уходят корнями в национальную индейскую мифологию, которую она прекрасно знала. В их с Диего доме в Сан-Анхеле была великолепная коллекция искусства доколумбова периода и предметов современного кустарного промысла. Яркие краски, отсутствие перспективы, четкие силуэты и детали, наивность рисунка и откровенность сюжетов – во всем просматриваются традиции мексиканского магического реализма и «наивного искусства» индейцев. Она воспевала свою боль, и вместе с нею – свою любовь к Диего. В ее живописи не было запретов, не было табу – только наедине с кистью она могла быть полностью откровенна, перенося на холст свое отчаяние и боль. Как писал Диего Ривера, Фрида «никогда ничего не преувеличивала, не изменяя точным фактам, сохраняя глубокий реализм, извечно присущий мексиканскому народу и его искусству, даже тогда, когда она прибегает к аллегориям, доводя их до космогонического обобщения».

Диего был первым и всегда оставался самым понимающим критиком творчества жены, но их отношения трещали по всем швам. В 1934 году между Фридой, истощенной повторными операциями, и Диего произошел разрыв: она застала его в постели с ее собственной младшей сестрой Кристиной. Диего пытался успокоить Фриду: «Забудь это, как маленькую царапину!» Фрида хлопнула дверью и переехала сначала в дом родителей, а затем в Нью-Йорк. Свою обиду она, как всегда, выплеснула на холст – картина называлась «Всего-то несколько царапин». Но вскоре Фрида вернулась – жить вдали от Диего она не смогла.

Фрида Кало. Всего-то несколько царапин

В январе 1936 года в Мексику прибыл «трибун русской революции» Лев Троцкий и его жена Наталья Седова, изгнанные Сталиным из родной страны. Политическое убежище им было предоставлено по ходатайству Риверы, но сам он в это время находился в больнице, и гостей встречала Фрида. Она привезла их в Голубой дом – он, выстроенный для большой семьи, давно уже пустовал: сестры вышли замуж, мать умерла… Фрида Кало почти мгновенно пленила престарелого революционера, с молодости славившегося любовью к ярким и сильным женщинам. В его жизни было мало веселья и радости бытия, которыми буквально светилась Фрида, а ее привлекал его ореол «великого революционера» и внутренняя сила. Их роман был окутан тайной: Фрида и Лев Давидович переговаривались по-английски (ни Диего, ни Седова английского не знали), а записки передавали в книгах. Однако Наталья Седова слишком хорошо знала своего мужа; она все поняла, и он с трудом умолил ее о прощении. Троцкие съехали из Голубого дома. Фрида без сожалений отдала его письма: как бы ни был велик Троцкий, но он не мог заменить ей Диего. Сохранилось только одно письмо, случайно забытое среди страниц книги: «Ты вернула мне молодость и отняла рассудок. С тобой я, 60-летний старик, чувствую себя 17-летним мальчишкой. Я хочу слиться с твоими мыслями и чувствами. О,

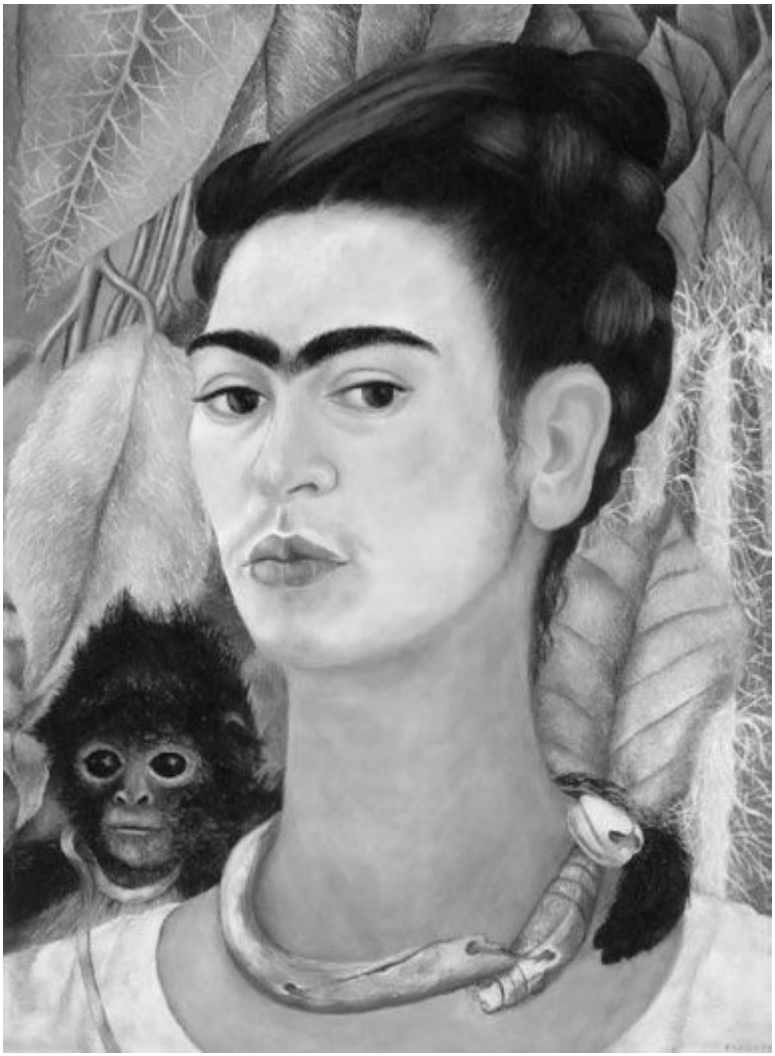
моя любовь, мой грех и моя жертва!…» Одна из ее подруг вспоминала, что Фрида уже давно устала от этого романа: «Как мне надоел этот старик!» – говорила она…

Ривера, как это часто бывает, узнал о романе жены одним из последних. После нескольких лет бурных скандалов, обид и взаимных упреков Диего и Фрида в 1939 году приняли решение развестись.

Автопортрет, посвященный Льву Троцкому

Историки предполагают, что если бы Диего узнал обо всем вовремя, Троцкий бы погиб, не дожидаясь удара ледоруба Ра мона Меркадера в 1940 году. Но все-таки, когда Троцкий погиб, Ривера находился под подозрением и был вынужден скрываться в Сан-Франциско у своих любовниц Полетт Годар и Ирен Богус, пока

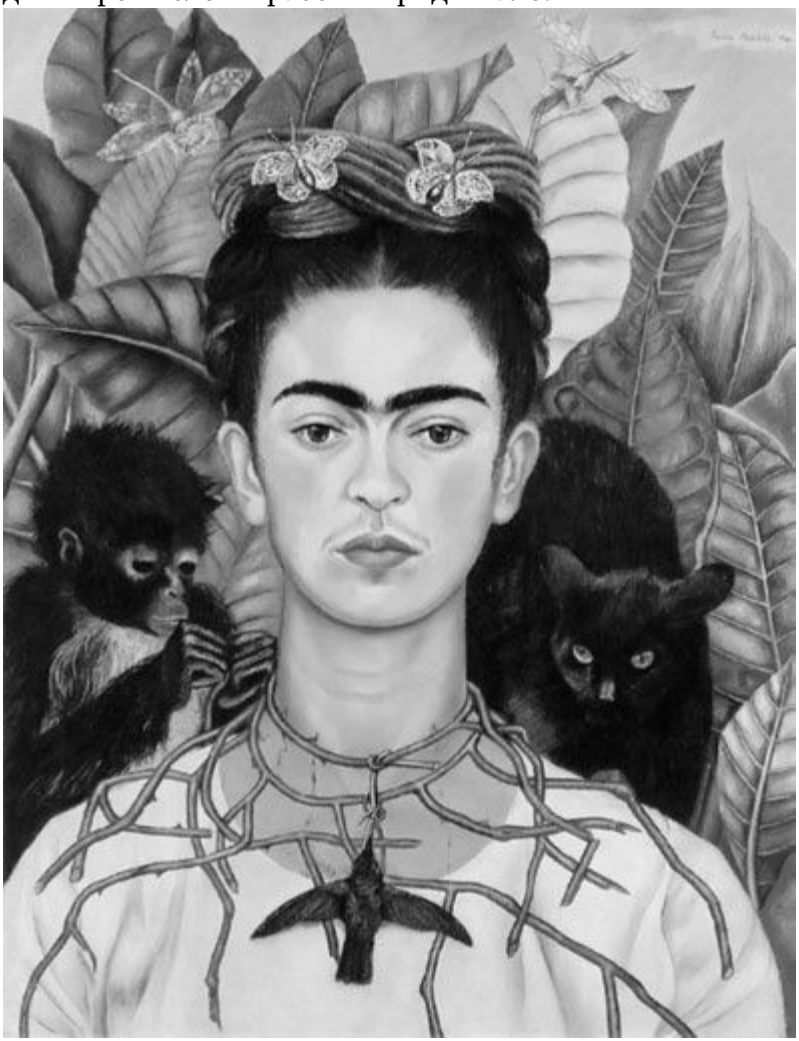
следствие не было закончено.



Фрида Кало. Автопортрет с обезьянкой, 1938 г.

Может быть, для Фриды развод стал возможным потому, что она наконец начала приобретать финансовую независимость. Раньше она очень переживала из-за того, что они с Диего живут только на его заработки, а ее лечение требует слишком больших средств. Она стеснялась просить у него деньги, предпочитая занимать у друзей, тем более что и Диего зачастую тратил больше, чем зарабатывал. Но в ноябре 1938 года в Нью-Йорке прошла персональная выставка Фриды Кало, привлекшая огромное внимание критиков – половина картин была тут же раскуплена. Фрида вспоминала: «Несмотря на мое недомогание, настроение было прекрасным, меня охватило редкое ощущение

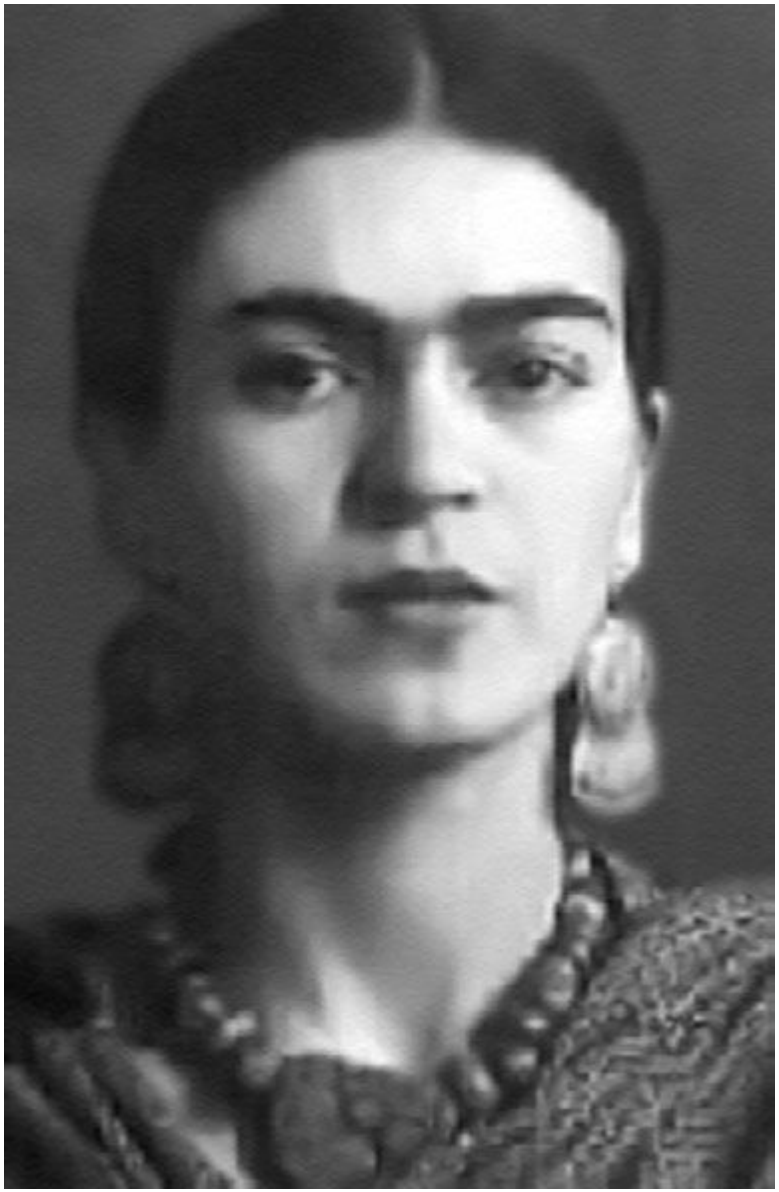
свободы от того, что я вдруг оказалась далеко от Диего… В галерее было полно народу. Люди проталкивались к моим картинам, которые, видимо, потрясли их. Это был полный успех». Фрида произвела фурор не только своим искусством – «суровым, хрупким, как крылья бабочки, восхитительным, как улыбка ребенка, и жестоким, как горечь жизни», по словам Риверы, но и сама по себе – своим характером, манерой одеваться, своей силой духа. У нее начался роман с фотографом Николасом Мюреем, который покорил Фриду своей добротой, вниманием и нежностью, – никогда она еще не сталкивалась с подобным отношением. Вдохновленная им, Кало снова вернулась на свою вечную битву с жизнью. В январе 1939 года ей покорился Париж. Андре Бретон, отец сюрреализма, организовал выставку «Вся Мексика», где были представлены предметы индейских культов, народных промыслов и работы Фриды Кало.



Фрида Кало. Автопортрет с обезьянкой, 1938 г.

Художница и ее картины стали настоящей сенсацией, одну из них даже купил Лувр. Пресыщенная парижская богема поголовно влюбилась в Фриду. Восхищенный Пабло Пикассо писал Диего: «Ни ты, ни Дерен, ни я не в состоянии написать такое лицо, какие пишет Фрида Кало». Женщины пожирали глазами необыкновенные наряды Фриды – длинные яркие многоцветные платья, украшенные пестрой вышивкой, пышные нижние юбки, ее прическу – роскошные косы, перевитые цветами и лентами, ее тяжелые грубые украшения. Модельер Эльза Скиапарелли, вдохновленная одеждой Фриды Кало, создала модель «Платье синьоры Риверы», а обложку журнала «Вог» украсила фотография тонкой руки Фриды в необычных кольцах.

Опьяненная успехом, Фрида прилетела в Нью-Йорк к Николасу – но там ее ждало разочарование: он собрался жениться на другой. Снова боль, снова разочарование, снова одиночество… И снова Фрида ищет спасения в творчестве. Зимой 1939/40 года она работает, как никогда. Созданная в это время серия автопортретов – «Автопортрет с обезьянкой и пластиной на шее», «Автопортрет с ожерельем из шипов и колибри», «Автопортрет с короткой стрижкой», «Две Фриды», – выражала все, что происходило в душе у этой женщины, изувеченной и болезнью, и разлукой с любимым человеком. Мексиканский поэт Карлос Пеллисер, безнадежно влюбленный в Фриду, посвящал ей сонеты, друзья окружали ее, но без Диего Фрида чувствовала себя одинокой. Однажды в больнице ее навестил богатый американский коллекционер Хайнц Берггрюэн. Он был покорен Фридой мгновенно – после бурного секса прямо в больнице он увез ее в Нью-Йорк. Снова короткий период счастья… Диего, который как раз в это время скрывался в Сан-Франциско, узнал об этом – и был раздавлен: Фрида, которую он привык считать своей женой и своим творением, счастлива с другим! Он понял, что не может потерять Фриду, и бросился на штурм. Пока Хайнц растерянно наблюдал, Диего заваливал Фриду письмами с просьбами, обещаниями и заверениями в любви. Наконец Фрида дрогнула: она послала Диего телеграмму с обещанием приехать к нему в конце ноября. Хайнцу ничего не оставалось, как тихо исчезнуть.



Фрида Кало. Автопортрет, 1940 г.

Диего Ривера и Фрида Кало вновь поженились в декабре 1941 года. Фрида выдвинула мужу ряд условий: никаких интимных отношений – при его изменах для нее это было бы мучительно, – никакой ревности, терпимость и материальная независимость. «Я был так счастлив вернуть Фриду, что согласился на все», – вспоминал Диего. Они поселились в Голубом доме – «уже навсегда, без ссор, без всего плохого – только для того, чтобы любить друг друга». Фрида, жизнь которой наконец обрела спокойную стабильность, продолжала работать – она писала

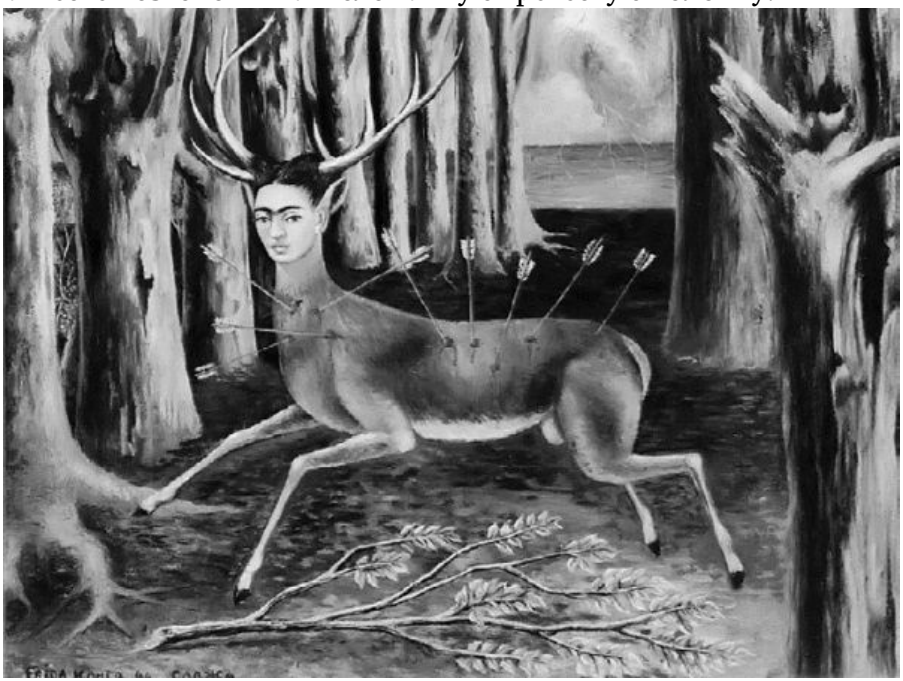
столько, сколько позволяла ей жизнь с Диего и ее изувеченное тело. Больше всего она жалела, что ее сил хватает всего на несколько часов работы в день. В 1942 году супруги Ривера начали преподавать в только что открытой школе искусств «Эсмеральда».

Фрида и Диего.
Рисунок Фриды Кало, 1930 г.

Из-за слабого здоровья Фрида преподавала дома – ученики приходили к ней и, очарованные ею, рисовали, рассевшись на

плитах двора, пока она разъезжала между ними в инвалидном кресле. В конце 40-х годов ее отношения с Диего снова чуть не прекратились – у него был роман с актрисой Марией Феликс, и Фрида едва не сломалась окончательно.

Она пристрастилась к алкоголю, который позволял хоть ненадолго забыть о Диего и постоянной боли. «Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее я хочу заставлять их страдать», – говорил Ривера. Но в жизни Фриды и так остались одни страдания. В 1944 году Фрида закончила картину «Сломанная колонна», аллегорию ее страданий: истерзанное тело Фриды стиснуто металлическим корсетом, а рассеченная спина обнажает на месте позвоночника – сломанную греческую колонну.



Фрида Кало. Раненый олень, 1946 г.

Ее здоровье продолжало ухудшаться. В 1945 году – операция на позвоночнике в Нью-Йорке, через год – в Мехико. Постоянную боль не снимал даже морфий; корсеты – кожаные, гипсовые, металлические, некоторые весом до 20 килограммов – поддерживали ее спину, но добавляли лишние страдания. В 1951 году Фрида перенесла семь операций, за всю жизнь их было 32. На ее автопортретах – кровь, терновый ошейник, кинжалы, вырванное сердце – символы ее страданий.

Фрида Кало. Древо надежды, 1946 г.

Только однажды, готовясь к очередной операции, Фрида вместо автопортрета напишет «Раненого оленя» – спина его утыкана стрелами. А после операции – «Древо надежды»: Фрида лежит на носилках с израненной спиной, а перед ней сидит другая Фрида, в руках у нее – корсет и плакат с надписью: «Древо надежды, стой прямо». Фрида устала. Устала жить, устала бороться, устала чувствовать боль. Ее все чаще беспокоят мысли о смерти, это немедленно отразилось на ее картинах, которые наполняются трагизмом, страхом и дурными предчувствиями.

Она предприняла несколько попыток самоубийства, один раз чуть не спалила себя заживо. Диего мчался к ней по первому зову – теперь, когда конец был близок, он наконец полностью осознавал, какая великая женщина была рядом с ним. А Фрида кричала от боли в своей комнате, которую Диего расписал для нее яркими бабочками, и снова звала его… «Мой крылатый Диего, моя тысячелетняя любовь», – шептала она…

Из-за начавшейся гангрены Фриде ампутировали правую ногу. У нее не осталось сил, депрессия накрыла ее с головой. Только Диего, который все время был рядом с нею, не позволил ей умереть прямо в больнице. Втайне от жены он подготовил ее выставку в галерее Лолы Альварес. Фрида на час вырвалась из больницы, чтобы в последний раз насладиться триумфом.

Она больше не могла писать, а значит – не могла жить. Уже много лет только работа, только живопись держали ее на этом свете. Последняя написанная картина – натюрморт с арбузами – называется «Да здравствует жизнь!» Но жизнь скоро закончилась. 13 июля 1954 года Фрида Кало умерла от пневмонии. Последняя запись в ее дневнике гласит: «Надеюсь, что уход будет удачным, и я больше не вернусь».

Диего Ривера – «монстр и святой в одном лице» – последовал за Фридой через три года.

Урна с прахом Фриды Кало покоится в ее Голубом доме, превращенном в музей. Там всегда многолюдно. Фриду Кало, которая жила ярко и страстно, не могли забыть. В шестидесятые годы личность Фриды – страстная женщина, свободная в любви и в творчестве, – была очень актуальной. В семидесятые, когда в моде были яркие краски и примитивизм, ее творчество и стиль в одежде вознесли на вершину. В восьмидесятые, когда расцвел

буйным цветом феминизм, она стала одной из его икон. В буквальном смысле – ей воздвигали алтари, а религию, которую исповедовала в ее память творческая богема, назвали «калоизм». Картины Фриды ценятся на вес золота, о ее жизни пишутся книги и снимаются фильмы. Она доказала, что можно жить вот так – наперекор боли, страданиям, наперекор самой судьбе, можно жить и при этом быть счастливой, без оглядки на правила, чужие мнения и саму себя… Она не хотела возвращаться, но из памяти людской она никогда не уходила – и не уйдет. Маленькая женщина, своим творчеством победившая саму себя.

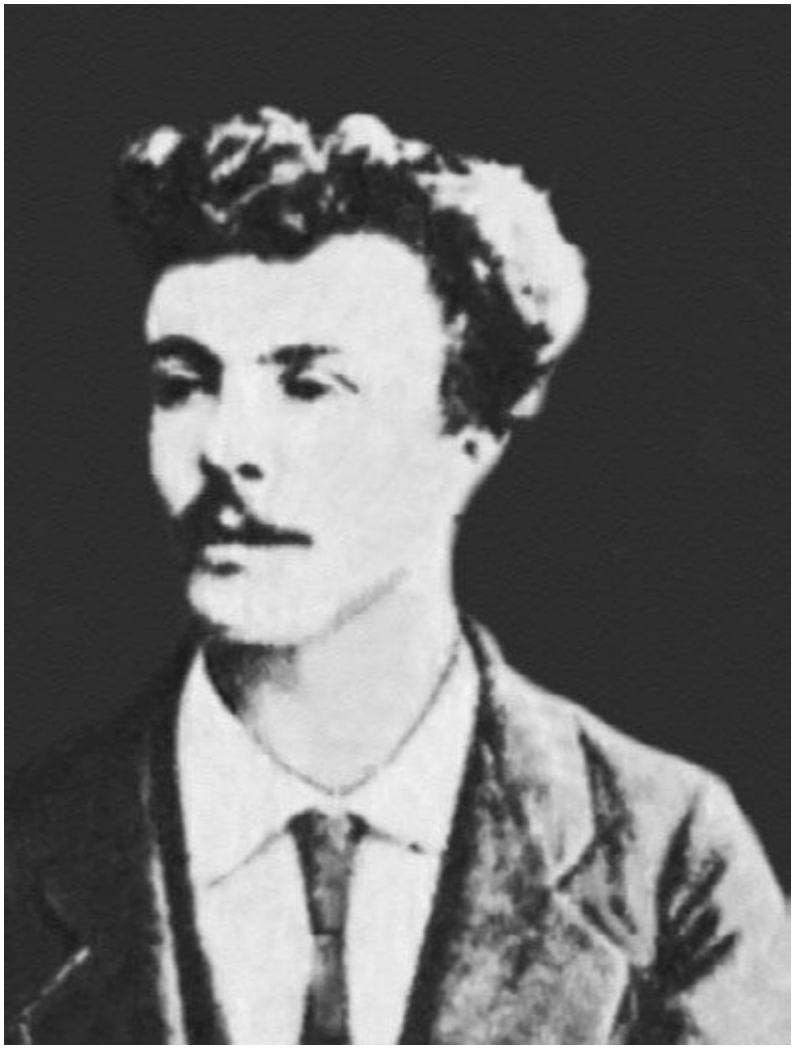
Эдит Пиаф

ЛЮБОВЬ ПАРИЖСКИХ УЛИЦ

В октябре 1935 года посетители, среди которых были известные журналисты, директор Радио-Сите Марсель Блештейн-Бланше и Морис Шевалье, собрались в бывшем ресторане «Жернис» на улице Пьер Шаррон на открытие кабаре. Директор нового заведения Луи Лепле вышел на сцену и торжественно произнес: «Несколько дней назад я проходил по улице Труайон. На тротуаре пела девушка с бледным, болезненным лицом. Ее голос проник в мое сердце, взволновал, поразил меня». Потом он добавил, что у девушки нет вечернего платья, что она лишь недавно научилась кланяться публике, что она будет петь в своем повседневном наряде – «без грима, без чулок и в короткой юбке за четыре су». «Я рад представить вам – Малышка Пиаф!» Девушка вышла, кутаясь в дешевую шаль – робкая попытка скрыть, что у ее свитера отсутствовал один рукав, – но когда она запела «Бездомных девчонок», зал онемел. Во время последнего припева шаль, маскирующая дефект ее свитера, упала – она уже ожидала смеха, насмешек, – но зал взорвался аплодисментами. Когда они отгремели, в установившейся ожидающей тишине раздался голос: «Да у малышки неплохо получается!» Это был сам Морис Шевалье, великий шансонье, тогда находящийся в расцвете славы. Малышка Пиаф в растерянности убежала за кулисы. Лепле остановил ее: «Ты завладела их сердцами, будешь владеть ими завтра и всегда!»

Этот вечер Пиаф всегда называла самым тяжелым – и самым счастливым моментом в своей жизни.

Лепле оказался хорошим пророком. Отныне и навсегда хрупкая невысокая девушка, с его легкой руки обретшая имя Пиаф, завладела любовью всего света. Стоило один раз услышать ее неповторимый голос, и забыть его становилось невозможно; страстный, словно холодными пальцами хватающий за сердце, удивительно мощный и неожиданно нежный, он всегда пел о любви. Такой разной и всегда такой сильной. Наверное, потому, что у самой Эдит любви было слишком мало…



Дед Эдит, цирковой наездник Виктор Гассион

Эдит Пиаф всегда гордилась тем, что пришла на сцену прямо с улицы. По легенде, распространяемой всеми ее биографами, она и родилась прямо на парижской улице Бельвиль, под фонарем у дома номер 72. Это случилось 19 декабря 1915 года в три часа ночи; роды принимали двое полицейских. Мать новорожденной, цирковая артистка и певица Анита Майар, выступавшая под псевдонимом Лина Марса, не успела добежать до больницы. Ее муж, акробат Луи Гассион, в это время – по счастливому совпадению – находился в увольнительной с фронта и отмечал это радостное событие во всех соседних кабачках. Девочку назвали Эдит.

По сути, имя – это единственное, кроме жизни, что мать успела дать своей дочери. Лине гораздо больше нравилось

проводить время на улице, чем с дочкой: «она была настоящая актриса, но у нее не было сердца», скажет потом Эдит. Через два месяца Лина на долгие годы исчезнет из жизни своей дочери – потом, когда Эдит Пиаф станет знаменитой, ее мать объявится только затем, чтобы через суд потребовать от нее денег. В конце концов она умрет пьяной на улице…

Двухмесячная девочка оказалась на полном попечении родителей Лины, которые тоже не отличались любовью к детям – зато очень любили выпить. Когда Луи Гассион в 1917 году вернулся с фронта, он обнаружил свою дочь в ужасающем состоянии: «головка, как надувной шар, руки и ноги, как спички, и грудка цыпленка». Эдит была истощена, ужасающе грязна и к тому же практически ничего не видела – от конъюнктивита ей залепило глаза гноем. Луи отвез дочку к своей матери в Нормандию, в городок Бернейе – она работала кухаркой у своей сестры Мари, которая держала публичный дом.

В этом неподходящем для ребенка месте Эдит провела три года, и, по сути, это были ее единственные детские годы. Девушки из «заведения» заботились о маленькой Эдит, учили ее всему, что знали сами, возили ее по врачам. Наконец девочка прозрела – по другой легенде, это произошло после молебна, который все обитательницы «заведения мадам Мари» отслужили святой Терезе.

Так это или нет, но всю свою жизнь Эдит считала святую Терезу своей покровительницей.

Около года Эдит даже ходила в школу; но родители остальных детей были против того, чтобы рядом с их отпрысками сидела девочка, которая живет в борделе. Мадам Мари вызвала Луи, и тот забрал Эдит с собой в Париж.

Луи Гассион зарабатывал тем, что выступал с акробатическими номерами на парижских улицах. Он прекрасно понимал, что если в номере будет принимать участие маленький ребенок, им дадут больше, и пытался научить Эдит своему ремеслу; правда, у него ничего не вышло. Зато когда Эдит попробовала, собирая деньги, спеть, – монетки посыпались дождем. «У этой девочки все в горле и ничего в руках», – заметил Луи и с тех пор всегда заставлял дочь петь. Первым номером, с которым девятилетняя Эдит выступила перед публикой, была песенка под названием «Я потаскушка».

Когда Эдит исполнилось пятнадцать, она рассталась с отцом. Ей надоели и его постоянно меняющиеся подружки, и то, что он пропивал заработанные ею деньги. Эдит сняла комнату и начала самостоятельную жизнь; чуть позже к ней присоединилась ее сводная сестра по отцу Симона Берто, которую Эдит звала Момона, младше Эдит на два с половиной года. Девушки вместе пели на улицах, вместе тратили деньги в бистро и вместе знакомились с мужчинами, предпочитая солдат и моряков. Эдит совершенно не укладывалась в каноны красоты того времени, любящего пышные формы и статность, – рост меньше полутора метров, болезненная худоба и полное отсутствие соблазнительных округлостей, – но мужчины всегда роились вокруг нее, как пчелы вокруг горшка с медом. Своего первого мужчину она забыла через несколько дней; о втором помнила лишь, что он научил ее играть на мандолине и банджо. Мужчины и вино были единственными доступными развлечениями для Эдит, и она обожала и то, и другое, тратя по кабакам все заработанные деньги. «Если на тебя смотрит парень, ты уже не пустое место, ты существуешь. С ними можно и похохотать и побеситься, солдаты – легкий народ», – говорила она.

В семнадцать лет Эдит встретила свою первую любовь – Луи

Дюпона по прозвищу Малыш, всего на год старше ее. Они стали жить вместе – и вскоре оказалось, что Эдит беременна. Родившуюся 11 февраля 1933 года девочку назвали Марселлой Дюпон – Эдит была настолько не готова к роли матери, что даже не позаботилась подготовить ребенку приданое. Положение спасла очередная подружка ее отца, принесшая для Марселлы вещи, оставшиеся от ее дочери Дениз – еще одной сводной сестры Эдит.

Малышка, которую родители ласково назовут Сессель, почти повторила судьбу самой Эдит. Ее не с кем было оставить, и Эдит целыми днями таскала ее за собой в коляске – и на выступления во дворах, и на гулянки в кабаках. Ей не нравилось быть матерью, но еще больше не нравилось быть женой – Малыш Луи требовал, чтобы она угомонилась и сидела дома с дочкой и вела хозяйство. Правда, домом в их случае были дешевые комнаты в убогих отелях. В конце концов Эдит однажды сложила все свои и Сессель вещи в коляску – и ушла от Луи. В последней попытке вернуть Эдит Луи выкрал у нее дочь – но та только вздохнула с облегчением. А когда Сессель было два с половиной года, она умерла от менингита. Больше детей у Эдит никогда не будет.

Чтобы добыть деньги на похороны, Эдит пошла на панель. Правда, снявший ее мужчина, узнав, зачем этой худосочной малышке деньги, отдал ей купюру и ушел.

Вскоре Эдит и не вспоминала о том, что когда-то у нее была дочь. Она по-прежнему проводила время на улицах, пела и шлялась с парнями, пока однажды ее не занесло в центр, где среди ее слушателей оказался Луи Лепле. Он пригласил уличную девчонку пройти прослушивание в его кабаре, подобрал ей репертуар, придумал псевдоним – Пиаф, что на парижском жаргоне означает «воробей». Именно про воробья пела Эдит, когда Лепле встретил ее. Правда, по-французски воробей будет «муано», но Малышка Муано уже давно пела в парижских кабаре, и Малышке Эдит пришлось стать Пиаф.

Вся ее жизнь была посвящена песне

Первое выступление прошло с неожиданным даже для Лепле успехом; последующие проходили все лучше и лучше. Краткосрочный контракт перерос в постоянный. Лепле записал Эдит пластинку «Чужестранец» и даже организовал для нее выступление на Радио-Сите. Опьяненная первым успехом, Эдит пошла вразнос. Такого количества мужчин вокруг нее не вилось еще никогда, и на удовольствие угостить их тратились все ее гонорары. Ей казалось, что она поймала удачу, что счастье наступило – но все рухнуло. 6 апреля 1936 года Луи Лепле был застрелен в своей постели, и среди его убийц были дружки Эдит. Газеты взвыли: певица причастна к гибели своего директора! Ее несколько месяцев таскали на допросы, некоторое время даже

продержали в одиночной камере, но доказать причастность Эдит к преступлению не удалось.

Эдит выпустили на свободу, но для нее все было кончено. Газеты травили ее, зрители не хотели ее слушать, работы для девушки, замешанной в убийстве, не было нигде. Наконец она уехала в Брест, чтобы там петь между фильмами в местном кинотеатре. Но и здесь она не задержалась надолго: вскоре контракт был разорван из-за того, что Эдит больше интересовалась парнями, чем работой. Пришлось снова вернуться в Париж и снова петь на улицах. «Удача – это как деньги, – говорила себе Эдит. – Она уходит гораздо быстрее, чем приходит». И снова вокруг нее были мужчины, большинство из которых она не знала по имени. Эдит не была ни нимфоманкой, ни проституткой; она просто не могла быть одна, ей – как

дышать, как петь, – было необходимо чувствовать себя нужной, желанной и любимой. При этом мужчины быстро надоедали ей; она всегда уходила первой. «Женщина, которая позволяет, чтобы ее бросили, – круглая дура. Мужиков вокруг пруд пруди. Каждому любовнику нужно найти замену до, а не после. Если после, то тебя бросили, если до – бросаешь ты. Большая разница».

Эдит скатывалась все ниже и ниже; она была уже близка к тому, чтобы снова оказаться там, откуда начала, – в дешевых кабаках и грязных дворах, но тут ей встретился Раймон Ассо – «длинный, худой, нервный, с очень черными волосами и загорелым лицом». Впервые они встретились еще при жизни Лепле, когда Пиаф случайно оказалась у одного издателя. За роялем сидел мужчина и наигрывал какую-то песню, а затем спросил у Эдит, что она о ней думает. Эдит честно сказала, что музыка неинтересная, зато слова ей понравились. Ассо, который оказался автором текста, был весьма польщен. Вновь они встретились, когда Ассо был секретарем у известной певицы кабаре Мари Дюба. Сначала он пригласил ее на концерт Дюба, затем они стали встречаться просто так, пока однажды он не пообещал Эдит, что сможет вытащить ее со дна, если займется ею всерьез. Он стал для Пиаф другом, любовником, учителем, импресарио и автором песен. Именно Ассо – образованный, педантичный, умный и очень терпеливый, – сделал из Малышки Пиаф – певицу Эдит Пиаф, что было весьма нелегко. Он взялся за ее образование – Эдит еле читала по слогам и не всегда могла понять даже слова в текстах песен, которые исполняла. Даже в редких автографах она умудрялась делать ошибки! Кроме того, он учил ее хорошим манерам – Эдит, выросшая на самом дне, не умела правильно держать вилку, ругалась как пьяный сапожник и чавкала, как поросенок. Раймон привил Эдит манеры, научил ее одеваться и следить за собой, создал ее стиль, сочинил для нее несколько замечательных песен – музыку к ним написала Маргерит Монно, на долгие годы ставшая не только любимым композитором Пиаф, но и ее ближайшей подругой. Она научила Пиаф играть на рояле и читать ноты, но главное – она научила ее понимать мелодию, видеть душу песни. «Лучший подарок, который мне сделал Раймон, – это Гит!» – признается Эдит.

Эдит с трудом переносила эту «муштру»; иногда она сбегала, возвращаясь под утро и пьяной в дым. Но Раймон умел держать ее в руках. Она действительно любила его – и как мужчину, и как учителя, понимая, что только благодаря ему она сможет подняться наверх, что он – единственный мужчина в ее жизни, кому интересна ее душа, а не только ее тело. Она даже стерпела, когда Раймон разлучил ее с Момоной, которая, по его мнению,

тянула Эдит назад.

Наконец, именно Раймон в 1939 году добился для нее контракта в одном из знаменитейших парижских мюзик-холлов «АВС» на Больших бульварах. Когда на сцену вышла Эдит – маленькая, худая, в бедном коротком черном платье (и это после длинных шлейфов из блесток и перьев, которые публика привыкла видеть на певицах!), зал замер в недоумении, но стоило ей запеть – и зрители пали к ее ногам. На следующее утро все газеты вышли с заголовками: «Вчера во Франции родилась великая певица, и ее имя Эдит Пиаф!»

С этого выступления путь Эдит к славе уже не прерывался,

ведя только вверх. Выступления на лучших площадках, интервью в крупнейших газетах, записи на студиях, приглашения на радио и светские рауты. Раймон навсегда определил стиль выступлений Эдит: минимум декораций, сдержанный свет, ничто не отвлекает внимание от певицы в простом черном платье до колен с длинными рукавами – руки Эдит прятала, потому что считала их некрасивыми; скупые жесты, локти прижаты к бедрам, глаза закрыты…

Почувствовав себя уверенно, Эдит бросила Раймона: по ее словам, она устала от его постоянных наставлений. На самом деле он просто перестал ее волновать как мужчина. «Любить по-настоящему можно, только когда чувствуешь это как в первый раз. Когда любовь остывает, ее нужно или разогреть, или выбросить. Это не тот продукт, который надо держать в прохладном месте!» Правда, Эдит умела быть благодарной – она прекрасно помнила, кто сделал ее звездой. Они с Ассо остались друзьями, он продолжал писать для нее песни, а она – помогать ему каждый раз, когда он в этом нуждался.

Место рядом с Эдит долго не пустовало. Она сошлась с Полем Мёриссом – чопорным красавцем, сыном владельца банка, которому, правда, больше нравилась сцена, чем банковские операции. Ему было двадцать шесть лет, у него был светский шарм, отточенные манеры и безупречный вкус, и он абсолютно не был похож на прежних мужчин Пиаф. С ним она обрела настоящий лоск – влюбленные начали с того, что переехали в престижный район Этуаль, а продолжили образование Эдит у дорогих парижских портных и в магазине Картье. Всю последующую жизнь именно у Картье Эдит будет покупать дорогущие подарки для своих возлюбленных.

Эдит Пиаф и Поль Мёрисс

Эдит и Поль были совершенно разные: она – взбалмошная, открытая, с пожаром внутри и бурей вокруг, а он – педантичный, замкнутый и чопорный, больше всего на свете ценящий размеренность и «комильфо». Довольно быстро их счастливая совместная жизнь превратилась в непрекращающуюся войну со скандалами, битьем посуды и хлопаньем дверьми. Глядя на эту парочку, драматург Жан Кокто – с ним Эдит познакомилась в 1940 году и сразу же подружилась – написал пьесу «Равнодушный красавец». Сюжет прост: женщина бесится, изливая свое негодование на мужчину, который молча лежит на кровати и читает газету, а когда он встает и уходит – бросается за ним, умоляя не бросать ее. Сыграть пьесу в театре он предложил самим Эдит и Полю. Эдит недоумевала: как же она будет играть? Столько слов, и ни одной песни! Она не актриса, она умеет только петь. Однажды она, правда, снималась в кино – в 1937 году Эдит Пиаф получила небольшую роль в фильме «Холостячки», – но это было несерьезно. Кокто уговаривал ее: «Все очень просто. Поль ничего не говорит, а ты играешь сцену, которую устраиваешь ему каждый день». Тем не менее многие, включая саму Эдит, сомневались в успехе. Когда она вышла на сцену в день премьеры, от ужаса она забыла слова. Но, взяв себя в

руки, отыграла весь спектакль так, что зал буквально взорвался от восторга.

Поля заметили и стали активно приглашать принять участие в спектаклях и кинофильмах. В августе 1941 года она и Поль снова работают вместе, исполняя главные роли в кинофильме «Монмартр-на-Сене». На съемках фильма Эдит познакомилась с журналистом Анри Конте, который был пресс-атташе картины. Обаятельный и элегантный, он немедленно заменил Поля и в сердце, и в постели Эдит Пиаф. Анри писал для нее песни, водил ее на прогулки и по ресторанам. Но он наотрез отказывался ночевать у Эдит – во Францию пришла война, немцы ввели комендантский час, и Анри отговаривался тем, что у него нет пропуска. Как оказалось, у него была другая женщина, с которой он проводил ночи, тогда как дни он отдавал Пиаф. Эдит не пожелала смириться с таким «полулюбовником» – и она прекратила спать с ним, продолжая тем не менее с ним работать.

Эдит Пиаф и Поль Мёрисс

Эдит вернулась в отель, откуда когда-то съехала вместе с Полем Мёриссом. Несмотря ни на что, она продолжала репетировать, разучивать новые песни, выступать. В это время, когда было не до песен, Эдит продолжала петь – ведь это единственное, что она умела делать. Бежать она не хотела – да и куда могла она убежать из Парижа, единственного места на земле, в котором она умела жить? Даже во время оккупации она продолжала давать концерты, не обращая внимания ни на придирки обязательной теперь цензуры, ни на засилье немецкой речи в зрительном зале. Она даже согласилась съездить с песнями

в Германию – многие поклонники отвернулись от Эдит за сотрудничество с немцами; но все гонорары она отправляла пленным солдатам, оказавшимся в немецких лагерях. Однажды Пиаф попросила разрешения сфотографироваться с группой пленных соотечественников. В Париже участники Сопротивления разрезали групповое фото на отдельные карточки и изготовили фальшивые документы. Их Эдит провезла в лагерь в свою следующую поездку, спрятав на дне коробки с гримом. Всем, кто смог бежать, эти документы спасли жизнь.

Эдит Пиаф готовится выступать перед военными

За месяц до конца войны рядом с Эдит появился еще один человек, которому суждено было сыграть в ее жизни ключевую роль. Импресарио Луи Баррье, или просто Лулу, однажды подошел к Эдит и предложил свои услуги; она согласилась, еще не понимая, какую удачу подбросила ей судьба. Он оказался преданным, умным, талантливым и проницательным человеком, который искренне заботился о благополучии самой Эдит и о

росте ее карьеры. Еще он пытался объяснить ей, как важно навести порядок в ее финансовых делах, – но это был, кажется, единственный пункт, по которому у Эдит всегда было свое мнение: деньги надо тратить, и чем скорее, тем лучше. Баррье добился для нее контракта в лучшем мюзик-холле страны «Мулен-Руж», организовал турне по Франции, гастроли по всему миру – гонорары Пиаф превысили полтора миллиарда старых франков (или пятнадцать миллионов новых), но у нее не задержалось ни франка. Она по любому поводу делала всем знакомым ценные подарки; скупала дорогущие платья у лучших кутюрье – чтоб потом ни разу их не надеть; пропивала огромные суммы в дорогих ресторанах и дешевых забегаловках, платя за всех. Кроме того, у Эдит Пиаф появилось новое дорогостоящее увлечение – открывать молодые таланты.

Эдит Пиаф и Ив Монтан в фильме «Звезды без света», 1945 г.

Первым был молодой итальянец Иво Ливи, известный под псевдонимом Ив Монтан. Пиаф обратила на него внимание, когда он однажды должен был выступать у нее «на разогреве». Эдит не

только сразу же влюбилась по уши в молодого красавца, страстного и нетерпеливого, как и сама Эдит; она решила сделать для него то, что когда-то сделал для нее Раймон Ассо, – помочь ему стать настоящей звездой. Она заставляла его работать до изнеможения, исправила его дикцию, убрала акцент, научила держаться на сцене, создала его имидж, собрала по друзьям репертуар. Несколько песен она написала для него сама – конечно же, они были о любви. Ему было двадцать два, ей почти тридцать. Монтан неоднократно просил ее стать его женой, даже познакомил со своими родителями, когда они вместе гастролировали в Марселе. За два месяца непрерывных репетиций Пиаф полностью переделала творческую индивидуальность Монтана; его триумфальные выступления в «Альгамбре» доказали, что из Пиаф получился прекрасный педагог, а из Ива – настоящая звезда.

Но, как оказалось, это было начало конца. Ив оказался неимоверно тщеславен: каждое утро он кидался к газетам, чтобы прочесть Эдит все восторженные рецензии на свои выступления, но ее успехи портили ему настроение. Эдит тоже начала замечать за собой, что иметь рядом с собой соперника, который в один прекрасный день может тебя затмить – пусть даже ты сама приложила к этому руку, – не так уж приятно. Они вместе снялись в фильме «Звезды без света», и уже тогда было заметно, что две звезды изо всех сил пытаются перетянуть внимание каждый на себя. После концерта Монтана в самом престижном зале Франции «Этуаль» они расстались. На прощание Монтан поцеловал Эдит: «Спасибо. Тебе я обязан всем».

Пиаф и Ив Монтан, 1945 г.

В начале 1946 года Эдит взялась за ансамбль «Друзья песни». После долгой работы Эдит из «Друзей» удалось сделать музыкальное событие. В ноябре 1947 года Пиаф в сопровождении «Друзей песни» отправилась в турне по США. Начало гастролей было неудачным: если «Друзей», играющих своеобразное офранцуженное кантри, американцы приняли сразу и безоговорочно, то первое выступление Пиаф в «Плейхаузе» закончилось гробовым молчанием публики. Жанр, в котором прославилась Эдит Пиаф, – реалистическая песня – был чужд американцам, которым не было дела ни до жителей парижского «дна», ни до их высоких чувств. Они ожидали «настоящую парижанку» – беззаботную, сексуальную и веселую, – а на сцену вышла маленькая грустная женщина, чьи тоска и нежность были совершенно непонятны, несмотря даже на усилия переводчика. Спасла дело умелая рекламная кампания, организованная верным

Баррье, – крупнейшие газеты настойчиво объясняли американской публике, что такое реалистическая песня, чем ценно творчество Пиаф, и что его способны понять и оценить только тонко чувствующие люди. Постепенно реклама сделала свое дело: уже через несколько дней выступления Пиаф сопровождались громовыми овациями, а билеты нельзя было достать. В итоге первоначально трехнедельный контракт превратился в трехмесячный. На выступлениях Эдит Пиаф побывала вся артистическая и политическая элита США. Чарли Чаплин, услышав пение Пиаф, прослезился, а о ее киноработах заметил: «Эта женщина должна была бы делать в кино то, что я».

Морис Шевалье, Эдит Пиаф, Марсель Сердан и Жан Конто, 1948 г.

Но Пиаф не умела быть счастливой, если рядом с нею не было любви. И она встретила его – мужчину, которого называла главной и единственной любовью своей жизни, – боксера Марселя Сердана. Он приехал для проведения матча на звание чемпиона мира, и поначалу его дела, как и ее, складывались не очень хорошо. Они начали с того, что поддержали друг друга в трудную минуту, а продолжили тем, что влюбились друг в друга по уши. Марсель оказался совсем не похожим на то, как обычно воспринимают боксеров – гора мускулов без мозгов и эмоций. Он был очень нежным, мягким и терпеливым, боготворил Эдит, выполнял все ее прихоти, обладал редким чувством такта. Журналисты спросили у Эдит: «Как вы могли полюбить боксера? Это же сама грубость!» – «Грубость, у которой стоило поучиться деликатности!», – ответила Эдит. Марсель был женат, у него двое

сыновей и собирался родиться третий, – американская пресса с удовольствием полоскала грязное белье французских знаменитостей, пока сам Марсель не расставил все точки над i: да, они любовники, но это только потому, что он женат, иначе они бы поженились. Его Маринетта, жившая в Касабланке, была в курсе. И журналисты вынуждены были заткнуться: уж если его жена благословила союз мужа, то им нечего возразить.

Впервые Эдит была спокойна и счастлива. Ее любимый был знаменит – но с нею он не конкурировал. Он был привлекателен – но для него не существовали другие женщины, кроме нее. Марсель защищал ее, делал ей дорогие подарки – и был рад, когда она в ответ преподносила ему собственноручно связанные свитера. Когда закончилось ее турне, Эдит терпеливо ждала Марселя в Париже, пока он мотался между США, где у него были бои, и ее домом. Он стал чемпионом, но удержать титул не смог, – в этом справедливо обвиняли Эдит, которая не смогла окончательно отказаться от привычного полуночного образа жизни и втянула в него и Марселя. Кроме того, один ясновидящий предсказал, что Марсель проиграет, если Эдит не будет рядом; она не смогла прилететь – в этот день у нее была премьера в Париже. Но ради него она и так пошла на многое, перекраивая свои графики и расписания выступлений в соответствии с его боями. Он прощал ей все, она хотела выйти за него замуж, родить ребенка…

Пиаф и Ив Монтан, 1945 г.

Осенью 1949 года Эдит Пиаф снова прилетела в Нью-Йорк. Вскоре сюда должен был приехать и Марсель. Эдит в телефонном разговоре умоляет его поторопиться, и Марсель вместо планируемого путешествия пароходом выбирает самолет. А 27 октября стало известно, что его самолет пропал над Азорскими островами; еще через двенадцать часов стало ясно, что он разбился, – нашли обломки, никто не выжил. Каким-то чудом Пиаф – после нескольких часов непрекращающихся рыданий – нашла в себе силы прибыть в «Версаль», где у нее было назначено выступление. Она пела «в честь Марселя Сердана, в память о нем, только для него» – «Гимн любви» на ее собственные слова, и зал слушал ее стоя. Она не смогла довести концерт до конца – во время очередной песни Эдит Пиаф упала в обморок.

Позже Эдит сказала: «Это была моя настоящая и единственная любовь. Я любила. Я боготворила… Чего бы я только не сделала, чтобы он жил, чтобы весь мир узнал, как он был щедр, как он был безупречен». Овдовевшая Маринетта позвала Эдит на помощь, и та прилетела в Касабланку первым же рейсом. Оттуда она привезла мадам Сердан и детей в Париж, где приняла на себя все заботы о семье ее любимого Марселя.

Эдди Константин, Эдит Пиаф и Шарль Азнавур, 1951 г.

Чувствуя себя виновной в его гибели, Эдит медленно сходила с ума. Она почти ничего не ела и мало спала, зато много пила, пытаясь алкоголем заглушить боль. «После смерти моего бесценного Марселя Сердана, ровно через шесть месяцев, я пустилась во все тяжкие и докатилась до самой глубины бездны. Я обещала быть мужественной. Но я не выдержала удара…»

Бракосочетание Эдит и Жака Пиля. Нью-Йорк, 1952 г.

Эдит снова начала менять мужчин, снова взялась за учеников – среди них были Робер Ламуре и Шарль Азнавур, Эдди Константин и Андре Пусса. Последний смог наконец вернуть ей спокойствие и веру в себя – но однажды они попали в автокатастрофу. Эдит сломала руку и два ребра; все было бы не так страшно, но она совершенно не переносила боли. Так в жизнь Эдит Пиаф вошли наркотики… Она разрушалась. Одурманенная и пьяная, Эдит срывала концерт за концертом. Она могла заблудиться на сцене, в испуге сбежать за кулисы, забыть слова, упасть вместе с микрофоном. Ее тело было покрыто синяками и струпьями, руки исковерканы артритом. Как подсчитала ее сестра Симона, за последние двенадцать лет жизни Эдит Пиаф перенесла четыре автомобильные катастрофы, попытку самоубийства, четыре курса дезинтоксикации, один курс лечения сном, три гепатические комы, один приступ безумия, два приступа белой горячки, семь операций, две бронхопневмонии и отек легкого. Под конец ее зависимость от морфия дошла до того, что Эдит вводила себе до десяти доз ежедневно.

Спасение Эдит пыталась найти в новой любви. Ее избранником стал сорокашестилетний певец Жак Пиль (настоящее имя Рене Виктор Эжен Дюко), с которым они давно были знакомы по совместным выступлениям. Они обвенчались в Нью-Йорке 20 сентября 1952 года. Эдит Пиаф, одетая в голубое платье и шляпку с вуалью, волновалась, как девочка. Но брак не решил ее проблем. После медового месяца, совмещенного с гастрольным турне по США, молодожены вернулись в Париж – и Эдит снова начала пить и колоться. На морфий уходили все заработанные деньги; контрактов было все меньше – концертные залы не желали связываться с Эдит, которая стала совершенно непредсказуемой. К тому же Жак, вместо того чтобы пытаться спасти жену, начал пить с нею вместе. Через четыре года семейного ада Пиль и Пиаф развелись. Корабль любви вдребезги разбился о скалы из бутылок виски и ампул морфия.

Больше Эдит не верила в возможность счастья. Единственное, что у нее осталось, – это работа. Она снова давала сольные концерты, и снова зрители часами не отпускали ее, требуя новых и новых песен; и опять в ее жизни один за другим появлялись и исчезали молодые мужчины. В конце 1958 года у нее роман с Жоржем Мустаки, который напишет для нее одну из самых известных ее песен – «Милорда»; с ним она рассталась в Нью-Йорке. На одном из концертов она упала в обморок, за кулисами ее начало рвать кровью; в больнице оказалось, что у Пиаф прободная язва желудка. С трудом оправившись после операции, Эдит заводит роман с двадцатичетырехлетним художником Дугласом Дэвисом – он хотел написать ее портрет. Пленил он Эдит тем, что как-то принес ей целую связку воздушных шаров. В Париж она вернулась вместе с ним, а летом они вместе попадают в очередную автокатастрофу – на этот раз Дуглас отделается царапинами; он погибнет в авиакатастрофе 3 июня 1962 года, через год после расставания с Эдит.

Между авариями, болезнями, операциями и любовными разочарованиями Эдит Пиаф создает свою лучшую концертную программу, премьера которой состоялась 2 января 1961 года в «Олимпии». На премьере были Роже Вадим, Мишель Морган, Ален Делон и Роми Шнайдер, Жан-Поль Бельмондо, Жан-Пьер Омон. Когда концерт закончился, Луи Армстронг сказал: «Она завладела моим сердцем». У двери гримерной администратора робко остановил другой поклонник: «Извините, могу ли я подойти и сказать «браво» мадам Пиаф? Я джаз-музыкант, меня зовут Дюк Эллингтон». Врачи предупреждали, что каждый концерт Эдит приближает ее смерть, но она только отмахивалась: «Не мешайте мне петь! Это единственное, что у меня осталось в жизни». Она работала на пределе своих сил, в песнях вспоминая всех своих мужчин. Как писала Симона Берте, «ни один мужчина не пощадил ее. Каждый оставил свой шрам».

Венчание Эдит и Тео Сарапо

В феврале 1962 года Эдит оказалась в больнице с тяжелой пневмонией. Однажды в ее больничную палату постучался молодой человек, приятель ее друга – парикмахер Теофанис Ламбукас, красавец и начинающий певец, страстный поклонник Пиаф. Как оказалось, в палату Эдит снова вошла любовь. Из больницы вышли рука об руку Эдит – и ее новый протеже, певец Тео Сарапо. Псевдоним Тео придумала сама Пиаф: по-гречески «сарапо» означает «я люблю тебя». Тео по-настоящему полюбил Эдит – ему не было дела до ее болезней, дурных привычек, плохого характера; он не замечал ни ее искалеченных артритом рук, ни изувеченного авариями тела. Он нежно ухаживал за Эдит, познакомил ее со своими родителями и сделал ей предложение. Ей было сорок семь лет, ему – на двадцать меньше; как вспоминала Симона Берто, «они любили друг друга необыкновенной любовью, той, о которой пишут в романах, о которой говорят: такого не бывает, это слишком прекрасно, чтобы быть на самом деле». Эдит Пиаф вышла замуж за Тео Сарапо 25 сентября 1962 года, а 9 октября они обвенчались в православной церкви. Его любовь скрасила ее последние месяцы; он подарил ей полтора года жизни, целый год счастья. Когда Эдит и Тео вместе

пели, зал рыдал. Последний раз Эдит Пиаф вышла на сцену 18 марта 1963 года. Ее здоровье ухудшалось. Тео возил ее в горы и на море, ухаживал, как за ребенком, но 10 октября у нее начался отек легкого, и ночью Эдит Пиаф не стало. Она умерла на руках у Тео.

Как-то она сказала: «Каждый имеет право на последнюю любовь. Она помогает человеку достойно уйти. Я всегда мечтала уйти именно так».

Через три дня на парижском кладбище Пер-Лашез сорок тысяч человек провожали Эдит Пиаф в последний путь. Тео стоял рядом – и ему все казалось, что его Эдит зовет его с собой…

Многие считали, что Тео женился на Пиаф, чтобы завладеть ее состоянием; но ему достались только ее долги в 45 миллионов франков, которые он выплачивал всю жизнь. Он последовал за Эдит через семь лет – Тео Сарапо погиб в автомобильной катастрофе. Его похоронили в одной могиле с Эдит. Она всю жизнь пела о любви – но обрела ее только в смерти.

Могила Эдит Пиаф на кладбище Пер-Лашез

Любовь всего мира. Любовь на все времена.

Мэрилин Монро

ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ ЖЕНСТВЕННОСТИ

В современной истории нет женщины более сексуальной, более желанной, более легендарной, чем Мэрилин Монро. Миллионы мужчин бредят ею, миллионы женщин ей подражают, на ее имени до сих пор делаются состояния, а ее образ является самым узнаваемым, а следовательно – самым используемым в современной культуре. Сплетен и тайн вокруг ее имени столько, что в них, кажется, уместилась не одна жизнь. А между тем была реальная женщина, которая, как бабочка, жила внутри кокона сплетен и никак не могла вырваться наружу, – да так и погибла, не явив себя настоящую этому миру, который с тех пор довольствуется лишь скорлупой от сотворенной легенды…

Мэрилин Монро была самой обожаемой женщиной планеты; но девочка, родившаяся 1 июня 1926 года в Голливуде, не была ни желанной, ни любимой. Ее мать, Глэдис Монро Бейкер Мортенсен, не была уверена в том, кто отец девочки: ее второй муж Морис Мортенсен, хоть и был записан как отец девочки, давно сбежал от жены. Так или иначе, девочку назвали Норма Джин Бейкер, дав ей имя в честь известной тогда актрисы Нормы Толмедж.

Глэдис работала монтажницей на киностудии; после двух неудачных замужеств, оставивших ей двух детей, и рождения третьей дочери неизвестно от кого она часто пила. В дочке она видела залог своего успешного будущего – столь красивый и очаровательный ребенок должен был вырасти в кинозвезду. Однако на воспитание дочери у нее не было ни сил, ни денег, и Норма с детства кочевала по приемным семьям. Хоть и по-разному, все они были одинаково ужасны: в одной Норму чуть не задушили подушкой, потому что она слишком сильно кричала; в другой ее силком заставляли мыться в воде, в которой уже помылись остальные члены этой немаленькой семьи. Ей вдалбливали религиозные догмы, но по-настоящему девочкой никто не занимался. Чтобы утешиться в отсутствие любви, Норма придумала себе сказку: она верила, что ее отцом является известнейший актер Кларк Гейбл. Она мечтала о встрече с «отцом» и часто развлекалась тем, что примеряла свои маленькие ручки и ножки к следам, оставленным знаменитостями на голливудской Аллее славы.

Норма Джин в детстве

Мать Мэрилин Глэдис Монро Бейкер Мортенсен. Одна из немногих сохранившихся фотографий

Когда Норме исполнилось семь, Глэдис впала в глубокую депрессию, сменившуюся приступами буйства. Однажды она набросилась с ножом на одну из подруг – и оказалась в сумасшедшем доме.

Женщины в ее роду были подвержены душевным расстройствам; Мэрилин Монро всю жизнь боялась, что семейная болезнь когда-нибудь настигнет и ее.

Девочку взяла на попечение подруга Глэдис – Грейс Мак-Ки. Но вскоре она вышла замуж, и Норму пришлось отдать в сиротский приют. Через два года Норму забрали домой, но однажды муж Грейс пытался изнасиловать девочку. До четырнадцати лет Норма кочевала по родственникам, пока снова не осела у тети Грейс. У нее не было ни образования, ни воспитания, ни уверенности в себе.

Однако кое-что у Нормы было: она была очень хороша собой, а ее рано оформившаяся фигура неизменно привлекала мужское

внимание. Никто не мешал Норме проводить время в танц-клубах и забегаловках, осваивая науку общения с противоположным полом. В шестнадцать лет в нее влюбился соседский парень Джеймс Дагерти, которому был двадцать один год. Грейс вздохнула с облегчением: ее семья переезжала на Восток, и взять с собой Норму они не могли. Перед свадьбой Грейс подарила Норме книгу «Подготовка к браку»: из нее юная невеста выяснила, что настоящая любовь придет с годами, надо только часто менять меню и рубашки.

Бракосочетание состоялось 19 июня 1942 года. Норма бросила школу и переехала к Джиму. Она не была готова к замужеству; ее хватило лишь на то, чтобы повесить над кроватью портрет Кларка Гейбла, а мужу вместо горячего ужина совать записки с объяснениями в любви. Чтобы как-то разнообразить их семейное меню, Норма сменила цвет волос, став из рыжеватой шатенки платиновой блондинкой; теперь мужчины буквально преследовали ее, чем вызывали у Джеймса припадки буйной ревности. Правда, спустя годы Джеймс признался, что у Нормы «были все задатки хорошей жены». Однако через год после свадьбы он записался в торговый флот; Норма была вынуждена пойти работать – она красила самолеты на авиазаводе. Тут-то и нашла ее судьба.

На завод забрел фотограф Дэвид Коновер, которому нужны были хорошенькие личики для армейского журнала. Норма Джин очаровала его своей свежестью и пышным бюстом; через месяц ее фото было в журнале «Янки», а еще через месяц Норма бросила работу на заводе и устроилась в фотоагентство «Голубая книга». Здесь за час позирования в купальнике ей платили больше, чем на заводе за день тяжелой работы. Улыбаясь перед объективом, Норма наконец почувствовала свою силу, поверила в то, что когда– то внушала ей мать: она может стать звездой! Уже через год снимки роскошной блондинки появились на обложках самых престижных журналов США – «Пик», «Сэр», «Лук»… Фотографии Нормы Джин неизменно привлекали внимание: на них, кроме красивого тела и задорного взгляда, было видно еще кое-что – то, что называется индивидуальностью модели.

Миссис Дагерти стала приобретать известность. Недовольный растущей популярностью жены, Джеймс выдвинул ультиматум: или он, или съемки. Естественно, Норма выбрала карьеру. Получив развод, она немедленно уехала в Голливуд.

Свадьба Нормы Джин и Джеймса Дагерти, 19 июня 1942 г.

Ее намерения были просты, как взгляд младенца: Норма рассчитывала проложить себе дорогу наверх своими женскими прелестями. Сначала ей повезло: на Норму обратил внимание сам Говард Хьюз, миллионер, кинобосс и большой знаток женской красоты. В его «коллекцию» входили самые красивые женщины Америки – от Кэтрин Хепберн и Ланы Тернер до Авы Гарднер и Джейн Рассел. Норма была уверена, что вытащила счастливый билет; но никто не сказал ей, что Хьюз, во-первых, держит слово,

данное женщине, только пока ему этого хочется, и, во-вторых, боится малознакомых людей. Все это Норме открылось, когда она напрасно прождала Хьюза в его же спальне. Норма была на грани отчаяния, но ее спасла конкуренция среди кинокомпаний: заметив, что Нормой уже интересуются в «РКО», принадлежащей Хьюзу, глава «ХХ век-Фокс» Дарил Занук не захотел уступать Хьюзу потенциальную звезду и предложил Норме Джин Бейкер контракт статистки. Первым делом ей посоветовали изменить имя. Так 26 июля 1946 года на свет появилась Мэрилин Монро.

За Мэрилин взялись профессионалы. Ей сменили прическу, подправили цвет волос, изменили форму носа и подбородка, организовали обучение танцам, пению и актерскому мастерству. Однако таких статисток у каждой студии был не один десяток, и только единицы получали настоящую роль. Мэрилин не везло: в ее первом фильме со странным названием «Скудда Ху! Скудда Хей!» у нее была только одна фраза, да и ту начинающая актриса произнесла так ужасно, что весь эпизод вырезали при монтаже. Потом была еще пара эпизодов; контракт с ней не продлили. Годичный контракт со студией «Коламбия», который Мэрилин получила, кое с кем переспав, тоже был безуспешным: роль у Мэрилин в фильме «Хористки» была хоть и заметная, но никакого

результата не принесла. Не помогли и усиленные занятия актерским мастерством с известным педагогом Наташей Лейтес. Мэрилин обнаружила, что у нее нет ни денег, ни славы, ни работы. Пытаясь заработать, она соглашается на все вплоть до проституции; возможно, так она надеялась найти себе очередного покровителя. Мэрилин даже приняла предложение сняться в порнофильме и за 50 долларов позировать для мужского календаря. Снимки обнаженной Монро на красном бархате через несколько лет вышли в первом номере журнала «Плейбой», навсегда став частью легенды.

Знаменитый снимок Мэрилин, опубликованный в первом номере «Плейбоя»

В 1949 году Монро наконец повезло по-настоящему. Она познакомилась с Джонни Хайдом, заместителем председателя актерского агентства. Хайд был старше Монро на тридцать лет и смертельно болен, но это не помешало ему бросить к ногам юной блондинки весь мир и свое сердце в придачу. От брака с ним Монро отказалась, тем самым лишившись возможности получить 1,5 миллиона долларов после его смерти – честность нечастая в Голливуде. Зато она согласилась сняться в эпизоде фильма «Счастливы в любви» вместе с одним из знаменитых братьев Маркс – Граучо Марксом. Мэрилин томно жаловалась Граучо, игравшему частного детектива, что ее преследует какой-то мужчина. «Как, всего один?!» – восклицает тот, пожирая глазами аппетитную блондинку, уходящую вдаль. То, как она удалялась, запомнилось надолго: эффект от походки Мэрилин на экране был сродни гипнозу. Ради такой походки Мэрилин специально стачивала на полдюйма один из каблуков. Ей тут же дали следующую роль, в фильме «Асфальтовые джунгли» режиссера Джона Хьюстона – она играла любовницу адвоката, томно возлежа на диване и заполняя экран сексуальной энергией. Хотя критика отозвалась о Монро как об «очередном безжизненном теле со светлыми волосами, которое неумело валяется на диване, соблазняя зрителей», но эта роль была первым настоящим успехом Мэрилин. Затем была картина «Все о Еве» режиссера Джозефа Манкевича, где Мэрилин доверили роль девушки, появляющейся в финале в надежде получить роль; до сих пор этот фильм является одним из знаковых в истории американского кино.

Хайд вложил в юную Мэрилин все силы и весь опыт, превратив ее из неизвестной статистки в успешную актрису, а из простоватой куклы – в объект мужских желаний. Именно он создал тот образ, которому Монро обязана своим восхождением на вершину славы: пухлые губы и зовущий взгляд прикрытых глаз, ореол «полудоступности» и невероятная сексуальность. В 1950 году Хайд внезапно умер, оставив Монро в глубокой растерянности; она даже пыталась покончить с собой. Однако перед смертью Хайд успел обеспечить своей протеже новый контракт с «XX век– Фокс», и, взяв себя в руки, Мэрилин отправилась на завоевание кинематографического Олимпа.

В это время в американском кинематографе наступил кризис: зрители все больше предпочитают сидеть дома у телевизора, а не ходить в кино. Однако «на Монро» люди идут, и кинобоссы начинают снимать ее все больше и больше. Роли разные, но Мэрилин везде играет одно и то же: глуповатая блондинка,

чертовски сексуальная и невероятно красивая. Монро была не первая, кто играл подобные роли, но именно она сделала из маски «глупой блондинки» настоящее актерское амплуа, с богатыми возможностями и неисчерпаемым потенциалом. Ее актерские данные были невелики – роль у Монро получалась, только если сценарий совпадал с ее собственным опытом, – но сексуальность ее на экране была невероятна. До нее такое удавалось только «богине киносекса» Лане Тернер, но она в начале 50-х больше участвовала в скандалах, чем в съемках, и ее место можно было считать вакантным. Но миллионы поклонников молодой актрисы были бы весьма разочарованы, узнав, что Мэрилин не испытывала никакого удовольствия от секса. Возможно, именно с этим связан тот факт, что в первые годы в Голливуде Монро не была замешана в сексуальных скандалах – все ее любовники были выбраны по расчету: как большинство фригидных женщин, Мэрилин использовала свое тело как рабочий инструмент и честно в этом признавалась, не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести. Журналисты, пытавшиеся побольше разузнать о восходящей «звезде», были удивлены: Мэрилин изо всех сил занималась самообразованием, читала классическую литературу, а в мужчинах больше всего ценила надежность и возможность поговорить. Американцы были поражены: признать наличие ума в такой хорошенькой головке они не могли.

Мэрилин и Граучо Маркс в фильме «Счастливы в любви», 1949 г.

Мэрилин, которую уже начали называть «самой желанной женщиной США», была невероятно одинока. Пытаясь с этим справиться, Мэрилин в октябре 1952 года вышла замуж за своего старого друга журналиста Роберта Слетцера, сбежав с ним в Мексику. Брак продлился всего один уикэнд: уже в понедельник Мэрилин вызвал к себе Занук и откровенно объяснил, что ее замужество неприемлемо. Студия вложила слишком много в раскрутку Мэрилин, и потенциальная доступность была частью ее имиджа. Брак был недопустим; разве что с какой-нибудь настоящей звездой… Монро вняла: брак был тут же аннулирован.

Мэрилин поняла, что она не более чем собственность

компании и ее чувства никого не волнуют. Она всю жизнь пыталась с этим бороться, но всегда безуспешно.

Мэрилин в фильме «Асфальтовые джунгли», 1950 г.

Рекламный снимок для фильма «Ниагара», 1953 г.

Мэрилин оставалось только сниматься. Работа всегда спасала ее, только работая Мэрилин была счастлива. Она приступила к съемкам триллера «Ниагара», где у нее наконец-то была большая роль, которая позволяла ей продемонстрировать свой драматический талант: молодая женщина, убивающая своего мужа. Огромный бюджет, прекрасные актеры, динамичный сюжет – все это обеспечило фильму небывалый успех, сделав «Ниагару» одним из самых успешных фильмов того времени, а Монро – настоящей «звездой». Следом были другие несомненные удачи Монро – «Джентльмены предпочитают блондинок», где Мэрилин

переиграла признанный секс-символ Джейн Рассел (кстати, за этот фильм Рассел получила больше 100 тысяч долларов, а Монро – всего 18 тысяч), и «Как выйти замуж за миллионера». Популярность Монро приняла неимоверные масштабы. Поклонники преследовали ее, любой фильм с нею, даже самый слабый, становился событием. Журналисты с упоением писали, что новоявленная кинобогиня старается не есть мяса, бегает трусцой для поддержания формы, не носит нижнего белья и не имеет драгоценностей (хоть вся страна следом за Монро распевала: «Бриллианты – лучшие друзья девушки», сама Мэрилин предпочитала бижутерию). Известнейшая фраза о том, что на ночь Мэрилин не надевает ничего, кроме капли «Шанель № 5», моментально сделала духи легендарными, а Монро – образцом изысканной сексуальности.

Поразительно, как из безвестной девчонки, у которой только и было, что красивое лицо и красивое тело, из статистки, каких были сотни, Мэрилин всего за два года стала воплощением мечты миллионов. Это не только результат невероятного, упорного труда; в ней была не только сексуальность, не только абсолютная женственность, но и что-то большее, о чем фотограф Берт Стерн, который не раз снимал Мэрилин, сказал: «Она была светом, и богиней, и луной. Даль и мечта, тайна и опасность. А также все остальное в придачу, включая Голливуд и девчонку из соседнего дома, на которой мечтает жениться каждый парень».

Мэрилин в платье из золотого ламе от Билла Травиллы, в котором она появлялась на церемонии вручения премий журнала «Фотоплей»

На Монро посыпались награды, первой из которых был присужденный в феврале 1953 года приз журнала «Фотоплей». На церемонии вручения Мэрилин появилась в открытом обтягивающем платье из золотой парчи от голливудского дизайнера Билла Травиллы – ее сексуальность буквально обжигала присутствующих. От возбуждения Джерри Льюис, ведущий церемонии, забрался на стол, где призывно заржал, словно молодой жеребец на случке.

Мэрилин Монро и Джейн Рассел оставляют отпечатки своих ладоней на Аллее Славы

На голливудской Аллее славы, где Мэрилин вместе с Джейн Рассел оставляла отпечатки ног и ладоней, она предложила Джейн запечатлеть в цементе еще их грудь и попы. Все эти выходки – сочетание риска и наивности – с удовольствием обсасывала пресса. А в конце 1953 года вышел тот самый знаменитый номер «Плейбоя» с обнаженной Мэрилин. Студия была в ужасе: в США царили пуританские нравы, и хотя Монро прославилась в образе секс-бомбы, одно дело – чувственные вздохи на экране, а другое – фотография в голом виде. От Мэрилин даже потребовали, чтобы она заявила, будто это не ее снимки. Монро же спокойно заявила, что снялась, потому что ей были нужны деньги, а ее прекрасное тело – единственное и самое дорогое ее достояние. Пресса с уважением отнеслась к такой откровенности, а популярность Мэрилин Монро мгновенно достигла заоблачных высот.

В любом месте, где она появлялась, она немедленно привлекала к себе повышенное внимание мужчин и негодование женщин. Власть над мужчинами радовала и забавляла Мэрилин; как говорил режиссер Джошуа Логан: «Флирт долгое время был ее единственным развлечением и единственным путем к самопознанию. Без него у нее в жизни не выпало бы и двух дней счастья».

Мэрилин в день свадьбы с Джо Ди Маджио

И тут в Мэрилин влюбился сам Джо Ди Маджио, любимец Америки. Ди Маджио, великий бейсболист, игравший за команду «Янки», к этому времени уже из-за травмы отошел от большого спорта, но продолжал оставаться воплощением «американской мечты»: простой парень, вознесшийся на вершину славы благодаря своим талантам. С Монро он познакомился в 1952 году, когда она снималась в фильме «Можно входить без стука» – она играла душевнобольную женщину. Джо буквально заваливал Мэрилин охапками роз и приглашениями на обед. Мэрилин не очень нравился этот простой парень, все время говоривший о

бейсболе; но она сдалась, когда Джо свозил ее в Сан-Франциско познакомиться со своей большой семьей. Семья – это то, чего всегда не хватало Мэрилин. И 14 января 1954 года они поженились. На Мэрилин было закрытое черное платье с белым воротником и золотыми пуговицами – все-таки для нее это был уже третий брак. Джо преподнес невесте норковую шубу и первую в ее жизни драгоценность – бриллиантовое кольцо из белого золота; Мэрилин подарила ему снимки из знаменитой «обнаженной серии» – те, которые не были опубликованы из-за излишней откровенности. В свадебное путешествие молодые отправились в Японию, где между молодыми впервые пролегла трещина: Джо не был готов к тому, что больше внимания уделяется не ему, а его жене, которую даже тут осаждали поклонники. Ди Маджио подарил Мэрилин жемчужное ожерелье от Микимото и тут же увез ее обратно в США.

Мэрилин и Джо Ди Маджио

Джо был по-настоящему влюблен в Мэрилин, по-настоящему предан ей всю ее жизнь. Но они были слишком разными: педантичный, сдержанный в проявлении чувств Джо и взбалмошная, ранимая, сексуальная Мэрилин. Он хотел иметь женой самую красивую домохозяйку в мире, а она – сделать карьеру. Две знаменитости постоянно боролись за главенство в семье, и, кроме того, Джо безумно ревновал свою жену. Он следил за ней, ругался из-за нее с руководством студии «Фокс», он даже задумал создать собственную фирму, чтобы иметь возможность

контролировать ее; Мэрилин не подчинилась – она вернулась на «Фокс», где ей даже увеличили гонорар. На полученные деньги она сняла дом в Беверли-Хиллз, где Джо часто оставался один, пока Мэрилин гуляла по голливудским вечеринкам. Их брак окончательно рухнул, когда Джо приехал в Нью-Йорк, где Мэрилин снималась в фильме «Семь лет желания». Он как раз попал на съемки знаменитейшей в карьере Монро сцены, где она стоит в белом шифоновом платье над вентиляционной решеткой, и воздух раздувает ее юбку выше головы. Увидев, как его жена демонстрирует свое нижнее белье десяткам фотографов и тысячам зевак, Джо избил ее. Мэрилин избавилась от ребенка Джо – и от него самого. Они развелись спустя всего девять месяцев после свадьбы. На прощание Джо с грустью заявил журналистам: «Нет ничего радостного в браке с электрическим светом».

Кадр из фильма «Семь лет желания»

Ее популярность стала падать. Американцы сочли ее виновной в распаде «звездного» брака, под ее окнами выкрикивали оскорбления спортивные фанаты. Джо чуть ли не в открытую обвинял Мэрилин в нимфоманстве и лесбиянстве: он

так и не смог понять, что женился не на сексуальной блондинке из фильмов, а на нормальной женщине, несчастной и одинокой. Мэрилин страдала: ей осточертело быть «глупой сексуальной штучкой». Она постоянно принимает таблетки, нервничает, срывается на съемках; ей все тяжелее держать себя в руках. Разругавшись со студией «Фокс», которая продолжала эксплуатировать ее, она уехала в Нью-Йорк и основала свою собственную компанию «Мэрилин Монро продакшнз». Она даже записалась в актерскую школу к известнейшему Ли Страсбергу, став одной из его любимых учениц.

Но Америка не поняла ее желания самоутвердиться. В представлении американцев она по-прежнему оставалась глупой блондинкой, которая может думать только о мужчинах. Пресса повсеместно осуждала Монро, «пустышку и непрофессионала», которая посмела выступить против уважаемой студии. Тогда

Мэрилин нанесла общественному мнению новый удар: она обручилась с знаменитым писателем Артуром Миллером, символом американских интеллектуалов. Свадьба состоялась 29 июня 1956 года. Пресса назвала их брак «союзом интеллектуальных мозгов и сексапильного тела» и с упоением гадала, как скоро разведутся «две противоположности». Но это был самый долгий брак Мэрилин. Миллер и Монро познакомились еще в 1950 году; он был женат, но, как оказалось, Монро запала ему в душу сразу и надолго. Он видел в ней не только сексуальную красотку, но страдающего, талантливого ребенка, нуждающегося в защите, а она – понимающего, заботливого, любящего супруга. Ради нее он развелся со своей женой Мэри Грейс Слеттери, а она перешла в иудаизм – Миллер был из правоверной еврейской семьи. На медовый месяц они отправились в Англию, где Мэрилин снималась вместе с Лоуренсом Оливье, самым известным британским актером, в фильме «Принц и хористка», – это был первый проект ее кинокомпании. Идея пригласить Оливье на главную роль и в качестве режиссера принадлежала Монро.

Мэрилин и Артур Миллер

На пресс-конференции у Мэрилин лопнула бретелька на платье, и все журналисты вместо того, чтобы спрашивать о фильме, жадно наблюдали за тем, упадет платье или нет. Заявление Мэрилин о том, что она хотела бы сняться в экранизации «Братьев Карамазовых», вызвало смех. Монро была в отчаянии: ее явно отказывались принимать всерьез. Зато в Англии ее встретили с восторгом и уважением; в аэропорт прибыли несколько сот репортеров, а в первую ночь под окнами Монро ее поклонники пели колыбельные. Но съемки фильма проходили тяжело: Мэрилин очень переживала, видя, что Оливье не считает

ее за актрису. В конце концов они возненавидели друг друга; Оливье, во всеуслышанье назвавший Монро «занудной сучкой», был на грани инфаркта, а Монро потеряла ребенка, о котором страстно мечтала. Но фильм, вышедший в июне 1957 года, имел успех, в немалой степени адресованный Мэрилин.

Тони Кертис, Джек Леммон и Мэрилин Монро в фильме «Некоторые любят погорячее», 1959 г.

Тем не менее Мэрилин впала в депрессию. Из этого состояния ее снова вывела работа: она снялась в своем лучшем фильме «Некоторые любят погорячее» (в нашем прокате «В джазе только девушки»). Режиссеру Билли Уайлдеру пришлось делать фильм черно-белым, чтобы исполнители главных ролей – Тони Кертис и Джек Леммон – больше походили на женщин, а на лице Монро не было заметно следов хронической усталости. Но в этом фильме Мэрилин полностью реализовала свое дарование комической актрисы и заслуженно получила за роль «Золотой глобус» – по сути, ее единственную настоящую кинонаграду. Следующий фильм, во многом эксплуатировавший успех предыдущего, назывался «Давай займемся любовью!» На главную мужскую роль по настоянию Монро был приглашен французский актер Ив Монтан – ей требовался «настоящий французский шарм». Через некоторое время выяснилось, что Мэрилин не в состоянии устоять перед «французским шармом», а Монтан – перед обаянием «возлюбленной Америки». К сожалению, в самый разгар страстного романа приехала Монтана Симона Синьоре; поняв, что происходит между ее мужем и Мэрилин, она вернулась в Париж, где с горя запила. Монтан вернулся к ней, но пить она так и не

перестала. От ее былой фантастической красоты быстро остались одни воспоминания…

Мэрилин в фильме «Некоторые любят погорячее», 1959 г.

Кадр из фильма «Некоторые любят погорячее», 1959 г.

Мэрилин Монро и Ив Монтан в фильме «Давай займемся любовью!», 1961 г.

А Мэрилин снова осталась с разбитым сердцем. Всю жизнь ее преследовало одно и то же: она влюблялась в мужчину, идеализируя его, надеялась на полное слияние душ, но, столкнувшись с первым же возражением или проявлением несовершенства, мгновенно разочаровывалась. Страдание она лечила таблетками, без которых уже несколько лет не могла жить. Чувство собственного несовершенства, ощущение ненужности и того, что ее приносят в жертву чьим-то интересам, буквально съедало ее. Миллер это чувствовал; чтобы помочь жене, он специально для нее написал сценарий по своему

рассказу «Неприкаянные» – ее героиня Розалин, разочарованная в жизни и в себе, находит новую любовь и новый смысл жизни.

Мэрилин снималась вместе с Монтгомери Клифтом и героем своих детских грез – Кларком Гейблом. Он на удивление хорошо ладил с Монро, и их актерский дуэт был очень удачным. Но, к сожалению, фильм не оправдал возложенных на него надежд. Съемки затягивались, Мэрилин постоянно срывалась, настроение у всех было тяжелым. Миллер с грустью наблюдал за тем, как Мэрилин все дальше отходит от него, погружаясь в депрессию и барбитураты. Вместе с окончанием съемок закончился и их пятилетний брак…

Вскоре после этого умер Кларк Гейбл – сказалось напряжение на съемочной площадке. Критика фильм не приняла, роль Монро, хоть и замечательно сыгранная, оказалась непрописанной; как говорили, Монро играет роль неприкаянной женщины рядом с двумя мужчинами, которые совершенно не нуждаются в ее обществе. От всего пережитого у Мэрилин случился нервный срыв; ее поместили в клинику. Ошалев от страха окончательно сойти в ней с ума, Мэрилин позвонила верному Ди Маджио, и тот приложил все силы к тому, чтобы вытащить ее оттуда. В конце концов он явился в клинику и заявил, что разнесет ее по кирпичику, если Мэрилин не выпустят. Однако Мэрилин продолжала находиться под постоянным наблюдением психиатра и психоаналитика. Как ни странно, но это даже принесло свои плоды: Мэрилин наконец начала получать удовольствие от секса.

Но не с Джо, хотя тот с момента их развода не терял надежды снова соединиться с Мэрилин. Она снова строила планы – и теперь взлетела так высоко, что была реальная опасность опалить свои прекрасные крылья.

Мэрилин с последним супругом – драматургом Артуром Миллером

Еще летом 1954 года Мэрилин представили сенатору Джону Ф. Кеннеди, многообещающему политику. Он запомнил яркую красотку, от которой так и веяло сексуальностью, и приложил все

усилия к тому, чтобы Мэрилин стала его любовницей. Джек Кеннеди настолько преуспел в этом, что Монро буквально потеряла голову: она всерьез считала, что тот разведется с Жаклин и женится на ней. То, что это невозможно, – Джек, во-первых, католик, а во-вторых, разведенному не место в Белом доме, – не приходило ей в голову. Известно, что Джек встречался с Мэрилин на борту своего самолета, в спецномере в отелях «Беверли-Хиллз» и «Карлайл» и на виллах своих друзей; причем иногда к Мэрилин присоединялись ее подруги. Друзья, особенно Фрэнк Синатра, предупреждали Монро, чтобы она не связывалась с Кеннеди, но она никого не слушала. Она была непоколебимо уверена в силе своей женской привлекательности – в сущности, это было единственное, в чем она была уверена. Она дружила с Питером Лоуфордом, мужем сестры Джека Патриции, любила всю семью Кеннеди и особенно его детей. Мэрилин все еще мечтала о ребенке – после четырех выкидышей и множества абортов. В качестве хозяйки Мэрилин появилась на одной из закрытых вечеринок Кеннеди, а затем произвела фурор своим появлением на официальном банкете Демократической партии. Мэрилин в сверкающем платье, демонстрирующем каждый изгиб ее тела, затмила всех. Апогеем их романа стало появление Мэрилин 19 мая 1962 года на гала-представлении в честь сорокапятилетия Джона Кеннеди.

Однако это появление дорого стоило Монро. В это время она снималась в фильме с многообещающим названием «Что-то должно случиться», и руководство компании категорически запретило ей отлучаться со съемок. Она запаниковала, но Кеннеди обещал все уладить. Монро все-таки приехала – простуженная, с больным горлом, напичканная таблетками, пьяная от страха. Но когда она появилась на сцене Мэдисон-сквер-гарден,

зал ахнул. Она скинула манто и осталась в знаменитом платье от Жана Луи – шелковом, расшитом бисером, – в свете прожектора казалось, что блестит обнаженное тело. Кеннеди чуть не хватил удар – сначала от злости, затем от восхищения. Мэрилин пропела «С днем рождения, мистер Президент!», и Кеннеди, поднявшийся к ней на сцену, сказал: «После того, как мне спели «с днем рождения» так очаровательно и искренне, я могу уходить в отставку».

Однако в отставку ушла сама Мэрилин. Этот вечер стал последней ее встречей с президентом: Джеку надоела эта роскошная, но неуравновешенная женщина. Место рядом с Мэрилин тут же занял Бобби, он же Генеральный прокурор США Роберт Кеннеди. Джек послал своего младшего брата

«присмотреть» за брошенной Мэрилин, а тот, очарованный ее прелестями, стал ее любовником. Мэрилин перенесла смену кавалеров спокойно: Бобби был нежнее брата и тоже собирался в Белый дом. Монро постоянно названивала Роберту, требовала встреч; особенно она нуждалась в его помощи в конфликте со студией: после отъезда в Нью-Йорк Монро просто уволили за прогул, а фильм закрыли. Потребовались огромные усилия, чтобы Монро снова взяли на работу. С ней не хотели связываться – она срывала съемки, ее нервы были на пределе, она постоянно находилась под воздействием лекарств. Ее знаменитый «зовущий» взгляд погас; теперь в ее глазах были грусть и отчаяние. «Что-то должно случиться» должен был стать первым фильмом, где Мэрилин появилась бы обнаженной. Рекламные снимки нагой Монро в бассейне уже были напечатаны во всех газетах. Но фильм на экраны так и не вышел…

В июле в прессе появились заметки, намекающие на связь Монро и Бобби Кеннеди; в одной из них даже делалось предположение о возможном браке. Правда, в другой газете в это же время было напечатано, что Мэрилин снова встречается с Джо Ди Маджио. А 5 августа 1962 года все газеты вышли с сообщениями о смерти Мэрилин Монро…

Мэрилин в фильме «Давай займемся любовью!», 1961 г.

Тридцатишестилетнюю актрису нашли в ее спальне, с телефонной трубкой в руке, а на столике стоял пустой флакон от нембутала. Было это самоубийство, убийство или несчастный случай, неясно до сих пор.

Дом, где умерла Мэрилин Монро

Похороны организовал Джо Ди Маджио, разом постаревший на двадцать лет. Артур Миллер не пришел – свое горе он переживал в одиночестве, не желая, чтобы образ умершей Мэрилин заслонил в его памяти Мэрилин живую. Всего тридцать человек провожали Мэрилин, лежащую на бледно-желтом шелке в зеленом платье от Пуччи, с букетом роз от Джо – его последним подарком. Вместе с Джо плакала вся страна.

Мэрилин умерла так внезапно, что Америка до сих пор не может поверить в ее смерть. Для миллионов своих поклонников она навеки осталась символом непреходящей красоты и молодости, воплощением женственности, продолжающей сиять сквозь время. Ее красота могла бы спасти мир – но стоила жизни ей самой…

Мария Каллас

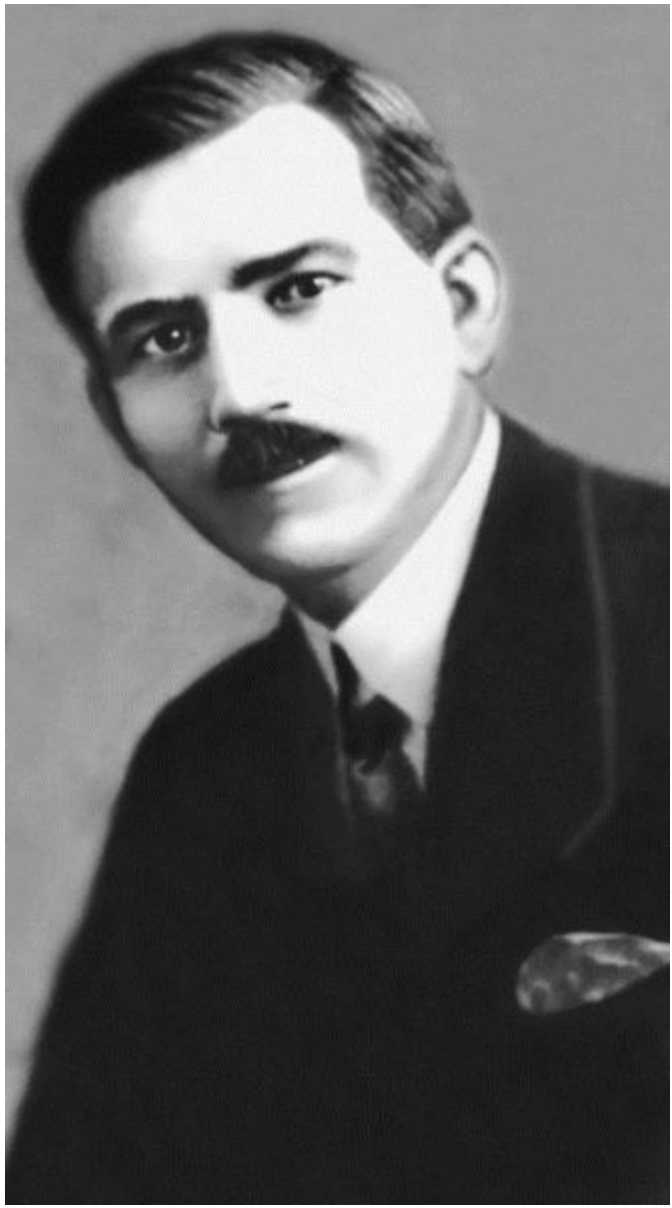
БОЖЕСТВЕННАЯ

Одиннадцатого декабря 1961 года Мария Каллас пела в «Ла Скала» свою коронную партию – Медею. Тысячи зрителей собрались в зале, чтобы насладиться божественным голосом и драматическим гением Каллас, но для нее зал был пуст. Мария знала – там нет того, ради которого она готова петь днем и ночью, даром, в любых условиях, – ее любимого Ари. И вдруг голос, только что послушный и сильный, отказал ей; Мария замолчала и больше не смогла выдавить из себя ни звука… Заливаясь слезами, она убежала со сцены за кулисы. Зрители остались в недоумении; но Марии было все равно. Она ненавидела его, ненавидела себя, ненавидела свой голос, который прославил ее, – и ненавидела свою славу, из-за которой она теперь так страдает. Ведь если бы она не была знаменитостью – Ари ни за что не влюбился бы в нее, и все было бы хорошо…

Мария Каллас сейчас известна больше не тем, что собирала у своих ног поклонников оперы по всему миру, а тем, что к ее ногам упал один-единственный человек – миллионер Аристотель Онассис. Она, чей голос называли непревзойденным, вошла в легенду не тогда, когда начала петь, а тогда, когда ее бросил любимый мужчина. Но ее талант – выше сплетен; он был дан ей Богом, взращен каторжным трудом, и если уж Бог отнял у нее голос, то это, как считала сама Мария, в наказание за то, что она неправильно жила…

Как-то Ив Сен-Лоран сказал о Марии Каллас: «Она была дива

из див, императрица, королева, богиня, колдунья, работящая волшебница, короче говоря – божественная». Ее настоящее имя – Сесилия София Анна Мария Калогеропулос; она родилась в Нью-Йорке 3 декабря 1923 года в семье греческих эмигрантов, перебравшихся в США в поисках лучшей доли. Отец открыл аптеку и изменил фамилию с непроизносимой для американцев «Калогеропулос» на простую «Каллас» – по его мнению, это сочетание букв, красуясь на вывеске, должно было принести ему удачу. Но кризис 1929 года разорил его; пробарахтавшись еще несколько лет, он оказался полным банкротом. Тогда его жена Евангелия бросила неудачника-мужа и, забрав двух дочерей, вернулась в Грецию. Марии тогда было четырнадцать лет.



Отец Марии, Георгий Калогеропулос

Друзей не было, помощи не было, деньги подходили к концу. Тогда Евангелия – с редкой прозорливостью – сделала ставку на младшую дочь. Мария превосходно пела, мгновенно запоминала любую мелодию и могла часами подпевать радиоисполнителям. Если отдать ее учиться – со временем она может начать неплохо зарабатывать. И Марию отдали в Афинскую консерваторию.

Мнения самой Марии никто не спрашивал. Ее отношения с матерью всегда были крайне натянутыми – Мария прекрасно

знала, что мать родила ее только затем, чтобы заглушить тоску по любимому сыну, умершему в раннем возрасте. Жить с пониманием того, что живешь «за кого-то», было нелегко; кроме того, Мария ясно видела, что, заботясь о ее карьере, мать только тешит свое самолюбие и пытается хорошо вложить деньги. Ко всему прочему, Мария очень любила оставшегося в Америке отца и тяжело перенесла переезд. Она выросла застенчивой, неуклюжей и толстой – пытаясь хоть как-то снять напряжение и компенсировать себе отсутствие любви в семье, Мария слишком много ела. Чувство неуверенности в себе, зародившееся в детстве, преследовало потом Марию все жизнь.

Мария с матерью Евангелией Калогеропулос

Мария Каллас

В консерватории Мария попала в класс к замечательному педагогу Эльвире де Идальго, специалисту по пению бельканто. Она не просто научила Каллас правильно петь; она приложила все силы к тому, чтобы гадкий утенок Мария научился превращаться на сцене в прекрасного лебедя. Позднее Мария признавалась: «За всю мою подготовку и за все мое художественное воспитание как актрисы и как человека я обязана

Эльвире де Идальго».

Эльвира полюбила Марию, как родную дочь. Она научила ее всему, что знала, приложив множество усилий к тому, чтобы развить и укрепить певческий дар Марии, обучила ее основам драматического мастерства. Мария занималась часами, стараясь своим упорством и прилежанием отблагодарить Эльвиру за заботу и любовь. Пение стало для нее смыслом жизни, единственной радостью и главной наградой. Когда шла война, Мария зарабатывала пением – солдаты делились с ней пайками, и этими солдатскими пайками питалась вся семья Каллас.

В шестнадцать лет Мария Каллас выиграла свой первый приз – она победила в конкурсе среди выпускников консерватории. Эльвира де Идальго выхлопотала любимой ученице место в Афинском оперном театре, где Каллас вскоре впервые вышла на сцену, исполнив партию Сантуццы в опере Пьетро Масканьи «Сельская честь». Критика с восторгом приветствовала появление в театре новой солистки, называя ее новой звездой; естественно, после такого громкого дебюта Марии пришлось сполна изведать, что такое зависть актрис. Как только ей ни мешали, какие только интриги ни плелись в Афинской опере, только чтобы не дать Каллас пробиться вверх! Дело, как всегда, спас случай. Однажды заболела исполнительница главной партии в опере Джакомо Пуччини «Тоска», и администрация театра предложила Каллас заменить ее. Когда об этом узнала сама заболевшая, она отправила своего мужа, известного взрывным характером, в театр, велев ему любым способом помешать Марии Каллас выйти на сцену. В итоге Тоска пела с наливающимся под глазом синяком, но на таком душевном подъеме, с такой страстью и мастерством, что зал буквально рухнул к ногам молодой певицы.

Однако Мария быстро поняла, что спокойно петь ей в Афинах не дадут. В 1944 году она для начала решила уехать в США, чтобы попробовать сделать карьеру там, но начинающей певицей с одной удачной партией там никто не заинтересовался. Правда, один итальянский импресарио предложил Марии контракт в Вероне, и та согласилась. Ее дебют состоялся 2 августа 1947 года в опере Амилькаре Понкьелли «Джоконда». Голос Каллас, великолепное сопрано редкой силы и широкого диапазона, ее несомненный драматический дар и яркая индивидуальность привели критику и публику в восторг. Тут же посыпались новые предложения; Каллас прочили блестящее будущее. За четыре года Мария Каллас исполнила главные партии в операх Пуччини и Верди, Вагнера и Беллини; ее репертуар был разнообразен, а исполнение неизменно превосходным. Слава Марии Каллас росла на глазах – и это несмотря на то, что она по-прежнему была очень

полной, к тому же обладала массой дурных привычек, например, грызла ногти. У молодой примадонны появились поклонники, самым настойчивым из которых оказался итальянский промышленник, миллионер и большой любитель оперы Джованни Баттиста Менегини. Он был старше Марии на тридцать лет и к тому же закоренелый холостяк, но Мария – талантливая, обаятельная и страстная, – покорила его сердце. Возможно, что Менегини, как любой хороший делец, понимал: Мария способна заработать миллионы. Он пошел на штурм по всем правилам: цветы, подарки, ужины в ресторанах и долгие совместные прогулки по романтическим улочкам Вероны. Мария чувствовала себя в его обществе на редкость хорошо: ей, с детства лишенной отца, очень не хватало рядом такого мужчины, как Менегини: опытного, надежного, способного защитить и ободрить. В одном из интервью она заявила: «Я поняла, что это тот человек, которого я ищу, уже через пять минут после нашего знакомства. Если бы Баттиста захотел, я тут же без всякого сожаления оставила бы музыку. В жизни женщины любовь значительно важнее, чем любой профессиональный триумф». Их роман продолжался два года, пока однажды Мария – девушка весьма серьезная и воспитанная в самых суровых традициях – не заявила ему: «Нас всюду видят вместе. Ты меня компрометируешь. Ты должен или жениться на мне, или перестать за мной ухаживать».

Мария Каллас в роли леди Макбет в опере Дж. Верди «Макбет»

Менегини решился. Все приготовления к свадьбе заняли у него несколько часов: сообщить родственникам, купить для Марии нарядное платье и договориться со знакомым священником. 21 апреля 1949 года Мария и Баттиста обвенчались в церкви Святого Филиппа. Свидетелей для церемонии нашли прямо на улице, они же были единственными гостями. И семья жениха, и мать невесты не одобрили этого брака. Евангелия была против того, что ее Мария выходит замуж не за грека, да к тому же вдвое старше ее, а Менегини считали, что Мария выходит замуж только из-за денег Баттисты. Кроме того, они опасались, что, женившись, он забросит семейное дело.

Родственники оказались правы: женившись на Марии,

Баттиста все свои силы отдал заботам о ее карьере. Он стал для Марии не только мужем, но и отцом, менеджером, психоаналитиком и имиджмейкером. Он баловал свою жену, как любимого ребенка, и взял на себя все проблемы, связанные с организацией ее концертов, предоставив ей возможность целиком отдаться любимому делу – пению.

Мария Каллас в роли Турандот в опере Дж. Пуччини «Турандот»

Супруги поселились в Милане. Мария с удовольствием осваивала новую для себя роль жены, обустраивая свой дом и

муштруя прислугу. Обстановка в доме с головой выдавала все ее комплексы, уходящие корнями в нищее детство: мебель в завитушках, громоздкая позолота, обои в ангелочках с пышными цветочными гирляндами и прочие составляющие роскошной жизни – как ее понимают те, кто недавно разбогател. Режиссер Франко Дзефирелли был шокирован безвкусной обстановкой дома супругов Менегини, но Каллас была там счастлива. Баттиста ни в чем не мог ей отказать, и Мария тратила деньги, не считая. Менегини привил ей вкус к дорогой одежде и обуви, сшитой на заказ; такой обуви у Марии было 150 пар. Ее гардеробы ломились от платьев, а число головных уборов – от простых шляпок до совершенно немыслимых сооружений – превысило три сотни. Говорили, что у Марии Каллас был специальный парикмахер, который, следуя любому ее капризу, менял ей прическу. Под настроение Мария любила перекрашивать волосы, испробовав все мыслимые и немыслимые оттенки. При всем при этом Мария продолжала много работать. В 1951 году Каллас заключила контракт с известнейшим итальянским оперным театром «Ла Скала». Поначалу Мария делила свое звание примадонны «Ла Скала» с Ренатой Тибальди; но вскоре, обретя популярность и признание критики, Каллас поставила руководство театра перед выбором: или контракт с Тибальди разрывают, или уходит сама Каллас. Взвесив все «за» и «против», руководство выбрало Каллас – она была моложе, талантливее и больше нравилась публике. И не проиграло: в жизни театра началась новая эпоха, которая по праву называется эпохой Каллас. Она привлекала в театр лучших певцов и дирижеров; для нее ставились оперы, уже десятилетиями не шедшие на оперных сценах – «Альцеста» Глюка, «Весталка» Спонтини, «Орфей и Эвридика» Гайдна, «Медея» Керубини, «Анна Болейн» Доницетти… Мария, в совершенстве владевшая необходимой для таких партий техникой бельканто, буквально возродила их из забытья, а партии в этих операх стали признанными вершинами в ее творчестве. Публика была готова носить Марию на руках, выгодные контракты сыпались один за другим.

Мария Каллас в роли Джулии в опере Г. Спонтини «Весталка»

Каллас всю себя отдавала пению, стремясь довести любую партию, любой жест до совершенства. «Я помешана на совершенствовании», – любила повторять она. Чтобы больше соответствовать своим ролям, в 1954 году Мария Каллас совершила настоящий подвиг – за несколько месяцев она похудела со ста килограммов до шестидесяти, превратившись из классической оперной певицы с габаритами афишной тумбы в красивую, стройную женщину. Что ей для этого пришлось сделать, неизвестно: говорили и про курс радикального

голодания, и про некие чудодейственные таблетки, и даже про то, что Марии пришлось заразить себя глистами. На радостях Мария полностью сменила гардероб, скупив нарядов на несколько магазинов.

В своем новом облике она как нельзя лучше соответствовала своим героиням – Норме, Медее, Анне Болейн, Лючии… Слава ее давно уже вышла за пределы Европы; Мария Каллас много гастролировала, и зрители по всему миру имели возможность насладиться ее голосом и лично убедиться в правдивости всех титулов, которыми ее награждала щедрая на пышные эпитеты итальянская пресса: «непревзойденная», «неподражаемая», «божественная».. Теперь ее так называли в парижской Гранд-Опера, лондонском Ковент-Гардене и нью-йоркской Метрополитен-Опера. Всеми вопросами, связанными с контрактами, гостиницами, билетами и прочим, занимался Менегини. Когда он не мог сопровождать Марию в поездках, он звонил ей каждый день, требуя отчета обо всем – как идут репетиции, что сказала критика после выступлений, нравится ли ей гостиница и какого цвета платья она себе купила. А она писала ему подробнейшие письма и отправляла местные газеты с рецензиями.

Их брак был образцом счастливой стабильности, где было все – взаимное уважение, надежность, верность, чувство защищенности, общее дело и деньги. Не было только детей – сначала Мария очень хотела ребенка, но Менегини не разрешал ей беременеть, опасаясь за ее карьеру, а потом она сама оставила эту идею. Жизнь была расписана по минутам на много месяцев вперед: репетиции, гастроли, выступления, переезды… Казалось, ничто не может нарушить этот прекрасно отлаженный механизм – даже то, что после резкого похудения у Марии начали сдавать нервы. Она стала раздражительной, устраивала скандалы по пустякам – например, могла закатить прислуге скандал из-за того, что продукты в холодильнике стоят не на той полке, на которой она привыкла. Мария постоянно ссорилась с администрацией театров и партнерами по сцене, но примадонне все прощали – чем больше скандалов устраивала Мария, тем лучше она пела, тем больше страсти звучало в ее голосе, тем более убедительной была ее игра. Друзьями Каллас и ее мужа были самые видные итальянцы, среди которых – кинорежиссер Лукино Висконти, композитор Леонард Бернстайн, фельетонистка Эльза Максвелл.

Именно Максвелл в 1957 году на одном из своих вечеров познакомила Марию с судостроительным магнатом Аристотелем Онассисом. Они обменялись любезностями – и разошлись. А в

начале 1959 года они снова встретились – на этот раз на балу, который ежегодно устраивала графиня Костельбарко. Мария пригласила Онассиса на свое выступление – она пела «Медею», одну из лучших своих партий, – а он пригласил ее и Менегини в круиз на своей знаменитой яхте «Кристина». Сам Онассис говорил: «Эта встреча была исторической, ведь мы были самыми знаменитыми греками в мире».

Аристотель Онассис родился 15 января 1906 года. Он происходил из семьи богатых табакоторговцев, но Онассисы потеряли все, когда в 1922 году их родная Смирна (ныне Измир) была захвачена турками. Бежав, Аристотель Онассис осел в Аргентине. В Буэнос-Айресе он начал ночным диспетчером в порту, а затем с помощью друзей семьи в дневное время начал торговлю табаком. За два года он заработал сто тысяч долларов. Молодого предпринимателя заметило греческое правительство и после того, как Онассис добился заключения торгового соглашения между Грецией и Аргентиной, сделало его генеральным консулом. Расширив сферу деятельности за счет производства товаров широкого потребления, к двадцати пяти годам Онассис заработал свой первый миллион долларов.

В 1932 году он за 120 тысяч долларов приобрел у одной канадской фирмы свои первые шесть кораблей; потом он поменял их на более вместительные суда. В 1938 году он построил свой первый танкер, а потом купил еще два. В годы Второй мировой войны Онассис заработал не одно состояние, поставляя нефть в воюющую Европу. Его компания росла и росла, танкеры Онассиса перевозили нефть по всему миру, зарабатывая ему один миллион за другим. В 1953 году Онассис купил контрольный пакет акций «Общества морских купаний», которое контролировало все казино в Монте-Карло и владело большим количеством недвижимости в Монако и других местах, а 1957 году приобрел концессию на управление греческими авиалиниями.

Мария Каллас в роли Альцесты в опере К. Глюка «Альцеста»

В 1946 году он женился на Афине (или Тине) Ливанос, дочери греческого корабельного магната; влияние тестя во многом помогло ему в развитии бизнеса. У Онассисов родилось двое детей – сын Александр и дочь Кристина. У него было все – деньги, власть и семья, не было только одного – славы.

В Марии Каллас – красивой, талантливой, знаменитой – он увидел все то, чего не хватало ему самому. Привыкнув получать

все, чего бы он ни пожелал, Онассис пошел на штурм «самой знаменитой гречанки на Земле».

Яхта «Кристина», названная так в честь любимой дочери Онассиса, была самым роскошным судном того времени, где каюты были украшены музейными картинами, где были перила из красного дерева, антикварные светильники и знаменитые барные табуреты, обтянутые крайней плотью китов. На борту царил бесконечный праздник жизни: вечеринки, балы, роскошный отдых и дорогие подарки от щедрого хозяина. На этот раз королевой круиза была Мария – в ее честь приглашались знаменитые гости, играл оркестр и провозглашался один тост за другим. Ари осыпал Марию цветами и драгоценностями, часами танцевал с нею на роскошной палубе «Кристины» – часто Баттисте приходилось уходить в каюту одному, оставив Марию в объятиях Онассиса. Поначалу он не волновался – Менегини отдавал себе отчет в том, что его жена намного моложе его и ей требуются развлечения, но он прекрасно знал, что Мария без него не сможет. Однако потом он забеспокоился: через две недели после начала круиза «Кристина» зашла в Эгейское море; Онассисы и Менегини были приглашены в резиденцию Патриарха Константинопольского, который благословил Аристотеля и Марию – и не обратил никакого внимания на их супругов. А однажды ночью в каюту к Баттисте пришла заплаканная Тина Онассис: «Там твоя жена в объятиях моего мужа. И насколько я его знаю, ты уже не сможешь получить ее назад».

Тина взяла детей и покинула «Кристину»; вскоре она начала бракоразводный процесс – хотя Аристотель и пытался ее отговорить; в хороших греческих семьях не одобряли разводов. Обретя свободу, Тина Онассис всего через полгода вторично выйдет замуж за британского лорда.

Мария тоже попросила Менегини о разводе: «Я остаюсь с Онассисом. Я поняла, что больше не люблю тебя», – заявила она Баттисте. Тот пытался ее образумить: Аристотель никогда на ней не женится, а без Баттисты – верного менеджера, преданного друга и заботливого мужа – Мария пропадет; пусть Мария

встречается с Онассисом, но зачем разводиться? Но Мария была неумолима: она любила Онассиса и искренне верила, что он рано или поздно сделает ей предложение.

Говорят также, что Менегини согласился на развод только после того, как Аристотель Онассис пришел к нему в дом и предлагал за Марию гигантские отступные. Денег Баттиста не взял, но на гражданский развод согласился, поняв, что Ари и Мария готовы на все, лишь бы быть вместе.

Мария Каллас на репетиции с Лукино Висконти

Удивительно, насколько сильно Мария Каллас любила

Аристотеля Онассиса – старого, толстого, некрасивого и во многом жестокого с нею. Да, он был щедр, он открыл ей мир настоящей любви, со страстями, бурным сексом и теми приятными мелочами, всю ценность которых могут оценить лишь влюбленные, – например, он любил расчесывать Марии волосы. Ари терпел ее истерики, выслушивал ее рассказы о репетициях и оперных выступлениях – и это при том, что оперное пение он не любил и мог заснуть во время пения Марии. Ради него она перекраивала свое расписание, отказывалась от многих выгодных контрактов – стремясь быть вместе с любимым, Кал лас пела там и тогда, где и когда были дела у Онассиса. Отменялись гастроли, терялись контракты, газеты все больше уделяли внимание не Марии Каллас – оперной примадонне, а Каллас – любовнице миллионера Онассиса. Но она все еще надеялась; однажды Каллас публично объявила о скорой свадьбе, но на другой день Онассис назвал это «всего лишь фантазией». Он добился своего и теперь наслаждался известностью, которую ему приносили отношения с Марией. Она боготворила его, готова была исполнить любую его прихоть. Между тем Онассис стал обращаться с Марией все хуже и хуже: мог публично наорать, обозвать «горлопанкой» или «полной дурой», даже ударить. Он срывал на ней плохое настроение, и друзьям приходилось утихомиривать буйного грека, умоляя его быть с Марией поделикатнее. Каллас страдала, но продолжала любить; постоянное нервное напряжение привело к тому, что у нее начались проблемы с голосом. Впервые голос отказал Марии в Далласе, во время исполнения оперы Доницетти «Лючия ди Ламмермур», и жадные до чужих несчастий газетчики тут же разнесли эту новость по всему миру. В 1958 году в Риме Каллас пела «Норму» – и была вынуждена уйти со сцены посредине представления, хотя в зале находился сам президент Италии Джованни Гронки с супругой. После этого Мария уже никогда не пела в Риме; она вообще выступала все реже и реже. После провального выступления 11 декабря 1961 года в «Ла Скала» Аристотель орал на нее: «Ты ничтожество!» Ссора следовала за ссорой…

У них с трудом получалось быть вместе; но и друг без друга они уже не могли. В один прекрасный момент Мария поняла, что беременна; она была на седьмом небе от счастья. Но Онассис запретил ей рожать… Аборт был сделан слишком поздно, Мария с трудом оправилась. Всю жизнь она проклинала Аристотеля за то, что тот заставил ее сделать аборт; еще больше проклинала она себя – что послушалась, что не могла с ним расстаться…

В августе 1968 года они поссорились на борту «Кристины».

Онассис и Мария ругались так, что вся команда попряталась по своим каютам, опасаясь попасть под горячую руку. Наконец, Ари прервал Марию посреди фразы и велел убираться. «Хорошо, но больше ты меня не увидишь!» – заявила Мария.

Мария Каллас в роли Елизаветы в опере Дж. Верди «Дон Карлос»

А в сентябре было объявлено о предстоящей свадьбе Аристотеля Онассиса и Жаклин Бувье-Кеннеди, вдовы погибшего американского президента. Их бракосочетание произошло 20 октября 1968 года на острове Скорпио, который Онассис когда-то купил для Марии. Каллас была раздавлена. «Ты не верил, что я могу умереть от любви. Знай же: я умерла. Мир оглох. Я больше не могу петь. Нет, ты будешь это читать. Я тебя заставлю. Ты повсюду будешь слышать мой голос – он будет преследовать тебя даже во сне, он окружит тебя, лишит рассудка, и ты сдашься, потому что он умеет брать любые крепости. Он достанет тебя из розовых объятий куклы Жаклин. Он за меня отомстит», – писала Мария Аристотелю вскоре после свадьбы. По легенде, она прокляла Онассиса и всех его потомков, и это проклятие действует до сих пор. «Обрати внимание на мои слова. Боги будут справедливы. Есть на свете правосудие».

Мария перестала петь. Она поселилась в Нью-Йорке, в маленькой квартирке на авеню Джорджа Мандела. В 1969 году она снялась в фильме «Медея» режиссера Пьетро Паоло Пазолини, но особого успеха фильм не имел: Мария Каллас, великая «поющая драматическая актриса», в качестве просто драматической выглядела не так убедительно, как в оперных постановках. Она занялась преподаванием – ее знаменитые мастер-классы, которые Мария давала в академии Джульярд в 1971 году, вошли в историю. Двадцать четыре человека, имевшие счастье присутствовать на ее уроках, до сих пор называют себя ее учениками, хотя все признаются, что Мария Каллас не была великим педагогом: ее дар был не столько приобретенным, сколько врожденным, и его невозможно было передать другим. Но зато она смогла научить их тому, как отдавать себя музыке, как понимать ее и как надо вести себя на сцене. Этим занятиям знаменитый американский драматург Теренс Мак-Нелли посвятил свою пьесу «Мастер-класс».

Мария Каллас в фильме Пазолини «Медея»

Вскоре после свадьбы Аристотель приполз к Марии на коленях. Жаклин оказалась совсем не такой, какой он хотел видеть свою жену: она была холодной, расчетливой, не желала его слушать и не интересовалась его делами, предпочитая просто тратить его деньги. Онассису не хватало Марии – ее терпения, ее любви, ее бескорыстия и ее всепрощения. Мария простила Онассиса.

Но проклятие действовало: в 1973 году в авиакатастрофе погиб любимый сын Онассиса Александр, и после этого

Аристотель не захотел жить. Он скончался 15 марта 1975 года, и Мария была рядом с ним. Жаклин в это время гуляла по Нью-Йорку…

Последние годы своей жизни Мария Каллас провела в Париже. Она жила очень уединенно, принимая у себя только свою учительницу Эльвиру де Идальго. В сентябре 1977 года Мария попросила секретаря Онассиса Кики Мутсатоса отвезти ее на могилу Аристотеля. Они прилетели на остров Скорпио; у Марии в руках был букет белых роз. Подойдя к склепу, она попросила Кики отойти, чтобы она могла попрощаться с Онассисом в одиночестве. В самолете она сказала: «Вы знаете, у нас с Ари ничего не было в этом мире, кроме друг друга. Я всю жизнь пишу ему письма…» И после долгой паузы добавила: «Ничего. Осталось недолго. Скоро мы встретимся».

Мария Каллас умерла 16 сентября 1977 года от сердечного приступа. Ее сердце – страстное, умеющее любить и ненавидеть сердце настоящей гречанки – разбилось, устав биться вдали от любимого.

Грейс Келли

ПРИНЦЕССА АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ

Жизнь Грейс Келли может служить примером того, как может сбыться любая мечта – надо только мечтать изо всех сил. Она жила на полную катушку и смогла не только добиться успеха в своей профессии – кино, – но и получить, как писал задолго до ее рождения Оскар Уайльд, то, что «получают в награду все благонравные американские девочки» – княжескую корону.

Каждый эмигрант мечтает стать миллионером; каждый спортсмен мечтает завоевать олимпийскую медаль; каждый отец

мечтает о красивых, послушных и успешных детях; а каждая маленькая девочка мечтает о своем принце. Мечтают миллионы, но реализовать свою мечту удается единицам. Удивительно, но семье Келли удалось реализовать все свои мечтания.

Сын ирландского эмигранта Джек Келли днем трудился в строительной фирме вместе со своим братом, а по ночам тренировался: он был страстным гребцом и к 1920 году выиграл уже шесть национальных чемпионатов. Джек отправился было покорять Европу, но там его ждало разочарование: организаторы престижнейшей на то время Хенлейской регаты отказали ему в участии, поскольку он – рабочий: «Джентльмены не работают руками». Через два месяца Келли взял реванш: он завоевал золотую медаль на Олимпиаде в Амстердаме, вырвав ее у победителя Хенлея. Второе золото Келли выиграл уже в парной гребле. На радостях он показал свое отношение к отвергнувшим его британским аристократам: отослал свою гребную кепку английскому королю Георгу V с запиской: «Привет от каменщика!»

С тех пор Келли четко осознал, как надо жить: ему надо добиться успеха в родной Филадельфии и утереть нос всем аристократам. Ему все удалось: его фирма «Келли. Кирпичные работы» вскоре сделала его миллионером. Келли женился на бывшей преподавательнице физкультуры Маргарет Майер, которая ради положения жены героя Филадельфии забросила карьеру фотомодели и перешла в католичество. Своих четверых детей Келли воспитывали в католической строгости, американском стремлении к достижению своих целей и свойственном их семье спортивном духе.

Грейс Патриция, третий ребенок Келли, родилась 12 ноября 1929 года. Она обожала отца, который ласково звал ее «моя принцесса». Грейс была тихим, мечтательным ребенком и больше всего любила играть со своими куклами: она придумывала им наряды, разговаривала с ними на изобретенном ею языке и разыгрывала с ними целые представления. Казалось, девочка обречена на то, чтобы пойти на сцену: и ее тетя Грейс, в честь которой назвали девочку, прекрасная мимическая актриса, и дядя – знаменитый актер и драматург Джордж Келли, лауреат Пулитцеровской премии, – в один голос прочили ей карьеру актрисы. Но у Джона Келли было свое мнение на этот счет: его любимая дочь должна вырасти истинной католичкой, настоящей спортсменкой и в будущем стать достойной женой тому, кого выберет ей отец. В пятилетнем возрасте Грейс отправили в католический пансион – Академию Учения Пресвятой Богородицы. Грейс запомнилась там не тягой к знаниям, а тем,

как в ней сочетались подчинение монастырским порядкам и стремление к шалостям на грани фола. Из школы ее забрали после восьмого класса – Джеку Келли показалось, что сестры-монахини уделяют мало внимания спорту. Однако Грейс успела приобрести здесь поистине аристократичные манеры, умение слушать собеседника, веру в силу католического учения – и тоску по сцене: в Академии Грейс с успехом выступала в школьных спектаклях и была настоящей звездой танцкласса.

Заканчивала свое обучение Грейс в частной школе для девочек миссис Сюзи Стивене. Здесь Грейс уделяла больше внимания не учебе, а спорту – она была членом сборной по хоккею на траве, – и мальчикам: вероятно, сказались гены – ее отец Джек был признанным ловеласом. Однако поначалу Грейс особого успеха не имела: католическое воспитание не дало ей навыков общения с противоположным полом, к тому же она с детства была некрасива, неуклюжа и близорука, а также невероятно застенчива – проходило это только на сцене. Мать строго следила за тем, чтобы все ее дочери – Пегги, Грейс и Лизанна – вели себя прилично, не красились и не приставали к мальчикам. Первого настоящего поклонника Грейс – Чарльза Харпера Дэвиса, одноклассника ее брата Джона-младшего, по прозвищу Келл, – родители забраковали: Джек не ладил с его отцом; Грейс была вынуждена расстаться с ним. Но количество ухажеров от этого не убавилось – просто Грейс перестала рассказывать о них родителям. К шестнадцати годам она стала настоящей красавицей и смело обнималась с парнями на задних сиденьях их автомашин: по признанию одного из тогдашних приятелей, к окончанию школы все еще была девственницей, но все остальное прошла от и до.

Грейс Патриция Келли, 1944 г.

Окончив школу в 1947 году, Грейс не имела никакого представления о том, чем ей заняться дальше. Родители мечтали, чтобы она удачно вышла замуж (Джек любил говорить, глядя на свою красавицу-дочь, что к его деньгам теперь неплохо бы титул…), но пока достойных кандидатур не находилось. Джордж Келли посоветовал племяннице поступить в Американскую Академию драматического искусства. Родители были заняты – они готовили Келла к соревнованиям по гребле – и не проконтролировали выбор Грейс. В октябре ее зачислили в

Академию, и Грейс покинула родную Филадельфию, успев напоследок потерять-таки девственность с помощью мужа одной из подруг.

Дон Ричардсон

В Нью-Йорке Грейс, вырвавшаяся из-под опеки родителей, наконец расцвела. Внешне сдержанная, даже холодная красавица с идеально правильными чертами лица, натуральными светлыми волосами и огромными глазами, в которых бушевал огонь, привлекала к себе все взгляды, а ее глубокий бархатный голос покорял любого. Одна из ее сокурсниц впоследствии вспоминала: «Она по натуре была одиночкой. Некоторые из студентов буквально молились на нее из-за ее красоты и какой-то изысканной отстраненности. Да, она была прекрасна, но мне всегда казалось, что она немного холодновата. Этакий капризный, беззащитный ребенок!»

В Академии Грейс тут же сошлась с Херби Миллером, одним из соучеников. Херби, очень привлекательный молодой человек, подрабатывал манекенщиком. Как-то раз он взял на съемки Грейс, и фотограф предложил ей попробовать себя перед камерой. Проба была удачной: скоро Грейс попала на обложки журналов «Редбук» и «Космополитен», получила несколько выгодных рекламных контрактов, а зарабатываемых ею денег хватило не только на оплату учебы, но и на покупку квартиры. Херби она вскоре променяла на известного актера Александра д'Арси, который был старше Грейс на 18 лет: она покорила его сначала своей внешней робостью и невинностью, а затем – обнаружившейся за этим страстностью и ненасытностью. А уже через несколько месяцев, пока д'Арси снимался в Париже, Грейс завязала роман с преподавателем Академии Доном Ричардсоном. По легенде, все началось в лифте: несколько молодых людей шутили над Грейс, чем довели ее до слез; присутствовавший при этом Ричардсон вступился за девушку, утешил ее и пригласил в гости. Пока он варил кофе, Грейс разделась и забралась к нему в постель…

Реклама сигарет, в которой снялась Грейс, 1949 г.

Их роман оказался настолько серьезным, что Грейс решилась привезти Дона к родителям в Филадельфию. Там, правда, выяснилось, что Дон не только еврей (их Джек Келли недолюбливал), но и женат – обнаружила это миссис Келли, которая не постеснялась покопаться в вещах гостя. Дону немедленно указали на дверь; Грейс согласилась расстаться с ним, но в Нью-Йорке их встречи продолжались еще некоторое

время. Неконфликтная по характеру, она всегда соглашалась; но едва за ней переставали следить, делала все по-своему…

Вскоре Грейс познакомилась с сорокалетним Клодеусом Шарлем Филиппом, распорядителем банкетов в «Уолдорф-Астории». С его помощью Грейс надеялась попасть в высшее общество Нью-Йорка, но родители снова были против: Филипп был дважды разведен и был сочтен недостойным их Принцессы.

Следующим кавалером Грейс стал сам шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви. Они познакомились в конце 1949 года на банкете в «Уолдорф-Астории» (спасибо Филиппу) и протанцевали до утра, а затем танцевали еще неделю подряд, пока охранники шаха не попросили Грейс не ходить на свидание хотя бы раз и дать им выспаться. Говорят, что уже на следующий день шах сделал Грейс предложение, но она отказала. Почему, никто точно не знает: может быть, побоялась повторить судьбу знаменитой актрисы Риты Хейворт, незадолго до этого со скандалом вышедшей замуж за другого мусульманского плейбоя, Али Хана, который напропалую изменял ей с первого же дня их брака, несмотря на беременность Риты. А может быть, Грейс знала, что ее родители наверняка будут против. Или, возможно, Грейс просто не хотела раньше времени бросать карьеру актрисы – тем более что она только что получила свою первую роль.

В ноябре 1949 года Грейс дебютировала на Бродвее в пьесе Августа Стринберга «Отец», и хотя постановка была признана провальной, на красавицу дебютантку обратили внимание. Она попала на телевидение, где быстро стала «звездой» телесериалов, за три года сыграв в полусотне постановок. Ей все чаще стали предлагать роли в театральных спектаклях, где Грейс тоже пользовалась постоянным успехом. А в августе 1951 года ее пригласили в вестерн Фреда Циммермана «Ровно в полдень».

Грейс Келли и Гари Купер в фильме «Ровно в полдень», 1952 г.

Денег на фильм было выделено крайне мало, причем большая их часть пошла на гонорар исполнителю главной роли шерифа Кейна Гари Куперу, так что актрису выбирали по принципу «чтобы умела играть, но обошлась подешевле». На съемки вместе с Грейс родители отправили ее сестру Лизанну – она была призвана следить за нравственностью Грейс и особенно оберегать ее от чар «первого ковбоя Америки» Купера. Но все было напрасно: Грейс сама окрутила Купера. Он впоследствии вспоминал: «Она превращалась в кусок льда рядом с мужчиной, но лишь до тех пор, пока на ней оставались трусики. Затем она взрывалась!» Правда, их роман закончился вместе со съемками.

Фильм «Ровно в полдень» стал одной из вершин американского кинематографа. Сама она, однако, осталась недовольна своей игрой: «После «Ровно в полдень» все говорили, что я сыграла прекрасно, но для себя я решила, что покину Голливуд как можно скорее и вернусь только тогда, когда у меня будет имя». Но уйти не удалось: на Грейс тут же посыпались предложения, и она согласилась принять участие в съемках

«Могамбо» – сниматься придется в Африке, зато без опеки родственников; к тому же вместе с прославленной Авой Гарднер и самим Кларком Гейблом, мечтой всех американских женщин! Ради съемок Грейс пришлось заключить с MGM семилетний контракт, причем на весьма невыгодных для нее условиях (всего 750 долларов в неделю), но дело того стоило. В Африке между Грейс и Гейблом немедленно разгорелся страстный роман; но едва съемочная группа переехала на павильонные съемки в Лондон, туда примчалась мать Грейс и быстренько разрушила непрочный союз дочери и Гейбла. Говорят, в аэропорту Грейс рыдала…

Дебют на Бродвее: Грейс Келли в спектакле «Отец»

Роль в «Могамбо», вышедшем на экраны в 1953 году, принесла Грейс Келли настоящую известность; ее даже выдвинули на «Оскара». Она стала признанной «звездой». Ее холодная, одновременно отстраненная и притягательная красота, пластика породистой кошки и глубокая, искренняя игра не оставляли равнодушными ни зрителей, ни критиков, ни режиссеров, которые наперебой приглашали Келли в свои картины – тем более что единственная похожая на нее по типажу «благородная девственница» актриса – Ингрид Бергман – уже несколько лет бойкотировалась Голливудом за скандальный брак с режиссером Роберто Росселини. Другая знаменитая «киноблондинка» того времени – Мэрилин Монро – заметно проигрывала Грейс и в актерском таланте, и в симпатиях критики и зрителей. Недаром журнал «Тайм», поместив на обложку фотографию Грейс Келли, сопроводил ее подписью: «Джентльмены предпочитают леди».

Привлеченный сочетанием в Грейс Келли внешнего холодного лоска и внутреннего огня, Альфред Хичкок весной 1953 года пригласил ее в свой фильм «В случае убийства набирайте М». Хичкок назвал Грейс «вулкан под снегом». Съемки проходили в Лондоне, куда Грейс приехала, прекратив ради работы с Хичкоком свой роман с французским актером Жан-Пьером Омоном – они познакомились на съемках очередного телефильма. В Лондоне за Грейс снова присматривала Лизанна, но и она не смогла сдержать напор мужского внимания, обрушившийся на ее сестру. В конце концов Грейс остановила свой выбор на исполнителе главной роли Рее Милланде – несмотря на то, что он был женат и разводиться не собирался. Жирную точку в их романе поставила пресса: одно бульварное издание опубликовало снимки Грейс и Рея, так что когда они вернулись в США, там уже назревал скандал. Милланда жена выгнала из дома (правда, потом простила), а Грейс оказалась под угрозой прекращения карьеры – в Голливуде не желали снимать актрис, замешанных в неприличных скандалах. Ей пришлось на некоторое время даже уехать из Голливуда, пока Хичкок не вызвал ее на съемки следующего своего фильма «Окно во двор». Следующий ее роман разгорелся во время работы над фильмом «Мосты над Токо-Ри» режиссеров Уильяма Перлберга и Джорджа Ситона. Грейс влюбилась в Уильяма Холдена, у которого всего год назад был неудачный роман с Одри Хепберн. Видимо, Грейс своей аристократической сдержанностью напоминала ему Одри – он даже был готов жениться на Келли и съездил с нею к ее родителям в Филадельфию. Правда, Джек Келли настолько его

достал, что Холден послал его на четыре английских буквы и сбежал. Позже он говорил, что его любовь к Грейс потерпела поражение от ее отца…

Грейс с сестрой Лизанной на съемках фильма «Поймать вора»

Семья Келли: Грейс, отец, мать, Кел и Лизанна, 1947 г.

Как это часто бывает, горечь разлуки помогли пережить новая работа и новый роман. Грейс, получавшая уже полторы тысячи долларов в неделю, начала сниматься в фильме «Деревенская девчонка», где ее партнером был знаменитый певец и актер Бинг Кросби. Кстати, поначалу он категорически возражал против того, чтобы роль досталась Грейс – по его мнению, она берет не актерским талантом, а лишь умением крутить хвостом; но уже через несколько дней он заявил, что Грейс – настоящая актриса, а он был не прав, сомневаясь в ее способностях. Еще через неделю Кросби уже был влюблен в Грейс и даже собрался сделать ей предложение.

Самое интересное, что в этот раз родители Грейс официально заявили, что Бинг Кросби в качестве зятя их вполне устраивает. Едва узнав об этом, Грейс тут же с ним рассталась.

За роль в фильме «Деревенская девчонка» Грейс Келли получила наконец «Оскара» – в марте 1955 года на сцене Pantages Theater ей вручил статуэтку Уильям Холден. Роль в «Деревенской девчонке» – не лучшая роль Грейс, но в тот год у считавшейся фавориткой Джуди Гарланд были проблемы с алкоголем. Гарланд

со злости заявила: «Подумаешь, смыла свою чертову косметику и отхватила себе моего «Оскара»!» Грейс была признана самой кассовой актрисой своего времени и носила титул «Принцессы экрана».

Весной 1954 года Грейс прилетела в Париж на съемки хичкоковского фильма «Поймать вора». Там у нее начался роман с сорокалетним кутюрье Олегом Кассини, в чьих жилах смешалась кровь русских дипломатов и итальянских аристократов. Через десять лет он прославится как личный модельер Джекки Кеннеди. Как вспоминает сам Кассини, он увидел Грейс в кино и был с первого взгляда сражен ее «холодной идеальной красотой». После сеанса он зашел в ресторан, и там за соседним столиком увидел саму Грейс. Кассини проследил за нею и следующие десять дней присылал актрисе букет роз с неизменной запиской: «Ваш друг-садовник». На одиннадцатый день Кассини позвонил заинтригованной Грейс и назначил ей свидание.

Марлон Брандо вручает Келли Оскара за роль в фильме «Деревенская девчонка», март 1955 г.

Грейс Келли получила «Оскара», март 1955 г.

На третьем свидании Грейс призналась Олегу, что возвращается в США. Но вскоре Олег прилетел к ней в Голливуд. Когда Грейс снова вернулась в Париж продолжать съемки, Олег пригласил ее на пикник, где заявил, что любит ее, но устал гоняться за ней по разным континентам. И Грейс сдалась.

Кассини на тот момент был известным ловеласом – даже свою компанию он назвал Casanova, соединив первые буквы фамилии и свое главное увлечение. Но с Грейс все было иначе – он впервые влюбился по-настоящему. Кассини стал для Грейс не только любовником и другом, но и тем, чем Живанши стал для Одри Хепберн – творцом и вдохновителем. Именно Кассини создал то, что сейчас называется «стилем Грейс Келли» – аристократически-элегантные и сдержанно-сексуальные наряды,

которые достаточно показывали, но еще больше скрывали, ее идеально очерчивающие фигуру платья и костюмы пастельных тонов, темные очки и непременную маленькую сумочку, навеки оставшуюся в истории моды под ее именем. Кассини сравнивал Грейс с нежной английской розой, у которой есть все, кроме шипов. Все то время, пока Грейс была в Париже, они не расставались и вместе уехали в США – Грейс везла его в Филадельфию, где представила своим родителям как будущего мужа.

Надо заметить, что в душе Грейс, прославившаяся как «слияние противоположностей», никак не могла окончательно решить, чего же ей больше всего хочется. Отделавшись от родительской опеки, Грейс пустилась во все тяжкие не только потому, что она жаждала наслаждений и мечтала разбивать сердца; скорее, она просто не научилась говорить добивающимся ее мужчинам «нет». Она оставалась строго воспитанной дочерью своих родителей и на каждый свой шаг старалась получить благословение обожаемого отца; она хотела выйти замуж, воспитывать детей и сидеть счастливой домохозяйкой за спиной того, кто будет принимать за нее все решения. Как писала ее биограф Гвен Робине, хотя Грейс отлично знала, чего она хочет в плане карьеры, и знала, как этого добиться (причем постель никогда не была для нее инструментом для добывания ролей), в личной жизни она все еще оставалась ребенком, который оказался один в кондитерской лавке. Все ее мужчины – как один – годились ей в отцы; и все они – как один – идеально воплощали собой представление Джека Келли о том, за кого его дочь ни в коем случае не должна выйти замуж.

И в этот раз мистер Келли снова был против: Кассини был дважды разведен и к тому же наполовину еврей. Неподходящая пара для его Принцессы! Но Грейс стояла насмерть: или Кассини, или никто! В конце концов родители согласились подумать, но с условием: их любовь должна пройти испытание временем – полгода без встреч.

Согласившись в Филадельфии, в Голливуде они продолжали встречаться. Влюбленные даже разработали план: Кассини принимает католичество (что автоматически снимает проблему его предыдущих разводов), и они с Грейс тайно венчаются. Но в последний момент Грейс дрогнула и попросила у Олега еще время подумать. Он вернулся в Париж, а она осталась в Америке.

Постепенно Грейс остыла. Она по-прежнему продолжала писать Олегу и пользоваться его советами, но уже не думала о нем как о будущем муже. Ее снова поглотила карьера. В начале 1955 года нью-йоркский «Кружок театральных критиков» назвал

ее лучшей актрисой 1954 года, а в мае 1955 года она возглавила американскую делегацию на Каннском кинофестивале. Во Францию Грейс отправилась в компании своего старого приятеля Жан-Пьера Омона, который во всеуслышание заявлял о своей любви к Грейс и даже свозил ее познакомиться со своими родителями.

Незадолго до окончания фестиваля французские журналисты организовали встречу Грейс Келли с князем Монако Ре нье III. Она посетила его дворец, осмотрела зверинец князя и прогулялась по саду. Сам князь не произвел на нее особого впечатления – низкого роста, в мешковатом костюме, к тому же опоздал на целый час и даже не извинился. Правда, он был обаятелен, остроумен и весьма темпераментен…

В июне Грейс вернулась в Штаты, договорившись с Омоном о переписке. Некоторое время они действительно слали друг другу полные любви послания, но потом Грейс стала писать все реже и суше… Осенью Омон примчался в США, чтобы выяснить причину ее холодности, – и обнаружил, что Грейс переписывалась не только с ним, но и с князем Ренье. Все началось с письма Грейс, где она благодарила князя за оказанный прием, а продолжилось полными взаимной нежности посланиями, которые князь благоразумно попросил держать в полной тайне. Их переписка постепенно переросла в бурный – хотя и платонический – роман. Родители Грейс были в курсе и – впервые в жизни – полностью одобряли выбор дочери. Омону пришлось вернуться во Францию ни с чем.

Князю Ренье в то время было 32 года. Он принадлежал к старейшей в Европе династии Гримальди. Ренье унаследовал трон в 1949 году от своего деда, князя Луи II. Родители Ренье – принцесса Шарлотта и принц Пьер де Полиньяк – после бурной, но непродолжительной супружеской жизни возненавидели друг друга и разъехались; княжество после войны находилось на грани банкротства – Гримальди не могли простить сотрудничества с Германией. Часть собственности скупил Аристотель Онассис, туристы в Монако не появлялись. Кроме того, Ренье надо было срочно жениться, чтобы обеспечить княжество наследником: в случае его отсутствия Монако по договору 1818 года становится частью Франции. Он уже несколько лет жил с французской актрисой Жизель Паскаль, которую Ватикан – а следом и монегаски, жители Монако, – решительно отказывались видеть в качестве его супруги. Ренье сватали нескольких титулованных невест, но Ренье не хотел попасть под влияние какой-нибудь европейской монархической семьи.

В мае 1954 года Грейс была представлена князю Монако Ренье. Их прогулка по зверинцу князя…

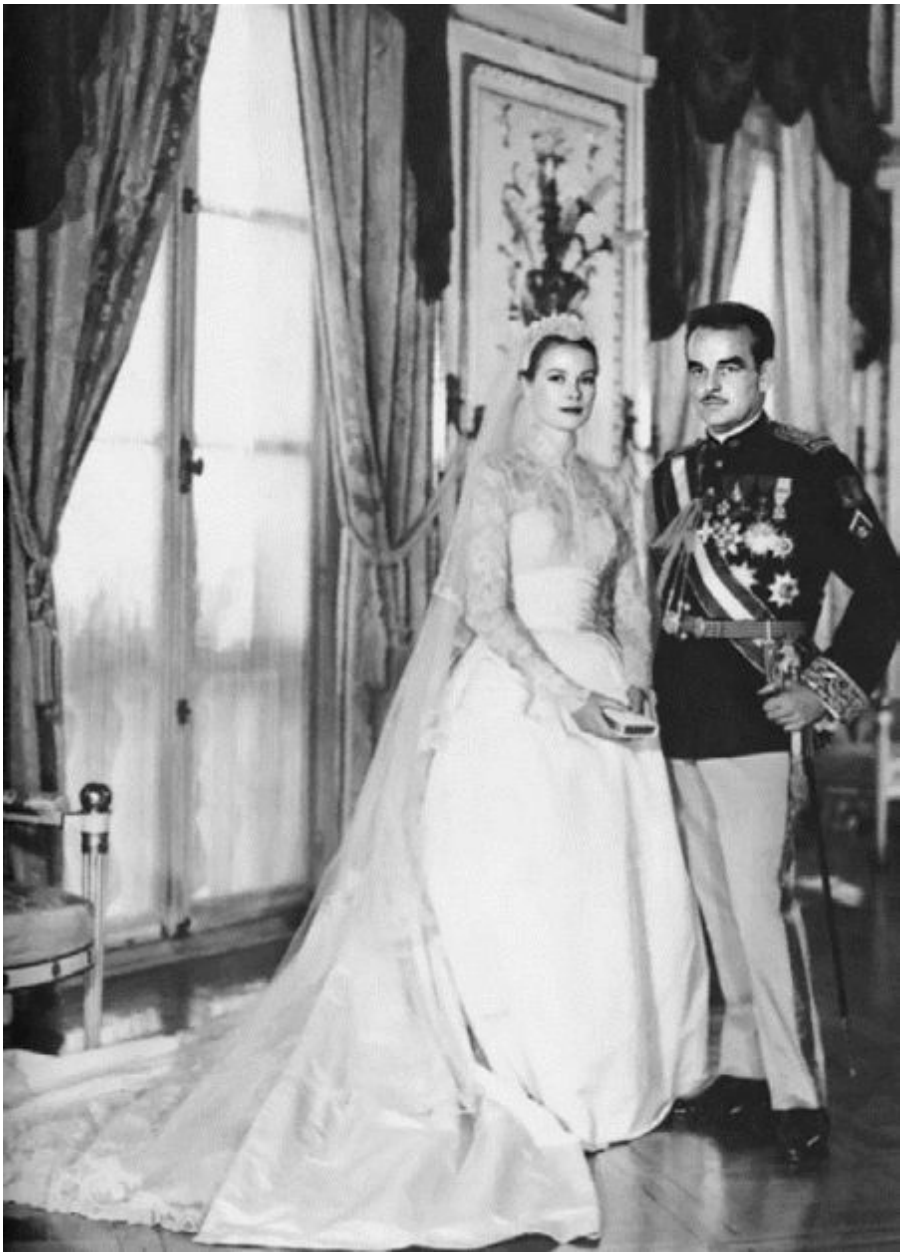
…окончилась скорой свадьбой

Он решил убить сразу нескольких зайцев: жениться на какой-нибудь знаменитой американке, чем разом привлечь внимание к Монако прессы, обеспечить приток богатых туристов из США и поступление американских банковских капиталов. Онассис пытался сосватать ему Мэрилин Монро, но князь счел ее чересчур доступной, к тому же он сомневался в ее способности к деторождению. А Грейс Келли показалась князю идеально подходящей кандидатурой: красота, известность, скромность, аристократичные манеры, ум, к тому же верующая католичка (Монако – католическая страна). В переписке она показала себя как надежный друг и образованный и искренний собеседник – чего еще желать? Так что в конце ноября князь Ренье официально

уведомил Ватикан о том, что он собирается отправиться в США на поиски невесты. В декабре 1955 года Ренье в сопровождении духовника и личного врача прибыл в Филадельфию, чтобы отпраздновать Рождество в доме Келли. Он заявил родителям Грейс, что намерен жениться на ней; тем ничего не оставалось, как согласиться. 5 января 1956 года было официально объявлено о помолвке князя Монако и киноактрисы Грейс Келли.

Грейс была на седьмом небе: она действительно влюбилась и теперь с нетерпением ждала свадьбы (продолжая, правда, сниматься – например, в фильме «Лебедь», где она предусмотрительно играла девушку, которая выходит замуж за принца). Единственное, что ее волновало – необходимый предсвадебный врачебный осмотр: ведь предписанную невесте князя девственность она потеряла много лет назад. Пришлось соврать, что ее порванная плева – результат не буйного темперамента, а неудачного прыжка на школьных занятиях физкультурой. Правда, потом выяснилось, что очарованный Ренье женился бы на ней в любом случае.

Едва стало известно о помолвке князя, пресса всего мира будто сошла с ума. Грейс осаждали репортеры; ее фотографии пачками появлялись в любом уважающем себя издании; Америка готова была носить на руках ту, которая утерла нос всем титулованным особам Старого Света. В одно мгновение Грейс из просто известной актрисы стала иконой, на которую молились девушки по всему миру, мечтающие встретить своего принца. По всей Америке детей называли Грейс и Келли; сумочки «а-ля Грейс» появились у каждой девушки, аристократичные манеры и неприступность вошли в моду. Платье – копия того, в котором Грейс снималась в «Поймать вора» (это была одна из лучших работ художника по костюмам «Парамаунта» Эдит Хед), – целый год было лидером продаж в американских универмагах.



Первая официальная фотография новобрачных – Ренье и княгини Грации-Патриции. 19 апреля 1956 г.

В марте Грейс закончила сниматься в фильме «Высшее общество» – блестящем мюзикле, в котором вместе с Грейс снимались Фрэнк Синатра, Бинг Кросби и Луи Армстронг. Фильму суждено было стать последним в ее кинокарьере – князь Ренье заявил, что после свадьбы Грейс больше сниматься не будет (говорят, в качестве компенсации ему пришлось выплатить семье

Келли два миллиона долларов). Отныне ее место не на экране (кстати, фильмы с участием Грейс Келли запрещены к показу в Монако – чтобы не смущать монегасков видом их княгини в неподобающих ее величию ролях), а на марках – почтовые марки Монако до сих пор являются одной из главных статей дохода княжества. Альфред Хичкок, узнав о том, что его любимая актриса бросает кино, заявил: «Я так рад, что Грейс нашла для себя такую великолепную роль!» Свою скорбь от потери любимой актрисы он выразил в своем фильме «Головокружение» 1958 года, где главный герой пытается изменить любимую женщину в исполнении Ким Новак, превращая ее в кого-то, сильно напоминающего Грейс Келли…

Свадьба Грейс Монако Ренье III, 18 апреля, 1956 г.

4 апреля двадцатишестилетняя Грейс Келли с родными отплыла в Европу на пароходе «Конституция». Она везла с собой парикмахершу MGM и несколько чемоданов с нарядами – там, в частности, были все ее платья из трех последних фильмов. 12

апреля судно прибыло в Монако, и все население княжества вышло встречать свою будущую госпожу. Когда Грейс переходила с «Конституции» на борт яхты князя, их с вертолета Онассиса осыпали красными и белыми гвоздиками. 18 апреля 1956 года в тронном зале дворца состоялась гражданская церемония бракосочетания, а на следующий день – венчание. На свадьбе присутствовал весь цвет европейской политики и американского кинематографа – но никого королевских кровей.

На князе был мундир в стиле Наполеона по его собственному эскизу, а на Грейс – великолепное свадебное платье, сшитое главным костюмером MGM Хелен Роуз, на которое ушло двадцать ярдов шелка, двадцать пять ярдов шелковой тафты, девяносто восемь ярдов шелкового тюля, тысяча жемчужин и более трехсот ярдов драгоценных старинных валансьенских кружев – их князь перед свадьбой выкупил из французского музея. Платье ей подарила студия MGM – в обмен на право эксклюзивной съемки церемонии; согласно официально зарегистрированному в Книге Гиннесса рекорду, 33 миллиона человек в девяти странах смотрели по телевидению, как Принцесса экрана становится Принцессой Грацией– Патрицией.

К свадьбе Ренье заказал для Грейс эксклюзивные духи в знаменитой фирме Creed – результат оказался настолько удачным, что аромат, названный Fleurissimo, выпускается до сих пор. Грейс же принесла в приданое Ренье свои связи в Голливуде – многие из кинозвезд уже в 1956 году проведут свои каникулы в Монако.

Медовый месяц молодые провели в плаванье вокруг Корсики на яхте Ренье. Но Грейс все время тошнило – как оказалось, она была беременна. Ренье был счастлив и бросил все силы на подготовку приданого для будущего ребенка. Из шопинга по Нью-Йорку Грейс и Ренье привезли около двух тонн покупок! Все княжество ждало наследника, но 23 января 1957 года родилась девочка, названная Каролина Луиза Маргарита. Но на следующий год Грейс справилась с задачей: 14 марта 1958 года она родила сына, которого назвали Альбер Александр Луи Пьер.

Грейс с дочерью Каролиной, 1957 г.

Между тем Грейс давно поняла, как опасно выходить замуж за человека, с которым до свадьбы виделась меньше месяца. Ренье оказался вспыльчивым, несдержанным и непредсказуемым. Он мог устроить Грейс сцену по любому поводу, а однажды, когда она еще была беременна Альбером, рассердившись на то, что Грейс слишком коротко подстриглась, швырнул в нее через всю комнату стаканом с вином – хорошо еще, что комнаты в княжеском дворце немаленькие и стакан просто не долетел… Но Грейс смирилась. Она научилась спокойно переносить все выходки своего супруга, успокаивать его, уговаривать и даже управлять им. Говорят, что охлаждение между Ренье и Онассом было вызвано не только тем, что князь выкупил у грека всю недвижимость в Монако; он к тому же запретил на территории княжества любимую Онассисом охоту на голубей – сделал он это по настоятельной просьбе Грейс, которая и недолюбливала Онассиса, и заботилась о птицах – кстати, знаменитое движение Green Peace было создано именно в Монако при непосредственном участии княгини.

После замужества Грейс, лишенная привычного дела, посвятила себя семье: она часами играла с детьми, старалась обязательно лично укладывать их спать, сама шила платья куклам Каролины и карнавальные наряды для сына. Детей она воспитывала на американский манер – стараясь, чтобы их детство было счастливее, чем у их родителей; в итоге, правда, дети выросли избалованными. Все свободное время княгиня отдавала занятиям благотворительностью. Она ввела в обычай ежегодные елки для всех детей Монако и чаепития в больницах на святочной

неделе, открыла больницу и детский сад, патронировала несколько благотворительных фондов, особое внимание уделяла Красному Кресту. Внешне она выглядела абсолютно счастливой, любимой мужем, детьми и подданными. Но мало кто знал, что Грейс надолго погрузилась в депрессию после двух выкидышей и смерти ее отца в 1960 году. Чтобы развлечь любимую жену, Ренье разрешил ей вернуться в кино – шли переговоры с Хичкоком о том, что Грейс сыграет главную роль в его новом фильме «Марни». Но как только об этом стало известно в Монако, монегаски запротестовали: как, их обожаемая княгиня собирается целовать на экране постороннего человека? Добавила огня «желтая» пресса: мол, княгиня потому решила сниматься, что в ее супружеской жизни не все ладно… От съемок пришлось отказаться, а роль досталась Типпи Хедрен. Хичкок в сердцах назвал Грейс «княгиней Дисгрейс» – то есть позор, немилость.

Окончательно лишившись возможности сниматься, Грейс все же нашла способ вернуться на сцену: она стала выступать с благотворительными концертами, на которых читала стихи. Вечера пользовались огромным успехом: Грейс объехала всю Европу и собиралась в Америку. Кроме того, принцесса Грейс устраивала выставки своих акварельных рисунков и коллажей из засушенных цветов.

Грейс и Ренье

1 февраля 1965 года Грейс родила вторую дочь, Стефанию Марию Елизавету, которая сразу стала любимицей всей семьи. А через два года очередная беременность Грейс закончилась трагически: ребенок скончался еще в утробе матери; больше

детей у Грейс быть не могло.

Грейс изо всех сил старалась достойно играть свою последнюю роль – княгини, жены и матери. С детства приученная к самодисциплине, она делала все, чтобы на ее имени не появилось ни одного пятна. Грейс прекрасно понимала, что если киноактрисе Грейс Келли могли простить многое, то княгине Грации-Патриции не простят ничего. Как заявила Грейс в одном из интервью: «Актеры в США могут разделять свою общественную, публичную жизнь и жизнь личную. Здесь, в Монако, будучи женой принца Ренье, я могу играть только одну роль… Быть его принцессой».

Грейс стала лицом, иконой и ангелом-хранителем Монако. Именно благодаря ей престиж некогда нищего княжества поднялся на недосягаемую высоту; она была обаятельна, величественна и искренна в своей заботе о благе княжества. По улицам Монако за ней ходили толпы поклонников, ее почту не успевали вскрывать три секретаря. Фотографии принцессы Грейс были самыми желанными для любого уважающего себя издания. Пресса тщательно следила за тем, куда ездит, с кем встречается и во что одевается принцесса Грейс. Кстати, с одеждой Грейс попала в сложное положение – вынужденная по статусу носить вещи самых дорогих дизайнеров, Грейс из политических соображений не должна была отдавать предпочтение французским кутюрье (французов монегаски исторически не любят как бывших и потенциальных захватчиков). Грейс одевалась у итальянцев: ее называли любимой клиенткой Валентино Гаравани, Роберто ди Камерино и Эмилио Пуччи; фирма Гуччи до сих пор гордится, что именно с их сумочками Грейс чаще всего попадала на страницы газет. Из французов она делала исключение для Кристобаля Баленсиаги – родом из Испании – и Юбера де Живанши, перед рафинированной элегантностью которого Грейс не смогла устоять.

Княгиня, ее дети и муж. Семья всегда была самым главным в жизни Грейс Келли

Но если весь мир готов был носить Грейс на руках, ее отношения с мужем становились все прохладнее – Ренье отдалялся от нее, все больше времени проводя с друзьями или занимаясь работой. Он не мог вынести, что подданные больше любили его жену, а не его. Иногда Ренье изменял Грейс – с малоизвестными актрисами, моделями, не брезговал дорогими проститутками.

Грейс, Альбер и Стефания

Грейс ушла в себя, увлеклась мистицизмом, даже начала пить, но в конце концов взяла себя в руки. В конце 1970-х годов она все больше времени проводила во Франции и Швейцарии, организуя благотворительные концерты и выставки, и выглядела вполне счастливой.

Грейс все еще оставалась красавицей – даже полнота, появившаяся после последней неудачной беременности, ее не портила. Ее всегда окружали поклонники – жители княжества, высокопоставленные гости, восхищенные туристы… Говорили, что Грейс снова встречалась с Кассини, что она очаровала короля Фаруха, что она завела себе свиту из молодых поклонников – Грейс называла их «бархатными мальчиками». Но биографы утверждают, что единственный ее роман во время брака случился уже после серебряной свадьбы. Избранником Грейс стал 30-летний режиссер Роберт Дорнхельм, с которым Грейс познакомилась, когда он пригласил ее озвучить его документальный фильм «Дети Театральной улицы» – о Ленинградском хореографическом училище. По слухам, их отношения зашли далеко за рамки деловых, но продлились недолго.

У Грейс начались проблемы с подросшими детьми. Каролина в 19 лет влюбилась в бизнесмена и ловеласа Филиппа Жюно и переехала к нему, несмотря на протесты родителей. Они поженились в 1977 году, а уже через три года разошлись: Жюно пил и изменял своей жене направо и налево; кроме того, он умудрился продать газетам фотографии их медового месяца. Альбер больше увлекался манекенщицами и спортом (принц занимался дзюдо, яхтами и автогонками, и даже выступал на Олимпиадах в составе команды по бобслею), чем делами

государства. Стефания тоже не отставала: в 17 лет она влюбилась в Поля Бельмондо, сына известного актера, и уехала с ним на Антигуа – вместо того, чтобы начать учебу в парижском Институте дизайна и моды, куда ее устроила Грейс. По совету Поля, страстного раллиста, она начала заниматься автогонками. Мать решила поговорить с нею. 13 сентября 1982 года принцесса Грейс и Стефания выехали из замка Рок-Анжел в Монако; по дороге Грейс намеревалась обсудить с дочерью ее будущее. Но «ровер» на очередном повороте вылетел с трассы и перевернулся.

По иронии судьбы, это произошло практически на том же самом месте, где много лет назад Грейс, снимаясь в фильме «Догнать вора», так ловко уходила от погони…

Стефания отделалась травмами. Княгиню без сознания

доставили в госпиталь Монако, носящий ее имя. Через сутки в присутствии ее семьи аппарат искусственного дыхания был отключен. Грация-Патриция Келли, княгиня Монако, скончалась, не дожив всего месяца до своего пятьдесят третьего дня рождения.

Смерть ее до сих пор вызывает вопросы: неясно, кто именно сидел за рулем, Грейс или Стефания; непонятно, почему обе, обычно очень осторожные, не пристегнули ремни… Говорят об убийстве мафией, о попытке самоубийства, о мести какой-то обиженной секты… Ясности нет до сих пор.

На ее похоронах князь плакал навзрыд. Вместе с ним прямо на улицах плакали все монегаски. Над гробом жены князь Ренье произнес: «Господи, я не спрашиваю тебя, почему ты забрал ее у меня, но благодарю за то, что ты дал ее нам».

После ее смерти в семье Гримальди порядка становилось все меньше. Дочери Грейс в полной мере унаследовали ее темперамент, но не взяли ни капли ее сдержанности и самодисциплины. Стефания, с трудом оправившись от пережитого шока, пустилась во все тяжкие, словно боялась что-то не успеть. Она попеременно была певицей, манекенщицей, парфюмером, модельером… Огромный скандал разгорелся, когда Стефания родила двух внебрачных детей – сына Луи и дочь Полину – от своего телохранителя Даниэля Дюкруэ. А как только ей удалось в 1995 году добиться от отца разрешения на брак, ее мужа застукали с бельгийской стриптизершей. Третьего своего ребенка,

Камиллу, она родила «от неизвестного отца» – хотя ходят упорные слухи, что им был Жан-Раймон Готлиб, другой ее телохранитель. Два года она колесила по Европе вслед за циркомшапито, в котором выступал ее новый любовник – дрессировщик Франко Кни, затем год она крутила роман с барменом Пьером Принелли, а потом сошлась с камердинером своего отца Ришаром Люка. Конца ее увлечениям не видно.

Ее сестра Каролина, в молодости прославившаяся фотографиями «топлесс» на средиземноморском пляже, уже перебесилась. После смерти матери она взяла на себя все ее представительские обязанности и с блеском с ними справилась. Второй раз она вышла замуж по большой любви за итальянского промышленника Стефано Казираги, родив ему сыновей Андреа и Пьера и дочь Шарлотту. Но в 1990 году Стефано, страстный гонщик, погиб во время гонок на катерах. После его смерти Каролина надолго замкнулась в себе; она уединилась в своем деревенском доме и занималась воспитанием детей – кстати, в это время приток туристов в Монако сократился вдвое. В 1999 году она снова вышла замуж – за недавно разведшегося Эрнста Августа, принца Ганноверского, знакомого ей с детства, с женой которого она была дружна. После замужества она вновь вернулась к исполнению обязанностей первой леди Монако – причем настолько успешно, что даже ходили разговоры о том, что князь Ренье именно ей передаст трон.

Узнав об этом, Стефания заявила: «Как только Каролина станет правительницей Монако, я переберусь на Марс! Это лучше, чем подчиняться ей!»

Принц Альбер всегда больше интересовался спортом, чем политикой. Кроме того, принц до сих пор не женат – хотя в разное время ходили слухи о его намечающейся помолвке то с Клаудией Шиффер, то с пловчихой Мэри Уэйт, то с актрисой Энджи Эверхарт… Говорят, что он так сильно любил мать, что просто не может найти женщину, похожую на нее. Однако в июле 2005 года он официально признал своего незаконнорожденного сына Александра, которого родила чернокожая стюардесса из Того Николь Кост – на данный момент именно Александр считается наследником состояния принца в 2 миллиона евро (но не престола – он, по решению Ренье, отойдет сыновьям Каролины). Теперь, когда Альбер официально взошел на трон, он считается самым завидным женихом мира.

Его отец, князь Ренье-Альбер, воссоединился с женой 6 апреля 2005 года. Над их могилами в кафедральном соборе Монако написано: «Тишина и уважение».

Одри Хепберн

АНГЕЛ С ПЕЧАЛЬНЫМИ ГЛАЗАМИ

В 2004 году компания Evian организовала своеобразные выборы самой красивой женщины всех времен и народов. Жюри, состоящему из редакторов ведущих модных журналов, фотографов и дизайнеров, был представлен список ста красавиц, из которых предстояло выбрать самую-самую, основываясь на ее «натуральной красоте, здоровом образе жизни, а также учитывая не только внешнюю, но и внутреннюю красоту». Три четверти голосов были отданы за Одри Хепберн. Как сказала редактор журнала Elle Рози Грин, «Одри Хепберн – это воплощение природной красоты. Она обладала удивительным шармом, внутренней красотой, которая излучалась в ее улыбке».

К этому времени Хепберн не было в живых уже двенадцать лет, а в кино она перестала сниматься за несколько лет до смерти. Но ее красота – необыкновенная, волшебная, гениальная, – до сих пор живет в сердцах миллионов зрителей.

Она не была похожа на других «звезд» своего времени – чувственных, сексуальных красавиц с пышными формами. Одри любили за хрупкость, непосредственность, обаяние и аристократизм. Весь мир был уверен в том, что Одри, как и ее героиня в фильме «Римские каникулы», настоящая принцесса – настолько благородным был ее облик. И это отчасти было правдой – в жилах Одри текло немало голубой крови.

Одри Хепберн

Мать Одри, дочь голландского барона Элла ван Хеемстра, родилась в 1900 году. Род ван Хеемстра брал свое начало в XVI столетии и состоял в родстве с половиной европейской знати, включая голландскую королевскую фамилию. Элла, ее четыре сестры и брат росли в любви и богатстве, хотя заветной мечте Эллы не суждено было сбыться – а мечтала она «быть стройной, быть актрисой и быть англичанкой». Неутомимая оптимистка с немалой долей романтизма в характере, Элла в первый раз вышла замуж в девятнадцать лет – за аристократа, королевского конюшего Яна ван Уффорда; как потом оказалось, редкостного зануду. Родив в скучнейшем браке двух сыновей, Элла добилась развода и уехала зализывать раны к отцу, который был

губернатором в Суринаме. Здесь Элла влюбилась – ее избранником стал Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон, наполовину англичанин, наполовину ирландец.

Обычно его называют банковским служащим, хотя исследователи так и не смогли найти банка, в котором бы он работал. Правильнее было бы назвать его авантюристом. В 1926 году Элла и Джозеф поженились и переехали в Брюссель.

4 мая 1929 года в пригороде Брюсселя родилась девочка, которой дали имя Эдда Кетлин; ей было суждено прославиться под именем Одри.

Нельзя сказать, что детство Эдды-Одри было счастливым. Родители, оба обладавшие взрывными характерами, беспрестанно ссорились; старшие братья безобразничали и всячески изводили сестру. Лишенная любви, маленькая Одри набрасывалась на шоколад, поедая его в невероятных количествах. Как писала потом сама Одри, «шоколад был моей единственной любовью, и он меня ни разу не предал».

От шоколада Одри, естественно, толстела; заметив это, Элла велела прятать от нее шоколад, а сама объяснила Одри: есть так много – неприлично, истинная леди не должна весить больше 46 килограммов! Одри послушалась: она всю жизнь сохраняла вес около 45 килограммов. Но достигла она этого дорогой ценой: от переживаний она просто переставала есть…

Брак родителей, громко трещавший по швам, лопнул в 1935 году – однажды ночью Элла застала мужа в постели с няней. Его вещи тут же были выкинуты на улицу; когда дети проснулись, в доме уже не было ни няни, ни Джозефа.

Одри никогда не говорила об этом. Только однажды она написала, что в тот день, когда ушел отец, закончилось ее детство. Потерю отца она переживала всю жизнь.

Одри с подругами по ревю «Соус Тартар», 1949 г.

После разрыва Элла с детьми переехала обратно в Нидерланды, в город Арнем. Одри, уже свободно владеющая английским и французским, овладела еще и голландским. Учебой Одри старалась заглушить свою сердечную боль, недостаток любви в семье. С детства любящая танцевать, она в 1939 году поступила в балетный класс Арнемской консерватории. Одри занималась страстно, самозабвенно, но ей все равно казалось, что она слишком неуклюжа…

В мае 1940 года немцы оккупировали Арнем. Еще недавно Эллу заверяли, что война не коснется Голландии и что нет необходимости уезжать в Англию, как она собиралась. А теперь в их особняке разместился штаб немецкой армии; брата Эллы расстреляли, а одного из сыновей забрали в немецкий трудовой лагерь. Чтобы не сойти с ума от страха и ужаса, Одри продолжала заниматься балетом – деньги на ее занятия Элла зарабатывала уроками бриджа. От постоянного голода у Одри началось малокровие, начали распухать ноги. После того как она чуть ли не месяц пряталась от немцев в подвале, питаясь шестью яблоками и половиной буханки хлеба, у нее началась еще и желтуха. Все это, несомненно, наложило свой отпечаток на

внешность будущей звезды: ее хрупкая, тонкая фигура и огромные, словно испуганные глаза – явные следы тех тяжелых лет. Если бы война не кончилась – Одри вряд ли бы выжила.

После войны Одри, как только позволило здоровье, снова вернулась к занятиям балетом. Сначала она занималась в классе известной преподавательницы танца Сони Гаскелл, а затем, переехав для этого в Англию, в школе «Балле Рамбер» у знаменитой Мари Рамбер. Однако вскоре стало ясно, что великой балериной Одри не стать. Тогда она стала пробовать свои силы в других сферах деятельности: снималась для модных каталогов, работала манекенщицей, снималась в рекламе – в своем первом ролике для авиакомпании KEM она снялась еще до переезда в Англию. Параллельно Одри работала в ночном клубе Ciro, где – несмотря на полное отсутствие необходимых в то время женщине округлостей – пользовалась большим успехом. Для имитации бюста Одри засовывала в декольте два свернутых носка. А ведь всего через несколько лет Билли Уайлдер назовет Одри «девушкой, благодаря которой роскошные женские бюсты выйдут из моды».

Одри выступала в кордебалете в мюзикле «Сапожки на застежках», в музыкальном ревю «Соус Тартар», а затем и в его продолжении «Пикантный соус». Ради участия в шоу Одри пришлось расстаться с занятиями балетом; вскоре ей пришлось расстаться с мюзиклами ради кино.

Режиссеры быстро заметили необычное лицо молодой актрисы, и Одри стали приглашать на эпизоды. В 1951–1952 годах Одри Хепберн появилась в семи картинах; критика ее игнорировала. Только Марио Дзампи, режиссер «Смеха в раю», самого заметного из фильмов Одри того периода, – сказал: «Настанет день, и она будет звездой!» История показала, что он был абсолютно прав.

Одри явно не хватало мастерства, но неумение играть она заменяла естественностью поведения и непреодолимым очарованием. Все, кто видел ее на экране, не могли ее забыть. После роли в фильме «Смех в раю» об Одри заговорила пресса – и дело было не только в ее игре, но и в том, что у юной актрисы завязался роман с одним из самых видных женихов Англии Джеймсом Хенсоном, светским львом и будущим лордом. Они познакомились на вечеринке в Ciro; за развитием их романа следила вся Англия. В декабре 1951 года было объявлено о помолвке. Но пожениться никак не получалось – Одри внезапно оказалась завалена работой.

Первая знаменитая роль Одри в кино: фильм «Смех в раю», 1951 г.

Одри Хепберн и Джеймс Хенсон, 1952 г.

Один из самых известных фильмов Одри Хепберн: «Римские каникулы» с Грегори Пеком

Съемки ее очередного фильма «Мы едем в Монте-Карло» (в американском прокате «Ребенок из Монте-Карло») проходили в Монако. Одри играла кинозвезду в платье от Диора – это платье должно было стать основной частью гонорара за фильм. Во время съемок Одри заметила знаменитая писательница Колетт – она как раз искала исполнительницу главной роли в бродвейском спектакле по ее роману «Жижи», скороспелую девочку-женщину, невинную и порочную одновременно. Колетт искала свою Жижи по всему свету уже несколько месяцев. Увидев Одри, она

немедленно послала телеграмму в Нью-Йорк: «Я нашла свою Жижи! Она великолепна!» Однако Одри заупрямилась: она пыталась объяснить Колетт, что не является актрисой и играть на сцене совершенно не умеет. Однако после долгих уговоров она согласилась.

Одри Хепберн и писательница Колетт

В то же время студия «Парамаунт» предложила Одри роль принцессы Анны в фильме «Римские каникулы» – первоначально роль предназначалась Элизабет Тейлор, но ее не отпустила судия MGM, с которой у Тейлор был контракт. Единственным условием «Парамаунта» было изменение фамилии Одри – чтобы не вызвать претензий со стороны кинозвезды Кэтрин Хепберн. Однако Одри заупрямилась: «Если вы хотите получить меня, вам придется взять меня вместе с моим именем». И студия сдалась. Тем более что ее проба была признана великолепной: руководство студии единодушно признало ее «одной из лучших, когда-либо делавшихся в Голливуде, Нью-Йорке или Лондоне». 31 мая 1952 года, едва закончив театральный сезон на Бродвее – в роли Жижи Одри имела шумный успех, – она вылетела в Рим на съемки

«Римских каникул». Это была история Золушки наоборот: о принцессе, сбежавшей из дворца, чтобы хоть немного пожить обыкновенной жизнью. Режиссером фильма был Уильям Уайлер, партнером Одри стал знаменитый Грегори Пек. Пек опекал Одри, учил ее держаться перед камерой, ободрял ее – и делал это так, что вскоре поползли слухи об их романе (на самом деле Пек в то время был увлечен журналисткой Вероникой Пассани, на которой вскоре и женился). В конце концов в Рим прилетел Хенсон и пытался настоять на немедленной свадьбе. Но ничего не получилось – и вскоре пара объявила о разрыве. Одри сильно переживала, к тому же съемки проходили тяжело: в Риме было невыносимо жарко, толпы зевак мешали съемочной группе, Одри все еще не умела играть… Для нее всю жизнь будет непонятным, почему люди восхищаются ее актерским талантом; сама она считала, что актриса она никакая.

Рабочий момент съемок фильма «Римские каникулы», 1952 г.

Успех фильма был необыкновенным. Свежесть, энергия, очарование и безыскусность Одри покорили зрителей, она моментально стала одной из ярчайших «звезд» Голливуда. Уайлер везде называл Одри третьим, после Греты Гарбо и Ингрид Бергман, чудом киногеничности. За роль принцессы Анны Одри Хепберн – неопытная и неумелая – получила «Оскара». Ее стиль в фильме – темная юбка, мужская рубашка, перехваченная в талии широким ремнем (талия у Одри была всего 50 сантиметров!), носки под туфли на низком каблуке, – на несколько лет стал

эталоном для модниц по всему миру. А стрижка «гамен» – «под Хепберн» – оставалась на пике популярности несколько десятилетий.

Еще до выхода «Римских каникул» в прокат Одри была предложена главная роль в фильме «Сабрина» – про настоящую Золушку, нашедшую своего принца. Вместе с Одри снимались Хамфри Богарт, прославившийся в «Касабланке», и Уильям Уолден; режиссером был Билли Уайлдер. Этот фильм принес Одри главное знакомство ее жизни – Юбера де Живанши.

Было решено, что парижские туалеты Сабрины должен делать настоящий французский кутюрье. Первоначально предполагалось обратиться к Кристобалю Баленсиаге, но тот работал над коллекцией и отказался. Тогда Одри предложила кандидатуру Живанши – с его работами она познакомилась еще во время съемок «Мы едем в Монте-Карло». Живанши только что ушел от Эльзы Скиапарелли и основал собственное ателье.

Одри Хепберн и Джеймс Хенсон, 1952 г.

Узнав о приходе «мисс Хепберн», Живанши ожидал увидеть Кэтрин; к слову сказать, она никогда не отличалась изысканностью в одежде. Однако на пороге ателье появилась Одри – стройная, элегантная, словно специально созданная для моделей Живанши. Союз актрисы и кутюрье длился всю жизнь Одри; Живанши создал ее стиль, ее имидж, соединяющий сияние

молодости, элегантность и изысканность. Его модели, изящные и гармоничные, как сама Одри, классически простые и вместе с тем оригинальные, Одри предпочитала не только на съемочной площадке, но и в обычной жизни, чем, без сомнения, сильно помогла росту популярности его ателье. В честь Одри Живанши назвал одну из тканей «Сабрина», и ей же он посвятил свои вторые духи – «L'Interdit». Особая концентрация духов выпускалась лично для нее.

Как это ни странно, Одри всю жизнь считала себя некрасивой, стеснялась своей худобы. А в нарядах от Живанши «гадкий утенок» расправлял крылья и чувствовал себя лебедем; Живанши дарил Одри уверенность в себе, в своих силах.

«Сабрина» свела Одри с еще одним мужчиной, которому суждено было сыграть важную роль в ее жизни – Уильямом Уолденом. В «Сабрине» он играл мужчину, в которого была влюблена героиня Одри; как это часто бывает, актеры тоже влюбились друг в друга. Бурному роману не помешало даже то, что у Уолдена была жена и двое детей. Одри уже мечтала о замужестве, но тут Уолден сообщил ей, что он не способен больше иметь детей – несколько лет назад он подвергся стерилизации, опасаясь появления внебрачных детей. Для Одри это было жестоким ударом: семейную жизнь без детей она не представляла. Одри, если это было необходимо, могла быть твердой. Их роман был немедленно закончен.

В следующий раз они встретились через десять лет на съемках фильма «Париж – когда там жара». Уолден все еще любил Одри; после съемок он пел серенады под ее окнами. Но после разрыва он начал запойно пить, а Одри уже давно была замужем…

Одри и Морис Шевалье в фильме «Любовь после полудня», 1956 г.

«Сабрина» имела шумный успех. Критика взахлеб хвалила Одри, ее непосредственность, необыкновенную красоту, обаяние. А она сама скорее боялась внимания прессы, чем любила: она была уверена в том, что совершенно не умеет играть, а к своей внешности относилась крайне критично: когда ее фотография появилась на обложке журнала «Тайм» – еще до выхода в прокат «Римских каникул», – Одри заметила: «Вот уж не думала, что с таким лицом, как у меня, можно появиться на страницах журнала». Однако постепенно жизнь Голливуда затягивала ее – во многом потому, что это помогало ей забыть о боли расставания с Уолденом. На одной из вечеринок Грегори Пек познакомил ее с Мелом Феррером. Это был известный актер, на двенадцать лет старше Одри, интеллектуал и спортсмен. Он был талантлив во многом – режиссер, автор детских книг, танцовщик; его

неимоверная активность во всем поражала. Активен он был и в личной жизни: помимо постоянных романов, Феррер был трижды женат, причем два раза – на одной и той же женщине, скульпторше Фрэнсис Пилчард. В Одри Феррер увидел не только прекрасную женщину, но и способ реализовать свои амбиции: вспыхнувшее между ними чувство он решил проверить совместной работой, предложив Одри роль в постановке пьесы французского драматурга Жана Жираду «Ундина». Одри должна была сыграть русалку, которая влюбляется в рыцаря, а потом гибнет, не вынеся его предательства. Роль как нельзя лучше подходила Одри с ее волшебной красотой и сказочным обаянием. Рыцаря, естественно, играл Мел. Тяжелые репетиции довели Одри до истощения – мало того, что она похудела на четыре килограмма (при ее-то весе), так у нее еще начался нервный срыв. Из него Одри вывел Мел: он следил за ее питанием, подарил ей двух пуделей, ограждал от переживаний, возил развлекаться и ругался с режиссером спектакля. В результате Одри не делала ни одного шага, не посоветовавшись с Мелом. Вскоре они поженились.

Бракосочетание Одри Хепберн и Мела Феррера, 25 сентября 1954 г.

«Забавная мордашка», 1957 г.

Они обвенчались 25 сентября 1954 года в Швейцарии, где Одри приходила в себя после напряженного театрального сезона. Одри была в белом платье с пышной юбкой от Живанши и с венком из белых роз – ее любимый цвет – на голове. По случайности венчание состоялось в тот же день, что и американская премьера «Сабрины».

Вскоре после свадьбы Одри обнаружила, что беременна. Она была на седьмом небе от счастья, однако ребенок родился мертвым – график съемок был чересчур напряженным. Одри играла Наташу в американской экранизации «Войны и мира», Феррер играл князя Андрея. Врачи говорили, что при ее телосложении, учитывая перенесенные болезни, у Одри практически нет шансов стать матерью…

Одри Хепберн в фильме «История монахини», 1959 г.

Одри с головой ушла в работу. Она снялась в мюзикле «Смешное лицо» (или «Забавная мордашка»), комедии о мире модных журналов, где ее партнером был сам Фред Астор, лучший танцор Америки. Половину фильма Одри проводит в туалетах от Живанши – на его кандидатуре в качестве художника по костюмам Одри пыталась настоять каждый раз, когда ее приглашали сниматься. По сути дела, это был ее единственный каприз – в ее поведении не было никаких признаков «звездной болезни»; все, кто сталкивался с Одри на съемочной площадке, поражались тому, с какой скромностью она держалась. Никто никогда не слышал, чтобы она повышала голос, никто не видел, чтобы она обижала кого-то. Во время съемок «Мордашки» был только один скандал: Одри наотрез отказывалась исполнять танец в баре в белых носочках на черное трико. Носочки казались ей ужасными, они уродовали и укорачивали ее ноги; она уверяла, что из-за этих носков фильм обречен на провал. Режиссер настоял, объяснив Одри, что иначе ее ног на темном фоне вообще не будет видно. Одри с трудом подчинилась; а по улицам мира стали ходить тысячи девушек в точно таких же носочках, надетых на черные чулки…

Сразу после «Мордашки» Одри снялась в фильме «Любовь после полудня» с Гари Купером и Морисом Шевалье. Она сменила прическу на мягкое каре с пробором посередине – и ей снова начали подражать по всему миру. Растущая популярность Одри сильно тяготила Феррера, которому не нравилось чувствовать себя «мистером Хепберн». Одри, как могла, поддерживала его, даже согласилась сняться с ним вместе в фильме «Майерлинг» – правда, фильм успеха не имел, и больше Мел и Одри в одном фильме не снимались. Зато следующий фильм Хепберн – «История монахини» – имел неимоверный успех. Тем горше оказался провал фильма «Зеленые особняки», который снял сам Мел Феррер. Пытаясь реабилитироваться, он снял Одри еще в нескольких фильмах, но ни один из них не имел особенного успеха.

Одри тоже преследовали неудачи. Во время съемок вестерна «Непрощенная» в январе 1959 года она, упав с лошади, сильно повредила спину. В это время Одри снова была беременна; ребенок не пострадал, но съемки ей пришлось заканчивать в специальном корсете. Однако и этого ребенка сохранить не удалось. Одри впала в жестокую депрессию, заперлась в доме, ничего не ела… Феррер понял, что спасти положение сможет только новая беременность Одри – и уже летом это произошло. Родившегося 17 января 1960 года – прежде срока – мальчика назвали Шон, что значит «Дар Божий».

Одри Хепберн и Мел Феррер с новорожденным сыном Шоном

Через полгода счастливая Одри снова вернулась в кинематограф. Ей предложили главную роль в экранизации романа Трумэна Капоте «Завтрак у Тиф-фани» – на сей раз бывшей принцессе предстояло сыграть девушку легкого поведения. Сам Капоте видел в этой роли Мэрилин Монро. Тем не менее Одри Хепберн с блеском справилась с этой ролью, даже была номинирована на «Оскара».

После премьеры весь мир увидел, что Одри перестала быть эльфом; она стала зрелой женщиной, но такой же юной в душе. Облик Холли Гоулайтли – черное платье от Живанши, нитка жемчуга, длинные перчатки и высокая прическа, – до сих пор остается одной из «икон стиля», о чем свидетельствует его частое использование, например, в рекламе. Благодаря этому фильму резко пошли в гору дела и у ювелирной фирмы «Tiffany & Co».

Следующим фильмом стал великолепный мюзикл «Моя прекрасная леди» по мотивам пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Этим фильмом восхищаются до сих пор, а роль Элизы считается одной из лучших у Одри Хепберн. Однако для нее все было не так просто. Роль прочили Джулии Эндрюс (известной по фильмам «Звуки музыки» и «Виктор, Виктория») – она сыграла Элизу и в бродвейской, и в лондонской постановке мюзикла. Одри чувствовала, что она захватило нечто, ей не принадлежащее. К тому же ей не разрешили самой исполнять вокальные партии – вместо нее пела профессиональная певица Марни Никсон. В итоге фильм «Моя прекрасная леди» получил 12 номинаций на «Оскара» – номинировались все… кроме Одри Хепберн. Киноакадемия не смогла простить ей, что она обошла Эндрюс.

Однофамилица Одри, Кэтрин Хепберн, восемь раз выдвигавшаяся на «Оскара» (и получившая его один раз), прислала ей утешительную телеграмму: «Не печалься. Когда-нибудь ты получишь второго за роль, которая не стоит того». К сожалению, Кэтрин ошибалась: после «Римских каникул» Одри Хепберн номинировалась еще трижды (за «Историю монахини», «Завтрак у Тиффани» и «Подожди до темноты»), но премии так и не получила.

Кадр из фильма «Моя прекрасная леди», 1964 г.

За несколько следующих лет Одри снялась еще в нескольких картинах, из которых наиболее успешной стал фильм «Как украсть миллион». Живанши создал новый образ для Одри: новая стрижка, короткая юбка, костюм «в елочку» и огромные выпуклые солнечные очки, которые после выхода фильма на экран красовались на каждом втором носу, включая знаменитый нос Софи Лорен. Кстати, в мире до сих пор происходят попытки ограбления, проведенные по сценарию из этого фильма. Зато в следующей картине «Двое в дороге» Одри, вынужденная по решению режиссера отказаться от услуг Живанши, носит платье-рубашку из металлических дисков от Пако Рабанна и купленные в обычном универмаге трикотажные блузы, пластиковую кепку и черный комбинезон. Как писал один известный журнал мод,

«Одри Хепберн в фильме «Двое в дороге» – урок всем тем девицам, которые считают, что когда вы перешагнули тридцатилетний барьер, вам больше ничего не остается, как подобрать волосы и повязать платок пониже. Одри доказывает, что это не так».

Незадолго до этого Одри и Феррер купили усадьбу в швейцарской деревушке Толошеназ-сюр-Морж под Лозанной. Но их брак изживал себя, и это было заметно всем. Мела все чаще видели с другими женщинами. Одри терпела сколько могла; потом она признавалась, что тянула с разводом из-за Шона: она все еще помнила, какой травмой стало для нее самой расставание родителей. В августе 1967 года у нее снова произошел выкидыш… Брак, длившийся тринадцать лет, распался окончательно.

Одри снова впала в депрессию. Друзья всячески старались развлечь ее. В июне 1968 года нефтяной магнат Поль Вейллер пригласил ее в круиз на своей яхте. Среди приглашенных был тридцатилетний римский аристократ Андреа Дотти, талантливый врач-психиатр. Одри нашла в нем все, в чем нуждалась: он выслушивал ее, успокаивал, давал советы и восхищался. Как он признался, впервые он увидел Одри, когда ему было четырнадцать, в фильме «Римские каникулы», – и влюбился на всю жизнь. Одри и Андреа объявили о помолвке на Рождество 1968 года, а уже в январе поженились – снова в Швейцарии; поскольку невеста была разведена, венчание в храме исключалось. На Одри был костюм из розового джерси – подарок Живанши.

Одри наконец смогла реализовать свою мечту – стать просто женой и матерью. Поселившись с мужем в Риме, Одри отказывалась от всех предложенных сценариев, тем более что вскоре она забеременела. Родившегося 8 февраля 1970 года сына назвали Лука. Одри была на седьмом небе от счастья.

Свадьба Одри Хепберн и итальянского психиатра Андреа Дотти, январь 1969 г.

Однако все было не так хорошо, как казалось. Дотти, женившись на кинозвезде, не хотел вдруг оказаться мужем простой домохозяйки. Кроме того, он предпочитал вести свободный образ жизни – с вечеринками, поездками на курорты и так далее. Пока Одри лежала в больнице на сохранении, Дотти постоянно замечали с разными девицами. Кроме того, из-за

угрозы терроризма Одри с сыновьями вынуждена была переехать из Рима обратно в Швейцарию. В отсутствие жены Дотти гулял все больше. А Одри в отсутствие мужа решила вернуться в кино.

Одри на прогулке с сыном Лукой

Ей предложили сценарий фильма «Робин Гуд возвращается», который потом переименовали в «Робин и Мэриан» – исторический фильм о встрече постаревших влюбленных, разлученных временем и судьбой. Партнером Одри по фильму

был Шон Коннери. Он был младше Одри на год, но выглядел лет на десять старше. Одри, самой элегантной женщине в мире, пришлось весь фильм провести в облачении монахини, сшитом из грубой и жесткой ткани. Но она с честью вынесла это испытание. Роль Мэриан стала одной из лучших в кинокарьере Одри.

Зато следующие несколько фильмов были неудачами, особенно «Все они смеялись» – мало того, что сама картина была явно провальной, так еще одну из актрис, Дороти Страттен, зверски убил ее муж за связь с режиссером картины Питером Богдановичем (эта история затем легла в основу фильма Боба Фосса «Звезда-80»), и это событие совершенно заслонило сам фильм. В конце концов Одри нашла в себе силы признать, что неудачи в кино волнуют ее больше неудач в семейной жизни, и подала на развод.

Одри Хепберн и Андреа Дотти

Во время тяжелого периода развода – он длился больше двух лет – Одри старалась как можно больше времени проводить дома. Но однажды она была приглашена на обед, где присутствовал актер и продюсер Роберт Уолдерс, только что перенесший смерть любимой жены – актрисы Мерль Оберон, к слову, на двадцать пять лет старше его. Оба голландцы, оба недавно потеряли близких людей, со схожими характерами и темпераментами – они

были идеальной парой. Уолдерс влюбился в нее с первого взгляда; Одри долго относилась к нему только как к другу. Одри не торопилась – она боялась снова обжечься; Уолдерс терпеливо ждал. Они все чаще появлялись вместе, и уже все видели, насколько близкими стали их отношения. Как это ни странно, но пресса была на удивление тактична в освещении романа Хепберн и Уолдерса. Однажды Одри попросила его приехать к ней в Толошеназ, ей нужно было посоветоваться, – он приехал и остался там навсегда. Брак они решили не заключать – они не чувствовали в этом необходимости. «Нет никаких причин, мешающих нашему браку, – объясняла Одри позднее, – но мы очень счастливы и без него». Недавно переехавшая к дочери баронесса ван Хеемстра одобрила выбор Одри – все ее предыдущие мужья ей категорически не нравились.

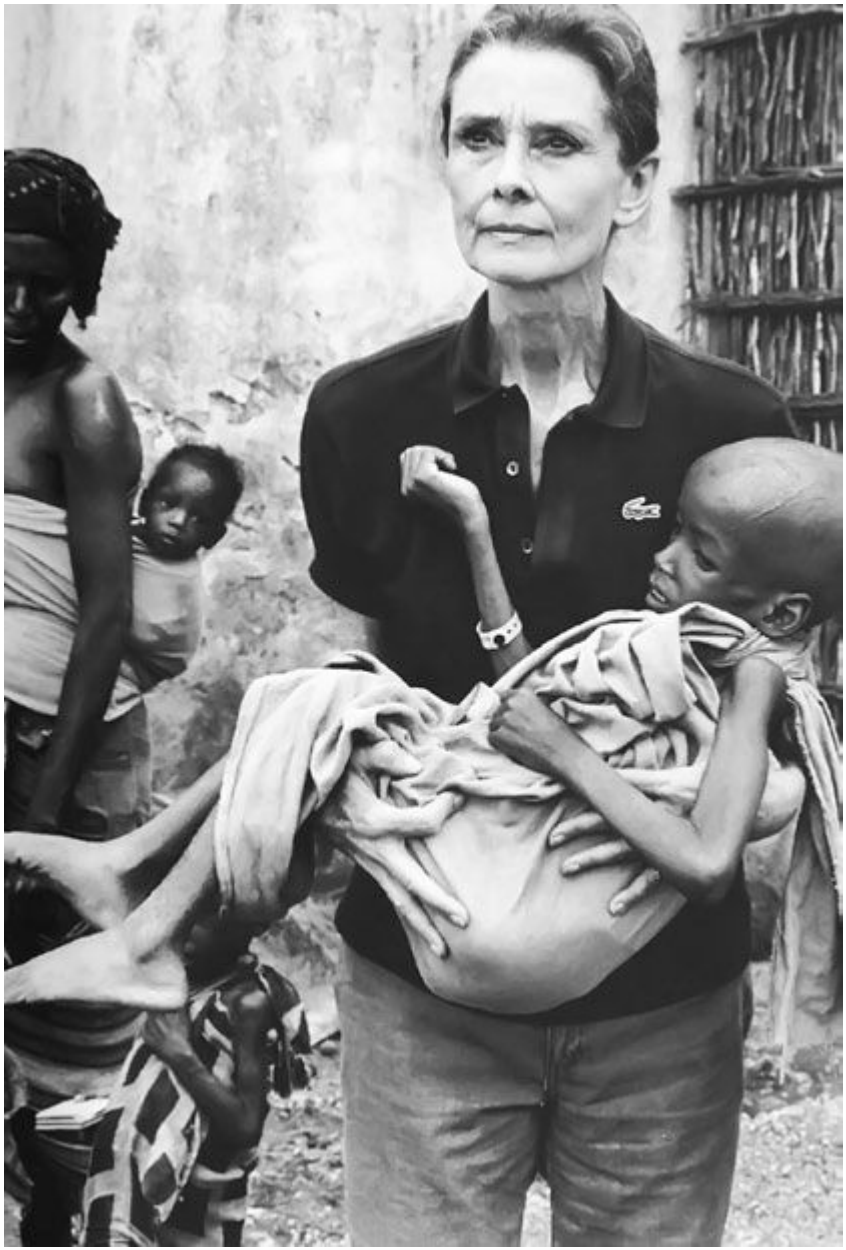
Наконец Одри нашла то счастье, которое так долго искала.

Одри и Роберт вместе с детьми уединенно жили в Толошеназе, изредка выбираясь на кинофестивали и приемы. Постепенно Одри увлеклась общественной работой – она почувствовала, что таким образом может приносить больше пользы, чем просто принимая участие в благотворительных концертах. Работая в ЮНИСЕФ – Чрезвычайном фонде помощи детям при ООН – Одри Хепберн объездила более ста стран. Она не только собирала деньги для ЮНИСЕФ, но и лично сопровождала гуманитарные грузы по самым бедным странам, зачастую в районах военных действий. Возможно, Одри делала это в память о тяжелейших временах, пережитых ею в оккупированной Голландии. Одри говорила: «Парадокс, но ведь все последние годы я сидела дома только из-за детей. А вот теперь ради детей я путешествую по всему свету». Ей очень пригодилось ее знание языков – Одри говорила на английском, итальянском, французском, немецком, голландском и немного по-испански. Роберт Уолдерс сопровождал ее повсюду, занимаясь организационными вопросами.

Одри все еще присылали сценарии, которые она по большей части отвергала – у нее не хватало времени на съемки, кроме того она прекрасно понимала, что постарела, и ее некогда прекрасное лицо не будет хорошо выглядеть на экране. Последний фильм, в котором она снялась, – «Всегда» режиссера Стивена Спилберга, любовная драма с элементами мистики. Одри должна была сыграть ангела, который встречает на том свете душу погибшего летчика (его играл Ричард Дрейфус). Для исполнения этой эпизодической роли Спилбергу требовалась актриса, слава которой приближалась к мифу, а сама она походила бы на неземное существо. Конечно, Одри подходила идеально – никому

другому роль даже не предлагалась. Большую часть гонорара Одри Хепберн перевела на счет ЮНИСЕФ.

Одри Хепберн и Роберт Уолдерс



Одри Хепберн в Сомали за несколько месяцев до смерти

Ее работа в этой организации отнимала у Одри все больше и больше сил. Она отказывалась отдыхать, словно понимая, что у нее остается не так уж много времени. В конце 1992 года у нее обнаружили рак прямой кишки. Операция не помогла – болезнь оказалась слишком запущенной. 20 января 1993 года Одри Хепберн не стало.

Ее гроб несли все, кого она любила: брат, Роберт Уолдерс,

оба сына, Андреа Дотти и Юбер де Живанши. Позади вели под руки Мела Феррера. Гроб буквально тонул в белых цветах; на ленте одного из венков была надпись: «Теперь у Господа появился еще один ангел».

Жаклин Кеннеди-Онассис

ФЕЯ БЕЛОГО ДОМА

У американского государства три женских лица: статуя Свободы, Бетси Росс, которая, согласно преданию, сшила первый американский флаг, и Джекки Кеннеди. Самая известная Первая леди страны, жена самого легендарного президента США – она смогла влюбить в себя не только главного американского плейбоя, но и всю страну, которую он возглавил. Будучи вознесенной после его смерти на пьедестал, она нашла в себе силы сойти с него – и став самой проклинаемой женщиной в истории Соединенных Штатов, все-таки смогла добиться прощения своей страны – просто оставаясь собой. Очаровательной, великолепной, обожаемой Жаклин Бувье, миссис Кеннеди, Джекки О…

Жаклин, которую американские журналисты за аристократизм и светский лоск прозвали «наша Королева», действительно происходила из старой американской аристократии – то есть из семьи потомков первых переселенцев, сделавших себе состояния на американской земле и составивших цвет общества Нового Света. Ее отец, Джон Верной Бувье, член самых престижных закрытых клубов Нью-Йорка, унаследовал неплохое состояние, которое со вкусом проматывал на женщин и азартные игры. За постоянный загар его прозвали Черным Джеком, а за страсть к удовольствиям – Шейхом; даже женитьба в 1928 году на богатой наследнице Дженет Ли не остановила похождений Джека. Он был старше жены на шестнадцать лет и

начал изменять ей сразу же после свадьбы.

Их первая дочь, Жаклин Ли Бувье, родилась 28 июля 1929 года. Через несколько месяцев нью-йоркская биржа рухнула и погребла под собой остатки состояния Бувье.

Вместе с деньгами развеялись и надежды Дженет на стабильный брак. Выходя замуж за Джека, она хотела войти в высшее общество Нью-Йорка и вести образ жизни, соответствующий ее амбициям. Постоянные измены и пьянство мужа быстро ей надоели; однако Дженет была по-прежнему привязана к мужу и даже родила ему в 1933 году вторую дочь, Каролину Ли – чаще ее называли просто Ли. В 1940 году ее терпение окончательно лопнуло, и супруги Бувье развелись.

Жаклин очень тяжело переживала развод. Она была очень близка с отцом, который щедро делился с нею мужским опытом, учил ее женским хитростям и оттачивал ее умение одеваться. После развода девочки остались с матерью, но Джек встречался с дочерьми на выходных и баловал их, как мог. Это стало особенно им нужно после того, как Дженет снова вышла замуж – на этот раз за настоящего миллионера и аристократа, маклера Хью Очинклосса. Хью перевез жену и ее детей в богатый дом, но баловать падчериц не собирался. У него и так было трое детей от трех предыдущих браков, да и Дженет родила ему еще двоих. Так что Джеку пришлось покупать Жаклин и Ли наряды, давать карманные деньги и оплачивать учебу.

Жаклин училась в престижной женской школе мисс Портер, а затем в колледже Вассар. Девушка выделялась своей неуемной энергией, блестящими способностями и амбициозностью. В школьном ежегоднике она записала, что «не желает быть домохозяйкой». В колледже она изучала Шекспира, французскую литературу, языки, историю искусств и считалась одной из лучших учениц. Жаклин даже выиграла престижную Парижскую премию журнала «Вог», написав эссе на тему «Люди, которые мне интересны». От приза – годичная стажировка в журнале, из них полгода в парижском офисе, – Жаклин под влиянием родителей отказалась; однако в 1949/50 году она проучилась в Сорбонне, где получила степень по французской литературе. Правда, в Париже Жаклин больше ходила по магазинам, чем по библиотекам; денег на одежду «от кутюр» у нее не было, но среди дорогих витрин Жаклин отточила свой стиль, придав ему истинно французский шик и элегантность.

Окончив учебу, Жаклин устроилась фоторепортером в «Вашингтон тайме геральд», где получала 42 доллара 50 центов в неделю. Еще полсотни ей давал отец. Столь скромный бюджет не мешал Жаклин вести активную светскую жизнь и пользоваться

успехом у мужской половины нью-йоркского высшего света. Еще в 1947 году ее назвали дебютанткой года, и с тех пор в поклонниках у юной Жаклин недостатка не было. Она даже приняла предложение Джона Хастеда…

Но Хастед был не столь богат, как хотелось бы. Пример матери и собственное безденежье убедили Жаклин в том, что для счастья ей необходимо выгодно выйти замуж. Для этого у нее было все. Изысканная красота, великолепные манеры, тонкий ум и образованность в сочетании с усвоенными от отца приемами обольщения давали ей все преимущества. Оставалось только найти своего принца…

Жаклин Бувье-Кеннеди

Весной 1951 года Жаклин на обеде у журналиста Чарльза Бартлетта познакомилась с молодым конгрессменом из Массачусетса по имени Джон Фицджеральд Кеннеди. Вскоре Жаклин, провожая Хастеда в аэропорту, молча положила ему в карман подаренное им на помолвку кольцо. Жаклин сделала свой выбор.

Джон Ф. Кеннеди принадлежал к одной из виднейших семей США. Его отец, Джозеф Патрик Кеннеди, или просто Джо,

одинаково успешно занимался и политикой, и бизнесом. В отличие от многих, во время кризиса 1929 года он преумножил семейное состояние; за помощь, оказанную им Ф.Д. Рузвельту в его предвыборной кампании, он получил пост посла США в Великобритании – правда, после начала войны он покинул этот пост, поскольку его позиция невмешательства США в военные действия противоречила политике государства. Больше никаких высоких должностей «господин посол», как он продолжал именовать себя, не занимал; теперь его целью стало посадить в Белый дом сына. Роль президента предназначалась для старшего из четырех его сыновей, Джо-младшего, но он погиб в августе 1944 года, и надежды семьи теперь возлагались на второго сына – Джона, или Джека, как его звали в семье. Талантливый политик и необыкновенно обаятельный мужчина, Джон Кеннеди с легкостью прошел в Палату представителей в 1946 году и сразу же был признан самым привлекательным конгрессменом. С тех пор Кеннеди еще дважды избирался в Палату и теперь собирался баллотироваться в Сенат.

Увлеченность Джона предвыборной кампанией на время отвлекла его внимание от Жаклин, но сразу после выборов они начали активно встречаться. Джон был покорен: «Я никогда не видел женщины, похожей на Джекки. Она отличается от всех моих знакомых». Действительно, более разных людей трудно было найти: Жаклин, утонченная интеллектуалка, когда-то мечтавшая о балетной карьере (помешали слишком большие, сорокового размера, ноги: как ей сказали в студии, «такими ногами только в футбол играть»), не представляла себе жизни без театра, хороших книг и модных выставок, а Джон читал только газеты и биографии политических деятелей и страстно увлекался спортом, политикой и женщинами.

Жаклин была по-настоящему влюблена в Джона, хотя она знала и о его похождениях, и о проблемах со здоровьем – Джон страдал болезнью Аддисона (хроническое воспаление надпочечников), малярией и постоянно боролся с последствиями травмы позвоночника, полученной на войне, когда его корабль подорвался на японской торпеде. Однако, по мнению многих исследователей, все это только привлекало Жаклин, потому что Джон был очень похож на ее обожаемого отца – от увлечения женщинами до проблем со спиной. «Он самый привлекательный мужчина из всех, кого я встречала в жизни», – говорила она.

Джон представил Жаклин своей семье. Джо она очень понравилась, а вот сестры Джона сочли ее «чересчур утонченной» занудой. Сама Жаклин назвала семью Кеннеди «стаей горилл». Но отныне она все время рядом с Джоном – ходит с ним на

футбольные матчи, выбирает ему одежду и обнимается на заднем сиденье его автомашины. Это был самый серьезный роман Джона. Однако жениться он не собирался: во-первых, он, как и все Кеннеди, был вдохновенным бабником, а во-вторых, его имидж политика во многом держался на его привлекательности как свободного мужчины. Однако отец начал давить: если Джон не женится, то его сочтут либо «голубым», либо развратником; и то, и другое было крайне нежелательно для будущего президента. Кандидатура Жаклин Бувье устраивала всех: она была, как и Кеннеди, католичкой, у нее были обширные родственные связи в высшем свете Нью-Йорка – куда Кеннеди так и не смогли попасть, – она была умна, красива, и ее единственную из всех своих женщин Джон Кеннеди действительно уважал.

В начале июня 1953 года Джон окончательно созрел для женитьбы. Видимо, боясь передумать, он немедленно делает предложение Жаклин – а поскольку она находится в Лондоне, где снимает коронацию Елизаветы II, предложение руки и сердца было сделано по телеграфу. По возвращении Жаклин получила кольцо от Van Cleef & Arpels с изумрудом, окруженным бриллиантами. Это было ее первой в жизни драгоценностью. О помолвке объявили не сразу – готовилась к выходу огромная статья в «Сатедей ивнинг пост» под названием «Веселый холостяк в Сенате», и Кеннеди не хотели портить впечатление. О помолвке было объявлено 25 июня. На банкете жених преподнес Жаклин браслет с бриллиантами.

Невесте было 24 года, жениху – 36. Свадьба проходила 12 сентября 1953 года в церкви св. Марии в Ньюпорте. Присутствовало 750 приглашенных, все сливки политики и высшего света, – одно только представление гостей новобрачным заняло три часа. Дженет хотела скромную церемонию, но Джо Кеннеди заявил, что это не просто свадьба, а представление народу Америки его будущей Первой леди, и взял все расходы на себя. Он организовал статьи о грядущей свадьбе во всех ведущих изданиях США, заказал торт в четыре фута высотой и добился благословения молодых от Папы римского Пия XII.

Платье Жаклин из тафты цвета слоновой кости, украшенной переплетенными цветами, было заказано портнихе Энн Лоув, работавшей на нью-йоркскую аристократию. На голове у невесты была кружевная фата, принадлежавшая еще ее бабушке, а на шее – фамильное жемчужное ожерелье. Подружкой невесты была ее сестра Ли, весной вышедшая замуж за издателя Майкла Кэнфилда. Джек Бувье прибыл на церемонию, но так напился, что вести Жаклин к алтарю пришлось отчиму.

Медовый месяц молодые провели в Акапулько. Говорят, что

изменять Жаклин Джон начал уже там. Вернувшись, он с головой ушел в очередную предвыборную гонку, а Жаклин принялась обустраивать их дом в Джорджтауне.

Жаклин получила то материальное благополучие, которого она так желала. Но семейного счастья не получилось. Джон все время проводил либо с друзьями, либо в предвыборных поездках, а с его родственниками отношения у Жаклин, от природы замкнутой, не сложились. Ее не интересовали ни спорт, ни политика, чем занимались все Кеннеди. Сам Джон удивлялся: «Она дышит политическими парами, которые витают вокруг нас, но они почему-то не попадают ей в легкие». Жаклин было откровенно скучно на политических и семейных сборищах, а наедине с мужем она бывала все реже и реже. К тому же в 1955 году у нее произошел выкидыш. Жаклин старалась быть Джону хорошей женой – она сделала их дом местом, где всегда были рады гостям, которых Джон приводил во множестве, заботилась о внешнем виде Джона и подбирала цитаты для его речей. Ради мужа она преодолела свой извечный страх – Жаклин плохо переносила общество незнакомых людей. Но они с Джеком все дальше и дальше отходили друг от друга. Когда в августе 1956 года Жаклин родила мертвую девочку, Джон катался на яхте по Средиземному морю. Хотя он и бросился только узнал о трагедии, Жаклин все-таки не простила его. Осенью они расстались.

Но Джо прекрасно понимал, что разведенному в Белый дом не попасть. Он встретился с Джеком Бувье, и они договорились: Жаклин возвращается к мужу, а Джон будет внимательнее к жене и больше не заводит романов у нее на глазах. Жаклин подчинилась – говорят, что она еще получила неплохую материальную компенсацию. Она смирилась с загулами своего супруга, а чтобы развеяться, занялась шопингом, скупая дизайнерскую одежду и дорогие украшения чуть ли не оптовыми партиями. У внешности Жаклин были свои недостатки, но она прекрасно умела их скрывать: некрасивые кисти рук она прятала в элегантные перчатки, слишком большие ступни маскировала туфлями телесного цвета, а свою мальчишескую фигуру делала привлекательной с помощью тонких свитеров в круговую полоску. Свои переживания Жаклин – тонкая, ранимая, эмоциональная – научилась прятать под маской нейтральной доброжелательности.

27 ноября 1957 года у Жаклин и Джона родилась дочь Каролина. Об этом радостно протрубили все крупные газеты, и весь следующий год с их страниц не сходили фотографии счастливых родителей. Это была заслуга Джо: он прекрасно понимал пользу прессы и водил дружбу со всеми крупными

издателями и редакторами. Сенатор Кеннеди и его жена постепенно становились одной из самых известных семейных пар в США. Их называли «Джек и Джекки» – кстати, сама Жаклин терпеть не могла такое искажение своего имени…

Весной 1958 года Джон и Жаклин были приглашены на яхту «Кристина», принадлежавшую греческому миллионеру Аристотелю Онассису. Джона Онассис практически не заметил; а вот его жена запала впечатлительному греку в душу. «В этой леди есть что-то вызывающее», – сказал он одному из своих друзей. Однако после первой встречи пути Жаклин и Онассиса надолго разошлись…

В президентской кампании Джона Жаклин практически не участвовала. Мало кто верил, что Кеннеди удастся пройти в Белый дом: он были слишком молод, слишком легкомыслен и к тому же католик; по негласной традиции президентом США мог стать только протестант. Его противником был республиканец Ричард Никсон – сильно проигрывавший Джеку в обаянии, но гораздо талантливее как политик. Однако Джон выиграл выборы – с перевесом примерно в один голос на каждом избирательном участке страны. Он стал самым молодым президентом в истории США и единственным президентом-католиком.

Через две недели после победы на выборах, 25 ноября 1960 года, Жаклин родила сына, которого назвали Джон Ф. Кеннеди-младший.

Жаклин и раньше страдала от излишнего внимания журналистов, но теперь она почувствовала себя просто выставленной на всеобщее обозрение. Все в ней подвергалось тщательному обсуждению прессы, и Жаклин почувствовала необходимость в личном стилисте. Кеннеди заявили ей, что Первая леди должна проявлять патриотизм и не пользоваться услугами иностранцев; и Жаклин выбрала себе в помощь голливудского дизайнера Олега Кассини. Можно сказать, что Кассини был давно связан с Кеннеди: в 1946 году Джо отбил у Олега кинозвезду Джин Тирни. Впервые Кассини предложил свои услуги Жаклин еще в бытность ее женой сенатора, но тогда она вернула его эскизы как «слишком цыганские». Теперь Олег стал умнее. Он прекрасно помнил слова Жаклин: «Я не хочу, чтобы администрации Джека мешали истории из мира моды сенсационного характера; не хочу быть и Марией Антуанеттой 60-х годов». Он приехал к Жаклин прямо в больницу, чтобы обсудить ее наряд к инаугурации. Церемония должна была проходить 20 января 1961 года, и все дамы ожидались в мехах. В противовес им для Жаклин придумали гениально простой наряд: элегантное бежевое пальто и шляпка-таблетка от Хэлстона. Так родился ее

стиль: изысканность, рафинированная элегантность и непохожесть на других. Жаклин посылала Кассини придуманные ею эскизы и тщательно следила за тем, чтобы ее наряды не шли в тираж: «Позаботьтесь о том, чтобы никто не носил такой одежды, как я. Никому не следует заранее говорить о моих нарядах».

Вся Америка стала стремиться выглядеть, как она. Пастельные пальто А-силуэта, платья-футляры и платья-бюстье, брюки-капри и короткие жакеты, шляпы-таблетки и очки в толстой оправе – все это было навеки освящено именем Джекки Кеннеди. В то время, когда все женщины стремились, по примеру голливудских секс-богинь, быть белокурыми и пышногрудыми, Жаклин с гордостью продемонстрировала свою плоскую фигуру и короткие темные кудри. В 1960 году Жаклин назвали самой модной женщиной года, и с тех пор она навсегда стала образцом для подражания. В домах мод по всему миру манекенщицы стали перекрашиваться в черный цвет и делать прическу «а-ля Джекки», а она только удивлялась: «Какое отношение к моему мужу имеет стиль моей прически?»

Надо честно признать, что Жаклин не стремилась к роли жены Президента США и не была к ней готова. Она хотела заниматься только детьми и мужем, а ей приходилось посещать светские рауты и политические приемы. Ее привела в ужас мысль о переезде в Белый дом – он напоминал ей «подвалы Лубянки, обставленные мебелью с распродаж». Чтобы успокоить жену, Джек разрешил ей «перекрасить этот сарай» – и Жаклин с энтузиазмом занялась ремонтом Белого дома. Она полностью сменила все интерьеры, наполнив здание подлинным антиквариатом; с расходами Жаклин не считалась. Драпировки в ее спальне стоили 50$ за метр, шторы в комнате для приемов – 12500$, шелковые шторы из Франции – 25 тысяч, пара канделябров – 5 тысяч. За одну неделю Жаклин потратила весь годовой бюджет на ремонт Белого дома, но останавливаться не собиралась. Она убедила в необходимости реставрации не только Конгресс, но и многих частных лиц, которые стали жертвовать президентской резиденции ковры, посуду и картины. Из подарков, которым не хватило места в комнатах, был организован Национальный музей современного искусства. Всего за год Жаклин удалось превратить Белый дом в здание, достойное его великой истории, наполненное ценностями на 10 миллионов долларов, что она с гордостью и продемонстрировала всей стране в телевизионной экскурсии. После нее все американские хозяйки застелили столы в столовых цветными скатертями, как это сделала Джекки в Белом доме, и поставили в кухнях бамбуковые стулья, как у нее. По ее примеру жители США стали

интересоваться историей и культурой, гораздо чаще посещать выставки и театры, больше читать и слушать классическую музыку. Когда стало известно, что Жаклин познакомилась с Джоном, будучи фоторепортером, число женщин, увлекающихся фотографией, увеличилось в США в четыре раза!

Они стали настоящим символом новой Америки. Красивые, обаятельные, уверенные в себе президент и его супруга воплощали все мечты нации. Однако в их семье любви становилось все меньше и меньше. Жаклин по-прежнему занималась детьми и скупала километры парижских туалетов – большинство из них она так и не наденет. На наряды она тратила больше, чем получал ее муж в качестве президента. Четыре дня в неделю она обязательно проводила с детьми в загородном доме. За это Джекки обвиняли в пренебрежении ее обязанностями, но она говорила, что семья для нее важнее: «Стоит только начать заниматься политикой, и она захлестнет меня с головой. А тогда я не смогу уделять детям и мужу достаточно внимания».

Жаклин Кеннеди в Белом доме

Джон был только рад: пока жены не было дома, он мог спокойно развлекаться. Жаклин была равнодушна к тому, что Джон изменял ей направо и налево; самым громким из его романов был с голливудской «звездой» Мэрилин Монро, с которой он познакомился еще в 1954 году. Одному из журналистов, проводя его по Белому дому, Жаклин заметила: «А

вон там – две любовницы моего мужа». Обнаружив в своей постели чужое белье, она попросила вернуть его владелице: «Это не мой размер». И все же Джон был очень привязан к жене. При виде Жаклин у него загорались глаза. Когда президента попросили одним словом охарактеризовать свою жену, он не задумываясь выдохнул: «Фея!» Он безмерно гордился ее популярностью, ее вкусом, ее образованностью. Во время триумфального визита Кеннеди в Париж в 1962 году Шарль де Голль сказал: «Единственное, что я бы привез из США, – это миссис Кеннеди. Она слишком большая драгоценность даже для президента США», и Джон заметил: «Позвольте представиться. Я тот мужчина, что сопровождает Жаклин Кеннеди в Париже, и мне это очень нравится».

Очарованный де Голль преподнес Жаклин часы с бриллиантами за 4000$. Это был не единственный подобный подарок: президент Пакистана подарил ей колье за сто тысяч, император Эфиопии – леопардовое манто за 75 тысяч, король Марокко – пояс в драгоценных камнях, а принц Ливии – разных драгоценностей на пятьдесят тысяч. Всего Кеннеди получили подарков на два миллиона. В итоге Конгресс принял закон, согласно которому Президент и его семья не могут принимать подарков стоимостью выше 100 долларов.

Президент США и его Первая леди

Если Джона уважали, то его жену обожали. Пресса сделала из миссис Кеннеди всенародного кумира. И это при том, что она не любила фотографироваться, избегала давать интервью и была против того, чтобы снимали их детей. Однако она понимала, что Джону необходимы контакты с прессой; и когда она сама руководила съемками, фотографии получались великолепными. Каролина и Джон-Джон, как называли их сына, стали любимцами всей Америки. Жаклин делала все, чтобы у ее детей было нормальное детство: водила их в зоопарк, возила в Диснейленд, читала с ними книги и ходила на Хеллоуин в карнавальных

костюмах выпрашивать сладости. А в 1963 году она снова почувствовала, что беременна.

Сын Патрик родился 7 августа, на полтора месяца раньше срока. К Джекки срочно прилетели муж и сестра, прервавшая ради этого отдых на яхте Онассиса. Через день ребенок умер.

Впервые Джона Кеннеди видели плачущим. Когда он сообщил о смерти Патрика Жаклин, она сказала: «Единственное, что я не переживу, – это твоей смерти».

Покидая больницу, она просила врачей быть наготове – она собиралась вернуться через год, чтобы снова рожать.

Случившееся изменило отношения Джека и Джекки, сделав их намного ближе друг к другу. Джон, увидев, что жена никак не может справиться с депрессией, как мог пытался развлечь ее. Он призвал на помощь сестру Жаклин Ли. Она к этому времени уже давно развелась с Кэнфилдом и вышла замуж за польского князя Стаса Радзивилла; правда, и этот брак был не совсем удачным, и большую часть времени Ли проводила на яхте своего друга Аристотеля Онассиса. Она пригласила Жаклин присоединиться к ней.

Яхта «Кристина» была самым дорогим и самым комфортным судном в мире. Вместе с Жаклин на борту находились сын Ф.Д. Рузвельта с женой, Радзивиллы, княгиня Ирина Голицына с мужем; но Ари видел только Жаклин. Он не отходил от нее ни на шаг, советовался с нею по поводу отделки своего дома на принадлежавшем ему острове Скорпио, а на прощание преподнес ожерелье из рубинов и бриллиантов, которое можно было превратить в два браслета.

Джон впервые ревновал. Он наконец осознал, каким сокровищем была его жена. Когда она вернулась, он встречал ее в аэропорту, и с тех пор супруги практически не расставались. Все заметили, что не только Джон стал ближе к жене, но и Джекки стала относиться к мужу внимательнее и нежнее. Она без раздумий согласилась принять участие в его предвыборной кампании, и 21 ноября 1962 года они вылетели в Даллас, штат Техас. Там надо было урегулировать раскол в рядах Демократической партии. Перед вылетом Джон, прочитав местные газеты, сказал: «Мы едем в страну безумцев».

Джекки хотела закрытую машину: так ветер не растреплет прическу. Но Джон настоял на открытом автомобиле. Джекки села рядом с мужем на заднем сиденье. На ней был розовый костюм с синей отделкой от Шанель, который выбрал для нее Джон. На Элм-стрит, когда кортеж готовился к повороту,

прогремели два выстрела. Джон упал на колени жены, заливая ее кровью, а она в ужасе пыталась не дать его мозгам вытечь наружу. «Они убили моего мужа!» – закричала она…

В госпитале, куда привезли Кеннеди, она молилась у его тела, стоя на коленях в луже крови. В том же окровавленном костюме Джекки была и во время приведения к присяге Линдона Джонсона, и в самолете, возвращаясь в Белый дом. Она наотрез отказалась переодеться: «Пусть они видят, что они с нами сделали…»

Джекки сама разработала церемонию похорон на Арлингтонском кладбище, взяв за образец похороны Авраама Линкольна. Особое впечатление на всех произвел Джон-Джон, отдавший салют гробу отца. Джекки держалась стойко – раскисать она не имела права, ведь на нее равнялась вся страна…

Говорят, что одним из первых распоряжений Джонсона на посту президента было выселить Джекки из Белого дома к 9 часам утра. Всю ночь братья Джона уничтожали его личные документы, а Жаклин, плача, паковала вещи. Уезжая, она приказала прикрепить над камином в спальне табличку: «В этой комнате жил Джон Фицджеральд Кеннеди со своей женой Жаклин. Они прожили здесь два года, десять месяцев и два дня, с 20 января 1961 года по 22 ноября 1963 года».

Смерть Джона буквально раздавила Джекки. «Я – кровоточащая рана. Я полностью истощена. Моя жизнь кончена.

Иногда у меня не хватает сил, чтобы встать с кровати», – говорила она друзьям. Вместе с нею скорбела вся Америка. Такого шока, такого стыда нация не испытывала никогда. И если раньше Джекки любили, то теперь ее стали просто боготворить. Она стала «святой Джекки», национальным символом. Письма с соболезнованиями шли к ней мешками. Принц Марокко подарил ей дворец в Марракеше, чтобы она могла отдыхать там с детьми. Правительство США определило ей пенсию в 25 тысяч долларов ежегодно; еще двести тысяч в год она получала от наследства мужа. Когда ей не хватало денег, ее счета почитали за честь оплачивать богатейшие люди страны.

Жаклин поклялась, что отныне она будет жить в Вашингтоне, никогда не покинет надолго США и навсегда останется Кеннеди. Со временем она нарушит все три обещания.

После гибели Джона она постаралась отгородить свою семью от клана Кеннеди. С одной стороны, она всячески прививала своим детям любовь к отцу, рассказывала им о нем и приветствовала их общение с друзьями Джона, но с другой – ограничивала их участие в семейной жизни клана. Стараясь оградить их от излишнего внимания, она переехала с детьми в Нью-Йорк и всеми силами пыталась устроить им «нормальную» – спокойную и защищенную – жизнь. Дети оставались главным в жизни Джекки.

Жаклин с матерью на похоронах Джека

От горя Жаклин даже начала пить. Справиться с этим ей помогли друзья, особенно Аристотель Онассис, который заваливал Джекки драгоценностями. Но ближе всех к Джекки был брат Джона, Роберт Кеннеди, которого в семье звали Бобби. Он проводил с Джекки и ее детьми больше времени, чем с собственной семьей. А когда он принял решение баллотироваться на пост президента, Джекки всячески поддерживала его, ездила с ним по стране и даже позволила занять в избирательной кампании своих детей. Говорили, что у Бобби и Джекки даже был небольшой роман. У Бобби были все шансы стать президентом; он легко выиграл 4 июня 1968 года предварительные выборы в Калифорнии – и в тот же вечер был застрелен.

Жаклин пришла в ужас: «Если в этой стране убивают Кеннеди, то мои дети – самая вероятная мишень!», – и сразу же после похорон Бобби пригласила Ари Онассиса с дочерью провести выходные в ее доме. Онассис воплощал собой все то, к чему стремилась Джекки: богатство, надежность и заботу. Еще в мае она разговаривала с Бобби о возможности своего брака с Онассисом, но тогда его было решено отложить до выборов. Теперь же Джекки ничто не удерживало; смерть Бобби окончательно убедила Джекки в необходимости самой строить свою жизнь, без оглядки на Кеннеди и кого-либо еще. 17 сентября было объявлено о предстоящей свадьбе Жаклин Ли Кеннеди и Аристотеля Онассиса. На помолвку Ари преподнес Джекки кольцо с огромным рубином в окружении каратных бриллиантов за 1,25 миллиона долларов. Об условиях брачного договора публике не сообщалось: Жаклин получала три миллиона долларов, ее дети – по одному миллиону; за это Жаклин отказывалась от претензий на собственность мужа. Как потом писала Мария Каллас, оперная певица, которую Ари бросил ради Джекки после десяти лет любви, – в брачном контракте был и пункт, по которому Джекки могла не спать с мужем.

Америка почувствовала себя оскорбленной. Газеты пестрели заголовками: «Джекки вышла замуж за незаполненный чек», «Она больше не святая», «Джон Кеннеди умер во второй раз». На Джекки вылили ушаты грязи. Все, что раньше восхищало в ней, теперь вызывало раздражение и язвительную критику. Еще бы – их Джекки посмела спрыгнуть с возведенного для нее пьедестала, чтобы выйти замуж за толстого, некрасивого грека со скверной репутацией, старше ее на 23 года! Джекки Кеннеди стала для американцев Джекки О. Ее прямо обвиняли в том, что она выгодно продала себя международному пирату. «Он слишком мал ростом, слишком иностранец, слишком богат. И он – не Джек», – констатировала «Нью-Йорк Тайме».

Жаклин молчала. Ее поддержали Роза Кеннеди, мать Джона, и кардинал Кушинг. Благословение последнего было особенно важно – ведь Онассис был православным, к тому же разведенным.

Джеки О и Аристотель Онассис

Церемония бракосочетания состоялась на острове Скорпио 20 октября 1968 года. Было всего 22 гостя, включая мать и отчима Джекки, ее детей и детей Онассиса Александра и Кристину. И никого из Кеннеди. На Жаклин было бежевое кружевное платье от Валентино; даже без каблуков она была заметно выше Онассиса, который в мешковатом синем костюме с красным галстуком был похож на клоуна. В качестве свадебного подарка Джекки получила роскошный комплект из рубинов с бриллиантами и золотой браслет в виде головы барана.

Друзья и родственники Джекки одобрили их брак: они чувствовали, что с Онассисом она обретет то, чего ей больше всего не хватало, – спокойствие. А дети Онассиса приняли ее в штыки. «Прекрасная пара, – сказал Александр. – Мой отец больше всего любит громкие имена, а Джекки любит деньги».

Поначалу Ари был в восторге от своего приобретения. Он заваливал Джекки драгоценностями и закрывал глаза на ее огромные расходы. «Она столько страдала, пусть теперь покупает что хочет!» – говорил он. Только за первый год их брака Жаклин потратила больше 10 миллионов долларов, еще столько же получила в виде подарков. За раз она была способна оставить в магазине сто тысяч. Джекки скупала дизайнерские вещи буквально магазинами – и практически ничего из купленного даже ни разу не надевала. «Интересно, куда она все девает? Целыми днями я не вижу на ней ничего, кроме джинсов и свитера», – недоумевал Онассис.

Постепенно Ари стал уставать от жены, которая была для малообразованного жизнерадостного грека слишком занудной и правильной. Супруги в основном жили порознь: он на Скорпио, она – в Париже или Нью-Йорке. Отделавшись от постоянного контроля Кеннеди, она веселилась как могла. В вызывающих мини-юбках и тонких свитерах на голое тело она появлялась в лучших ночных клубах, привлекая всеобщее внимание. Папарацци делали состояния на ее фотографиях. Рон Галелла буквально преследовал Джекки, за что его даже привлекли к суду – его обязали держаться от Джекки подальше, но присудили компенсацию в 100 000$ за разбитую камеру. Фотограф Гарритано, прославившийся тем, что он смог снять Джекки голой на пляже, двадцать лет был вынужден скрывать свое авторство, опасаясь судебного преследования. «Хастлер», опубликовавший эти фотографии, заработал миллионы.

Выйдя замуж вторично, Джекки Кеннеди превратилась в Джекки О

А Онассис снова сошелся с Марией Каллас. Он начал втайне готовиться к разводу, о чем признался в январе 1973 года своему сыну. Однако через три недели Александр погиб в авиакатастрофе. Этого Онассис не перенес. У него обнаружили нервно-мышечное заболевание, от которого он скончался 15 марта 1975 года. Джекки в это время находилась в Нью-Йорке. Первое, что она сделала, узнав о его смерти, – позвонила

Валентино и заказала коллекцию траурных платьев. По завещанию Джекки получала 200 тысяч ежегодно и четверть недвижимости на Скорпио. Однако Кристина так хотела отделаться от Жаклин, что выплатила ей 26 миллионов долларов, только чтобы больше ничего о ней не слышать. В благодарность Жаклин выступила с заявлением: «Онассис спас меня в ту минуту, когда моя жизнь погружалась во мрак. Он ввел меня в мир, где можно найти счастье и любовь».

Овдовев вторично, Джекки словно очнулась. Теперь она могла вести ту жизнь, которую хотела, а не которую от нее ждали. В 46 лет она устроилась редактором в издательство «Викинг пресс» за 200 долларов в неделю, затем перешла в «Даблдей». Она занималась подготовкой к печати мемуаров и альбомов по искусству. Ее наибольшее достижение – договор с Майклом Джексоном на публикацию его автобиографии. Пресса восторгалась тем, что Джекки сама готовит себе кофе, работает в кабинете без окна и отвечает на множество писем – тысячи писали ей только затем, чтобы получить ее автограф. Жаклин была счастлива. К тому же наконец рядом с нею был по-настоящему любящий мужчина – Морис Темплсмен, фабрикант алмазных буров и владелец нескольких холдинговых компаний. Они познакомились в 1962 году, и вскоре Морис стал ее финансовым советником; благодаря ему ее состояние увеличилось вчетверо. Со временем он оставил жену и троих детей и переехал к Джекки. Жаклин обрела в нем опору, а он – заботливую и любящую жену. Свои отношения они не оформляли.

Она по-прежнему оставалась самой известной женщиной США

19 июля 1986 года Жаклин выдала замуж дочь. На Каролине было белое платье с отделкой в виде листьев клевера от Каролины Эррера, а на Джекки бледно-зеленый туалет от Валентно. На обеде она сказала: «Дети – это самое лучшее, что я сделала в жизни. Я стала тем, что есть, только потому, что стала матерью». Ее сын Джон-Джон стал одним из известнейших плейбоев США – его прославили романы с Мадонной и кинозвездой Дэрил Ханной.

В 1989 году она давала интервью журналисту Карлу Энтони Сперацце. В ответ на его фразу: «Если и была область, в которой Жаклин пользовалась большим влиянием, то это была мода», она со смехом добавила: «К моей большой досаде!» Как вспоминал Сперацца, Жаклин достаточно сдержанно относилась к необходимости быть одной из самых известных женщин в мире. В конце интервью она сказала: «Мне остается лишь надеяться, что люди поймут: эта голова умела не только носить шляпку».

Жаклин по-прежнему выглядела великолепно – и не только благодаря пластическим операциям. В последние годы своей

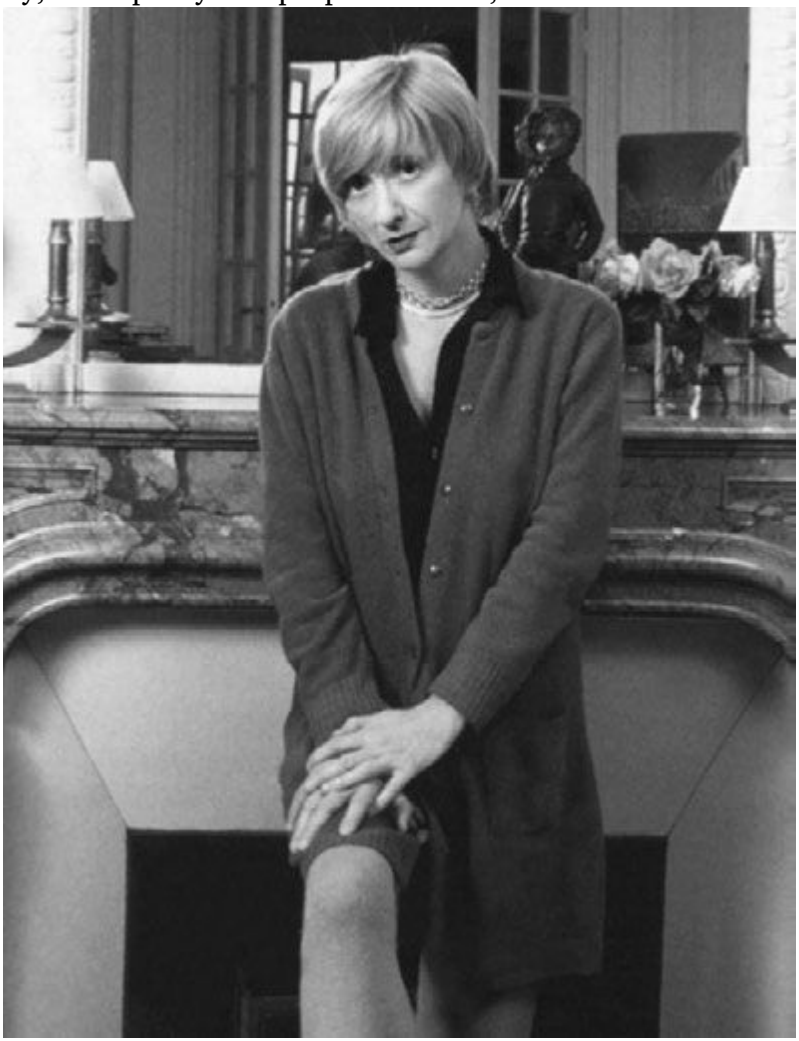
жизни Джекки снова сблизилась с семьей мужа, часто бывала в Мемориальном музее Кеннеди. Она жила либо в загородном поместье под Нью-Йорком, либо в Париже, коллекционировала антиквариат, посещала культурные мероприятия и занималась благотворительностью, поддерживая фонды по борьбе с онкозаболеваниями. В начале 1994 года у нее обнаружили рак лимфатической системы – по некоторым данным, он был вызван краской для волос, которой Джекки много лет закрашивала седину. Она умерла вечером 19 мая 1994 года в возрасте 64 лет.

Ее похоронили на Арлингтонском кладбище рядом с Джоном. На похоронах президент Билл Клинтон сказал: «Бог дал ей многое и возложил на нее тяжкую ношу. Она несла ее с достоинством, грацией и необычайным здравым смыслом».

Франсуаза Саган

ПРОЩАЙ, ГРУСТЬ

С середины 1950-х годов весь мир зачитывался романами Франсуазы Саган. До сих пор в литературно-интеллектуальной среде не знать творчества Саган – это преступление, сравнимое разве что с незнанием Сартра и Библии. По ее романам изучали женскую душу и мужское сердце, учились искать любовь и жить в одиночестве. Одиночество и любовь – две основные темы творчества Франсуазы Саган, две основные составляющие жизни каждого человека. Ее романы были близки каждому именно потому, что Франсуаза прекрасно знала, о чем писала.



Она родилась в семье богатого промышленника Поля Куареза и его жены Мари, профессиональной светской львицы, 21 июня 1935 года. Детство ее было обычным для обеспеченной французской буржуазной семьи: строгое воспитание, благопристойное поведение, минимум чувств и максимум послушания. Непоседливую девочку держали в ежовых рукавицах и частенько запирали в темной комнате, когда Франсуаза позволяла себе слишком громко веселиться. Потом был католический пансион, где воспитанницам в первую очередь прививали веру в Бога, хорошие манеры и светский лоск. Франсуаза задыхалась среди предписаний и надоевших правил, пока в 14 лет не прочла Жан-Поля Сартра. Его книги произвели на нее огромное впечатление – Франсуаза немедленно отбросила и веру в Бога (как и в любые чудеса), и хорошие манеры. Обнаружив, что она родилась в один день с Сартром, только на тридцать лет позже, юная Франсуаза сочла это знаком свыше – их судьбы схожи, их жизни слеплены по одному образцу… Все правила поведения, все буржуазные ценности, привитые ей в семье, были забыты в один день. И если мадам Куарез больше волновало то, что ее дочь не хочет вести себя как подобает богатой наследнице, желающей достойно выйти замуж, – Франсуаза не заботилась о своей внешности, не слушала советов матери и разговаривала с молодыми людьми не о погоде и последних премьерах в театре, а о Камю и Прусте, – то ее отец старался сохранить свои запасы виски и сигар, которые его дочь втихомолку растаскивала.

Франсуаза Куарез в детстве

Окончив школу, Франсуаза, чувствуя в себе непреодолимое стремление к литературе, поступила на филологический факультет Сорбонны – Парижского университета. Правда, мадемуазель Куарез на лекциях видели редко; большую часть времени она проводила в кафе и барах, где в компании богемных друзей пила виски и беседовала о литературе. Проводя дни в философских спорах, по ночам Франсуаза писала – в семнадцать лет она закончила повесть о радостях и разочарованиях плотской любви, хотя сама еще не познала ни того, ни другого. Единственным, кто знал о ее литературных попытках, был ее брат Жак.

Не сдав экзамена по английскому, Франсуаза вылетела из Сорбонны после первого же семестра. Оказавшись перед перспективой крупного семейного скандала, она набралась смелости и отослала рукопись своей повести «Здравствуй, грусть!» в крупное издательство, называвшееся по имени его владельца «Жюй-яр». Потом Франсуаза говорила, что ей просто повезло – она нарвалась на человека, у которого были и литературное чутье, и средства. Рене Жюйяр заинтересовался рукописью, но никак не мог поверить, что автором повести является семнадцатилетняя девушка, которая выглядит на пятнадцать и еще ни разу не целовалась. Слишком взрослым был текст, слишком реалистичным содержание, слишком глубок был философский подтекст. Автор убедительно говорил о том, что всеми человеческими поступками движут лишь любовь и одиночество: одиночество толкает на поиски своей половинки и приводит к зарождению любви; нежелание понять вновь приводит к одиночеству. Жюйяр долго колебался – то ли он напал на новую Жорж Санд, то ли на очередной розыгрыш кого-то из мэтров. Он специально попросил Франсуазу о встрече, и пред ним предстала худенькая, хрупкая девушка в растянутом свитере и неглаженой юбке; ее облик говорил о бедности и равнодушии, а не о богатстве и искушенности. Но когда она предъявила Жюй-яру три тетради черновиков, он понял, что перед ним – настоящий самородок, с большим литературным будущим и прекрасным коммерческим потенциалом. «Мы открыли талант, не уступающий величайшим писателям XIX века!» – скажет он позже.

Франсуаза Саган

Опасаясь очередного семейного скандала, Франсуаза не решилась поставить на титульном листе свою фамилию. Отныне она стала Франсуазой Саган – в память о принцессе Босон де Саган, героине из романа «В поисках утраченного времени» ее любимого Марселя Пруста. Одновременно с выходом книги была организована шумная рекламная кампания, где «Здравствуй, грусть!» представлялась читателям как прорыв в изображении

человеческих чувств. И это действительно был прорыв: за год книга разошлась только во Франции тиражом в 350 тысяч экземпляров, а во всем мире тираж превысил миллион. Повесть – предвестница сексуальной революции, грустный и усталый взгляд на человеческие взаимоотношения – стала настоящим событием, ее буквально рвали друг у друга из рук. Книга, где семнадцатилетняя девушка искренне рассказывает о том, как хорошо быть молодой и счастливой, как надо наслаждаться жизнью и как легко можно от этого заскучать, с финалом, который в традиционной для Франции католической литературе мог бы считаться аморальным, – это было так смело, так необычно и так свежо, что не могло пройти незамеченным.

Франсуаза получила невиданный по тем временам гонорар – сто тысяч долларов, а за права на экранизацию в Голливуде ей заплатили еще три миллиона франков. Растерянная Франсуаза спросила у отца, что ей делать с неожиданно свалившимся состоянием. Тот ответил: «Выброси их в окно или немедленно истрать, потому что деньги для тебя – опасная вещь». Он хорошо понимал свою дочь…

Франсуаза в одночасье превратилась в главную французскую знаменитость. Каждая газета считала своим долгом написать о ней статью, каждый устроитель модной вечеринки желал видеть Франсуазу среди гостей, каждый уважающий себя критик писал исследование о «феномене Саган». Ее приглашали на презентации и банкеты, в зарубежные турне и на загородные прогулки. Франсуазе эти светские мероприятия надоели еще в юности. Она с горечью жаловалась Жаку: «Знаешь, они думают, что я вещь. Таскают меня на свои презентации, словно я манекен в модном платье». Ее больше заботило, что скажут о ней ее друзья и критики. Но большинство критиков сходилось в одном: Франсуаза – не талант, ей повезло случайно написать одну хорошую (не такую уж хорошую, говорили некоторые) книгу, но ее стиль, где смешались цинизм и лиризм, скоро приестся, а самой Франсуазе никогда не написать ничего путного. Но книга сразу же стала символом времени; критик Жорж Унден писал, что роман Саган «отразил настроения и позицию молодого поколения, вступающего в жизнь после огромного потрясения, которое пережил мир в годы войны, когда рухнули прежние представления о Добре и Зле, прежние нравственные ценности, былые запреты и табу». Образ Сесиль, главной героини, получился настолько всеобъемлющим, что немедленно возник термин «поколение Саган».

Сама Саган в это время следовала совету своего отца. Устав от бесконечных интервью и фотосессий, она проводила время в

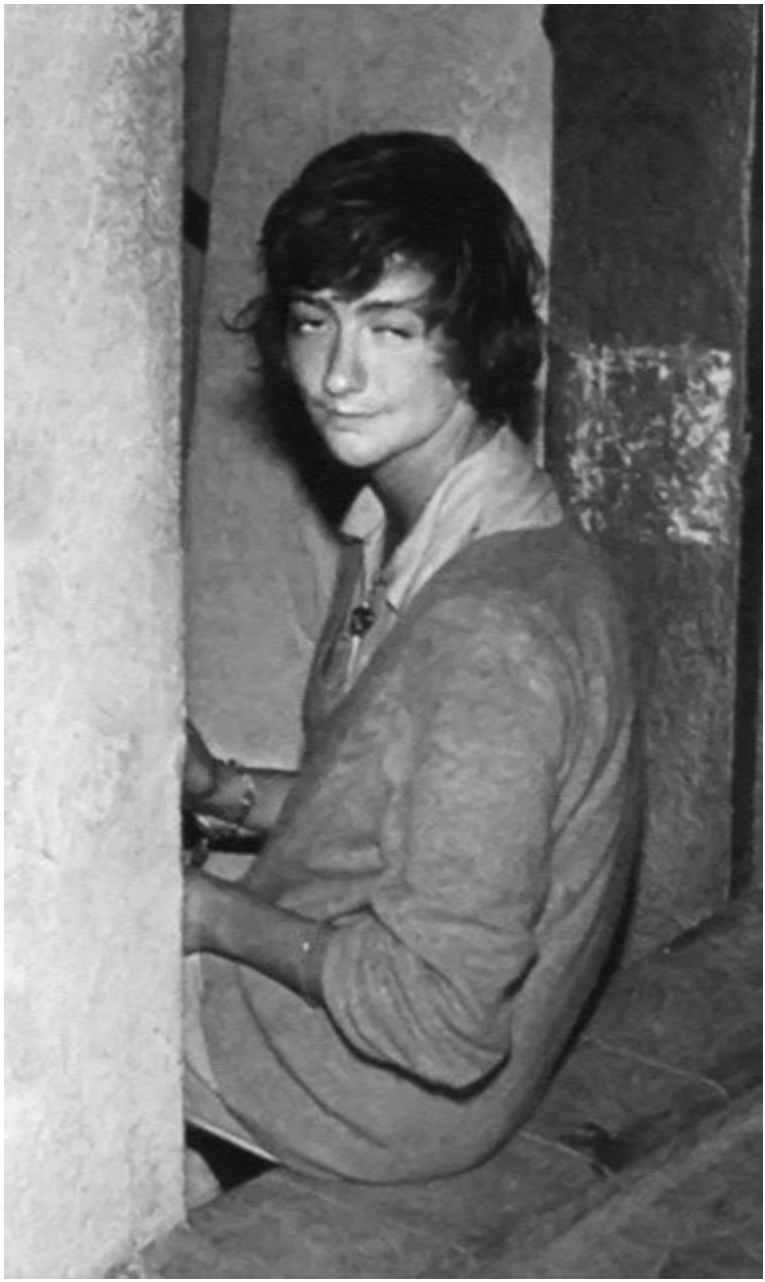
шумных гулянках в компании случайных друзей. Безумные вечеринки, оргии, шумные поездки по ночному Парижу Франсуазы и ее свиты – «банды Саган», состоящей из молодых бездельников, претендующих на интеллектуализм и знание жизни, – быстро стали притчей во языцех для всей Европы. У нее появились толпы поклонников, и Саган никогда не задумывалась, кто им нравится больше – она, ее слава или ее деньги. Франсуаза тратила деньги не задумываясь – она платила за всех в ресторанах и гостиницах, покупала дорогущую одежду и бриллианты, норковые шубы и дома. Франсуаза пристрастилась к рулетке и проигрывала огромные суммы в казино; второй ее страстью были спортивные автомобили – их она меняла чаще, чем нижнее белье, и каждая новая машина была дороже и быстрее предыдущей. Франсуаза носилась на предельной скорости, управляя автомашиной босиком, и нередко садилась за руль пьяной. Она пыталась убежать от самой себя – от того демона, который грыз ее изнутри: неужели она действительно не сможет больше написать ничего достойного? Неужели эти «друзья за деньги» и бесцеремонно любопытные журналисты – все, что у нее будет?

Саган подписывает свой первый роман «Здравствуй, грусть!»,

1954 г.

Наконец, Франсуаза решила, что нашла свою любовь. Жюй-яр отправил мадемуазель Саган в рекламное турне, и снимать подробности ее путешествия должен был известный фотограф Филипп Шарпантье, красавец двадцати четырех лет. На одном из приемов он пригласил Франсуазу танцевать – и она не захотела выходить из его объятий. Газеты, облизываясь, описывали страсть между писательницей и фотографом, Франсуаза с удовольствием и дерзкой наглостью позировала журналистам в только что накинутом халате, выходя из дверей гостиничного номера Филиппа. Но Филипп не любил литературу; как писательница Франсуаза его не интересовала, а как женщина – быстро надоела. По возвращении в Париж он тут же ее бросил. «Можно иметь тираж книги в полмиллиона, но стоит влюбиться в какое-нибудь ничтожество, как начинаешь страдать!» – с горечью заметила Саган.

Франсуаза впала в депрессию, которую, как и всегда, лечила виски, гулянками и письмом. Рядом уже не было брата Жака – он поссорился с ней, узнав о ее беспорядочных связях и разгульном поведении. Второй роман Саган «Смутная улыбка» получился намного мрачнее первого. «Значит ли это, что вы больше не верите в любовь?» – спрашивали журналисты. «Я просто не нашла еще своего принца», – отвечала Франсуаза. Она еще надеялась.



В апреле 1957 года Франсуаза, ведя машину в нетрезвом состоянии, на огромной скорости врезалась в дерево; машина перевернулась, Франсуаза переломала себе все кости. Врачи два месяца собирали ее по кусочкам; она должна была умереть, но, видно, ангел-хранитель, в которого она уже давно не верила, спас ее. Он спасет ее еще дважды: когда у Франсуазы найдут рак поджелудочной железы и когда она после трехнедельного

плеврита впадет в кому.

А в больницу ангел явился к Франсуазе в облике Ги Шоллера – директора одного из французских издательств. Ги, пронзенный жалостью и нежностью при виде забинтованной головы Франсуазы и ее огромных глаз, прямо в больнице предложил ей выйти за него замуж. Франсуаза посвятила ему свой третий роман «Через месяц, через год…» и 16 марта 1958 года стала его женой. Муж был на двадцать лет старше своей жены – и на целую жизнь мудрее.

Саган выписывается из госпиталя после автомобильной аварии, 1957 г.

Буйную натуру Франсуазы не укротили ни авария, ни замужество. Она по-прежнему продолжала носиться на бешеных скоростях, пить в компаниях друзей и гулять все ночи напролет. К тому же после лечения она пристрастилась к наркотикам. «Но только легким!» – оправдывалась она перед мужем. Ги терпел, говоря только: «Помни, главное – чтобы это не получило огласки!» Из Франсуазы и так заживо сделали икону; если ее поймают на наркотиках – будет скандал мирового масштаба, а он не хотел для своей жены – вздорной, взбалмошной, независимой и любимой – неприятностей. Но Франсуаза все решила сама. Как она вспоминала потом, в один прекрасный день она пришла домой – и увидела Ги, читающего на диване газету. Эта картина мгновенно вызвала в богатом воображении Франсуазы тысячи

подобных скучных вечеров, предстоящих ей в будущем; она пришла в ужас. Мадам Шоллер немедленно собрала чемоданы и сбежала – без объяснений и сожалений. Правда, ее мужа уход Франсуазы тоже не сильно огорчил – он уже порядком устал от ее выходок. «Если бы я увидела его несчастным, я бы, возможно, передумала, но…» – говорила потом Саган.

Через два года Саган снова вышла замуж – за американского актера-неудачника Боба Уэстхоффа, который в Париже пытался стать скульптором. Франсуаза искренне пыталась взять себя в руки и остепениться, стать порядочной женой, даже родила в 1962 году сына Дени – пообещав сама себе оставить игру в рулетку на пять лет. Но обещание Саган не сдержала: вскоре она снова зачастила в казино и рестораны, обожаемый Дени перешел на попечение нянь и гувернанток, а брак – через семь лет после свадьбы – был расторгнут. Боб тоже хотел развода – у него уже был роман с певицей Жюльетт Греко. В третий раз Саган выйдет замуж за итальянского мачо Массимо Гарджиа, но через пару месяцев она прогонит мужа прочь…

Франсуаза и Ги Шоллер в Нью-Йорке

Странности своего поведения Франсуаза однажды объяснила тем, что у нее есть русские корни. Это заявление не имеет под собой никакой реальной основы, но заинтересованная публика многое поняла: страстная французская кровь и загадочная славянская душа, слившись воедино, приводят к печальным последствиям: тяга к игре, как у Достоевского, кутежи, как у Тургенева, неустроенная личная жизнь, как у многих и многих русских классиков… Возможно, Франсуаза хотела всего лишь оправдаться; возможно, она хотела – хоть так – вписать свое имя между имен признанных мэтров, которых никогда не спрашивали, кто помогал им писать, когда они образумятся и на чем же закончится их везение…

Ее собственный печальный опыт и жизни людей из ее окружения предопределили характер ее последующих романов. Саган всегда писала только о тех, кого знала, – люди из «верхов», элита или богема, которые влюбляются, теряют, мучаются и скучают. Одна за другой выходили ее новые книги, стиль Саган совершенствовался, кристаллизовался. Литературоведы отмечали, что она отдает предпочтение классицистическому стилю Жана Расина – строгие формы, ясный и малоэмоциональный стиль. Подобно Расину, Саган частный любовный конфликт описывала как трагедию – в высоком литературном смысле этого слова, – тем самым придавая личной драме космические масштабы и всечеловеческую ценность. Принципы классицизма сказались и на композиции ее романов: минимальное число персонажей, отсутствие лишних сюжетных линий, ограниченность времени действия. Конфликт ее произведений не привязан к конкретному времени – это всегда истории вечные, как сама жизнь. И главный секрет художественного воздействия книг Саган, по мнению многих критиков, – это несоответствие между спокойной и медленной манерой изложения – и катастрофой, разражающейся в душах ее героев.

Франсуаза и Боб Уэстхофф

Мастерство писательницы росло, но критики и читатели принимали ее книги все хуже и хуже. «Бунтующему поколению» шестидесятых годов романы Саган казались устаревшими, страсти – наивными, цинизм – смешным. После вышедшей в 1959 году книги «Любите ли вы Брамса?» последовало долгое молчание. Саган пыталась использовать свой темперамент на добрые дела: протестовала против войны в Алжире и социальной несправедливости и едва не погибла, когда рядом с ее домом взорвалась бомба, заложенная правыми экстремистами. Но через десятилетие Франсуазу Саган снова потянуло к литературе. Роман «Немного солнца в холодной воде» вернул ей уже поблекшую славу; из случайно попавшей в писатели хулиганки – «прелестного маленького чудовища», как назвала Саган свою Сесиль и как критика называла саму Саган, – Франсуаза тут же превратилась в классика французской литературы. Ее даже – единственную женщину в мире – избрали в члены Французской академии. Правда, Саган и тут осталась верна себе: от предложенной ей чести войти в ряды «бессмертных» (официальный титул академиков) она отказалась под тем предлогом, что в Академии «чересчур скучно».

Пытаясь бороться с навязанным ей ярлыком автора романов «с претензией на интеллектуальность», Саган долгое время находилась в литературном поиске. Она пробовала разные жанры, написала несколько пьес. Все они были поставлены на сцене, и все они пользовались успехом; наибольший выпал на долю пьес «Сиреневое платье для Валентины» (1963) и «Лошадь в обмороке»

(1966). Театр всегда притягивал Франсуазу: «Театр – это какое-то безумие… Пьеса – игра, которая очень быстро перестает принадлежать тебе. Она выходит из-под контроля, ее персонажи – тоже. Движется тут все стремительно, и это – лишь игра ума». Возможно, в драматургию Саган привлекло то, что ее кумиром с детства была гениальная французская актриса Сара Бернар. Ее сумасбродность, свобода поведения и независимость от критики неудержимо привлекали Саган. Крупно выиграв в казино, Франсуаза даже купила дом в Нормандии, когда-то принадлежавший ее кумиру.

Крестины Цени Уэстхоффа, сына Саган, 1962 г.

Она даже, подобно Саре Бернар, решила попробовать себя в режиссуре. В театре «Edouard VII» она попыталась сама поставить одну из своих пьес – «Счастье, нечет и пас». Правда, из этого ничего не вышло. Артисты обожали ее, но ее указаний никто не слушал. Репетиции из работы над спектаклем превращались, при непременном участии и полном попустительстве самой Саган, в интеллектуальную болтовню на окололитературные и театральные темы. Если бы администрация театра не поспешила пригласить на место Франсуазы профессионального режиссера Клода Режи, на премьере показывать было бы нечего.

В восьмидесятые годы Саган практически отошла от литературы. Теперь ее больше занимали просто люди – точнее, избранные Богом люди. Ее парижский дом стал самым известным во Франции литературным салоном, где собирались не только

«сливки» интеллектуальной элиты, но и видные дипломаты. Наконец, Франсуаза познакомилась с кумиром своей юности Жан-Полем Сартром. В 1980 году она опубликовала открытое письмо Сартру, в котором назвала его самым умным и честным писателем своего времени. Они подружились – у них действительно оказалось много общего: одни интересы, одинаковый внутренний огонь – и даже общие забавы. Однажды Саган со смехом рассказала журналистам, что как-то столкнулась с Сартром в «доме свиданий» – каждый пришел туда со своим спутником, но за одним и тем же. Сартр и Саган часто видели вместе в ресторанах. Поскольку Сартр в последние годы был почти слеп, Саган резала ему мясо и выбирала куски хлеба.

Другим близким другом Саган был вождь французских социалистов Франсуа Миттеран, ставший затем президентом Франции. Их отношения были настолько близкими, что шли упорные слухи об их любовной связи. Саган не отрицала: «О, Франсуа! Это мой идеальный партнер и друг». В обществе Франсуазы Миттеран мог позволить себе редкую роскошь – отдохнуть, поболтать о пустяках или, наоборот, о высоких философских материях. Саган гордилась тем, что за все время их знакомства они ни разу не говорили о политике.

Франсуаза и Массимо Гарджиа

Правда, близость к правительственным кругам, – а следовательно, повышенное внимание властей и оппозиции, – сыграла и свою отрицательную роль. Едва Миттеран стал президентом, Франсуазу привлекли к суду по обвинению в распространении наркотиков. Решающим доказательством стали найденные у нее несколько граммов кокаина и текст нового романа Саган «Ангел-хранитель»: описание наркотических грез показалось блюстителям закона чересчур достоверным. Благодаря

влиянию Миттерана дело замяли, но Франсуаза тут же угодила в эпицентр нового скандала. Нефтяной магнат Андре Гельфи признался журналистам, что заплатил Саган крупную сумму за возможность использовать ее дружбу и влияние на Миттерана. Саган не отрицала: ей действительно все время требовались деньги. Удивительно, но обладательница чуть ли не самых крупных гонораров среди современников (по оценкам финансистов, Франсуаза Саган заработала на своих произведениях 260 миллионов евро) умудрилась просадить их до последнего цента. Учитывая «общественные заслуги» Франсуазы, суд приговорил ее к месяцу тюрьмы условно. Журналисты радовались – их любимая «плохая девочка» снова оказалась на первых страницах всех газет.

Последнее произведение Франсуазы Саган вышло в свет в 1991 году. К этому времени она опубликовала уже 22 романа, 2 сборника новелл, 7 пьес и 3 книги очерков. Теперь она выпустила небольшой роман «Давид и Бетштабе» – это коллекционное издание вышло тиражом всего лишь в 599 пронумерованных экземпляров, с прекрасными иллюстрациями, личной подписью автора и предисловием, написанным тогдашним премьер-министром Израиля Шимоном Пересом. История, основанная на жизнеописании библейского царя Давида, претендовала на

возведение Саган в разряд авторов, разрабатывающих архетипические сюжеты, – но роман так и не стал заметным событием в литературной жизни. «Бесспорно гениального» романа, который столько лет критики ждали от Франсуазы Саган, так и не получилось.

Последние годы своей жизни Саган уже не писала. Она вела уединенный образ жизни, проводя дни в компании трех собак. Единственным развлечением Франсуазы было подкармливать окрестных бездомных псов собственноручно приготовленной едой. На это уходили все деньги, остававшиеся у Франсуазы после покупки алкоголя и наркотиков, от которых Франсуаза отказаться не могла. Даже дом, в котором она жила, больше ей не принадлежал – остро нуждаясь в деньгах (и это при постоянно получаемых авторских отчислениях за переиздания книг и постановки ее пьес!), Саган продала его одной знакомой, которая из сострадания позволила Франсуазе остаться там жить.

Последний скандал вокруг Франсуазы Саган разгорелся в 1995 году – за употребление кокаина ее приговорили к огромному штрафу и тюремному заключению (правда, снова условному – спасибо возрасту и незабытым заслугам). Саган во всеуслышание возмущалась: «Во Франции ко мне относятся, как к маленькой преступнице. Я никогда не отрицала, что принимала наркотики. Но я взрослый человек и хочу иметь право разрушать себя, если мне того хочется».

Саган добилась своего. Разрушение закончилась 15 сентября 2004 года, за полгода до ее семидесятилетия. Она сделала все, чтобы ее сначала узнали во всех уголках земного шара, а потом забыли. «Счастье мимолетно и лживо, – признавалась она журналистам в последние годы жизни. – Зато печаль правдива. Ей можно верить». Пока есть печаль – нет одиночества, это Франсуаза Саган знала точно. С печалью и грустью она познакомилась лично, еще в бесшабашной и глупой юности, и никогда больше не смогла расстаться с ними, чтобы побыть одной.

Принцесса Диана

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПОД ПРИЦЕЛОМ ФОТОКАМЕР

Утром 28 июля 1981 года весь мир следил за тем, что происходило в лондонском соборе Святого Павла. Там, на глазах у одного миллиарда человек, сказка о Золушке становилась реальностью: наследник британского престола Его Королевское Высочество принц Чарльз Филип Артур Георг Виндзор, принц Уэльский, граф Честер, герцог Корнуолл, герцог Ротсей, граф Кэррик, барон Ренфру, принц Шотландии женился на воспитательнице детского сада Диане Спенсер. Невеста в сказочном платье со шлейфом делала свои первые шаги в качестве принцессы под объективами тысяч телекамер, под наблюдением миллионов глаз – и никто, включая ее саму, не мог тогда представить, что любопытные взгляды будут преследовать ее неотрывно всю жизнь, до самых последних секунд. Никто не мог представить, что сказка скоро станет драмой, закончится трагедией и превратится в легенду…

Юная невеста была, однако, далеко не так проста, как о ней любили писать сказочники-журналисты. Она происходила из древнего рода графов Спенсеров, одного из знатнейших в стране, происходившего от короля Чарльза Стюарта и связанного узами родства не только с английской королевской семьей, но и с половиной других царствовавших и правящих домов Европы вплоть до российских Рюриковичей. Она была третьей дочерью будущего восьмого графа Спенсера Эдварда Джона, виконта Элторпского, и его супруги Френсис Рут. Спенсеры служили английским королям уже десять поколений; Эдвард Спенсер был конюшим при дворе Георга VI, а затем при Елизавете II. Его теща, леди Фермой, была не только камер-фрейлиной королевы-матери, но и ее близкой подругой. Ее муж арендовал у короля Георга V поместье Парк-Хаус, находящееся на окраине королевской резиденции Сандрингем. После смерти лорда Фермоя поместье

перешло к семье его дочери. Именно здесь вечером 1 июля 1961 года родилась ее третья дочь, окрещенная Диана Френсис. В семье уже было две дочери, Сара и Джейн. А вскоре родился сын Чарльз.

Диана Френсис Спенсер, июль 1963 г.

Дети получили воспитание, типичное скорее для старой Англии, чем для середины XX века. Строгое расписание, няни, гувернантки, фазан на обед, долгие прогулки по парку, верховая езда… С лошадьми у Дианы не сложилось – в восемь лет она упала с лошади и сильно расшиблась; после трех месяцев лечения Диана навсегда разлюбила верховую езду.

По соседству, в замке Сандрингем, по традиции проводили летние каникулы младшие члены королевской семьи. Детей Спенсеров часто приглашали в Сандрингем на чай с принцами Эндрю и Эдвардом. Диана обожала такие чаепития; она вообще с детства любила светские рауты, наряды и балы. Обычно непослушная и не терпящая, когда что-нибудь делали с ее длинными волосами, перед выходами в свет юная Диана по нескольку раз заставляла перечесывать себя, добиваясь совершенства.

Однако скоро это идиллическое викторианское детство закончилось. Летом 1966 года Френсис Спенсер встретила бывшего морского офицера, а ныне торговца обоями Питера Шенда Кидда. Он был женат, имел троих детей и отличался необыкновенной способностью смешить людей – чем выгодно отличался от педантичного зануды Эдварда Спенсера. Став любовниками чуть ли не через неделю знакомства, они решили жить вместе. Леди Элторп с двумя младшими детьми переехала в Лондон, вернувшись в Парк-Хаус только чтобы отпраздновать Рождество. Однако после праздников Спенсер отказался отпустить с нею детей и подал на развод, настаивая на своей опеке над детьми.

Диана с младшим братом Чарльзом

Развод был длительным и тяжелым; леди Элторп обвинили в прелюбодействе, против нее выступила даже родная мать. Брак

был прекращен в апреле 1969 года, а через месяц Френсис Спенсер стала миссис Шенд Кидд. Дети остались с отцом. Особенно серьезно развод родителей подействовал на Диану: она замкнулась в себе, стала бояться появляться на людях… А своей няне она сказала: «Я никогда не выйду замуж без настоящей любви. Если нет полной уверенности в любви, может случиться, что придется развестись. А я никогда не хочу разводиться».

Вскоре Диану из обычной школы перевели в закрытый пансион Риддлесворт Холл в Норфолке, а затем в Вест-Хетт. В этой школе когда-то училась прабабушка принца Чарльза; Френсис Спенсер тоже окончила эту школу, а потом там учились все три ее дочери. Диана за время учебы отличалась в танцах – она серьезно занималась балетом, увлекалась степом – и в спорте – Диана замечательно плавала, играла в теннис, блистала в гандболе и получила приз за прыжки в воду. В комнате у Дианы висел портрет принца Чарльза – по правде говоря, такие же портреты висели тогда у половины молодых англичанок; Чарльз не только считался самым завидным женихом Европы, но и был признан одним из самых обаятельных и образованных мужчин Англии. Хотя подруги по школе всегда дразнили Диану, предрекая ей замужество с принцем Эндрю.

В 1975 году умер дед Дианы, граф Спенсер, и ее отец стал графом, она сама и ее сестры – леди, а семья переехала из Парк-Хауса в унаследованное родовое поместье Спенсеров Элторп в Нортенгептоншире. Вскоре новоиспеченный граф снова женился – на дочери писательницы Барбары Картленд Рейн, которая до того была женою одного из его друзей, графа Дартмута. Они поженились через два месяца после того, как Рейн получила развод от прежнего мужа – ситуация подозрительно напоминала то, что случилось со Спенсерами десять лет назад. Дети не приняли ее – им претили ее командирские замашки.

Видимо, напряжение в семье сказалось и на учебе Дианы. Она, доселе регулярно получавшая призы за прилежание и различные достижения, не смогла сдать экзамены за основной начальный курс даже со второй попытки…

Когда Диана в 1987 году вернулась – уже в качестве принцессы – в Вест-Хетт, чтобы открыть там новый спортивный зал, в своей речи она сказала: «Вопреки тому, что, возможно, обо мне думали мои учителя, я здесь, действительно, все-таки кое-чему научилась». Однако приобретенных знаний, не подкрепленных дипломом, оказалось недостаточно для продолжения образования. Последней попыткой Дианы получить образование было недолгое пребывание в швейцарском пансионе Эльпин Видеманет, откуда она вскоре сбежала. Незадолго перед

отъездом в Швейцарию Диана встретилась с принцем Чарльзом – он приезжал в Элторп на охоту. Диана нашла его «весьма забавным» – его безукоризненные манеры, переходившие в чопорность, показались Диане весьма старомодными.

Вернувшись в Лондон, Диана сначала жила у матери, ходила на курсы кулинарии и занятия балетом. А вскоре она – на полученное от прабабушки наследство – купила небольшую квартиру на Колгерн Корт. Подобно многим людям, у которых есть жилье, но нет денег, чтобы его содержать, Диана делила квартиру с подругами. Диана работала уборщицей, патронажной сестрой, сидела с детьми. Поняв, что стать балериной ей не удастся – ее высокий рост не оставлял ей никаких надежд, – она занималась танцами с детьми, а затем поступила на работу в детский сад «Молодая Англия». Работа с детьми нравилась ей больше всего.

Параллельно с работой Диана вела жизнь, обычную для молодой девушки – прогулки, вечеринки, поклонники… Диана обладала не только привлекательной внешностью, но и непреодолимым очарованием, искренностью и загадочностью; про окружавшую ее «ауру избранности» вспоминают все, с кем она тогда общалась. Молодые люди роем вились вокруг нее. Один из ее поклонников, выпускник Оксфорда Адам Рассел, перед отъездом в путешествие сделал ей предложение. Когда он вернулся, один из друзей сказал ему: «У тебя только один соперник – принц Уэльский».

Они снова встретились на охоте в Элторпе. Чарльз был уже сложившимся человеком, прекрасно образованным, с обаятельными, хоть и несколько старомодными манерами, прекрасно умевшим держать себя в руках – как потом окажется, его сдержанность переходила в замкнутость и холодность. Ему было 32 года, и он ухаживал за старшей сестрой Дианы – Сарой. Говорили, что он просил ее руки – но ему было отказано. Как бы то ни было, Чарльз обратил внимание на Диану – и весь вечер не отходил от нее. На следующий день он сказал одному из своих друзей: «Я нашел девушку, на которой собираюсь жениться». Вскоре они начали встречаться – совместные прогулки, автомобильные поездки… Как-то раз, когда они гуляли по берегу реки Ди в Балморале, их заснял репортер светской хроники. На следующий день Диана проснулась знаменитой: куда бы она ни пошла, ее всюду подстерегали фотографы. Один из них уговорил ее сняться у детского сада с ребенком на руках. Когда снимок опубликовали, разразился скандал: Диана стояла так, что солнце просвечивало сквозь ткань ее юбки, делая ее совершенно прозрачной. Диана была в ужасе: она и так еле справлялась с

нахлынувшей на нее популярностью – репортеры даже прозвали ее «робкая Ди», – а тут еще такое… Однако Чарльз успокоил ее: «Я, в общем-то, знал, что у тебя красивые ноги, – сказал он Диане, – но никак не ожидал, что они окажутся такими эффектными…»

Несмотря на всю свою застенчивость, Диана не рассказала журналистам ни одной подробности о своих отношениях с

Чарльзом. Конец всем слухам был положен 24 февраля 1981 года, когда было официально объявлено о помолвке принца Уэльского и леди Дианы Френсис Спенсер. На пресс-конференции Диана гордо демонстрировала журналистам подарок Чарльза: кольцо с огромным сапфиром в окружении бриллиантов.

Кажущаяся спешка объяснялась довольно просто. Елизавета II настаивала на том, чтобы принц женился как можно скорее. Дело было в том, что он был давно влюблен в Камиллу Паркер-Боулз. Они познакомились летом 1970 года, еще до ее свадьбы, но тогда Чарльз не успел сделать ей предложение, и она вышла замуж за генерала Эндрю Паркер-Боулза. Их роман тем не менее продолжался. Жениться на ней для наследника престола было недопустимо – брак с разведенной женщиной исключался; всего полвека назад Эдуард VIII поплатился за желание жениться на разведенной женщине своей короной. Чтобы пресечь проникающие в прессу слухи о привязанности принца, его следовало немедленно женить на подходящей девушке. Лучше всего англичанке – первая за триста лет англичанка на британском престоле должна понравиться нации, сильно упавшей духом после долгого экономического кризиса. Говорят, что именно Камилла порекомендовала Чарльзу обратить внимание на Диану Спенсер. Кандидатура была всесторонне рассмотрена, одобрена и рекомендована. Свадьба была назначена через пять месяцев.

После помолвки Диана переехала в Кларенс-Хаус – резиденцию королевы-матери. Немедленно начались приготовления к свадьбе. В строжайшей тайне было сшито подвенечное платье, которое за одно утро сделало знаменитым его создателя дизайнера Дэвида Эммануэля. Диана захотела романтичный наряд в стиле королевы Виктории, и Эммануэль

создал великолепный туалет из сорока метров шелка цвета слоновой кости, расшитый жемчугом и золотыми блестками, на кринолине, с многочисленными мягкими оборками и шлейфом длиной 25 футов. Кружева на платье были изготовлены в XIX веке, легкую фату придерживала тиара – фамильная драгоценность Спенсеров. По традиции, последние стежки были сделаны непосредственно перед тем, как невеста выехала из Кларенс-Хауса в собор Святого Павла.

На пути следования свадебной процессии стояло 650 тысяч человек. «Да», которое сказали жених и невеста, транслировалось динамиками на площадь перед собором. Поцелуй новобрачных был запечатлен тысячами камер и растиражирован потом на миллионах открыток. После свадебного завтрака в Букингемском дворце молодые выехали на вокзал Ватерлоо и уехали в Брондландс, где должен был начаться их медовый месяц. Как сказал архиепископ Рэнси, проводивший венчание: «Именно из таких событий и создаются сказки».

Свадьба Дианы и Чарльза стала главным событием десятилетия. 28 июня, 1989 г.

Однако для самой Дианы сказка закончилась довольно быстро. Уже через несколько дней после свадьбы ей стало ясно, что их брак не сложился. Впоследствии она признается, что день свадьбы был худшим в ее жизни, а сама она во время венчания чувствовала себя «ягненком, которого ведут на заклание». Одной из причин этого было то, что Чарльз признался ей в своих

чувствах к Камилле Паркер-Боулз; во время свадебной церемонии Диана все время пыталась высмотреть ее в толпе приглашенных. Такое признание для нее – влюбленной, романтичной девушки, которая больше всего на свете хотела иметь крепкую семью, – было жестоким ударом. Кроме того, молодожены были слишком разными, чтобы они могли даже просто ужиться вместе. Диана – искренняя, открытая, эмоциональная и чувствительная, была полной противоположностью сухому и чопорному Чарльзу, а жесткий регламент королевского двора, к которому привык Чарльз, был ей глубоко чужд – за время ее детства ей надоели навязанные другими порядки. Однако Диана прекрасно помнила развод своих родителей и поклялась себе сделать все, чтобы не допустить развода в своей семье.

С сыном, принцем Гарри

В медовый месяц чета принца и принцессы Уэльских посетила Гибралтар, Грецию, Египет, откуда вылетели в Шотландию. Затем они отправились в Уэльс, их титульные владения. Здесь, в Кардиффе, Диана произнесла свою первую в жизни публичную

речь, часть которой была на валлийском языке. Репортерам это так понравилось, что об ораторском триумфе молодой принцессы кричали все газеты. Это было началом той любви, которую Англия стала испытывать к своей принцессе.

Эта любовь достигла точки кипения, когда Диана родила сына – будущего наследника престола. Принц Уильям Артур Филип Луис родился 21 июля 1982 года. Через день счастливые родители уже позировали репортерам с новорожденным сыном на руках.

Диана была счастлива. Она не желала ни на минуту расставаться с сыном. Она настояла, чтобы во время их поездки по Австралии и Новой Зеландии маленький Вилли был с ними. Как оказалось, это был «ход конем»: повсюду внимание публики было неизменно приковано к Диане и Уильяму, а вовсе не к Чарльзу. Он пытался шутить по этому поводу, но его явно задевала та любовь, которую его подданные выражали его жене.

В феврале 1984 года было объявлено, что принц и принцесса ожидают второго ребенка. Чарльз мечтал о дочери; Диана до последнего не говорила ему, что ультразвук показал сына. Мальчика, который родился 15 сентября 1984 года, назвали Генри Чарльз Альберт Дэвид. Диана, с гордостью показывавшая новорожденного фотографам, светилась от счастья. Репортеры были так тронуты, что назвали Диану «идеалом материнства». Никто не знал, что Чарльз при виде младшего сына заявил: «Вот еще, мальчик! Да еще рыжий!» Это поставило в истории их брака большую жирную точку…

Диана и Чарльз

Вскоре пресса стала судачить о том, что принц возобновил отношения со своей давней подругой Камиллой Паркер-Боулз. Пресса была несколько не права: на самом деле отношения и не прерывались. Говорят, что Чарльз как-то заявил жене, что не собирается становиться единственным принцем Уэльским, у которого нет любовницы. Находясь на третьем месяце беременности, Диана подслушала любовный разговор мужа с Камиллой – и попыталась покончить с собой, бросившись с лестницы. По счастью, все обошлось и с нею, и с будущим ребенком. В течение следующих нескольких лет Диана еще несколько раз совершает попытки самоубийства. Она замыкается в себе, у нее начинается невроз, развивается булимия. Как потом призналась сама Диана, она взывала о помощи, но так и не получила ответа. Когда Диана попробовала пожаловаться на мужа королеве, та заметила: «Не знаю, что ты можешь сделать с Чарльзом. Он безнадежен».

Диана почувствовала себя заложницей своего положения. Сказав «да» Чарльзу, она тем самым согласилась на гораздо большее, чем просто быть его женой, о чем она так мечтала. Оказалось, что она должна теперь все время быть на людях, подчинять свою жизнь требованиям этикета, изменить свой характер в соответствии с принятыми во дворце нормами. А главное – она должна была соответствовать тому образу «счастливой Золушки», который создали ей журналисты. Народ видел в ней воплощенную сказку со счастливым концом, и поневоле ей приходилось подчиняться ему. «Они хотели видеть во мне принцессу из сказки, и чтобы все, к чему я прикасалась, превращалось в золото, и чтобы их тревоги забывались… – говорила Диана. – Мало кто понимал, как мучительно было думать, что я плохо подхожу для этого». Стеснительная, порывистая девушка не годилась на роль жены наследника и будущей королевы; и, к сожалению, никто во дворце не объяснил ей, что нужно делать, никто не помог ей стать такой, какой ее ожидали увидеть. По ночам после ссор с мужем она плакала, и Уильям подсовывал ей под дверь носовые платки. Стараясь вызвать ревность Чарльза и чтобы заполнить пустоту в душе, она заводит романы – сначала со своим телохранителем Барри Манаки, который был женат. Диана была даже готова бросить все ради того, чтобы просто жить с ним. Когда об этом узнали, Манаки немедленно был переведен от принцессы подальше. В 1987 году он погиб в автокатастрофе – как всегда считала Диана, его смерть была подстроена.

После Манаки Диана сошлась со своим инструктором по верховой езде Джеймсом Хьюиттом. Как это ни странно, но общаться с ним она начала по настоянию королевской семьи, где верховой езде издавна придавалось большое значение. Диана не только полюбила ездить верхом, но и влюбилась в Хьюитта. Роман продолжался пять лет – даже несмотря на то, что Хьюитта отправили в действующую армию во время войны в Персидском заливе. Диана искала не любви – она просто хотела спастись от одиночества…

Только со своими детьми Диана была счастлива. Она делала все, чтобы они не выросли похожими на своего отца, замкнутого, холодного и далекого от реальной жизни. С одной стороны, она старалась оградить сыновей от излишнего внимания прессы, с другой – делала все, чтобы у них было нормальное, счастливое детство. Уильям и Гарри посещали обычную школу, а не закрытый чопорный пансион, ездили вместе с матерью в Диснейленд и на загородные прогулки, ходили с нею в кино, стоя в очереди, как обычные дети, ели попкорн и гамбургеры из Макдоналдса. Диана разрешала им быть просто детьми, носить джинсы и простые футболки, играть со сверстниками на улице.

Пока они были маленькие, Диана старалась проводить с ними все свободное от официальных обязанностей время.

Диана с сыновьями

Обязанности принцессы состояли из двух частей: официальных, то есть присутствия на приемах и светских раутах, поездок по Великобритании и другим странам с представительскими миссиями, – и благотворительности, что в общем-то сводилось к тем же представительским функциям почетного председательства или вручению чеков на светских приемах под прицелами фотокамер. Однако Диана занялась благотворительностью всерьез – хотя она и признавалась, что начала эту деятельность от скуки, она тем не менее быстро поняла, что нашла свое призвание. В 1987 году мир обошла фотография, на которой принцесса обнимает больного СПИДом. Диана стала национальным покровителем фонда борьбы со СПИДом, а затем возглавила фонд борьбы с проказой. Она постоянно принимала участие в программах Международного Красного Креста, часто посещала больницы и детские приюты, зачастую инкогнито. У нее был редкий дар – она могла легко беседовать с любым человеком вне зависимости от его положения, возраста или религии; одно ее появление зачастую облегчало страдания больных. Диана нередко брала с собой своих

детей, стремясь привить им чувство сострадания к обездоленным. Недоброжелатели говорили, что королевская семья поручила Диане те сферы деятельности, которыми не желала заниматься сама. Принц Чарльз видел в занятиях жены лишь способ добиться популярности. Королевская семья косо смотрела на то, что наиболее заметным и влиятельным ее членом стала именно Диана, которая так плохо вписывалась в традиции и образ жизни королевского двора. Принимая Диану в семью, Виндзоры надеялись на то, что молодая принцесса поспособствует росту популярности монархии, но они не смогли смириться с тем, что в центре внимания оказались не они, а сама Диана. Ее красота и обаяние, готовность к общению привлекали внимание репортеров; имя Дианы не сходило с газетных страниц. Ее друзьями были известные спортсмены и кинозвезды, политики и религиозные деятели, от Элтона Джона и Тома Круза до матери Терезы и юной Даниэлы Стивенсон, девочки с врожденным пороком сердца.

Народ обожал свою принцессу. Каждое появление Дианы вызывало ажиотаж. За ней всюду ходили толпы, ее фотографии висели в каждом доме. Диана была повсеместно признана законодательницей мод – любой ее туалет тут же становился

образцом для подражания. Люди носили прическу «леди Ди», была создана ткань «принцесса Уэльская» и десерт «принцесса Диана», а жакет-спенсер, названный так в честь одного из предков Дианы, стал невероятно популярен. Английская пресса до сих пор с восторгом вспоминает некоторые ее наряды – например, темно-синее платье из шелка и бархата от Виктора Адельстай-на, в котором Диана была в 1985 году на приеме в Белом доме, или черное бархатное платье, в котором Диана была в Версале в 1994-м – тогда она вызвала восхищение у самого Пьера Кардена, который сказал: «До сих пор в Версале знали только короля-солнце. Теперь здесь появилась принцесса-солнце». У Дианы действительно был безупречный вкус. Ее стилем была изысканная элегантность и благородная простота. В обычной жизни она предпочитала спортивный стиль – блузы, свитера, джинсы от Армани и ветровки из универмага «Харродс», а на официальных приемах – костюмы от Шанель, вечерние платья от Александра Маккуина или Диора.

Диану любил весь мир – но не ее собственный муж. Пропасть между ними становилась все шире, а семейные скандалы – все громче. Королева даже была вынуждена обратиться к Чарльзу и Диане с официальным посланием с требованием примирения – но это была первая и последняя попытка их помирить. Букингемский дворец уже порядком устал от взбалмошной и неуравновешенной принцессы.

9 декабря 1992 года премьер-министр Джон Мейджор объявил на выступлении в парламенте, что принц и принцесса Уэльские отныне живут отдельно. Журналисты тут же кинулись за подробностями. Уже в январе была опубликована запись любовного телефонного разговора Чарльза и Камиллы, а после этого каждая уважающая себя газета считала своим долгом опубликовать материал о семейной жизни принца и принцессы. Каждый их шаг, как прошлый, так и настоящий, отслеживался репортерами. Страна узнала все подробности об отношениях Чарльза и Камиллы, а также обо всех любовниках Дианы. Возникшие после разъезда романы – с антикваром Оливье Хоаром и с известным регбистом Уиллом Карлингом – распались после того, как о них раструбили газеты; Карлингу даже пришлось со

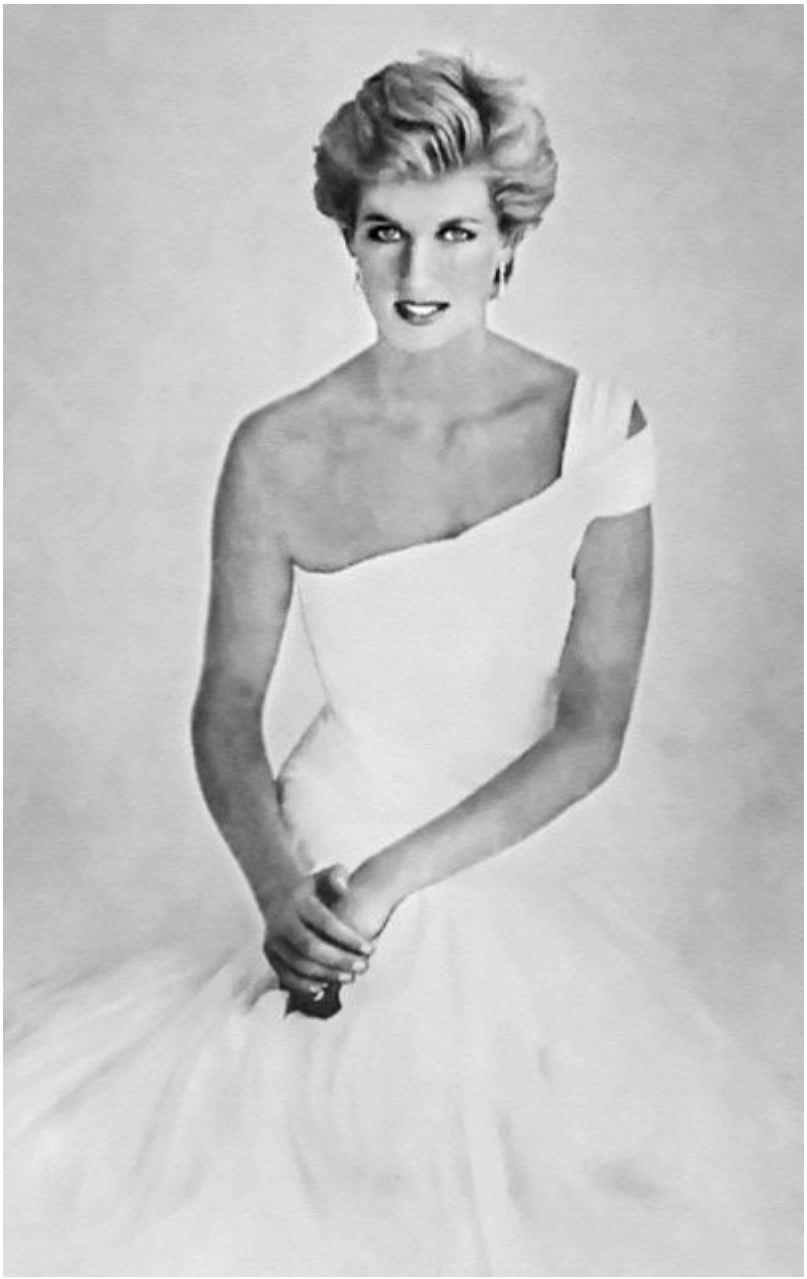
скандалом развестись. Нация разделилась: одни сочувствовали Чарльзу, который оставался верен своей единственной любви, другие – Диане, которая оказалась жертвой нелюбящего мужа и его семьи. В ноябре 1995 года в передаче «Панорама» Диана откровенно поведала всей стране о своем неудачном браке: «Нас там было трое, так что оказалось тесновато», – сказала она. «Я хотела бы стать королевой людских сердец, но я не представляю себя королевой этой страны».

Наконец в декабре 1995 года королева Елизавета, которая устала от журналистской вакханалии по поводу семейной жизни ее сына и его жены, направила Чарльзу официальное письмо с призывом к разводу. Через два месяца Диана согласилась на расторжение брака.

Диану и Чарльза развели 28 августа 1996 года. По договоренности с королевской семьей Диана получила 17,5 миллиона фунтов стерлингов и Кенсингтонский дворец в качестве официальной резиденции; она сохранила титул «принцессы Уэльской», но перестала быть «Ее королевским высочеством». Когда об этом узнал ее сын Уильям, он сказал матери: «Когда я стану королем, я верну вам титул».

То, чего так боялась Диана, свершилось – весь мир узнал о том, что сказка о Золушке лопнула, как мыльный пузырь.

Однако любовь к Диане не утихла – даже, наоборот, усилилась. Миллионы женщин увидели в ней родственную душу – ведь не секрет, что, когда женщина несчастна в личной жизни, она чаще всего считает, что вина лежит на ней. А когда они видели перед собой пример Дианы, красивой, богатой, умной, успешной во всем – и которой муж тем не менее предпочел женщину некрасивую и старше ее на тринадцать лет, – то они понимали, что никто не застрахован от одиночества и что с этим можно и нужно бороться. Диана стала настоящим идолом; у нее учились, ей подражали, ею вдохновлялись.



Между тем Диана снова влюбилась. Еще летом 1995 года она познакомилась с хирургом Хаснатом Ханом, пакистанцем по национальности. Утверждают, что Хан был самым сильным чувством принцессы после Чарльза. Она буквально преследовала его, не желая терять любимого человека из виду даже на полдня. После развода Диана надеялась на то, что Хан женится на ней; однако он настолько устал от того, что за ними по пятам следуют

журналисты, что расстался с Дианой.

Последней любовью Дианы называют египтянина Доди аль-Файеда, сына миллионера Мохаммеда аль-Файеда. Доди, известный плейбой, крутил романы с Брук Шилдс, Вайноной Райдер и принцессой Монакской Стефанией. С Дианой он познакомился еще в 1992 году, однако близкие отношения у них начались только пять лет спустя. Во время совместного отдыха принцессы и Доди на Средиземном море их сфотографировал папарацци – он получил за пленку три миллиона долларов, а снимки были опубликованы миллионными тиражами по всему миру. С этого момента за Дианой и Доди началась настоящая охота – каждую секунду за ними следили объективы фотокамер. Доди это невероятно раздражало; Диана уже успела к этому привыкнуть.

…31 августа 1997 года Доди и Диана провели в Париже. После ужина в отеле «Ритц» они сели в черный «Мерседес», который должен был отвезти их в парижский особняк аль-Файедов.

Несколько репортеров на мотоциклах кинулись следом. Пытаясь оторваться от преследователей, водитель «Мерседеса» увеличил скорость, и в туннеле под площадью Альма машина на полной скорости врезалась в опору. Доди и шофер погибли на месте; Диана умерла через несколько часов в госпитале Сальпетриер. Чарльз и сыновья вылетели к ней из Шотландии, но не успели… По мнению полиции, виновными в аварии были преследовавшие автомобиль мотоциклисты. Очевидцы утверждали, что фотографы не давали полицейским подойти к машине, стремясь сделать еще несколько кадров…

Похороны Дианы стали очередным поводом для скандала. Первоначально планировалось похоронить ее как частное лицо; только под давлением общественности было принято решение хоронить ее, как подобало принцессе Уэльской. Отпевание произошло в соборе Святого Павла. Похоронили Диану, согласно завещанию, в ее родовом поместье Элторп – на маленьком острове посреди озера. На похоронах королевский штандарт на гробе принцессы был заменен ее братом на семейный флаг; «Теперь она Спенсер», – сказал он.

Нация была убита горем. Весь мир погрузился в траур. Ради репортажей из тоннеля Альма были сняты с эфира важнейшие новости; даже смерть матери Терезы, к которой Диана относилась с огромным уважением, прошла практически незамеченной.

Когда скорбь поутихла, вокруг смерти Дианы снова стали бушевать страсти. Обстоятельства ее гибели вызывали много вопросов – говорили, что принцесса на момент смерти была

беременна; что они с Доди то ли собирались пожениться, то ли намеревались расстаться. Было опубликовано письмо Дианы, в котором она за десять месяцев до смерти обвиняет своего бывшего мужа в том, что он собирается подстроить ей автомобильную аварию. Мохаммед аль-Файед до сих пор убежден, что смерть его сына и Дианы была вовсе не случайной…

Довольно быстро стало понятно, что на имени покойной принцессы можно сделать большие деньги. Все, с кем она когда-то общалась, – ее слуги, телохранители, знакомые, врачи, мнимые и настоящие любовники, – тут же кинулись давать интервью и издавать воспоминания. Гардероб, драгоценности, личные вещи Дианы были распроданы; на продажу выставлено даже ее подвенечное платье – разрезанное на мелкие кусочки, по 25$ за четыре квадратных миллиметра. С аукциона ушел даже кусок ее свадебного пирога. Джеймс Хьюитт выставил на продажу ее письма – за 16 миллионов долларов… Лицо принцессы красуется на сувенирах, ее автограф стоит на обертке маргарина, куклы с ее лицом, одетые в копии известных туалетов принцессы, продаются во всех крупнейших магазинах по всему миру. После смерти Диана стала персонажем комиксов, порнофильмов, компьютерных игр и мюзикла…

9 апреля 2005 года в официальной истории принцессы Уэльской была поставлена последняя точка – ее бывший муж, принц Чарльз, сочетался браком со своей давней возлюбленной Камиллой Паркер-Боулз. Место Дианы занято.

Но ее место в сердцах людей всегда останется за нею. Диана до сих пор остается самой популярной женщиной Великобритании, до сих пор ее фотографии стоят в домах ее поклонников, а ее имя является одним из самых упоминаемых в прессе. Она стала первой «народной принцессой» – и осталась единственной Золушкой, которая смогла сделать сказку реальностью, а реальность – легендой…